

**Слова, поучения и речи с тремя опытами
внецерковных собеседований
протоиерей Михаил Херасков**

Слово в день Воздвижения Честного и Животворящего Креста (14-го сентября 1864 г.)

Любяй душу свою погубит ю, и ненавидяй душу свою в мире сем в животе вечнем сохранит ю. Аще кто Мне служит, Мне да последствует

(Утрен. Еванг. Ин.12:25–26)

В сих кратких, но знаменательных словах Спаситель наш выразил всю сущность христианской нравственности и обозначил самые отличительные черты своих последователей. Полнейшее самоотвержение, доходящее до ненависти к своей греховности, и всецелая любовь и преданность Господу Иисусу Христу, – вот что должно отличать всякого истинного христианина. То, что мы называем удобствами жизни, что делает веселою и приятною жизнь нашу, – все это мы должны считать ни во что – *в уметы Христа ради*; должны быть готовы без малейшего сожаления все это оставить и бросить, если бы того потребовал от нас Господь. Даже самые благие, по-видимому, начинания и помыслы свои, мы должны наперед проверять словом Божиим, и прилежно испытывать, согласны ли наши цели, планы и расчеты с волею Божиею, и так ли мы хотим повести дело, как заповедует Господь. Это решительное отречение от своего самолюбия и пристрастия к земным благам и есть та христианская *ненависть к душе своей в мире сем*, которая может *в живот вечный сохранить ее*; это и есть истинное служение Господу и последование за Ним. Но если, когда, то в особенности в нынешнее время, слово о самоотречении и самоотвержении – *слово крестное* кажется *юродством*. Если всегда плоть человеческая отрицалась от ига Христова и считала его неудобноносимым и даже невыносимым, то в наше время особенно громко стали вопиять о неприложимости христианства к жизни. Нередко доводится слышать и читать, что христианство, постоянно указывая человеку на небо, ничего не оставляет ему на земли, что, проповедуя равнодушие к земным благам, оно задерживает

будто бы естественное развитие гражданских обществ и проч. и проч... В настоящем слове своем мы и постараемся с одной стороны опровергнуть все эти лживые толки, обличающие крайнее непонимание истинного духа христианства, а с другой – разъяснить сущность христианского самоотвержения, его необходимость и спасительность.

Христианство будто бы ничего не оставляет человеку на земле. Это совершенно несправедливо. Припомните, что сказал Господь Бог, при сотворении человека. *И рече Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию, и да обладает рыбами морскими, и птицами небесными, [и зверьми,] и скотами, и всею землею, и всеми гады пресмыкающимися по земли* (Быт. 1:26). Итак, человек создан царем природы, и от самого Создателя получил право на обладание всеми богатствами земными. Право это на том и основано, что человек создан по образу Божию, по образу Творца природы – первого и безусловного ее обладателя. Хотя своим непослушанием и гордынею в Едеме мы помрачили в себе образ Божий, а с этим помрачением сократились и наши права на господствование и обладание землею; но все-таки хоть и в сокращенном виде они остались за нами. Ибо хотя мы пали, но не совершенно отпали от Бога; хотя затмили в себе образ Божий, но не исказили его совершенно. Притом, по бесконечной благодати к нам Создателя, мы уже не падшие только, ко искупленные создания, предназначенные для вечной славы и блаженства. Саму чувственную тварь и физическую природу Бог *подверг суете* – но выражению апостола Павла – *на уповании, яко и сама тварь свободится от работы истления в свободу славы чад Божиих* (Рим. 8:20, 21). Следовательно, что такое будет с христианской точки зрения всякое научное открытие, облегчающее тяжесть земного странствования человека, всякое улучшение даже в материальном быте его? Это есть шаг вперед к тому освобождению твари в свободу славы чад Божиих, о котором говорит Апостол; есть шаг вперед к тому блаженному состоянию, которое предстоит нам в будущей жизни. Вот почему благосостояние земное в священном писании так часто обещается как награда благочестивым людям за их

добродетели. Блажен муж бояйся Господа... сильно на земле будет семя его... слава и богатство в доме его! (Пс. 111:1–3). Блажени вси боящийся Господа, ходящии в путех Его; труды плодов Твоих снеси: блажен еси, и добро тебе будет. Жена твоя, яко лоза, плодovита в странах дому твоего. Сынове твои, яко новосаждения масличная, окрест трапезы твоея. Се тако благословится человек бояйся Господа! (Пс. 127:1–5). Итак, пусть не укоряют христианство, будто оно задерживает естественное развитие человеческих обществ! Вы видите, благочестивые слушатели, что напротив оно есть источник всякого, как духовного, так и вещественного преуспеяния. Много можно бы и еще сказать по сему предмету; но не сюда главным образом клонится наше слово. Обратим все наше внимание на слова Господа о самоотречении и происходящем отсюда равнодушии ко всему земному.

Любяй душу свою, погубит ю, и ненавидяй душу свою в мире сем в живот вечный сохранит ю (Ин.12:25). Но если стремление к улучшению своего быта, – так может спросить кто-нибудь, – основывающееся на врожденной человеку любви к себе и заботливости о своей жизни, не противоречит требованиям христианства; то к чему заповедь о самоотвержении? Можно ли в одно и тоже время любить себя, как позволяет слово Божие, и ненавидеть свою душу – как оно заповедует? Слова Господа о самоотвержении не содержат ни малейшего противоречия с тем, что вы сейчас слышали; они показывают только, что человек необыкновенно легко и скоро делается рабом чувственности; законные и дозволенные заботы о потребностях земной жизни, вместо того чтобы, по мысли Господней, помогать нравственному и духовному преуспеянию, большею частию обращаются в конечную цель жизни и не редко делают из человека грубейшее животное. Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше (Мф.6:21) – сказал Господь. И вот человек, ставя единственным и высочайшим своим сокровищем земное благосостояние, забывает о всем духовном, о своей душе, о своем назначении, о Боге, и вместо того, чтобы быть царем природы, благородным и благодарным обладателем Господних даров, делается презреннейшим рабом своих

страстей, и дары Божии обращает в источник разврата и нравственного огрубения. Так просто, скоро и незаметно это делается, что невольно приходят на мысль другие слова Господа: *аминь глаголю вам, яко неудобь богатый внидет в Царствие Небесное. Паки же глаголю вам: удобнее есть велбуду сквозе иглы уши проити, неже богату в Царствие Божие внити* (Мф. 19:23–24). Это от того, что своим едемским падением мы нарушили гармонию своих сил, так что для нас нет ничего труднее, как удержать равновесие между духом и телом. Вот почему борьба со страстями тела и вообще с чувственностью есть общий наш удел до последних минут нашего существования, и вот почему только путем христианского самоотвержения мы можем сохранить свободу духа. *Ненавидяй души своей в мире сем в живот вечный сохранит ю!* (Ин. 12:25) Значит какой долг, какая обязанность вытекает для нас, живущих в мире? Благодарно пользуясь плодами общественной жизни, которая так быстро идет вперед в наше время, и содействуя успехам ее всеми силами, какие кому Господь дал, мы должны твердо себе запомнить, что развитие обществ или, как говорят нынче, прогресс общественный не в том состоит, что нам легче делается жить на свете, что у нас больше становится средств весело и спокойно прожить на земле – нет, – при обычной нашей слабости душевной это может даже послужить к нашей гибели, – а в том, если мы идем вперед в деле нравственного самоусовершенствования как себя, так и ближних своих. Значит мы должны удвоить свою духовную бдительность, напрячь все свои нравственные силы, чтобы не увлечься общим потоком нашего чувственного и неверующего духа времени. Выходит, что чем труднее подвиг христианского самоотвержения в нынешнее время, тем он неизбежнее.

Остается теперь вопрос: в чем может и должен именно состоять для нас мирских людей подвиг самоотвержения христианского? Как именно мы можем, неся иго общественной жизни, нести в тоже время иго Христово?

Понятно и нет нужды доказывать, что самоотвержение христианское не требует непременно того, чтобы мы все

удалялись в пустыню, разрывали всякие связи с обществом и жили отшельниками; ибо кто в таком случае остался бы на служении общественном? Это даже не было бы полным самоотвержением, какого требует от нас Господь; потому что и в стенах монастыря можно быть миролюбцем, и в пустыне можно жить со страстями самолюбия. Нет – и живя в мире можно возненавидеть и душу свою вполне – по заповеди Спасителя; можно приобрести, хотя не вдруг, такую любовь к Господу, при которой и занятие делами земными будет чистой и приятной жертвой Господу Богу. Как достичь сего? Непрестанным памятованием о Господе. То есть, всякое свое дело мы должны делать во имя и ради Господа, с постоянною мыслию о своем долге, с постоянным желанием творить волю Господню – по Апостолу: *аще ясте, аще ли пиете, аще ли ино что творите, вся в славу Божию творите!* (1Кор. 10:31). Такое расположение сердечное будет сообщать нам – с одной и стороны необыкновенную энергию на поприще земного нашего делания, а с другой – и самым простым нашим делам будет придавать величайшую цену в глазах Божиих. Судил, напр., тебе Господь трудиться на поприще науки? Трудись со всем усердием, но главным образом старайся быть благодетельным светильником для людей, *сидящих во тьме и сени смертной* (Лк.1:79), и никогда не выпускай из виду единого чистого и обильного источника истины – слова Божия. Не допускай, чтобы разум твой уступал правительственную власть страстям и чувственности, иначе, в угоду им, он придумает различные остроумные и замысловатые теории, совершенно оправдывающие и узаконяющие животные стремления греховной плоти.

Судил тебе Господь трудиться на поприще гражданской деятельности? Самоотвержение христианское требует от тебя, чтобы ты был строгим блюстителем закона и не извращал произвольно его смысла, с целью, например, прикрыть неправду для каких-нибудь корыстных замыслов. Самоотвержение христианское требует, чтобы должность свою ты не обращал в несправедливый источник несправедливых прибытков, как бы ни были ограничены твои средства. От чего

все современные толки о долге и честности, о человеческом достоинстве, о равноправности всех пред лицом закона, – так и остаются большею частью одними только рассуждениями и толками, а в жизни продолжают существовать те же неправды, те же прижимки во имя закона и тоже подобострастие пред сильными и богатыми? Не от того ли, что на службу смотрят только, как на земное и временное дело, отправляют ее без всякой мысли о Господе правосудном и без всякого желания подражать правосудному Господу Богу!

Принадлежишь ли ты к званию, делающему куплю и продажу? Самоотвержение христианское требует от тебя, чтобы честность и совестливость христианскую ты ставил дороже всего, был бы чужд обмана и неправедной прибыли. А если Господь благословит тебя богатством, то ты в особенности можешь быть самоотверженным учеником и последователем Господа Спасителя – если, *не прилагая сердца к текущему богатству*, будешь *не в себя, а в Бога богатеть*, т.е. если будешь благотворителем сырых и бедных, если с готовностью будешь откликаться на всякое благое общественное предприятие и помогать всякому делу, служащему к созиданию частного и общественного благосостояния.

Наконец, просто ли ты частный человек и не несешь никакой общественной службы, – земледелец ты, или простой ремесленник? И в своем звании ты можешь быть подвижником христианским, и свое скромное делание можешь обратить в службу приятную Господу Богу. Каким образом? Если, удаляясь праздности и грубых пороков, честным трудом будешь снискивать себе пропитание, безропотно нести свою долю и, никому не завидуя, за все благодарить Господа Бога!

Так во всяком звании и роде жизни можно идти в след Господа и придти в блаженные обители Отца Небесного. Лишь бы было в нас главное для этого условие – желание идти за Господом, благая решимость убить в себе самолюбие и самоотверженно бороться с своею чувственностью. Чего да удостоит нас Господь Бог своею благодатию. Аминь.

Внецерковная беседа Священника с прихожанами о недостаточности для спасения одних внешних дел благочестия

В один из праздников церковных священник вместе с причтом ходил по домам своих прихожан со святою водою. Гулявшие по улице пестрые толпы крестьян при встрече с священником снимали шапки и благоговейно крестились на животворящий крест, бывший в руках священника. Пришли наконец в дом, принадлежавший одному почтенному и многосемейному прихожанину. Вся семья эта издавна пользовалась уважением и любовью своего священника за свое благочестие и усердие к церкви Божией. Хозяин дома считал непременно своею обязанностью всякий раз, когда причт ходил по праздникам со святою водою, приглашать своего батюшку на несколько минут *откушать хлеба соли* или, как он выражался, *побеседовать*. Священник охотно соглашался на эти беседы и, как умел, пользовался ими для назидания своих духовных чад. В настоящий раз он застал целое общество в доме уважаемого им прихожанина, потому что к нему собрались несколько соседних вхожих крестьян. По совершении молебна священник услышал обычное и ожидаемое – *хлеба соли откушать*, и на сей раз принял это приглашение с особенным удовольствием; потому что давно уже собирался побеседовать с своими прихожанами об одном очень важном предмете. Сначала разговор пошел о житейских и обыкновенных делах, потом коснулся того, как много нынче пожаров стало, и как часто скотские падежи бывают.

Знать прогневали мы, батюшка, Господа Бога грехами своими, – заметил по сему случаю хозяин. Не худо бы помолобствовать нам!

Хорошее это дело, друзья мои, – так начал священник. Только вот что плохо: не искренни мы как-то и не тверды бываем в своем благочестии. Стрясется над нами какая-нибудь беда, – мы как будто хватаемся за ум, готовы помолиться Богу и, по-видимому, начинаем каяться в грехах своих, а между тем

продолжаем жить по-прежнему, – по грешному. От того и Господь не приемлет нашего покаяния, не слышит почасту молитв наших и продолжает карать нас различными бедами. Даже и тем из вас, которые всегда имеют, по-видимому, страх Божий и ревнуют о благочестии, недостает весьма часто самого-то главного, чего именно и требует от нас Господь Бог.

Прихожанин. Научи же нас батюшка, как нам душу свою спасти и избежать гнева Божия.

Священник. Давно я хотел, друзья мои, поговорить с вами об этом предмете... И дело-то словно бы очень простое; как не знать, чего требует от нас Господь, и что надо делать, чтобы угодить Ему? А между тем, повторяю вам, весьма многие из вас насчет этого находятся в большом заблуждении. Дело в том, что вы иногда слишком легко думаете заслужить милость Божию и сделаться праведниками в очах Божиих. Отсчитает иной несколько, наприим., земных поклонов, – да и думает, что замолил какой-нибудь свой грех, зачастую очень тяжкий и важный. Другой чуть не смертным грехом считает прикоснуться даже к пище, не разрешенной в пост, – а слышишь – постоянно бранится и даже и дерется в своей семье. Особенно у женщин, я знаю, много своих особенных чрезвычайно легких средств задаром, так сказать, войти прямо в Царство Небесное. Иная, напр., думает, что стоит только читать по столько-то раз в день такую-то молитву, – и все грехи ее будут прощены. Другая уверяет, что кто такие-то и такие дни в году будет проводить в сухоядении, тот за это только непременно будет в Царствии Небесном. Третья подвешивает себе и детям на кресты разные ладонки с священными вещами, и думает, что в этом состоит самое верное средство избавиться от каких-либо бед. И вообще многие, и очень многие из вас, *оставляя вящшая в законе* (Мф.23:23), любят останавливаться на одних внешних делах благочестия, и думая идти по спасительному евангельскому пути, идут по опасному и гибельному пути фарисейскому. Мне хочется предостеречь вас от этого и научить истинному благочестию.

(*Слышатся голоса*): Много благодарны вашему благословию!... Душевно ради послушать ваших

наставлений!...

Священник. Вот Господь говорит, что *если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное (Мф. 5:20).* Знаете ли вы, что за народ такой были эти книжники и фарисеи?

Один из прихожан. Слыхали батюшка, про них часто упоминается в Евангелии.

Священник. Эти люди помногу постились, подолгу молились, и все словно бы такие хорошие дела делали. А между тем Господь как от язвы какой заразной предостерегал от них народ. Со всеми такой ласковый, кроткий и милостивый, даже с известными и явными грешниками, – Господь наш Иисус Христос приходил в негодование всякий раз, когда случалось ему встречаться и заговаривать с фарисеями. Он называл их лицемерами, слепыми вождями и глупыми, порождениями ехидны, гробами повапленными (раскрашенными), за что же? За то ли, что они постились, что Богу молились подолгу, что на храм много жертвовали?

Прихож. Как можно? вестимо, что не за это, должно быть!

Свящ. Точно – не за это. Это дело хорошее. А за то, что, при их видимом благочестии, душа у них была чернее, чем у всякого грешника. Потому-то, конечно, Господь и ставил их ниже всякого грешника, и так строг был к ним. Подумайте же теперь, как это можно и поститься, и молиться и милостыню творить, – и все-таки иметь черную душу?

Прихож. Объясните же это нам батюшка!

Свящ. Неправда ли, что при внимательном наблюдении над собою каждый из нас может заметить какую-то рознь между нашею душею и телом, даже больше – какую-то вражду и недружелюбие? За примерами нечего ходить далеко. Вот хоть бы это дело, про которое мы ведем теперь речь. Иной раз чем усерднее стараешься кланяться перед образом, тем сильнее душа рвется прочь, не хочет кланяться, а думает про свое, – либо про пустяки какие-нибудь, либо совсем про дурные дела. А то и на оборот бывает: среди самых святых наших помышлений о Боге и небе – вдруг, как нарочно, пробуждаются наши страсти

телесные и изо всех сил начинают тащить нас к земле и сквернить наши святые чувствования.

Прихож. Нечего греха таить, батюшка, и зачастую бывает так.

Свящ. Надобно вам сказать, что такое несогласие между нашим духом и телом завелось с тех пор, как мы вместе с праотцем нашим, Адамом, преслушали заповедь Божию в раю, и чрез это внесли грех в существо наше. С этих несчастных пор кончилось то согласие и любовь, с какими дух и тело наше служили вместе и повиновались Господу. Теперь, по слову Апостола, *плоть желает противного духу, а дух – противного плоти. Они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы (Гал. 5:17).* И не замечает этой внутренней борьбы в себе один разве тот, кто вовсе и не пробует жить мало-мальски по-христиански, а живет, как ему доведется, все равно что животное какое-нибудь. Понимаете ли вы меня?...

Прихож. Подлинно, батюшка, враг тогда и нападает, когда принимаешься за какое-нибудь святое дело.

Свящ. Вот от этой то разрозненности или раздвоенности нашей природы и случается нам попадать в страшный обман и самообольщение; а лукавый этим и пользуется. Душу держать в непрестанном подвиге несравненно труднее, чем тело, – вот мы и выбираем, что полегче. Согласитесь, что свечку поставить перед образом, класть земные поклоны, простоять несколько часов в церкви, прочесть по книжке или наизусть несколько молитв, уделить несколько копеек на нищую братию – все это еще не так трудное дело. Положим, что и это труд, но к нему так можно приучить себя, что он станет для нас самым обыкновенным делом; а мы и воображаем, что сделались уже истинными христианами, а, пожалуй, и подвижниками... А между тем – что в этом толку, если наша душа, не трудится над собой, когда к нашему сердцу доступны всякие греховные помыслы, нечистые пожелания и страсти? Не строим ли мы в этом случае здания на песке, и не разрушаем ли одной рукой то, что созидаем другой? Ведь Господу и нужна-то главным образом наша душа, та именно душа, которая ни хлеба не ест, ни в

землю поклониться не может, ни на колени стать, ибо она есть дух. *Даждь ми, Сыне, твое сердце* (Притч. 23:26), говорит каждому из нас Господь. И в другом месте: *всяцем хранением блюди твое сердце, от сих бо исходища живота* (Притч. 4:23). Так поймите, что одни внешние или телесные подвиги благочестия еще не составляют главного дела, потому что в них вовсе может не участвовать душа. Значит, мы должны как можно строже наблюдать над собою, не одним ли телом мы работаем Господу, и потому не трудимся ли понапрасну. А чтобы не ошибиться в этом случае, надо знать, чего прежде всего хочет Господь от нашей души и сердца, и что главным образом привлекает к нам благодать и милость Божию. Как вы думаете, чтобы это было такое?

Один из прихожан. (Подумавши). Мне приходят на мысль слова св. Писания, что *близ Господь сокрушенных сердцем, и смиренные* *О духом спасет* (Пс. 33:19).

Свящ. Ты это очень хорошо сказал. Вот иной трудится, трудится в самом деле, изнуряет плоть свою постом, кладет множество земных поклонов, ставит большие свечи пред иконами, и на языке у него все такие благочестивые речи, а все у него ничего не выходит, все холодна, суха и бесплодна остается у него душа. А иной ничего, по-видимому, особенного не делает, а только и знает, что мытаревым гласом из глубины души вопиет ко Господу: Боже, милостив буди мне грешному! Господи, прости и помилуй мя окаянного грешника! и теплые слезы льются у него из глаз, и тихим пламенем любви ко Господу горит вся его душа, и Господь приходит и обитель у него творит!...

Один прихожанин. (Тронутый). О батюшка! Нельзя не чувствовать, что вы настоящую истину говорите; продолжайте, продолжайте вразумлять нас!

Другой прихожанин. (В раздумьи). Но чего, кажись, проще смирения? Вот и все мы, батюшка, считаем и называем себя грешниками пред Богом. Это дело словно бы еще легче, чем на молитве стоять, или пост держать, и всякое другое дело делать?

Свящ. С виду бы оно и так, да не так на самом деле; нет, друг мой, истинное и настоящее смирение есть такой великий и высокий подвиг пред Богом, что ему долго и долго, до самого гроба, надо учиться. Ты правду говоришь, что не мудрено сказать языком: я грешник, Господи! Но тут вовсе и не в словах дело. Истинное смирение есть такое состояние души, когда человек ничего не знает отвратительнее греха, и ничего – лучше и сладостнее добродетели. Человек, стяжавший истинно сокрушенное и смиренное сердце, до того переполнен – с одной стороны чувством святости и величия Божия, а с другой – чувством живущего в нашей природе греха, что ему кажутся совершенно ничтожными и нестоящими никакого внимания его собственные какие-нибудь заслуги или добродетели. Кто не испытал этого чувства, тому трудно даже и дать о нем ясное понятие. Но вы возьмите в расчет святых угодников. Самые величайшие из них подвижники всегда сознавали себя самыми недостойными грешниками.

Прихож. Но может быть, они только так это говорили на словах, а в душе иное чувствовали?

Свящ. Это потому нам так кажется, что нам не случалось конечно так сильно искать Бога и так крепко любить Его, как они искали и любили. В потемках мы, конечно, можем не замечать на себе самих даже крупных, грязных пятен. Но чем ближе кто к огню или к свету, подобно тому, как праведники к Богу, тем лучше можно ему рассмотреть свою нечистоту или безобразие. Таким образом, живое чувство своей греховности, и потому смиренная и покаянная настроенность души перед Богом есть верный признак, что человек ходит во свете, стоит на настоящей дороге, и что истинно любит и ищет Господа, и тем сильнее любит, чем смиреннее и сокрушеннее себя чувствует. А потому и Господь всего ближе к сокрушенным и смиренным сердцем. Не случается ли и нам грешным испытывать это на себе? Едва успеешь иногда с искренним чувством произнести: Господи! помилуй меня грешного, – как сей час же затеплится в душе, – словно огонек какой, любовь к Господу: а иногда целую неделю говеешь и молишься, – и все нет ничего!

Прихож. (В размышлении). Это точно, что так... Но как же, батюшка, где вот ни почитаешь про св. отцов, везде написано, что они тоже и постились, и молились, но целым ночам, и милостыню творили, – и этим спаслись?

Свящ. Но при этом с какою чистотою сердечною, с каким глубоким смирением и сокрушением соединялись у них эти подвиги! О если бы наши посты, молитвы и другие благочестивые труды походили на те, которыми спаслись угодники Божии! Но с другой стороны – в житиях святых мы встречаем не мало и таких примеров, что самые высокие подвижники, много лет трудившиеся в посте, молитвах и бдениях, вдруг теряли всю цену своих трудов и падали в самые тяжкие грехи, как скоро позволяли себе горделивою мыслию останавливаться на своих подвигах. «Макарий! как много ты досаждаешь мне тем, что я никак не могу одолеть тебя! сказал однажды дьявол, встретив препод. Макария. Что делаешь ты, то и я делаю, еще больше нежели ты; ты постишься, а я никогда ничего не ем; ты бодрствуешь, а я никогда не сплю. Одно только есть в тебе, чем ты побеждаешь меня». Что это такое? спросил препод. Макарий. «Смирение – отвечал дьявол, и вот против чего я устоять не могу!» (Прим. благ. из жит. св. 1860 стр. 96). Вот это-то обстоятельство всегда держали в уме св. угодники, и потому хлопотали не столько о том, чтобы только, как можно поточнее, выполнить все предписанное уставом церковным, а о том, чтобы с корнем вырвать из души своей всякий грех, всякую похоть и всякую страсть. Но так как грех, можно сказать, насквозь проник нашу природу, то они до последнего предсмертного вздоха с глубоким сокрушением и смирением оплакивали свою нечистоту пред святейшим и чистейшим Господом Богом, хотя во всю свою жизнь только и делали, что вели самую упорную войну с живущим в нашей природе грехом. Посты, молитвы и бдения, и вообще все предписания церковного устава для них, служили только средством для победы над грехом, а отнюдь не целью. Здесь-то и открывается та огромная разница, которая весьма часто бывает между нашими поклонами, постами и молитвами, и между теми, которыми спасались св. угодники. У них эти

подвиги всегда проистекали из глубины души и были следствием непрестанного внутреннего подвига, – и потому всегда были для них спасительны. Между тем как наши поклоны, молитвы, свечи, посты и милостыни проистекают весьма нередко из одной привычки, обыкновения и приличия, и потому суть призрачные только подвиги и не приносят нам никакой пользы. Господь все-таки далек от нас, и мы в каждую минуту, при самом легком искушении, – способны бываем на самое дурное и гнусное дело.

(Слышатся вздохи). Ох, Господи Иисусе Христе!

Священ. От того то я и вижу у вас сплошь и рядом, что иной бы с виду и порядочный человек, усерден и к Церкви Божией, и говеет и молится и все делает, как следует по-христиански, а глядишь он же, этот же самый человек, такое вдруг сделает дело, что и не ожидать бы от него. Придет какой-нибудь праздник, он напьется до бесчувствия. Что-нибудь не так скажет жена или кто-нибудь из домашних, он начинает шуметь и драться. Представится удобный случай, – он готов прижать своего ближнего, обмануть и допустить самое бесчестное дело... Замолю – говорит – поставлю большую свечку, богатый вклад сделаю в церковь, – и Бог простит!... Несчастный! Господу Богу нужна не одна твоя свечка, не одни твои земные поклоны, не одни твои деньги. Вырви также из души своей любостяжание и гневливость, научись всех любить как братьев, приучи себя прощать обиды врагам твоим, а для сего стяжи смиренное и сокрушенное сердце. В противном случае противны будут Господу и поклоны твои, и свечка, и пожертвования. *Что вы зовете меня, Господи! Господи! и не исполняете того, что я говорю?* обращается Господь во всем подобным (Лк. 6:46). *Приближаются Мне людие сии усты своими и устнами своими почитают Мя, сердце же их далече отстоит от Мене: все же почитают мя! (Ис. 29:13). Поста и праздности, и новомесячий ваших, и праздников ваших ненавидит душа Моя... ктому не стерплю грехов ваших. Егда прострете руки [ваша] ко Мне, отвращу очи Мои от вас: и аще умножите моление, не услышу вас! (Ис. 1:14, 15)* Хорошо ли вы понимаете меня, к чему я клоню речь свою?...

(Несколько голосов вместе). Как не понимать, батюшка? Понимаем! *Один голос.* Молиться в церкви, – молись, и поститься – постись. Так заповедано. А все ты не спасешься, коли злобу, или зависть имеешь в душе против кого-нибудь.

Другой голос. А, пожалуй, и хлеба не ешь вовсе, а все ты грешником будешь перед Богом, ежели не стараешься очистить душу свою от скверных помыслов и дел.

Третий голос. Приятен Господу тот человек, кто исполняет все как следует по Церковному уставу, но Господь Бог требует, чтобы все это от души и от смиренного сердца у нас делалось, а не по одному обычаю или привычке. Душа ваша всего дороже перед Богом.

Свящ. Последний из вас лучше всех сказал, хоть и все вы, я вижу, поняли меня хорошо. Да не подумает кто-нибудь из вас, чтобы я унижал посты, стояние на молитве, земные поклоны, свечи и вообще все внешние дела христианского благочестия, – Боже меня сохрани от этого! Вот нынче тоже развелось много людей, которые говорят: зачем ходить в церковь, зачем на богомолье ходить, когда и дома можно помолиться? зачем кланяться в землю и ставить свечи, если я в душе хорошо помолюсь? К чему посты, когда от них, пожалуй, еще заболеть можно? Все эти люди говорят ложь, и только себя обманывают. По опыту замечено, что кто небрежет о соблюдении уставов Церкви и внешних обрядов христианских, тот бывает всегда небрежен и холоден и к самому христианству. Нет, други мои, Господу весьма может быть приятна и свечка, которую мы ставим пред иконою, и наши земные поклоны, и наши посты, и молитвы, которые мы читаем по книжке или наизусть. Все это может даже и самую душу нашу согревать и настраивать на христианский дух. *Приблизь ко Господу дела твоя, и утвердятся помышления твоя,* говорит премудрый (Притч. 16:3). Но это только тогда, когда мы не ограничиваемся одними этими внешними делами благочестия, и не о том только хлопчем, чтобы простоять положенные часы в церкви, чтобы отгоспеть несколько недель и отсчитать несколько поклонов, а о том, чтобы в непрестанной чистоте держать душу свою, и в умилении покаянного и смиренного духа вопиять к Богу:

утверди Господи на камени заповедей твоих подвигшееся сердце наше! В противном случае мы впадаем в фарисейство, и не чем иным делаемся, как ханжами и святошами. Противны эти существа и добрым людям, а Богу еще противнее. Простой и обыкновенный грешник скорее может сознать вину свою и заплакать перед Господом Петровыми слезами покаяния; а фарисействующий ханжа и святоша всегда горд и черств душою, и потому совершенно удален от Бога. От того-то Господь так и не любил фарисеев, тогда как прощал и миловал самых тяжких грешников. Вот от сей-то опасности мне и хочется предостеречь вас.

Прихож. Благодарим вас покорно, батюшка! дай нам Бог вашими святыми молитвами сделаться настоящими христианами, не по наружности только, а и в душе!

Свящ. Сделаю вам еще одно предостережение. Вот, я знаю, наши раскольники любят хвалиться своим наружным благочестием и строгим исполнением всего, что относится к обрядности и внешности церковной. Показывают свои древние и разукрашенные иконы, ездят иногда по селам и деревням с своими старинными книгами, и так. обр. нередко совращают легковверных на свою сторону. Не прельщайтесь, и другим внушайте не прельщаться обманчивым раскольническим благочестием. Не все то золото, что блестит. Вы уже понимаете, что спасение в жизни по духу Иисуса Христа. А этот дух можно найти только в одной Православной Церкви, в ее спасительном учении в ее богомудрых правилах и в ее божественных таинствах. Згляните-ка вы во внутренние вертепы раскольнические! там часто делаются такие дела, о них же срамно есть и глаголати (Еф. 5:12). Поистине к нашим раскольникам относятся слова нашего Спасителя, что они *очищают внешность чаш и блюд, между тем как оставляют важнейшее в законе* (Мф. 23:23, 25). Не отлучайтесь же от матери своей – Православной Церкви, и ревнуйте об истинном благочестии. Благословение Господне да будет над вами! Прощайте.

Поучение к воспитанницам Владимирского Училища девиц духовного звания, в день Введения во храм Пресвятой Богородицы (21 нояб. 1865 г.)

Сегодня, дети, у вас два великих праздника. Один праздник торжествует вместе с вами и вся Св. Церковь вспоминая славное Введение во Храм Пресв. Богородицы, другой праздник – собственно ваш, поскольку, приобщась ныне тела и крови Христовой, вы сами соделались живыми храмами Господу Богу – по Его непреложному обещанию: *ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь – пребывает во Мне, и Я в нем (Ин. 6:56)*. Приветствуя вас с настоящим светлым днем, я хочу, хотя и вкратце, привести вам на память несколько трогательных и поучительных обстоятельств из жизни Пресв. Богородицы, которые воспоминает ныне св. Церковь и которые имеют весьма близкое приложение к вам.

По всей вероятности, вам уже известно, хотя несколько, как случилось самое введение во храм Пресв. Богородицы. Посему я не стану вам рассказывать сего подробно.

Думаю, что вы слышали, как св. родители Пресв. Богородицы, давши обет посвятить Ее Господу Богу, – едва минуло Ей три года от рождения, – решились вовсе удалить Ее от житейской суеты и поселить на всегдашнее житье при свящ. храме Иерусалимском; дабы там Она – под надзором первосвящ. Божия – воспиталась на глазах, так сказать, самого Господа. Слыхали вы, конечно, и о том, что когда трилетствующая св. Дева Мария, в сопровождении всех своих Назаретских родственников, знакомых и еще нарочито приглашенной на ее проводы толпы отроковиц, когда, говорю, приблизилась Она к Иерусалимскому храму и поставлена была своими родителями на первой ступени храма, – то вдруг, подкрепляемая невидимою силою Божиею, весьма быстро стала восходить со ступени на ступень, как будто была уже совершеннолетняя. Знаете вы без сомнения и о том, что

вышедший и навстречу Пречистой Деве со всеми Иерусалимскими священниками – первосвященник Захария ввел пренепорочную Отроковицу – по внушению Духа Божия – в самую священную часть храма, за вторую завесу – во святая святых, куда не только женскому полу, но и священникам входить воспрещалось. Всего сего подробно не рассказываю; но обратите внимание на то, как жила и воспитывалась Мать Божия в Иерусалиме.

Поселившись для всегдашнего жительства в особой девической обители при Соломоновом храме, Она отдана была под присмотр нарочито приставленным к Ней взрослым девицам, в писании и рукоделии искусным. Быстро приходила она от силы в силу. С возрастанием и укреплением тела, росли и умножались в Ней дары духовные. Удаленная от всех соблазнов мира, непрерывно упражняясь в молитве и чтении слова Божия, Она скоро стала приводить всех в изумление своими небесными качествами, – своим глубочайшим смирением и кротостию, ангельским терпением и послушанием, всеобъемлющею любовью и обходительностию, непрестанным богомыслием и благоговеинством. В свободное от молитвы время Она со всем усердием занималась изучением разных рукоделий, приличных ее полу, пряла лен и волну и упражнялась в шелковом швении. В особенности же любила заниматься теми рукодельями, которые как-нибудь могли быть пригодными для священников в церковном служении. Известно, что и Господь Иисус Христос носил на Себе нешвенный хитон, приготовленный руками Своей Пречистой Матери. Ангелы Божии стали видимо служить Ей, беседовать с Нею и приносить даже пищу, как нередко с благоговейным трепетом и ужасом примечал первосвященник Захария во внутреннем святилище, где св. Дева имела обычай совершать свои святейшие и незримые для мира молитвы. По преданию – пречистая Дева от утра до 3-го часа дня была на молитве; от 3-го часа до 9-го Она упражнялась в рукоделии, или чтении книг; от 9-го часа Она снова начинала свою молитву, пока не являлся Ей Ангел, из рук которого Она получала обыкновенно пищу. Таким образом между молитвою, чтением и рукоделием проходило почти все

время Божественной Отроковицы. И так жила Она до двенадцати лет в Иерусалиме при священном храме Соломоновом, все выше и выше восходя по Лестнице добродетелей, пока наконец Господь Бог не позвал Ее к высшему званию, и не соделал Своею Материю!...

Дети! сами вы можете видеть, как много есть сходного между вашим теперешним положением и жизнью в здешнем училище – и между тем положением, в котором находилась и Мать Божия в отроческие годы Своей земной жизни. Вот, вы собраны сюда – в сие училище, как будто бы в ту девическую обитель при храме Соломоновом, в которой жила и воспитывалась св. Дева; вот и для вас, в самом жилище вашем, устроен храм Божий, в котором невидимо присутствует Сам Господь и Его Ангелы; вот и вас ежедневно упражняют в разумении заповедей Божиих, в изучении разных полезных наук и необходимых для вашего пола искусств; вот и из вас хотят сделать со временем богобоязненных, благочестивых и образованных рабынь Божиих, во славу имени Христова, родителям на утешение, Церкви и отечеству на пользу. Как все это должно быть для вас приятно и отрадно! Как все это должно побуждать вас к подражанию Пресвятой Богородице! Употребляйте же все свои усилия, чтобы жить и поступать так, как жила и поступала Пресвятая Богородица. Будьте, как Она, тихи и послушны, скромны и покорны всем своим руководителям и воспитателям, и глав. образом своей начальнице. Это привлечет к вам милость Божию и любовь Матери Божией; потому что Сама Она была тиха, скромна и покорна. Напротив, упрямство и непослушание, раздражительность и желание поставить на своем – всего неприятнее для Матери Божией; ибо это показывает дурное сердце и гордую душу. Между собою должна быть у вас одна только любовь, ласковость и снисходительность. Недоброжелательства какого-нибудь, хвастливости, желания унижить других – чтобы себя выставить выше других, – у вас не должно быть и духу; это вовсе неприлично христианам, тем паче духовным воспитанницам. Лучше гораздо, и Мать Божия этого хочет, чтобы вы все общими силами – не завидуя, а

помогая друг другу, учились, как можно, прилежнее, слушали внимательнее, что говорят вам учителя в классе, и все свое старание прилагали, чтобы скорее и лучше перенять разные искусства и рукоделия, которым вас хотят здесь научить, и которые так необходимы для вас будут в жизни. А для того, чтобы все это было так, т. е. чтобы вам быть скромными и послушными, между собою ласковыми и любящими, к наукам прилежными и понятливыми, – для сего как можно чаще и усерднее обращайтесь с своими молитвами в Пресвятой Богородице. Она милостивая и скорая помощница на всякое дело благое... И не только – когда вы находитесь здесь в церкви на молитве, но и всегда, – и за уроками, и за работами своими вы можете молиться Пресвятой Богородице. Только подумайте об Ней, вспомните Ее, – Она уж поймет вас, и не оставит Своей благодатию. Сподобившись сегодня быть причастниками пречистого Тела и Крови Христовой, вы получили самый несомненный залог милости в вам Божией и благоволения Царицы Небесной. О, если бы навсегда сберечь вам сей залог! О, если б вы решились всеми силами сохранять ту чистоту и непорочность сердечную, какую обещали Господу Богу и Пречистой Его Матери, приступая к Св. Тайнам! Да поможет вам в сем великом деле Царица Небесная. Аминь.

Слово в день Сретения Господня (2 февр. 1866 г.)

Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром (Лк. 2:29)

Так прощаются с землею люди Божии. С таким благодушием и радостью идут они на встречу грозному часу смертному. Св. Симеон Богоприимец, удостоившись приять в свои старческие объятия Того, к Кому стремилась всю жизнь его и душа, не хочет больше оставаться на этой грешной земле и не просит отсрочки назначенного ему жребия. *Бе ему обещано Духом Святым, не видети смерти, прежде даже не видит Христа Господня (Лк. 2:26).* И вот, увидевши Христа Господня, он ничего больше не желает на земле, а с светлою верою и надеждою готовится перейти в загробную жизнь. *Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром (Лк. 2:29),* – вдохновенно восклицает он, взирая на Богомладенца, лежащего на святых руках его. Как-то Бог приведет нам, благоч. слушатели, расстаться с сей жизнью! А расстаться надо непременно. С каждым днем и с каждой минутой мы все ближе подвигаемся к смертному часу. А может быть для многих из нас этот страшный час уже очень и очень недалек. Что если он найдет на нас внезапно? Что если застигнет нас не готовых, беспечных и грешных? О, да сохранит нас от сего Господь Бог своим бесконечным милосердием! Но будем осторожны и сами. Не для того ли, чтобы научить сей осторожности, св. Церковь за каждым вечерним богослужением и предлагает нашему вниманию предсмертную песнь св. Симеона. Этой песню, очевидно, она хочет напоминать нам о смерти всякий раз, когда мы отходим ко сну, который есть образ и подобие смерти. «Вот смотрите, – как бы так говорит она, – смотрите, как благодушно и спокойно умирают истинные рабы Господни». Сумейте же и вы так приуготовить себя к смерти и также не бояться ее, как готов был и как не страшился ее праведный Симеон! Примем к сердцу эти внушения нашей матери Церкви и поучимся, как надо приуготовлять себя к

смерти. Во дни поста, покаяния и плача о грехах, о чем приличнее рассуждать, как не о смерти, которая есть *возмездие за грех* (Рим. 6:23).

Мир своих поклонников учит не думать вовсе о смерти, не смотреть вперед, отстранять всячески неприятные мысли об общей печальной участи человеческой, и беззаботно пользоваться теми благами, какие может дать и дает человеку настоящая жизнь, – иначе сказать – учит жить, закрывши глаза. С своей стороны мир прав. Ибо что же он лучше может выдумать? Что отрадного и утешительного может сказать о смерти? Ничего! Смерть, по понятию мира, что-то до такой степени мрачное, неизвестное и темное, что лучше об ней и не думать. Иногда, впрочем, в виде утешения для своих поклонников, мир составляет разные понятия о смерти. Но эти понятия до такой степени мрачны и гнетущи, что вместо утешения, только увеличивают еще более мрак и подавляющий ужас смерти. *Рекоша в себе помышляющи неправо: самослучайно рождени есмы, и по сем будем якоже не бывше: понеже дым дыхание в ноздрех наших, и слово искра в движении сердца нашего: ейже угасшей пепел будет тело, и дух наш разлится, яко мягкий воздух* (Прем. 2:1–3). Жалкий расчет, какой имеется в виду при этих рассуждениях, очень понятен: т. е. если ты грешен, то продолжай грешить, сколько тебе угодно. Коротка наша жизнь? тем усерднее выжимай из нее все, что она может дать сладкого и приятного! *Приидите убо, и насладимся настоящих благих... Вина дражайшаго и мира [благовонна] исполнимся... Увенчаим нас шипковыми цветы, и прежде неже увянут... Везде оставим знамена веселия, яко сия часть наша, и жребий сей!* (Прем. 2:6–9). Но оставим мир с его поистине тщетной и суетной философией. Потребность жизни бесконечной и чувство бессмертия так и крепко живет в нашей богоподобной душе, а сознание ответственности за свои поступки так глубоко посеяно в нашей совести, что все эти средства, которыми мир думает уничтожить в людях страх смертный, ни к чему не ведут и не годятся никуда. Можно, конечно, на время привести себя в состояние нравственного бесчувствия и забыться. Но за минутами

преступного сна и опьянения греховного всегда следует тем мучительнейшее пробуждение, чем глубже и продолжительнее был сон. Самое отчаянное неверие и самая грубая безнравственность бледнеет и дрожит, едва смерть начинает возвещать о своем приближении. И люта бывает смерть грешников! (Пс. 33:22).

Где же нам грешным искать утешения? куда бежать от грядущего гнева Божия?... Господь Иисус Христос, Спаситель наш, источник жизни и бессмертия, взявший на Себя грехи наши, проливший за нас Кровь Свою, питающий нас божественною Плотию Своею, – вот наша надежда, наше прибежище, наше спасение! Перенесем Его в сердце свое, обнимем Его, и подобно прав. Симеону, верою и любовью, прицепимся к Нему как дикие ветви к доброй маслине (Рим. 11:24) – и смерть явится для нас в другом виде, все ужасы и страхи ее исчезнут! Ибо чего нам бояться с Господом Иисусом Христом? Потрясает ли нашу естественную любовь в жизни ужасный вид и леденящая обстановка смерти? Но *сия есть воля Пославшаго Мя*, – утешает нас Спаситель наш, – *да всяк видяй Сына и веруяй в Него имать живот вечный, и воскрешу его Аз в последний день* (Ин. 6:40). Устрашает ли нас тьма и неизвестность за могилой? *В дому Отца Моего обители многи суть*, обнадеживает нас Господь, *иду уготовати место вам. И аще уготовлю место вам, паки прииду и поиму вы к Себе, да, идеже есмь Аз, и вы будете* (Ин. 14:2, 3). Грехи ли наши гнетут нашу совесть? Но Господь Иисус Христос *грехи наша носит, и о нас болезнует... Той же язвен бысть за грехи наша, и мучен бысть за беззакония наша, наказание мира нашего на Нем, и язвою Его мы исцелехом* (Ис. 53:4, 5). Он не в рукотворенная святая вниде, но в самое Небо, да явится лицу Божию о нас ходатайствовать (Евр. 9:24). Приводит ли нас в трепет страшный суд Божий по смерти? *Аминь, аминь глаголю вам*, – опять говорит нам Господь, – *яко слушаяй словесе Моего, и веруяй Пославшему Мя имать живот вечный, и на суд не приидет, но прейдет от смерти в живот* (Ин. 5:24). Вообще с Господом Иисусом Христом нас ничто не в состоянии утратить и поколебать. Он *просвещение и Спаситель наш*, кого

убоимся? Он защитник живота нашего, – кого устрашимся? (Пс. 26:1). Значит – хотим ли не бояться смерти?... стяжем крепкую и несокрушимую веру в Господа Иисуса Христа, в Его бесконечное милосердие, в Его вседейственные заслуги.

Но как стяжать такую веру, – вот в чем главное дело! Не думайте, чтобы она давалась задаром и приобреталась легко. Не представляйте дела так, что стоит только захотеть нам верить, – и мы будем верить. Это было бы жалкое ослепление. И однакож как много людей находятся в этом ослеплении! Беззаботно проводя жизнь в полнейшей рассеянности и греховной суете, едва помня о Небе и редко, редко когда вспоминая о Спасителе, они все отлагают на – после, надеются на последние дни свои: «придет время умирать, – я покаюсь, исповедуюсь пред отцом духовным, приобщусь Тела и Крови Христовой, и таким образом с миром отойду в вечность». Но вот посещает недальновидного и грехолюбивого мечтателя предсмертная болезнь. Он хочет молиться, – но молитва замирает только на устах, в душе нет никакой теплоты. Он хочет исповедываться, – но сердце сухо, а произносимые грехи ложатся свинцовой тяжестью на душу. Он приобщается, – но где та *любы, радость, мир, долготерпение* и прочие дары Св. Духа (Гал. 5:22), которые ощущают в себе достойные причастники? их не чувствуется в душе там одна тьма, страх осуждения, боязнь смерти и отчаяние! Нет, слуш., да сохранит нас Господь Бог от такого самообольщения. Та вера, о которой мы сказали выше, вера, спасающая и оправдывающая, должна приобретаться ценою всей нашей жизни. А об той вере, которая заключается в одних словах и холодном знании христианских догматов, и говорить здесь нечего. Не споспешествуемая любовью, такая вера может послужить разве к нашему осуждению, а не ко опасению, ибо *раб ведевый волю господина своего, и не уготовав, ни сотворив по воли его, биен будет много. (Лк. 12:47).* И беси веруют, и трепещут (Иак. 2:19).

Что же нам делать и как поступать? *Покажи ми веру твою от дел твоих (Иак. 2:18)*, взывает к нам Господь устами Ап. Иакова. Значит, нам надо жизнь свою так расположить и

устроить, чтобы на каждом шагу выражалась наша Вера в Господа Иисуса Христа. Надо так проникнуться мыслию о том, что мы *странники и пришельцы на земли*, (Пс. 38:13), что *наше житие на небесех есть* (Флп. 3:20), что *смерть не замедлит* (Сир. 14:12), чтобы эта мысль оттеняла все наши поступки. И чем усерднее и чаще мы станем веру свою прилагать к делу, тем сильнее и крепче будет становиться наша вера, тем больше будет скопляться в нашем сердце религиозной теплоты и христианского одушевления, и, значит, тем крепче будет наша надежда на Господа Иисуса Христа, и тем готовее мы будем к смерти. Например, оскорбил нас кто-нибудь, и наше самолюбие побуждает нас к отмщению? А мы скажем себе: «Господь не только запретил мечь, а заповедал даже благодетельствовать врагам; и потому да простит Господь моего обидчика, а мстить я не буду. И как ничтожны все наши оскорбления в сравнении с теми, которым добровольно подвергся для нас Спаситель наш!»... Является ли к нам нужда и бедность и просить подаяния, а нам жаль потратиться... хочется отказать? Переломим себя, поможем требующему и скажем себе: «Господь заповедует милосердие, и милостивым обещает милость; помилую и я нуждающегося брата моего, да помилован буду сам на суде Божиим!» Гнетет ли нас самих горе какое, давит ли нужда и бедность, а лукавый предлагает легкое средство избавиться от нужды и даже разбогатеть, если только покривим душой и изменим долгу? Прогоним лукавого, выдержим себя и скажем: к себе призывает Господь всех труждающихся и обремененных, итак, все мое упование на Него, всеблагое. И что такое жизнь наша? *пара есть, яже во мале является, потом же исчезает* (Иак. 4:14); значит, стоит ли до того расстраивать себя здешними скорбями и неудобствами, чтобы из-за них забывать блаженную вечность, кривить душой и терять мир и спокойствие совести?... Удовольствие ли какое нечистое слишком обаятельно покажется нам и с силою повлечет нас на жертву греху? Остановимся, задумаемся, воспротивимся... скажем себе с Апостолом: *все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною* (1Кор. 6:12) Господь сказал: *где будет сокровище ваше, там*

будет и сердце ваше (Мф.6:21). Не ужели ж мне променять Господа и Небесные сокровища на земные утхи, не ужели сердце свое отдать на осквернение греху? да не будет! И мне ли гоняться за удовольствиями, когда чрез несколько времени придется лежать в гробу, гнить в могиле и рассыпаться в персти земной? Итак, возлюблю Тя, Господи, крепосте моя! (Пс. 17:2) сердце чисто созижди во мне, Боже! (Пс. 50:12) Почувствуем ли в себе припадки гордости, зависти, неверия, сладострастия и других нечистых движений, неистощимый родник которых таится в нашем грехолюбивом сердце? Все сие будем отражать тою мыслию, что сего Господь не велит, что не широким и гладким путем, ведущим в пагубу, идти нам следует, а узким и тернистым путем креста Христова, приводящим в обители Небесные; и следовательно, не о земле все наше попечение должны прилагать, а главным образом о Небе. Когда станем так поступать, этим мы докажем, что имеем истинную веру в Иисуса Христа. А таковая вера не посрамит (Рим. 5:5). После каждого случая, где мы заявим свою веру на деле, она все будет расти и усиливаться, и наконец до такой степени возрастет и охватит все существо наше, что для нас и еже жити будет Христос, и еже умрети приобретение! (Флп. 1:21). Мы даже с нетерпением будем дожидаться того блаженного дня, когда ангел смерти придет переселить нас в вечные кровы. С Апостолом Павлом мы станем повторять тогда: желание имею разрешиться и со Христом быти. (Флп. 1:23). Подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох. Прочее соблюдается мне венец правды, егоже воздаст ми Господь в день он, праведный Судия. (2Тим. 4:7, 8). Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром! (Лк.2:29)

Сей-то блаженной христианской кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны, и доброго ответа на страшном суде Своем, да сподобит нас Спаситель наш Иисус Христос, Своим неизреченным человеколюбием и благодатью. Аминь.

Внецерковная беседа Пастыря с прихожанами о значении христианской обрядности и о важности ревностного соблюдения уставов св. Церкви

Кроме явных врагов Христовой веры и неверующих отрицателей святейших догматов христианских, есть в нашем обществе особенный класс людей, которые, благоговейя будто бы пред Евангелием и выдавая себя за ревнителей христианства в чистом его виде, – как они любят выражаться, – так увлекаются своим мнимо просвещенным взглядом на дело, и так далеко заходят в своей полемике против религиозного фарисейства, слепых и тупых приверженцев одного обряда, что готовы отрицать всякое значение внешних проявлений религиозности. С улыбкой холодной снисходительности смотрят они, как, напр., простолудин ставит свечку пред иконой и кладет пред ней земные поклоны, считают ребячеством и неразвитостию предпринимать отдаленные путешествия ко св. местам, клеймят названием ханжества и святошества строгое соблюдение постов и всех Церковных уставов, и спокойно позволяют себе нарушать их – в полной уверенности, что это ничего не значит для зрелого и развитого христианина, который умеет кланяться Богу духом и истиною. Против такого направления, тем более опасного и зловредного, что оно, по большей части, прикрывается благовидною наружностью, считаем не лишним предложить вниманию православных читателей следующий разговор между священником и одним прихожанином, принадлежавшим к тому именно разряду людей, о которых мы сейчас сказали. Дело началось с того, что священник, зашедши навестить своего духовного сына, отказался от скоромного чаю, которым тот вздумал для шутки угостить его. Мы прямо начинаем с того места, когда разговор слово за слово одушевился и принял серьезный характер.

Прихожанин. Ну посудите сами, батюшка, могу ли я примириться со всеми этими грустными явлениями, которые у

нас, можно сказать, на каждом шагу? Не говоря о целой массе наших простолюдинов, но бывает ли сплошь и рядом, что и порядочные как будто люди, считая зачастую смертельным грехом оскоромиться в среду или пятницу, спокойно, между тем, обманывают своего ближнего в какой-нибудь выгодной сделке и даже при всяком удобном случае? Ведь это выходит одна ложь, сделка какая-то с самим Богом! Неужели и я должен считать себя ужасным грешником, позволяя себе, напр., скромный чай в постные дни?

Священник. В тоне вашей речи слышится негодование. Но не спешите негодовать. Мне хотелось бы спокойно и зрело обсудит это дело с вами.

Прихож. Я готов слушать вас с удовольствием.

Свящ. Итак, вам прежде всего неприятно видеть, когда человек, ограничиваясь одними внешними делами благочестия, не заботится о внутреннем подвижничестве, об очищении своей души и сердца от пороков. Но помилуйте, кто же вместе с вами не назовет богопротивным фарисейством эту тупую привязанность к одной внешности благочестия, не одушевленную и не осмысленную благочестием внутренним? И наша православная церковь никогда не перестает возвышать своего обличительного голоса против этих грубых фарисеев, о которых вы говорите с таким благородным негодованием. Она руководствуется в этом случае прямыми и положительными словами самого Спасителя нашего: *Говорю вам если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное (Мф. 5:20).* А в другом месте Он так говорить ко всем лживым и фарисействующим молитвенникам: *что вы зовете Меня: Господи! Господи! и не делаете того, что Я говорю? (Лк. 6:46).* И в Ветхом, еще, Завете Господь Бог в самых сильных выражениях обличал ложное благочестие бездушных исполнителей обрядового закона. Прочтите-ка вы первую главу пророка Исаии.

Прихож. Что же, однако следует из ваших слов? Не то ли самое, на что я хотел обратить ваше внимание?

Свящ. Из моих слов следует только то, что двух совершенно разных вещей смешивать никак не следует, – что, однакож, вы позволяете себе делать. Не странно ли, в самом деле, видеть как у нас по какой-то дурной привычке, по какому-то, можно сказать, затаенному недоброжелательству, во всяком религиозном порыве, во всяком внешнем подвиге благочестия стараются открыть одно только бездушное фарисейство, и с нескрываемым наслаждением клеймят позорным именем святош и ханжей тех людей, которые смиренно подчиняются всем правилам и уставам Церкви?

Прихож. Это не без причины – батюшка. Если когда-то, особенно в настоящее просвещенное время, жалко и противно видеть глупых рабов буквы и обряда, этих святош и ханжей.

Свящ. Я много бы мог вам сказать против этого просвещенного настоящего времени, но не об этом теперь у нас речь. Но если, как вы говорите, грубым только и неразвитым людям свойственно останавливаться на одном обряде: то что мешает людям образованным и просвещенным, наприм., вам, одушевлять свои внешние подвиги, свои поклоны, посты и молитвы, разумным и сознательным служением Богу? Вы, напр., хорошо понимаете, что неважное еще дело дойти до церкви и простоять там несколько часов, – ну и старайтесь, чтобы это выходило у вас важным делом, т. е. не стойте там, подобно окружающей вас толпе, рассеянно, равнодушно и бессмысленно, а возгревайте свою душу пламенем любви во Господу. Вы знаете, что не тот постится, кто воздерживается в известные времена от скоромной только пищи, – ну и старайтесь, вместе с этим, и душу свою беречь от страстных движений и греховных помыслов. Вы понимаете – опять, что не тот творит милостыню, кто равнодушно бросает бедняку какую-нибудь копейку, – ну и делайте это с теплым, сердечным участием к горькому положению своего ближнего. Так и во всем..., – вы, конечно, меня понимаете?

Прихож. Но я вот чего не понимаю. При всех этих уставных распределениях времени, когда я – то, именно, а не другое должен делать, при всех этих разграничениях между днями постными и скоромными, праздничными и будничными, –

словом, при всей этой обрядности, что будет значить христианская свобода в служении Богу духом и истиною? Что будут значить слова Божественного основателя нашей религии, что *настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет себе. Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине (Ин. 4:23, 24)?* Итак, если ветхозаветная религия сменилась возвышенной новозаветной религиею, где все дух, жизнь и сила, а не вещество, не обряд и не рабство: то может быть я не совсем несправедлив, полагая, что наши уставы и чиноположения церковные, не имеют для нас большего смысла и обязательной силы?

Свящ. Я очень рад, что вы хотите стоять на библейской точке зрения и свои рассуждения стараетесь подтверждать непоколебимым авторитетом св. Писания. О если бы все мы в простоте веры и с искренними побуждениями почаще прибегали к сему чистому и светлому источнику истины! Но во всяком случае я должен вам объявить, что с своим взглядом на обрядность и уставы церковные вы ничему так много не противоречите, как истинному духу Христовой религии и тому самому слову Божию, под защиту которого, повидимому, прибегаете. Быть может, вы опустили без внимания, по какому случаю и поводу Господь употребил приведенные вами слова в известной своей беседе с женою Самарянской? Позвольте же вам напомнить, что ими Господь хотел рассеять то заблуждение Самарянки, которого держались все ее соотечественники, будто только на их священной горе Гаризин можно приносить достойные жертвы Богу, подобно тому, как Иудеи мечтали, будто их только Иерусалим есть единственное место, где можно совершать достойным образом служение Богу. *Поверь мне, – говорит Господь Самарянке, – что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу (Ин 4:21).* Т. е. Он хотел внушить ей, что новая религия, имеющая заменить ветхозаветную, не привязана к одному какому-нибудь месту, напр. ко храму Иерусалимскому или к горе Самарянской, но что в благодатном царстве Христовом всякий

верующий на всяком месте может приносить достойные жертвы Богу в духе и истине. Но чтобы это возвышенное служение Богу в духе и истине исключало всякую обрядность, всякие внешние правила и уставы, согласитесь сами, надо быть крайне предзанятым и непоследовательным, чтобы выводить такое заключение из слов Господа нашего. Напротив, смотрите, как Он всю свою жизнь учил подчиняться обрядовым постановлениям. В восьмой день Он был обрезан по закону, в сороковой день Он приносится своею чистейшею Матерью в храм для законного очищения и для посвящения Богу, пред вступлением на поприще общественного служения Он приемлет водное крещение от руки Иоанна во Иордане, и ежегодно потом совершает путешествие в Иерусалим на праздник Пасхи. Но прошу Вас вспомнить особенно то обстоятельство, когда Он самым сильным образом обличал фарисеев за то, что они оставляли главное в законе – правду, суд и милость, и хранили одни внешние предписания закона. И при этом случае Он все-таки заметил им, что *и сие надлежало делать, и того не оставлять* – (Мф. 23:23). Если же Господь учил не оставлять и тех обрядов, которые были только сению грядущих благ и имели значение для человека только по силе своего прообразовательного смысла, то какая была бы дерзость большая и нечестие с нашей стороны, если бы мы стали пренебрегать теми возвышенными уставами и обрядами, основание для которых положил сам Христос Спаситель, учредив для нас, напр., таинство крещения и евхаристии и прочие таинства, не только пестунствующие (руководящая) нас во Христа, но и теснейшим образом с Ним соединяющая! Ни на шаг не отступая от учения Христа Спасителя и руководствуясь его наставлениями, Апостолы и ближайшие ученики их постепенно расширяли богослужебную внешность благообразно и по чину (1Кор. 14:40), и наконец, с течением веков создали все это величественное и стройное здание Православной Церкви с ее уставами и обрядами и чиноположениями, главная и существенная цель которых и состоит не в чем ином, как чтобы научить и приучить нас служить Господу Богу в духе и истине.

Прихож. Я не стану, пожалуй, спорить с вами, батюшка, на счет главных таинств и существенных обрядов христианской религии, но...

Свящ. Но вас удивляет, значит, и стесняет разнообразие и изобилие церковных чинопоследований и уставов? Но не так ли сему следовало быть, когда открылась надобность из бесчисленного множества верующих христиан образовать благоустроенное и организованное общество с особенным церковным характером, когда богомудрые отцы Церкви, вдохновляемые Духом Святым, восхотели провести в самое недро жизни человеческой всю полноту новых и небесных идей, принесенных на землю Христом Спасителем? Не стесняться, а радоваться и любоваться надо полнотою и благолепием нашей церковной дисциплины, которая объемлет всю нашу грешную и колеблющуюся жизнь во всех ее подробностях и разных случаях житейских, и сообщает ей церковно-христианский характер. Вам может быть обольстительна кажется и религиозная свобода в лютеранских обществах, где, что и называется, вольному воля, или по другой русской пословице – сколько голов – столько умов, где каждый хочет идти своей дорогой, и из сокровищницы Христовой религии берет только то, что находит подходящим под свой личный вкус, – это что ли вам нравится? Но да будет известно, что в настоящее время сами представители лютеранских обществ очень хорошо понимают и чувствуют всю путаницу, которая идет у них как в жизни, так и в науке церковной. И если – куда, то к ним всего менее идут многознаменательные слова евангельские: *едино стадо и един Пастырь!* (Ин. 10:16).

Прихож. Нет, батюшка, в спор с лютеранами я не намерен вступать, да признаться – и сам не считаю вовсе образцовым их церковного устройства. Но мне хотелось бы поговорить с вами обстоятельнее о нравах и свободе духа в служении Богу.

Свящ. То есть, сколько я замечаю, вы затрудняетесь все-таки согласить нашу православную обрядность, наши уставы и правила церковные, законность и святость которых я раскрыл вам по Евангелию, с тем предубеждением, которое и крепко засело в вашу голову, будто Богу – чистейшему духу нельзя

иначе служить как тоже духом только, а не исполнением внешних обрядовых предписаний. И потому вы хотите поставить меня на простую и естественную точку зрения на вещи. Охотно последую за вами; но не думайте, чтобы Господь наш Иисус Христос, создатель нашей природы установил что-нибудь в своей Церкви несогласное с законами нашего духа и несоответственное с нашим человеческим достоинством, – чем очевидно вы продолжаете считать церковный обряд и всю вообще внешнюю религиозную практику.

Прихож. Нет, не то чтобы..., но возьмем в самом деле самый высший степень человеческой святости, идеал христианского совершенства, доступного человеку на земле. Сколько мне помнится, св. отцы определяют его так, что это есть совершенно свободное и бесстрастное, и притом внутреннее и чисто духовное созерцание Бога, – непрерывное серафимское горение. Такое состояние не будет ли само собою выше всех этих земных и вещественных обрядов? Не могут ли даже оземлнить и, так сказать, измельчить такое возвышенное благочестие все внешние предписания и уставы?

Свящ. Как вы ни усиливайтесь украшать и застенять свою мысль, она все-таки будет одна и та же. Одним словом, вы полагаете, что обряд и внешнее правило ниже свободного и духовного служения Богу, и потому излишне и может быть даже вредно для оногo. Но я вам вот что скажу. Как вы ни поднимайте высоко человека, как ни одухотворяйте его деятельность, – она все-таки потребует для себя каких-нибудь внешних проявлений. Дух наш так устроен самим Господом, что и развивается под влиянием внешних впечатлений, и жизнь свою выражает непременно в вещественной же среде его окружающей, и притом вещественными, т. е. телесными знаками. Когда при ослепительном блеске молнии и потрясающих громах, или при других каких-нибудь разительных обстоятельствах в вашей жизни, вы вдруг почувствуете благоговение и страх ко Господу, – ваша рука сама собою слагается для крестного знамения. Когда в сердце вашем вспыхивает сладкое чувство смиренной любви к Спасителю, – на ваших глазах невольно заблестает святая слеза умиления, а

на устах послышится молитва, и т. д. И если вы великих подвижников, сбросивших с себя все земное, убивших в себе страсти и достигших на земле серафимского, как вы говорите, горения, – если вы их воображаете какими-то мертвыми автоматами, вечно безмолвными и не двигающимися фигурами в человеческом теле, то вы совершенно ошибаетесь. И к чему вся эта натяжка? Чтобы основать свои мысли на чем-нибудь солидном, чтобы сбросить с себя иго церковного устава, вы насильственно хотите разорвать ту внутреннюю связь, которая существует между душой и телом; вы как будто вовсе желаете удалить от участия в служении Богу необходимейший орган нашей души – наше тело, которое однакож благоволило воспрять на себя само Ипостасное и Вечное Слово Божие. Смотрите, для того чтобы тайна нашего искупления совершилась, для сего недостаточно было самому Господу одного простого ходатайства за нас грешных пред Отцем Небесным; Ему нужно было облечься нашею плотью, чтобы с нею вместе выступить на таинственное поприще служения роду человеческому.

Прихож. Ну это, положим, так. Положим, что дух наш по неразрывной связи с телом необходимо должен выражать свое поклонение Богу в телесных и вещественных знаках. Но пусть же эти знаки будут плодом моих собственных и свободных религиозных чувств, а не навязываются мне со стороны. Я сам для себя могу составить устав и создать себе правило.

Свящ. Итак, вам хотелось бы выделиться, так сказать, из общей толпы простых и верующих христиан, стоять несравненно выше их, построить жизнь свою единственно на своих собственных началах и правилах нравственности? Но не слышится ли здесь тоже фарисейство, против которого вы сами так горячо восстаете? тоже желание быть *не якоже прочии человецы*, которое обличал Спаситель наш? Признаться вам, у меня всегда как-то лучше душа лежит к тем, которые, зная из слова Божия о немощи нашей природы и нашем недостоинстве пред святейшим Богом, не выдумывают для себя новых каких-нибудь начал и правил жизни, а с верою и любовью идут по той стезе, которую указывает им церковь. Не забудьте, что по учению

Иисуса Христа смирение и послушание есть один из величайших подвигов. Вот же вам прекрасный случай поучиться этому подвигу. Подчините свою волю под иго Церкви православной! Вы дорожите свободой своего религиозного чувства? Но не выдумать вам лучшей формы для выражения религиозных чувств, волнующих вашу душу, чем какие предлагает нам Церковь в своих обрядах; не сочинить вам лучших правил для жизни, чем богомудрые уставы церковные: потому что над составлением их трудились люди, глубоко изучившие человеческую природу, ее немощи, ее потребности нравственные, – люди, сами стоявшие на высокой степени нравственного совершенства, опытные и твердые подвижники благочестия и истинные служители Божии. Не задаром они называются отцами Церкви. Вот почему и сами равноангельные пустынники, эти светильники мира, с которыми нам с вами и равняться конечно нечего, почасти с любовью спешили из своих сокровенных дебрей в лоно Церкви, чтобы в ее уставах, обрядах и таинствах занять новую силу для новых и возвышеннейших подвигов. А вы, боитесь расположить жизнь свою по указанию Церкви, не хотите идти по готовому, обделанному и уравненному пути, который она для вас предлагает! Полноте, – не фарисействуйте, не обманывайте самих себя!

Прихож. (с некоторым смущением). Я вовсе не хочу фарисействовать, а напротив... Но вот, видите ли, батюшка, мне, напр., кажется иногда лучше молиться дома, у себя в уединении, – но звонят в колокол, и я должен идти в церковь. Мне почему бы то ни было неудобно и даже нельзя теперь поститься, – но нынче постный день, и я должен и насиловать свою совесть, и проч. и проч. И вообще жить по программе, раз навсегда установленной, от которой я ни на шаг не имею права уклониться, – разве это не стеснение моего религиозного чувства? Вы, конечно, знаете, как насчет этого прекрасно выразился один св. отец (позабыл его имя): «люби, – и делай что хочешь»! Вот, по-моему, высокое правило христианской нравственности!

Священ. Вы меня извините, но глубокие слова блаженного Августина в ваших устах отзываются простой фразой. Если у вас точно есть пламенная ревность по благочестию, то уставы Церкви не только никогда не будут стеснять ее, а напротив будут восполнять ее и укреплять. Люби, и делай что хочешь, – это значит: если в сердце твоём горит пламень истинного благочестия, то ты непременно будешь делать то, что заповедует тебе св. Церковь. Я поясню вам это примерами. Положим, что вы серьезную ведете борьбу с страстями, воюющими в чувственной природе нашей, стремитесь дать полную свободу бессмертному духу своему в его стремлениях к Богу и к Небу. В таком случае, скажите мне, по совести, положив – как говорится – руку на сердце, – станете ли вы вздыхать и сожалеть, напр., о том, что вам тем или другим нельзя полакомиться? Учрежденные св. Церковью посты не сойдутся ли как раз с вашими собственными желаниями; ибо известно, что пост всегда есть лучшее лекарство против чувственных вожделений? Положим опять, что вы серьезно хлопчете о том, чтобы воспитать в себе глубокое молитвенное настроение, хотите держать непрестанно свой ум в богомыслии или, по выражению псалмопевца, *выну предзреть пред собою Господа*. (Пс. 15:8). В таком случае при каждом ударе церковного колокола вы, конечно, будете чувствовать радость, а не досаду и скуку, и с любовью поспешите из своего дома в дом Божий – в храм молитвы, и т. д. Какое же во всем этом стеснение? Напротив, не отрадно ли всякому истинному христианину думать, что он руководствуется теми же правилами благочестия, которыми руководствовались св. угодники Божии? Не должно ли вдохновлять нас и усиливать нашу свободную энергию на поприще христианского подвижничества одно воспоминание о том, что мы идем по пути уже испытанному, пройденному великими мужами и несомненно ведущему ко спасению?... При всем том уставы и обряды, Православной Церкви не суть что-нибудь роковое да неизбежное для всех возрастов, полов и состояний человеческих. Для слабых младенцев, для хилых старцев и для людей с расстроенным здоровьем св. Церковь, подобно нежной матери, с любовью

делает снисхождение и послабляет свои предписания. С другой стороны, она отнюдь не проводит в своих уставах и правилах какой-нибудь заповедной грани для нашей свободы, дальше которой переступать нам воспрещается; и потому всегда оставляет слишком много простора для нашего духа, лишь бы было в нем религиозное одушевление. Если вы чувствуете, напр., желание наложить на себя произвольный пост, усилить и удлинить свои молитвы, совершить трудное и далекое путешествие ко св. местам, сделать значительное пожертвование на храм Божий, или даже продать все свое имение и раздать нищим следуя высшим Евангельским советам: то для исполнения своего желания вы не встретите ни малейшего препятствия в определенных уставах и чиноположениях церковных. Зачем же выдумывать какое-то не существующее рабство религиозное и жаловаться на стеснение ваших чувств религиозных?

Прихожан. Но представьте, батюшка, что у меня... как бы это вам сказать?... Ну просто, если у меня вовсе нет иногда желания молиться и поститься, ведь это со всеми бывает! Не правда ли, что я нахожусь тогда в каком-то натянутом и принужденном отношении ко всем этим уставам и обрядам церковным? Зачем же насильно заставлять меня делать то, к чему я не чувствую в известное время ни склонности, ни расположения?

Свящ. Ну вот это походит на правду. Не только иногда, но почти никогда нам не хочется ни поститься, ни на молитве стоять, ни другими благочестивыми делами заниматься. Таким образом вы сами договорились, что уставы и заповеди Церковные служат стеснением не для религиозного чувства нашего, а для нашей лени. Ну и вы полагаете, что можно на это жаловаться? Помилуйте, можно ли человека, всегда влекомого к земле, слабого, колеблющегося и всегда готового уснуть непробудным сном беспечности, оставить на произвол судьбы, и равнодушно ждать, не придет ли когда-нибудь ему самому охота помолиться, попоститься и вообще заняться делом своего спасения? Нет, – св. Церковь, именно как заботливая мать, рассуждает и поступает гораздо, гораздо разумнее и лучше вас.

Свои уставы и обряды она предлагает вам и всем своим чадам как пособие нашей немощной свободе, как всегдашнее и верное средство для поддержания нашей бодрости духовной и для предохранения нас от самозабвения и беспечности. Вам не хочется молиться? Нужды нет, – а вы все-таки принудьте себя пойти в церковь, и из всех сил старайтесь войти в дух и характер церковных песней и молитвословий. И поверьте, несколько опытов такого самопринуждения не пройдут для вас даром. Может быть невзначай какое-нибудь священное слово упадет на вашу душу и заронит в нее святую искру благочестия. Вам тяжел кажется пост? Нужды нет, – а вы все-таки не давайте потачки, своей чувственности, и терпеливая настойчивость ваша непременно вознаградится спокойствием чувств, ясностью души и сладким сознанием общения с св. матерью нашею, Церквиею. Так и во всем. Принуждайте себя на каждом шагу. Не бойтесь этого принуждения, потому что оно наносится вам все-таки не совне, а вами же самими, и значит есть чистое дело вашей собственной свободы. Что делать, когда нам без борьбы ничего не дается? Сам Христос Спаситель сказал, что Царствие Божие нудится. А как скоро вы начнете свысока смотреть на все обряды и уставы церковные, – сейчас же вам покажется и то не нужно, и другое лишне, и третье мелочно, и как скоро вы станете дожидаться свободных и непринужденных порывов своего религиозного чувства, – поверьте мне, ничего хорошего из этого не выйдет; религиозных порывов вы не дождетесь, и, пожалуй, чего Боже сохрани, – погрузитесь в грубейший материализм. И сказать ли вам, откуда проистекают все эти возгласы против обрядов и уставов Церкви, и кто больше кричит о свободе религиозного чувства и о духовном поклонении Богу?

Прихожан. Сколько я знаю, это большею частию все так называемые современные и образованные люди.

Священ. В том то и дело, что они лоском современности и образованности хотят только закрыть свою нравственную пустоту. А вы взгляните-ка попристальнее на их жизнь и на их дела, что вы там увидите? Найдете ли вы ту энергию и живость религиозного чувства, тот пламень любви ко Господу, которых

следовало бы ожидать от проповедников духовного поклонения Богу? Ничуть! Итак, *от плодов их познайте их* (Мф.7:16). Это большею частью люди, ослабевшие нравственно, привыкшие во всякой распушенности и лени, и дальше земли и житейского комфорта не простирающие своих целей и стремлений. Они только начинают духом, проповедуя о духовном и свободном поклонении Богу, а кончают землей и материализмом, избегая всякого стеснения для своей чувственности, уклоняясь от борьбы с своими страстями и отворачиваясь от всего, что может помешать их беззаботной нравственной спячке и религиозной апатии. Тяжело и неприятно, конечно, сознаться в таком нехорошем и болезненном состоянии своей души, – ну и вот они и придумывают для успокоения своей совести разные и благовидные отговорки, разные эти фальшивые теории, несостоятельность которых я, кажется, успел вам раскрыть довольно подробно. Не обольщайтесь тем призраком силы и энергии, которую обнаруживают иногда эти люди на разных поприщах жизни общественной, напр., на ученом, политическом, литературном и проч. В этом случае их деятельность скользит, так сказать, по поверхности их духа и не касается внутренних и сокровенных глубин его, – именно нравственных. И потому не ждите от этих людей ни высоких подвигов христианского самоотвержения, ни теплой христианской любви, влекущей к себе сердца, ни той светлой и возвышенной веры, которая кладет какую-то особенную, необыкновенно симпатичную, благородную и, тк. ск., небесную печать на челе истинного христианина. От них веет всегда каким-то отталкивающим холодом и непроходимым эгоизмом, сквозящим в каждом их слове и поступке. Вот вам настоящий образ тех хваленых современных людей, которые вооружаются против обрядов и уставов Церкви, и вот те сокровенные побуждения или, выражаясь по-ученому, мотивы, нечистоту и слабость которых они думают прикрыть бессильным резонерством о духовном поклонении Богу!

Прихожан. Дурные люди есть, батюшка, везде. Сколько вы их найдете и в той среде, которая отличается беспрекословным повиновением уставам Церкви!

Священ. Кто-же говорит про это? Об неразумных и недальновидных ревнителях одних только внешних правил и уставов церковных мы уже имели с вами речь. Но все же у этих людей есть хоть какой-нибудь религиозный элемент, есть желание угодить Богу, есть сознание религиозных обязанностей, ограничивающих наши необузданные желания, есть даже некоторая заслуга перед Богом, состоящая в этом именно добровольном подчинении уставам Церкви – все равно, что воле Божией (если конечно сюда не примешивается чисто фарисейских побуждений). Хоть и слепо, но все же идя по спасительной стезе св. уставов и обрядов Церкви и невольно, тк. ск., напаяясь церковным духом, они не теряют надежды со временем прозреть и сделаться истинными христианами. А что имеют за себя пред Господом Богом эти самодовольные и явные недруги св. Церкви, насмешливо и горделиво попирающие ее святыя уставы, и предписания? Подобно деревьям, и засохшим в самой сердцевине, они никогда не произрастят здоровых и свежих плодов, а разве одну обманчивую листву, да и то на несколько времени. Не сегодня, так завтра они совершенно засохнут, если не спасет их всеильная и всезидительная благодать Божия.

Прихожан. (В задумчивости). Признаюсь вам, батюшка, вы открыли мне глаза на дело. Нельзя не чувствовать всей правды ваших слов и несостоятельности тех оправданий, которыми стараются защитить себя презрители Церковных уставов. Точно, что они безответны пред Богом!

Священ. Да укрепит вас Господь Бог в вашем теперешнем благом настроении мыслей, и да наставит вас на стезю правды. Буди над вами благословение Господне и мое грешное! Прощайте!

Речь по случаю открытия земских собраний в гор. Суздале для выбора членов уездной Суздальской земской управы, 7-го марта 1866 года

Достопочтенные мужи и собратия во Христе!

Объяснять вам важное значение нынешнего дня и настоящего собрания было бы излишне. Все мы давно ждали земских учреждений, много об них слышали, долго рассуждали сами, и конечно все до единого понимаем хорошо, по крайней мере ту основную мысль, на которой зиждется вся система земских учреждений. Преблагословенный Государь наш вверяет нам собственное наше благо, и на нас самих возлагает устроить это благо, как мы сами найдем это наилучшим, – вот смысл земских учреждений. Это мы знаем. И слава Господу Богу, Он привел нас дожидаться наконец и того дня, когда нам остается только выбрать из среды себя достойнейших и способнейших деятелей, чтобы затем, под их руководством, общими усилиями приняться за дело созидания нашего общественного блага. Поздравляю вас, достопочтенное собрание, с настоящим торжественным днем! Вполне понимаю и сердечно разделяю ваше торжество. Но позвольте мне, как удостоенному чести быть вашим сочленом и сотрудником, и как пастырю духовному, предложить вам один, только и один, впрочем, очень важный для всех нас совет. Это не мой, не простой и обыкновенный, а Апостольский совет. Вонмите!

Аще ясте, аще ли пиете, аще ли ино что творите, вся в славу Божию творите (1Кор. 10:31).

Вот совет Апостольский. По смыслу сего совета мы и самые простые и обыкновенные свои дела, каково, напр., ежедневное принятие пищи и питания, можем и должны делать во славу Божию. Но у нас, к сожалению, весьма часто случается так, что мы совершенно вопреки Апостольскому совету – и самые важные свои дела замышляем делать и действительно делаем не в Божию, а в свою славу. Я чувствую на себе долг изъяснить

теперь это, с тем намерением, чтобы и наше теперешнее, бесспорно в высшей степени важное и государственное дело, дело избрания членов нашей Земской Управы, не случилось как-нибудь не в Божию славу, и не совершилось вследствие того неудачно, безуспешно и зловредно.

Не в Божию, а в свою славу мы делаем что-нибудь тогда, когда целью наших действий и предприятий бываем единственно мы сами, а главным двигателем нашей воли наше самолюбие; когда мысль о вездесущем и всеведущем Боге, которому должны быть посвящены все начинания наши, ускользает от нашего внимания; когда пред нашим сознанием ясно носится только собственная наша польза, или удовольствие, а не воля Божия благая, угодная и совершенная. И удивительное дело! Не догляди мы только немного за собой, – и наше самолюбие сумеет предупредить нас, успеет забежать нам вперед и в таких делах, где ему меньше всего быть надлежит, в делах, касающихся не нас только одних, а десятков и сотен наших ближних.

Так глубоко посеяно в нас семя самолюбия! Из-за себя и для себя мы бываем способны забыть интересы и пользы целого общества. Будем-же осторожны!... Я, впрочем, не нахожу достаточных причин, от чего бы мне, для ясности дела, не указать прямее на некоторые случаи, где и как самолюбие наше может испортить важное государственное дело, для которого мы собрались.

Опасность греха и ошибки угрожает нам с двух сторон. Самолюбие наше может, во-первых, скрыть, или же ослабить и уменьшить достоинства тех, может быть даже и по нашему сокровенному сознанию достойных людей, с которыми однако же мы не состоим по чему-нибудь, или не надеемся состоять в приятных и теплых отношениях; напр., потому что считаем их своими соперниками, или потому что нас разделяет с ними общественное положение их, или потому что они мало обещают пользы нашим собственным каким-нибудь расчетам и планам... Пусть каждому из нас перечислит подобные случаи наша собственная совесть.

Другая опасность та, что наше самолюбие, неприметно для нас самих, может – наоборот – сгладить довольно заметные неровности и недостатки, равно как и возвысить довольно обыкновенные достоинства в тех особах, которых положили иметь в виду собственно мы; или потому, например, что они добрые наши приятели, или же потому, что легко надеемся сделать их пригодными орудиями для собственных выгод, или наконец просто потому, чтобы только положить чрез них преграду другим, хоть может быть и более достойным, но менее нравящимся нам и менее любимым нами лицам. Во всех исчисленных мною случаях наши выборы будут, – от чего да сохранит нас Господь, – уж никак не во славу Божию. Много ли выйдет толку, пользы и добра из таких выборов, насколько они будут честны и достойны того великого дела, к которому зовет нас Государь наш, – об этом предоставляю судить вам самим.

Но перейдем еще ближе к нашему делу, чтобы окончательно выяснить совет Апостольский. Что и как может помешать нашим выборам быть во славу Божию, об этом распространяться не нахожу более нужным. Дело кажется ясно. Но что именно требуется от наших выборов, чтобы они были во славу Божию? То есть, чего мы, по совести, должны ожидать и требовать от предполагающихся членов нашей Земской Управы, и какие качества главным образом должны мы иметь в виду при их выборе? Само собою предполагается, что ни одно доброе качество не может быть лишним или ненужным для наших выборных; чем больше этих добрых качеств, тем конечно лучше. Здесь требуется и житейская опытность, здесь необходим и ум зрелый и здравый, здесь чрезвычайно важно образование, здесь полезна и общественная значимость избираемых особ, и даже их материальная сила и вес, – здесь все пригодно и полезно. Но, и надеюсь, вы будете согласны со мной, если я поставлю вам на вид некоторые особенные качества, без которых все исчисленные должны терять в ваших глазах всю свою силу, без которых мы не должны и мыслить своих избираемых. Качества эти определяются сущностию нашего дела и современными обстоятельствами.

Из общественных вопросов, стоящих теперь на очереди, как вам известно, едва ли не самый передовой вопрос – о народном воспитании, об улучшении его материального быта и об улучшении умственно-нравственного его развития. За этот вопрос, по нашему мнению, земство наше, когда Господь приведет, должно приняться прежде всего. Таким образом, не правда ли, что от будущих членов своей Управы мы не только имеем право, но обязаны требовать близкого и короткого знакомства с нашим народом, просвещенного понимания нужд его, искренней, а не напускной симпатии к народу, словом того, что мы называем *русским духом* или *народностью*. Иноземщины нам столько же не нужно, сколько тьмы и тупости. Не так ли?...

Но самая глубокая сторона нашего народного духа есть *религиозность*. Да и вообще религия есть фундамент, на котором зиждется всякое общественное благо. Беда тому обществу и той стране, где начнет погасать светильник религии! Там все пойдет дурно, все будет безуспешно, хотя бы сотни гениальных голов работали над общественным благом. Ибо дух народный без религий мельчает, общественные связи и отношения делаются материальными, эгоистическими и непрочными; а это суть роковые признаки разложения политического. Это мы знаем. Таким образом самая первая и важная, и притом постоянная забота, которая должна проникать и одушевлять все начинания и планы нашего земства, должна состоять в возбуждении и распространении религиозных начал в обществе. Значит быть членом Земской Управы, или иметь право на эту должность, в наших глазах должно равняться тому, что – быть человеком религиозно-верующим, и добрым сыном церкви православной. Иначе мы никак не должны воображать дела.

Я хотел было еще сказать вам несколько слов о том неотъемлемом качестве истинно-русского духа и истинно-православного направления, которое издревле составило нашу силу, нашу несокрушимую мощь народную, – именно о любви к царю и преданности престолу но полагаю, об этом будет достаточно одного намека. Распространяться о любви к царю,

когда имя преблагословенного Александра 2-го, нашего царя – и освободителя и благодетеля, с благоговением и восторгом произносится всеми сословиями нашего общества, считаю ненужным, и особенно перед вами, достопочтенные мужи, удостоенные особенного доверия и уважения от своих сограждан. Без всякого сомнения, в каждом из вас горит неподдельное русское чувство любви и преданности к престолу боговенчаных наших царей, и в особенности к нынешнему нашему великому Государю – Александру Николаевичу.

Мне кажется, я достаточно изъяснил Апостольский совет, применительно к цели нашего теперешнего собрания: *еще ясте, еще ли пиете, еще ли ино что творите, вся в славу Божию творите. (1Кор. 10:31)*. Господь же Бог с высоты святой Своей да благословит дело, на которое мы собрались, и да поможет нам избрать из среды себя *мужей сильных, Бога боящихся, мужей праведных, ненавидящих гордости (Исх. 18:21)*. А в знамение того, что с нашей стороны все будет предусмотрено и, по совести, взвешено для благоуспешности выборов, приступим к произнесению клятвенного обета на сие пред самим Господом Богом. Аминь.

Слово в день рождения Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича (17 апреля 1866 г.)

Христос Воскресе!

С светлым праздником Воскресения Христова совокупилось для нас ныне и торжество о рождении нашего боговенчанного царя и отца. *Да возвеселится убо Израиль о сотворшем и его, да торжествует весь род человеческий о воскресшем Спасителе своем. Сынове же сиони, – богоизбранный народ российский, да возрадуется еще о царе своем, и да воспоеет со псаломником: Господи, силою твоею возвеселится благочестивейший царь наш – Александр Николаевич, и о спасении твоем возрадуется зело! Желание сердца его – поставить православный народ русский на твердую стезю к благоденствию, – сие желание сердца дал еси ему, и хотения его – положить своим царствованием для православной России иного лучшего жития начало, – сего хотения устну его неси лишил его. Положил еси на главе его венец от камене честна,... и дал еси ему долготу дний во век века, несмотря на дерзкие покушения убийц и крамольников. Велия слава его спасением твоим! (Пс. 20:1–5).* И не хотелось бы, благ. слушать, в настоящие светлые минуты и с сего священного места, ни единым словом возмущать вашей христианской радости и ваших патриотических чувств, и мыслей о славе великого царя нашего. Но что делать, когда настоит в сем некая надобность, когда есть у нас нечто такое, что болезненно отзывается в сердце нашего царя православного и мрачить славу поистине славного и мудрого царствования его? По повелению Апостола, мы – пастыри Церкви – должны проповедывать слово, настоять во время и не во время, обличать, запрещать, увещевать со всяким долготерпением и назиданием (2Тим. 4:2). Итак, слово наше будет о той печальной особенности нашего времени, которая сама собою напрашивается на слово при всяком

удобном случае, – о том холодном неверии, о той религиозной сухости и мертвенности, которая подобно упорной язве растлевают наше общество. И не перестанем мы говорить о сей язве до тех пор, пока силою Божиею не истребится она вконец в нашем православном отечестве. На сей раз, не пускаясь ни в какие рассуждения о несостоятельности неверия пред судом совести, и здравого разума и слова Божия, постараемся по возможности раскрыть, откуда родилось неверующее направление нынешнего времени, и показать, что оно не имеет в себе ничего самостоятельного, долговечного и непоколебимого; ибо есть одно из тех многочисленных переходных явлений, из которых и складывается история падшего человечества и следовательно жертвовать для него вековыми началами Христовой религии, своим спасением душевным и телесным, – свойственно только легкомысленной суетности.

Было некогда время в христианском мире, о котором мы, привыкшие ко всем благам гражданской и духовной свободы, не можем составить себе и понятия. Это время, называемое средними веками, история справедливо отметила временем варварства и невежества. Одним из самых мрачных свойств этого времени было крайнее стеснение прав религиозной совести и свободы. Нельзя без справедливого негодования читать, каким истязаниям искони фанатичное католичество подвергало средневекового человека за его веру и религию. Была целая школа, которая нарочито упражнялась в изобретении казней религиозных, – таково было иезуитство с своим знаменитым ужасным судилищем. Всякая попытка разума к самодеятельной жизни считалась, совершенно вопреки Евангельскому духу, оскорблением Божественного авторитета, преследовалась и истреблялась как преступление не только религиозное, но и гражданское. Такое положение дел не могло, конечно, долго продолжиться, и религия Христова, которая вовсе не есть религия рабства, а свободы, не могла быть безнаказанно искажаема и поругаема. Новым поворотом исторических обстоятельств средневековое рабство было уничтожено. Открылось полное и повсюдное царство свободы:

свобода в науке, свобода в жизни, свобода везде. Но увы, падшему человеку суждено развиваться не прямым путем поступания вперед, а косвенным и сложным путем заблуждений и крайностей. Обрадовавшись, так сказать, своей свободе, и живо помня, чего стоило ее приобретение, человек простер свою свободу далеко за пределы ему дозволенные, довел ее до крайности, до необузданного произвола, до совершенного самозакония. Это случилось, как известно, после лютеровой реформы. Разум человеческий поставил выше всякого авторитета свои умозрения, и стал считать истинным лишь то, что ему понятно и что подходит под его узкие начала.

Так далеко стоят иногда эти умозрения от истины, что нет никакой возможности оправдать их на деле и в жизни (такова большая часть систем новой германской философии), – а разум все-таки не хочет отказаться от них, и гордый сознанием своих свободных прав – кичит и возвышается, по слову Апостола, уже не только на разум Божий, но даже на здравый общий смысл. Так произошло религиозное неверие в христианском мире. Нужно сказать правду, что это есть не столько русский недуг, сколько иностранный; у нас он не так всеобщ и глубок, и больше в моде, чем в духе и жизни. В моде же потому – как видно, что хотят казаться как можно современнее, а первый признак современности – свобода и независимость разума. Религия Христова не только не отрицает этой свободы разума, напротив предполагает ее, когда требует свободного подчинения своему авторитету, свободной веры в свои догматы. Но нужно, чтобы общества по собственному опыту узнали несостоятельность и непрочность ограниченной человеческой свободы. Нужно, чтобы человек сам пережил, так сказать, свою свободу, чтобы хорошо наконец увидел, какими запутанными и дурными последствиями может разрешиться для него его отдельная свобода, если вздумает уединиться и заключиться только в самой себе, и стать выше божественного авторитета религии. Эту-то степень раскрытия общественно-религиозной жизни и представляет явление неверия в современном христианском мире. Это состояние собственно переходное, и не имеет своего самостоятельного содержания; а потому – если бы не

прививалось к какому-нибудь другому направлению, не могло бы продолжаться долго ни в отдельных своих представителях, ни в целом своем направлении. Довольно указать на то обстоятельство, что в самых свободных протестантских обществах стали ныне живо чувствовать потребность веры, и стараются о восстановлении того самого церковного авторитета, который был у них поруган и отринут. Это вызвано всеми сознаваемою нуждою хотя сколько-нибудь упорядочить нравственно-религиозную жизнь обществ.

Но сильно помогает неверующему направлению нашего века современная жизнь наших обществ – грубая и чувственная. Неудобно и долго было бы здесь объяснять, как образовалось нынешнее материальное направление жизни, – заметим только кратко, что оно произведено быстрыми и необыкновенными успехами естествознания. Известно, что с возрождением наук природа стала одним из главных и любимых предметов изучения. А по мере того, как человек стал постигать силы и законы природы, в нем сильно пробудилось желание возобладать природою, заставить ее служить себе, чтобы улучшить свою земную жизнь. И понятно, как сильно должно было со временем овладеть человеком это стремление. И без того он погружен в чувственность, телесная природа и без того торжествует над духом и влечет его за собою. Чего же было ожидать, когда к услугам чувственности предстала целая наука? Так возникло и в науке, и в жизни современное чувственное направление, и оно то поддерживает в обществе это равнодушие к высшим интересам духа и это безразличное, либо неверующее отношение к религии. Современному человеку некогда заниматься делами веры, у него нет времени, чтобы обратить надлежащее внимание на существенные потребности и обязанности христианина. Он весь занят тем, что имеет прямое отношение к его чувственности, что улучшает его телесный быт. И как условия и потребности этого быта в высшей степени разрослись и усложнились в настоящее и время, чему как мы видели, содействовали необыкновенные успехи естественных наук: то современному чувственному, изнеженному и привыкшему к роскоши человеку, очень

естественно – никогда и в голову не придет углубляться в дух и жизнь христианства, – этот дух так далек и чужд его жизни! Или он просто отрицает христианство – как непонятное и сверхъестественное, или ему все равно так или иначе исповедывать догматы, к тому или другому принадлежать исповеданию. Он знает по слуху христианство, – лишь бы не нарушался и не возмущался строй его телесной жизни, лишь бы не стеснялись права его чувственной природы!

Итак, вообще современное религиозное легкомыслие или неверие есть порождение злоупотребленной свободы человека, истинного значения и достоинства которой еще не вполне выразумел сам человек. А необыкновенная склонность к чувственному покою, развившаяся вследствие той же распушенности свободы, еще сильнее и крепче поддерживает это и холодное отношение к христианству, полагающему основным началом жизни самоотвержение и непрерывную борьбу с чувственностью. Судите же после сего сами, благоч. слушатели, стоит ли увлекаться сим направлением и есть ли в нем что-нибудь такое, на чем бы можно было опереться всем сердцем и душою человеку серьезному, истинно образованному и глубоко нравственному? Прислушиваясь к толкам и вдумываясь в грубые философские начала нынешних обьюродевших мудрецов, невольно приводишь себе на память слова св. Апостола, предостерегавшего некогда верующих христиан, что *вкрались некоторые люди... нечестивые, обращающие благодать Бога нашего в повод к распутству, и отвергающиеся единого Владыки Бога и Господа нашего Иисуса Христа (Иуд. 1:4)*. И можно ли, не потеряв здравого смысла, те светлые и чистые струи истины, которые льются для нас из св. Евангелия, менять на кладенцы нетления, на ту мутную и зловонную воду, которую предлагает неверие? Впрочем, для тех, которые или по слабости характера, или по крайней суетности и односторонности ума своего, не могут стать выше предрассудков своего времени и тщеславятся своею религиозною пустотою, – заметим для сих жалких людей, что нынче, кажется, и они более не современны с своим отрицанием и неверием. Мода на то и другое, слава Богу,

начала проходить в нашем отечестве. И пора в самом деле понять этих пустых и ничтожных философов нашего времени, которые считают себя в праве быть выше всяких общепринятых правил и верований. Пора перестать закрывать высоким именем науки всякую умственную изгарь и всякую нравственную пустоту. И слава Богу: среди массы людей, которые когда-то может быть гордились вольномысленным направлением, появляется значительное число людей благонамеренных и в высшей степени религиозных. По свидетельству опыта, эти люди, как и надо ожидать, всегда с самым основательным и глубоким образованием. Итак, постараемся так устроить свой образ мыслей и свою жизнь, чтобы пора зрелости, трезвости во всем, – в науке и в жизни, – наступила как можно скорее в нашем отечестве. Господь будет нам помощник. В особенности мы много можем сделать домашним воспитанием детей своих по началам народно-православным и по духу веры Христовой. Не об этом ли теперь преимущественно заботится августейший монарх? и не к тому ли направляет свои реформы учебных заведений, чтобы молодое поколение в продолжение своего воспитания усвоивало христианские начала в свою плоть и кровь?... Господи, даждь царю нашему *благословение во век века, и возвеселиши его радостию с лицом Твоим! Да обрящется же рука Твоя всем врагом Твоим, и десница Твоя да обрящется вся ненавидящая Тебе!* (Пс. 20:7, 9). Аминь.

Поучение к воспитанницам Владимирского Епархиального женского ушица, по случаю приобщения Св. Таин (21 июня 1866 г.)

Вот и еще раз, дети, Господь благоволил придти к вам и обитель у вас сотворить! Слава Его неизреченной милости! Смотря на вас в сии священные минуты, невольно привожу себе на память Евангельские слова о том, как Господь Иисус Христос любил детей, как брал их на руки, обнимал их, называл их верными наследниками Царствия Божия, и для всех нас, взрослых грешных людей, поставлял в пример чистоту, незлобие и непорочность детской души. Вот и вы, в настоящий день, подобно тем Евангельским детям, удостоились неизреченной милости и любви Христовой. Но вы еще счастливее. Господь не только благословил вас, не только взял на руки или сказал несколько милостивых и ласковых слов, но удостоил вас самой полной Своей любви; ибо наплатил вас Своею Плотью и Кровию, и отдал вам всего Самого Себя. *Ядый Мою Плоть, и пий Мой Кровь, во Мне пребывает, и Аз в нем.* (Ин. 6:56), говорит Он. Значит, вы соединились с Ним так близко, как нельзя уже больше. О, если бы вам не терять никогда сей близости! Если бы Господь постоянно любил вас так, как хочет любить в настоящие минуты!...

А разве и разлюбить может? Да, – может, хотя и не хотел бы этого никогда. Но вы сами можете позабыть о Господе и лишиться Его любви. Насчет этого-то мне и хотелось бы предупредить вас теперь и предостеречь.

В настоящие благодатные минуты, когда вы только что восприняли в себя Господа, вам кажется конечно странным, как это можно потерять любовь Божию, забыть Господа, не слушать Его повелений и не бояться гнева Его? Но предупреждаю вас, – если не примете предосторожности, все это может случиться с вами незаметно, понемногу и почти против воли вашей. Есть в нас какое-то дурное семя, которое появляется в нас вместе с

нашим появлением на свет, растет и крепнет в душе нашей каким-то незримым образом, и может исподволь заглушить в нас самые лучшие наши намерения и желания. Видали вы, конечно, как в садах выпалываются всякие сорные травы. Кто их там сажал или сеял? Никто! А между тем только что наступит весенняя теплота, засветить ярче солнышко и польются дожди, – и оне, эти сорные травы, кучами начнут подниматься из земли. Посеяны были все хорошие семена, – а начнет появляться и крапива, и репейник, и полынь, и проч., и проч... Откуда все это берется и вырастает, и притом, как будто нарочно в большом изобилии там, где посеяны были добрые семена?

Но посмотрите немного попристальнее в свое собственное – хотя еще детское, но уже не совсем безгрешное сердце, – не бывает ли там чего-нибудь похожего на эти самородные травы? Вот иной раз вы так благодатно и мирно себя чувствуете, так любите друг друга и так искренно желаете себе взаимного добра и счастья; но вдруг одну из вас больше других начали хвалить, больше ласкать, или награждать чем-нибудь, – и тотчас откуда-то совершенно непрошенное закрадывается к вам неприятное чувство досады, зачем не меня, а ту хвалят, зачем меня как будто обходят и забывают. Что это? Это появляется горькая полынь зависти и недоброжелательства. Вот другой раз, стоя на молитве, или так – в благочестивом настроении мыслей, вы давали обещание перед Господом быть как можно добрее, кротче и тише, – но вдруг, быть может сейчас, после вашей молитвы и вашего обещания, вам сказал кто-нибудь неприятное и обидное слово и вообще обеспокоил чем-нибудь, – и в вас тотчас же вспыхивает нечистое желание выразить свое неудовольствие, и даже может быть заплатить обидой за обиду. Что это? Это пробивается жгучая крапива гнева и раздражительности. Вот опять иной порой пробудилась в вас похвальная охота и к делу и ревность к точному исполнению своих обязанностей, и вы дали себе святой зарок с готовностью исполнять все, что вам ни прикажут, – как вдруг одно какое-нибудь неожиданное приказание, может быть несколько строго выраженное, незаметно взволнует вас, – и появится лень и

откроется желание не исполнять приказания. Что это? Это вырастает колючий репейник упрямства и себялюбия. И много, много, пожалуй, можно открыть в себе подобных сорных трав.

Так вот, если вы, по небрежности или рассеянности, будете позволять расти и укрепляться в себе подобным не годным травам, – Господь может лишит вас своей милости, отступиться от вас и прогневаться. С каждым годом вашего телесного возрастания – растет и крепнет и ваша душа со всем, что в ней есть хорошего или дурного. Вот и надобно стараться, чтобы как можно больше выросло в вас хорошего, а для этого смолоду вы должны заботиться очищать свое сердце от тех начатков зла и греха, которые подобно дурным семенам начинают уже всходить в вас. Пользуйтесь пока временем. В вашем возрасте несравненно легче можно бороться с грехом, чем после; потому что ваша душа еще нежна и мягка, и не может крепко держать в себе злых произрастаний. Да и Господь с своею благодатию, без которой мы ничего не можем сами сделать доброго, еще близок к вам и смотрит на вас любвеобильными очами отца, друга и благодетеля; бережет ваши юные души и тела, и посылает ангелов хранителей, заповедуя им сохранять вас во всех путях ваших.

Не забывайте же этого никогда. Держитесь крепче за своего Спасителя, Который так возлюбил вас и Которого вы удостоились нынче принять внутрь себя. Под Его защиту и с Его помощью вы можете легко истребить в себе все дурное, и приобыкнуть ко всему святому и доброму – Церкви Божией на украшение, родителям своим на радость, и всем православным христианам в пример и назидание.

Нападет на вас леность, рассеянность и неповиновение? Перекрестясь и призвав Господа на помощь, заставьте себя сделать непременно то, что вам приказывают, или чего вам не хочется. Второй раз вам уже легче будет это усилие; потом вы поймете, как приятно послушание, аккуратность и старательность; а наконец вы сделаетесь так благонравны, и кротки, что вам будет уже неловко и трудно не слушаться, и упрямиться, или сидеть сложа руки – в праздности и без дела. Почувствуете ли в себе припадки вспыльчивости и

раздражительности, или зависти и себялюбия? Опять призовите Господа на помощь, и попробуйте пересилить себя; на неприятное слово ответьте кроткой улыбкой и ласковым словом. За успехи других – говорите в уме: слава тебе Господи; при своих неудачах и неудачах молитесь: Господи помоги мне, Господи не оставь меня!

За такое благонравие и благочестие ваше Господь пошлет вам все Свои милости, и возрастит в ваших душах все добродетели, – и будете вы цвести, благоухать и зреть на ниве Божией – в Церкви святой, – подобно прекрасным цветкам, доколе Господь не позовет вас к Себе в Царство Небесное. Аминь.

Речь по случаю молебствия при открытии Владимирских водопроводов (30 августа 1866 г.)

Слава Богу, сограждане!

Благая мысль о наших водопроводах, нужда и благопотребность которых давно чувствовалась в нашем городе, и к удобствам, которых мы уже успели, можно сказать, привыкнуть в самое короткое время, – эта прекрасная мысль, к общему нашему удовольствию, пришла к своему концу. Благодаря этой мысли, мы значительно облегчены в удовлетворении самой первой и насущной потребности нашей ежедневной материальной жизни. Хвала, честь и благодарность лицам, задумавшим все это дело, и возревновавшим об общей пользе и удобствах нашего города! Но воздавши справедливую дань уважения и благодарности блюстителям и ревнителям наших земных выгод и интересов, паче всего и прежде всего надо воздать славу Господу Богу, от которого исходит и начинается всякое благое дело, и без помощи которого ни один, хотя бы самый незаметный и ничтожный, шаг нашего самоулучшения – совершиться не может. Таким образом, начавши дело устройства наших водопроводов с благословения Божия, с молитвой и во славу Божию, мы весьма естественно и завершаем его теперь молитвой же и благодарственным пением к подателю всех благ – Господу Богу. Иначе в православном народе и в православном городе и не делается, и не должно делаться. Потому-то, конечно, и не удастся так много и так часто невидимому самым общепользным и благим предприятий, что задумывают и начинают их не во славу Божию, не испросив, так сказать, предварительного на то соизволения и благословения Божия.

Сограждане, сколько приятно, столько же и нужно заявить вам, при настоящем случае, от лица Церкви Православной, что она всегда готова сочувствовать и содействовать всякому истинно полезному нововведению и усовершенствованию, – все равно, где бы оно ни происходило, хотя бы в области самых

простых и ежедневных наших нужд; что она радуется всякому новому опыту общественного нашего самоусовершенствования, и призывает на него благословение небесное. Это вы и видите, и слышите в настоящие минуты в церковных молитвословиях. Прискорбно встречать людей (а ныне они умножились), которые в ожесточенной и бессмысленной злобе против Церкви Православной, не имея сказать прямо против нее что-нибудь, заслуживающее внимания, прибегают к хитрым уловкам, или просто к клеветам. Зная, например, понаслышке, что святая Церковь указывает постоянно на Небо, как на главную и последнюю цель человеческих стремлений, они дерзко укоряют ее в односторонности, с торжеством указывают на плодотворность многих общественных предприятий и гражданских улучшений, и в пышных фразах распространяются о великом нравственном значении всего этого для человека. Если подобные поверхностные и предубежденные люди воображают, что они делают дело, и если они полагают, что святая вера и Церковь Христова отрицает, будто бы, нравственное значение правильно благоустроенного гражданства для людей, живущих в обществе; то пусть они знают, что они слепотствуют и юродствуют в этом деле. Здесь не время и не место для подробных рассуждений об отношении успехов гражданственности к нравственному совершенствованию обществ. Достаточно, если мы ограничимся одним общим замечанием, которое, впрочем, будет весьма удовлетворительно для всякого здравого и непредубежденного смысла. Как верно то, что всякий новый успех гражданского самоулучшения может облегчать и расширять способы нравственного самоулучшения для общества, – потому-то конечно святая Церковь и ниспосылает свое благословение на всякий таковой успех, – так с другой стороны, несомненно и то, что между теми и другими успехами, между успехами гражданственности и нравственно-религиозными успехами обществ не существует необходимой связи, т. е. может случиться, как и действительно бывает, что быстро успевая на пути гражданского самоулучшения, мы можем стоять, или идти назад в нравственном отношении. Вот почему опять святая

Церковь никогда не опускает случая предостерегать нас и внушать нам, чтобы все свои материальные и гражданские улучшения мы направляли в одной главной и истинно достойной христианских обществ цели, – к нравственному совершенству, к воплощению на земле тех великих истин, которые принес с Неба Господь Иисус Христос.

Вот и при настоящем случае мы, как служители Церкви и истолкователи ее духа, чувствуем надобность напомнить вам, сограждане, о тех многих неправильностях и отклонениях от нравственного закона, которые встречаются в нашем обществе, и прекращать и устранять которые обязано прежде всего само же общество, – особенно в настоящее время, когда земству дано столько простора и самостоятельности в действиях. Нам думается теперь, по случаю открытия наших водопроводов, что – вот если бы наше Владимирское общество, похвально заботясь о материальном своем благосостоянии, с благородной энергией и с христианскою любовью устремилось на подвиги своего нравственного улучшения! Занялось бы, например, приисканием мер к уничтожению праздношатательства и нищенства, к истреблению пьянства, – этих главных источников порока и разврата, – особенно в низших общественных слоях наших; озаботилось бы распространением христианского просвещения, облегчением средств к нему для возможно большего числа граждан и проч. и проч...

Не вдруг, конечно, все это может сделаться, а лишь постепенно, при неослабном и дружном содействии всех сословий; но во всяком случае не неуместно в настоящие минуты пожелать по крайней мере того, чтобы в нас жило и укреплялось искреннее желание и стремление созидать свою общественную жизнь на нравственно-религиозных началах, чтобы в нашем древнем и богатом православную святыню городе Владимире не исчезал, а умножался и возрастал тот дух глубокого христианского благочестия, которым отличались наши православные предки; чтобы защитил нас Господь от современных тлетворных идей, при которых хотя и возможно, быть может, видимое и временное материальное улучшение обществ, но за то истинно здравая и правильная жизнь

общественная невозможна. Да поможет нам Господь Бог исполнить в сем отношении задушевную мысль и желание нашего доблестного, православнейшего и тезоименитого ныне Государя Императора Александра Николаевича, который путем плодотворных гражданских реформ и материальных улучшений хочет пробудить наш народный дух и поднять его на религиозно-православную высоту.

Поучение к воспитанницам Владимирского Епархиального женского училища в день Введения во храм Пресвятой Богородицы (21 нояб. 1866 г.)

Поздравляю вас, дети, с праздником Введения Божией Матери, и вместе с приобщением св. Таин! Ваше нынешнее светлое торжество, ваши благоговейные и счастливые лица и меня наводят на самые приятные об вас размышления. Какое счастливое, думаю себе, ваше положение в здешнем училище! Для образования вашего ума с вами проходят разные учебные предметы, о которых вы не имели бы дома никакого понятия. Чтобы приготовить вас для жизни, чтобы сделать из вас опытных хозяек, вас обучают разным рукодельям и женским ремеслам, которые не только выгодны и полезны будут ивам впоследствии, но и могут украшать вашу жизнь. А что всего важнее – у вас под руками все средства сделаться нравственными и благочестивыми христианками. Суеты и грязи житейской вы здесь не видите, храм Божий у вас над головами. Как угодить Господу Богу, – об этом вы слышите ежедневно от каждого из своих учителей и воспитательниц. На конец, вы каждый пост, как истинные и добрые христианки, приступаете к свят. причащению и, принимаете в себя Господа Бога. Значит, вам остается только учиться, трудиться и молиться. К этому принаровлена здесь вся ваша жизнь. Может быть и из вас некоторые, а может быть и все вы, как дети, мечтаете иногда о домашнем приволье, об этой беспечной и шаловливой ребяческой жизни. Но подождите, поживите немного побольше, – и вы станете понимать, как иногда неосновательно, а подчас даже вредно и опасно бывает то, чего вам хочется. А вот, когда Господь приведет, кончите вы курс своего учения, то помяните мое слово, как вы часто, м. б. со слезами станете вспоминать о прежнем месте своего воспитания. Будет хотеться пожить хоть несколько опять здешнюю тихую, разумную и спокойно-религиозную жизнь, – да нельзя уже будет! Пользуйтесь же

теперешним временем, запасайтесь как можно больше всем, чему вас здесь учат и что вам внушают, чтобы выдти вам отсюда как можно лучше, т. е. как можно образованнее опытнее и нравственнее.

Берите пример с Пресвятой Девы Богородицы, в честь Коей устроен сей храм ваш, и небесному покровительству Которой поручены вы и все училище ваше.

И Она, подобно вам, детство и отрочество Свое провела под кровлею храма Божия, вдали от житейской суеты, в молитвенном безмолвии, в трудах и непрестанном обучении. Будучи еще трехлетней малюткою, Она уже оставила дом родительский, чтобы всю себя отдать Господу Богу и поручить Себя воспитательному водительству Своих учителей и наставников при храме Соломоновом. Так и вы. Если иногда нападет на вас какой-нибудь дух уныния и скуки, если станет ослабевать ваша ревность к учению и трудолюбию, – поднимитесь сюда в храм Божий, взгляните на икону Введения Божией Матери и вспомните, как Она – еще дитя – весело и радостно шла, в сопровождении других дев, учиться и воспитываться при храме Божиим. Воздохните к Ней от сердца, призовите Ее в помощь, – и вмиг пройдет все ваше уныние и грусть, и явится бодрость, охота к учению и трудолюбию.

И насчет того, как жить и учиться в училище, тоже берите пример с Своей Божественной Покровительницы и общей нашей Наставницы, Матери Пресвятой Богородицы. Читая житие Ее и вдумываясь в некоторые Евангельские сказания об Ней, видим, что смиренная покорность воле Божией и повиновение Своим воспитателям, а также кроткое и любвеобильное настроение Ее безпредельное религиозного духа, были отличительными чертами Ее во всю жизнь, начиная с детства и до последних дней Ее пребывания на земли. Так и вы. Старайтесь прежде всего быть кроткими и послушливыми, приучите себя беспрекословно делать все, что вас заставляют делать и в точности исполнять все, к чему приучить вас хотят. По-видимому, невеликое и неважное дело исполнить то, что велят. Но исполни раз, исполни другой, исполни и третий, – и явится в высшей степени важная для жизни и высокая христианская

добродетель – жить не так, как хочется, а как Бог велит и как долг требует. Может быть и половины бы житейских невзгод и огорчений не случилось бы с людьми в жизни, может быть и грехов против Бога и совести они делали бы несравненно меньше, если бы с молодости выучивались слушаться, и послушанием приобретали себе способность побеждать свое самолюбие. Примите это к сведению.

Что же касается того, как между собою вам жить; то конечно одна любовь, ласковость и добродушие должны быть во всех ваших словах и поступках. Этими качествами и блистала по преимуществу Матерь Божия на глазах Ее сверстниц, воспитательниц и прислужниц в храме Соломоновом, как повествует сказание об Ее жизни, так что Она была именно как Ангел Божий среди людей, и Ангелы Божии приходили служить Ей и беседовать с Нею. О, если бы вам хотя в некоторой степени уподобиться Пресвятой Деве Богородице – по доброте души, нежности и мягкости сердечной! Конечно, вы еще дети, и потому каких-нибудь резких грубостей, или какой-либо особенно выдающейся жесткости сердечной я не предполагаю в вас. Но ведь и из малого бывает большое. А ваши ссоры, хоть и мелкие, ребяческие, но все же ссоры, а ваши уловки свалить иногда свою вину на чужую голову, а ваши иногда заметные поползновения выхвалиться, возвысить себя и унижить сверстницу, – что все это, как не то малое, из которого может вырасти, пожалуй, и большое зло? Так смотрите же, не поддавайтесь дурным наклонностям своего сердца. Вас теперь живет довольно много в одном месте; следовательно, всегда будет представляться довольно случаев к разным столкновениям, ко взаимным жалобам и завистливому соперничеству и т. п., – значит, вам тут виднее наблюдать себя. Как только что-нибудь дурное промелькнет в душе, – сейчас же и тушить его надо, с помощью Царицы Небесной – вашей Небесной Матери и Покровительницы.

Наконец, что касается ваших учебных занятий и того времени, когда вы бываете в классах или работаете, – то и в сем случае да будет для вас примером Пресвятая Матерь Божия. Она, хотя, конечно, наделена была от Господа всеми

духовными дарами и умственными силами, но все-таки во время Своего пребывания и возрастания во храме Соломоновом, развивала их прилежанием и усердными упражнениями. Священное писание Ей было вполне известно, но за то Она и проводила в чтении его большую часть времени, а усердным упражнением в женских рукодельях Она приобрела себе такое искусство, что впоследствии Сама собственными руками могла приготовить Спасителю нешвенный хитон. Так и вы. К чему сами поприлежите и чему поучитесь, в том только и успеете. При всем нашем желании сделать вас образованными и опытными, вы можете остаться недоучками и неопытными девицами, если с вашей стороны не будет старательности и внимания. Значит, во время ваших уроков вы только о том и думать должны, как бы понять и усвоить то, чему хотят вас научить, и отнюдь не позволять себе рассеиваться мыслию и предаваться лени. Если же нападет на вас непонятливость, и если при всем желании вашем чему-нибудь научиться, сил не будете находить в себе, то обратитесь с теплою мольбою и воздохните со слезами к Пречистой Деве Богородице. Она услышит вашу искреннюю молитву, и непременно поможет вам, если будете того заслуживать своим добрым поведением. Итак, питайте к своей начальнице и воспитательницам покорность и преданность, между собою мир и любовь, к учителям внимание и старательность. – Помните же это и соблюдайте! Да поможет вам Царица Небесная, ваша Заступница и Покровительница Небесная. Аминь.

Внецерковная беседа с прихожанином о военной службе – по случаю рекрутского и набора

Священник (подходя). Что задумался, друг мой?

Прихожанин (уныло). Ах батюшка, виноват, я и не и заметил вас!

Свящ. Ну, скажи же, о чем ты так грустишь? вот уж несколько дней я примечаю за тобой, – ты все ходишь такой невеселый!...

Прихож. Сами изволите знать, батюшка, – состою на очереди, и знаю, что не миновать мне солдатчины.

Свящ. Так, стало быть, ты пугаешься службы Государевой, боишься трудностей ее? Я очень рад поговорить с тобой насчет этого предмета; потому что принимаю в тебе искреннее участие.

Прихож. Ради Бога – батюшка! Признаюсь вам в своем малодушестве, какая-то тоска щемит сердце, какой-то страх нападает!...

Свящ. Что и говорить, не легка служба военная! Но возми ты в расчет, какая же служба и жизнь обходится без забот и труда? Разве ты, живя в деревне, не работаешь на поле или на гумне с утра до вечера? Труда и забот боятся только негодные да ленивые люди, которые нигде не годятся, – ни в деревне, ни в городе, ни в военной службе. А ты у меня крестьянин честный и трудолюбивый. Таких-то и нужно Государю.

Прихож. Покорно благодарю на добром слове, батюшка. Точно, не сидел я сложа руки никогда; да все как-то мы уж больше привычнее к своей крестьянской работе. Тяжела и она, а все лучше!

Свящ. Ну об этом не стоит и говорить. Привыкнуть можно ко всякой службе; ты верно другое что-нибудь хочешь сказать?

Прихож. Ох, батюшка, – одно слово солдатство! Натерпишься всего, и голоду и холоду и побоев всяких.

Свящ. Ты уже слишком запуган, друг мой, от того и забираешь себе в голову всякие, небывалые даже и совсем неосновательные страхи. Заверяю тебя – как священник, как

отец твои духовный, не желающий тебя обманывать, что нынче военная служба стала далеко не так тяжела и сурова, как бывало прежде. Нынче стало совсем не то. Нынче государь не велит подвергать солдат никаким побоям, а велит с ними обходиться справедливо и ласково. Наказывают только тех, которые не служат, а баловством разным занимаются. Ну таких так и надо. Так ли?

Прихож. Разумеется так, батюшка, – это что говорить!

Свящ. Холоду и голоду ты боишься? И это опять все пустое. Конечно и нынче солдату лишнего не дают; но Государь нынче паче всего хлопочет, чтобы его воины были крепки, здоровы и всегда сыты. Право, как поглядишь, как живут некоторые из вас, как перебиваются из-за куска насущного хлеба целый горемычный век свой, – так невольно поболееешь сердцем. А военной службы бояться нынче нечего. Ты читал ли высочайший манифест о нынешнем наборе?

Прихож. Нет, читать не читал, а слышал только, что государь велел набирать по четыре человека с тысячи. Да не будет ли войны, батюшка?

Свящ. Нет, про войну пока не слышно – слава Богу! Набор делается для обыкновенного пополнения армии и флота нашего. Ну, разумеется, когда иноземные государства узнают, что у нас полный комплект войска, так не очень-то будут напрашиваться на войну. А коли война будет неизбежна по каким-нибудь обстоятельствам, – ну мы и готовы. Вот зачем набор объявлен.

Прихож. А не можете ли вы, батюшка, дать мне этого манифесту прочесть?

Свящ. С величайшим удовольствием. Прочитай непременно. Ты сам увидишь из манифеста, как государь старается сделать всевозможные льготы народу касательно рекрутской повинности, и удалить все неприятности, которым бывало подвергались молодые рекруты при вступлении в военную службу. Нынче, напр., государь не велел даже вводить рекрутов в рекрутские присутствия обнаженными, не велел им брит лбы, запретил также брить и затылки и проч... Так и видно, какая добрая душа у государя, так и видно, что, принимая к

себе на службу людей всякого звания и состояния, государь берет их под свое попечение – как отец, и начальникам военным старается внушить, чтобы они берегли его воинов и уважали в них человеческое достоинство. Как же не послужить такому государю?...

Прихож. О, да сохранит Господь Бог на многие лета нашего великого государя, нашего отца и благодетеля!...

Свящ. И можно ли сомневаться, что верная и усердная служба твоя как-нибудь пропадет за таким мудрым и милостивым государем? Для храбрых и верных воинов своих он не щадит ни казны своей, ни наград. Только служи царю верой и правдой, – а за ним служба, все равно что за Богом молитва, никогда не пропадет. Да и службу-то самую государь сократил нынче почти на половину против прежнего. После пятнадцати лет службы – получивши честную отставку, ты можешь снова вернуться на родину к родимой семье своей и к своим прежним мирным занятиям сельским. Честных служак своих, уволенных в чистую, государь повелел снабжать землей, если они того пожелают, для потерявших на службе здоровье открыл богадельни, для не могущих трудиться назначает денежные пособия и проч. Чего же тебе бояться очень, чего горевать и тосковать?...

Прихож. Благодарю вас батюшка; слушая вас, как будто легче и отраднее себя чувствую. Но вот в чем моя беда, – у меня есть семейство – как сами изволите знать; оно-то меня и крушит. Погляжу на жену, – ходит словно убитая; погляжу на малых ребятишек, – у самого тебя так вот и занает душа!

Свящ. Сочувствую тебе – душа моя, и жалею от всего и сердца, а все-таки Боже тебя сохрани предаваться отчаянию и безутешной тоске! Действительно, велик тебе предстоит подвиг; но помни, что не тебе одному он назначен, – его разделят с тобою может быть очень и очень многие твои собратья, которые может быть гораздо благодуще и бодрее твоего идут навстречу своему подвигу. Приободрись и ты.

Прихож. Подкрепите же меня – батюшка своим разумным словом и не оставьте вразумлениями. Не могу я никак сладить с своим сердцем.

Свящ. Ну и дай ему немножко потужить и погоревать; а сам, между прочим, обратись к своему уму и разуму, и обсуди хорошенько свое положение. Для того Господь и дал нам разум, чтобы мы не падали духом, когда сильно затоскует в нас сердце. Самое первое держи в уме своем то, что подвиг твой совершенно необходим для твоего отечества, для царя и для веры православной. Если бы все захотели думать только об себе, хлопотать об своей пользе, ходить только около косули да бороны, да жить дома с своими семьями, – так ты посуди, чтобы из этого всего вышло? Враги наши, как вороны, бросились бы на беззащитную землю нашу, и грабили бы ее да расхищали – как только душе угодно. А при этом могли ли быть безопасны наши семьи, наше добро, наши жилища и наши труды? Все пошло бы прахом, и весь порядок бы рушился в государстве. А что случилось бы с самым дорогим нашим сокровищем, с верой православной и Церквью Божиею? Какие-нибудь басурманы пришли бы в святую Русь нашу, разорили бы храмы Божии, и нас бы, пожалуй, обратили всех в свою веру. Но теперь никто и ничего не посмеет нам сделать; потому что у нас есть храброе и христоролюбивое воинство, в ряды которого и ты готовишься поступить. Таким образом, расставаясь с своей маленькой семьей, ты помни, что вступаешь на службу целому родному своему государству и святой вере православной. Какая благородная служба! Какой высокий подвиг!

Прихож. (воодушевляясь). Эх, кабы не одно только!...

Свящ. Какой ты славный человек – Петр, и какой из тебя выйдет прекрасный воин! Едва я заговорил тебе о долге и чести, о службе царю и отечеству, – как ты готов уже позабыть о своем горе, – вот это истинно по-русски! Но я вижу, что ты все еще колеблешься?... Тебя беспокоит участь твоей семьи... Но помилуй, разве ты оставляешь ее среди каких-нибудь диких зверей, а не людей? разве дети твои должны непременно без тебя погибнуть и пропасть? Сохрани Бог, – ничего этого не будет! У твоей семьи остаются еще родственники, да и мир не оставит без призора твою жену, а детям даст приют и помощь. Зачем же так печально смотреть на будущее?

Прихож. Я и хотел бы не смотреть, – да никак не могу. Иной раз как будто ничего, сердце маленько поуляжется, – и тоска поспадет, но потом вдруг опять раздумье возьмет, – и еще пуще разгорююсь!

Свящ. Послушай – Петр, если и волос с головы нашей не падает без воли Отца нашего Небесного, если Он смотрит за нами постоянно как за малыми детьми, – так без всякого сомнения по Его же святой воле и тебе и семейству твоему выпадает такой жребий. Поверь мне, что коли Господь повелел тебе идти в государеву службу, – так уж Он знает, что делает, и не опасайся, – семейства твоего не оставит Он так – задаром и без всякого попечения, потому что Он милосердный и птенцов врановых бережет. *Не вы ли паче лучши их есте?* (Мф. 6:26) утешает нас Он сам.

Прихож. Ну так буди во всем Его святая воля!

Свящ. Вот это так, вот это истинно по-христиански! Знаешь ли, как Господь учит всех нас самоотвержению и благодушной покорности Его святой воле? *Иже любит отца или мать паче Мене* – говорит Он, – *несть Мене достоин, и иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10:37). Это значит: любовь ко Господу Богу и повиновение Его святой воле должны быть в нас выше и крепче всего, и побеждать всякую естественную и нашу привязанность. Таким образом – Господа ради оставляя свою семью, и вступая в службу государеву благодушно и безропотно, ты поступишь как истинный ученик Христов. Какая честь, какой светлый и высокий жребий христианский!...

Прихож. Каюсь вам, батюшка, – не мне эта честь; хоть устами я и покорился как будто воле Божией, а на душе все что-то не то: там – как-то не выходит у меня Господа-то ради, – как вы говорите. Думаю себе, кабы не неволя, да не начальство... Эх, что и говорить про это!

Свящ. Но повинуюсь начальству, ты кому же повинешься, как не самому Господу Богу? *Несет власть, аще не от Бога; сущия же власти от Бога учинены суть* (Рим. 13:1).

Прихож. Так батюшка, но, если я власти-то повинуюсь не охотно и не добровольно?

Свящ. А желал бы?

Прихож. О, конечно!

Свящ. Ну и прекрасно, за одно это твоё желание послужить верой–правдой своему государю, Господь пошлет тебе со временем дух силы и крепости, и дарует свободную любовь и охоту к своей службе. Таким образом служба твоя будет иметь силу добровольного подвига в очах Божиих. Господь и все так с нами поступает. Пошлет нам какое-нибудь испытание, – мы и начнем отнекиваться, скорбеть и роптать. Потом вдруг вспыхнет в сердце какая-нибудь крошечная искорка любви ко Господу, – и мы тотчас беремся за ум и смиренно возлагаем на себя крест, посланный нам провидением... Но вот что было бы нечестиво и богопротивно с твоей стороны. Если бы, напр., ты вздумал (чего избави тебя Боже!) уклоняться вовсе от государевой службы, и для сего решился бы прибегнуть в каким-нибудь отвратительным средствам...

Прихож. (тревожно). Это вы насчет чего?

Свящ. Насчет того, что некоторые из вас неразумные и малодушные иногда нарочно искажают себя и портят себе разные члены, вырывают, напр., зубы, отрубают пальцы и тому подобные делаю низости, чтобы только избежать военной службы.

Прихож. (с негодованием). Да покарает меня Господь Бог, если я только вздумаю... Как это можно? что вы это говорите – батюшка?

Свящ. До какой степени низко и богопротивно так поступать, сам ты понимаешь и видишь... Да я не для тебя собственно это говорю, а так – к слову только пришлось... Нет – друг мой, коли Господь зовет кого в военную службу, – ступай и не прекословь! А станет кто на хитрости да на низости пускаться, – не будет тому счастья на этом свете, а на том и подавно. Господь накажет строжайшим образом!...

Прихож. Оборони Господи всякого человека от такого сраму и греха!

Свящ. Еще нечестивее и богопротивнее поступают те, которые убегают из службы, уже поступивши в нее и произнеся присягу на верность государю. Клятвопреступник, –

как ужасно одно это слово! Изменник государю, постыдный беглец, отверженный сын Церкви Божией, негодный член общества, – как все это ужасно!

Прихож. Спаси и сохрани только Господи!...

Свящ. А между тем верных сынов престола, Церкви и отечества – Господь и здесь нередко осыпает всякими милостями, а в будущей жизни готовит им светлые венцы!

Прихож. Не забывают меня батюшка в своих святых молитвах перед престолом Божиим, – чтобы Господь подкрепил меня в моем подвиге, как вы называете военную службу.

Свящ. Кроме того, что мой долг молиться за своих духовных детей, помни Петр, что и вся Церковь Православная ежедневно молится о своем христолюбивом воинстве, следовательно, будет молиться и за тебя. Как все это должно воодушевлять тебя и ободрять!

Прихож. Благодарю вас – батюшка ваша теплая и истинно христианская беседа так меня успокоила, что я теперь готов хоть сейчас в службу царскую. Не побоюсь – кажется – и живот свой положить за царя, за веру и отечество...

Свящ. Да, Петруша, может быть тебе и в самом деле придется положить живот свой на службе. Не страшись и этого. Будь верен солдатской присяге, которую будет слушать из уст твоих сам Господь Бог. Помни, что Он сказал в своем Евангелии: *больше сея любви никтоже имеет, да кто душу свою положит за други своя (Ин. 15:13)*. Значит – какая же награда будет на Небесах всем, за веру и отечество живот свой положившим, – на брани ли то, или при другом каком случае?... Таковые причтены будут к лику мучеников. Прощай же – друг мой, и не забывай моих советов, – они вылились у меня прямо из души и сердца! Да спасет тебя Господь Своею благодатью, и да укрепит сердце твое в тех высоких чувствах преданности и любви к царю и отечеству, которыми оно наполнено в настоящие минуты – к моему истинному удовольствию и утешению!

Прихож. (растроганный). Благословите же меня – батюшка!

Свящ. (благословляя). Последний тебе мой совет и предостережение... Предурной еще обычай есть у новобранцев

в военную службу – предаваться пьяному разгулу и мотовству на прощаньи с родиной и при вступлении в службу. Кроме того, что молодому рекруту всего нужнее беречь копейку про черный день, кроме того – что пьянство и дикий разгул всегда есть дело противное людям и мерзкое в очах Божиих, – в новоизбранном воине он еще как-то хуже; потому что показывает своего рода трусость и слабость души. Боится человек прямо пойти навстречу своей судьбе, робеет своего нового положения, – ну и давай отуманивать себя водкой, давай заливать свою трусость одуряющими напитками. Но хорошо ли это, честно ли, похристиански ли это? Ради Бога, Петруша, – не позволяй себе ничего подобного, и других невежд вразумляй из своей братии. На службу царю, отечеству и вере Православной надо вступать спокойно, трезвенно, с непоколебимою решимостию, с верой и надеждой на Господа Бога, – а не закрывши глаза и с отчаяния махнувши на все рукой. Христианину и верному слуге отечества – нигде и ни в каком случае ребячиться не приходится. Ну прощай Петр, – и Господь тебя благословит!

Приветственная речь воспитанницам Владимирского Епархиального училища на двухгодичном акте оного (12 февраля 1867 г.)

Итак, дети, по милости Божией, вы два года уже прожили в здешнем училище, и вот теперь переходите из низшего в средний класс. Поздравляю вас и вместе с вами благодарю Господа Бога за Его неизреченные милости ко всем нам грешным. Ибо, по Его милости конечно и устроен и стоит сей образовательный и воспитательный приют ваш; по Его же милости вы благоуспешно возрастали здесь, развивались и укреплялись ваши телесные и духовные силы; по Его же милости и все мы живем, движемся и существуем. Все по милости Божией, и все от Господа Бога. Итак, слава и благодарение Господу Богу, хранившему и укреплявшему вас во всю вашу прошедшую жизнь, и благословлявшему учебные труды ваши в прошедшие два года возрастания вашего под мирною и благодетельною кровлею сего училищного дома! Душевно сочувствуя вашему нынешнему торжеству и радуясь переходу вашему в высший класс, мне хотелось бы дети поделиться с вами некоторыми собственными моими мыслями и советами.

Желалось бы, во-первых, обратить ваше внимание на то, как неприметно, но вместе быстро идет время вашего возрастания. Давно ли, кажется, мы вместе с вами праздновали открытие нашего училища, давно ли вы явились сюда такими неразвитыми и несведущими малютками, – а вот теперь вы смотрите уже заметно подросшими детьми, с некоторыми новыми и уже серьезными привычками, и с некоторыми не столь уже детскими стремлениями. Так тому и следует конечно и быть. Но вот день за днем, недели за неделей, – и не увидите, как пройдут те немногие годы вашего воспитания, которые остается вам здесь прожить, и не заметите, как приблизится та решительная минута выпуска вашего отсюда, когда откроется

пред вами необозримая ширь и даль серьезной, многотрудной и многомятежной жизни действительной. Все это я в тому говорю вам, что, перешедши в новый класс, вам надобно удвоить свои труды, свою внимательность к учителям и воспитателям, свою старательность о себе и о своем образовании. Все усвоенное вами здесь, всякое знание, всякий добрый навык, всякая полезная кроха в высшей степени пригодятся вам впоследствии. Верьте мне, что чем больше вы вынесете из училища умственного и нравственного запаса, т. е. чем образованнее и добродетельнее вы здесь сделаетесь, тем лучше, счастливее и легче потечет ваша будущая жизнь, и тем больше пользы и добра произойдет от вас и для других людей. Как это вам будет приятно, и какая заслуга для вас будет от сего пред Господом Богом! Не в первый раз, конечно, вы слышите все сие от меня, но я повторяю и нарочно выставляю сие вам на вид теперь в той уверенности, что, переходя в новый класс и значительно подвинувшись в определенном сроку вашего воспитания, вы с особенным участием выслушаете мое наставление и постараетесь приложить его к делу.

Но кроме заботы и старания об себе, Господь с нынешнего нового года налагает на вас новую обязанность заботиться и о ваших новых соученицах, поступивших и еще имеющих поступить на ваше место в первый класс. В некотором отношении оне поступают под вашу опеку и под ваш надзор, потому что большую часть своего времени оне будут проводить вместе с вами. Примите же их и руководствуйте как старшие сестры своих младших сестер. Важнее всего будет для них ваш пример. Все, что вы будете делать, и чем вы станете заниматься, тому и оне конечно начнут подражать и станут перенимать у вас. Это обстоятельство с одной стороны должно внушать вам постоянную осторожность и боязливость, как бы не подать детям в чем-нибудь худого примера, и таким образом не ответить за них, – а с другой стороны должно утешать вас, что вот Господь Бог открывает вам первый случай и первую возможность передавать и другим то доброе, что вы по милости Его сами уже знаете и чему научились в здешнем заведении.

Постарайтесь своим ласковым и родственным обращением облегчить для них горесть разлуки с своими родными и домашними. Одушевляйте и ободряйте их при каждом удобном случае. Что для них покажется непонятно, – объясните им и растолкуйте, что непривычно, – к тому приучите и приохотьте своим примером, что трудно, – облегчите своим пособием. Вспомните и по себе поймите, как много значит дружеское и ласковое слово для дитяти, прямо из родного дома, поступающего в школу. Учитесь таким образом жить не для себя только, но и для других навывайте понемногу сей высокой, драгоценной истинно христианской добродетели, т. е. самоотвержению и любви к своим ближним. За сие благонравие и за сие теплое участие к вашим меньшим сестрам Господь пошлет вам свою особенную милость, и дарует вам преуспеяние в вашем собственном развитии и образовании.

Над всеми же вами и нами и над домом сим да пребудет благословение Господне, того благодатию и человеколюбием всегда, ныне и присно, и во веки веков!

Слово в день рождения благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича (17 Апр. 1867 г.)

В настоящий светлый день, в честь великого и благословенного преобразователя нашего общества, прилично предложить вам, слушатели, с сего священного места в назидание слова Апостола: *молим, не вотще благодать Божию прияти вам... се ныне время благоприятно, се ныне день спасения* (2Кор. 6:1,2). Как Апостол для убеждения указывал Коринфянам на особенные обстоятельства своего времени, так сделаем и мы.

В наше время, в нашем обществе наступают тоже новые порядки, выясняются понятия о достоинстве человека, о достоинстве нравственной жизни. При свете просвещения обличаются наши застарелые язвы и предрассудки, открылась повсюдная жажда просвещения и явилась благородная ревность к подвигам чести и долга. Когда – говорим, как не теперь, всего приличнее повторить апостольские слова: *се ныне время благоприятно, се ныне день спасения...*? Но св. апостол Павел, не ограничиваясь и одним советом, и увещанием к подвигам благочестия, показал для своих учеников в своем примере и путь к этим подвигам, и правило, какого нужно держаться, чтобы не уклоняться от этого спасительного пути.

Какой же это путь и что это за правило? Приникнем в апостольской проповеди!...

«Во всем представляюще себе якоже Божия слуги, в терпении мнозе, в скорбех, в бедах, в теснотах, в ранах, в темницах, в нестроениях, в трудах, во бдениих, в пощениих, во очищении, в разуме, в долготерпении, в благости, в Дусе Святе, в любви нелицемерне» (2Кор. 6:4–6). Итак, путь к нравственному совершенству апостол Павел указывает тот же самый, какой один раз навсегда указан подвигоположником и начальником нашего спасения, – это узкий и тернистый путь креста и самоотвержения. *«Аще кто хочет по Мне идти»*, сказал Господь, т. е. кто хочет идти к нравственному

совершенству, «да отвержется себе» (Лк. 9:23), т. е. пусть откажется от своего самолюбия, умертвит свою чувственность или по выражению Апостола, «распнет плоть со страстми и похотьми» (Гал. 5:24).

Слова Господа и слова апостольские показывают нам с одной стороны то, что самолюбивые стремления оземленившейся и оплотнявшейся природы нашей служат первоначальным источником нравственного зла, главной задержкою и самым сильным препятствием на пути нравственного усовершенствования; а с другой стороны то, что нет другого средства устранить и уничтожить это препятствие, кроме нравственного самоумерщвления, предполагающего долгую и ожесточенную борьбу с самолюбием, со страстями и похотями своей чувственности. Это главные основные положения христианского нравоучения.

Потому распространяться об них было бы излишне, и мы напоминаем их потому собственно, что при нынешнем напряженном и спешном стремлении нашего общества к нравственному совершенству, создаются неправомыслящими другие правила, другие начала нравственности, а вследствие этого и средства к нравственному совершенствованию предлагаются другие, чем те, какие предлагает Евангелие, т. е. вместо истинных и верных выдумываются ложные и бесполезные. Вот основные положения современной нравственности: «разумное и глубокое сознание того, что внушает долг и честь, достаточно сделать нравственным как одного человека, так и целое общество. Потому как можно больше нужно заботиться о распространении просвещения в обществе; потому что просвещение, развивая самоуважение, необходимо заставит уважать и строго исполнять предписания долга и чести. Что же касается чувственных потребностей и стремлений, так сильно действующих в человеческой природе и так широко разросшихся в наше время; то излишне было бы их стеснять и ослаблять, достаточно привести их в соответствие со способами их удовлетворения. Это выражается на современном научном языке: потребности общественные должны быть в равновесии с общественными средствами. Можно значит

сказать, что лучше нужно заботиться об умножении средств в обществе, чем о совращении его материальных потребностей». Что сказать обо всем этом? Никто, конечно, не станет отрицать важности и необходимости общественного просвещения, или утверждать бесполезность улучшения в гражданском быту. Но глубоко сочувствуя современным стремлениям и понятиям о долге и чести, и весьма уважая благородную цель наших общественных улучшений, нельзя только не заметить с крайним прискорбием, что существенных-то плодов от всего этого видится далеко не много. Отделивши малочисленную горсть людей истинно благородных и самоотверженных, которые, зато и держатся не выдуманных каких-нибудь, а христианских и Евангельских начал нравственности, отделивши этих людей, увидим опять во всех классах общества то же зло, те же пороки, против которых вооружается само общество. Нет спора, что нынче громко говорят о долге и чести, иногда очень даже задушевно и убедительно. Но это ли плоды просвещения? Того ли требует от нас Бог? Того ли хочет государь, великий и благословенный преобразователь нашего общества? Он хочет не слов, а дел, не лести, а правды, сердечного убеждения и плодотворной деятельности, т. е. того, чего именно недостает нам. Чем же объяснить это? А вот именно тем, что мы не хотим идти по тому пути усовершенствования, какой предлагает нам Евангелие. Нам хочется выдумать путь полегче и попроще, так чтобы дело обходилось без борьбы и жертв. Мы думаем, что довольно так или иначе поставить общество, такое или иное дать ему направление, напр., посредством просвещения, и уж оно само пойдет по этому направлению. А между тем на деле-то вовсе не так. На деле открывается что-то странное и непостижимое с обыкновенной точки зрения. Как бы человек образован ни был, как бы ни строги и ни ясны были его понятия о долге и добродетели, всегда ему приходится бороться с собой, принуждать себя и насиловать, чтобы быть добродетельным и строго честным на самом деле, а не на словах только. Эту странность объясняет нам слово Божие растлением и порчею человеческой природы, которая как печальное наследство передается от одного человека к другому

путем естественного рождения. И если мы не всегда ясно сознаем в себе порчу и раздвоенность своей природы, не чувствуем в себе борьбы добра со злом, то это потому, что последнее большею частию торжествует над первым.

Тем не менее всякому человеку непременно приходилось испытывать такие состояния, когда борьба начал доброго и злого выступала в нем с такою яркою наглядностью, что он готов был повторять с апостолом: *окаянен аз человек, кто мя избавит от тела смерти сея!* (Рим. 7:24). Все это мы к тому говорим, что просвещение само по себе не может быть ни ручательством общественной нравственности, ни прямым средством к улучшению ее. Оно есть только вспомогательное средство.

Где же главное и прямое средство? В чем тайна, от которой зависит успех нравственного совершенствования как отдельных людей, так и обществ? И если путь нашего нравственного совершенствования – неизбежно есть путь самоотвержения и борьбы с собственной растленной природой, то где взять сил для этой борьбы?... *Без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15:5), на сие отвечает нам Господь. *Будите во Мне, и Аз в вас. Якоже розга не может плода сотворити о себе, аще не будет на лозе: тако и вы, аще во Мне не пребудете!* (Ин. 15:4–5). Итак, вот где тайна нашего совершенствования. Надо привиться, подобно ветви, к источнику жизни и к совершителю нашего спасения, – тогда мы *вся возможем о укрепляющем нас Иисусе Христе* (Флп. 4:13). А чтобы быть плодотворною ветвью о Христе Иисусе, надо быть живым членом Его Церкви, потому что в нее, как в сокровищницу, Господь положил все богатство благодати своей, учредив Таинства – как проводники сей благодати, и поставив совершителей Таинств – пастырей и учителей. Таким образом слово наше сводится к следующему умозаключению: поскольку нравственное усовершенствование невозможно без жертв и без самоотверженной борьбы с самим собою, и так как силы для этой борьбы человек почерпает в таинственном союзе со Христом Спасителем, а этот союз заключается и закрепляется только в Церкви: то выходит, что никакое в истинном смысле понимаемое усовершенствование ни

обществ, ни отдельных личностей – вне веры и Церкви Христовой не может быть успешно.

В самом деле – все наши усиленные старания о долге и добре, благородные и похвальные сами по себе, не от того ли большею частию остаются без плода и пользы, что лишены христианского характера? Отчего, напр., все законодательные и даже полицейские меры к истреблению корыстолюбия и лихоимства никак не могут истребить этого зла? От того, что не достаёт самим членам общества собственного нравственного подвига, что у нас нет терпения, что мы не способны на самоотвержение, – словом, что мы плохие христиане, и нет у нас ничего такого, что бы давало не только свет уму, но и сообщало жизнь целой нашей душе. Отчего опять все усилия общества уничтожить неприязненные отношения между сословиями и ввести уважение не столько к родовым и наследственным преимуществам, сколько вообще к человеку – к его личным достоинствам и заслугам, – отчего эти усилия до сих пор не имеют желанного успеха? Оттого, что нет в нас духа Христова, что христианская нравственность нам незнакома, что недостаёт нам Евангельского самоотвержения, что слишком много в нас любви к себе и слишком мало нелицемерной, т. е. христианской любви к ближним!...

Итак, благочестивые слушатели, будем помнить, что без помощи св. веры Христовой и без содействия общей матери нашей Православной Церкви, общество слишком мало может для нас сделать, и само далеко не пойдёт. Та единственная заповедь, какую может предложить нам научное просвещение, что «нужно делать то, что внушает долг, и избегать того, что он запрещает», – эта заповедь слишком отвлеченна, чтобы могла быть животворным началом нашей жизни. Ибо никакое сознание долга не может истребить в нас самолюбия; а оно то и делает обыкновенно, что наши убеждения и наше сознание долга – остаются сами по себе, а жизнь и дела – сами по себе. Страсти и живущее в нас зло всегда возьмут свое, если не будет в нас какого-нибудь сдерживающего их начала. В этом то случае св. вера Христова может сделать то, чего никто и ничто не может сделать. Она одна может вдохнуть в нас эту ничем

непоколебимую ревность к долгу, эту самоотверженную любовь к Богу и в ближним, без которой невозможно сделать ни одного шага на пути нравственного совершенствования. Значит об укоренении начал веры и Евангелия общество всего больше должно стараться, если оно так боится нравственного застоя, и так пламенно хочет идти вперед. Пусть общество позаботится, что бы молодое поколение с приобретением полезных познаний с ранних лет вдыхало в себя животворный дух Евангелия, сливало с своею плотию и кровию святыи и высокие начала христианства, – и то, чего так усердно ищет наука, придет само собою. Общественные язвы, которые иногда наука умеет открыть, но никогда не в состоянии заживить, легко и скоро исцеляются под живительным влиянием учения Христова, – потому что это не простое, не человеческое учение, а живое и действенное учение Божие, способное просветить не только ум, но оживить и спасти всего человека. Аминь.

Поучение к сельским прихожанам, по случаю освящения приходского храма (8 сент. 1867 г.)

Итак, православные, Господь помог нам благоукрасить наш храм, как нам хотелось. Известно мне, как вы всегда желали видеть благолепие и священную красоту в своем приходском храме; знаю, как вы искренно тужили, что ваши собственные недостатки и тяжелые нужды крестьянского домохозяйства мешали вам скорее привести в дело ваши благочестивые намерения об украшении храма Божия. Но вот Господь все привел к окончанию. Нашлись добрые люди, отыскиались средства, живо начались работы, – и вот я не могу без удовольствия теперь смотреть на вас, видя ваше благоговение, вашу благочестивую радость о красоте святого храма Божия и вашу благодарственную молитву к Господу Богу, совершителю всякого дела благого. Да – православные, первое, что нам следует теперь сделать, – это повергнуться в благодарственной молитве пред Господом Богом за то, что Он помог нам почти из ничего, почти без всяких средств устроить то, на что требовались тысячи. Так многомилостив и щедр Господь к нам грешным, и так всегда готов Он помогать всякому благу нашему намерению и желанию! но не забудьте и того, что Господь помог нам тоже чрез добрых людей. Не найдись эти добрые люди, не загорись в них святая искра любви ко храму Божию, – тогда может быть мы и до сих пор только хлопотали бы о своем храме. Кто эти добрые люди, – вам не безызвестно, – и потому я не буду распространяться о том, что вам нужно благодарить и их, и молиться Богу о их здравии и благопоспешений всякий раз, когда будете входить в сей благоукрашенный храм.

Но мне хотелось бы поговорить с вами вот об чем. Любуясь и наслаждаясь красотой сего обновленного храма Божия, как бы вы не ограничились (я даже опасаясь этого), – как бы говорю, – не ограничились вы одним только этим чувством радости и удовольствия. Конечно, радость о храме Божиим и

наслаждение его красотою – есть законное и святое чувство; но одно оно еще далеко не есть достаточная и благоприятная жертва для Господа Бога. Понимаете ли вы меня? Я хочу внушить вам то, что если, обновивши этот внешний храм Божий, вы отложите всякое попечение об обновлении внутреннего храма Божия, т. е. своей души и сердца, и всей своей жизни, то это будет все равно, что вы ничего не сделали для Господа Бога. Что из того, что иконостас сего храма – например – будет гореть у вас золотом, а души ваши будут черны и темны, как уголь? Какая польза из того, что стены сего вещественного и каменного храма будут сиять священными изображениями, а в храме вашего сердца будет гнездиться нечисть греховная и дымиться смрад пороков, грубости и всякого невежества? Что наконец будет из того проку, что вы станете приходить сюда смотреть, как все здесь хорошо, благообразно и свято, а уходить отсюда будете такими же дурными, страстными и нечистыми? Не будет ли это одним только праздношатательством и пустым глазеньем на святыню храма? Я думаю, вы согласны со мною в этом, и сами теперь понимаете, что, совершивши одно святое дело, т. е. обновивши и украсивши вещественный храм Божий, надо со всем усердием теперь заняться, еще более святым и несравненно богоугоднейшим делом – именно обновлением своей собственной жизни. В чем должно состоять это обновление, и как надо вам заняться своею душою, – об этом, я думаю, всякий из вас мало-мальски знает, так что мне и говорить бы много не о чем; но не скрою от вас своего сильнейшего желания сказать вам при настоящем благоприятном случае, что собственно нового я хотел бы особенно видеть в вас, и с чего прежде всего должны вы начать свое обновление.

Прежде всего, православные, бросьте вы эту постыдную страсть к водке, отстаньте от пьянства. И без того тяжел крестьянский быт, и без того жить вам приходится в черноте и бедности, – а вы без всякой жалости и без зазрения совести несете свои трудовые гроши, заработанные потом и кровию, в кабак! Благоразумно ли это? Где же вам подняться из своей крестьянской грязи, можно ли вам облагородить свою жизнь и

устроить ее по-человечески, когда вы плоды своих тяжелых трудов без всякого рассуждения пропиваете? Конечно, не далеко можно уйти в своих потребностях и во всем образе жизни от животных, ведя такую беспечную и бестолковую жизнь. И неужели затем государь дал вам свободу и хочет видеть вас скорее собственниками, чтобы у вас больше было возможности напиваться? Рассудите сами! Надо вам сказать, что до государя уже доходят слухи, что недавно освобожденный им народ, в котором он полагал, и мы все полагаем силу и надежду России, стал очень плохо пользоваться своей свободой, и стал страшно пьянствовать. Какое еще большее можете сделать вы огорчение государю, вашему благодетелю и отцу? А про то, как противно пьянство Господу Богу я уж и говорить не стану, – и думаю – вы сами это чувствуете. Греха скрывать нечего, а надо говорить прямо, что может быть и храм наш гораздо, гораздо скорее и благолепнее был бы украшен, если бы вы были более воздержны и менее предавались постыдной и богопротивной склонности к пьянству. Не оскорбляйтесь, ради Бога, моим прямым и откровенным словом, а примите его лучше к сердцу, как слово Божие, ибо я говорю вам, как пастырь ваш, от имени Божия. Вы знаете, что я вам добра желаю и пекусь не о чем ином, как о вашей же душе и о вашем спасении. Позвольте же мне продолжить мое слово.

Другое дело, с которого вы должны начать свое обновление, – это самообразование, т. е. попросту сказать – учиться грамоте вам нужно, всем кому есть время и досуг, – решительно всем. Если старым поздно учиться, а возрастным некогда, то малые в наших руках, их непременно надо учить грамоте, чтобы вырастить Богу и царю честных, трудолюбивых и не темных, и невежественных, а хотя сколько-нибудь образованных, т. е. по крайней мере грамотных граждан. Может быть вы уже по слуху знаете, что о просвещении своего народа Государь заботится нынче едва ли не более всего. Это не задаром – православные. Как подумаешь немного, то и видно будет, что в этом случае государь исполняет не что другое, как святую волю Божию. Многим из вас, я знаю, грамота кажется излишним делом. К чему дескать грамота? мы жили же до сих

пор без грамоты, и старики наши не учились же грамоте, да не хуже нас жили, – и многое многое другое говорится неосновательное насчет этого святого и богоугодного дела – какова грамота. Конечно можно прожить без грамоты и без ученья, – кто про это говорит? и мало ли без чего можно прожить!? Но что из всего этого выходит, – вот на что взглянуть нужно?! Сами же те люди, которые говорят, что не нужно грамоты, называют, однако же безграмотных людей темными и слепыми людьми. Прилично ли же человеку, наделенному от Господа разумною душою, жить во тьме, и ходить с завязанными, так сказать, умственными очами? Мудрено ли темному и слепому человеку постоянно спотыкаться, падать и коснеть в невежестве. К чему грамота! А не знают эти недалёковидные люди, что все эти суеверия, все эти превратные и младенческие понятия о религии, о Боге, о человеке, о будущей и о здешней земной жизни, – все эти, говорю, суеверные понятия и предрассудки, которые как сетью какую опутали русский народ, – чем они держатся, как не безграмотностью? С чего начался, чем укреплялся и чем силен теперь раскол, этот гнойный струп на теле церкви Христовой, эта зловонная язва в нашем отечестве, как не невежеством и не безграмотными понятиями о букве закона Христова? Не от той ли же безграмотности, не от той ли же слепоты духовной и коснения в невежестве происходит и то, что большая часть из вас не хочет знать никаких лучших, никаких более достойных человека и духовных наслаждений, кроме пьяного разгула, или ничего неделанья? Вот какое не шуточное и не маловажное дело безграмотность! Но вы спросите меня: как же помочь горю, как приняться за дело обучения и где взять средств для этого дела? Отвечу вам, что и средства, и время и всякая возможность для обучения откроется сама собою, если только вы искренно сами того пожелаете. Перестаньте только платить, кроме тех законных податей, которые изымает с вас общество, перестаньте платить непотребную и постыдную дань бесу чревоугодия и пьянства. Я слышал от опытных людей, которые нарочно занимаются этим делом, что если бы тем деньгам, которые вы отдаете на вино, вы захотели дать надлежащее

употребление, то не только у нас, а в каждом селе, и даже в каждой деревне могла бы быть устроена прекрасная школа со всеми средствами для обучения и достаточного образования всех ваших детей, и мальчиков, и девочек. Примите это в расчет и подумайте об этом хорошенько. Если бы понадобилось для вас по этому делу какое-либо мое участие и содействие, то знайте, что я весь к вашим услугам; я бы искренно порадовался за вас и сделал бы для вас все, что только было бы мне возможно.

Вот я высказал вам все, что мне хотелось высказать вам в настоящий праздник. Начните с того, с чего я сказал вам, – и Господь поможет вам во всем остальном. Ни одного важного дела нельзя совершить, не исполнив сначала приготовительных и менее важных дел. Так поступите и вы... Самой же скорой и сильной помощницей в деле вашего самоисправления да будет для вас Царица Небесная, в честь Рождества Коей посвящен сей обновленный храм. Притекайте же сюда как можно чаще, не пропуская без благословной вины, т. е. без крайней нужды, ни одной церковной службы, как подобает добрым и усердным христианам. Да будет для вас дом Царицы Небесной лучше и вожделеннее всякого другого места. Не ссылайтесь на недосуги, не оправдывайте своей лени ко храму Божию множеством работ и крестьянских нужд; благоволение Царицы Небесной дороже всего. Благословит Она вас, – все будет спориться и удаваться; отымет от вас свою милость, – все будет дурно и неуспешно. А главное, видя ваше усердие ко храму Божию, Она поможет вам так устроить и улучшить свою жизнь, как я говорил вам; а с этим нравственным улучшением поднимется к лучшему и ваша обыкновенная крестьянская жизнь. Аминь.

Слово на день рождения Благоверной Государыни Цесаревны и Великой Княгини Марии Феодоровны (14 ноября 1867 г.)

Аще и мнози пестуны имате о Христе, но не мнози отцы. О Христе бо Иисусе благовествованием аз вы родих

(Дневн. Ап. 1Кор.4:15)

Так писал коринфским ученикам своим апостол Павел, поставляя им на вид, что он есть не только их наставник, но и духовный отец; ибо родил их во Христе Иисусе благовествованием, т. е. привел их к вере Иисус – Христовой; и что поэтому он имеет право надеяться, что они будут подражать ему в своей жизни как отцу, точно так, как он сам подражал Христу. Если бы слова Апостола мы захотели приложить к себе и своему времени, то они были бы следующие: хотя у вас и тысячи наставников, но немного наставников о Христе. Ибо чему в самом деле не учат и не учатся в нынешнее время, чем не наполняются с самого раннего детства головы наших воспитанников, как не дробятся науки? – одним только пренебрегают, или не то что пренебрегают, а как-то не ценят и не прилагают к сему усердно рук, – это к религиозному воспитанию! Трудно в самом деле отрицать важность участия религии в деле воспитания, какой бы взгляд ни имелся на это наиважнейшее из человеческих дел, и какое бы направление ни хотели ему дать, но на самом то деле и в приложении к жизни действительно замечается у нас какое-то равнодушие к религиозным вопросам в деле воспитания. Как будто это есть что-то несущественное, отдаленное и не очевидное. Обыкновенно все дело здесь ограничивается одними благожеланиями и словесным признанием того, что при воспитании детей на религию обращать внимание непременно надобно. Такое равнодушие к самой существенной и важнейшей стороне воспитания зависит отчасти от того предрассудка, будто детский возраст слишком нежен и неразумен для такой

возвышенной и отвлеченной области, какова религиозная область, главным же образом от неумения взяться за дело, или прямее – от нерелигиозности самих воспитателей и родителей. Хотелось бы нам выяснить несколько, что заботиться о воспитании религиозного чувства именно с раннего детства, *и должно и можно*.

Первая ошибка воспитателей отлагающих, по примеру Руссо и прочих материалистов прошедшего столетия, религиозное воспитание детей до более зрелого возраста состоит в том, что они имеют крайне ограниченный и неверный взгляд на естественный ход развития человеческого духа путем воспитания. Возрастающее дитя они воображают чем-то в роде прекрасного растения, которое, при надлежащем уходе и строгом соблюдении всех условий, благоприятствующих его росту, непременно даст ожидаемые плоды и разовьется так, как указала ему природа. О том, что человеческая природа испорчена в самом корне своем, что вместе с нашим появлением на свет в нас оказывается уже готовым и посеянным какой-то зловредной силой некоторое зловредное семя, возрастающее с необыкновенной быстротой и силящееся заглушить все лучшее в нашей богоподобной душе, об этом они и слышать, и знать не хотят. Признаки зла, открывающиеся, вопреки их теории, в самом нежном детстве и при самом тщательном воспитании во всех отношениях, они или не хотят называть злом, или приписывают все-таки ошибкам воспитания. Ну разумеется, при таком взгляде на воспитание детей и возрастание человеческого духа не оказывается настоящей нужды спешить религиозным воспитанием; можно, пожалуй, и подождать внушать детям святыне истины веры и религии, покуда они сделаются умнее и зрелее. Но нам, православные родители и воспитатели, рассуждать много об этом не приходится; мы знаем, или по крайней мере должны знать, что каждый год детского возрастания, пропущенный даром для религиозного их воспитания, невознаградим впоследствии. Ибо с каждым годом, даже днем и часом, оный страстный и греховный закон, *сущий во утробе наших и противоящий закону ума нашего* (Рим. 7:23), укрепляется все глубже и

больше. Хорошо ли так. обр. отлагать сеяние добрых религиозных семян до тех пор, пока почва человеческого сердца зарастет достаточно сорными травами и плевелами греховными?

Столь же неоснователен, но гораздо пагубнее и, к сожалению, гораздо обыкновеннее другой предрассудок, будто область религиозная слишком высока и отвлеченна для детского возраста. Иногда даже благонамеренные воспитатели не чужды этого предрассудка, и из какой-то ложной боязни за детей и ложного об них раденья, предпочитают занимать их самыми пустыми, бессодержательными и баснословными вымыслами, чем питать их душу и ум светлыми и животворными истинами религий. Этот предрассудок происходит главным образом от незнакомства самих воспитателей с духом религии и от непонимания ее сущности. Религия Христова, при всей необъятности и возвышенности своей, в главных истинах своих необыкновенно проста и близка к чистым сердцам и непорочным душам, каковы именно и суть детские души. Что Господь есть создатель всего, чем мы окружены, что Он подобно любвеобильному Отцу печется о всех тварях, как больших так и самых малых и ничтожных, дает пищу птенцам врановым, бережет траву сельную; что преимущественно пред всеми тварями любит Он человека, украшает его всеми дарами любви, и приставляет к каждому из нас, при самом рождении нашем, особых Ангелов хранителей; что мы лишились было и навсегда Господней любви и были осуждены на вечное от Господа удаление за преслушание заповеди Его в раю; но что Господь по бесконечной любви к нам грешным не мог видеть нас в таком жалком положении, и для нашего спасения не пожалел едиnorodного Сына Своего, Который сделался таким же человеком как и мы, родился от святейшей Девы, тридцать три года с нами на земле жил, учил нас Своему Небесному учению, благодетельствовал нам, исцелял больных, воскрешал мертвых и помогал бедным и несчастным, и за все это злобою человеческою вознесен на крест, но силою Своего Божественного могущества воскрес из мертвых и вознесся опять на Небо к Отцу Своему, обещал

вечно пребывать с любящими Его и придти со временем опять на землю, дабы отделить навсегда добро от зла и воздать комуждо по делом его (Мф.16:27), – скажите не обинуясь, рознятся ли чем-нибудь существенным наши зрелые развитые понятия обо всех сих предметах от тех понятий, какие имеют об них добрые и хорошо направленные дети? А между тем как все это легко привить в нежным и незапятнанным еще греховной скверною детским сердцам! Какой живой и вместе святой интерес могут иметь все эти предметы для юных и непорочных умов, и сколько удобных случаев может быть, когда мы с полнейшим успехом и на всю жизнь можем заложить в детские души сии спасительные и небесные истины! Нет, одним только нерадением и фальшиво предубежденным взглядом на религию можно объяснить ту беспечность и равнодушие к религиозным вопросам, какое у нас замечается в большинстве случаев при воспитании юношества, несмотря на то что иногда не жалеют тысяч, чтобы купить им всестороннюю образованность для воспитанников. А когда эти всесторонне образованные юноши делаются растленными и грязными существами, нетерпимыми даже ни в каком порядочном обществе, и всюду разносящими с собою зловонную заразу самых нелепых верований и отвратительных пороков; то воспитатели не могут надивиться, почему бы это могло случиться, и для успокоения своей совести относят все это к духу времени, с которым будто бы невозможно бороться. Но едва ли можно обмануть таким доводом свою совесть. Она все-таки со временем раскроет этим нерадивым воспитателям во всей ужасной правде, до какой степени они виновны в гибели и растлении своих любимцев, на воспитание которых они не щадили тысяч, но забывали только о религии, т. е. не хотели создать в их душе того, что собственно и делает человека человеком, – существом богоподобным и возвышает его над всем окружающим его миром.

Но довольно о сем. Предложим несколько хотя общих правил для руководства при воспитании религиозного чувства в детях. Первое и самое надежное средство в сем случае есть живой пример воспитателей и наставников. Когда дети и воспитанники видят в ваших глазах, в вашей речи и поступках и

во всем вашем поведении само собою сказывающееся религиозное, чувство, то это имеет на них неотразимое влияние; как потому – что душа человеческая по богоподобной природе своей, естественно и сама собой устремляется к Богу – когда она непорочна и невинна, так и потому, что дети на все, что видят и слышат около себя смотрят так, что иначе сему и быть нельзя. Не надейтесь, однако же, подействовать на детей лживою религиозностью и фарисейством, т. е. поддельным так сказать, напускным благочестием. В этом случае непосредственная детская натура обладает необыкновенно тонким чутьем, и по истине удивительно умеет отличать лож от правды. Только искренне благочестивое одушевление может возжечь в них неугасимый огонь религиозного чувства. В особенности вдохновенный взор и сердце матери может многое здесь сделать. «Благодарю тебя любезнейшая мать, говорил один благочестивый учитель, даже спустя уже сорок лет по смерти своей матери, – я вечно останусь твоим должником! Когда замечал я твой взор, твои телодвижения, твое хождение пред Богом, твои страдания, твои молчания, твои дары, твои труды, твою благословляющую руку, твою тихую и постоянную молитву; то с самых ранних лет каждый раз как бы вновь возрождалось во мне жизнь духа, – чувство благочестия; и этого чувства после не могли истребить никакие понятия, никакие сомнения, никакие обольщения, никакие вредные примеры, никакие страдания, никакие притеснения, даже никакие грехи. Еще живет во мне эта жизнь духа, хотя уже более сорока лет, как ты оставила временную жизнь». Так глубоки впечатления детства и так силен пример воспитателей!...

Другое не менее важное средство к возбуждению и укреплению религиозного чувства в детях состоит в том, чтобы сами они упражнялись в благочестивых и религиозных делах. Пусть они ходят с нами в храмы Божии, услаждаются их благолепием, слушают здесь священные песни и чтение слова Божия; пусть чаще приступают – к святейшим Таинствам Причащения и покаяния, пусть участвуют в наших домашних молитвословиях и молебных пениях, пусть приучаются творить милостыню во имя Иисуса Христа, и научаются любить

ближних, как братьев о Христе Иисусе. Благоразумный и искусный воспитатель не пропустит ни одного случая, чтобы заронить в детское сердце святое семя религии. Потрясено ли оно какими-нибудь прекрасными картинами природы, или размягчено каким-нибудь трогательным случаем, или возбуждено каким-нибудь благочестивым семейным праздником, – воспитатель всем пользуется, чтобы приучить дух своих воспитанников устремляться к Богу. Особенно важен тот период, когда дитя оставляет дом родительский и поступает в школу; здесь ум его, возбужденный разнородными знаниями и изощренный несколько наукой, жадно ловит всякое чем-нибудь замечательное слово своих воспитателей и чутко прислушивается ко всему, чем проникнута его учебная среда. Трудно сказать, какой страшной ответственности подвергаются и пред Богом, и пред обществом их наставники, которые, забывая честь и совесть и пренебрегая чистотою и невинностью детских сердец, сеют в них вместо святых и религиозных семян зловредные и антирелигиозные семена.

На это, столь серьезное и важное обстоятельство в деле общественного воспитания, не малую долю своего царственного внимания уделяет благочестивейший монарх наш, желающий видеть в своем православном царстве русском сколько научной образованности и гражданских доблестей, столько же и христианского благочестия, на котором, как на крепком основании, создается все общественное благо. Помолимся же об нем и обо всем августейшем доме его, о его державной и не по названию только, но и на самом деле, благочестивой государыне – супруге его о наследнике его и благоверной цесаревне Марии Феодоровне, день рождения которой мы ныне празднуем, помолимся о сей юной царственной чете, на которой успокаиваются надежды нашего могущественного отечества! Помолимся и о всем правительственном синклите, о всех благородных и христиански – самоотверженных сотрудниках православного царя, устремляющих все просвещенные силы свои к созиданию истинного народного блага, основанного на религии. Аминь.

Поучение в день Введения во Храм Пресвятой Богородицы, к воспитанницам Владимирского Епархиального училища (21 нояб. 1867 г.)

Ежегодно воспоминаем мы, дети, в настоящий день то великое и трогательное событие из жизни Пречистой Девы Богородицы, когда Она – еще трехлетняя Отроковица, введена была в храм Иерусалимский для воспитания. Ежегодно вы готовитесь к нынешнему празднику недельным говением и причащением Св. Тайн. Ежегодно выхожу я к вам с словом поучения, – и всякий раз, при настоящем случае, возникает в душе моей одно и то же искреннее и горячее желание, – это видеть вас как можно более похожими по сердцу и душе и по всему поведению вашему на святейшую Отроковицу Богоматерь. Так и хочется воображать вас теми непорочными и юными отроковицами, которые со светильниками в руках, с радостным взором и с благоговейным детским трепетом сердечным следовали за Пресвятой Девой Марию и сопровождали Ее до ступеней святилища Божия. Без всякого сомнения, вы чувствуете сами, как естественны с нашей стороны подобные желания, конечно сердце ваше, вкушившее сейчас от трапезы Господней, само горит святым стремлением к Матери Божией и хочет излиться пред Нею в теплой молитве. Дороги, велики и священны настоящие минуты ваши! Но как прискорбно, что сии святые минуты, как и все, впрочем, святое в сердце нашем, легко могут проходить, потухать и забываться! Мысль будет усиливаться вспомнить их, станет сожалеть об них, как о потерянном некотором благе, сердце начнет грустить, чувствуя некоторую произшедшую в себе пустоту; а там придет рассеянность, подступят обычные житейские дела – учебные и всякие, и благодатному состоянию, когда-то осенявшему вашу душу – конец! Хотелось бы мне несколько научить вас тому, как надобно сберегать вам, по возможности, молитвенную теплоту

душевную и укреплять в себе духовный союз с Материю Божию.

Самое первое здесь дело – как можно чаще приводить себе на память светлый лик Пренепорочной Девы и вдумываться в дивные обстоятельства жизни Ее. Сердце наше, созданное для добродетели и по самой природе своей любящее добро, необыкновенно радо бывает, когда видит какое бы то ни было проявление добра. Встречая мало-мальски добродетельного, честного и благородного человека, – будь он совершенно посторонний и чужой человек, – мы тотчас готовы признать его своим родственником, другом и братом. Если же, по несчастью, при всем нашем желании и искании добра, нам приводится больше видеть около себя ложь, зависть, самолюбие, хитрость, не доброжелательство и тому подобные дурные качества; то мы и сами про себя, в своем уме и наедине с своей душой начертываем себе различные прекрасные образы добродетельных людей, которых бы мы хотели видеть около себя. И как во всех вас – еще детях – довольно сильно желание добра и достаточно веры в людей и добродетель, то весьма охотно вы сближаетесь между собою, заключаете дружбу, – и без этого жить не можете. Попробуйте же перенести все свои лучшие стремления, свое желание и искание добра и всю любовь свою на Пренепорочную Деву Марию, в Которой сосредоточено все, что есть самого лучшего, святого и великого в человеческой природе. В самом деле назовите какое угодно благое качество, укажите на какую угодно добродетель, – вы все их найдете в Матери Божией. Вожделенна ли для вас кротость, и вам самим хотелось бы быть, кроткими и послушными? Взгляните на Божественный лик Матери Божией: это воплощенная кротость и послушание. Ей было еще всего три года, как родители Ее захотели отвести Ее из родного дома и отдать на воспитание в Иерусалим ко храму Божию, – и Она охотно, даже радостно и торжественно стремится сюда. Желаете ли вы быть усердными и прилежными? Посмотрите на Святую Деву, она трудится непрерывно в храме Божиим в книжном обучении и в занятиях, необходимых для жизни. Порывается ли детское сердце ваше в святости и благочестии,

ищет ли оно Бога и благодати Его? Взгляните на Божественную Отроковицу, – Ей с благоговением служат Ангелы, и Сам Господь устрояет в Ней жилище Себе. Вы ищете себе утешения, защиты, помощи и дружбы? Она милосердно взирает на вас с Неба, следит за вашею судьбою, видит все ваши скорби и радости и всегда готова преподать вам милость и благодать Свою. Какой дивный и великий, но вместе какой прекрасный и вожделенный образ! И чем яснее и живее мы рисуем его себе, тем больше сердце наше согревается любовью к нему... Так вы и делайте при всяком случае, напоминающем о Матери Божией, и сами для себя как можно чаще воспроизводите эти случаи. Слышите вы, например, читаемое или поемое Архангельское приветствие Матери Божией: «Богородице Дево, радуйся благодатная Марие, Господь с Тобою!» и проч., – сейчас и приводите себе на память, как светлейший Архангел Гавриил с благоговением стоял в назаретской горнице пред Пречистою Девой и возвещал Ей тайну воплощения от Нее Сына Божия. Поют ли «милосердия двери отверзи нам»... и проч., – приведите себе на мысль, в какой близости Она находилась к Спасителю нашему, источнику всякой милости и благодати, когда жила с Ним на земле, как носила Его на Своих пречистых руках, питала Его Своим млеком, была неразлучна с Ним во всю Его жизнь, и как теперь Она еще сильнее ходатайствует у престола Сына Своего за весь род христианский, и слышите ли вы, или читаете о рождении Спасителя нашего от и Девы Марии, – тотчас перенеситесь мыслию в ту вифлеемскую пещеру, над которой среди мрака ночного заблистали несметные воинства Ангелов небесных, а Пренепорочная и Святейшая Отроковица с небесною радостью смотрела на Сына Своего, безболезненно от Нее рожденного. Чем живее все это вы будете вспоминать, и чем чаще будете приводить себе на мысль, темь крепче и крепче сердце ваше будет соединяться с Пречистой Девой Марией.

А там, Господь даст, и Сама Матерь Божия поможет, и в жизни своей вы будете обнаруживать свою преданность Ей усердным подражанием Ее дивной и богоподобной жизни. Но здесь гораздо больше потребуются от вас силы воли,

настойчивого терпения, и даже самоотвержения, чем при молитвенном устремлении ваших мыслей к Матери Божией. Что делать, когда так слабо и удобопреклонно сердце наше ко греху, когда грех так сильно овладел природой нашей, что мешает всякому святому стремлению нашему, и не дает свободы делать то, чего нам иногда от всей души хочется?! Надо усиливаться и стараться, а Матерь Божия Сама придет к нам на помощь. Надобно приучить себя – мысленно давать, так сказать, отчет Матери Божией во всем, что происходит в душе нашей, и не решаться ни на какое дело, не спросив себя наперед, угодно ли это будет Матери Божией, или нет, – совершенно так, как делают добрые дети пред родителями своими. Так и вы. Непрестанно останавливайте себя в мыслях и говорите себе: хотя то, или это и очень трудно мне сделать, напр., простить оскорбление, всегда говорить правду, быть покорной и послушной, – но я непременно так буду вести себя, потому что это угодно Матери Божией. И на оборот: хотя сильно горит во мне желание сделать то или это, напр., отомстить за оскорбление, выставить себя лучше других, сделать что-нибудь наперекор, или предаться ленивой праздности, – но я ни за что не позволю себе этого, – потому что это не угодно Матери Божией.

Вот тогда вы будете истинными детьми у Царицы Небесной, истинным утешением для всех окружающих вас, радостью для Ангелов хранителей ваших и доброю надеждою для родителей ваших, для Церкви и для общества. Чего да удостоит вас Иисус Христос Своею благодатию, и молитвами Пречистые Своей Матери. Аминь.

Поучение при погребении Владимирского городского головы А. А. Никитина (1867 г.)

Воистину суета всяческая, житие же сень и соние; ибо все мятется всяк земнородный, якоже рече писание

(Послед. погреб. мир. чел. седал.)

Грозная истина о ничтожестве и суете нашего земного бытия, которой так боится животолубивое сердце наше, и которая представляется нам так незаметною в обыкновенное суетливое течение нашей повседневной жизни, восстает во всем своем ужасающем величии при зрелище гроба и смерти. Эти оледенелые члены, эти потухшие и закрывшиеся на веки глаза, этот вид бездыханной, безобразной и бесславной красоты человеческой, вся эта тяжелая погребальная обстановка, какое грозное и потрясающее действие производит на дух наш, как она смиряет его, какую тоску смертельную наводит на душу! И вот вдаемся мы иногда при сем случае из одной крайности в другую; из беспечных и веселых, смотрящих на жизнь как на бесконечный ряд удовольствий и наслаждений, мы делаемся смятенными, трусливыми, растерянными и пригнетенными существами, *якоже не имущий упования* (1Фес. 4:13). Страшный вид смерти убивает нашу энергию, мрачные думы одна за другой вторгаются в душу, и подчас мы не умеем придумать лучшего для себя утешения, как только то, что еще живем и будем жить, а там... будь, что будет! Но так ли сему быть надлежит? Это ли христианский взгляд на жизнь?! Взирая на предлежащий нам гроб приникнем нашею мыслию к тому, что внушает нам святая вера и Церковь в своих глубоких и трогательных погребальных песнях, и какой взгляд на жизнь она предлагает нам.

Воистину суета всяческая, житие же сень и соние, поет Св. Церковь. Итак, неужели вся земная жизнь наша есть нечто случайное, мелкое и отрывочное, исчезающее вместе с этим бренным телом, рассыпающимся в могиле в прах и пепел? Неужели она есть некоторое животное состояние, замирающее с прекращением телесной жизни? да не будет! По учению веры

Христовой, настоящая жизнь наша есть только начало некоторого высшего и лучшего бытия, наступающего по смерти, есть только сумерки прекрасного и светлого дня, имеющего воссиять за гробом; есть некоторое приуготовительное поприще, или предварительная школа, за которою наступит настоящая, широкая и свободная жизнь. Все это конечно истины известные нам еще с детства, силу и значение которых прирожденным некоторым чутьем постигает сердце наше, хотя ум подчас и хочет и затемнить их своими сомнениями и колебаниями. Но дело в том, что не умеем мы обыкновенно этого возвышенного христианского взгляда на жизнь доводить до конца и прилагать к делу. То, что предстоит нам за гробом, мы все-таки обыкновенно представляем себе только мраком и тьмою; а то, из чего слагается и чем украшается земная жизнь наша, мы все-таки представляем чем-то существенным, жизнью истинною. Вот где разгадка того колеблющегося и, тк. ск., неровного отношения нашего к жизни, по которому мы, когда живем и здравствуем, то вовсе почти не думаем о жизни, безотчетно и беспечно предаемся одному чувству своего бытия, а когда сталкиваемся с явлениями смерти, или сами приближаемся к последним дням нашего существования, то замираем от страха и теряемся. Не таков истинный христианин, и не такими хочет видеть нас Св. Церковь. Истинный христианин и верный сын Церкви смотрит на земную жизнь свою, как на преддверие будущей лучшей жизни, и блага настоящей жизни ценить на столько, насколько они имеют отношение к благам и целям ожидаемой загробной жизни и потому он спокойно ждет конца своей земной жизни, не страшится, а даже радуется, когда чувствует его приближение. Как безмерно превосходит это святое и величественное спокойствие христианское ту непрочную и бесчувственную беспечность людей маловерующих или неверующих, которой они хотят иногда гордиться и удивлять окружающий мир! Вот с этой то целью, т. е. чтобы установили мы, и как можно прочнее утвердили в своей душе истинный взгляд на жизнь свою, чтобы не пристращались к земле с ее благами и за недостойное употребление даров ее не подверглись праведному суду

Божью, Св. Церковь и напоминает нам постоянно о суетности земного существования нашего. Но особенно сильно и настоятельно проповедует она о сем, когда мы приходим в храмы Божии оплакивать чью-нибудь угасшую жизнь и молиться за усопших братьев наших. Сейчас услышим мы сии прискорбные, но умирительные песни: *Воистину суета всяческая, житие же сень и соние! Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть... Что сие, еже о нас бысть таинство? како предахомся тлению, како сопягохомся смерти!* Да не мимо же нас идет сей скорбный и поучительный голос Церкви, предстоящие собратия о Христе!...

Но не перестать ли в таком случае вовсе заниматься делами житейскими, не распротиться ли с миром и его удовольствиями, и не уняться ли исключительно тем, что нужно не для земли, а для неба? Хорошо бы, но не для всех возможно! И святая вера Христова, внушая нам мысль о суете и непрочности временной жизни, хочет только того, чтобы последнюю и самую важную цель бытия своего мы полагали в блаженной и вечной жизни загробной, а вовсе не того, чтобы, находясь на земле, мы были бы только праздными и безучастными зрителями того, что около нас делается. Она не запрещает нам пользоваться законными и невинными радостями земными, не требует от нас постоянных вздохов и слез, а требует только трезвого взгляда на жизнь и неуклонного исполнения воли Божией, выражающейся для нас в обязанностях и требованиях того самого звания и состояния, к которому каждый из нас принадлежит и в которое поставляет нас сам же Господь Бог. Если настоящая временная жизнь, как отдельных человеческих личностей, так и целого человечества, по взгляду Св. Церкви Православной и по учению Господню, есть постепенное приготовление к будущей блаженной жизни в вечности; то конечно все, что содействует к благоустройству сей временной жизни, от которого весьма много зависит благоустройство и самой нравственно-духовной жизни, имеет свою цену. Всякий гражданский подвиг, всякая общественная заслуга, содеянная из любви к Богу и ближнему, есть вместе и христианский подвиг, и нравственная заслуга, и чем более кто

одушевлен христианским духом, тем деятельнее и энергичнее он бывает в жизни общественной, ибо жизнь, – это самое широкое поприще для нашей любви к ближним. Неизменное и неуклонное исполнение общественных обязанностей, соединенное с внутренним подвигом самоочищения и самоотречения – ради славы имени Божия и ради пользы ближнего – и есть тот узкий и прискорбный путь житейский, которым идут христиане крестоносцы, истинные ученики Иисуса Христа, которым уготованы почести и венцы небесные.

После всех сих внушений св. веры нашей, с спокойною мыслию можно обратиться к сему усопшему брату нашему, дни которого исполнены были не малочисленных трудов на пользу общественную. Несколько лет с усердием неся не легкое бремя общественной службы в звании представителя городского общества, он вполне оправдывал доверие сего общества и просвещенным взглядом на свои обязанности и деятельным исполнением оных. Сочувственно относился он ко всему, где предвиделась польза общественная, и не щадил для нее ни трудов своих, ни средств. Доверие общественное к почившему все возрастало и умножалось, – и вот с званием городского головы он соединил в себе под конец не менее почтенное звание и не менее важную, по нынешним общественным условиям, должность председателя земской городской управы. Не раз почивший удостоен был высочайшего внимания и благоволения, представляясь к монарху в качестве представителя здешнего общества, и был украшен всеми наградами, доступными его общественному положению. Устроенный по его мысли, его трудами и попечительностию водопровод, обеспечивший целое городское население в удовлетворении самонужнейшей жизненной потребности, навсегда останется добрым памятником его просвещенной заботливости о благе общественном. Что касается нравственных качеств почившего, то прямота и добродушие его характера и благородство намерений известны, больше или меньше, всем владимирским жителям, особенно тем, кто находился в более близких и коротких с ним отношениях. Итак, умерьте свою скорбь о почившем вы осиротелые члены его

семейства, и дети так хорошо его попечением направленные в жизни, его присные и други, и растворите сию скорбь надеждою на милосердие Божие к почившему и теплою молитвою ко всеблагому судии, обещавшему воздать сторицею за одну даже чашу студеной воды, поданной во имя Его.

Мы же все, предстоящие братие, собравшиеся отдать последний долг почившему, получивши назидание у гроба его, *Христу помолимся дати во веки сему упокоение! Возлюбленный о Христе брат наш! Христос тя да упокоит во стране живущих, и врата райския да отверзет ти: и Царствия покажет жителя, и оставление тебе даст, о них же согрешил еси в житии!* (Послед. погр. мир. чел. Блажен.)
Аминь.

Слово в день тезоименитства Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича (30 августа 1868 г.)

Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы. Возьмите иго Мое на себе, и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим. Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть

(Днев. Еванг. Мф.11:28–30)

Кому из вас, слуш., незнаком этот трогательный голос Небесной любви, призывающей к миру и покою грешное человечество, измученное и стенающее под бременем жизни! Сколько безграничной любви к человечеству, но вместе и необыкновенной простоты в этом Божественном голосе! «Бедные люди, – как бы так говорил Спаситель наш, – несчастные потомки, падшего праотца! Напрасно вы изобретаете так много средств, чтобы найти свой потерянный рай на той самой грешной земле, которая стала для вас местом изгнания и наказания, не доказали ли вам тысячелетия, что вам не уйти от грозного приговора, который вы заслужили от правосудия Небесного? Тщетно же вы ищите иных путей к своему счастью и покою, кроме Меня. Я есмь путь, истина и живот; обратитесь же ко Мне, – и Я упокою вас. Возьмите только на себя Мое иго, примите Мой закон, подчините свою колеблющуюся и грешную волю Моей святой воле и идите туда, куда Я поведу вас, – и обрящете покой душам вашим; потому, что иго Мое благо, и бремя Мое легко». Что же мы видим? Как отвечает человечество на столь любвеобильный голос Богочеловека? – По слову Самого Спасителя, – меньшинство только идет на призыв Его, большинство же стремится по тому гладкому и широкому пути, который ведет – страшно сказать – в пагубу! Обратимся к своему времени, и поглядим на себя. Как много, в самом деле, среди нас людей, которые, называясь христианами, о христианстве знают только почти понаслуху,

которые ничем не заявляют, что высокие обетования христианские им не чужды, что Евангельские правила жизни для них вожделенны, что они не чужие, а родные дети Христовой Церкви? Как много среди нас таких людей, который напротив открыто заявляют, что они хотят жить сами по себе; что они, не мешая жить всякому по своему, и себя не желают стеснять никакими чужими правилами нравственности; хотя бы то были Евангельские правила; что они даже считают себя, по своим привычкам, по роду своей жизни, по своему образованию и по многим другим причинам, выше всей церковности христианской, пред которой благоговеет будто бы одна простодушная, но недалекая толпа, что – и они люди иного духа. Но всего грустнее видеть, как за взрослыми и незрелая юность, за отцами и дети, едва вкусившие от древа познания, уже считают себя в праве неблагоговеино относиться в святым уставам Церкви, с самодовольной улыбкой готовы докладывать всем и каждому, что они не соблюдают, напр., постов, неохотники молиться и т. п., т. е. подразумевается, – люди современные и образованные, а не фанатики какие-нибудь и невежды. Что это такое? Один ли только юношеский задор и напускное вольномыслие? Но, к сожалению, это грустное явление повторяется нередко в среде людей научного образования, с которых, очевидно, только снимается мода. Даже преимуществу в нашей, так называемой, образованной среде и встречается эта непонятная холодность к христианству, это жалкое, какое-то, предубеждение против него, это легкомысленное отрицание Евангельского духа, доходящее до самохвального щегольства, до какой-то богохульственной моды. Уж коли человек образованный, – того и жди, что отрицатель всего священного. Что же это такое? Разсудим-те беспристрастно.

Прежде всего нам кажется, что не нужно считать этого явления ни слишком странным, ни особенно знаменательным, и на этом основании не спешить никакими выводами ни против веры, ни против науки, как многие это делают, считая на основании только что заявленных нами фактов науку и откровенную религию несовместными, и поэтому либо гнушаются просвещением, боясь потерять веру, либо отрицают

веру для одной науки, выше которой они ничего не хотят знать. Здесь сами собою чувствуются крайности и недоразумения. Повторяем, что ничего особенно мудреного в том нет, что люди так называемого научного образования, привыкшие все исследовать, разлагать и понимать до тонкостей, больше бывают склонны верить в могучую силу и непогрешимость разума, и потому, соприкасаясь в своих умозрениях с вышеопытными и откровенными тайнами Христовой религии, становятся пред ними в тупик, и натурально – либо отвергают их как нечто непонятное, либо остаются к ним равнодушными, как к делу, по их мнению, до них не касающемуся. Согласитесь сами, что такое отрицание ничего страшного в себе не содержит. Другое дело, если бы наши остроумные и вечно самодовольные отрицатели доказали нам, что они отрицают откровенную религию как нечто им совершенно известное, испытанное и собственною жизнью дознанное дело, – тогда другое дело. Но могут ли они доказать это? А если нет, то не могут и не должны, при всей своей многочисленности, смущать здорового и твердого религиозного чувства православных христиан. Есть, напротив, весьма много людей с глубоким многосторонним образованием, которые отличаются необыкновенною религиозностию, и Божественные истины и правила Христовой религии ставят задачею всей своей жизни. Одного этого в высшей степени было бы достаточно для верующих сердец учеников Христовых. Пусть себе толпы других легкомысленных людей, хвастливо называющих себя образованными, упорно чуждаются небесной пищи, предлагаемой святейшею религиею Христовою, – Господь с ними! Пусть делают, что знают! Придет конечно и для них пора расплаты за свой образ мыслей и жизни. Но что делать? и Господь насильно никого не хочет вести за собою!...

Но где причина зла, и нельзя ли помочь ему? Потому, что все-таки гибнут и гибнут люди, наши братья о Христе, терпит общество, даже много теряет сама наука; ибо под знаменем ее люди ходит все-таки в потемках и ощупью отыскивают истину, когда к ней есть прямая и царская дорога. На чем основывается и чем поддерживается такое, можно сказать, нездоровое

направление людей, ищущих науки, и действующих во имя ее? Поверьте, наука здесь ни при чем. Винить ее не в чем. Она делает свое дело, шаг за шагом идя вперед и постепенно расширяя область человеческих познаний по всем возможным отраслям. Кто же виноват? Виноваты сами люди, в руках которых она делается обоюдоострым орудием, и незаметно для них наносит им глубокие язвы. Известен путь, которым развивается наука. Этот путь складывается из бесконечного ряда теорий, взаимно расширяющих и дополняющих себя, и во всяком случае сменяющих одна другую. Какой же истинно-ученый, помня это колеблющееся и изменчивое свойство науки, станет выдавать хотя бы то последние выводы науки за нечто непогрешимое и законченно достоверное, и эти выводы станет обращать в оружие против богооткровенных истин религии Христовой, вовсе не подлежащих научной области? И что однако выходит, и всегда выходило из этих научных нападок на религию Христову? Тысяча научных теорий сменили одна другую, волнуя немногочисленный кружок ученых; а святые истины веры Христовой тысячелетия стоят непоколебимо, покоряя себе неисчислимы тысячи людей. Давно ли знаменитую теорию о происхождении видов, наделавшую столько шума в ученом мире, провозглашали как некий догмат, и в силу этого догмата человека производили от животных, вопреки Евангельскому учению о духовной природе и небесном назначении человека? Но вот сами же ученые, по взаимном сношении между собою, в торжественных своих заседаниях недавно объявили эту теорию несостоятельною пред судом здоровой науки, – чего и следовало, разумеется, ожидать. Такого же приговора от самих же представителей науки должен, конечно, ожидать и вообще весь современный материализм. Но немудрено, что вместо этой мрачной теории, явится другая еще более мрачная, и еще с большей самоуверенностью станет подкапываться под здание Церкви Христовой, но потом сама же наука, в лице лучших своих представителей, назовет все это пустыми затеями, летучею ошибкою времени, переходной научной теорией. А здание Церкви Христовой, построенное Божественным домостроителем, будет стоять непоколебимо во

веки вечные. А святая религия Христова, с своими – сколько возвышенными, столько же и близкими к душе человека, и понятными для чистых сердец истинами, будет царить вечно над родом человеческим. Как бы то ни было, наука не есть что-то враждебное религии Христовой, по самой природе своей; все дело зависит от того, в чьих она руках и какого рода люди управляют ею. Мы хотим сказать, что не наука, собственно говоря, создает отрицателей; а на оборот – люди или с готовым отрицательным направлением, или предрасположенные к нему, создают науку по роду и по подобию своему.

Откуда же берется все-таки, и как образуется это гибельное направление в людях, и нельзя ли – повторяем – принять против него какие-либо меры? Многое прояснится в этом вопросе, если вспомним, каким образом идет современное воспитание юношества. Известно, что детский и юношеский возраст есть самое лучшее время для насаждения религиозных начал. Что посеяно в детской душе, чем питалось восприимчивое сердце юноши, то и взойдет, такие плоды и придется пожинать в зрелом возрасте. Но обращают ли у нас достодолжное внимание на это важное обстоятельство при воспитании детей? К сожалению, очень мало. Делают все возможное для развития головы ребенка, не щадят никаких жертв для научного его образования; между тем как об образовании его сердца и о христиански-религиозном направлении всей его души заботятся как-то второстепенным образом. По самой большей мере стараются привить к воспитаннику общие начала нравственности, напр., приучить его к честности и благородству, развить сознание долга, уважение к чужим правам – и только. О христианском же воспитании заботятся мало. Напитать душу ребенка животворными истинами Евангелия, образовать в нем церковно-православные навыки, одним словом, перелить в него тот дух, каким живет святая Церковь Христова, – это считается у многих излишним, даже вредным? Что ж удивительного, если ум, воспитанный вне религиозной атмосферы и питаемый одной сухой научной пищей, станет относиться отрицательно к религии, когда почувствует свои силы, и будет ограничиваться одной узкой естественной

нравственностью? Не знаем, наверное, как шло воспитание современных ученых знаменитостей, стоящих во главе антирелигиозного направления; но, по всей вероятности, указанные нами ошибки воспитания имели не маловажное влияние на образование их ученого направления. Что же касается нашего отечества, то нам слишком хорошо известно, на каких идеях хотели, а может быть хотят до сих пор, у нас построить теорию воспитания. Горькие плоды этого модного воспитания мы вкушаем, можно оказать, до сего времени. Не имея прочных нравственно-христианских начал, не создавши для себя трезвого и светлого взгляда на мир и на отношение к нему человека, какой предлагает нам св. религия Христова, наше юношество с каким-то неудержимым азартом рвется изучать всякую ученую и заграничную ложь, и с благоговением, достойным лучшей участи, становится на колени и покланяется, как неким богам и оракулам, современным ученым мужам, знаменитым столько же своею ученостию, сколько противухристианским и отрицательным направлением. И что из всего этого достается нашему обществу испытывать и чувствовать? Шаткость нравственных начал в нашем юношестве, мрачный или беспечный взгляд на жизнь, какое-то легкомыслие и в довершение всего – тьма в голове и отсутствие истинной учености, – да, и отсутствие учености; ибо наука может процветать только на свободе, а не в этом египетском рабстве, в котором находятся наши молодые ученые. Наши же лучшие и, так сказать, национальные ученые, сколько известно, были глубоко религиозные люди. Заключим наше собеседование словами одного из наших родных, и притом истинно ученых людей: одни научные сведения, сколько бы они ни были полезны, рассевают дух, и как бы влекут его в разные стороны. Наука должна расширять умственный кругозор человека и вместе сосредоточивать на прочном незыблемом основании. Таким основанием, навсегда неизменным, могут быть для разума только нравственно религиозные убеждения. Такие убеждения не дают ей теряться в разнообразных сведениях, которых сообщение полезно и необходимо. Пока обучение будет не более как сообщение разных сведений, до

тех пор жалоба на безнравственность, будто бы распространяющуюся с распространением познаний, будет основательна.

Обратим же все наше внимание на это обстоятельство, и, во-первых, перевоспитаем себя, если то окажется нужно. Отбросим все эти современные ученые предрассудки и до странности фальшивые научные теории, которые как дым, как изгарь какая, мешают нам видеть чистую истину, и просвещаться Небесным светом Евангелия. Да будет оно в нас единственным мерилom истины и задачею всей нашей жизни; это не только не помешает быть нам учеными людьми, если мы к тому призваны, а напротив сообщит нашей учености истинное достоинство, зрелость и силу; это пособит нам быть истинно полезными гражданами и надежными слугами отечества; это даст иное лучшее направление всей нашей жизни, – это сообщит нам все. А потом озаботимся воспитанием наших детей в строго христианском и православном духе. Ошибки, допущенные в нашем воспитании, постараемся вознаградить на наших детях. Пусть они с юных ногтей знакомятся с святыми уставами Церкви, и приучаются делать их уставами своей собственной жизни. Пусть святое Евангелие вкореняется в их молодые, и еще не испорченные умы, и объемлет всю их душу. Это только одно и может спасти их со временем от тех опасностей, искушений и ошибок, которыми угрожает жизнь всякому вступающему в нее молодому человеку. Не о сем ли прилагает все свое попечение и наш преблагословенный государь, за благоденствие которого собрались мы молиться в сегодняшний праздник его тезоименитства? Да будет же он утешен, видя новые и светлые христианские начала льющимися в умы и сердца его подданных, и дающими православно-христианский характер всей жизни русского народа! Да поможет нам Господь! и да будет славно и благословенно имя преблагословенного Александра, нашего возлюбленного монарха. Аминь.

Слово в день рождения Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича (17 апреля 1869 г.)

Христос воскрес!

После этого радостного приветствия христианского мы должны на сей раз просить у вас, благочестивые слушатели, благодушного терпения и снисхождения к нам; ибо, несмотря на светлость настоящих дней, мы имеем в виду повести с вами не совсем радостную и светлую беседу об одном прискорбном предмете. Таков бывает наш пастырский долг! И конечно, таковые именно случаи св. ап. Павел имел в виду, заповедуя св. ученику своему епископу Тимофею, а в лице его и всем будущим пастырям церкви, проповедовать с настойчивостью слово Божие не только во время, но *и не во время* (2Тим. 4:2). Если, т. е. настоит нужда говорить прискорбные запрещения и обличения даже и в радостные дни; то, по Апостолу, следует тогда же и говорит их, не дожидаясь более благоприятных случаев. Когда в Христовом стаде духовный пастырь усматривает появление недугов каких-нибудь и болезней, то не следует ли ему тотчас же приложить об них и попечение? Обратим же внимание на то, что ближе всего может нас касаться именно в переживаемые пасхальные дни.

В эти светлые дни истинный христианин, участвуя в умилительных службах церковных, внимая сладким звукам неподражаемых песней церковных, – какими разнообразными и святыми чувствами исполняется; то он порывается духом к Спасителю, в лучезарном свете возблиставшему из гроба; то устремляется мыслию к торжествующим женам мироносицам и вместе с ними хочет обнять ноги победителя ада и смерти; то ликует вместе с учениками Христовыми, снова увидевшими своего Божественного Учителя. А в нашем сердце происходит ли что-нибудь подобное? Не так ли мы напротив себя чувствуем, что как будто все это мало до нас касается? Не

чувствуем ли мы, что в нас притуплен вкус к церковным и религиозным наслаждениям, что мы многого не понимаем из того, что совершается пред нашими глазами, и только кое-что припоминаем из детских уроков о Христе Спасителе, и может быть даже вовсе не пришли бы в св. храм, если бы не обязывала к тому честь и долг гражданский? Не бывает ли вообще так, что имя Господа Иисуса Христа слышится нами как чужое, не случается ли так, что когда шумят около нас крики неверия, смеющегося над христианством, мы сами бываем не прочь записаться в ряды этих остроумных мудрецов, которые, кроме выдуманной ими бессердечной и узкой религии разума, никакой другой не желают и знать? Не бывает ли так, что достаточно какой-нибудь книге носить одно заманчивое и отрицательно-неверующее заглавие, – и мы радуемся ей как находке, удивляемся ее мудрости, и с торжеством приглашаем всякого черпать из этого источника мудрости? Если все это хотя в некоторой степени так, то вот мы и открыли тот современный недуг наш, о котором настало нам надобность говорить пред вами вовремя и не вовремя, по выражению писания. На сей раз мы имеем намерение коснуться несколько духа и характера нашего воспитания, как общественного, так и домашнего; ибо это именно и есть та самая почва, па которой вырастают плевелы современных болезней общественных. Уразумевши сущность современного воспитания и обозревши ход его, мы увидим, каким образом зреет тайна современного равнодушия к религии и вере Христовой.

Итак, начнем с тех детских нежных лет, о которых всякий из нас сберегает до глубокой старости самые сладкие воспоминания. Вот является на свет в христианском семействе дитя, новый член великой человеческой семьи, новая зеленеющая ветка на богонасажденном древе Церкви Христовой. Восприявши новорожденное дитя, возродивши его в купели крещения для новой благодатной жизни во Христе Иисусе, святая Церковь сдает сей драгоценный залог свой на руки родителей и воспитателей. Период бессознательной жизни дитяти скоро проходит. Дитя едва становится на ноги, как уже силится привести в некоторый порядок те разнообразные

впечатления, которые чрез внешние чувства касаются его нежной и восприимчивой души; оно хочет по возможности найти смысл во всем, что его окружает, и делает первоначальные опыты своих понятий о предметах. И вот, современная наука воспитания спешит на помощь развивающемуся детскому уму с самыми разумными приемами, с самыми испытанными воспитательными методами. Она владеет тайной незаметно развить в ребенке наблюдательность, изощрить его внешние чувства, пробудить жажду знания, приучить за внешней и кажущейся стороной явлений отыскивать причину их, – и все эти свои уроки она умеет облечь в самую простую и доступную форму наглядности, и, отбросив старинные книжные приемы, делает свое дело посредством живой и разговорной речи. И все это конечно прекрасно. Но в толку этих доступных и подстрекающих детскую любознательность предметов, которыми современная педагогика с таким тактом умеет окружить дитя, озабочивается ли она вводить такие предметы, которые наводили бы детскую мысль на Бога, на св. Церковь, на Господа Иисуса Христа, на Ангела хранителя, вообще на Небо? Часто ли глаз ребенка сталкивается с горящей лампадой пред украшенной иконой, видит земные поклоны, молитвенные взоры и проч...? Обоняет ли он дым кадильный, слышит ли церковное пение, наблюдает ли службы церковные с их святыми и так много говорящими сердцу обрядами? Вот на этом-то пункте и начинает обыкновенно хромать современная педагогика; ее как бы оставляет здесь столь свойственный ей такт и понимание детской природы. Развитие религиозного сознания она любит отлагать на после, – до известной степени усовершенствования и укрепления умственных сил дитяти, совершенно забывая, или даже вовсе не желая знать, и может быть считая суеверием ту святую богослужебную наглядность, которую предлагает расцветающей детской мысли религиозной св. Церковь, – наша самая первая и общая воспитательница, и которой так превосходно умеют пользоваться иные разумные воспитатели в христианских семействах. А между тем этой-то первоначальной ошибкой воспитательной, этой односторонностию воспитательных приемов, которая берет на

свою долю только научные правила и теории воспитания, предоставляя всякие другие, напр., церковные начала только известным низшим классам общества, – этим-то, говорим, и кладется первоначальное основание отпадения от веры и религии Христовой, от Бога и от Церкви Его. Нельзя ожидать, чтобы в ребенке возшло впоследствии то, что в нем не посеяно.

Но вот незаметно проходит и этот период, когда действуют в человеке преимущественно низшие силы познающего духа, в пределах одного только ближайшего опыта и посредством внешних чувств. Вдруг, как молния, загораются в ребенке высшие, чисто духовные идеи. Он начинает искать красоты и хочет наслаждаться ею; он жаждет истины и образования, он искушается выработать и установить для себя какие-либо прочные начала для своей деятельности и строит идеалы, – одним словом он незаметно делается юношей. Что же делает и как обыкновенно поступает в этот прекрасный период человеческой жизни современная педагогика? О, труда и хлопот ей здесь больше всего! Для развития и облагораживания сердечной стороны в молодом человеке она вводит его в область искусства, знакомит с изящными произведениями литературы, доставляет ему наслаждения музыкой, поэзией, живописью, сценическим искусством и т. под., делает все, чтобы с одной стороны изодрать в юноше чувство прекрасного, а с другой – доставить ему надлежащее удовлетворение. Для развития в воспитаннике чувства истины и для удовлетворения прирожденной человеку жажды знания, его вводят в область науки, выясняют ему тайны бытия, знакомят с силами и законами природы, изучают с ним прошедшую историю человечества, историю его постепенного развития по всем сторонам его духовной жизни, обозревают с ним весь шар земной с его разнообразными произведениями и обитателями, – одним словом, делают все, чтобы как можно более расширить умственный кругозор юноши и сообщить наиболе́йший полет его мысли. Наконец, чтобы возвысить в юноше его человеческое достоинство и дать доброе направление его воле, стараются развить в нем как можно больше чувство долга и чести, приучить к труду и к уважению чужих прав и чужих личностей.

На этом обыкновенно и кончаются все заботы современной педагогики о воспитании человека. Мы берем здесь самое лучшее направление современной педагогики. Сделавши все, о чем мы сказали, она полагает, что ей уже не остается ничего больше делать.

Но, Боже мой, зачем же забывать ту самую важную и глубочайшую сторону духа человеческого, которой он устремляется непосредственно к самому Богу, ищет живых с ним связей и деятельного общения, а не отвлеченных только умствований о нем, – зачем забывают религию? Когда же наконец заговорят воспитаннику языком сердца и души о Господе Иисусе Христе, о том, что в Нем наша жизнь, наше спасение, наше все? О том, что, не прививаясь посредством спасительных Таинств к воплотившемуся Богочеловеку, не участвуя в Его страданиях, не питаясь Его Плотию и Кровию, не принадлежа к Его Церкви, – человечество со всею ученостию, со всем своим развитием, – и бедно, и нище, и слепо и убого, и вся нравственность его – призрак и дым? Когда же наконец воспитанник услышит и поймет всем существом своим, что высший идеал человеческого совершенства олицетворился для нас в лице Спасителя нашего, – что Он есть первообраз и первоисточник всякой истины, добра и красоты, – что все, что не согласуется с началами Евангельской нравственности, то бесконечно ниже ее? Увы! все это опускается из виду, или ограничивается для приличия одними условными уроками по закону Божию; а подчас и эти уроки, и эти слабые искры религии рассчитано или ненамеренно тушатся и подавляются господством современной мудрости.

Что же после этого будет удивительного, если какая-нибудь современная ученая знаменитость скажет, что по обозрению всей вселенной он нигде не видел Бога? Если современное молодое поколение философствует о жизни несколько в духе древнего эпикурейства с некоторым современным оттенком более и дурного свойства, – это тоже в порядке вещей. Если современные образованные люди, заходя иногда в храмы Божии, не находят здесь ничего родственного себе, ничего назидательного и говорящего душе, и ведут себя здесь только с

холодным приличием и простою наблюдательностью, – то как же может быть иначе?... Если в жизни их замечается эгоизм и всякого рода распущенность, если в голове у них многоученая пустота и неверие, а в сердце мертвенная сушь и постыдные страсти, на языке красивые, но бессодержательные фразы о человеческом достоинстве, а во всем существе их удивительное бесплодие и пустота, – то и это не должно удивлять нас. Где им взять силы и огня, вдохновляющего человека на жертвы для добра, где взять чистоты и непорочности сердца, глубины мысли и трезвенности во всей жизни, если они не привиты к единой животворной маслине – Господу Иисусу Христу? Верны и непоколебимы слова его: *«якоже розга не может плода сотворити о себе, аще не будет на лозе, тако и вы, аще во Мне не пребудете»*. И еще: *«без Мене не можете творити ничесоже»* (Ин. 15:4–5).

Этим мы кончаем свое слово, благочестивые слушатели. И если нам удалось указать хотя некоторые черты современного воспитания, недостаточность которого так сильно отдается, как и в частной и семейной, так и общественной жизни нашего отечества, то остается пожелать, чтобы слово наше хотя несколько было принято к сердцу, и дало бы хотя некоторый толчок к нашему обновлению по новым христианским началам жизни и деятельности. Святая решимость построить на этих началах как свою жизнь, так и жизнь детей наших, всего уместнее была бы в настоящий день, в который мы празднуем иного жития вечного начало, когда все мы собрались молиться о здравии и благоденствии благочестивейшего государя нашего, верховного покровителя и ревнителя святой веры Христовой, всеми государственными мерами старающегося внедрить ее во все области жизни нашего отечества. Любя называть себя его верноподданными, мы тогда только будем ими, когда станем сочувствовать его желаниям касательно нас, и когда решимся осуществить в своей жизни его надежды и предположения. Аминь.

Поучение при гробе наставника Владимирской Семинарии Александра Васильевича Поспехова (8 февр. 1870 г.)

Вот и еще пред нами жертва смерти, ещё угасла жизнь едва расцветшая, еще не стало на свете человека, – и еще нам напоминание, что придет некогда очередь и за нами! Но, Боже праведный, зачем же Ты вдохнул в нас такую непреодолимую любовь к жизни, зачем благоволишь являться нам в этот прекрасный мир Твой, в котором рассеяно столько красот для наших чувств, в котором такое неисчерпаемое море Твоей премудрости и благодати? И какое наслаждение черпать из этого моря, углубляться в тайны бытия и чувствовать себя в живой гармонии со всем живущим! Но вот внезапно находит на нас страшная смерть, – и низводит нас в могилу. И нет возможности упросить и умолить ее, – и на единый час не хочет она помедлить своим роковым приговором. И положат нас в гроб, как сего брата нашего, и застынет в нас кровь, оледенеют чувства, и зарастет наша могила, – а солнце по-прежнему будет блистать в мире Божием, порядок жизни пойдет своим чередом и из жизненной чаши с наслаждением будут пить другие многочисленные твари. Что же все это значит, и неужели так тому и должно быть? Неужели этот внезапный и возмутительный для нашего духа перерыв нашей жизни есть законный и нормальный предел ее, и неужели вечно будет мучить грешный род наш – этот страшный враг наш – смерть?...

Трудно, братия мои и други, воздержаться от этих воплей и воздыханий сердечных, когда стоишь так близко, как теперь, ко гробу, в котором прах и тление. Но за то, здесь-то, именно пред страшным и холодным видом смерти, когда все существо наше содрогается ужасом смертным, – здесь-то именно и чувствуется вся глубина и спасительная сила нашей святой веры. Ибо что удовлетворительного имеет ответить вся мудрость земная на те вопросы о жизни человека, которые задает уму нашему смерть? Ничего!... Какие утешения может дать она сердцу нашему, надрывающемуся от тоски и скорби смертной? Никаких! Умер

человек, – и тело его обратится в тление и прах, самая могила зарастет травой: вот и вся разгадка его жизни, – так иногда философствует естественная мудрость человеческая. Но такая философия столь же безобразна и возмутительна, как самая смерть, и столько же ужасна, как могила. Нет, *изначала не бысть тако*, говорит нам слово Божие; *Бог смерти не сотвори* (Прем.1:13). Смерть есть случайное и неестественное явление в человечестве. Она явилась с тех пор, как сам человек грехом внес разрушение в свою природу; явился грех *и грехом смерть, и тако смерть во вся человеки вниде* (Рим. 5:12). Но смерть убивает только тело, а не душу; дух же наш сокровен со Христом в Бозе. Но и тело умирает только на время, ибо сам Господь Бог послал на землю Сына своего *в подобии плоти греха, и о гресе осуди грех во плоти* (Рим. 8:3). *Аще сообразни быхом подобию смерти Его, то и воскресения будем. Аще ли умрохом со Христом, веруем яко и живи будем с Ним* (Рим. 6:5,8). Итак, что же сказать об этом временном отделении души человеческой от тела, что сказать об этом мертвом теле, наводящем ужас на всех живых людей? *Грядет час,... егда мертвии услышат глас Сына Божия, и услышавше оживут* (Ин. 5:25). *Сеется тело душевное, восстает тело духовное... Сеется не в честь, восстает в славе, сеется в немощи, восстает в силе* (1Кор. 15:43,44). *Мертвии о Христе воскреснут первее; потом же мы, живущии оставшии, купно с ними восхищени будем на облацех в сретение Господне на воздусе и тако всегда с Господом будем* (1Фес. 4:16,17). А там в пришествии Господнем будет и ново небо и нова земля, – и начнется новая невообразимо прекрасная и бесконечно блаженная жизнь!... Боже мой, как много света и теплоты в этих отрадных истинах христианского откровения, как они родственны душе нашей, и как прямо и успокоительно отвечают они на те тревожные вопросы, которыми волнуется ум наш всякий раз, когда встречается мыслию о смерти! Итак, вот где надо спасаться нам от ужаса смерти, вот где оружие и вместе лекарство против ее ядовитого жала! С глубокой верой облобызаем святыне Христовой веры, обыдем их всем чувством своим, перенесем их в сердце и воплотим в жизни – и

мы бестрепетно будем смотреть на свое будущее, и с миром и радостью отойдем в другую жизнь.

Не эти ли истины Христовой веры, которые так ярко расцвели в душе твоей, возлюбленный брат наш, в последние предсмертные часы твои, не оне ли были причиною того христианского спокойствия, с которым ты вкусил смерть? Без сомнения так! По той мере, как истлевало и истончевалось твое тело, очищался и возгревался дух твой. Веруем, что премилосердый Господь наш труды твои и болезни смертные принял как очистительную жертву за душу твою, и грехов юности твоей и неведения твоего не помянет. Благословен Господь, даровавший тебе пред кончиною твоею несомненный залог своей любви и всепрощения – животворящее Тело и Кровь Сына Своего. Итак, блажен путь, *в онъ же идеши*, усопший друг и брат наш! Не будем много скорбеть о том, что не преполовил ты дней своих, что мало пожил на свете, – такова о тебе воля Божия! Но не там ли, где ты теперь, и все мы скоро будем? Ибо что значит самый долгий век человеческий пред необъятною вечностию, и не к одному ли концу он всех приводит? Чем же напутствовать тебя, брат наш, и с чем проводить в далекий загробный путь? Одно теперь осталось у нас, для тебя – это молитва. Молим Господа, – да простит тебе все согрешения твои, и да вчинит душу твою, идеже свет животный!

Но что же мы, братия – оставшиеся живущии? Должен ли бесследно пропасть для нас этот поразительный из многочисленных, виденных нами на своем веку, опыт смерти? Схоронивши сего ближнего и брата во Христе, поспешим ли мы отвратить свои взоры от страшного лика смерти; поспешим ли изгладить настоящее тяжелое впечатление обычной житейской суетой и земными удовольствиями? Да не будет сего! Пока еще свеж сей урок смертный, пока еще жива память о сем усопшем, нельзя ли нам хотя сколько-нибудь сократить свою любовь к земле, нельзя ли поглубже уразуметь, «что земная жизнь нища есть только подготовка к жизни вечной, и что отечество наше на небесех?» О Боже, спаси нас от суеты житейской, которая так непреодолимо влечет нас к себе. Не дай угаснуть в

нас памяти смертной, удостой нас непостыдной и мирной
кончины христианской и доброго ответа на страшном судище
твоём! Аминь.

Речь прощальная и напутственная воспитанницам Владимирского епархиального женского Училища первого курса (28 июня 1870 г.)

Любезные воспитанницы!

Приветствуем вас с окончанием курса вашего учения. По вашим сияющим лицам видно, какие вы светлые переживаете минуты. Вполне сочувствуем вашей радости и призываем благословение Божие на ваш выход из училища. Но чем торжественнее и знаменательнее для вас настоящие минуты, тем разнообразнейшие в нас вызывают оне чувства и думы, которыми в последний раз намерены мы поделиться с вами. Так, впрочем, случается всегда, когда нужно бывает сказать последнее прощальное слово. Желалось бы и то высказать, и о том предупредить, и о другом не забыть напомнить, и то посоветовать, и от этого предохранить. Многосложность и некоторая предопределенность настоящих минут без всякого сомнения испытывается несколько и вами. Не раз, конечно, ожидая своего выпуска, вы с затаенным волнением устремляли к нему навстречу свою нетерпеливую мысль, и с весьма понятным удовольствием ожидали его наступления. Вот наступило это столь желанное вами время, – и не правда ли, что вы затруднитесь теперь сказать, вполне ли вы счастливы и довольны, и не примешивается ли к вашей радости некоторое сожаление об оставленном вами училище, об этом святом храме Божиим, в котором шесть лет изливали вы пред Богом свои детские молитвы, о своих подругах, с которыми надо расстаться, о самой даже этой школьной жизни, которая подчас стесняла вас, – словом обо всем, что имеет отношение к вашему училищу, под кровлю которого протекали ваши отроческие первые юношеские годы!

Если это подлинно так, то это очень хорошее у вас чувство. Берегите его как можно дольше и не разрывайте духовной связи с училищем и после того, как вы перестанете в нем учиться, –

это наш первый вам совет и наставление! Жизнь, которую вы отселе поведете, так резко будет отличаться от вашей училищной жизни, так новы будут для вас ее уроки и так могущественно ее влияние, что вы и не увидите, как можете измениться и сделаться совершенно не тем, чем мы отсюда вас выпускаем; а это очень опасно, ибо в жизни вообще, и особенно в той, которая предстоит вам, – сказать надо правду, – гораздо больше темных и суровых, чем светлых и приятных сторон. Вот на это-то случай и важно для вас поддерживать духовную связь с местом прежнего вашего воспитания, а она будет поддерживаться тогда, когда вы будете освежать в своей памяти те добрые наставления и уроки, какие вы слышали здесь, и когда будете стараться навсегда удержать за собою приобретенное здесь преимущество людей образованных, облагороженных и хорошо направленных. Желалось бы нам выяснить вам по крайней мере некоторые главные опасности, угрожающие вам по выходе вашем из училища, чтобы вы постоянно имели их в виду и умели отстранять их и побеждать.

Первое, что вы почувствуете по выходе из училища, – это свободу от надзора, от училищной дисциплины и от всякой начальственной опеки. До сих пор все ваше время, вся деятельность и вся жизнь ваша шла по определенной училищной программе. Что делать в известный час, чем заниматься, как вести себя, – все это было определено и расписано для вас. Теперь вы вдруг делаетесь самостоятельными, и свободно можете распоряжаться своим временем и всею своею жизнью можете делать что угодно, и заниматься чем знаете и когда вздумаете. Состояние конечно весьма приятное для молодости, но поймите, что оно весьма серьезное и ответственное. Теперь вы сами за себя будете отвечать пред Богом и людьми... Мы берегли вас, мы лелеяли вас, мы учили вас всему доброму, мы старались поставить вас на путь добродетели, – теперь от вас будет зависеть стоять на этом пути и идти по нему неуклонно. Мы более не отвечаем за вас пред Богом. Не потому говорим это, что рады, что освободились от ответственности за вас; напротив, потому что нам в высшей степени дорога ваша будущность, потому что мы

желаем выяснить вам ваше собственное совершенно новое для вас положение. Переход от школы в жизни будет слишком для вас резок, так что вы можете растеряться и стать в недоумение, что вам делать с своей свободой, куда идти и кому подражать. Умоляем вас не выпускать из виду тот идеал благочестивой и добродетельной жизни, который мы начертили вам. Сказахом вам всю волю Божию, – старайтесь по возможности осуществлять ее в своей жизни. Житейская мудрость представляет больше худого, чем хорошего в жизни, и советует приготовляться ко всему. Очень может быть, что вас окружают дурные примеры, что вы очутитесь в грубой среде, что вы пойдете навстречу разным соблазнам, что вы будете сталкиваться с различными вещами, которые будут жестко и болезненно действовать на ваше нравственное христианское чувство. Сумеете ли вы с христианским достоинством выдержать себя в подобных столкновениях и положениях, и повести себя как подобает духовным воспитанницам? Да поможет вам Господь Бог! Помните, что есть на свете весьма много людей грубых, завистливых и злых. Будут они непременно около вас. Эти люди готовы будут из самого малозначительного пятна в вашей жизни выводить самые неблагоприятные отзывы о целом вашем направлении, и самые обыкновенные и общечеловеческие ваши слабости, и проступки будут, пожалуй, возводить на степень преступлений и с торжеством говорить об вас: «да, мы всегда этого от них ожидали»! Несправедливы будут эти отзывы, но все-таки грустно, если вы подадите к ним повод. Не стоит много беспокоиться о людских мнениях, ибо дороже всего благоволение Божие – так; но все-таки и мнением людским пренебрегать не следует. Вы воспитанницы первого выпуска из нашего училища; и потому ваша репутация, худая или хорошая, по необходимости будет отражаться так или иначе на чести целого заведения, из которого вы выходите. Ради Бога, не выпускайте этого из вида. Да поможет вам Господь Бог соблюсти себя на всю свою будущую жизнь такими же чистыми, безукоризненными и непорочными душой и телом, какими вас всех пускаем мы отсюда. Подчиняйте себя все больше и

больше игу Христова закона, которому учить хотели мы вас, и будьте, по заповеди Спасителя, светочем богоугодной жизни в той среде, в которой судит вам жить Господь Бог. Если вы будете так вести себя, если будете скромны, благородны, трудолюбивы, целомудренны, благоговейны и благочестивы, то верьте: как бы ни сложилась жизнь ваша, – она приведет вас непременно к возделенному концу, она будет честью и славою вашею пред людьми, она привлечет вам милость Божию на земле, и будет залогом бесконечного блаженства на небе.

Затем, переходя из области нравственных правил несколько ближе в вашей ежедневной жизни, предстоящей вам по выпуске, желаем обратить ваше внимание на другое обстоятельство, могущее иметь весьма вредное на вас влияние, – это недостаток сродной умственной пищи, к которой уже приучила вас несколько школа. Вследствие этого недостатка вы можете поддаться умственной сонливости и вялости, потерять всякое желание умножать свои знания и более и более развивать свой ум. Судите сами, как было бы это грустно. За тем ли человек должен учиться в юности, чтобы потом бросить всякое попечение о своем образовании и только забывать то, чему он выучился? Напротив, здесь в училище полагались лишь первые основания вашего образования, лишь возбуждаем был и направляем ваш ум, чтобы впоследствии вы сами продолжали свое умственное развитие, и по возможности были проводниками просвещения в той среде, в которой судит вам Господь жить. Дайте же здесь святой обет никогда не выпускать этого из виду и прилагать все свое старание, чтобы и осуществить на деле это поистине высокое ваше призвание. Конечно, деревни и села, по которым вы рассеетесь, мало представляют средств и удобств для самообразования и развития; но нельзя сказать, чтобы их не было там вовсе. Слава Богу, в настоящее время трудно найти такой захолустье в нашем отечестве, где нельзя было бы достать ни одной книги для освежения своего ума. Наши села и деревни находятся в довольно живых и удобных сообщениях как между собою, так и с городами. Следовательно, – была бы только ваша добрая воля – и у вас будет и возможность, и достаточный досуг

позаботиться об умственной для себя пище. Главное то, лишь бы не лишены были вы возможности поучаться в законе Господнем, и просвещать себя церковно-отеческим учением. А этого света всегда вы найдете в достаточном количестве, где бы ни жили, где только есть неподалеку храм Господень. Что же касается того, как и где вы можете сами распространять просвещение, то поистине об этом вам заботиться и хлопотать нечего. Для вас уже готово, вас встретит самое широкое в этом отношении поприще. Может быть, вы уже угадываете, на что мы наводим вашу мысль. Я хочу сказать вам, что вас ждут целые толпы бедных крестьянских детей, коснеющих во тьме невежества, для которых вы можете быть, если хотите, благотворными светочами, добрыми наставниками и руководительницами. Не громко конечно и не блестяще звание сельской народной учительницы; но как однако же оно вам сподручно и как можем быть благотворно для наряда! Ведь и не все то золото, что блестит; и не там только совершаются великие подвиги и заслуги, где шум и блеск. Скромно трудясь над делом народного образования в сельской тиши и пред очами одного Отца Небесного, с особенною милостию призирающего на скромные и в тайне совершаемые труды, вы можете гораздо больше пользы и добра принести народу, чем иной высокопоставленный и гораздо более вес образованный человек. Есть же примеры, что наши простые причетники и даже их жены, устраивали в своих домах школы и обучали грамоте целые поколения крестьянских детей. Мы надеемся, что вы лучше конечно и успешнее их поведете это дело, и не одной грамоте можете научить, – а разве это маловажное дело? Кроме благодарности народа и награды от Бога, ваши учительские труды могут наконец доставлять и средства к жизни, а главное могут спасти вас самих от того умственного застоя и вялости, о которых я сказал вам выше.

Перехожу наконец к самой ощутительной, самой болезненной и горькой стороне предстоящей вам новой жизни: ее вы почувствуете тотчас, как только начнет проходить первое обаяние полученной вами свободы, и когда убогая сельская жизнь будет проясняться для вас в подлинном своем значении.

Конечно, мы не воспитывали вас в неге и роскоши и не баловали, – сошлемся в этом на вас самих. Мы старались постепенно ознакомливать вас со всем, с чем придется скоро соприкасаться вам в жизни, и приучить ко всякому труду, необходимому в сельской жизни. Если некоторые думают иначе, имея смутное и не проверенное представление об обстановке нашего училища, то они конечно очень ошибаются. Но во всяком случае, ни изнурительных трудов, ни гнетущей нужды вы здесь не испытали: а кто знает, не придется ли многим из вас испытывать и то и другое, и третье, и может быть многое другое, гораздо более горькое? Весьма многие, опираясь на эти опасения, и выставляя на вид решительное будто бы несоответствие вашей училищной жизни с предстоящей вам бедной и суровой обстановкой житейской, хотели бы даже, чтобы епархиальное наше училище вовсе не существовало. Искренни ли эти опасения и проистекают ли они из одного только благожелания, или из других каких-нибудь, менее касающихся вас побуждений, – об этом мы не станем здесь теперь распространяться. Но конечно вы, кончающие курс своего учения и понимающие цену образования и его превосходство пред необразованностью и грубостью, – вы, говорим, хорошо видите всю неосновательность той мысли, будто надо людей держать во тьме и черном теле за тем, чтобы они не чувствовали своего горького положения, подобно каким-нибудь индейским дикарям, и благодушно и бесстрастно несли его. Нет, мы с вами конечно не думаем так; напротив, мы полагаем, что неестественно человеку такое положение, что грех насильно и сознательно держать его в нем, что нельзя и выдти ему из такого ненормального состояния, если ему не покажут ничего лучшего, чем та тьма и грубость, в которой поставили его обстоятельства, если не вдохнут в него ни одной светлой мысли о его человеческом достоинстве, и, если не зажгут в нем воспитанием ни одной благородной искры. Мы не в том полагаем счастье человека, если он не понимает, что он несчастлив; равно как и цену добродетели и достоинство его нравственности не в том видим, если он не испытывает никакой борьбы. Напротив, чем выше и чище добродетель, тем с

большим подвигом и борьбой она связана... не так ли? Мы к тому все это говорим, что вы находитесь теперь на рубеже между школою и жизнью, и что вам надо доказать, что добрые семена христианского учения и добродетели, которые мы сеяли на почве ваших юных и восприимчивых сердец, и могут только принести добрые плоды по роду своему, при содействии благодати и силы Божией. Постарайтесь оправдать наши ожидания и наши надежды на вас доказать всем и каждому, что вы не воспитаны в неге и роскоши, и не только не избегаете никакого посильного труда и не гнушаетесь никакой черной работы; напротив на все это способны и приготовлены, и с любовью беретесь за все что нужно и требуется; что вы очень хорошо понимаете свое положение и как бы ни устроилась ваша жизнь, вы решились отдаться вполне воле Божией, и не склоняться ни налево ни направо от пути добродетели, как бы ни тесен и ни тернист был этот путь. А если горечь жизни слишком болезненно будет ощущаться сердце вашим, и ни кругом ни около не будет у вас ни поддержки, ни утешения, ни отрады (надо на все рассчитывать!), то пролейте скорбь свою пред Господом Богом и Царицей небесной, – и вы найдете утешение в молитве. Молитва вас успокоит, даст вам силы и вдохновить на все высокое и прекрасное. Вспомните при этом, что есть у вас на месте прежнего вашего воспитания люди, горячо сочувствующие вам, молящиеся за вас, и готовые чем только могут помочь вам и облегчить ваше положение. Особенно сохраните в вашей памяти то, что великодушный архипастырь наш, владыка Антоний, милостями коего не однократно вы имели случай здесь пользоваться, не забудет вас и по выходе из училища.

На прощанье с вами невольно вспоминается та теплая святительская молитва, которою молился о вас первоначальный учредитель нашего училища, преосвященный Феофан, когда вы были еще маленькими детьми, и только что поступали сюда учиться. Мы были свидетелями сей молитвы – и вот Господь приводит – ею же проводить вас из училища: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, Сам благоволивший преуспевать возрастом и разумом и благодатию у Бога и людей,

и во время Твоего на земле служения спасению нашему, повелевший невозбранно приступить к Тебе малым детям, указуя в них образ совершенства христианского, благослови отроковиц сих» уже возрасших и ныне вступающих в жизнь, «умудри во спасительном учении Твоем и сердца их благонаравием украси, Ангелов Твоих хранителей посли, да всевают в сердца их всякое благопомышление и благорасположение, от всякого же вредного приражения, могущего встретиться им в жизни, да охраняют во дни и ночи, – да тако видимо и невидимо питаемы и руководствуемы,..... плод доброго жития и благих дел христианских принесут пресвятому имени Твоему!... Мать Божия Пречистая, в объятиях Своих носившая Христа, Господа! обыми отроковиц сих невидимыми объятиями Твоими, и всем нам милостива буди! Приими их под милостивый Материнский покров Свой, посещай, вразумляй и охраняй их, да будут во славу Сына Твоего, Ему – же со Отцем и Св. Духом честь и слава во веки веков. Аминь.»

Речь к воспитанникам Владимирской губернской гимназии, произнесенная по совершении первого богослужения в гимназической церкви (27 октяб. 1870 г.)

Любезные воспитанники!

Господь привел мне нынче совершить у вас первое богослужение. В моей жизни день этот во всяком случае будет стоять не в ряду обыкновенных моих дней. Нынче стоял я пред престолом Божиим впереди нового для меня вашего общества, молился среди новой семьи и вижу пред собою новую юную паству. Дорога, на которую я чувствую себя теперь окончательно поставленным, конечно для меня не совсем новая, и обязанности, которые с нынешним днем я принял относительно вас пред лицом Господним, довольно однородны с прежними моими обязанностями; ибо по сию самую пору имел я дело с подобными вам детьми и с тем же самым возрастом, в каком находитесь вы. Но все же я ожидаю у вас не мало особенностей и новых сторон, которые я могу только предполагать и угадывать, а вполне еще не знаю. В каждой семье есть непременно своя особенность, и чем больше семья, тем эти особенности разнообразнее и сложнее. Но что бы там ни было, – я с удовольствием спешу, до более короткого с вами знакомства, по крайней мере предупредить вас или объяснить с вами насчет моих задушевных желаний относительно вас и насчет главной и основной моей задачи, над которой, думается мне, велит мне отныне трудиться Сам Господь Бог. Так уж и знайте, как я хочу смотреть на вас, и чего от вас искать. Я уверен вполне, что встречу от вас и сочувствие и содействие.

Желал бы я, просто сказать, видеть вас детей и юношей – не чем иным, как именно детьми и юношами – только, но по тому светлому, высокому и вместе необыкновенно простому образцу детей и юношей, который начертил нам Христос Спаситель в Своем Евангелии, и Который так отрадно и

привлекательно действует на всякую, даже грубую и черствую душу. Известно ли вам, как любил Господь детей во время Своей земной жизни, как Он благословлял их, обнимал, ставил в образец и пример Своим Апостолам, и даже поставил для всех непереносимым условием к получению Царствия Небесного непорочные качества юных душ?... *Если не обратитесь, говорил Он, и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное* (Мф. 18:3). Напротив, о детях прямо сказал, что им неотъемлемо принадлежит Царство Небесное (Мк. 10:14). Нам грешным взрослым людям надобно много трудиться над собою, надо сильно бороться с своими страстями, чтобы привлечь к себе любовь и заслужить милость Божию; а вам, дети, эта любовь и милость дается, так сказать, даром. Счастливейший возраст! Прекраснейший возраст! Конечно, вы хорошо понимаете, что не сам по себе, не за свою слабость, неразвитость и нежность ставится этот возраст так высоко Господом Богом. Нет, – за чистоту и непорочность души, за теплую веру и живую восприимчивость ко всему святому и доброму, за отсутствие притворства и грубого самолюбия, вот за что любил Господь детей и вот с какой стороны ставил Он их в пример всем и каждому. Но поймите и то, что если по заповеди Господней все мы можем и должны быть детьми; то и наоборот – дети могут, хоть и на свою беду, слишком рано утрачивать драгоценные качества своего возраста и быть взрослыми по дурным стремлениям и наклонностям, продолжая быть детьми по развитию и зрелости. Не правда ли, какое это грустное и уродливое явление? А вы может быть сами будете мне свидетелями, как нередко слышатся от зрелых и умных людей горькие жалобы на подобные явления в среде нынешнего юношества. Вот чего не дай Бог в вас встретить! Да не оскорбляет вас это мое опасение! Оно вызвано не какими-нибудь моими собственными наблюдениями над вами, – я не имел еще времени их сделать, – а просто той неоспоримой, хоть и печальной истиной, что во всех нас людях порча нравственная и эта постепенная утрата святых качеств детства совершается необыкновенно просто и, можно сказать, так же неумолимо, как неумолимо наше телесное возрастание. Есть в

нас какая-то удивительная восприимчивость на дурное; не остерегись только от этого дурного, оно пускает уже корни в душе и готово завладеть нашим сердцем. Случайно как-нибудь подслушанная, или вычитанная дурная мысль крепко запоминается и приводит с собою тьму других мыслей. Один, совершенно ненарочно встреченный, дурной пример так и увлекает к подражанию. Одна нерешительная и боязливая попытка на что-нибудь запрещенное и грешное почти внезапно дает нам дурную и грешную опытность. От того-то и случаются на наших глазах эти грустные опыты, что дитя благонравное, прилежное, умное и во всех отношениях прекрасное, утешавшее своих родителей и воспитателей, вдруг начинает обнаруживать признаки какой-то упрямой порчи, а чрез некоторый период времени и узнать нельзя, что за безобразное, что за растленное выходит из него существо. Все это однако же не от того бывает, чтобы зло и грех имели над нами какую-нибудь неодолимую, или роковую силу, – их всегда можно отразить, ослабить в себе и потом совсем возобладать над ними. Смолodu, только надо прилежно следить за собой и неослабно блюсти свое сердце от дурных влияний. Здесь-то и открывается счастливое и, во всяком случае, неотъемлемое преимущество вашего возраста, что вам несравненно легче можно отражать и прогонять от себя все дурное, ибо оно еще не имеет над вами большой силы; мягкая и еще не засоренная жизнью почва сердца вашего может произрастить какую угодно добродетель, если только вы захотите заняться этим. Вообще святая практика добра в высшей степени сродна и удобна всякой юной душе несмотря на природную и всеобщую порчу натуры человеческой.

Но я желал бы несколько более уяснить вам ваше особенное учебное и школьное положение; в нем есть такие благоприятные условия для укрепления вас в добре, так оно хорошо приноровлено к тому, чтобы вы могли сделаться впоследствии не только добрыми и честными людьми, но и истинными христианами, что вам остается только пользоваться этими условиями и крепче держаться в своем положении. В самом деле, как расположено все ваше время, и из чего по

необходимости слагается ваша ежедневная деятельность? Большую половину своего времени вы употребляете на уроки, на изучение разных наук. Это большое для вас счастье, это великое ваше преимущество! Сколько сотен и тысяч других детей растут без всякого призрения, совершенными невеждами и неучами, да так и вырастают со тьмой в голове, с суеверными взглядами на мир Божий и с дурными привычками. Сколько тысяч живет и взрослых людей, у которых все время уходит на самые тяжелые и грубые работы и нет ни минуты свободной, чтобы подумать о своем духовном развитии и образовании. И нет ничего удивительного, если в такой неблагоприятной среде такое множество детей заранее вянут в нравственном отношении, теряют цвет своей невинности и утрачивают непорочность своего сердца. Благодарите же Бога, что вы поставлены в лучшее истинно человеческое положение, и пользуйтесь им. Не смотрите, на науку, как на нечто неприятное и неизбежно тяжелое дело, – такой она представляется только с виду и на первых порах, – а заставьте себя искренно полюбить ее, и стремитесь к ней всем сердцем; вы увидите, что это свет, это истинная пища человеческой души, это нечто до такой степени привлекательное и здоровое для правильно развивающегося духа человеческого, что легче это чувствовать, чем объяснить словами. Но если вы, по возрасту своему, еще не доразумеваете всей привлекательности науки, то верьте по крайней мере нам, более вас жившими, более вас опытным людям. В нашем положении несравненно виднее, что для вас истинно полезно и истинно необходимо. О, как часто и как много, поистине даровитых юношей, мелчают, портятся, делаются ветреными людьми, праздными мечтателями и потому негодными членами общества и даже вовсе погибшими людьми – оттого, что отвращаются от науки, когда им предлагают ее, оттого, что смолоду не привыкают к серьезному научному труду, занимаются наукой нехотя и урывками, обманывая себя и своих воспитателей! Как поистине жаль этих юношей, какой страшной ответственности подвергают они себя пред Богом и обществом! Итак, я желал бы видеть вас детьми и юношами, серьезно любящими науку и прилежно учащимися, – это мое первое

желание относительно вас, которое, конечно, разделяют со мною все ваши воспитатели и без всякого сомнения вы сами. Чем искреннее и горячее это мое желание, тем смелее я заявляю его вам теперь при первой моей встрече с вами в храме Божиим, хотя, может быть, я несколько спешу с этим моим желанием.

Другое мое желание, которое я никогда не устану повторять вам, об котором буду хлопотать по мере моих сил и об котором молить буду Господа, это чтобы был в вас страх Божий, который есть начало всякой премудрости; чтоб горела в вас та святая религиозная искра, которая делает человека способным на все высокое и прекрасное, с погашением которой всякий человек, как бы он велик ни был во мнении людей, становится ненадежным человеком и рано или поздно гибнет безвозвратно. Я желал бы, чтобы святые истины веры Христовой и Евангельские начала нравственности не только были знакомы вашему уму, но и проникали всю вашу душу и воспламеняли ваше юное сердце, чтобы видны были они в жизни и поведении вашем, чтобы слышны были в ваших речах и убеждениях, чтобы составляли в вас некоторое постоянное благодатное настроение, по которому можно было бы узнать тотчас и увидеть в вас не просто только благонравных, но благочестивых и религиозных детей. Образованное, и вместе благочестивое, и религиозное дитя, дитя с непорочным сердцем, с светлым и верующим умом, – может ли быть в целом мире что-нибудь прекраснее этого явления? Рисую в мысли этот светлый образ, так и слышишь чудные слова Спасителя: *пустите детей и не препятствуйте им приходит ко Мне; ибо таковых есть Царствие Божие* (Мар. 10:14). Итак, и научные свои занятия сопровождайте упражнениями в делах христианского благочестия и освящайте их словом Божиим и молитвою; так чтобы с одной стороны наука, с другой – религия были у вас как бы двумя конечными гранями, или указательными столбами, между которыми должен проходить путь вашей ученической жизни. Не уклоняйтесь ни направо, ни налево с этого пути и тогда можно смело ручаться за вашу светлую будущность и за правильность всего вашего воспитания. Главным же образом

держитесь крепче за святую религию Христову, возлюбите всем сердцем Господа Иисуса Христа и Его святое учение. Не многосложны требования и не обширны правила христианской практики, которые предлагает вам школа, но постарайтесь усвоить по крайней мере их, и этого пока будет с вас довольно. Когда зовут вас на общую молитву, спешите воспользоваться этими святыми минутами в вашем дне, с благоговением призывайте Господа на помощь при начале ваших занятий и благодарите Его при окончании ваших дневных трудов. Но и в продолжение дня не начинайте ни одного своего дела, ни одного урока, не осенив себя крестным знамением и не призвав Господа в помощь. Когда собираетесь вы сюда в храм Божий для богослужения, стойте с благоговением, как подобает благонравным христианским детям, внимательно прислушивайтесь к священным песням и молитвам и усвойте их своим чувством и умом. Когда вы в классах слушаете святое слово Божие и трудитесь над изучением закона Господня, то открывайте для него не только свой ум и свое внимание, но главным образом сердце и душу. Небрежное, рассеянное и равнодушное отношение к словам Господним да будет у вас постыдным и даже немыслимым делом. Во взаимных ваших отношениях да будет столько же простоты, скромности и приличия, сколько и христианской искренности, и предупредительности. Ничего грубого, грязного и безнравственного ниже да слышится между вами. Помните, что два только дела вам надобно здесь делать, кроме которых все остальное вы должны считать посторонним и до вас не касающимся. Одно дело развивать свой ум научением науки, другое – облагораживать душу и сердце по Евангельским правилам Христа Спасителя. Что может быть благороднее, серьезнее и лучше этих двух дел! Поняли ли вы меня и сочувствуете ли мне? Надеюсь, и призываю Господа на помощь вашу! Аминь.

Слово на день восшествия на престол Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича (19 февраля 1871 г.)

Постящися, братие, телесне, постимся и духовне
(Стих. на Гос. гоз. воз. в ср. 1-й и. в. п.)

Полагаю, что не поздно и не неуместно повторить это вступительное приглашение св. Церкви к посту и теперь пред вами, просвещенные слушатели, хотя не малая часть святого поста миновала. В том предположении, что может быть многим из вас еще предстоит подвиг говенья в настоящем году, мы пользуемся настоящим днем, собравших всех вас воедино на молитву о Государе, предложить вам беседу о святом подвиге поста, – о таком предмете, о котором (что скрывать истину?) стали бы мы слушать весьма неохотно во всякое другое время, и о котором, как кажется, имеются у нас вообще самые сбивчивые и неверные понятия. Без преувеличения можно сказать, что из святых уставов Церкви ничто с таким единодушным легкомыслием не попирается в многочисленных кружках нашего общества, как посты. «К чему посты? Зачем они так часты и продолжительны? Не может ли постная пища расстраивать здоровья? Не все ли равно для Бога, чем бы человек ни питался, лишь бы чист был и свят в своей совести? Наконец – есть ли прямая заповедь о постах в учении Спасителя, – не человеческое ли они учреждение?» Таковые и подобные сим возгласы на разные лады и с многообразнейшими оттенками можно слышать нынче повсюду. Их повторяют весьма часто и учащиеся еще мальчики – с голосу старших, и зрелые мужи – отцы семейств; ими ограждают себя и необразованные мужи, подражающие только тому, что вокруг них делается; их не стыдятся проповедывать, – что особенно грустно и непоследовательно, – даже те, которые по-видимому не совсем равнодушны к требованиям религии и желали бы быть православными людьми. Бедный пост! Как тебя искренно

не любит наш ветхий человек, как ты горек для нашей чувственности!... Но нет нужды, – попробуем сказать в твою защиту несколько слов от имени св. Церкви Христовой, яже *есть... столп и утверждение истины* (1Тим. 3:15).

Не человеческое ли учреждение посты? Есть ли прямая заповедь об них в Евангелии?... Да, – вот где надлежало бы прежде всего православными христианам искать разрешения всяких недоумений и вопросов. Заповедует что-нибудь Христос Спаситель, – значить это верно и надо это исполнять. Запрещает что Господь, – значить это вредно и губительно, и избегать сего нужно. Это было бы вполне последовательно и вполне честно с нашей стороны. Числиться же христианином и измышлять себе правила для жизни помимо Евангелия, – значит хромать на оба колена, служить, ваалу и Иегове, фальшивить наконец пред самим собою, – не так ли? Да будет же всем известно, что в учении Христа Спасителя, есть заповедь о постах, и какая ясная и положительная заповедь! Не знать этого может только тот, кто вовсе не знает и не читает Евангелия. *«Когда поститесь, – так учил Господь в нагорной Своей проповеди, – не будьте унылы, как лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое, чтобы, явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцем твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно»* (Мф. 6:16–18). Что это? Не заповедь ли о посте? Приходят однажды к Иисусу Христу ученики Иоанна Крестителя и говорят: *«почему мы и фарисеи постимся много, а Твои ученики не постятся»?* что же Господь? Сказал ли, что ученики Иоанновы не делом занимаются, что посты не нужны? Нет, вот что он сказал: *«могут ли печалиться сыны чертога брачного, пока с ними жених? Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься»* (Мф. 9:14, 15). Дни эти наступили для святой и непорочной невесты Христовой, Церкви (Еф. 5:25–27) – по смерти, воскресении и вознесении ее божественного жениха, Господа Иисуса. И мы видим, что св. Апостолы, их ближайшие

преемники, и затем бесчисленные сонмы дальнейших учеников Христовых, верные слову своего Небесного Учителя, проводили жизнь свою *в трудах, во бдениих, в пощениих* (2Кор. 6:5). Однажды Апостолы приступили к Иисусу наедине и сказали: «почему мы не могли изгнать беса (из одного бесноватого)? Иисус сказал им... сей род (бесов) изгоняется только молитвой и постом» (Мф. 17:19,21). Итак, пост, по словам Господним, имеет, даже отгнательную силу против духов нечистых. Довольно ли сих мест, чтобы видеть, как Господь ублажает и превозносит пост? Припомним еще, что Сам Он постился некогда *дний четыредесять, и ноций четыредесять* (Мф. 4:2), *искушаем сатаню* (Мк. 1:13), *нам оставль образ, да последуем стопам Его*. Пусть же не обольщают себя отрицающие посты и их не соблюдающие; пусть они рассудят, что поступают вопреки прямому повелению Господню, и отрицают не что иное, как учение своего Спасителя!...

Какое же нравственное значение имеют посты, откуда вытекает их потребность в христианской жизни? Потребность их основывается на том же, почему иногда человек, потрясенный сильною скорбью и испытавший тяжелую утрату, сам отказывается от всяких удовольствий, одевается в траур и сосредоточивается в самом себе, или почему иногда человек, совершенно отдавшись какому-нибудь делу, забывает об удовлетворении самых обыкновенных своих потребностей. В том или другом случае человек добровольно налагает на себя пост в самом буквальном смысле этого слова. Вспомните же, что у всех у нас людей есть одно великое и общее горе о нашем прирожденном растлении; все мы понесли ни с чем несравнимую потерю райского блаженства; на всех на нас лежит величайшее из всех наших дел, – дело возвращения потерянной святости и восстановления в себе образа и подобия Божия. С целью – напомнить нам обо всем этом, отвлечь от обычной нашей суетности и отрезвить нас от греха, в котором мы, как в чаду каком, ходим и кружимся в обыкновенные житейские дни наши, – с сею, говорим, святою целью и установила Христова Церковь времена постов. Тайна делается несколько понятною, от чего нам так неприятны и тяжелы посты.

Это от того – прежде всего, что нам мало известна *печаль* яже *по Бозе*, что мы не чувствуем и не понимаем нужды плакать о своих грехах, и обыкновенно не имеем в мысли своего раствления и своей негодности пред Богом. Понятное дело, что человеку не хочется облекаться в траур, когда у него на уме одно веселье, а в сердце жажда удовольствий.

Но Церковь святая не стала бы, конечно, так усиленно приглашать нас к посту, и делать обязательными для всех своих чад известные времена постов, если бы пост имел только значение внешнего выражения внутренних религиозных движений, и, если бы он сам не имел по себе силы к возбуждению этих религиозных движений. Например, в лютеранских обществах посты, как известно, оставлены на произвол каждого. Там, по началу тоже не отвергаются посты, ибо отвергать их значит, как мы видели, отвергать Евангелие; но предоставлена полная свобода соображаться каждому с своим собственным чувством и с личными потребностями в посте, за исключением редких случаев. Что же однако выходит там на деле? Не отвергают значения постов, и, однако никто обыкновенно не постится. Признают силу поста, и, однако не усердствуют к нему и не любят его, и даже глумятся над нашими православными постниками. Что же это? Не слышится ли здесь лицемерие некоторое, не чувствуется ли немощь духовная и какая-то вялость религиозная, если так можно выразиться. Нет, Православная Церковь глубже понимает значение поста и горячее болеет о немощах нашей падшей природы. Не дожидаясь, пока в сластолюбивом духе нашем само собою возникнет скорбное чувство покаяния и явится свободное стремление к подвижничеству, она прямо налагает на нас в известные времена обязательный подвиг пощения; она знает, что самый этот подвиг обратно может воздействовать на душу, и окрылить ее к святым чувствам.

В предупреждение всяких недоумений и сомнений по сему предмету спешим заметить, что если мы над собой или над другими людьми не видим благодатных действий поста, то это зависит от узкости нашего взгляда на пост и от неискреннего отношения к нему. Конечно, если пост полагать только и в

неядении скоромной пищи, то он весьма легко может показаться бесцельным учреждением, и плодов не принесет никаких, ибо как же хотеть в самом деле, чтобы пища приносила святость человеку? А между тем у нас большею частию задается этой именно нехитрой идеей поста. Во всем строе обыденной жизни таких постников не замечается никакого изменения. Они по-прежнему погружены во все мелочи житейские; у них те же занятия, те же страсти, те же грешные цели, те же самолюбивые отношения к ближнему, тот же покой, наконец те же удовольствия и развлечения. Легкое и услаждающее чтение, рассеянная и короткая молитва, продолжительный сон, мягкая постель, посещение знакомых и друзей, приятная болтовня в кругу их, роскошь и утонченность в одежде, зрелища, музыка и проч. и проч., – все это остается по-прежнему. И вдруг эти люди сталкиваются с повелением отказать себе в обычной приятной пище, и ограничиться постным столом. Понятно, сколько ропота подымается из уст этих людей, какую горькою и бесцельною вещию кажется пост, каким вредом и какими воображаемыми опасностями их организму начинает угрожать для них постная пища. И вот, – либо совсем не хотят поститься, либо несут пост как тяжелое ярмо, подчиняются ему нехотя, как делу неизбежному! Но надо знать, что не к такому посту приглашает нас Церковь. *Постящеся, братие, телесне, проповедует она, постимся и духовне; разрешим всякий союз неправды, расторгнем стропотная нуждных изменений, всякое списание неправедное раздерем, дадим алчущим хлеб, и нищия безкровныя введем в дома, да приимем от Христа Бога велию милость.* Это значит, надо наложить запрещение на весь суетливый и греховный строй нашей обыкновенной жизни, надо стеснить свою душу во всех видах ее страстных движений и не только чувство вкуса, а и все пять чувств ограничить в их потребностях надо стать на страже у этих дверей, которыми проходят в душу увлекательные мирские впечатления; надо затвориться в уединенной клетке сердца своего и молитвенно стать там пред Господом, – вот это настоящий пост! И попробуйте только искренно и не жалея себя отдаться этому посту, – как тотчас же дух ваш начнет чувствовать себя в

некотором небывалом просторе, ощутит необыкновенную легкость и энергию и естественно устремится туда, куда он влечется своей собственной природой, т. е. к Небу и Богу. *Сам аз умом моим работаю закону Божию, плотию же закону греховному* (Рим. 7:25), сказал великий Апостол Христов, глубоко понимавший немощи падшей природы человеческой; значит, только смирить надо по-всячески эту плоть, в которой, по словам того же Апостола – *не живет доброе* (Рим. 7:18), – и дух наш воспрянет от своего обычного усыпления и будет свободно работать закону Божию. Чтобы вполне понять это состояние, надобно постараться испытать его, а до тех пор не позволять себе легкомысленно отзывать о постах. Что и говорить, – пост есть лекарство весьма горькое для нашей чувственности; но как же хотеть, чтобы лекарства были все сладкие?! *Царствие Божие вообще нудится*, по слову Спасителя; *надо погубить свою душу, чтобы спасти ее*, надо умертвить уды, сущие на земли, надо совлечься ветхого человека, – все это конечно болезненные и тяжелые опыты, но что же делать, когда без них человеку предстоит гибель? Широкий и привольный путь мирских наслаждений ведет в пагубу. Все это слова Самой воплощенной истины, Господа нашего Иисуса Христа.

Странно и непонятно звучат конечно все эти изречения Евангельские для людей, рассуждающих о человеческой натуре только с физиологической точки зрения и не желающих знать печальной истории повреждения человеческого. Зачем стеснять себя? Зачем не пользоваться беззапретно всем, чем богат мир Божий? Зачем эти самоотречения? Но мы христиане должны уже знать, зачем все это. Мы знаем, что было время, когда человек без всякого самостеснения, а простым и спокойным удовлетворением своих естественных потребностей шел к своей цели и приближался к Богу. Это было время невинного состояния человека, когда все силы его находились в равновесии, и тело лишь помогало духу в его идеальных стремлениях. Теперь все это помутилось и извратилось; чувственность взяла верх над духом и тянет его непрерывно к земле и к ее утехам; и вся задача правильной жизни для

человека стала в том, чтобы беречь свободу своего духа и не делать его служебным орудием земных и плотских потребностей. Вот почему слово Божие, не запрещая человеку никаких законных радостей и удовольствий, повелевает опасаться пристрастия к ним. *Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною. Пища для чрева, и чрево для пищи; но Бог уничтожит и то и другое (1Кор. 6:12, 13).* С этою, между прочим, целью и установлены святою Церковью определенные времена постов. Это одна из самых сильных воспитательных мер с ее стороны. Ими она хочет приучить нас к самообладанию и сделать способными – по первому, так сказать, востребованию – отказаться от интересов низших, земных и плотских в пользу высших и религиозных идей. Ведь и в домашнем воспитании, для укрепления характера в дитяти, и чтобы создать в нем некоторые твердые правила добродетели, нарочно подвергают его некоторым лишениям и постепенно вводят в борьбу с окружающими обстоятельствами. Баловство и изнеженность воспитывает слабодушных и гнилых людей. Таково нравственно-воспитательное значение постов.

Если поставить рядом с выясненной нами светлой и высокой идеей христианских постов те вопли и жалобы, которые обыкновенно раздаются против них, то какими мелкими оказываются эти вопли, и каким они отзываются малодушливым ребячеством! «Не все ли равно Богу, чем человек ни питается, лишь бы он чист был душой?» Конечно все равно; но ведь дело и не в пище, а в самообладании и в умении подчинять на всякий случай свои низшие потребности высшим. Пройдет время поста и приятная пища разрешается, – понятно ли, что дело не в пище? Но я буду, говорит сластолюбец, соблюдать строгое воздержание и в скоромной пище?... Воздержание не есть пост: оно всегда и для всех обязательно – и как же иначе? А Церковь требует от нас по временам подвига; притом, как же можно провести определенную черту, до которой может простираться у каждого человека воздержание в скоромной пище без нарушения поста? Нет, на время воздержись вовсе от известного рода явств, и дело будет

надежнее и чище. Но я не затворник и не подвижник, продолжает защищаться сластолюбец, – пусть же постятся в монастырях, а я мирской человек! Но где же нам уж равняться с затворниками и отшельниками, которые несут постоянное подвижничество, и еще какое? Церковь хочет, чтобы мы хоть на время и по возможности отрешались от мирской суеты, в которой мы грязнем и глумимся почти безвыходно. Ведь не монахам, а всем Своим последователям Господь сказал, что в Царствие Небесное можно пройти только узкими вратами, что надо отвергнуться себя, взять крест свой и последовать за Ним. Как же мы все отворачиваемся от всякой тесноты, отнекиваемся от неприятной работы над собой, да еще и сетуем на Церковь, что она слишком горячо принимает к своему сердцу наши духовные интересы и нашу судьбу?! Но разве хорошо, и что-нибудь значит пред Богом, – успокоивают себя миролюбцы, – если люди строго постятся, а грешат не менее всех остальных? Конечно не хорошо – ответим мы, – но ведь не такого поста и требует от нас Церковь; пост душевный должен сопровождать и проникать пост телесный. А чтобы пост телесный ничего не значил пред Богом – этого еще нельзя сказать решительно, и в отношении ко всем постникам. Все-таки человек отказывает себе в некотором удовольствии для религиозных целей, значит есть в нем задатки самообладания и подчинения своего самолюбия высшему авторитету, – а это малое ли дело? Но вот, если человек и пальцем не хочет двинуть, чтобы возложить на себя иго Христова, – это уж решительно дурно. Но постная пища дороже скромной, а, следовательно, не для всех удобна? Лакомая постная пища – так, но не вообще постная пища, а лакомство отрицается самой идеей поста. Замечательно, впрочем, что посты нарушаются большею частью теми, которые не могли бы стесняться дороговизною пищи. Наконец постная пища может быть вредна для здоровья? И очень, согласимся мы, – по большею частью от неумеренного употребления ее. Люди хотят постничать, но и уберечься от неприятного чувства голода, и посему вознаграждают себя за лишение скромной пищи обильным количеством постной. Но ведь это значит обманывать себя, и

как не быть вреда отсюда?!... Но мне решительно вредна постная пища, успокоивает себя иной сластолюбец, – в каком бы ограниченном количестве ее ни употреблять?! Да, можно до такой степени избаловать и изнежить свой организм и отучить его от поста, что он делается неудобноносимым бременем. Но кто же виноват в этом, кроме нашего собственного сластолюбия? Отчего мы не приучались смолоду и отчего теперь не приучаем своих детей к посильному подвигу поста? Что растительная пища свойственна человеческому желудку, об этом говорит и наука; а что она не портит здоровья, об этом свидетельствуют те крепкие и здоровые классы общества, в которых посты соблюдаются наиболее строго. Значит, – нет в нас силы воли, или просто – нет доброй воли, а мы уверяем себя, что пост для нас вреден. Тратятся большие суммы на утонченность и разнообразие стола, а нет ни малейшей заботы, как бы приучить себя, хотя исподволь и, хотя бы даже с помощью того же поварского искусства, к соблюдению постов в положенные Церкви времена. Нет в нас любви к святым уставам Церкви, – вот чего в нас нет! Голова постоянно занята холодными эгоистическими планами, а в сердце не искрится религиозное чувство, вот в чем вся беда наша!!! Но как быть наконец тем, которые затрудняются в соблюдении постов самою внешнею своею обстановкою, не от них зависящею? Например, глава семьи не хочет поститься и не любить постов, а в некоторых членах ее таится религиозная идея, которую бы желалось осуществить на деле, – как поступать в таком случае? Разумеется, следует смело и открыто заявить о своем желании, – и быть не может, чтобы в ком-нибудь настолько могло найтись неблагоразумия, чтобы насиловать это благочестивое желание. Нам кажется, что по самой простой деликатности невозможно этого сделать. В противном случае – конечно Бог судья этим гасителям юных и свежих религиозных порывов!... Сделаем еще одно и последнее замечание, чтобы не оставить ничего без внимания в возбужденном нами вопросе. Что, если по состоянию здоровья действительно нельзя поститься, и если доктор прописывает скоромную пищу? Понятное дело, пост перестает быть тогда обязательным. Ведь он не есть что-нибудь

роковое и неотвратимое в нашей Церкви; он есть главным образом воспитательная мера, как мы уже сказали, и конечно для тех только, которые могут понести ее. Нежный детский возраст, немощная старость, болезненность и слабость не могут быть, призываемы к непосильным подвигам. Неужели можно было в этом сомневаться? Мы не без цели делаем сии замечания; ибо весьма нередко, во избежание повиновения предписаниям Церковным, ссылаются на воображаемую суровость этих предписаний, или же на себя напускают небывалую болезненность.

Итак, не лучше ли прямо и смиренно сознаться в своей немощи душевной и в своем пристрастии к чувственному, чем порицать святыя уставы Церкви? Не лучше ли глубже вникать в нравственный смысл и значение этих уставов и по возможности подчинять себя им, чем успокоивать праздность и леность свою разными благовидными, но неосновательными предложениями? За свое послушание и смирение мы с избытком были бы вознаграждены. К нам пришла бы неизвестная может быть до сих пор ясность духа и спокойствие совести, восстановились бы правильные отношения между духом и телом и надлежащее равновесие между всеми нашими силами духовными; и наша бессмертная душа перестала бы состоять на службе у бренного тела, и занялась бы делами достойными ее назначения. Вспомним своих благочестивых предков, как они ничем не стеснялись в строгом соблюдении святых уставов Церкви. Цари, бояре и князья – также искренно и охотно постились, как и простые люди; неужели ж они были другой породы, чем мы? Мы хвалимся, что превосходим их своим развитием; позаймем же от них любви к Православию и поревнуем преданности к св. Церкви. Чтобы там ни говорили, а эта преданность всегда была и будет несокрушимой силой нашего отечества. Собравшись ныне на молитву о нашем православнейшем Государе; не забудем, что задушевной его мыслию всегда было и есть – видеть нас столько же верноподданными сынами, сколько и православными христианами. *Господи, силою твоею да возвеселится наш царь, Александр Николаевич! Желание сердца его даждь ему, и хотения устен его не лиши его.*

*Спаси Боже православные люди твоя, и благослови достояние
твое!...*

Поучение по случаю продолжительного бездождия и слухов о холере (в июле 1871 г.)

Мы намерены сказать вам, боголюбивые сограждане, несколько слов о том, о чем и самим вам вероятно уже неоднократно приходила мысль при нынешних тяжелых обстоятельствах наших и разных тревожных слухах. В продолжение месяца почти до самых настоящих дней палило солнце, так что все начало было вянуть и сохнуть. Грусть и тяжелое уныние стали чувствоваться не только в людях, но и в самой природе. Все грозило чем-то страшным. Но и до сих пор некоторые тяжелые предчувствия как бы носятся в воздухе. Слышны стали боязливые речи о странствующей около наших пределов непрошеной и свирепой гостье, одно имя которой наводит тоску и внушает тревожные опасения. Ко всему этому присоединяются известия о пожарах, дым и смрад которых густым туманом доносится и до наших жилищ. Уж какая-нибудь не кара ли небесная надвигается на нас?! – Подобные возгласы начинают учащаться среди нас.

Что прибавить нам с своей стороны к этим болезненным возгласам? Скажем прежде всего то, что мы не спешим придавать им никакого особенного значения. Как не говорить и не тревожиться о том, что бьет, можно сказать, по чувствам и докучливо будит нашу обычную сонливость и беспечность? Еще бы и на это все махнуть рукой и равнодушно ждать, чем все это кончится?! Но одни ли вздохи и слова теперь нужны? Вот в том-то и горе наше, что, когда все обстоит около нас благополучно, – мы беззаботно веселы и беспечны. О Боге, о Небе, о гневе Божиим, который можно привлечь на себя своею нравственною распущенностью и необузданным сластолюбием, – обо всем этом и помину нет. А чуть беда какая посылается с Неба, мы противопоставляем ей одни только наши вздохи и уныние, теряемся, робеем и ограничиваемся одними бесплодными речами. Но еще милостив к нам Господь. Ничего страшного еще между нами не делается. Но во всяком случае спешим

напомнить вам, что робость и уныние вовсе не христианские чувства; оне обличают недостаток веры и надежды, оне показывают непривычку отдавать себя воле Божией и обнаруживают, что человек только и жил доселе одним телом своим и как бы прирос к земным и чувственным утехам так, что всякий, даже отдаленный намек, на возможность расстаться с этими утехами приводит его в трепет и содрогание. Но чего бояться истинному и доброму христианину? Он всецело отдает себя воле Отца Небесного, любящего и милующего Свои творения, и в глубине сердца своего говорит *Господеву: заступник мой еси и прибежище мое! Бог мой, и уповаю на Него!* (Пс. 90:2). И с этим чувством несокрушимой защиты Божией спокойно продолжает трудиться в среде своих обязанностей, определенных ему в жизни от Господа Бога.

Какое прекрасное и высокое это чувство христианской преданности в волю Божию! И как оно кажется натурально и близко душе нашей, и как спокойно, ничем не смущаясь, можно бы проводить с ним целую жизнь, и сколько дел истинно полезных и плодотворных можно бы сделать под руководством этого чувства?!... А между тем, что оказывается с нами на деле? Оказывается, что в тех-то, особенно, обстоятельствах, как нынешние, когда в волю Господню всего бы отраднее предаться, подобно любящим и доверчивым детям, этого благодатного чувства мы и не находим в себе. Тут-то и чувствуем мы, что между нами и Господней благодатью как бы целая бездна, и страшно нам делается от грядущего гнева Божия, которого естественнее ожидать нам по грехам нашим. Путь же это послужит нам уроком и даст нам повод подумать и позаботиться о том, о чем мы так мало думаем в обыкновенное и всегдашнее время. Пересмотрим тщательно и беспристрастно всю свою жизнь, и постараемся выкинуть из нее тот хлам и сор, который мы заняли от суеты мирской и растленных обычаев века сего. Потрудимся перестроить себя и жизнь свою по воле и закону Божию, отдадимся водительству Христовой Церкви, – и тогда осенит нас сладкое чувство сыновства пред Господом. И одна искренняя решимость на это великое и святое дело вдохнет в нас мужество пред какими-то бы ни было

опасностями, пошлет благодатную отраду и успокоение в сердца наши. Не для того ли Господь и посылает время от времени разные бичи Свои на землю, чтобы отрезвить нас от тяжелого сна греховного, отвлечь от житейских суетных мелочей, и напомнить нам об Себе, о нашей душе и ее нравственной бедности и нищете. Поспешим же навстречу Господу, зовущему нас к Себе, облобызаем и обымем простирающуюся к нам Его десницу и пойдем туда, куда Он поведет нас.

И за всем тем не будем ожидать для себя чудес милости Божией, и беспечно пренебрегать всеми мерами предосторожности. Преданность воле Божией совсем не то, что беспечность и равнодушие ко всему, что делается вокруг нас. Кто говорит «авось Бог милостив», и на этом основании сидит сложа руки, тот поругание творит над милосердием Божиим и бесчестит святое имя Божие, всеу призывая оное. Ведь это значит вот что: «Ты, Господи, побереги меня, а мне позволь жить так, как я привык доселе, т. е. невоздержно, неосторожно, и до пресыщения удовлетворяя своим животным потребностям. Ты, Господи, побереги меня, – а пусть около меня лежит не тронутою та грязь и нечистота, от которой до сих пор мне ничего по-видимому не делалось». Хороша ли будет такая молитва? И не будет ли она богохульством?... А между тем не и такую ли творят молитву те, которые лицемерно вверяют себя Богу и продолжают творить не Его святую, а свою грешную и беспорядочную волю. Ты говоришь, что ничего против воли Божией не поделаешь. Но воля Божия такова, да никто же от нас погибнет, и так не сами ли мы почасту привлекаем к себе гибель и смерть? Известно, что все почти болезни и всякого рода заразы появляются от невоздержания и неумеренностей всякого рода, и преобладают там, где допускается грубый и невежественный риск здоровьем, где возводится в правило жизни бессмысленное авось, и ко всему этому – где непроходимая нечистота и неряшество. Судите сами, хорошо ли все это? Христианский ли это образ жизни? Даже просто – прилично ли все это и достойно ли человека? А ведь с грустию надобно признаться, что всего этого недостойного,

неприличного и грубого многое множество обретается не только в захолустьях каких-нибудь деревенских, но и у городских жителей, и не у бедных только, но и у достаточных, а зачастую может быть и у богатых. Но если б даже и бедные вздумали оправдывать свою грязь и неопрятность своею бедностию; то им можно бы указать на многочисленные случаи и примеры, как бедность может быть, и действительно бывает, и опрятною, и чистою, и воздержною и приличною – как бы нарочно для доказательства, что не в ней причина того зла, об котором теперь на стоит нужда говорить даже в храме Божиим и с кафедры церковной. Но что скажут в свое оправдание люди, которым грех пожаловаться на недостаточность и на неимение времени и рук, чтобы устранить из своего домохозяйства все вредное для своего и общественного здоровья? Привычка полагаться на авось и жить как привелось до такой степени одолевает иногда людей, что считают притеснением и докучливым посягательством на неприкосновенность домашнего быта совершенно законное и вызываемое положительной необходимостью вмешательство властей. «Да к чему, да зачем все это, да ничто не поможет, коли Бог не сохранит», – вот обычные возражения невежества против разных врачебных распоряжений и предписаний. Но какой имеют смысл и откуда выходят эти возражения, не желательно больше и повторять о сем. Считаем только долгом предупредить вас – сограждане, что некого будет винить, и не на кого жаловаться, если вдруг среди нас появится страшный враг человеческого рода, называемый смертию, и начнет своим ужасным орудием счищать с лица земли всякую грязь и невежество. Конечно и в этом будет воля Божия, ибо что же в мире бывает без воли Божией? Но это будет гневная воля правосудия Божия, раздраженного нашими неправдами и нашею беспечною.

Потщимся же отворотить сей гнев Божий всяческою осторожностью и бдительностью над душами и телесами своими. Душу поспешим омыть слезами покаяния, умастить елеем веры и надежды на милосердие Господне и облагоухать делами чистыми и свитыми. Но не будем пренебрегать и тех

врачебных правил, и предосторожностей, которые рекомендуются нам для здоровья телесного. Без нужды и по причине нашего нерадения Господь не станет делать с нами чудес. Пусть же душевная благопристойность и христианская святость наша положит свою печать и отразится на всем нашем домашнем быте. Сделаем для сего все, что от нас будет зависеть, – а там пусть будет, что сам Господь заблагорассудит. Не худо держать в памяти и ту простую, но мудрую пословицу, что «береженого и Бог бережет». Аминь.

Слово в день Успения Божией Матери (15 августа 1871 г.)

Когда мы вслушиваемся в торжественные гимны, воспеваемые ныне св. Церковью в честь Матери Божией, когда вникаем в многочисленные чтения, повествующие нам о Ее необыкновенной жизни, исполненной великих тайн, Ее славном успении и о той силе и могуществе, которые Она имеет у Сына Своего; то невольно мысль наша цепенеет от благоговейного ужаса пред Ее недостижимым величием, и смиренно устремляется к ней с молитвою о заступлении и всеильном ходатайстве за нас грешных у престола Царя Небесного. А между тем, братие, путь к этой недостижимой славе лежал для Пречистой Девы Марии чрез ту же тленную, исполненную всяких превратностей и скорбей – страну, в которой обитаем пока и мы. Страна сия зовется нами земною жизнью, а на языке слова Божия известна под именем страны пришельствия нашего, ибо отечество наше на небесах (Флп. 3:20). Долго ли, коротко ли, а скроется и от нас эта страна. Придется-таки переступить в ту неведомую и страшную для грешной природы нашей область, в которую с таким блеском и торжеством отошла ныне Мать Божия. Где-то окажемся тогда мы? Конечно, у Отца Небесного обители многие суть, но попадем ли мы хоть в одну из них? Что, если..., – но страшно вымолвить, душа потрясается от одного предположения той нескончаемой горькой судьбы, которая может выпасть на долю нас грешных! Итак, светоносная слава Матери Божией, бывшей некогда смиренной дщерию человеческой, да прольет хоть несколько лучей к нам на землю и осветит нам жизненный путь наш, чтобы конец его не привел нас в пагубу.

Перечислять многочисленные и дивные добродетели Матери Господней, и предлагать ту или другую для подражания – мы не станем. Всякий, сколько-нибудь знающий или слышавший о жизни Матери Господней, знает конечно и Ее добродетели. Бери же любую для подражания, и ты будешь возлюбленным учеником Матери Божией, и со временем

сделаешься участником Ее небесной славы в той или другой мере. Но желательно нам обратить ваше внимание на некоторый общий характер жизни Божией Матери и провести сравнение между ним и нашею жизнью. Этот общий характер Ее, или основная добродетель, которою печатлелись все Ее деяния и который сообщал некоторый единичный строй всей Ее жизни, была духовная сосредоточенность или самоуглубление. Слово Божие с таким именно характером изображает нам божественный лик Матери Господней. *Вся слава Дщери Царевы внутрь*, говорится о Ней в книге псаломской (Пс. 44:14). *Мати Его соблюдаше вся глаголы сия в сердцах Своих* – замечает о ней неоднократно св. Евангелие (Лк. 2:19, 51). Сосредоточенность духовная есть такое настроение души, или такой образ поведения, когда человек смотрит не на то только, что у него под глазами, а главным образом на то, что у него делается в душе, и как отражаются там впечатления внешнего мира, из чего слагаются его наклонности, каковы его убеждения и взгляды, и вообще – дурен он, или хорош. Чрезвычайную важность этого качества в деле нравственного преуспевания понимали еще древние философы, ибо венцом всякой философии поставляли они правило «познай самого себя». И все правила христианской нравственности сопровождаются и, так сказать, растворяются этим основным правилом о самонаблюдении и непрерывном трезвении над собою. *Презрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15:8), – вот что значит жить по-христиански; т. е. так тщательно разбирай свои мысли, слова и деяния, как бы ты постоянно находился пред лицом Самого Господа, или рядом с Ним. Этим постоянным трезвением и самопознанием и отличалась в высшей степени Пречистая Матерь Господня; оно то и всех святых угодников привело в славу Божию; им же, по учению слова Божия, обеспечивается весь успех и нашего нравственного усовершенствования. Нам кажется, что и наоборот – весь неуспех наших усилий сделаться лучше, весь застой нашей жизни, как домашней, так и общественной, несмотря на всеобщие стремления к преуспеванию, зависит именно от того, что в нас мало развита потребность и

стремление к самопознанию, и нет в нас ни привычки, ни умения работать над собою в своем внутреннем душевном мире. Либо все для грубых чувственных удовольствий, пополам с тяжелым материальным трудом; либо все для службы общественной; либо все наконец для науки и искусства. И ничего нет, собственно, для души, для своего внутреннего подвига. И потому нигде нет того, что всеми ищется и ожидается, о чем везде говорят и пишут, т. е. здорового и истинного преуспеяния, а есть какие-то болезненные порывания и усилия и одни только ожидания и обещания в будущем.

Обращаясь к нашему простому народу, к его внешнему быту и его нравственно-духовной жизни, удивляешься, с одной стороны, его неподатливости на все придуманные для него улучшения, его упрямой привычке жить по старине, по старинным неряшливым обычаям, а с другой стороны болееешь душой о его нравственном растлении и грубых пороках, которые с необузданною силою, подобно какой-нибудь язве, охватывают все больше и больше массы народные. Привыкли все то объяснять неразвитостию и необразованностию народа и разными другими случайными условиями его быта. Но уже по тому одному – это объяснение оказывается неудовлетворительным, что ни чистотой нравов, ни здоровыми религиозными убеждениями не отличаются и так называемые образованные классы общества, об которых предстоит сказать нам слово. Опыт показывает даже нечто совершенно противное тому, чем думают объяснить низкий нравственный уровень нашего народа. Те классы народные оказываются более растленными и развратными, которые входят в ближайшие сношения с центрами нашей общественной жизни, с большими и просвещенными городами. Нет, отсутствие твердых и ясных понятий религиозных, смутные представления о том, что касается духовного мира, удаление от духа Христова, незнание Евангелия и его животворной силы, и вообще слабость и узкость религиозного созерцания, – вот что собственно принижает и огрубляет наш народ. Не думайте, чтобы высота религиозного созерцания условливалась высотой умственного развития; мудрость Христова, по словам самого Спасителя, часто таится

от премудрых и разумных, а дается именно младенцам (Лк. 10:21). Осветите этих младенцев светом Христовым, отвлеките их взор несколько от земли, куда он постоянно устремлен, и обратите их к собственной душе их, – и они почувствуют в себе присутствие более чистых и высоких интересов, чем в каких они привыкли вращаться, они охотно и ревностно устремятся к своему духовному преуспеянию. Царствие Божие внутрь души человеческой; если бы усмотрел это Царствие наш народ и научился искать его, то приложились бы ему и те материальные блага, которые в таком изобилии сулят ему, но не дают его ученые просветители.

От народа перейдем к другим классам общества. Посмотрим беспристрастно на домашнюю и семейную жизнь, так называемых, светских людей, что она такое как не непрерывное мление в чаду житейских мелочей и суеты? С одной стороны, кропотливое исканье житейских удобств и материального благополучия, а с другой губление своего досуга, или убивание времени разными способами, придуманными ленью и праздностию. Есть люди, и их великое множество, – у которых вся жизнь походит на приятный сон или сладкую дремоту, и вся деятельность их слагается из занятий самого легкого, игривого и развлекающего свойства. И чем больше кто имеет притязаний на звание светского и приятного человека, тем более самодовольства и беззаботного веселия виднеется во всем его существе. Эти люди стараются из всех сил быть остроумными, находчивыми и необыкновенно любезными, речь их течет игривым потоком и усыпана бесчисленным множеством острот, интересных анекдотов и веселых шуток. Все это так; но бывают ли эти люди когда-нибудь одни с собою и с своею совестью, задают ли какие-нибудь вопросы собственно себе, имеют ли они отчетливое понятие, что они такое в строгом смысле, и выходит ли что-нибудь серьезное и истинно полезное из всей их деятельности? Приходят ли им на мысль задачи о цели и назначении человеческой жизни и о последней судьбе человека? Если всего этого нет, то кому же и на что, собственно, нужны такие люди, могут ли они оставить после себя какой-либо достопамятный след в человечестве, и от них ли можно

ожидать, чтобы они двинули вперед общество, когда они сами суть лишнее его бремя и могут быть названы лишь потребителями общественных благ, или пользователями всякого рода приятностей жизни?

Затем есть люди службы. Все время их, как они говорят, посвящается ими общественной деятельности. Они и завалены письменной работой, – а там разные суды и разбирательства, разъезды, расследования и дознания, предупреждение и открытие разных злоупотреблений, так – что нет почти покоя и отдыха этим людям. Все это так и бесспорно похвально. Но не двинут общество вперед и эти люди, если они не внесут в свою деятельность разумной силы и духа. Рабочие силы, конечно, необходимы в жизни; но движет и развивает эту жизнь собственно идея, которая дает направление силам. Так и общественные деятели до тех пор будут только служебной и рабочей силой, пока в собственном духе их не начнется работа над собою, пока высшие человеческие задачи не возникнут пред их сознанием, и небесное учение Христа Спасителя, разъясняющее эти задачи, не сделается их светочем, и пока наконец идея службы по долгу или для собственной пользы не подчинится высшей идее служения людям из любви к Богу и ближним. Без этой великой Евангельской идеи во всякой общественной деятельности, как она горяча ни будь, всегда могут быть ошибки и послабления, даже отступления от долга, и даже положительные измены ему. На иного горячего деятеля либо вдруг нападет лень и расслабление, и он поддается искушению заменить личную работу работой низших и подчиненных себе служебных сил. Либо вдруг закипят в нем страсти, – и тогда ничто все предписания закона пред личными соображениями или чувствами этого человека. Идея долга совсем исчезает. Нет, и такие люди не двинут вперед общества; ибо не выработать им светлых идей общественного и народного блага, а не выработать потому, что умственный взор их никогда не устремляется во внутрь их собственного духа, а рассеивается по текущим и многосложным явлениям внешней общественной жизни, а силы тратятся на одну только

механическую работу, и часто уходят по мелочам на удовлетворение собственных весьма и весьма мелких страстей.

Наконец есть люди науки. Это лучшие силы общества, это его избранные представители. Для целей знания они касаются всего на свете, все хотят исследовать, понять и изучить, всем воспользоваться и всему дать приложение. Казалось бы, в руках этих людей и есть тот рычаг, которым, они могут поворачивать общество, куда им угодно, и давать ему лучшее направление. Однако, что мы находим в опыте? Находим, что на всякого ученого и мудреца, как говорится, довольно бывает простоты. Вместо здравого и зрелого знания весьма часто бывает одно умничанье, вместо света напускается в общество тьма; вместо истины распространяются заблуждения самые мрачные и гибельные, и самые враждебные истинному и всеми желаемому преуспеянию. Достаточно указать только на некоторые выводы, к которым пришла современная, столь восхваляемая наука, чтобы видеть, как тут мало есть чем похвалиться. Из человека сделали простое животное; кроме химических и механических сил ничего в нем не открыли, равно как и во всей окружающей нас природе. Для общественного блага нужно будто бы отринуть право собственности, а для счастья народа надо сделать его богатым и только выучить грамоте. А то, что издревле человечество считало своею святынею, все это объявлено предрассудком. Удивляться только нужно, как могли ученые зайти в такую тьму. Но с другой стороны и страшиться надо, что, если подобного рода наука возьмет властительную силу в обществе и возмнит вести человечество по измышленному ею пути преуспеяния? От чего же это однако бывает, что светоч науки горит иногда так тускло и зловонно? От того опять, что на самую внутреннюю и глубокую область человеческой души, на ее религиозно-нравственную сторону мало обращают внимания. Нет самоуглубления и религиозного созерцания, а потому нет и здоровой философии; ученый взор по большей части скользит только по внешней и материальной стороне человека, и что касается этой стороны, что может содействовать земному благополучию – это разрабатывается наукой с необыкновенным совершенством. Что

же касается собственно души человеческой, ее духовно-религиозных потребностей, ее великих задач и ее последней судьбы, – об этом люди мало думают и потому всем этим мало дорожат. Итак, что же из всего этого следует? Следует то, что мы в начале положили в основание нынешней беседы своей, т. е. что неуспех наших стремлений в преуспеянию или, как говорят ныне, к прогрессу – зависит от недостатка нашего самопознания, от сбивчивости и неверности представлений о природе человека, о ее высших потребностях, о ее бывшем и теперешнем состоянии, о цели и назначении человека и его последней судьбе. А так как все эти понятия в надлежащем свете и ясности раскрываются только в святой религии Христовой, то можно сказать, что недостаток и слабость в нас религиозного чувства и христианского самопознания и есть причина нашего всяческого застоя. О если бы эта истина поглубже нами сознаясь! О, если бы мы развились на конец настолько, чтобы не увлекаться модными и оригинальными теориями о средствах к преуспеянию человечества, а положили бы основным камнем этого преуспеяния Святое Евангелие и учение Христа Спасителя! Скоро ли настанет это разумное и светлое время, ибо тогда только наступит и вожденное для всех нас время истинного усовершенствования.

Христе Спасителю, Свете незаходимый! По молитвам Твоей Пречистой Матери не отрини нас от лица Твоего, да не покрывает нас чуждая тьма окаянных! Но обрати нас, и к свету заповедей Твоих пути наши направи. Аминь.

Слово в день столетнего юбилея покойного графа М. М. Сперанского (31 декабря 1871 года)

Премудрость сыны своя вознесе и заступает ищущих ея. Держайся ея наследит славу... Слушаяй ея, судити имать языки... И помучит его в наказании своем, дондеже веру имет души его и искусит его во оправданиях своих, и паки возвратится прямо к нему, и возвеселит его и откроет ему тайны своя (Сир. 4:12, 14, 16, 18–21)

Так священный мудрец рассуждает о мудрости. У ней, значит, есть свои любимцы и своего рода избранники. Призвание их велико и светло. Их имя переходит в историю. Их деятельность дает себя чувствовать в судьбах народных. Но не легкое дело попасть к ней в любимцы. Этих избранников своих она, по выражению священного мудреца, сначала помучит долго, так что боязнь и страх наводит на них, т. е. подвергает их тяжелым и суровым испытаниям, как бы пробуя, что за люди ищут украситься ее именем, серьезны ли и бескорыстны их стремления к истине, достаточно ли в них мужества и стойкости, чтобы слушать ее возвышенные уроки, не сверяя их с личными вкусами. И лишь после подобного продолжительного искуса, сообщающего им своего рода закал, премудрость обращает наконец сияющее лице свое к своим достойным избранникам, идет к ним прямо навстречу, возвеселяет их и возвеличивает и открывает тайны свои.

Эта притча священного мудреца, так верно и метко изображающая внутреннюю историю умственно-нравственного развития и человеческого духа, пришла нам на мысль при воспоминании о муже, столетнюю память которого собрались мы ныне почтить в сем св. храме Божиим. Кому из образованных русских людей не знакомо громкое имя графа Сперанского, этого просвещеннейшего и благороднейшего деятеля двух предыдущих царствований? Гениальный ум и обширная образованность этого человека вознесли его на самые верхние ступени человеческого величия и славы. Самая

теплая и искренняя любовь к отечеству, ради которой он не хотел знать покоя в своих великих замыслах о славе и благоденствии России, сделала его некогда другом царевым и ближайшим советником престола. А плодами его колоссальных трудов продолжают доселе пользоваться пережившие его русские поколения. Но не нам и не здесь исследовать незабвенные заслуги великого русского деятеля; с своей стороны мы можем только порадоваться, и особенно в день памяти покойного графа, что заслуги его уже находят себе достойных историографов в среде ученых русских людей. Отрадное – говорим – явление! Ибо не всегда-то и бывает так, чтобы труды великих деятелей помнились и ценились по достоинству в потомстве. Но в жизни вспоминаемого ныне великого русского мужа есть некоторые особенно назидательные для нашего времени черты, о которых подал нам мысль ветхозаветный священный мудрец вышеприведенным своим изречением о мудрости, и которые мы намерены и предложить теперь с церковной кафедры. Пусть это будет в память родного и незабвенного нашего мудреца.

Нынешний век, и преимущественно – время, которое мы переживаем, замечательно по усилившейся жажде к исследованиям и изучению различных сторон человеческой жизни – гражданской, политической и научной. Это стремление отразилось уже многочисленными благодетельными реформами в нашем обществе. Впереди предчувствуются еще другие, может быть не менее важные и благодетельные реформы. Отрадная черта нашего времени. Но, как всегда бывает с людскими обществами, хорошее у нас, как и везде, идет рядом с дурным. Вышеозначенное направление расплодило великое множество людей, которые захотели быть учеными, так сказать, на скорую руку. Явилась склонность к дешевому всезнайству, страсть обо всем судить и рядить, до всего коснуться, все переставить с своих мест, надо всем делать опыты и пробы, отрицательно и порицательно относиться ко всему, что отзывается стариной, и гоняться за новым – предполагая в нем несомненно лучшее. Ближайший источник этого недуга таится именно в том, что появилось у нас великое множество людей,

знающих кое-что обо всем, но не имеющих солидных и глубоких сведений ни о чем в особенности. Наша молодость, конечно, причастна всего более этому недугу. Нашим молодым любителям и представителям науки до сих пор именно недоставало того трезвого отношения к науке, того скромного и терпеливого трудолюбия в известных, отведенных каждому пределах, которое всегда отличало и отличает ученых. Явление это могло бы породить из себя, и отчасти уже породило, весьма много грустных последствий. Одна из дальнейших причин этого явления справедливо чувствуется лучшими нынешними людьми в том обстоятельстве, что до сих пор учебная система нашего воспитания направлена была именно к скорейшему многознанию, а не к развитию и укреплению молодых умов работою над чем-нибудь одним и определенным. Нашему юношеству приходилось больше схватывать налету разнообразные познания, и торопливо глотать их памятью; для сознательного же и зрелого усвоения их оставалось весьма немного времени.

Так не добывается мудрость и истинная ученость. Припомним притчу ветхозаветного мудреца. Там мудрость стропотно ходит сначала с своими учениками, помучит их в наказании своем, и уже потом открывает им тайны свои. И по нашей старинной национальной пословице корень учения горек. Под этою горечью и первоначальной стропотностью премудрости и разумеется конечно предварительная самостоятельная работа молодых умственных сил, сосредоточенность и, так сказать, уединение душевное с какой-нибудь определенной и ясно сознаваемой целью впереди, скромный и терпеливый труд над тем, что всего ближе и нужнее человеку, без хвастливых и скороспелых порываний вдаль, без развлечений и отвлечений по сторонам за бегущими многосложными явлениями жизни. *Не вей себе всяким ветром, и не ходи всяким путем:... Будь утвержден в разуме твоём, и едино буди слово твое,* – сказал тот же ветхозаветный мудрец (Сир. 5:11–12). Вот надлежащий путь к мудрости. И этим-то стропотным путем достигали ее наши славные мудрецы и истинно ученые русские люди. В настоящую минуту у нас

готовый пример под руками в достославной личности графа Сперанского. Известно, как усердно и неутомимо трудился он над развитием своих сил душевных, прежде чем открылось ему широкое поприще государственного мужа, какую самостоятельностью и энергией проникнуты были эти предварительные труды, и как они были конечно тяжки и болезненны на первых порах. Положим, что не всем дается от природы по десяти талантов, как Сперанскому; но иному пять, иному два, а иному и один, *комуждо противу силы его* (Мф. 25:15). Но Бог знает, развернулись ли бы так гениально и блестящие способности Сперанского, если бы с юности стали водить их на помочах, и если бы ум его сразу завален был разнообразным материалом, и развлекаем был во все стороны? Но, слава Богу, недостатки современного воспитания стали кажется выясняться в общественном сознании, и нам остается только желать и молить Господа, чтобы благие начинания правительства в деле учебного преобразования увенчались тем успехом, который с нетерпением ожидается всеми истинно русскими людьми. Поможем этому делу своим сочувствием, своим содействием. Мы не считаем своею прямою обязанностию рассуждать с сего священного места о тех мерах, которые приняты теперь для сообщения солидности и зрелости научному образованию нашего юношества, – это дело наших ученых людей. Довольно с нас и того, что понята и почувствована нужда поставить наше общественное образование на более прочных и надежных основаниях.

Но есть другая, гораздо более прискорбная и темная, сторона в нашем общественном воспитании, говорить о которой мы прямо должны – по Апостолу – временно и безвременно. Настоящие минуты напротив нам кажутся весьма благовременными, ибо многое и многое из жизни покойного графа следовало бы принять к сведению нашим ученым педагогам. Поверхностное знание религии, равнодушное к ней отношение, особливо же небрежное и даже горделивое какое-то отношение к постановлениям Церкви, и вообще отсутствие божественной искры в людях, – вот горький недуг нашего времени, заражающий наших питомцев весьма и весьма рано. И

что особенно грустно в этом явлении, – так это то, что опасность этого недуга не всеми даже создается. На религию смотрят подчас, как на что-то придаточное и постороннее в воспитании, – как на учебный лишь предмет, хотя не неизбежный в учебной программе, но которому можно-де оставить местечко. Что же, однако из всего этого выходит? Выходит – то, что тратятся огромные суммы на всевозможные учебные пособия, на воспитателей и воспитательниц, пробуются тысячи педагогических мер – и своих и иностранных, по-видимому – одна другой лучше а между тем когда приходит время жатвы и собирания, т. е. когда обществу понадобятся на действительную его службу плодотворные рабочие силы, – вдруг оказывается, что у нас людей нет, или очень мало. А между тем известно, что из многочисленных наших школ выходит далеко не малое число людей, которым нельзя отказать ни в развитости, ни в достаточном запасе различных сведений. Что же еще нужно обществу? Зачем эти постоянные самообличения в нашем бессилии, в нашей отсталости, в нашем неумении распорядиться собственными богатствами? Откуда эти постоянные толки об отсутствии у нас самобытной энергии, бескорыстия, честности и многого другого, насчет чего пишутся и сочиняются многочисленные и разнообразнейшие сатиры? Тайна в том, что умственное развитие и образованность не есть еще надежная порука за благородство, честность и вообще за порядочность и нравственное достоинство в человеке. Только в теории можно с этим не соглашаться; но общество слишком хорошо чувствует несомненность этой истины, и несмотря на развитие просвещения, все продолжает и продолжает искать истинно достойных людей, и вопиать о недостатке и настоятельной нужде в таких людях. А их может воспитать только одна религия, – этот глубочайший и неисчерпаемый источник всякой нравственной силы в человеческом духе, этот божественный огонь, вдохновляющий людей на все великое, святое и честное.

Кого же больше винить в нашей нерелигиозности, – нашу школу, или нашу семью; ибо это суть две главные области, где воспитываются наши современные поколения? Трудно решить

это с надлежащей точностью. Об наших школах нельзя, конечно, сказать, чтобы все они поставлены были на строго религиозной и православной почве, так чтобы ничего не оставалось и желать в этом отношении. Нельзя сказать и того, чтобы наши общественные педагоги горячо и искренно одушевлены были религиозными идеями при воспитании, и чтобы вообще наука у нас не сторонилась и не чуждалась религии. Но – кажется – еще более нельзя сказать и того, чтобы наша семейная атмосфера была вообще чиста, светла и религиозна, и чтобы семейные начала воспитания у нас в большинстве проникнуты были теплотой и благодатию Евангельскою. А между тем именно из семьи и заносится обыкновенно в школу нравственное направление воспитанников – хорошее или дурное, которое трудно потом бывает переделать в желаемом вкусе; потому особенно трудно, что нравственно воспитательное дело в школе усложняется и затрудняется делом учебным и дисциплинарным. Так что, говоря по строгой справедливости, от нашей семьи можно бы требовать гораздо большего, чем от школы, в деле нравственного воспитания. Но, как бы то ни было, до тех пор, пока в нашем обществе не будет понята и искренно признана та библейская истина, что как начало, так и венец научной премудрости есть страх Божий, – до тех пор у нас будет чувствоваться нужда и недостаток в истинно хороших людях и плодотворных деятелях. *Мнози суть висоцы и славни: но кротким и благочестивым открываются тайны... Всяка премудрость – страх Господень, и только в такой премудрости творение закона. И несть премудрость ведение лукавства, и несть разума, идеже совет грешных* (Сир. 3:19; 19:18, 19).

Возвращаясь в личности воспоминаемого нами великого русского деятеля, приведем себе на память и в назидание ту светлую сторону его глубоко религиозной души, которая отличала его до последних дней его достославной жизни. Сын священника, выросший в строгоправославной семье, получивший первоначальное научное образование в духовной школе, питая юный ум и сердце свое святыми истинами

Евангелия, Сперанский соблюл, раскрыл и углубил свое религиозное направление – впоследствии, когда Промыслу угодно было поставить его в иные, лучшие условия жизни, давшие возможность раскрыться его богатым духовным силам во всем блеске и полноте. «Дух его парил высоко, – так пишут его биографы, – и мысли его постоянно возносились к небу, в другой мир, к которому здешний служит приуготовлением»... «Желайте, чтоб тихая рука смерти, – так говорил Сперанский своим друзьям, – с верою, любовью и надеждою закрыла мне глаза, зрелищем ложного света давно уже утомленные... Мысль, когда приду и явлюсь лицу Божию, везде и всегда со мною». Все эти слова и мысли, – продолжает биограф нашего приснопамятного мудреца, – свидетельствующие о нравственной высоте, на которой он стоял, это возношение духа, это сознание собственной немощи, это старание о самоисправлении, мы почитаем великим достоинством в его характере; он, видно, был убежден в святой истине: *какая польза человеку, аще мир весь приобретает, душу же свою отщетит?* (Мф.16:26) (Рус. Арх. 1871 года № 7 и 8, стран. 1239). Не эта ли истина, дополним мы с своей стороны, вдохновляла и окрыляла дух великого русского мужа в громадных трудах его на пользу отечества? Не она ли сообщила душе его теплоту и мягкость, и в то же время непоколебимое благородство, силу и достоинство, как в славе и величии, так и в несчастиях и временном унижении, которое постарались было устроить ему враги и завистники? «Во все время, как я пользовался Вашим доверием, – писал покойный граф к Государю Александру 1-му (и нельзя, по справедливому замечанию биографа, читать этих строк без умиления), кого и чем я очернил, помрачил, или кому старался повредить в глазах Ваших? На кого навел я какую-либо тень подозрения? Напротив, я всегда желал, и при всех случаях старался питать и возвышать в душе Вашей ту любовь к людям, ту кротость и снисхождение, коим Бог и природа в благости своей Вас одарили». (Рус. Арх. 1871 года № 7 и 8 стран. 1243). Не это ли величие благородной религиозной души графа приблизило его снова к престолу, и заставляло повторять покойного Государя

Николая Павловича – по смерти графа: «другого Сперанского мне не найти; да и кем я попытаюсь даже заменить его ум, сведения, опытность, усердие, быстроту»? (Там же, стран. 1227).

Боже! да не оскудеют в нашем православном отечестве подобные сему мужи доблестные и сильные премудростью, святою верою и любовью к отечеству! Упокой, Боже, воспоминаемого нами приснопамятного раба твоего, графа Михаила, и учини его в рай, идеже лица святых и праведницы сияют, яко светила! Аминь.

Слово в день рождения Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича (17 апреля 1872 г.)

Пасха радостью друг друга обьемем... Рцем: братие, и ненавидящим нас простим вся воскресением!

(Стихира Пасхи)

Какое высокое чувство слышится в этом возгласе св. Церкви! Вся объятая священным восторгом о славе воскресшего Икупителя нашего, она хотела бы заставить нас забыть на время все земное, страстное и горькое. Она желала бы дать нам, хотя на краткий срок, почувствовать тот мир блаженный, то вечное и ничем, невозмутимое торжество, которое празднуем ради воскресшего *церковь первородных на небесех написанных* (Евр. 12:23). Но, смотря на счастливые и торжествующие лица в храме Божиим, встречая повсюду мир, довольство и радость в домах, прислушиваясь к веселым праздничным речам, к дружественным поздравлениям, к теплым и сочувственным благожеланиям, – что иное, кажется, и предположить должно, как не прекрасное совпадение нашего свободного торжества духовного с священным веселием Церкви. Так ли это на самом деле? Тот ли именно тон, тот ли святой характер в нашем веселии, то ли чистое беспримесное и глубокое счастье в наших сердцах, которым желала бы наделить нас Церковь в сии дни? Одному, конечно, Господу открыта книга сердец человеческих; но не случайно, и не по предзанятой лишь цели проповеднической – судить и обличать людей во что бы то ни стало, предлагаем мы, вам свои вопросы; а пришла нам мысль о том обычном благовидном приличии, о той изящной внешности, о тех мягких и гуманных формах, которыми украшается, наша общественная образованная жизнь не только в праздничные, но и в обыкновенные будничные дни. «Радостью друг друга обьемем» – приглашает Церковь ради Великого светлого дня, как бы не

рассчитывая, чтобы столь высокое и братское чувство могло быть обычным и всегдашним для грешных и обыкновенных людей, какими переполнена земля. Но вот это невозможное по-видимому осуществляется в некоторых общественных наших кружках, где тонкость и предупредительность обращения, любезность и вежливость речей, благородство мыслей, красота и грация приемов, и некоторый неуловимый аромат всего, что подпадает простому и непосредственному наблюдению, так отрадно может поражать всякого человека, не желающего сомневаться в том, что видят его глаза. Но, повторяем, так ли все это на самом деле, как кажется? И все это той ли именно ценности, за какую выдается? А придается всему этому ценность столь великая, что часто все нравственное достоинство человека измеряют степенью, в какой он привык и способен вращаться в описанной сфере и не хотят знать и не желают никаких лучших средств к облагорожению человечества, как заставить его дышать по возможности этой цивилизованной атмосферой, льющейся из высших слоев нашей общественной жизни. Есть, значит, для нас серьезное побуждение взглянуться поближе несколько в так называемую внешнюю образованность нашу, которая подкрашивает и золотит весьма неблагоприятные в сущности явления нашей общественной жизни. *Друг друга обымем! рцем: братие, и ненавидящим нас простим вся воскресением,* – делая такое воззвание к своим чадам, св. Церковь рассчитывает на полную их искренность, желает, чтобы дружественность и приязненность наших отношений была утверждена на чистой любви нашей к ближнему, ради Господа Иисуса Христа, нашего общего Спасителя и Отца, как это бывает в добрых и любящих семействах. К сожалению – гуманность людских отношений в свете, если понаблести ее несколько подольше, оказывается без этого крепкого начала любви и искренности, которое, собственно, и могло бы давать им цену. Правда, что здесь постоянно встречаются веселые и улыбающиеся друг другу физиономии, делаются дружеские рукопожатия, слышатся непрестанные извинения, говорится любезности и делаются тысячи взаимных мелких услуг, – и все это, конечно, придает необыкновенно мягкую и приятную

окраску всему видимому строю общественной жизни. Но большею частью все это делается неискренно, на показ и только в глаза. С утра до вечера, и притом все – от мала до велика – разыгрывают друг перед другом разные более или менее трудные и сложные роли приязни, дружбы и расположения. Непрерывное и притом долгое, с юных ногтей начинаемое, упражнение в этом лицедействе до такой степени входит в привычку, и делается столь легким и простым делом, что сливается как бы с самою личностью людей. Лишь только стоит им встретиться, – и уста их невольно складываются в улыбку, а речь сама собой настраивается на игривые и сладкие фразы. Но вслушайтесь, около чего большею частью вращаются эти изящные речи. Сошлись двое, – и непременно речь идет о третьем, с более или менее тонкими и шутливыми намеками насчет его слабостей, странностей, недостатков, и слегка даже на счет его чести и достоинства. Является этот третий, – тогда общая и речь начинается о четвертом – с теми же оттенками шутливости и остроумия насчет разных, более или менее крупных слабостей ближнего.

И чем вообще вскрашивается и усыпается эта медоточивая светская болтовня, как невзаимными пересудами; чем наполняется ее пустота, как не разными юмористическими анекдотами о людях отсутствующих; и на что тратится ум приятных гостинных собеседников, как не на остроты по случаю разных чужих приключений семейных и общественных? Но нигде так резко и наглядно, не проявляется этот характер, то просто болтливой и игривой, то злой и ядовитой сплетни как в печатном слове. Под предлогом гласности и раскрытия разных общественных язв, пишется необозримое множество статей и статей, сокровенный повод которых – просто удовлетворить своей наклонности к злословию, пощеголять своим острым языком, и втихомолку посмеяться с своими приятелями над опозоренным и огорченным противником. К унижению нашей литературы и посрамлению печатного слова, современные газеты и журналы переполнены статьями подобного дурного тона, – несомненное доказательство, как сильно развилась в нынешних людях страсть к клевете, к так называемым курьезам,

сплетням и скандалам. Вот сколько серьезной и благородной людскости и теплой искренности там, где все кажутся друзьями – приятелями, – в так называемом большом и образованном свете!...

Но сколько неискренна и фальшива светская гуманность по своему характеру, столько же и узка она по своему объему. Объяснимся. Когда Церковь возглашает – «друг друга обьемем – ради Воскресшего Спасителя», то приглашает нас раскрыть свое сердце для всех без исключения наших ближних, как братьев о Христе Иисусе. Для любви христианской нет пределов, нет замкнутых кружков, нет сословных и житейских различий. По заповеди Христовой все люди братья, все *друг другу удове* (Еф. 4:25), подобно членам одного тела, глава которого Христос. Имеет ли такую широту – мирская гуманность? О, далеко нет! Правда, в совокупности светских правил существует и между прочим и такое, что надо быть вежливым со всеми. А между тем, что творится на деле? На деле бывает так, что степень поклона, сила рукопожатия, приветливость взгляда – строго соразмеряется со степенью положения, какое занимает человек, которому все это отпускается. Эта обособленность и разъединенность между людьми разных положений и состояний в свете проявляется иногда с такою горделивой силой и брезгливостью, что, по справедливости, может быть сравнена с недружелюбным фарисейством и нетерпимостью наших раскольников, которые, дробясь на враждебные толки и секты, желают иметь все отдельное и свое. Но за смешною стороною скрывается здесь более серьезная и горькая, – это отсутствие того, чем так любит хвалиться современный образованный свет, отсутствие теплой любви к человечеству и недостаток истинной христианской человечности. Сколько изысканной обходительности расточается в своих замкнутых кружках, сколько ласкательства употребляется передо высшими себя, столько же сухости, холодности, а подчас и нескрываемой надменности чувствуется в отношениях к людям низших разрядов, и не из своего стада. Приходит невзрачный и бессильный бедняк с своим горем или неотложным делом, – ему приказывают ждать до

неопределенного срока. Нищета одолела его, – заподозрят и в лени и праздности. Коснеет он в невежестве, – скажут это неизбежное общественное явление. Несет он грубый и неблагодарный труд, принижающий его до степени животных, – хладнокровно разсудят, что чернорабочими силами создается богатство общественное, и т. п.

Но если так бедна по своему содержанию и узка по своему объему светская гуманность, то можно безошибочно определить и степень ее надежности и прочности даже в той среде, где она процветает, и где составляет она как бы естественную атмосферу, которой все дышат. Все здесь до первого разу; вся эта кажущаяся теплота и людскость в отношениях до первого, более или менее серьезного столкновения. Оказывается, что под видом уважения чужой личности и чужих прав, о котором проповедуют с таким достоинством и с таким жаром современные люди, всего более благоговеют пред своими собственными достоинствами, и поклоняются своим личностям. Не сделаем ошибки, если скажем, что нет себялюбивее и опаснее нынешних людей, несмотря на гладкость и приличие их приемов, и несмотря на всю их образованность и наружную мягкость. Приходит на мысль несколько резкое может быть, но верное уподобление. Нынешний приятно-обходительный человек весьма похож на фосфорную спичку, готовую при первом жестком прикосновении вспыхнуть, обжечь и надымить. Чувство чести утончили до такой мелкой щекотливости, а человеческому достоинству приписали такую одностороннюю неприкосновенность, что благодушно перенести, напим., обиду, смиренно сознаться в своей ошибке, когда ее указывают со стороны, для сохранения мира поступиться несколько собственными нравами, – считается признаком слабости душевной, умственной тупости, или даже низости и неблагородства. Это ли высокая гуманность, которую заповедует Евангелие? Затронутые и взволнованные страсти нынешних себялюбивых людей не знают себе пределов и границ. Оне жгут, как огонь; умерщвляют, как яд. И чем образованнее и утонченнее эти люди, тем более яда и вредоносности в их оружии, которым разят они друг друга в

случае размолвки, ссоры и взаимных обид. Грубая мода на кровавые поединки, когда люди влекомые животными инстинктами мести, хладнокровно убивали друг друга – эта дикая мода прошла, или почти прошла; но это не значит, чтобы ослабели и исчезли постыдные инстинкты мести и злобы, – они приняли только другую, более утонченную, более просвещенную, так сказать, форму. Устная клевета, печатный позор, рассчитанное презрение, зложелательная надменность в обращении, и если можно – насилие власти, под видом законности, и есть тысячи подобных достойных мер, которыми не побрезгует воспользоваться нынешний просвещенный человек для поражения своего врага. Он возмутит ваше семейное благополучие, он очернит ваше доброе имя, он испортит вашу службу, он потрясет все ваше нравственное существо, он сгубит вас медленным, но убийственным способом. И сколько драм подобного плачевного характера заносится ежегодно в летописи нынешнего цивилизованного света! Грозное и сильное слово Спасителя о фарисеях, которых он назвал гробами раскрашенными, как нельзя лучше, идет к нынешним людям, блистающим и гордящимся своим светским лоском. С виду точно они хороши и красивы, но зато внутри исполнены всякого зловония и нечистоты.

Итак, если в заключение нашей речи, рядом с нынешними светскими правилами о приличии и деликатности в человеческих отношениях, поставить это кроткое воззвание св. Церкви: *пасха радостию друг друга обымем! Рцем: братие, и ненавидящим нас простим вся воскресением, и тако возопиим: Христос воскрес...*; то сколько теплоты, задушевности и жизненности послышится в этом небесном голосе, и напротив – каким холодом, бессодержательности и фарисейскою бездушностью будут отзываться все эти тонкие правила светской деликатности и гуманности! Так – и то, что есть лучшего в мире, чем он думает гордиться, оказывается весьма немногоченным, если над всем этим не веет дух Христов, если все это не проникнуто животворными началами Евангелия. Не лучше ли же отдаться водительству св. Церкви Христовой, живущей духом Христа Спасителя и Его учением? Не лучше ли

поставить главной целью жизни усвоение Евангельских правил, столь высоких, столь чистых и истинно человеческих в сравнении с светскими и житейскими правилами внешнего благоприличия? Не следует, конечно, пренебрегать и этими правилами, и все, что мы говорили против них, говорили не за тем, чтобы только втоптать их в грязь, а напротив – выяснить именно то, как много они теряют от своей разобщенности с духом Христовым, и как они, – эти вежливые и деликатные правила нынешнего общества, были бы истинно прекрасны и возделенны, если бы созревали на почве Евангельской. И фальшивые бриллианты играют переливами цветов, – но все-же они фальшивые; и поддельные цветы ласкают зрение, – но они не благоухают; и многое многое блестит, но не все то золото, как говорится. Вот мы и хотели только сказать, что не следовало бы фальшивый и поддельный блеск светской жизни считать за чистое золото, и не стоило бы пробавляться из мутных и скудных источников житейской нравственности человеческой, когда у нас под руками чистые и обильные струи самой высокой нравственности, самых святых и истинно человеческих приличий в Евангелии, в учении Иисуса Христа. Внесем же это учение в свою жизнь, – мы этим ее украсим, упорядочим и облагородим в высшей степени, и не только свою личную жизнь, но и общественную. Да, если бы мы общими силами решились потрудиться над проведением Евангельских начал в свою домашнюю и общественную жизнь, то много и в целой жизни народной исцелело бы гнойных язв, без сомнения болезненно отзывающихся в сердце возлюбленного нашего монарха. Дадим же в светлый день его рождения, дадим себе благородный обет потрудиться над приобретением не условного только и узкого благородства светского, но глубокого, всецелого – Евангельского. Аминь.

Поучение к добросельским поселянам – по поводу устройства школы в их селе (2 июля 1872 г.)

Приветствуем вас, православные, с открытием у вас хорошо устроенной и удобной школы. Бог послал вам доброго и щедрого ревнителя о ваших духовных нуждах, и вот вы имеете теперь возможность легко и удобно учить детей своих грамоте. То, о чем еще только замышляют во многих селах, да не знают как собраться с силами, чтобы исполнить задуманное, – у вас, но милости Божией, уже есть. Возблагодарите же Господа Бога, промышляющего о вашем духовном преуспевании, и поспешите воспользоваться тем благим даром, который Он посылает вам рукою одного из ваших собратьев.

Думается нам, что вам нечего много объяснять, как хорош и достолюбезен посылаемый вам дар, и какое важное дело грамотность. Хотя менее широкая и удобная, но все же была у вас школа, в которую некоторые из вас охотно посылали своих детей, и по возможности поддерживали ее. Добрый знак, и хорошая для вас рекомендация! Можно надеяться, что крепко будет стоять и процветать ваша школа, и что, с умножением у вас грамотных и книжных людей, умножатся и благочестивые люди, а с ними умножатся для вас и милости Божии, и вся жизнь ваша, не только духовная, но и обыкновенная хозяйственная, будет устроиться все к лучшему. Буди сие с вами! Об этом то и прибыли мы сюда молиться с вами Господу Богу, и просить Его благословения и благодати для всех живущих в веси сей. Мы сказали, что с умножением у вас грамотных людей можно ожидать, что умножится и благочестие. Непременно так. Возьмите вы положение неграмотного человека. Откуда ему узнать хорошо и обстоятельно, чего требует от нас Господь Бог, в чем состоят Его заповеди, какая сила в Таинствах Христовых, как жили и спасались святые угодники, как приучить себя к той или другой добродетели, как отстать и отучить себя от того или иного порока? Насчет всего этого неграмотный ходит как во тьме. Слышит кое-что от

разумных людей, но насчет многого недоумевает. Придет в церковь, но опять многого и многого не понимает из того, что поют и читают в церкви; иной смотрит только на образа, машинально крестится, да кладет поклоны. Станет дома на молитву, но опять не умеет, как и что сказать Господу Богу. Прекрасные и возвышенные молитвы церковные ему неизвестны, и приходится ему холодно и рассеянно повторять что-нибудь одно и то же. А то бывает еще хуже, и Боже мой, как часто это бывает! Является какой-нибудь непрошенный и невежественный учитель, и начнет напускать еще больше тьмы в голову бедному человеку, пойдет учить и вкривь и вкось о самых высоких истинах веры Христианской, которых и сам хорошенько не понимает, и кончит тем, что совершенно отвратит своего доверчивого и простодушного ученика от веры Православной и от Церкви Христовой. Так у нас вот и распространяется раскол – это дикое, это невежественное и горькое дело на Руси православной. Будь-ка попросвещеннее наши православные, познакомясь они покрепче с словом Божиим да с учителями Церкви и святыми отцами, – и раскол мог бы у нас сделать ни шагу, а сам бы исчез, как отвратительный призрак ночной с восходом солнечным.

С умножением грамотности мы сказали еще, будет прочнее устроиться ваше благополучие не духовное только и религиозное, но и обыкновенное житейское. И это непременно так. Возьмите вы опять положение человека безграмотного. Живет он, можно сказать, вполовину только, а не вполне, как устроил Господь Бог; следовательно, и счастлив только вполовину. Ибо Господь создал человека не из тела только, а из души, в которой есть много способностей и сил всяких. Что делать человеку неграмотному и неученому с этими силами и способностями, как их усовершенствовать и умножить? Он работает только телом, пашет, жнет, косит, строит что-нибудь, – вот и все. Здесь действуют только одни члены телесные. А душе бедной что же остается на долю? На то ли дан ум богоподобной душе человека, чтобы ни о чем больше не мыслить, кроме хлеба, подобно животным; чтобы ничего больше не знать, кроме того, что под глазами? На то ли этот прекрасный и чудный мир Божий

создан, чтобы человек равнодушно и бессмысленно смотрел на него? Нет, как хотите, – это грустно! Между тем, какое удовольствие, какое счастье у того человека, который имеет возможность читать книги, и извлекать из них все умное и полезное! Он чувствует, что он человек, а не рабочее какое-нибудь животное, осужденное только есть и работать, работать и есть; он сознает, что он разумная и богоподобная тварь, что и ему уделил Господь известную долю чисто человеческого счастья. Чтобы понять, какое это отрадное чувство, надо изведать его на самом себе.

Сказали мы наконец, что грамотность и книжное образование приносит пользу даже хозяйству, и содействовать может обогащению вашему. Непременно, непременно так. Возьмите вы опять безграмотного человека. Конечно, он не все же работает, а бывает у него досуг. Куда же и на что ему девать свой досуг? Вот он сидит сложа руки, под предлогом отдыха, сидит и скучает. А известно, что праздность есть мать всех пороков, и начинает этот человек придумывать, чем бы развлечься после недельного труда. И ничего лучшего этот человек никогда не придумывает, кроме водки. Понемногу, да понемногу, – смотришь и образовалась уж охота, а затем потребность, а там и страсть к вину. А как помогает винопитие хозяйству, как оно обогащает людей, – чай уж это всякому известно. Но возьмите вы и самое это хозяйство. Человек темный и неграмотный ведет его так, как шло оно в старину, как привык и научился он от дедов и прадедов. Ни выдумать чего-нибудь, ни усовершенствовать его как-нибудь он не может: даже на все улучшения, вводимые по хозяйству и домоводству умными и образованными людьми, он смотрит с недоверием и подозрением. А между тем об этих улучшениях в сельском хозяйстве пишутся тоже целые книги, есть даже целая наука о сельском хозяйстве. Только все это выходит, как бы не про нас писано, и не хотим мы ничего занять и усвоить из всего этого; а это все от того, что мы мало грамотны, мало образованны, а потому и мало думаем о вещах. А будь образованнее и грамотнее русские люди, – и благословенное отечество наше Русь православная, может быть, в несколько раз была бы

богаче, и не стали бы наши сельские люди лениво повторять избитую поговорку: «что все-де от Бога, как было в старину, так и теперь пусть будет».

Но достаточно кажется говорить о пользе и важности грамотности. Постарайтесь же поддержать свою новоустроенную школу, и распространить в своем селе книжное обучение. Иначе вам будет грех и от Бога и срам от добрых людей. Вы теперь знаете, какое это великое и благополезное дело грамотность. Поддержите же ее и своими пожертвованиями, и тем, чтобы непременно посылать детей своих в школу. А пославши их и туда, не отвлекайте и не отрывайте часто от книжного дела и за какими-нибудь мелкими домашними потребками. А то бывает так, что дети то поучатся немного, то бросят ученье, то походят в школу, то перестанут. И весьма часто это бывает от самих родителей, которые хоть и сознают нужду грамотности, но все-таки относятся к ней как-то небрежно. Этим вы затрудняете и самого учителя. Нет уж коли учиться, так учиться; ибо всякое дело, для своего успеха, требует неослабного усердия и постоянства. И в Писании сказано, что кто возьмется за плуг, да будет озираться вспять, т. е. лениться и небрежничать, тот не будет управлен в Царствие Божие.

Господь Бог да осенит вас всех своею благодатию, и да возжет в сердцах ваших ревность к вашему образованию и к изучению закона Его. Аминь.

Речь при открытии народной школы в селе Добром (2 июля 1872 г.)

Достопочтенное собрание!

Много отрадного представляет настоящее торжество. Скромный праздник обновления народной сельской школы выходит особенно чем-то хорошим, чем-то особенно торжественным. Хорошо смотреть, как разумные люди сельские, не толкуя много о важности и необходимости народного образования, на самом деле радеют об нем душою и делают для него не проэскты только и предложения, а действительные жертвы. Устроив свою школу, они спешат призвать на нее Божие благоволение, просят за нее святительских молитв у своего архипастыря, желают с ним, по этому случаю, молиться вместе, и вообще устрояют духовно-религиозное торжество, разделить которое приглашают и гражданские власти. Все это чисто в православном и народном русском духе. Да благословит Господь так хорошо и радушно начатое доброе дело, да пошлет свои милости устроителю этого дела и сотрудникам его; да будет честь и хвала и от добрых людей! Может быть добрый пример их и в других селениях наших найдет себе усердных подражателей и посильных ревнителей в деле народного образования. Душевно желаем сего, и молим Господа о ниспослании благодати и просвещения в среду нашего православного народа.

Нередко слышатся жалобы на неподатливость нашего русского народа к делу грамотности и на его крайнее, будто бы, равнодушие к своему просвещению. Ищут меры, изобретают способы, как бы помочь этому горю и все-таки с прискорбием видят, что все хлопоты не увенчиваются теми успехами, каких бы желалось. А между тем, сколько известно из опыта и из живых сношений с народом, наши простолюдины очень понимают важность и пользу книжного обучения, желали бы им воспользоваться, и если называют себя людьми темными, то вовсе не с удовольствием или равнодушием, а с видимым прискорбием. Что же все это значит? И где причины такого

раздвоенного отношения нашего народа к делу столь важному, и столь близко его касающемуся, каково дело его собственного обучения?

Чтобы там ни было, а материальные нужды и усиленный рабочий труд много мешают делу народного образования. Известно, что для человека тогда лишь настает возможность серьезно думать о своих умственных нуждах, когда вполне или довольно достаточно удовлетворены его материальные нужды; а до тех пор он будет продолжать думать об умственном образовании, как об роскоши приличной другим, более его благоденствующим людям. Было бы неуместным распространяться здесь, почему при известном трудолюбии и выносливости нашего народа, так упорно все-таки гнетут его материальные нужды, и так мало у него досуга остается на собственное образование. Скажем только, что как ни мал, и не широк его досуг, а и его мог бы народ употребить с большею пользою для своего духовного развития, если бы побольше обреталось энергических двигателей и здравомыслящих вождей в его собственной среде. Известно, что в каждом сельском околке, и может быть даже в каждом селе, есть сравнительно зажиточные и даже богатые православные, если не деньгами, то здравым смыслом и нравственным влиянием на свою крестьянскую среду. Вот если бы в эти личности откуда-нибудь заронена была искра ревности о грамотности и о просвещении, – они бы сильно могли орудовать в этом важном деле. Отрадный и вожделенный пример этому мы видим в настоящее время в Добром селе. Еще раз с удовольствием и благодарностью мы повторяем свой привет доброму и радеющему о духовных нуждах своих односельцев Михаилу Даниловичу, и от души желаем ему подражателей. Приискивать же и открывать их лежит первый и священный долг конечно на пастырях Церкви и просвещенных гражданских людях. Одни своим духовным влиянием, пастырскими внушениями и посильным содействием делу обучения, а другие преимущественно изобретением денежных и вообще материальных средств для наших народных школ могут сделать для них все.

Но здесь мы сталкиваемся с новой причиной, которая несколько замедляет нашу сельскую грамотность. Земство, как известно, употребляет не мало рвения об этой грамотности. В литературе пишут об ней еще больше. Приготавливаются нарочитые сельские учителя, изобретаются упрощенные способы обучения грамоте, обсуживаются то те, то другие приемы народного просвещения. Но народу подчас инстинктивно не нравится во всех этих радетельных мерах об нем то, что дело его духовно-нравственного образования сливают с делом житейского и материального его облагораживания, и потому буквари и азбуки народные подчас наполняются разными практическими советами и житейскими нравоучениями. Все это без всякого сомнения хорошо, и народ конечно скажет то же самое. Но не этого ему главным образом хочется. Ему желательно скорее читать и понимать псалмы Давидовы, сознательно стоять в храме Божием, уметь молиться и знать отчетливее, что требуется для его души, и как спастись. С этими высокими вопросами и с их разъяснением народ отождествляет и самое дело образования, и конечно хорошо делает. И потому те народные школы, которые созданы и держатся, собственно, на религиозном начале, оказываются самыми прочными и долговечными. Вот если бы горячее сочувствовали религиозным народным потребностям, и при учреждении школ – прямо ударяли бы на них собственно; то, нам кажется, и народ горячее и усерднее пошел бы навстречу своим просветителям. Он узнал и почувствовал бы в них истинных друзей своих, радеющих о самом дорогом для него благе. А известно, что небесный луч религии, зароненный в душу человека, освещает и животворно греет и всю внешнюю его обстановку, облагораживает и улучшает весь материальный его быт, по слову Спасителя: *ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам (Мф. 6:33)*. Таким образом пред нами открылось бы полное и дружелюбное сочетание целей и стремлений как народа, так и его просветителей.

Нам ставят в пример и в укор заграничных людей. Вот там дескать, за границей, процветает просвещение народное, и

процент безграмотных там будто бы самый ничтожный. Что ж? Хорошее не назовем дурным; и от достойного подражания не станем отворачиваться, – ведь и мы стремимся к грамотности. Но все-таки пошлем им отсюда, этим заграничным людям, свои желания побольше видеть в них религиозности и поменьше тех нравственных неустройств, которыми они, как слышно, богаты не менее нас.

Боже! Призри Своею благодатию на всю, наипаче же, на православную русскую землю Твою, и дай узреть во свете Твоем свет всем людям Твоим! Благослови великого монарха нашего и его просвещенных сотрудников в многосложном деле образования народного!

Речь ответная воспитанницам Епархиального женского Училища при выпуске в 1872 году (4 июля 1872 года)

Любезные воспитанницы!

Утешаемся вашими прекрасными чувствами благодарности и скромности, при выходе из училища. Благослови вас Господь Бог на многотрудный жизненный путь. Поверьте, если бы ваше счастье сколько-нибудь зависело от наших благожеланий, то мы бы вас осыпали ими. Ваше счастье, ваше нравственное преуспевание, ваше всяческое благоустройство – будет истинною нашею радостью, нашим высоким утешением и, выражаясь грешным человеческим языком, нашею гордостью. К сожалению, не все то легко, чего нам хочется. И вы, и мы все подчинены разным, не зависящим от нас обстоятельствам. Молим Господа, чтобы Он устроил эти обстоятельства все к лучшему и к лучшему для вас и для нас. С своей стороны – даем слово содействовать вашему будущему благоденствию столько, сколько от нас будет зависеть, и во всем, что будет в наших силах. Наипаче же положите самое крепкое упование свое на Господа Бога, и поберегите те теплые чувства религиозные, о которых вы сейчас сами говорили. С ними вы нигде и никогда не пропадете, чтобы там ни ожидало вас в жизни, ибо милость Господня...на боящихся Его, и правда Его на сынах и дочерях,... помнящих заповеди Его творити я (Пс. 102:17–18). Будете помнить Господа и волю Его, – Он ли забудет вас?...

Предчувствуем, и даже видим, что вы переполнены теперь самыми прекрасными намерениями, мелькают и блещут у вас светлые надежды, а молодые и свежие силы стремятся к благородному труду. Поскорее приложить свои знания к делу, заняться обучением безграмотных деревенских детей, зажечь добрую и святую искру в этих существах, растущих в полном небрежении, заслужить благодарность их родителей, усовершенствовать себя в познаниях и разных житейских искусствах, жить в тиши наедине с благодатной сельской

природой, и там явить в себе привлекательные образцы скромности, благоговения, чистоты, трудолюбия и прочих добродетелей, вот у вас что теперь на уме, – не так-ли?... Да, мы знаем, что так именно мечтает непорочная и благовоспитанная юность. Много хорошего и святого, много идеального, много, – если хотите, – поэзии во всех этих мечтах. И признаться, сами бы мы, теперь прощаясь с вами, не прочь помечтать об вас таким именно образом. Но знаете ли, что смущает нас всего более? Не то, что вы не имеете широкой научной подготовки; при добром намерении и усердий и из малого можно сделать многое, а практика приведет с собою и опытность. Ваши предшественницы знали менее вас и подготовлены, можно сказать, слабее; а как слышно, некоторые из них не безуспешно трудятся в деле народного образования, а земство даже официально приглашает их в народные школы. Видите, все хорошее об вас мы тщательно собираем; худого не слышим, да и знать не хотим. Не смущает нас много бедность и неприглядность вашей будущей обстановки житейской, ни даже сиротство, на что вы с горечью сейчас указали, – ведь все это не будет для вас неожиданностью, не нежились вы и здесь, не неучами и ни к чему неспособными мы вас выпускаем; а добрые семена религии, которые вы, к нашему удовольствию, в себе сознаете, неужели пропадут для вас задаром, не поддержат и не усладят горечей житейских, могущих встретиться вам впереди.

Нет, молодость ваша, слишком еще ранняя молодость, неведущая, что творится в растленной жизни людской, – вот что может всего более внушать нам заботы. Прекрасны и благородны мечты у молодости, – но это лишь благовонные цветы, которые могут быстро завянуть без плода от первого грубого прикосновения к жизни действительной, к ее холоду и соблазнам. А вы будете, можно сказать, одиноки в этой жизни. Вы желаете, чтобы мы не оставляли вас своим руководством и по выходе вашем из училища; но что могло бы быть лучше, если бы в самом деле вы не позабывали искать нашего руководства? Возьмите теперь на память хоть вот что только.

Во-первых, не задавайтесь слишком многим, не рвитесь наделать как можно больше, и как можно скорее, всего доброго и полезного, о чем вы, может быть, теперь мечтаете. Это может ослабить вашу деятельность, огорчить вас и унижит в собственных глазах; ибо никак нам нельзя переделать всего, о чем мы мечтаем. Примером хоть бы народное образование. Не спешите видеть себя в роли авторитетных учительниц в какой-нибудь обширной и удобной школе, окруженными многочисленными детьми, послушными, понятливыми и усердными. Этого вы, пожалуй, долго не дождетесь. А просто, не отлагая дела на отдаленное будущее, отыщите в своем селе двух, трех девочек или мальчиков, и усадите их за азбуку; оживляйте это скучное дело рассказами из священной истории, и не заметно сейте в детских сердцах семена религии, – вот вам школа образовалась, и начали вы благородную службу человечеству. Увидят ваше усердие и умение, – и расширится и заметной сделается, и может быть хорошо оценится ваша деятельность. И спасете вы себя от скуки и праздности, лишь мечтающей, но ничего не делающей. Затем еще одно слово. Не напускайте на себя каких-нибудь мечтательных нравственных совершенств; не воображайте себя некими героинями добродетели, не могущими ни видеть, ни слышать ничего постыдного и безнравственного. Как раз наоборот вам придется, может быть очень часто, в деревнях и видеть и слышать всякую нехорошую всячину. Что делать? Смущаться этим много, а тем паче приходить в отчаяние, никак не приходится; иначе вы только измучаетесь и понапрасну истратите свою нравственную энергию на борьбу с одними призраками. Дорожите главным образом внутреннею своею добродетелию, берегите ее как сокровище и развивайте ее в своем сердце, а не требуйте, чтобы непременно и около вас благоухала атмосфера порядочности и добродетели. Бывают примеры, что неискушенные еще в добродетели, и преимущественно молодые особы, гнушаясь видеть и слышать что-нибудь грубое и неприличное, воображали себя по этому случаю истинно добродетельными и вполне застрахованными от приражений порока; а между тем это были одни только мечтательные

порывы к добродетели, одна сентиментальность, и потому случались с ними самые тяжкие и грубые падения при серьезных встречах с соблазнами и пороком. Есть и обратные примеры, и их то мы вам рекомендуем для изучения и подражания. Это тем легче для вас, что сии достоуважаемые и поистине высокие примеры закаленной женской добродетели большею частью встречаются в сельской простонародной среде. Право иной раз нашим бедным женщинам приходится просто задыхаться в душной и зловонной атмосфере грубости и невежества. Но привычка закаляет их. Какая-нибудь противная сцена или грубое слово пожалуй и не вызовет на честном лице их даже и краски стыда; но за то в их добром и теплом сердце сколько чистоты, честности и скромности, сколько выносливой, предусмотрительной и несокрушимой добродетели! Вот это бы вам потрудиться перенять. Вот это, пожалуй, истинные героини добродетели.

Но не боязно ли вам от всех этих прощальных речей наших? Успокойтесь пожалуйста; мы не к тому так говорим с вами, чтобы пугать вас; а только по-домашнему и откровенно толкуем на прощанье в том предположении, что мало ли что может случиться в жизни? А может быть Господь устроит жизнь вашу гораздо лучше и проще, и она пойдет без всяких страхований, или какой-нибудь опасной борьбы. Дай-ка Господи!

Ну прощайте теперь и помните, что мы говорили вам на прощанье. Буди над вами Господне благословение, и Владыки нашего, и наше грешное.

Слово в день коронования Их Величеств, Государя Императора Александра Николаевича Государыни Императрицы Марии Александровны (26 августа 1873 г.)

Те, которые пришли сегодня в храм Божий до чтения Евангелия, слышали, конечно, притчу Христову о злых виноградарях. Для поздно пришедших и не слышавших напомним по крайней мере знаменательный смысл сей горькой притчи. Спаситель выражает в ней свое сетование на иудейский народ, грубо и неблагодарно принимавший многочисленных посланников Божиих, которые возвещали ему о скором пришествии Мессии и учили путям Его. Одних пророков били и мучили евреи, других убили, третьих камнями забросали. Самого Мессию, сына Божия – народ иудейский не узнал, отринул, поругал и убил, подобно его предшественникам – пророкам. И до сих пор Церкви, основанной Господом Иисусом Христом – этого божественного виноградаря, как говорится в притче Христовой, – иудеи знать не хотят. *Сего ради*, сказал Господь вождям и учителям еврейским, *отыметя от вас Царствие Божие и дастся языку творящему плоды его* (Мф. 21:43). Так оно и случилось. Евреи отринуты из вертограда Господня, а многочисленные народы языческие, просветившись Христовым учением, вступили в Церковь Господню. И в числе этих народов – мы православные христиане Русские. Естественный вопрос теперь возникает об нас: Ну – что же мы? как трудимся, и что делаем в винограднике Христовом, т. е. в Церкви Его? Представьте, что непременно нужно отвечать на этот вопрос, что его дает нам сам Христос Спаситель. Да и действительно, придет время, когда мы непременно должны будем дать ответ об этом своему Господу. «Господи, – могли бы мы ответить в настоящее время, – посланников и учителей твоих мы не преследуем и не побиваем камнями; Тебя, Господи, не только не злословим, но благоговеем пред Тобою и молимся Тебе!» Но творите ли вы волю Отца Моего, спросит

нас Господь, – трудитесь ли вы в винограднике Моем и приносите ли плоды благие? О братие, смиренно сознаемся, что нельзя нам дать доброго ответа на вопрос сей. Ибо где наши труды и где наша ревность о Церкви Христовой? Не виновны ли мы, напротив, в равнодушии к уставам Церкви, и даже в явном пренебрежении к некоторым из них? Не припомните ли, как вели мы некогда с вами беседу о постах, – и оказалось тогда, сколь много пренебрежения и ослушания Церкви Господней обнаруживаем мы в сем отношении. Но есть еще один предмет, о котором мы давно имели намерение побеседовать с вами, и все ждали случая, когда вы соберетесь сюда в более многочисленном и избранном обществе.

Предмет, о котором мы хотим повести с вами беседу, весьма близко касается вашего нравственного преуспевания; а между тем небрежение и равнодушие к этому предмету достигает иногда до таких широких размеров, и так резко бросается в глаза просто одним только своим неприличием в христианской и православной семье, что даже по этому одному, так сказать внешнему поводу – нам, пастырям Церкви, молчать об нем не приходится. Дело в том, что насколько вас много можно встретить здесь – в храме Божием во дни, подобные настоящему настолько мало вас бывает в храмах Божиих во все остальные дни. Какими редкими гостями бывают иные из вас в храме Божием даже в великие праздники Церковные! Будемте говорить спокойно и откровенно о том, что у нас бывает. Вот иногда Церковь продолжительным и единодушным гулом своих колоколов под какой-нибудь великий праздник как бы усиленно старается заглушить шум и гам городской суеты, и зовет своих чад на молитву; а они, эти чада как бы глухие, снуют туда и сюда по всем улицам города, – а в храм Божий все-таки не попадают. Лень это простая, или многозаботливость житейская с ее вечными делами? Нет, здесь нечто большее и худшее. Ибо вот иногда и во время молитв и пений церковных – наши храмы веселья, наши театры и залы залиты бывают огнями, как бы желают затмить церковное освещение, и в позднюю ночь сквозь ярко освещенные окна можно заметить мелькающие тени веселых, беспечных, и конечно разодетых и без всякого

сомнения вовсе позабывших о храме Божиим людей, зовущихся все-таки православными. А завтра – долгий и непробудный сон после вчерашнего утомления и веселья! Если бы во всем этом было только одно неприличие, хотя бы-то и религиозное; то кажется оно не могло бы быть так глубоко и так долго держаться в нашем обществе, все законы которого сводятся к приличию и сдержанности во всех отношениях. Нет, нам чуждается здесь дурной и неверный взгляд на дело, как будто бы храмы христианские с их богослужением суть что-то постороннее и не существенно нужное для лучших и избранных людей, умеющих отрешиться от всего внешнего и обрядного. Иные же, конечно, и просто по обычаю и по примеру того, что делается вокруг, не ходят к церковному богослужению, – успели отстать от него, и в некотором смысле одичали. Во всяком случае, предмет столь важен и столь близко нас касается, что надо покрепче о нем подумать. Призвав Господа в помощь, мы это с вами теперь и сделаем.

Храм Мой, храм молитвы, наречется (Мф. 21:13), сказал Господь. Вот первое значение храмов Божиих: они суть дома молитвы, – и посещать их следует потому, во-первых, что более лучшего места для молитвы нигде нельзя найти, кроме храма. О важности молитвы и необходимости ее не только для всякого христианина, но и для всякого человека, мы говорить не будем; ибо кто же в этом сомневается? Есть правда люди (Боже, каких лжеучителей не бывает в твоём царстве), которые говорят, что если человеку живется хорошо и он чувствует себя счастливым, то это уже и значит, что он молится Богу. Так рассуждают те отрицатели богоподобия в человеке, которые приравнивают его к животным и требуют от него – как видите – даже меньше, чем от животных; ибо и те, когда счастливы и довольны, стараются выражать свою благодарность и преданность человеку разными ласками и услугами. Но Бог с ними, с этими грубыми философами! И им могли бы мы дать надлежащий ответ, – но их все-таки, между нами, не много. Гораздо чаще слышится другая философия: Бог, говорят, есть существо вездесущее; храм Ему – вся вселенная. Следовательно, зачем эти рукотворенные храмы, когда на всяком месте можно

возноситься к Богу духом – что и составляет самую лучшую молитву? Если бы эти прекрасные мысли выходили из уст каких-нибудь глубоких и сосредоточенных молитвенников, каких-нибудь отшельников и затворников, все свое время проводящих в религиозном созерцании; то в их словах слышалась бы чистая истина, в них мы узнали бы высокое Евангельское учение о поклонении Богу духом и истиною (Ин. 4:23, 24), – хотя и эти отшельники не стали бы говорить, и никогда не говорили о ненужности рукотворенных храмов. Нашим же домашним учителям, чуждающимся храмов Божиих, скажем следующее. Правда, что Бог вездесущ; но за то человек крайне ограничен и местом, и временем, так что самые простые и механические дела не удобно ему делать во всякое время, и в каком угодно месте. Какой-же смысл в том, что дело столь серьезное и столь духовное, как молитва, требующая живой деятельности всех сил душевных, – такое дело хотят бросить на произвол всяких развлекающих случайностей, которыми переполнена домашняя и общественная жизнь наша? Неправда и неискренность приведенного мнения обнаруживается всегда на деле тем, что люди, при первом серьезном пробуждении молитвенной потребности, спешат обыкновенно в храм Божий, где все принаровлено к молитве и все располагает к ней; тогда как люди, говорящие, что и дома можно помолиться, нигде обыкновенно не молятся. Человек умеющий и любящий молиться дома – усидит ли там, когда торжественный и праздничный звон зовет всех православных христиан в храм Божий? Станет ли он дожидаться другого случая, и выдумывать более удобное время для молитвы, чем то, какое освящено уже вековыми христианскими праздниками, и узаконено Церковным уставом, составленным святыми отцами? Сидеть дома в то время, когда все спешат в храм Божий для молитвы, для истинного молитвенника просто преступление. Когда в нашем родном кругу, или у наших добрых друзей идет пир, и мы приглашены на этот пир, – станем ли мы сидеть дома под тем предлогом, что с родственниками и друзьями всегда можно повидаться и после, в обыкновенное время? Ты хочешь сидеть дома и молиться. Но есть ли там у тебя столь прославленные и

благотворные иконы, которыми обильно украшаются наши храмы, и которые громко говорят о дивных подвигах святых угодников Божиих, и зовут к подражанию этим подвигам? Услышишь ли ты дома трогательные молитвы и вдохновенные песни Церковные, которые будят в людях религиозное чувство и способны согреть самое холодное сердце? Увидишь ли ты знаменательные и торжественные обряды Церковные с ярко горящими свечами, с фимиамом кадильным, с благоговейными молящимися лицами? Дух ли ты какой, или святой Ангел, что тебе не нужна вся эта внешность, и что хочешь ты лучше молиться один с своею душою? Не сознаться ли лучше, что ты вовсе не имеешь молитвенного духа, – и от того-то не привлекает тебя вся эта молитвенная обстановка Церковная? Подчинишься же лучше ей, – и придет к тебе молитвенный дух; а не будешь ходить в храм Божий, – и застынет навсегда твое страстное и одеревеневшее сердце; и умрешь ты, пожалуй, без мысли о Боге, с тупым и бессмысленным взором, и не сумеешь с непривычки осенить себя пред смертью благоговейным крестным знаменем, и один только бездыханный труп твой понесут в храм Божий для исполнения христианского обряда! О св. псалмопевце Давиде, конечно, можно сказать, что он был истинный молитвенник; но припомните, как он выражался о храме Божием: *Коль возлюбленна селения твоя, Господи сил! Желает и скончается душа моя во дворы Господни... Лучше день един во дворах твоих паче тысящ* (Пс. 83:1–3, 11). Запомним себе это!

Но храмы Божии суть не только молитвенные дома, но и училища веры и благочестия – это их второе высокое значение. Значит, ходить в них всем православным христианам для того обязательно нужно, чтобы не остаться юродивыми и целый век не прожить младенцами относительно догматов веры и правил христианской нравственности. Вот в нынешнее время пошли усиленные хлопоты о народном образовании; стараемся мы умножить сельские школы, чтобы вывести бедный и простой люд из тьмы невежества и безграмотности на свет Божий. Похвальное и благородное рвение! Но можно ли сказать, как говорится – положи руку на сердце, что у самих-то нас,

грамотных и образованных людей, слишком много в голове света, и что нам ни в какую школу уже ходить не нужно? Правда, читаем мы много. Но что? большею частью легкие и приятные книги, так называемую изящную светскую литературу, повести и романы и свои – национальные и чужие – переводные. Серьезного чтения несравненно меньше. Рассуждать и толковать мы большие охотники, и можно сказать большие искусники и мастера. Но о чем? о делах общественных, о событиях политических, реже – о вопросах науки и искусства, большею же частью – о текущих делах житейских и о будничных мелочах. Но когда же подумать и поговорить о Боге и о своей душе, и где поучиться религии? Неужели все это должно считать посторонним и неважным делом, имеющим прямое отношение до лиц только духовных? А что же такое светский человек? Неужели ему надлежит быть в этом отношении темным и бесхарактерным существом, без отчетливых верований, без твердых религиозных убеждений, – существом, осужденным вращаться в круге одних только земных понятий и практических расчетов? Нет, это не так. Ибо вопросы веры и религии, вопросы о душе и вечном спасении – одинаково важны для всякого человека. К сожалению, встречаются случаи, что люди, *глаголющие быти мудрыми* и образованными, как бы намеренно выставляют на показ свое неведение религии и ее обрядов, вероятно с рассчитанным некоторым умыслом – доказать тем свою несомненную принадлежность к сословию чисто светских и современных образованных людей. Но ведь это ненатурально и унизительно для всякого серьезно образованного человека. Пойдемте же в храмы, и станем учиться религии, если дома и не у кого, и некогда, и не по чему учиться. Конечно, все были мы некогда в школе, и учились там закону Божию, и существенное из него может быть знаем. Но многое и из этого существенного уже перезабыто и спутано, а может быть и совсем стерто равными житейскими предрассудками и теориями, – и конечно все это далеко не достаточно образованному христианину. Можно предположить с вашей стороны вопрос: как храмы могут быть училищами веры? Ибо нам не безызвестно, что многие

православные христиане отрицают это просветительное, значение православных храмов, находя в них только обрядность, и по какой-то странной наклонности унижать все свое и родное и возвышать все чужое и иностранное, как бы с завистию и упреком каким-то указывают, напр., на лютеранские кирхи – с их упрощенным и сокращенным до нельзя богослужением и с их и проповедями, длящимися по часу. Там действительно храмы обращены в учительские кафедры. Но мы имеем некоторое понятие об этих длинных лекциях, весьма нередко скользящих только по поверхности Евангельских слов и бесчисленное множество раз повторяющих одно и то же. Видали там и скучающих учеников, нетерпеливо ожидающих конца длинной учительской речи. Все это хорошо выходит только на словах и по слухам. И вообще нам кажется весьма сомнительною назидательность и жизненность такого богослужения, которое и поставлено в зависимость от искусства человеческой проповеди. Мы знаем, что сила слова Божия *не в препретьельных человеческия премудрости словесех*, как говорит апостол Павел, *а в явлении Духа и силы* (1Кор. 2:4). Таков именно характер нашего православного богослужения. Оно назидательно само по себе для тех, кто понимает его смысл и значение; ибо в нем наглядно изображается все домостроительство нашего спасения, совершенное Господом Иисусом Христом. В нашем вечернем богослужении – в лицах и действиях изложен весь ветхий завет. В нашем утреннем богослужении стройно изложены вдохновенные речи пророков и гадания, и указано исполнение этих речей о Христе Спасителе, о Его искупительной смерти и воскресении. Наша литургия есть наглядная и последовательная картина земной жизни Спасителя от первых дней ее – до вознесения на небо. Наши другие вседневные и более краткие службы, наполненные вдохновенными псалмами Давида и трогательными молитвами известнейших отцов и учителей Церкви, – суть не что иное, как глубокое раскрытие возвышенных догматов Евангельского учения. Слышатся не редко проповеди и у нас; но мы должны сознаться, как трудно нашему бедному и слабому человеческому слову сделаться заметным и что-нибудь значить

среди священной торжественности и глубокой знаменательности нашего богослужения. Потому-то у нас незаметно и не чувствительно бывает иногда и полное отсутствие нашей учительской проповеди в богослужении. Хорошо и назидательно оно выходит и само по себе, особенно для тех, кто хотя сколько-нибудь в состоянии понимать его смысл и разуметь язык. Не редко можно встретить усердных и богомольных простолюдинов, которые из священной школы наших храмов выходят довольно сведущими в догматах веры и правилах нравственности. О, если бы так успешно было наше проповедническое слово! Не чуждайтесь же наших православных храмов, и вы образованные и ученые христиане под предлогом, что там мало пищи вашему развитому и зрелому уму! О, там много есть, чему бы следовало вам поучиться, и что восполнило бы и искрасило ваши многообразные познания и вашу практическую и научную опытность!

Но это все не главное. Есть еще некоторый повод, ради которого мы не просто приглашаем вас в храмы и советуем посещать их, – а вменяем вам в прямую и безусловную обязанность это делать, и именем Божиим требуем непременно исполнения этой обязанности, если конечно вы дорожите не одним только именем христиан, а желаете пользоваться и спасительными плодами христианства. Храмы христианские не просто суть молитвенные дома, и не училища только веры и благочестия, а места благодатного освящения людей и таинственного общения их с Богом: это их третье наиважнейшее значение. В простой и обыкновенной речи мы сами весьма часто выражаемся о Боге, что Он живет во храме. Это переносное выражение содержит однако же чистую истину; ибо, хотя Бог вездесущ, т. е. хотя Он находится в каждой точке необъятного пространства, и притом Весь в одно и тоже время, – однако же не везде Он в одинаковой степени открывается тварям и являет Свое благодатное присутствие; но, применяясь к тому, что мы ограничены и временем и пространством, Он назначил некоторые места, куда велел нам собираться, и там обещал преимущественно выслушивать наши молитвы и там же

сообщать нам Свою благодать в некоторых тайно действиях, им же самым установленным. Эти-то места и суть храмы; так что, по отношению к нашей ограниченности, мы с полным правом можем сказать, что в них живет для нас Бог; ибо там преимущественно Он является нам. Конечно и вне храмов Господь не оставляет нас грешных Своим благодатным осенением; но в храме Он делает это преимущественно. Почему так? Мы не имеем никакого права совопросничать и возражать. Велел Господь быть сему, – и мы обязаны повиноваться. Мог бы, конечно, Господь сообщать нам благодать искупления и так, по одной вере нашей; но Он велел приобщаться Тела и Крови Своей, *еще же – говорит – не снесите Плоти Сына Человеческого, ни пиете Крови Его, живота не имате в себе (Ин. 6:53)*. А где совершается Таинство Причащения? – в храме, на Литургии. Следовательно, сюда и нужно нам идти за своим освящением. А где совершается покаяние, без которого тоже нет спасения нам грешным? – в храме. Туда, значит, мы и ходить должны умолять Бога о прощении грехов. Где совершаются прочие Таинства, ведущие нас ко спасению? Опять в храме, за исключением случаев нашей немощи телесной или других уважительных причин. И вот опять мы обязаны идти в храмы. Но не по случаю только совершения над нами Таинств мы обязаны ходить в храмы, а всегда; ибо не чрез Таинства только Господь может сообщать нам Свою благодать и освящение, – а и просто невидимым и внутренним озарением нашего духа в храме. Где собраны два или три во Имя Мое, там и Я посреди их, – сказал Господь (Мф.18:20). Почему же Он этого не обещал единоличным и отдельным молитвенникам? – мы не имеем права состязаться об этом с Господом. Ему так угодно, – и это должно быть для нас законом. Пойдемте же в храмы Господни искать своего освящения и благодатной помощи на дела благие. Господь нас всех приглашает сюда, и уже ожидает Своею милостию и благодатию. Премудрость Божия создала Себе жилище в наших храмах, и утвердила Церковь Свою на святых семи Таинствах, как на семи столпах. Ежедневно закаляется здесь святая жертва Господня, и уготавливается для всех и каждого

Божественная трапеза. Растворяется во святой Христовой чаше вино, и слышится высокое проповедание о чаше и громкое приглашение к священному пиру: *уже есть безумен – да уклонится ко мне*, т. е. всякий немощный на дела благая – спешит ко Мне за помощь (Притч. 9:1–4). *Приидите ко Мне все труждающиеся* на поприще жизни *и обремененные* ее невзгодами, – *и Аз упокою вы!* (Мф. 11:28). *Ядите мой хлеб, и пейте вино, еже растворих вам* (Притч. цит. мес.), – и будете сильны на добро и крепки на брань со врагами спасения! Вот какие высокие обещания слышатся от Господа, зовущего нас в храм Свой! А что Господь обещает, то несомненно и исполнит. Давно бы и мы тысячу раз может быть убедились в этом собственным опытом, если бы любили посещать храмы Господни. Возьмем же в назидание хоть чужие опыты. Вот приходит в Церковь Божию один богатый молодой человек, – и слышит там слова Господни о тщете земных сокровищ и неоцененности будущих благ. Таинственная сила этих слов объемлет всю его душу, – и он выходит из храма совершенно переродившимся, раздает все свое имение нищим, и делается великим подвижником Антонием. Вот одна грешная женщина идет за толпою в Церковь: там благодать Христова касается ее сердца и зажигает в ней святую искру, – и из этой женщины выходит дивная во святых женах – Мария Египетская! Подобных примеров найти можно весьма много в житиях святых. Но и в наше время совершаются многочисленные, хотя и незримые, опыты благодатного осенения усердных молитвенников в храмах Божиих. Человек скорбящий выносит отсюда успокоение; колеблющийся и сомневающийся получает твердое уверение и надежду; человек борющийся получает подкрепление и силы, – и всякий вообще ищущий находит себе потребное по своим нуждам.

Ах, братие, не от того ли таким грешным и мирским характером проникнута вся наша жизнь домашняя, не от того ли так много в ней всяческой суеты, мелочности и страстности, и так мало этого святого и христианского духа, что жизнь то наша идет вдали от храмов Господних, и без благодатного влияния христианского богослужения. Уединившись в своих грешных

жилищах, и оградив себя как бы крепкой стеной от всякого религиозного влияния, как нам не позабыть Бога, и не охладеть душой ко всему святому, и не отвыкнуть от всякой церковности? Не удивительно, что наши дети еще в самом нежном возрасте умеют с большим тактом держать себя в гостинной, а не знают, как себя держать в храме Божиим. Не удивительно, что и мы сами иной раз не сумеем отличить Вечерни от Утрени, Часов от Повечерия, и путаемся в праздниках христианских. Рассудите сами, надлежит ли сему быть в православном обществе? На служебный недосуг бывать в церкви – мы сослаться не можем; ибо не о буднях мы и ведем речь. Но праздники, праздники Господни во что мы обращаем? Нередко можно встретить густые толпы рассеянны и беспечно гуляющих и разглагольствующих всякие праздные речи около самых храмов Господних в то время, когда праздничный звон гудит над самыми их ушами и напоминает о наступившем времени святого богослужения. Нам недосуг, мы люди житейские и трудящиеся, – но что же дети наши? Почему мы не отсылаем их как можно чаще в священную школу Церкви; почему мы не считаем нужным освежать их благодатной атмосферой Господних храмов, и не заботимся учить их сызмала понимать язык богослужебный? Неудивительно, что так преждевременно вянет их детская чистота и невинность душевная под влиянием грешной атмосферы наших жилищ, в которых царствует грех да суета. А не бывает ли и так, что мы сами отдаляем своих детей от храмов Божиих, сопровождая и без того редкое их появление здесь – нарочитою парадностью и разными мелкими условиями житейского приличия, из-за чего большею частию и опаздываем к богослужению. *Не подобает, братие моя возлюбленная, сим тако бывати*, – как говорит Апостол (Иак. 3:10). *Не срамля вас сия глаголем, но яко чада возлюбленная наказуем* (1Кор. 4:14). Не услышите вы правды от пастырей Церкви, – от кого же вам ее услышать?!... Слышали мы в нынешней притче Христовой грозные слова Господни об Иудеях, что отыметя от них Царствие Божие, и дастся языку, творящему плоды его. Этим языком православным и христианским считаемся пока мы – русские. Но как бы с нами не случилось того, что с Иудеями – за

то, что не творим плодов Царствия Божия? Как бы не сдвинул Господь светильника Церкви своей к другим народам, а нас не отринул?! О Господи, спаси люди Твоя и благослови достояние Твое! Победы благо и верному императору нашему Александру Николаевичу на сопротивные даруя, и Твое сохраняя крестом Твоим жительство. Аминь!

Речь о религии, как главном руководильном начале воспитания, произнесенная на акте, Владимирской Губернской Гимназии (30 августа 1873 г.)

Значение вопроса о воспитании и разногласие во взглядах на современное учебно-воспитательное дело. – Зло, происходящее от забвения самой важной стороны в сем деле. – Главная цель всякого воспитания. – Заслуги гуманистов в разъяснении вопроса об общечеловеческом воспитании. – Односторонность гуманистов. – Три главные стороны, подлежащие развитию в натуре человека, и обнимающие собою всю область воспитания. – Разумность есть первая из таковых сторон. – Три главные педагогические пункта при развитии умственных сил в человеке. – Заслуги современной педагогики относительно средств и приемов к пробуждению и укреплению умственных сил в питомцах. – Самое важное обстоятельство в умственном развитии человека – стоять на прямой дороге в истине. – Последняя цель всяких человеческих знаний, и неудержимое стремление духа человеческого к ее уразумению. – Причина религиозности истинно ученых людей. – Малоценность и незрелость антирелигиозной учености. – Чувство есть вторая психическая сторона, подлежащая развитию в человеке. – Значение ее и связь с разумной стороною. – Приемы и средства, употребляемые педагогией для развития сердечной стороны в человеке. – Недостаточность и ненадежность этих средств без помощи религии, обнаруживающаяся в многочисленных примерах. – Воля есть третья сторона души человеческой, надлежащая развитию. – Преимущественная важность правильного развития воли в человеке, сравнительно с умом и сердцем. – Только религия дает истинные понятия о добре, надлежащие побуждения и действительные средства к осуществлению идей добра на деле и в жизни. – Природное влечение человека к добру. – Недостаточность этого влечения. – Узкость и темнота

естественных понятий человека о добре, наглядно представляющаяся в древнем языческом и современном образованном мире, не знающем Евангелия. – Идея долга, по своей сухости и отвлеченности, не может быть достаточным побуждением к добродетели. – Бессилие падшей и растленной воли человека к своему облагорожению – без благодатных и таинственных средств, предлагаемых в Церкви Христовой. – Рознь между словом и делом, между стремлениями и жизнью современных людей. – Благие начинания правительства в преобразовании наших школ, и призыв к содействию сим начинаниям.

Среди многообразных вопросов времени, которое мы переживаем, нам кажется, что один из самых живых и самых близких к нам – есть вопрос о воспитании и образовании нашего юношества. Этим вопросом, как известно, серьезно занято правительство; об нем ведет горячие споры литература; он же естественно волнует и всех родителей, притом касаясь их не издалека и не в теории только, а самым близким и практическим образом, – ибо решает судьбу их собственных детей. Но пока еще не установились прочно и не определились ясно в общественном сознании те благие начала, на которые поставило правительство нашу педагогию, пока мы – за новостью дела и за неимением собственного родного опыта – должны еще терпеливо ждать того добра и той пользы для наших детей, которые несомненно принесет им нынешнее преобразование наших школ, – до тех пор тысячи разноречивых мнений и взглядов приходится слышать и читать насчет нашего учебно-воспитательного и школьного дела. Одни восхваляют классицизм, другие бранят его; одни делают это искренно, – другие так себе, не имея отчетливого и научного представления насчет образовательного или необразовательного значения классицизма, а лишь прислушиваясь к слову и толкам ученых и авторитетных людей. Многие напротив изо всех сил тянут к реализму и видят в нем единственный рычаг, которым можно поднять нашу страну на верх славы и могущества; еще большие, и преимущественно родители вторят этим воплям единственно понаслышке о трудностях классицизма, но не

измерив и не испытав на себе научных трудностей, с которыми неизбежно сопряжено всякое серьезное хотя бы то и реальное образование. При таком брожении умов и столкновении симпатий – трудно в чем-нибудь убедить или разубедить кого-нибудь, и вообще довести спорное дело до желаемой степени ясности. Предоставим же все это времени и опыту, взяв себе в утешение мысль, что многочисленными благими реформами, которые приходится нам переживать, всеблагое провидение хочет поставить на лучший путь наше православное отечество, и что среди этих реформ не может быть худшею та, от которой зависит судьба русской науки и народного образования.

В интересующем нас вопросе мы хотим коснуться несколько той стороны его, которая в шуме споров учебно-педагогических не то чтобы забывалась совсем, а так – несколько затемняется и оттирается назад, и притом не наемными только приставниками юношества, а нередко и самыми родителями. А между тем от забвения, или неправильной постановки этой собственно стороны вопроса, все наше образование может потерять свое значение, и всю свою благотворную силу для общества. Мы говорим о религии, как главном фундаменте, на котором должно быть воздвигнуто здание русского образования, захотят ли выстроить его в классическом, в реальном, или ином каком-нибудь стиле. Там, где захотели бы для науки и народного образования положить иное основание паче лежащего, еже есть Иисус Христос и Его Евангелие употребим выражение Апостола, – там, где религии отводят только известный уголок и лишь прикрашивают ею храмы науки, – там нет собственно науки в ее великом просветительном значении, там надо ждать разрушения велия и таких плачевных следствий, от которых обществам, как говорится, не поздоровится. У нас, можно, сказать, на глазах животрепещущие и притом самые печальные примеры политических потрясений и всяческих неустройств, вследствие ослабления религиозных основ, в западно-европейских обществах, щеголяющих однако же своей наукой и своим высоким социальным развитием. С грустью припоминается недавнее былое и у нас, когда не только учащемуся юношеству,

но в большей или меньшей степени всему обществу нашему приходилось дышать крайне нездоровыми элементами, зарождавшимися, однако же в ученой, атмосфере. Нельзя сказать, чтобы и теперь эти элементы совершенно были устранены хотя, уже и почуялась живая и отрезвляющая струя, не только в учебном, но и во всем нашем общественном строе. Правительство делает в этом отношении все от него зависящее. Но эти правительственные заботы тогда лишь приведут к желаемой цели, когда само общество искренно и горячо воодушевится идеей прочного и разумного образования, основанного на религиозно-нравственных началах. Эту-то идею и хотелось бы нам несколько оживить теперь и приблизить к общественному сознанию. Прислушайтесь к нашим словам и вы учащиеся юноши, ибо предмет, которого мы касаемся, столь же должен быть дорог и для вас, сколько важен и дорог он для нас, ваших воспитателей и руководителей. Пусть вы и знаете, о чем мы главным образом хлопочем, воспитывая вас, и какими желательно нам выпустить вас из своих рук. А если это вы узнаете, то без сомнения сочувственно отзоветесь на наши усиленные хлопоты и заботы о вас, и сами нам будете содействовать. Это было бы самою лучшею наградою с вашей стороны!...

Оставя в стороне политические, практически-житейские и всякие другие случайные и прикладные цели, которые имеют нередко в виду при постановке вопроса об образовании и его главном характере и направлении, – мы напротив поставим этот вопрос на общечеловеческую почву. То есть, какая самая первая и главная цель всякой науки и всякого образования по отношению к человеку вообще, к его личному достоинству человеческому, и безотносительно к тому, в какой мере и степени он может быть полезен кому бы то ни было своей наукой и образованием? Потому ставим мы таким образом дело, что вопрос об относительной пользе такого или иного направления в науке есть вопрос – собственно говоря – второстепенный и производный. Важно не то главным образом, к какой практической деятельности будет способен человек по выходе из храма наук; а то важно, выйдет ли он оттуда хорошим

или дурным человеком. В последнем случае кому и на что будет нужно его образование? между тем как в первом случае – сам человек, – потому собственно, что он хорош, – будет воплощенной так сказать пользой. Куда его ни поставь, что ему ни поручи, везде можно ожидать только благих плодов от его науки и образования. Без всякого сомнения мы не желаем сказать того, что всякие практические и житейские цели должны быть устранены при воспитании; нет, мы рассуждаем только о главных и второстепенных, об основных и производных целях воспитания. К первым мы именно и относим развитие в человеке прежде всего человека же, т. е. его основных сил и способностей и его человеческого достоинства. Как ни просто, казалось бы, это дело, однако же много нужно было времени, чтобы оно выяснилось окончательно. Старинный утилитаризм в науке обновился в нынешнем реализме, и по сие время имеет еще сильных и многочисленных сторонников. Между тем еще в 18 столетии лучшие педагоги того времени известные под именем гуманистов, – таковы как Руссо, Нимейер, Песталоцци, Базедов, Фребель и другие, – стали проводить в обществе разумные мысли о том, что при воспитании и образовании прежде всего нужно иметь в виду человека; что главною заботою всякого разумного педагога должно быть целостное и стройное развитие в человеке того, чем наделила его природа; что вперед приурочивать воспитанника к какому-нибудь практическому назначению и в этом направлении гнуть его способности есть варварство и насилие. Этот разумный взгляд на воспитание пустил корни в европейском обществе и положил начало новому периоду в науке воспитания, который по справедливости можно назвать гуманным. Глубоким и горячим глашатаем этих гуманных идей в нашей русской педагогике можно считать Ник. Ив. Пирогова, знаменитого хирурга, прославившегося своими известными «вопросами жизни». Не имея впрочем в виду подробной истории и обстоятельной оценки педагогических идей, внесенных в общество гуманистами, мы считаем однако же необходимым сделать одно замечание насчет капитальной ошибки, допущенной ими в понятии о природе человека и положившей много тени на все их

прекрасные идеи воспитания. Все, что есть в человеке, все что застаёт и открывает в душе его наблюдатель психолог, – все это, по взгляду гуманистов, и входит в состав натуры человека, ему свойственно и естественно, – и значит имеет право на развитие такими длинными педагогическими мерами. Между тем как известно, что в природе человеческой есть много пришлого и случайного, много дурного и испорченного, о чем подробно говорить нам св. религия Христова. Значит не все в природе человеческой подлежит раскрытию и уходу; много напротив надо в ней искоренять и подавлять, – отсюда возникает нужда в репрессивных и строгих мерах при воспитании, которые вовсе хотели бы уничтожить гуманисты и изгнать из педагогики, как нечто ненатуральное. Падения и испорченности натуры человеческой гуманисты как бы вовсе не хотели знать. Так уже на первом пункте, можно сказать в преддверии педагогики, религия оказывается путеводной звездой, указующей единственный путь к истине; ибо она устанавливает единственно верный и здравый взгляд на натуру человеческую, от которого зависит вся судьба, весь успех или не успех целой науки воспитания. Отделивши таким образом верное от ошибочного в вопросе о главной цели всякой науки и всякого образования, перейдем теперь к главному нашему предмету и посмотрим: в чем же именно должно состоять правильное и тройное развитие человека, и что именно в ней подлежит педагогическому уходу. Здесь-то со всею ясностью откроется наша основная мысль, что без помощи религии невозможно правильное воспитание, что она есть главная основа всякой разумной педагогики. С понятием о человеке мы прежде всего связываем понятие о его разумности, и в ней видим его отличительное достоинство, возвышающее его над всеми остальными тварями во вселенной, так что человека постольку и можно назвать сим благородным именем, поскольку он есть существо мыслящее и умное. Деятельность разумной силы нашего духа чрезвычайно рано сказывается в жажде и стремлении к истине и обнаруживается в попытках за внешней стороной наблюдаемых фактов и явлений открыть их сущность и идею. Известно, как подрастающие дети осыпают своих

приставников вопросами насчет всего, что они видят. Скажи им непременно – что, и как, и почему, и для чего все бывает в мире. С укреплением своих умственных сил человек уже начинает чувствовать потребность сводить свои частные идеи к некоторой общей идее, как бы к некоторому разумному центру всего сущего. Итак, первую заботу всякого педагога должно быть правильное раскрытие умственных сил в питомце. Во-первых он должен зажечь в нем искру любознательности, затем – соразмерной и целесообразной практикой сообщить энергию и крепость его умственным силам; наконец указать надлежащую и верную дорогу, по которой уже сам воспитанник должен искать и достигать истины. Этими тремя пунктами исчерпывается вся деятельность педагога при развитии разумной стороны человеческого духа. Что же касается средств для этого, то самым главным, и можно сказать единственным средством служить наука в ее бесчисленных отраслях; ибо ум жаждет знаний, а наука предлагает их в обилии. И надо отдать честь современной педагогике, – как она много сделала по первым двум пунктам, т. е. относительно способов раскрытия и укрепления умственных сил в молодом поколении. Отбросив старинные и тяжеловесные способы обучения, изгнав из школ всякую отвлеченность и неразрывную с нею скуку, она повсюду вводит и наглядность, и предметность, как самое естественное средство заинтересовать только что начинающие работать отроческие умы. Первоначальная легкость умственных приемов и удача в приобретении и накоплении умственного материала рождает охоту и любовь к умственным занятиям и возбуждает благородную жажду знаний в питомце, а это-то и нужно педагогу. Затем постепенно вводя более трудные элементы в умственную деятельность питомцев и изводя их понемногу на поприще самостоятельных умственных трудов, современная педагогика весьма целесообразно развивает энергию умственных сил в питомцах, сообщает им крепость и выносливость – эти необходимые условия серьезного научного направления. Все это конечно прекрасно, и мы должны благодарить Бога, что поставлены в такие благоприятные условия для умственного развития наших детей и изо всех сил обязаны ими

пользоваться. Но вспомним, что есть третий наиважнейший пункт, который всего более должен озабочивать каждого благоразумного педагога при развитии умственных сил в воспитаннике. Воспитанник не только должен быть развит умственно, но и поставлен на прямую дорогу к истине, дабы он сам впоследствии без всякой посторонней поддержки неуклонно шел и успешно достигал истины. Известно, что по той мере, как в голове человека умножаются познания и как ум его начинает чувствовать свои силы, в нем пробуждается стремление обобщать свои познания, подводя их к некоторому общему и исходному пункту, – является сильное желание философствовать. Эта пора самая важная в нашей психической жизни, от нее зависит вся судьба дальнейшего нашего развития умственного. Ибо найти надлежащий средоточный пункт своим познаниям, усмотреть последнюю цель и главный предмет их – все равно, что ходя по темному лабиринту, найти руководственную нить или спасительный светоч. Не от того ли так много людей, по-видимому, весьма ученых, целую жизнь остаются как бы в потемках и лишь ощупью отыскивают истину? Натурально, что, пресмыкаясь долу и в узком круге отдельных научных фактов и наблюдений, они не могут обнять умственным взором всю великолепную панораму мира и усмотреть средоточный пункт ее. А между тем дух человека, стремясь силою научного анализа разгадать и постигнуть безграничное разнообразие бытия, во чтобы то ни стало хочет найти некоторую единую и основную истину. И примечательно, что чем разнообразнее и шире умственный кругозор в человеке, чем он больше постигает частных истин; тем глубже он начинает постигать связь этих истин с заветной для него, но некоторой таинственной и верховной истиной, и тем настойчивее в нем является желание открыть эту истину. Что же сказать об этой таинственной истине, которая так сильно стремится человеческий ум к своему уразумению? Бесцельных стремлений и инстинктов неудовлетворимых, как известно, нет в целой природе. Неужели же одна человеческая природа должна быть некоторым горьким исключением?! Нет, не отвлеченное и беспредметное какое-нибудь стремление, а сама истина самосушая, живая и личная,

– Бог является духу человеческому в его возвышенной идее основной перво-истины! Не потому ли истинно и глубоко ученые мужи всегда были и глубоко религиозные люди? Рассказывают об одном ученом, что он всякий раз благоговейно обнажал свою голову, когда при нем произносилось имя Божие. Говорят еще, что среди астрономов, этих людей изучающих выпрени тайны мироздания, не было и не бывает безбожников. Все это очень вероятно. Ибо ум истинно ученого мужа – с одной стороны поражается величию уразумеваемой истины, ее необъятностью в бесконечном разнообразии сущего, – а с другой он видит ее живую связь с собою и свои родственные к ней отношения. Он чувствует, что с каждым новоприобретенным знанием – все более и более проясняется и наполняется его заветная идея верховной и средоточной истины всего сущего. Весьма естественно, что вся жизнь такого человека принимает некоторый возвышенный и созерцательно-религиозный характер. Мы знаем, что и глубочайшие философы древности были высоко-религиозные личности. Таков был Платон, по философии которого – последняя цель человека есть Бог, как верховное благо. Таков был знаменитый ученик Платона Сократ, самую науку отождествивший с добродетелию; ибо по его философии добродетель есть не что иное как знание, так что мудрец неизбежно есть и добродетельный человек.

Может быть знаменитый муж и философ древности изменил бы несколько свой оригинальный взгляд на науку и добродетель, если бы пожил в наше время и покороче познакомился с нашими учеными людьми. Он увидел бы, что наука не всегда ведет к добродетели, что зачастую бывает совершенно наоборот – «постольку человек и дурен, поскольку и он учен». Что же это, однако, доказывает? Не опровергается ли этим все, что мы сказали о плодах умственного развития? Нет, нисколько. Напротив мы с тем и указываем на печальные примеры некоторых современных ученых, в голове которых знание и религия, наука и нравственность живут в разъединении и даже во вражде, – чтобы этими примерами сильнее доказать – только с отрицательной стороны – ту же нашу основную мысль, что религия должна быть полагается во главу угла, в крепкий и

основной фундамент при умственном развитии человека; что наука сама по себе, без руководства религии, и оказывается обоюдоострым оружием и может приносить весьма гнилые и ядовитые плоды. У этих людей – с набитой всяческими сведениями головой, но с сомнительной и шаткой моралью, – у этих quasi ученых людей не было бы подобного нестроения, если бы с юности религиозный элемент был вводим в их воспитание, и если бы Бог предносился их детскому сознанию не в виде отрывочного и сухого понятия, заимствованного лишь из учебных книг, а в живом образе всеблаготворителя и всемогущего Творца вселенной, любящего Отца и всевидящего Промыслителя о роде человеческом. В разумной педагогике, руководящейся правилами и уставами Церкви Христовой, есть тысячи средств оживить в детских мыслях светлый образ Отца Небесного, и приблизить Его к детскому сердцу. И если бы мы захотели говорить подробно об этих средствах в настоящие минуты, то речь наша затянулась бы слишком надолго. Не можем только не выразить сожаления насчет той легкомысленности и заносчивой тупости, с какою смотрят иногда на эти средства, и как бы нарочито стараются обходить их. Что ж, однако выходит отсюда? Выходит то, что чем больше хлопчут об умственном развитии питомцев, тем жиже и бесцветнее бывает это развитие. Ученых и философов, – худых ли хороших ли, появляется как известно немного. Всего же чаще выходят какие-то безличные существа, вдающиеся – по выражению апостола – всяким ветром учения. Т. е. куда ветер подует, туда и они устремляют свою философию. Является материализм, они спешат под его знамя. Проповедуется социализм, они доверчиво склоняют к нему свой слух. Там откуда-нибудь проникает коммунизм, они очертя голову бегут ему навстречу. Но вдруг повеет откуда-нибудь отрезвляющая струя, какие-нибудь общественные события разрушают призраки, созданные воображением скороспелых философов, и целому свету открывают их вздорность, – и эти философы не прочь запеть другую песню, стать в ряды патриотов и пожалуй провозгласить себя передовыми гражданскими деятелями. Но велика ли цена этой случайной и напускной благонамеренности – кажется и

говорить много не стоит. Не на таких гражданах стоит и держится общество, и не такие люди ему нужны. Невольно вспоминаются при этом меткие слова одного из наших глубоких педагогов (П. Д. Юркевича), что человек должен содержать в себе достаточную долю железа. Эту твердость и прочность нашим убеждениям и всему существу нашему, по словам того же педагога – философа, может сообщить только религия, которую он весьма знаменательно называет носительницей нашей личности, т. е. как бы нянькою, или охраною нашего достоинства человеческого. Итак, если мы не хотим обезличить своих питомцев, и отнять всякую цену у их капитала умственного, – то непременно должны в основу научного их образования полагать религию.

Но, как известно, научным образованием еще далеко не исчерпывается задача воспитания; ибо умственные способности не составляют всего богатства души человеческой. Есть в ней еще другая, не менее высокая и благородная область, которую забыть и оставить в пренебрежении, – все равно что вперед осудить человека на калечество, нравственную чахлость и убожество. Мы разумеем область сердечную. Один сухой и научный анализ может убить всякую жизненность в человеке. С головой, набитой всякими сведениями и с черствым сердцем человек напоминал бы собою уродливого пигмея с ребячьим туловищем и с гигантской головой. Нельзя забывать, что как ум человека стремится к истине, так сердце его жаждет красоты и изящества, и ищет соответственных наслаждений. Эта благородная жажда вполне достойна человека, и есть существенный признак его богоподобного достоинства; так что развивать и удовлетворять ее нужно не потому только, что она есть в нашей душе, а потому, что этим развитием мы помогаем человеку быть тем, чем он должен быть по своей идее, и что – напротив – вставляя в пренебрежении эстетические потребности человека, мы замедляем и затрудняем ему путь к достижению его человеческого достоинства. В самом деле, что такое красота и изящество в их бесконечных видоизменениях и проявлениях? Это блестящие лучи той же верховной идеи, до которой приближается разум чрез постепенный ряд

умозаключений, и которую ищет он силою научного анализа. Но тогда как ум отвлекается от явлений, постигая их частные идеи, чтобы дойти до идеи высочайшей, сердце – наоборот – обретает и созерцает эту идею непосредственно в так называемых прекрасных и изящных явлениях, рассыпанных в природе, и делает ее живою собственностью духа. Сердечною деятельностью, особенно в высших и художественных ее проявлениях, дух человека прямо уносится в мир духовный, и как бы соприкасается непосредственно с бытием высочайшим – подобно тому, как он соприкасается с миром видимым посредством внешних чувств. Здесь-то собственно тайна так называемых эстетических наслаждений, которые мгновенно отрывают человека от его будничных дрязг и житейской суетливости и уносят в какой-то чудный и далекий мир. И чем чаще человек испытывает такие благодатные минуты, тем благороднее становится его душа и чище ее идеалы, и тем дальше она от житейской грязи. Понимая все это, разумная педагогика старается ввести изящный элемент во всю область воспитания. Этот элемент, по ее правилам, должен проявляться прежде всего во взаимных отношениях воспитателей к воспитанникам, в благородстве их обращения, в благоприличии манер и в порядочности всего внешнего поведения питомцев. Изящества требует она (педагогика) от самого обучения, и им хочет по возможности украсить всю внешнюю обстановку школы. Но в особенности много она возлагает надежд на изящные искусства, которые действительно суть – во одно и то же время и превосходные средства к развитию изящного вкуса в человеке, и самое лучшее удовлетворение инстинктивной человеческой жажды прекрасных наслаждений. Однако же и здесь, все равно как и в области научного развития, без помощи и руководства религии разумная педагогика обойтись не может. Ибо одна только религия открывает сердцу человеческому первоверховный источник всякой красоты и всякого изящества одна только она в состоянии приблизить дух наш к этому Божественному источнику, и дать почувствовать ему всю неизреченную красоту Его и все блаженство внутреннего единения с Ним, – и следовательно одна только религия в

состоянии сообщить человеку истинное благородство и неподдельное изящество души. Сошлемся опять на горький опыт людей, выросших вне религиозных влияний, хотя они с детства окружены были всевозможным изяществом, и, хотя сделано было все для развития их художественных способностей. Правда, чутье ко всему изящному в природе и искусствах иногда бывает у них необыкновенно тонко, и понимание законов красоты весьма глубоко; но вследствие необыкновенно развившейся и ничем не управляемой жажды к наслаждению, эти люди привыкают мало-помалу считать удовольствие единственной целью своей жизни; хотят жить только для того, чтобы наслаждаться, не делая строгого различия между наслаждениями, и – вследствие ниспадения человеческой природы в чувственность – и всего чаще погружаются в чувственные наслаждения. Возьмем и в пример даже чистых художников. Вот эти люди специально уже изучают искусство, тщательно подсматривают все прекрасное в природе и все свое время посвящают художественному творчеству. Кому, однако же не известно, что имя художника сделалось у нас почти синонимом человека неряшливого, беспечного, легкомысленного, и вообще способного на всякое излишество? Конечно, иногда ради остроты и комизма, к типу художника примешивают некоторые смешные краски; равно как и наоборот – люди распушенные и беспорядочные часто совершенно неосновательно любят драпироваться в тогу художников, вовсе им не принадлежащую. Но в основании этого комизма есть все-таки верный факт, замечаемый в большей части людей, специально служащих искусству, – факт непререкаемо доказывающий ту истину, что искусство само по себе еще не ведет человека к изяществу, равно как и путь научный не всегда есть путь к истине. Наши знаменитые поэты и литераторы, равно как и скульпторы и живописцы, весьма грубо иногда грешат в своих произведениях против здравого вкуса, вдохновляясь для создания таких картин, которые далеко не идеального свойства, и лишь будят в зрителях и читателях животные инстинкты. Перлы наших художественных созданий блещут иногда самыми нехорошими красками, и не мало

заносят всяческой грязи в молодые и невинные души. Еще с большим нравом мы можем сослаться на грустный пример неисчислимого множества людей, которые хоть и не художники, но целую жизнь проводят среди самой изысканной обстановки, с детства дышат, можно сказать, изяществом, и чуть ли не главную цель жизни ставят приятность и порядочность во всех своих даже мелчайших жизненных отношениях. И что же? Иногда единственным плодом такого тщательного воспитания бывает весьма дешевая сентиментальность, слабонервная слезливость или брезгливое отвращение от всего резкого и некрасивого. И это еще не самое худшее. Но как часто под этой внешней элегантностью и так называемой аристократической бонтонностью скрываются самые грубые инстинкты, самые нечистые страсти и самые зверские обычаи! В этом случае разум, как сила слабейшая и подчиненная, делается рабом развращенного сердца. В угоду ему он придумывает различные остроумные и замысловатые теории человеческой жизни, совершенно оправдывающие и узаконяющие животные стремления чувственности. Так произошли все эти древние и нынешние и материалистические и эпикурейские воззрения на жизнь. Неприятно, да и нет особенной нужды распространяться об этих прискорбных фактах. Мы приводим их лишь в доказательство той важной истины, что самое широкое развитие сердечной стороны в человеке, веденное по всем правилам педагогики, не спасет человека от нравственной тли и безобразия и само по себе не сделает его истинно благородным человеком. Только святая религия Христова может сообщить всей жизнедеятельности человеческой истинную грацию, ибо она создает действительную красоту душевную, а не напускную слезливость и мелкую чувствительность. Смотрите на светлый лик Спасителя, исполненный божественной силы и величия, и в то же время сияющий неизреченною любовью к человечеству, смотрите и благоговейте пред ним все педагоги! Более чистого и высокого идеала вы не найдете для своих целей, – приближайте же к нему своих питомцев! Научайте их любить природу и в ее красках находить отблеск божественной красоты ее Творца. А для сего чаще открывайте с ними святую книгу

божественного откровения, принесенного с неба самим Спасителем человеческого рода. Потрудитесь и сумеете держать питомцев под непрерывным влиянием этой святой книги, – и она облагодатствует их душу и внесет самый драгоценный аромат чистоты и невинности в их сердце.

Нам остается сказать о третьем, завершающем пункте воспитания. Развивши ум, облагородивши сердце своих питомцев, воспитатель все свое тщание должен сосредоточить на укреплении их воли в добром нравственном направлении. Можно сказать, что все предыдущие цели и старания педагогические суть только приговорительные и вспомогательные к этой главной воспитательно задаче. Для того и ум надо развивать в человеке наукою, для того и сердце его смягчают и облагораживают искусством, чтобы заставить его полюбить добро, сделать человеком добропорядочным, с тяготением к добру и с определенным нравственным характером, сильным на борьбу со злом и пороком. Конечно, человек тогда только вполне соответствует своему назначению, когда он развит всесторонне, т. е. когда он и умен, и изящен, и добродетелен. Но уж если судить относительно и сравнительно, то важнее всего быть человеку добродетельным; ибо от этого последнего обстоятельства безусловно зависит его человеческое достоинство, равно как и его окончательная судьба, – тогда как от первых двух только под условием его добродетели. Поставьте рядом человека с громаднейшей эрудицией и с утонченным вкусом, но с безнравственной и злой волей, – и другого человека, которого неприветливая судьба не допустила – положим – вовсе до науки, равно как и не позволила видеть красных дней в его суровой и неприглядной жизни, но у которого однако же чиста совесть и жизнь исполнена добродетелей; можно ли поколебаться хоть на минуту в выборе, и в последнем человеке не узнать тотчас же истинного человека; достойно носящего и это высокой имя? Не беда, что он не учен; ибо за этой скороечною жизнью, где по крошкам собирают наши ученые свои сведения, настанет другая бесконечная жизнь, где уму человеческому открыты будут самые широкие и легкие способы ведения, – и этот бедный и неученый

простец может быть в наикратчайшее время перегонит всех здешних ученых, сложенных вместе. Не велика потеря и в том, если тонкие удовольствия и наслаждения искусства не были доступны и известны этому добродетельному простолюдину в продолжении всей его жизни; там, в другом мире – ждут его и несравненно лучшие и высшие наслаждения, которые с избытком вознаградят его за эту ничтожную частицу времени земной его жизни. Но вот беда, если человек свою испорченность и развращение перенесет и за пределы гроба, где злая воля его будет развиваться и падать в этом несчастном направлении с возрастающею скоростью квадратов расстояний, как говорят математики, – вот это истинная беда! Осатанение и отчаяние, на которое осуждены падшие духи – вот какая горькая перспектива ждет этих несчастных людей! Но чем важнее это обстоятельство для педагога, тем глубже он должен почувствовать ту великую и ничем не заменимую услугу, какую может для него в этом случае оказать религия. Ибо ни более истинных и чистых понятий о добре, ни более сильных побуждений для добра, ни таких средств и сил для совершения добра, – ничто не может дать, как религия и вера Христова.

Конечно, в природе человека есть некоторые врожденные понятия о добре и естественное к нему тяготение, не умирающее даже в самых потерянных людях. Детей, как известно, никто не учит сострадательности, ласковости, доброжелательству и многим другим прекрасным качествам, которые они обнаруживают просто по своей невинной детской натуре. Известно также, что самый отъявленный вор уважает все-таки честность. Пьяница проклиная свою несчастную страсть и мечтает о трезвости. Грязный сластолюбец вздыхает о своей загубленной юности и восхваляет чистоту и воздержание и т. д. На этом основании и апостол Павел говорит даже об язычниках, что они, *закона не имущие, естественном законная творят* (Рим. 2:14). Так что воспитатель, искусно развивая и укрепляя естественное стремление к добру в своих питомцах, может сообщить некоторые добрые навыки их воле. Однако же, если бы он захотел ограничиться в этой своей деятельности лишь теми правилами и законами, которые нашел бы готовыми

только в натуре своих питомцев; то не далеко увел бы их по пути нравственного совершенства. Воспитатели этого обыкновенно и не делают, незаметно для себя подчиняясь тем высоким христианским идеям, которыми дышат сами, – хотя подчас и прикидываются неведущими той святой книги, из которой льются эти идеи в общественное сознание. Но чтобы видеть, как невысока естественная мораль человеческая, надо отрешиться несколько от настоящего и справиться с историей. Известно, какими спутанными понятиями о добре и зле отличался древний языческий мир, и какие гнусные сцены творились в самых храмах и у подножия алтарей языческих богов и богинь. Обоютворялись самые грязные страсти человеческие, и разврат возводил был в религиозный культ. Эта тьма и спутанность языческой морали отражалась самым мрачным образом на всей общественной жизни древнего мира. О том, что творилось в языческой Греции и Риме, *не леть есть и глаголати* (2Кор.12:4), по выражению Апостола. Самые философы языческие, эти лучшие тогдашние люди, – при невероятных – можно сказать – усилиях разогнать окружавшую их тьму и поставить свое общество на лучший путь, допускали в своих нравственных философемах такие странности и нелепости, которые – с нашей точки зрения – просто несовместимы кажутся с правилами здоровой и чистой морали. И эти странности находятся даже у таких философов, как Платон, Сократ и Аристотель. Но если поставить рядом с языческими учеными и наших современных моралистов, воспитанных на идеях чистого рационализма, то еще весьма сомнительно, кто из них кого превосходит. Разве и ныне не проповедуют законность всего, к чему стремят человека его природные инстинкты? Разве и ныне все взаимные человеческие отношения не сводят к одному узкому и эгоистическому принципу личного блага, а все неурядицы общественные и даже преступления не оправдывают так называемой борьбой индивидуумов за личное существование? Если мы к этому присоединим взгляд нынешних коммунистов на право собственности, на семейство и на взаимные отношения между разными классами и лицами общественными, если приведем

себе и на память, как современные образованные люди, по всем правилам так называемой рыцарской чести, хладнокровно убивают друг друга, то право не будет большой ошибки, если мы скажем, что понятия о добродетели и чести совершенно извратились и стали вверх дном в многоученых головах этих мудрецов, – которые однако же норовят заправлять судьбами обществ, вести их за собой по пути прогресса. Не далеко ушли бы общества человеческие за этими, по истине слепыми вождями, и не здоровые, а гнилые и растленные поколения воспитались бы в школах у этих грубых педагогов. Весь род человеческий давно бы пришлось снова либо смыть с лица земли волнами потопа, либо истребить огнем Содомы и Гоморры, если бы сам воплотившийся Господь Бог не пришел на помощь к людям, не принес для них с неба нового и лучшего закона, и не указал бы пути к высшему совершенству нравственному. И этот божественный закон Христов, проповедующий самую чистую и бескорыстную любовь к ближнему и повелевающий любить даже врагов своих, на веки вечные будет руководственным светилом для падшего человечества – погрязшего в эгоизме. И ничего лучшего и более совершенного никогда не выдумают все мудрецы мира сего, и нынешние, и будущие, даже сложенные вместе. Все лучшее и гуманное, чем могла бы похвалиться современная цивилизация, и чем действительно она похваляется, как своим изобретением, – находится на каждой можно сказать странице святого Евангелия. Не ясно ли, что для внесения в душу воспитанников чистых и здравых понятий о добродетели не может быть лучшей книги, и что с нее начинаться и ею же и завершаться должно обучение и воспитание и наших юношей?...

Но если воспитатель не мог бы похвалиться широтой и чистотой понятий о добродетели в своих питомцах, если бы он вздумал опереться на одних только их природных и инстинктивных стремлениях к добру; то еще менее он мог бы в этом случае дать надлежащих побуждений для добродетели своих питомцев. Ибо на чем бы пришлось ему тогда основывать все свои правила и предписания нравственности? На одной только отвлеченной идее долга, которую на все лады и

стараятся обыкновенно развивать и внушать воспитанникам ученые педагоги. «Ты это должен, потому что это хорошо; ты этого не должен, потому что это унижительно и недостойно человека». В состоянии ли эта сухая и холодная идея, как ни хороша она сама по себе, оградить воспитанников от дурных инстинктов, с которыми рождается каждый человек и которые растут в нем и развиваются вместе с физическим ростом? Спасет ли она юношескую добродетель от тех случайностей житейских, которые иной раз требуют чистого героизма от человека, чтобы не пасть под их гнетущей и искусительной силой? А между тем святая вера указывает в подобных случаях на Господа Бога, который видит все наши деяния, даже сокровенные мысли и движения сердечные, как хорошие так и дурные указывает на другую лучшую жизнь, которой конца не будет, и где произойдет нелицеприятная расправа со всеми беззакониями людскими, и где добродетель, по-видимому совершенно безнаказанно гонимая на земле, получит полную свою награду. Кого не в состоянии поддержать и утешить эти отрадные и светлые верования? И конечно, если бы эти верования покрепче прививаемы были к нашему юношеству в период их воспитания, то мы реже и реже видели бы эти печальные опыты их легкомысленного отношения к жизни, их преждевременного разочарования, тоскливой и беспредметной хандры и нравственной вялости, о которой то и дело доносят нам современные газеты и журналы. С такими безотрадными задатками, что может выдти утешительного впоследствии из этих уродливых и надломленных юношей?

Итак, ни истинных понятий о добре ни надлежащих побуждений к добру не может дать одна наука воспитания без помощи религии. Что же касается тех благодатных и таинственных средств, которые сообщает человеческой воле св. религия Христова для совершения добра, то об них уже и говорить нечего. Об них наука не имеет никакого понятия, даже представить себе не может. А между тем святая Церковь, возрождая растленных и падших людей в водах крещения, сообщает им новую облагодатствованную природу и облакает во Христа Спасителя, по выражению Апостола, т. е. она вводит

человеческую природу в самые живые и внутренние сношения с Божеством и прививает ее посредством таинств, как дикую розгу к плодоносной маслине, к божественной природе воплощенного Бога-Слова. Ничего этого, конечно, знать не хотят ученые и неверующие люди, и может быть даже трактуют все это, как юродство. Но им же хуже. Сказал нам Спаситель один раз навсегда, что *как ветвь не можешь приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне* (Ин. 15:4), и это слово Спасителя воочию нашу подтверждается в наше многоученное, но слабо верующее и легкомысленно-индифферентное время. Все только ладят и пишут о добродетели и гуманности, – между тем как благих плодов ее видится чрезвычайно мало. Все только размышляют о просвещенной любви к меньшим братьям, коснеющим во тьме безграмотности и разных пороках, а между тем продолжают кидать сотни и тысячи на свои только удовольствия и притом весьма и весьма неблагоприятного свойства, а на ближнего по-прежнему махают рукой. Провозглашают о наставшем, будто бы, служебном бескорыстии и гражданской честности, а между тем интригуют на службе и подставляют друг другу ноги по-прежнему, и случаев, где можно пожить насчет ближнего или насчет казны, тоже не опускают, как слышно. Обмана, развращения, эгоизма, ветрености, всяческих низостей и вообще животности еще тьма-тьмущая, как говорится, во всех наших общественных слоях. Об этом отчасти можно судить по едкости и широте сатиры, которой растворена, можно сказать, вся современная литература, не говоря уже о специальных сатирических журналах. Очевидно, что общество само себя бичует беспощадно за разное зло, к сознанию которого оно данным давно пришло. Но где взять сил к излечению этого зла и скоро ли наконец подымится уровень общественной нравственности? Долго придется ждать этого и все дело может ограничиться одними ожиданиями, благими предначертаниями и инструкциями, если не поймут наконец, что следует обратиться к святой религии Христовой и к воспитательному влиянию Церкви Православной. Пора, пора, – давно пора! В особенности пора преобразовать наше воспитание как общественное и

школьное, так и домашнее, и поставить его на новых, строго религиозных и православных началах. Говорим в особенности, потому что от характера и направления молодого поколения, растущего в школах, зависит судьба и характер целого общества.

С истинным удовольствием приветствуем благие начинания правительства в преобразовании наших школ и от души сочувствуем его заботам о поднятии религиозного и национально-православного духа в учащейся молодежи. Наше сочувствие не могут конечно не разделять все благомыслящие, и истинно образованные и развитые люди. Приглашаем всех, в особенности же наставников, свое сочувствие доказать на деле добрым нравственным влиянием на питомцев, а отцев и матерей убедительно просим оказать нам свое посильное содействие. Ибо если много кой-чего не может сделать школа, то семья все может. Даже потому и бессильно в многих случаях оказывается школа, что ей не сочувствует семья. Надо дружно и единомышленно взяться за общее и для всех одинаково дорогое дело воспитания нашего юношества в религиозном и православном духе. Средства и приемы для этого весьма разнообразны и значительно разработаны в педагогике нашей. Но важнее всего то, если мы воодушевимся одной общей и согласной идеей.

Поучение воспитанникам владимирской гимназии, в день св. благоверного и великого князя Александра Невского (23 ноября 1873 г.)

Иго Мое благо, и бремя Мое легко есть (Мф. 11:30)

Так говорит Господь о Своих заповедях, – они легки, они прекрасны! Наша совесть внушает нам почти тоже самое. Едва ли найдется такой человек, который бы не согласился в своей мысли и душе, что ничего не может быть прекраснее и выше добродетели. Едва начинающее мыслить дитя и то уже знает, что худо и что хорошо, и хорошим называет именно добродетель. И наоборот – отъявленные и, по-видимому, пропащие грешники и миролюбцы, наедине с своею совестью грустно мечтают о добродетели, и хотя издали, но поклоняются ей, как светоносному и недоступному для них идеалу. Вот насчет легкости заповедей Божиих, – дело другое. Большею частию они кажутся нам тяжелыми и неудобоисполнимыми. Иной раз посмотришь, чего-чего только люди не терпят в жизни, и, однако же находят в себе каким-то образом силы переносить эту жизненную тяжесть, а бремени Господня на себя все не берут и не берут. Как-будто все можно вынести, все перетерпеть – кроме заповедей Господних. Что за странность такая? Если так прекрасна добродетель и так рано мы ее узнаем, значит она свойственна нам; а что нам свойственно, то не должно бы быть для нас трудно. Ясно, что случилась с нами какая-то беда и порча; ибо если все твари в мире, живут согласно с своей природой, то и нас Господь не мог поставить в такое явное и тяжелое противоречие с нашей природой. Так приходим мы путем простого размышления к христианскому догмату о падении человека. Историю этого падения с его печальными последствиями, думаем, всякий знает так что и распространяться об этом не следует. Подумаем лучше о словах Господних, что бремя Его, т. е. заповеди Его легки суть.

Если Господь сказал так, – значит это верно; значит заповеди Господни могут быть легки, хоть и кажутся тяжелыми для грешной, падшей природы нашей. А если так, то наша и прямая обязанность употребить все свои силы, чтобы облегчить для себя благое бремя заповедей Господних. Есть две главные причины, которые делают тяжелым для нас исполнение воли Божией, и с устранением которых святое бремя заповедей Господних действительно оказалось бы для нас легким. Первая причина самая общая и обыкновенная: это – лень и вялость наша. Не хочется и боязно дотронуться до бремени Господня; ну и, кажется, оно чрезмерно тяжелым. Лень испробовать свои силы; ну оне и вянут и слабеют от непривычки к нравственному труду, от праздности. Если бы еще эта праздность и ничего неделание для заповедей Господних были только потерей времени и лишь отдаляла бы срок, с которого мы могли бы при первой святой решимости тотчас взяться за дело, то в и этом была бы, можно сказать, только половина беды. Но нет, в эти длинный промежутки, пока мы все раздумываем и собираемся приняться за дело Господне, в нас крепнут и разрастаются грешные привычки, которые постепенно забирают и нас в свои руки, а течением времени окончательно нас поработают. Не вспаханная и не разработанная земля не просто только не приносит благих плодов, но зарастает тысячами сорных трав и кустарников, которые приходится потом большими усилиями исторгать и распахивать. Тоже бывает и с людьми. Пока они еще юны и невинны, сердце порывается ко всему доброму и прекрасному, в голове чистые и святые идеалы и душа – как добрая почва – ждет только благих семян, чтобы зацвести и заколоситься прекрасными делами. Но день за днем уходит как-то неуловимо в суете; в праздных порываниях и мечтах, или даже в научных трудах пополам с забавами и рассеянием, без живых связей с Господней Церковью, вне ее благодатного влияния, и глядишь – в непорочном сердце дитяти и юноши появились разные грешные корешки, потом они углубились и переплелись, затем образовали довольно густую и затверделую чащу разاخ нечистых и суетных наклонностей; и вот бремя Господних заповедей столь легкое и благое вначале, начинает

казаться человеку жестким, неприятным и непосильным. Пожалеет человек несколько времени о бесплодно затраченных своих силах, вспомнит свою пролетевшую подобно светлому призраку юность, может быть не один раз вздохнет в своей душе, потом махнет на все рукой и беспечно и апатично станет в ряды обыкновенных грешных людей и вместе с этой толпой все глубже и глубже начнет погружаться во всякую житейскую грязь. Вот как обыкновенно слагается тот широкий путь, которым идет большая часть людей, и о котором говорит слово Божие, что он ведет в пагубу!...

Есть и другая причина, по которой благое и легкое бремя заповедей Господних делается для людей непосильным и тяжким. Причина эта совершенно другого и даже противоположного характера с первой. Там лень и апатия, а то бывает и ревность не по разуму. Иногда люди вдруг хотят сделаться праведниками и праведность сию, к которой призывает нас Господь, представляют себе не иначе, как в виде тех необычайных правил подвижнических, которые выработали для себя и исполняли в своей жизни святые отшельники и пустыnnики. Пренебрегая обыкновенными требованиями долга и приличия и считая за ничто те мелкие, так сказать – житейские добродетели, из которых обыкновенно слагается добропорядочность нашего, поведения на службе, в обществе, в товариществе и в семействе, – эти люди рвутся как можно выше, ищут борьбы и подвигов, хотят быть героями добродетели. Обыкновенно эта ошибка случается в молодости, когда человек сознает в себе богатство сил, принимается за все сгоряча и когда все кажется так просто и легко. Он хочет быть сразу воплощенной честностью, образцом бескорыстия, высоким примером гуманности, справедливости, самоотвержения и прочих добродетелей. Несколько неудачных опытов на пути добродетели по такому самодельному плану скоро разрушают очарование. Оказывается, что в нашей природе не находится достаточно естественных сил для осуществления прекрасных идей добра, что добродетель достается не вдруг и не так легко и просто, а достигается постепенно, непрерывным подвигом, или – как выражается

слово Божие – *Царствие Божие нудится*, и только *нуждницы*, т. е. усиленные и постоянные искатели, *восхищают* его. (Мф. 11:12). Озадаченный трудностями такой усиленной борьбы и, убедившись на опыте в своей слабосилии, человек тоже весьма часто махает на все рукой и незаметно попадает в ряды тех малоценных, бесхарактерных и ничтожных людей, которые далеки от Царствия Божия и которыми кишит так называемый мир, т. е. общество грешных людей, враждебных Царствию Божию или Церкви Христовой на земле.

Как же теперь быть нам, чтобы не попасть в толпу этих пропащих людей, как сделать для себя удобоносимым и легким благое бремя Христова? Понятно, что надо постараться избежать обеих указанных крайностей, ибо царский путь закона Христова лежит в середине этих крайностей. Во-первых, стряхнем с себя сонливость и беспечность, и не раздумывая долго – теперь же благословясь возложим на себя иго Христова, и мы увидим, что оно вовсе не так тяжело, как представляется для нашей чувственности. Чем дальше мы будем отлагать эту святую решимость, тем труднее будет впоследствии привести ее в исполнение; даже самая эта решимость все будет слабеть и слабеть и может вовсе исчезнуть, и святое бремя закона Христова совсем скроется у нас из виду за множеством житейских развлечений, хлопот и обязанностей, которые будут громоздить для нас суету времени и жизнь общественная. Но не будем на первых порах и задаваться слишком многим, а скромно, считая себя людьми обыкновенными и житейскими, начнем именно с тех мелочей, из которых слагаются наши ближайшие обязанности. В них то именно и кроется тайна всех наших будущих успехов на пути добродетели. Если бы мы строже относились к этим так называемым мелочам, т. е. к нашим ближайшим житейским обязанностям, то мы все бы легко делали героями добродетели. В этом случае я главным образом имею в виду ваш ученический быт, ибо в нем пока идет почти вся ваша нравственная жизнь. Определите для себя как можно отчетливее, и разложите на подробности ваши ученические обязанности, – и окажется, что в этих-то подробностях и состоит для вас закон Христов, а ваша школа в

маленьком виде изображает ту обширнейшую арену, которая зовется жизнью общественной и на которой со временем потребуются от вас серьезные подвиги добродетели. Первое дело ученика, как известно, учиться. Старайтесь же учиться столько, сколько вам позволяют ваши природные силы. Не позволяйте себе оставлять ни одного урока недоученным, или выученным кое-как, не отлагайте его на после и не успокаивайте себя тем, что вы не будете сегодня спрошены учителем, а учитесь по долгу и совести. В этом случае вы будете исполнять закон Христов и нести на себе иго Христово. Не говоря о том, что вы разовьете таким образом свой ум и укрепите свои нравственные силы, – вы приобретете великую и драгоценную добродетель трудолюбия, с которой вы будете способны на все прекрасное впоследствии. Затем живя в школе, вам поминутно приходится подчиняться разным дисциплинарным правилам и порядкам; и подчиняйтесь им благодушно, безропотно и весело. Благоразумная дисциплина есть наилучшая практика для вашей еще не окрепшей воли, влекущейся туда и сюда, смотря по характеру окружающих вас впечатлений. Заклучая в известные границы ваше время и ваши занятия, ваши труды, и ваш досуг, она дает определенное и благообразное течение всей вашей жизни, а известно, что порядок и мера суть наилучшие задатки всяческих успехов. Эту дисциплинарную школу, проходили на первых порах и великие подвижники христианского благочестия, желая развить в себе добродетель христианского смирения и послушания. Известно, например, как св. Иоанн Дамаскин, этот святой певец с нежной и чувствительной душой, безропотно подчинялся всем суровым приказаниям своего старца-воспитателя; но за то и вышел впоследствии непоколебимым адамантом православной веры и благочестия. Не думайте, чтобы послушание и чувство подчиненности разным установленным порядкам и правилам были только монастырские добродетели, напротив без них нельзя обойтись ни в каком благоустроенном обществе. Там, где каждый воображает себя маленьким центром, около которого все должно вращаться, там все пойдет вверх дном. Кто не научился быть полезным в качестве подчиненной и служебной

силы, тот не может быть истинно добродетельным человеком, ибо всякая добродетель, в сущности, есть самоотречение и состоит в подчинении своей чувственности и самолюбия долгу и воле Божией. Вот нравственное значение вашей учебной дисциплины! Далее, – живя в обществе товарищей, вам тысячекратно приходится входить друг с другом в различные отношения: то нуждаться в пособии товарищей, то самим оказывать это пособие и содействие; то обещать и советовать что-нибудь, то самим рассчитывать на честность и сочувствие товарищей; то выслушивать откровенную товарищескую беседу, то самим делиться с товарищами своими надеждами и думами и т. д. Пусть же во всех этих мелких и неисчислимых случаях ваши товарищеские отношения будут запечатлены у вас характером благородства, добросердечия и порядочности, и это будет верным знаком, что вы живете и ходите под игом Христовым. Дал ли ты слово товарищу? сдержи его. Замечаешь ли в нем недостатки? не унижай его и не кичись пред ним. Чувствуешь его превосходство над собою? гони прочь из своего сердца зависть и недоброжелательство. Видишь его грусть и досаду? ослабь и смягчи их своей теплой и сочувственной беседой. Открывает он тебе свою душу? помоги ему своим добрым влиянием, но берегись злоупотреблять его доверием. И ему и тебе в одно и тоже время нужна какая-нибудь вещь, книга, учебное пособие? Сделай усилие подождать и уступить в его пользу. Если бы вы постарались установить такие прекрасные между собою отношения и усиливались бы каждый с своей стороны строго беречь и соблюдать их, то ваша школа подготовляла бы вас не к науке только, а была бы наилучшею практикою добродетели. И великие столпы веры и благочестия христианского не отказались бы принять вас в число своих учеников. Так из совокупности самых простых и ближайших обязанностей ученических и товарищеских слагается благое иго Господне и легкое бремя Его закона!...

Но речь наша не была бы кончена и можно бы даже ввести вас в ошибку, если не присоединить еще следующего примечания. Как ни легко и ни просто, казалось бы, взять на себя благое бремя Господне, однако же, чтобы взять его на

самом деле и возложить на себя, для этого необходима все-таки благодатная помощь Господня. На свою добрую волю да на собственные силы и не воображайте надеяться. Ваша добрая воля и ваши прекрасные намерения могут остаться при вас, а жизнь пойдет своим грешным чередом. Наш постоянный враг, которого мы носим и лелеем в своей собственной груди, наше самолюбивое я станет мешать нам на каждом шагу и постепенно убьет всю нашу святую энергию. И потому наш всеобщий долг усиленно, держаться за ту милосердную и всемогущую десницу, которую предлагает нам сам Господь Спаситель. Где же обрести Ее? В св. Церкви. В ней Господь заключил для нас *вся Божественные силы Его, яже к животу и благочестию* (2Пет. 1:3). Главные средства, чрез которые сообщаются нам эти силы, это суть Таинства Церкви. Но это чрезвычайные, и таинственные средства, которыми пользуемся мы не всегда, хоть и могли бы пользоваться ими весьма часто. Но самый дух Церкви, ее святые правила и уставы, вот что надо нам усвоить и перенести в свою жизнь. По ее указаниям и по ее святому плану начертим себе жизнь свою и станем держаться этого плана без самодельных поправок, дополнений и изменений; иначе мы опять собьемся с пути истины, и не сумеем быть тем, чем бы хотели. Молитвенный и богослужебный характер, по наставлению св. Церкви, должен растворять все наше поведение. Это не значит, чтобы вы совершали длинные молитвословия и присутствовали при всех Церковных богослужениях, – в вашем положении это для вас невозможно, но мысль и памятование о своем Спасителе должно быть близко вашему сердцу и молитвенным обращением к Нему вы должны начинать и растворять всякое свое дело: вот что это значит Аминь.

Слово в день восшествия на престол Благочестивейшего Государя Императора, Александра Николаевича (19 февраля 1874 г.)

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Приятно видеть вас, братие, всякий раз, когда вы собираетесь сюда – в храм Божий – в особенно многочисленном и избранном обществе. Когда мы выходим к вам в этих случаях с словом поучения, в нас естественно возникает желание сказать вам что-нибудь наиболее жизненное, наиболее вас касающееся и прямо к вам относящееся. Нам представляется, что, задаваясь такими целями, мы идем навстречу вашим собственным желаниям и ожиданиям; ибо, что за интерес возвращаться в области отвлеченных и общих, хотя и назидательных, вопросов, которые, конечно, никого не затронут, но, разумеется, и пользы никому не принесут? При всем том мы откровенно должны сознаться, что, понимая всю важность и серьезность проповеднической задачи, мы чувствуем однако же некоторое смущение всякий раз, когда приходится исполнять эту задачу; потому, что чем более жизни и прямоты в проповедническом слове, тем более есть опасности, что оно не будет приятно. Нас могут упрекнуть, отчасти мы даже и испытали эти упреки, будто бы мы касаемся таких вещей, которые не имеют прямого к нам отношения, т. е. проще сказать вмешиваемся в чужие дела и мелочи житейские. На случай таких упреков просим вас убедительно отделять нашу скромную проповедническую личность от священного и всеобязательного голоса Церкви, которой мы лишь смиренные служители и послушники. Мы говорим только то, что могла бы сказать вам она. Чего же она не должна говорить вам, и есть ли такая мелочь, которой она могла бы не коснуться, если эта мелочь имеет связь с делом вашего нравственного преуспевания? Вот и теперь мы именно хотим вести беседу об одной из таких мелочей. Мелочь эта – карты, вот те самые, в которые играют,

которые стали таким обыкновенным, любимым и всеобщим занятием в часы досуга и безделья, и которые подчас так много поглощают у людей их делового и драгоценного времени! Карты, как странно звучит это слово под сводами храма Господня, оглашаемого священными песнями и молитвами! Но что делать, когда есть нужда говорить об них, когда эта мелочь сказывается далеко не ничтожными последствиями в нашей общественной и нравственно-религиозной жизни. Уделите же нам несколько минут вашего внимания!...

Прежде всего мы считаем нужным оговориться в предупреждение всяких недоразумений и пререканий. Пусть не упрекают нас в односторонности и узкости взгляда на обязанности житейского человека и в излишней строгости к его удовольствиям и развлечениям. Мы очень хорошо знаем, что человек не ангел; что непрерывно держаться в сфере одного серьезного и важного ему невозможно; что веселье, игра и удовольствие ему по временам столь же бывают нужны, сколько разнообразие в пище для поддержания бодрости и энергии его духа. Известно, что колеблющиеся волны дают жизнь и движение огромной массе вод; дуновение ветра разносит свежесть и прохладу в атмосфере, которой мы дышим. Мы готовы признать именно такое освежающее значение в человеческих удовольствиях и развлечениях. Но во первых всякое развлечение, чтобы достигало указанной почтенной и истинно человеческой цели, должно все-таки содержать в себе некоторого рода духовную пищу в одно и то же время и легкую и питательную для человеческого духа, конечно соответственно возрасту, наклонностям и темпераменту человека. Т. е. игра и развлечение не должны быть бесцельною тратой или убиванием времени, а должны приятным и достойным образом действовать на воображение и чувство человеческие, дабы, живя на некоторое время преимущественно этими прекрасными и нежными своими способностями, человек нашел успокоение от своих умственных трудов, или невзгод житейских. Короче: игра и удовольствие должны носить на себе печать человеческого достоинства. Такое понятие об этом предмете можно найти в любом рационально составленном

педагогическом руководстве. Приложим это понятие к карточной игре. Какая в ней пища для воображения и чувства человеческого? Изящных образов и картин, кроме примелькавшихся значков и фигур, нет никаких. Интересных психологических случаев и явлений, вызывающих на размышление и пробуждающих идеальные мечты и отрадные надежды, здесь тоже нет, кроме монотонно и бесконечно повторяющихся сочетаний различных мастей. На зеленом карточном поле не растет, как известно, и не цветет никаких цветов и в карточной атмосфере не слышится никаких особенно приятных звуков или благовоний, кроме разве табачного дыма, да сдержанно недовольных, а иногда и бранчивых слов играющих. А между тем посмотрите, как это развлечение крепко усаживает, или точнее приковывает людей к одному месту. По их серьезным лицам видно, что они напряженно мыслят; по их сухим и отрывочным фразам видно, что они волнуются, хоть и прячут друг от друга эти свои волнения; по их притворному смеху и напускной веселости и вообще по их нестройным и нервным движениям видно, что кровь у них течет быстрее обыкновенного и что это именно обстоятельство и имеет для них какую-то втягивающую и увлекающую силу. Что-же оказывается, при занимательном наблюдении? Оказывается, что просто корысть-деньги составляют тот секрет, в котором заключается обаятельная сила карточной игры. Оказывается, что это верно не по отношению только к страстным и записным и игрокам, но к играющим вообще. Возражать против этого кажется трудно. Ибо кто же видал, чтобы люди засиделись за картами, когда игра идет безденежная? Увлекает и волнует людей непременно интерес, хоть ничтожный, копеечный, а все же интерес. С исчезновением этой копейки пропадает и весь интерес игры, и карты бросаются, как вещь сама в себе ни к чему ненужная и бесполезная. Не все конечно играющие суть игроки и не все играют с корыстной жаждою приобретения; но несомненно то, что во всяком человеке даже и некорыстном, когда он садится за карты, загорается, – так в виде незаметной и чуть-чуть тлеющей искорки, – желание выиграть и нежелание проиграть, по той естественной причине, что первое приятнее

последнего. Судя по характеру и по ценности игры, эта искорка может усилиться и иногда весьма ярко и неожиданно вспыхнуть, чтобы потом опять исчезнуть до нового возбуждения. На такие вспышки человеческая натура, как известно, весьма способна. А давайте им, этим вспышкам хотя изредка пищу, и человек будет уже искать случаев, где бы поиграть! Из всего этого выходит наружу та несомненная хоть с первого раза и незаметная может быть истина, что карточная игра даже в самом простом и, так сказать, невинном своем виде, содержит в себе вредное начало, и что если карточное удовольствие разложить на его составные элементы, то на дне и в основании его получаются деньги и корысть; а подобного рода удовольствия едва ли можно назвать достойными человека...

Есть и еще признак, или условие, ради которого за человеческими удовольствиями и увеселениями можно признать известную долю доброго и воспитательного значения. Признак этот состоит в том, дабы удовольствие имело характер временного отдыха и дабы оно столько брало у человека времени от его серьезных обязанностей, сколько именно нужно для восстановления его нравственно-духовных сил, утомленных серьезными трудами и работой. В противном случае, т. е. если забавы и развлечения, в чем бы они не состояли, будут поглощать у человека значительную и может быть лучшую часть его времени; если для этих забав и развлечений человек будет урезывать время от своих прямых и серьезных обязанностей; если он с волнением и нетерпеливым беспокойством дожидается тех заветных минут, когда он может предаться своим любимым забавам и удовольствиям, – в таком случае исчезает всякое нравственное значение этих забав и удовольствий, ибо они делаются целью человеческой жизни, тогда как им нужно бы только быть средством для наилучшего и многоплодного перенесения серьезных жизненных трудов и работ. Всем время, и время всякой вещи *под небесем*, говорит премудрый, *время плакати и время смеяться, время рыдати и время ликовати* (Еккл. 3:1,4). На этом основании не только страстно преданного забавам и надлежащего, мы уже не назовем человеком вполне серьезным, не назовем истинным и

верным служакой, и справедливо; ибо в его времяпрепровождении есть уже некоторого рода измена долгу, есть недобрые задатки, ибо время – свой наилучший и драгоценнейший капитал – этот человек способен разменивать на фальшивые и малоценные вещи. Попробуем приложить эти общие и бесспорно истинные рассуждения к карточной игре. Что же, много она берет у нас времени, или нет? Пусть каждый спросит об этом у своей совести. Дело такого рода, что произнести об нем какие-нибудь общие и решительные заключения, которые были бы верны и имели бы значение по отношению к каждому из нас в отдельности, здесь невозможно. Но есть однако же некоторые весьма заметные и крупные явления в нашей общественной и домашней жизни, по которым можно судить о громадном количестве времени, гибнущего пользу карточной игры. К таковым явлениям можно например отнести те многочисленные в году так называемые клубные дни, или точнее клубные вечера, длящиеся обыкновенно до полуночи, а иногда и далеко за полночь, и приносимые весьма и весьма часто почти исключительно в жертву карточной игре. Живой обмен мыслей о разных общественных явлениях и политических вопросах, взаимная и поучительная передача мыслей и чувств в дружеской и откровенной беседе – все это оказывается для большей части клубных членов только благовидным предлогом и отвлеченною целию, красиво стоящею во главе клубных правил и постановлений. В истине же люди тут другой имеют умысел, и другие преследуют цели. Собираются в большинстве случаев просто за тем, чтобы убить время, и действительно убивают его беспощадно за игрой. О клубных карточных подвигах ведутся потом оживленные рассказы и вне клубов. Пусть же каждый клубный член сосчитает те случаи, когда ему приходилось возвращаться домой в глухое полночное время, а иногда и при свете утренней зари, с болью в пояснице, с ослабленными нервами, с вялыми и красными глазами и с воображением, переполненным карточными сценами; пусть сложит вместе все время, проведенное таким образом в продолжение года, и тогда окажется, какая огромная масса времени затрачивается на игру,

и какое количество дел самых серьезных, важных и наиболее полезных мог бы каждый наделать за это время!

Но не менее тратится времени на игру и в домашних собраниях. Эти собрания бывают, как известно, весьма часты и многочисленны. Можно сказать вся наша неофициальная общественная жизнь идет по вечерам и ночам, когда настает досуг от службы и казенных трудов. Люди собираются тогда в группы и рассыпаются в гостеприимных семьях своих знакомых, родных и друзей. Предварительные беседы о том, о сем, и посыпанные солью остроумия речи разных текущих событий дня, скоро истощаются, чувствуется потребность заняться любимым карточным делом, – и вот предупредительный хозяин, подметив это движение в своих гостях, расставляет заветные зеленые столы, и общество оживляется; начинается игра, в которой принимают весьма охотно участие и женщины. Эти домашние игры, также как и клубные, длятся обыкновенно до поздней и глубокой ночи. Если наудачу войти в какой-нибудь из наших, ярко освещенных среди полунощной тьмы, домов, – то не будет удивительно, если попадешь на игру и на играющих. Если бы и здесь можно было сосчитать все время, приносимое в жертву демону игры, то какая поучительная и грустная вышла бы статистика!...

Менее удивительно, но не менее замечательно и то явление, что склонность к игре и жажда карточных удовольствий весьма широко развита даже в тех средах, которые не могут похвалиться ни особенным избытком досуга, ни житейскими удобствами. Мы сказали, что не особенно удивительно это по сравнению с высшими и образованными классами; потому что если эти классы, как наиболее развитые, могли бы гораздо серьезнее и благороднее наполнять свое время, и если этого иногда не примечается там, то почему же должно примечаться в средах менее развитых и образованных? Но зато здесь с особенною, можно сказать, яркостью выступают те горькие плоды, которые произрастает карточная игра. Здесь она облекается в более страстный задорный характер, и ее жалкие удовольствия и волнения покупаются иногда слишком чувствительною и дорогою ценою для ее любителей. Скучные

средства, добываемые служебный трудом, весьма, конечно, легко и просто расшатать и уничтожить игрой. Но что потом? Потом начинаются неприятности и ссоры, делаются долги и отыскиваются разные способы поправить дело, употребляются самые отчаянные и безрассудные для сего средства, портящие людям иногда всю последующую служебную будущность. Подобные случаи не редкость и в высших служебных слоях, а в низших и средних чиновничьих – они вещь довольно обыкновенная.

Но, оставь частные случаи и отдельные сцены игры, разнообразящиеся у нас до бесконечности соответственно разным слоям общественным, их вкусам и привычкам, попробуем снова обобщить эти сцены, и поставим вопрос: что значит, что удовольствия и забавы пустые сами по себе и мелкие по своему внутреннему содержанию и характеру, в роде, напр., карточной игры, могут однако же приобретать такое сильное и широкое значение в нашем обществе, и так неимоверно много поглощать нашего времени? «Праздны вы, праздны!» говорил некогда Фараон царь египетский евреям, стонавшим под его тяжелым игом. Но эти злые слова могут иметь надлежащий и полный смысл, если приложить их к нашему времени. Действительно одолевает нас сильно Дух праздности, – тот самый, о котором Церковь словами св. Ефрема Сирина молится, чтобы Господь не дал его нам! Этот дух праздности сказывается даже в той самой суетливой поспешности нашей, с которой мы беремся иногда за решение всяческих вопросов как житейских, так и общественных и даже научных; строим всевозможные планы для созидания как своего личного, так и общественного благоденствия, а между тем дел-то наших всегда выходит почему-то далеко меньше, чем наших слов и речей. Все приходится нам подражать и со стороны занимать то добро, о котором, по-видимому, мы так искренно мечтаем и сами. Самодеятельности и самостоятельной изобретательности у нас не оказывается. Может быть это именно потому, что мы не охотники трудиться, и не привыкли серьезно работать своею мыслию. Судить и рядить обо всем мы любим, – но большею частию так, чтоб это было при веселой

обстановке, в обществе друзей и приятелей, в уютной и удобной гостиной, и даже за карточным столом. Даже самые дела благотворительности мы любим иногда делать не иначе, как веселясь и играючи. Какие же плоды могут созреть на такой мелкой и бессодержательной почве? И не диво, что при подобном направлении игры и забавы, и всяческие развлечения сделались у нас каким-то повальным недугом времени.

Перенося вопрос об играх и забавах из среды общественной жизни в область религиозную, мы приходим еще к худшим заключениям и результатам. Если человеку серьезному и дельному в житейском смысле неестественно наполнять свое время игрою, ибо это признак праздности и мелочности, то еще более противоестественно христианину беспечно тратить время на игорные удовольствия. Истинный и искренний христианин на каждую минуту своего времени смотрит как на шаг, приближающий его к вечности. Он знает, что ценою земной жизни несмотря на ее кратковременность, покупается судьба всей его загробной жизни. Человеку серьезно занятому этою мыслию, человеку заботящемуся о своей душе и ее спасении и имеющему, по выражению Писания, *печаль яже по Боже*, пойдет ли на ум игра и станет ли он искать в ее удовольствиях удовлетворения своей умственной и нравственной жажды? Таким образом неумеренное развитие игорных наслаждений, свидетельствуя о праздности и несерьезности тех кружков, где они развиты, еще более свидетельствует об отсутствии в них крепких религиозных начал, о суетном и грехолюбивом направлении целого строя жизни. Мы не то хотим сказать этим, чтобы с картами соединялось что-нибудь особенно преступное и безнравственное, или антихристианское по самому существу их, — оне слишком ничтожны для этого; но оне могут служить вывескою, или одним из признаков внутреннего содержания в человеке. Кто-то справедливо заметил: «скажи, с кем ты знаешься, и я скажу, каков ты!» Но кажется еще справедливее выразиться так: «скажи, чем ты занимаешься и в чем ты находишь свои удовольствия, и я скажу тебе, высокой ли цены все внутреннее содержание твое!» Так вот, если св. Церковь

плачет и поет в своих храмах покаянные песни, если она призывает к посту и прочим подвигам благочестия своих верных чад; а люди – как и всегда – садятся за карточные столы и беспечно проводят свои вечера в игре и веселом празднословии, то не значит ли это, что сии люди не имеют духа Христова, и не суть чада Церкви? А по выражению Апостола – *кто Духа Христова не имеет, тот* (страшно сказать!) *и не Его*, не Христов (Рим. 8:9)! Чей же?!?...

Не подумать ли об этом серьезнее? Дни наши незаметно бегут за днями. Неуловимое и лукавое время потихоньку проводит морщину за морщиной на наших лицах. Мы и не заметим, как чувства наши то одно – то другое слегка начнут изменять нам, а организм станет расстраиваться, – и наступит пора, когда потребуют от нас отчета в прожитой жизни, когда придется стоять на праведном суде Божиим и с трепетом ждать решения своей судьбы. Чем тогда защититься, на что сослаться в свое оправдание? Отрезвимся же, пока есть время. С чувствами раскаяния отзовемся на голос Церкви, зовущей нас ко спасению. Се ныне время благоприятно, – время поста, слез и самоуглубления!... Дадим же святой обет пересмотреть тщательно свою жизнь и благоустроить ее на новых христианских началах. С этими благочестивыми мыслями помолимся и о государе нашем, да поможет ему Господь устроить на этих же христианских началах и всю нашу жизнь общественную и государственную. Аминь.

Слово в день Успения Божией Матери (15 августа 1874 г.)

Из многих боголепных качеств Матери Господней, блистающих подобно лучезарным звездам в Ее дивном и таинственном образе, хотим мы взять одно из этих Ее качеств для своего слова пред вами, благочестивые слушатели, в нынешний праздник. Пришло нам на мысль Ее благоговейное погружение в Божественные письма закона Божия и неослабное прилежание к изучению священных книг, которые – как гласит предание – были обыкновенным и самым любимым Ее занятием не только в ранние годы Ее юности и во время воспитания при храме Иерусалимском, но и во всю последующую жизнь Ее. Воспоминание это возникло у нас отчасти по поводу слов Господних, которыми Он ответил на хвалебный возглас в честь Его Матери: *блаженно чрево, носившее Тя, Господи, и сосца, яже еси ссал. Он же рече: тем же убо блажени слышащи слово Божие, и хранящи е* (Лк. 11:27–28). Известно, что самую усердную слушательницу воплощенного Бога-слова была его пречистая мать, которая – как говорит евангелие – *соблюдаше вся глаголы его в сердцах своем* (Лк. 1:51). А с другой стороны, по противоположению остановилась мысль наша на том, что мы видим в настоящее время в своей среде. Вспомнилась нам эта усилившаяся повсюду жажда разнородных знаний и в тоже время холодность и равнодушие к познанию Божественных и священных вещей. Вздумалось нам про эту широкую потребность книжного чтения, которая сделалась обыкновенною и насущною потребностью если не всех грамотных, то по крайней мере образованных и развитых классов общества, и которую однако же стремятся удовлетворять все только одним родом чтения, именно одною только светскою литературою. И решились мы остановиться на этом характерном стремлении нашего времени, чтобы, во-первых, оценить его пред вами и взвесить по достоинству, а потом если Господь поможет, и дать ему несколько иное и лучшее направление.

Книги – это самая многосторонняя наша школа, самое широкое и влиятельное общество, где мы сталкиваемся со всевозможными личностями, слушаем разнохарактерные речи, наблюдаем тысячи всевозможных явлений и испытываем самые разнородные ощущения, все равно, что в живом обществе. Но находясь в живом обществе, человек, – как член его, – по необходимости и принужден бывает наблюдать за самим собою, взвешивать свои слова и проверять свои мысли, а иной раз говорить лишь для того, чтобы поддержать и наполнить разговор, мыслить вслух и напоказ, и значит в некотором смысле тратить задаром время для своего внутреннего развития. Между тем, усаживаясь за книгу, человек спокойно отрешается от всего окружающего; ему здесь нет нужды следить за собою; он только и делает, что воспринимает предлагаемую ему умственную пищу и беззаботно переживает то, что заставляет испытывать читаемая книга. Возбуждаемый книгою, он сам усиленно мыслит и чувствует, созидает на досуге свои идеалы, и вообще переживает лучшие, или по крайней мере самые заветные и сокровенные минуты своей жизни. И если эта книга почему-нибудь интересна и приятна, он решительно может забыть для нее все. Таким-то образом незаметно зреют человеческие убеждения, накаплиются знания, приобретается опытность и складывается образ мыслей, и совсем этим человек является в обществе уже, как готовая и сформировавшаяся личность, которую остается только иной раз несколько упорядочить и научить нескольким условным приемам. Припомним из своего собственного опыта, какую чарующую силу некогда имели на нас книги, и как много до сих пор мы черпаем из них всякого научного и умственного материала!... И весь этот материал, поглощаемый нами, конечно, не пропадает даром, а оставляет свой след в душе и кладет хотя незримо – свою печать на нашем душевном строе и на нашем характере.

Дадим же теперь некоторый отчет себе в том, что мы читаем, и пересмотрим свои книги. Книг, назначаемых для известного рода лиц, или так называемых специальных и ученых книг, мы в расчет не будем брать: таких книг немного и

важны, собственно, не оне. Важно то, чем удовлетворяется вкус читающего большинства, какие книги читаются на досуге для удовольствия и развлечения и вообще для наполнения своего времени. Оказывается, что после газет все внимание читающей и образованной публики поглощается, так называемую, изящной светской литературой и журналистикой. Но и в журналах прежде всего прочитываются легкие стихотворения, посыпанные солью остроумия, журнальные листки и хроники, изредка статьи научного интереса, но более и усерднее всего читается обширнейший и разнообразнейший отдел повестей, драм, комедий и романов. Их читают с жадностью и без усталости и незрелые люди, и молодые девицы, и матери семейств, и серьезные служащие люди. Это, впрочем, и понятно. Для того, чтобы читать ученые статьи, а в особенности для того, чтобы находить удовольствие в этом чтении, нужна большая или меньшая подготовка и известная степень образованности и зрелости. Между тем, изящные словесные произведения, игривая и веселая журналистика доступны почти всем и заманчивы сами по себе, по своему обыденному интересу, по своей игривой и легкой форме. Притом же во всем этом есть некоторый и особенный интерес преимущественно для молодости. Произведения изящной литературы затрагивают самым чувствительным образом те нежные струны и идеалы, которыми переполнена бывает молодая душа. После этого не мудрено, что так обаятельно действует на юность художественным словом построенная картина жизни со всеми ее тайнами, со всеми темными и светлыми ее сторонами. Но и люди зрелые любят подчас отрешиться от своих будничных работ и обязанностей, вспомнить прошлое и пережитое и помечтать о будущем. В подобных случаях и состояниях и у них непременно, увидишь какую-либо книгу в роде повести, или романа.

Все эти явления из нашей обыденной жизни выводим мы и рисуем пред вами не затем, чтобы только порицать их, или громить церковным запрещением. Уже по одному тону нашей речи вы можете усмотреть это. То, что есть в этих явлениях натурального, законного и безвредного, мы признаем и

принимаем, и если бы, напр., вам пришло на ум, что мы воспрещаем совершенно, т. е. для всех и навсегда, чтение светской литературы и находим в ней один только грех и развращение, то вы бы ошиблись и лишь обнаружили бы предвзятый взгляд на нас и односторонние понятия о том, что должно и что не должно, что можно и чего нельзя. Если бы было здесь уместно и если бы в том была наша прямая обязанность, то мы охотно бы выяснили, ту плодотворную и образующую сторону светской литературы, которая несомненно в ней есть. Послушайте же и то, что мы обязаны сказать и разъяснить вам об этом предмете по прямому пастырскому долгу. Во-первых, мы можем и должны указать на монотонность и однообразие вашего чтения. Все повести и драмы, романы и стихотворения, все светское, развлекающее и житейское. Зачем же забывать, что есть другая необыкновенно широкая и наиважнейшая область духовных интересов, которые должны быть близки и родственны не только всякому православному христианину, но и всякому мыслящему существу? Развивая свои знания все только в одном направлении и практикуя свой вкус лишь в одной области литературы, хотя бы и изящной, можно развить в себе полнейшее равнодушие ко всему, что касается души и неба, и потерять всякий вкус к духовному. А как же вы назовете это печальное явление, эту односторонность развития, как не беспорядком и неустройством? Это своего рода тупость и неразвитость; это некоторое уродство. Как будто изящное только там, где плоть и кровь, как будто вся область прекрасного должна ограничиваться для человека тесным кругом его земных ощущений и образов?!... Напротив, не там ли самые светлые идеалы и самые возвышенные ощущения, где наша душа соприкасается с небом, т. е. в области религии? И не те ли знания наилучшей цены, которые просветляют для человека дорогу к нравственному совершенству и приближают его к Богу? Приглашаем вас самих произнести суд о следующих, напр., явлениях. Вот молодой человек, или даже зрелый какой-нибудь муж, любит прекрасной рафаэлевской – по западному – Мадонной, а не имеет отчетливых понятий о самой личности Матери Господней и о догмате воплощения Христа

Спасителя. Вот юная девица тает от удовольствия, сидя в театре и любуясь сценическими представлениями, а между тем без утомления и скуки не может простоять и одной божественной службы. Вот иной усердный поклонник поэзии знает наизусть целые длинные отрывки из любимых авторов и поэтов, а не знает ни одного псалма и даже не брал в руки Библии. Вот иная читательница изящных литературных произведений то гневно волнуется, встречаясь с описаниями порока, – то умиляется, встречаясь с рыцарскими характерами добродетельных героев и даже льет слезы, поддаваясь мастерству литератора – художника, а между тем в собственной жизни еще не успела приучить себя ни к одной добродетели, и даже безглаголиво от нее отворачивается, если она является в суровой и несколько неопрятной форме. Вот иной образованный гостинный человек только и повторяет, что имена известнейших литераторов и писателей светских, а не умеет назвать ни одного из писателей и литераторов духовных не только древних, но и новейших и даже современных, и в библиотеке его можно найти все, даже многое непотребное, только ни одной солидной и духовной книги. Как хотите, а это ненатуральное и грустное явление в христианском обществе. Не от того ли и страдает такую мелкотой и чувственным взглядом на вещи наше время, такую предрассудительностью и порывами к мечтам и фантазиям и в тоже время таким отсутствием энергии в делах серьезных и на поприще нравственно-духовной жизни, что обычная умственная пища нашего читающего большинства слишком одностороннего, чувственного и светского характера?! Право иной раз жалко видеть, с какою серьезностью и самоуслаждением усаживаются люди за чтение какого-нибудь длинного предлинного и прославленного романа, отличающегося-де глубоким исследованием души человеческой и самыми возвышенными и нравственными идеями, а между тем и не подозревают, что вся сила-то для них заключается просто в наслаждении, что не поучительная или просветительная сторона этой книги всего более им нравится, а художественная и приятно развлекающая. Начитавшись таких книг, люди готовы считать себя за это даже образованными, не

подозревая малоценности приобретенных таким образом сведений, не замечая односторонности своего вкуса, неправильности и неполноты своего умственного развития.

Но не в этом еще собственно беда. Есть другая не просто только мелкая, но вредная и грешная сторона в исключительной привязанности к светской литературе и в особенности к так называемой изящной литературе. Кому из грамотных и читающих людей не известно, около чего обыкновенно вертится это литературное изящество? Найдите ли хоть одну повесть, или роман, или даже легонький литературный очерк, темой которого или, как говорят, завязкой не была бы чувственная любовь между двумя полами? В какую изящную и прекрасную одежду ни наряжайте это чувство, положим – естественное и законное в своем основании, но грешная и плотская сторона его непременно возьмет свое. Но наши литераторы и не хлопочут особенно о том, чтобы устранить, прикрыть или одухотворить то, что может быть соблазном для их читателей. Да это даже и весьма трудно по их задаче и по их роду письменности. Сколько есть известнейших и притом мастерских и художественных литературных произведений, которые именно и отличаются особенною чувственностью своих героев и героинь и сальностью сцен. Попробуйте же уберечь своих детей и воспитанников и вообще читающее юношество от этих книжек! Да и вообще, что вы можете смело и безбоязненно предложить ему для чтения из этого наибольшего и любимого отдела светской литературы? Очень мало. Как ни выбирайте, как ни просеивайте светское литературное изящество, а оно все-таки окажется с грязью; а известно, что при самой осторожной ходьбе по грязной улице хоть капелька грязи да попадет на одежду. Вот к чему сводится правдивое и заключительное слово о пристрастии к светскому литературному чтению. Надо быть уже опытным, зрелым и искушенным человеком, чтобы с пользою заниматься этим чтением и безвредно проглатывать те сладкие части яда, которые в нем рассеяны и скрыты во множестве. Но и не романы только и повести, а и все светские книги, даже серьезные и ученые, с какою осторожностью и с какою мудрою критикою надобно читать! Не говоря уже о

писателях, вредные и неблагонамеренные идеи которых слишком прозрачны и понятны для мало-мальски толкового читателя, сколько есть таких писателей, которые, не выработав себе ясных и зрелых идей, говорят истину пополам с ложью, хорошее смешивают с дурным, вредное с полезным, – но говорят и пишут вообще очень логично, красиво и даже увлекательно. Надобно иметь особого рода проницательность, некоторую христианскую подготовку и своего рода нравственный закал, чтобы не обольститься этою разнородною смесью учености, суметь отличить в ней истину от лжи и извлекать, подобно пчеле, одне только полезные и благодетельные начала на обширном и пестром цветнике светской литературы.

Таким образом, вы сами можете усмотреть, что настает вам неотложная нужда ввести в свое чтение новую и свежую струю чтения духовного и религиозно-нравственного, дабы с одной стороны предохранить себя от узкости в понятиях и односторонности умственного направления, а с другой и освежать время от времени свою душу, непрестанно волнуемую все житейскими и земными интересами, – зажечь и воспламенить в себе святую искру религии и страха Божия. Предлагаем вам и некоторые руководственные указания и правила в этом важном деле. – Духовное чтение, подобно светскому, может быть двух родов: одно чтение серьезное, с преимущественною целию назидания и освящения, другое более легкое чтение может быть просто для удовольствия и для удовлетворения любознательности. К первому роду должно относиться чтение слова Божия, т. е. священного Писания и творений богомудрых отцов и учителей Церкви. В каждом христианском и грамотном доме непременно должна быть Святая Библия, которая, к слову, сказать, почти вся теперь переведена на доступное и понятное для всех русское наречие. Кажется, и говорить-то бы не следовало об этой первейшей надобности иметь Библию в доме. А между тем, как многим из здесь стоящих пришлось бы может быть покаяться, что в их доме не имеется не только полного экземпляра Библии, но и ни одной священной книги?! Не грустно ли это в самом деле!

Запасшись свящ. Писанием, надо поставить непременно своею обязанностью прочитывать из него каждый день хоть понемногу, – всего лучше утром, исходя на делание свое до вечера. Пусть это чтение будет частью или продолжением нашей утренней молитвы. Много и долго покажется прочитать целую главу, прочитайте полглавы. Если и это много, прочитайте хоть несколько стихов. Неужели и для этого не достанет досуга и охоты? Быть не может! Лишь бы было доброе намерение. А между тем утреннее чтение слова Божия, поскольку кому будет удобно, внесло бы освящение в дела наши, и может быть перестроило бы незаметно всю нашу грешную и многомятежную жизнь, и сообщило бы ей новый и святой характер. То же правило соблюдайте и относительно чтения творений отцов и учителей Церкви: поскольку кому будет удобно, отделяйте из своего досуга несколько времени на это возвышенное чтение. Опытные люди делают это так: выбрав известное творение отеческое, или некоторый отдел из него, или даже одно более известное место из какого-либо отца или учителя Церкви, они назначают себе срок, к которому непременно решаются прочитать выбранное. Недосуг нынче читать, – завтра несколько прочтут; недосуг и завтра, читают в другое время, но непременно доведут до конца предположенное. Так можно рекомендовать и вам поступать с чтением серьезным.

Но есть, как мы сказали, чтение хотя и духовное, но более легкое и приятное с ближайшею целию доставить себе некоторое нравственное удовольствие, или удовлетворить весьма естественной и законной любознательности по разным богословским, Церковным и нравственно-религиозным вопросам. Для такого чтения можно указать собственно духовные журналы. Содержание их в настоящее время так обильно, интересно и разнообразно, что каждый может найти в них чтение по своему вкусу. Да и самая внешность, т. е. литературная отделка статей отличается не меньшим изяществом и красотою, чем статьи в светских журналах, так что иная духовная книжка была бы не только полезною, но весьма приличною и уместною вещию в кабинете образованного

и благовоспитанного человека. Если же при всем том наши духовные журналы редко встречаются у читающих людей не духовных, то это по той же причине, от чего и всякое духовное чтение у нас вообще не в ходу, не в обычаях и не к моде, т. е. по безвкусию, или по односторонности вкуса, направленного к одному светскому чтению, вернее же сказать – по недуховности и чувственности нашей читающей публики.

Примите же в расчет и соображение наше слово относительно изложенного предмета. Не к тому конечно все это мы говорили, чтобы только похулить ваше чтение, а похвалить свое, – свидетельствуемся вами в своем беспристрастии. Здесь и на этом месте можно иметь в виду только одно, это вашу духовную пользу и спасение вашей души. Господь и Его Пречистая Мать да помогут вам! Аминь.

Поучение воспитанникам владимирской гимназии в день храмового праздника св. благоверного великого князя Александра Невского (23 ноября 1874 года)

Плод духовный есть любви, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание... (Гал. 5:22, 23)

Я хочу, дети, остановить ваше нарочитое внимание на сих примечательных словах св. апостола Павла, которые Церковь предлагает в назидание всем православным христианам в настоящий день, посвященный памяти св. благов. и велик. кн. Александра Невского. Апостол исчисляет те прекрасные плоды, которыми сопровождается правильное развитие человеческого духа, и по которым безошибочно можно узнать, в каком человеке и даже в каком обществе это развитие идет успешно, и в каком нет. Главная и существенная цель всех ваших учебных трудов и вашего пребывания в школе есть, как известно, правильное и стройное развитие ваших сил духовных; равно как и завершительная цель всех наших стараний и усилий насчет вас, это – указать вам надлежащий путь к вашему духовному развитию, поставить и укрепить вас на этом пути, дабы потом вы сами, когда выйдете из под нашей опеки, могли самостоятельно держаться на нем и с успехом продолжать свое движение по сему благому пути. Значит и для нас, и для вас весьма важно знать и видеть, есть ли какой успех в наших усилиях? И можно ли приметить в вас появление, или по крайней мере некоторые задатки тех прекрасных плодов, которыми характеризуется по Апостолу надлежащее духовное развитие. Прислушайтесь же к словам Апостола: *плод духовный есть любви, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание!*... Какие, в самом деле, прекрасные и благовонные плоды! Нарисуйте в своем воображении человека любящего, кроткого, трудящегося, терпеливого, верующего, сострадательного, воздержного,

непрестанно радостного и благодушного: какой светлый и привлекательный образ! И в то же время какой сильный и могучий образ! И заметьте, как все эти привлекательные и блестящие черты нравственного совершенства родственны тому именно возрасту, в котором находитесь пока вы. Как будто бы Апостол, рисуя богоподобный идеал самого лучшего человека в мире, имел в мысли именно правильно развивающееся дитя. Да оно так и есть на самом деле; ибо и сам Спаситель сказал: *аще не обратитесь, и не будете яко дети, не внидете в Царствие Небесное* (Мф. 18: 3). И в самом деле чья душа всего способнее любить, веровать и смиряться, как не душа благонравного дитяти? Чье сердце доступнее состраданию, дружественным и бескорыстным чувствам, и чья воля способнее на самоотвержение и энергический труд, как не воля благородного юноши? Растленный свет с его гнилыми и любострастными обычаями, с которыми поминутно приходится сталкиваться людям уже изведавшим жизнь, не может произращать тех прекрасных райских плодов, которые исчисляет Апостол и которые так успешно произрастают в невинном детстве и чистой юности! Что же, дети, если бы пригласили вас приноровить к себе апостольский идеал правильного развития духовного и сравнить его с собою, по нему проверить ваш душевный строй, ваши убеждения и ваши привычки, – нашли ли бы вы в себе некоторый образ и подобие сего святого и христианского идеала? Предоставляем это вашей собственной совести. Мы же ни хвалить, ни порицать вас не хотим. Порицать не имеем поводов по благоприличию вашего внешнего поведения вообще, на сколько оно нам известно. Хвалить же опасаемся, ибо известное дело, что по внешности судить окончательно нельзя, а ваш внутренний душевный мир вполне известен только вам, то есть вашей совести, да сердцеведцу Богу. Одного хотелось бы нам, это воспламенить в вашем сердце любовь к святому и чистейшему идеалу нравственного совершенства, который рисует нам св. Апостол Павел, и воодушевить вас на то, чтобы святость сего идеала вы искали усвоить сердцем и осуществить в жизни; ибо действительно более высокого, более чистого и святого идеала

нигде нельзя найти и изобрести невозможно. Но как овладеть этим идеалом, – вот в чем тайна! Где взять сил и средств, чтобы себя возвысить до него, – вот в чем существенный вопрос и задача не только вашей, но и вообще человеческой жизни. Не сомневаемся, что в вас горит святая искра любви к добру, да и вообще натура человеческая ищет и жаждет его по самому существу своему, и все мы грешные не прочь умилиться душою и с благоговением преклонить колена пред священным образом добродетели, рисует ли его ваше собственное сердце и совесть, или же закон Божий. Это самая лучшая и дорогая блесточка образа Божия, уцелевшая в нашей падшей и испорченной природе. Но как нередко эта блесточка совсем тускнеет и пропадает в разном хламе страстей и пороков, совершенно засоряющих человеческое сердце! Не дай Бог, чтобы с кем-нибудь из нас это случилось! Итак, хотите ли знать, как зреет в человеке плод духовный; что мешает и благоприятствует его созреванию? Послушайте того же Апостола Павла!

Обратите внимание, что исчисливши вышеозначенные качества человека, правильно развившегося по духу, как-то: любовь, радость, мир, долготерпение веру, кротость и проч., Апостол называет все это *плодом* духовным, а известно, что плод является уже последствием многих предварительных работ и растительным процессом. Нужно, чтобы приготовлена и удобрена была почва, на которой посажено растение, – нужно, чтобы оно прежде выросло и расцвело, а потом уже можно от него ждать и плода. Точно тоже бывает и с нашею душою. Нужно предварительно заняться ею, не мало походить и усердно похлопотать около нее, а потом уже откроется надежда и плоды пожинать. Вот эти то предварительные хлопоты Апостол и обозначает своими дальнейшими богодухновенными словами: *а иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5:24). Болезненное и прискорбное для нашего самолюбия распинание плоти с ее страстями и похотями, – вот всеобщая, неизбежная и единственно верная мера к тому, чтобы человеческое сердце и душу делать способными к произрастанию истинных, а не фальшивых плодов духовных.

Люди, не имеющие христианских понятий о душе человеческой и не желающие знать печальной истории падения и испорченности нашей природы, проповедуют разные неосновательные и обманчивые теории воспитания. Им кажется, что достаточной при свете науки разъяснить и указать человеку, что хорошо и что дурно, а тщательным воспитанием развить в нем живое сознание долга и нравственных обязанностей, и человек будет хорош. О нет, и тысячу раз нет! Никакое разъяснение долга и нравственных обязанностей не даст человеку сил исполнять эти обязанности, и никакое, самое прекрасное и самое тщательное воспитание не сбережет его от нравственного растрепывания, если человек не получит благодатного освящения свыше, если не возродится он водою и духом и не пройдет болезненной школы распинания своей плоти с ее страстями и похотями. *Рожденное от плоти – плоть есть*, сказал Спаситель (Ин. 3:6). Т. е. по естественному своему рождению мы существа грешные, чувственные и страстные. И потому если бы чье-либо воспитание сложилось таким образом, что стали бы только развивать, холить, нежить и укреплять то, что дала человеку его природа, то можно опасаться, что из человека, возрастающего по правилам этой односторонней и фальшиво-гуманной теории воспитания, выйдет препорочное и злое существо. Это потому, что все мы, по слову писания; *в беззакониях зачинаемся и во грехах рождаемся* (Пс. 50:7), – и значит уже самым рождением полагается в нас много грешных и злых семян, которые не развивать и холить нужно, а напротив подавлять и с корнем вырывать. Отсюда открывается нужда так называемых строгих, принудительных и наказательных мер воспитания, сущность которых состоит в том вообще, что с одной стороны – естественному потоку детских желаний и порывов полагается преграда, а с другой стороны питомцы побуждаются и даже понуждаются ко многому такому, чего им не хочется, что им кажется трудно, неприятно и ненужно. Пока дети находятся в семье или в школе, то это делают с ними их родители и воспитатели: они стараются регулировать, как говорится, волю их, т. е. дать ей надлежащее направление, и не позволяют

никаких искривлений и уклонений ее в сторону разными понудительными и дисциплинарными мерами. По выходе же из-под опеки родительской и из школы, воспитанник уже сам должен работать над собою все в этом же духе и направлении, т. е. воздерживаясь и удаляясь от всего грешного и непотребного, и понуждая и приневоливая себя ко всему доброму, честному и святому. Только таким способом непрерывного обуздания своей падшей и испорченной воли, склонной ко всему грешному, может человек укрепить себя на царском пути добра и нравственного совершенства. До этого, собственно, мы и хотели договориться с вами, дети! Цель нынешнего слова нашего в том и состоит, чтобы, показавши вам словами апостола Павла прекрасные духовные плоды нравственного совершенства, разъяснить, что плоды эти приобретаются не задаром и не без подвига, что подвиг сей главным образом должен состоять в ваших свободных усилиях над своею волею и что все наши воспитательные и дисциплинарные меры суть только пособия вашей еще не созревшей и не укрепившейся воле.

Возвращаясь снова к апостольскому исчислению плодов духовных, я хочу вам в заключение указать хотя вкратце несколько приемов тех свободных усилий над своею волею, о которых шла у нас речь и под условием которых созревает плод духовный. *Любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* – вот плоды духовные по Апостолу! Итак встречается ли вам, дети, среди товарищей или в посторонней среде, личность почему-нибудь вами не нравящаяся? постарайтесь найти в ней что-нибудь хорошее (а оно есть непременно), заставьте себя сделать что-нибудь в пользу этой личности, вспомните, что все люди братья, все дети в одной великой семье Отца Небесного, – и в вас затеплится огонек христианской любви. Неприятность или невзгода какая-нибудь вас посетит, а впереди может быть и еще вы опасаетесь разных невзгод, положитесь во всем на Господа и скажите в сердце своем: «да будет воля Божия! Он все видит и попечется обо мне», – и осенит вас *радость и мир* христианский. Оскорбил вас кто-нибудь, уронил ваше

достоинство, затронул вашу честь и уязвил самолюбие, постарайтесь не дать места своему гневу и раздражительности, вспомните, что Иисус Христос претерпел безвинно в тысячу раз более нашего и нам заповедал любить самых врагов наших, – это будет опыт христианского *долготерпения и благости!* Видите вы нужду, горе или слезы чьи-нибудь, примите участие в этом горе и в этих слезах, утешьте, успокойте и помогите чем-нибудь, хоть сочувственным и братским словом, если не в состоянии помочь делом, – и к вам приблизится христианское *милосердие*. Нападет ли на вас дух сомнения и отрицания относительно некоторых предметов христианского вероучения, или вы слышите дерзкие речи людей неверующих и развращенных, – прогоните и рассейте все эти сомнения смиренною мыслию, что человеку, существу ограниченному, всего понять и обнять своею мыслию невозможно, и что Спаситель рода человеческого в своем Евангелии сказал нам, конечно, одну чистую и святую истину, – и согреет ваше сердце теплота *веры* христианской. Покажутся вам тяжелыми, скучными и бесцельными какие-нибудь предписания и узаконения, Церковные ли то, или гражданские, или начальственные, – не давайте разыгрываться своей самости, гордости и нетерпению, разудите и вспомните, что высшая и конечная цель всех этих предписаний и узаконений есть ваше благо и ваше нравственное совершенство, хоть в данную минуту вы и не совсем уразумеваете эту цель, – и этими усилиями вы приобретете себе драгоценную добродетель христианской *кротости и воздержания*. И так далее, и так далее... С каждым шагом вперед по этому не сладкому конечно и тернистому пути вы все ближе и ближе будете подвигаться к великому и светоносному идеалу христианского совершенства, и каждая добродетель при помощи благодати Господней будет делаться все легче, легче и приятнее, пока наконец не сделается потребностью вашей воли, – и выдут из вас не пустоцветы какие-нибудь, с одними претензиями на звание честных и благородных людей, а на самом деле – честные и благородные люди с волею, окрепшею в добре и уготованною на всякое благое дело. И пышно расцветут, и созреют в вас не

фальшивые и поддельные, а действительные и драгоценные плоды духовные, и наречетесь вы *сынове вышняго*, и благословенные дети Отца Небесного. Благодатию Господнею да будет сие с вами! Аминь.

Речь при погребении воспитанника владимирской гимназии Сергея Величкина (6 апреля 1872 г.)

Любезные воспитанники!

Тяжела и горька мысль о смерти. Обыкновенно эту мысль мы гоним от себя как можно дальше, хотя все несомненно уверены, что придет неизбежно и наша очередь когда-нибудь лечь в могилу. Но эту роковую очередь все мы силимся отдалить от себя как можно дальше, сулим себе десятки счастливых лет, мечтаем о радостях и удовольствиях, строим прекрасные планы о своей судьбе, и неудержимо рвемся все к жизни и к жизни. Смерть допускаем мы для себя лишь в туманной возможности и в какой-то не ясной отвлеченности. Особенно в вашем цветущем возрасте, который справедливо зовется весной жизни человеческой, как-то особенно больно мириться с неизбежностью смерти. Но когда суровый и безобразный лик смерти вдруг встречается с нами нежданно негаданно лицом к лицу, то невольно тускнеют и вянут самые розовые мечты о жизни, робеет и притихает самое беззаботное, самое веселое юношеское чувство. Не так ли? Взглянешь на гроб, на эти окостенелые и безжизненные члены, – и видишь, что смерть есть грозный и несомненный факт, а не призрак только пугающий! Давно ли ваш юный товарищ был в среде вашей, так же, как и вы, мечтал о жизни и ее радостях, – и вот теперь что осталось от всех этих надежд и мечтаний!

Если же смерть неизбежна и так бывает внезапна, если она выбирает свои жертвы, не щадя ни возраста, ни пола, ни красоты, ни силы; то что же нам делать, куда деваться от страха смертного, где взять утешения своему сердцу, где найти точку опоры для своей жизни, пока ей суждено еще длиться здесь на земле? Пусть бы теперь пришли к нам и стали здесь у гроба эти жалкие мудрецы мирские, так храбро рассуждающие о смерти, пока блесит и греет над ними солнце жизни; пусть бы теперь они запели нам в утешение свою жалкую песню о том, что все кончается для человека с его смертью, что ничего нет за гробом,

что кроме тления никакого другого следа человек по себе не оставляет. Как бы возмутила нас эта песня, сколько бы тоски и безотрадного мрака принесла бы она с собою! Нет, Бог с ними, – с этими мудрецами и с их жалкой философией! Прислушайтесь лучше к тем умирительным и отрадным песням, которые услышите вы сейчас над этим преждевременным гробом от лица св. Церкви. А эти песни будут говорить вам о лучшей небесной жизни, о надежде воскресения, о единении со Христом Спасителем, о том, что это тленное и мертвенное тело, как зерно сеется в землю только на время и примет некогда духовный и светоносный вид, что душа наша, переселяясь в загробный мир, как бы снова родится для прекрасной жизни в общении с бесчисленными сонмами блаженных и бессмертных духов. О, если бы вы все эти высокие и отрадные мысли, конечно очень хорошо вам известные, решились бы поближе теперь принять к сердцу и от юности положили бы их в основу своей жизни! Вот и нашли бы вы для себя непоколебимую точку опоры на все последующее время. И не страшна была бы для вас смерть, и прекрасные мечты ваши о жизни сделались бы еще прекраснее, и весело, и трезво стали бы вы смотреть на прекрасный мир Божий, и отдали бы вы себя спокойно в волю Божию, и тихо и плодотворно стали бы трудиться везде, куда Господь ни поставил бы вас в жизни, и с светлою надеждою пошли бы вы навстречу ангелу смерти, когда Господу угодно будет послать его за вами. Прошу вас приводить иногда себе на память эти искренние и сердечные мои желания, навеянные смертью вашего юного товарища, когда сегодняшние грустные впечатления начнут понемногу ослабевать, и обычное рассеяние жизни станет брать свое. Бог знает, что ожидает нас впереди; может быть и мне еще скорее вас назначено лежать во гробе! Подчинимся же с благоговением судьбам Божиим, и дадим себе обет – воспитывать себя во святом законе Господнем и жить не для тела только и временных радостей, а для неба и вечности, ибо здесь конечная цель нашего бытия.

Прими и ты, блаженный отрок, последний прощальный привет от своих товарищей, с грустью собравшихся к твоему смертному одру. В далекий путь собрался ты – так рано, так

неожиданно для всех нас, и конечно всего более неожиданно для себя самого. Такова воля Божия о тебе. Но *блажен путь, в оньже идеши душе, яко уготовася тебе место упокоения*. Господь Спаситель сказал об детях, что *таковых есть Царствие Небесное* (Мф.19:14). Ты не далеко ушел из этого счастливого и невинного возраста, ты не познал еще суеты мирской и не запятнал своего сердца грязью страстей и порока, и значит – благодарение Господу, изъявшему тебя из среды лукавствия! Уповаем, что наследие Царствия Небесного принадлежит и тебе. Наши грешные и земные молитвы о тебе, наши надгробные песни прими от нас, как последний дар христианской любви нашей и напутствие тебе в невозвратную страну вечности. Аминь.

Поучение воспитанникам владимирской гимназии по случаю смерти их товарища (Владимира Ложкина). (21 января 1875 г.)

Смотрите, дети, как смерть берет свои жертвы откуда бы ей ни пришлось. Не пощадит она юности, еще только начинающей жить. Не разочтет она, что погасит светильник жизни у отрока, над которым только было занималась еще жизненная заря, что отнять у него невинные радости жизни, что лишить его почти еще неизведанного счастья бытия, – несправедливо, жестоко, и незаконно. Нет, лютейший и неумолимый враг рода человеческого косит своим смертоносным орудием направо и налево, и бесстрастно собирает свою ужасную податль со всех возрастов, состояний и племен человеческих. Зачем же кипит в нас такая жажда жизни, зачем положены в нас такие безграничные стремления к прекрасному, высокому и разумному, если всем этим стремлениям суждено кончиться вот чем?! *Что сие, еже он бысть таинство, како предахомся тлению, како сопрягохомся смерти?* Не смотря на всю грусть и таинственность этих печальных вопросов, я приглашаю вас как можно серьезнее поставить их для себя, и как можно глубже напечатлеть их в своем сердце при виде мертвенных останков вашего юного товарища; ибо рано ли, поздно ли, а всем нам придется, подобно ему, расстаться с жизнью.

Но я, конечно, не затем приглашаю вас к этому, чтобы навести на вас грусть и уныние, ибо настоящее зрелище само по себе есть грустнейшая проповедь. Напротив, я хотел бы, пользуясь именно теперешними прискорбными минутами, просветлить ваш взгляд на жизнь, научить вас ценить ее по достоинству, и там, где, по-видимому, один мрак и скорбь, указать свет, надежду и примирение.

Успокойтесь и не бойтесь, други мои; не беззащитны мы в борьбе со смертию, не забыты мы у Бога с своею любовью к жизни и с своими светлыми и безграничными идеалами, и не случайно и не без расчета погашается в нас светильник жизни. Хотя и не открыты нам многосложные и необъятные для нашего

ума подробности Божия смотрения, по которому иной раньше, иной позднее приходит к своему пределу; но не это, собственно, и важно. Важно то, что по непреложному глаголу откровения Божия в нашем бренном теле живет богоподобная душа; что наше назначение есть жизнь бесконечная; что тайна этой бесконечной загробной жизни сокровена со Христом в Боге; что даже немощное и бесславное тело наше назначено к славе воскресения, и некогда заблестит оно богоподобной красотой, превосходящей эдемскую красоту наших невинных некогда прародителей; что эта временная гниль и тление, вошедшее в мир с появлением греха, есть только переход к нетлению и бессмертию. Вот эти-то возвышенные и глубокие истины, разъясняющие нам, откуда взялась смерть, что мы такое были некогда в Едеме – уже потерянном для нас, и что мы такое будем, когда откроется назначенное нам Царствие Божие, – сии-то отрадные обетования, если мы объедем их душой и сердцем, и могут рассеять все ужасы смерти, сообщить самый светлый и спокойный характер нашей жизни, углубить и возвысить ее радости и создать нам непоколебимое и невозмутимое счастье до конца наших дней.

Между тем как жалко и страшно смотреть на людей, не имеющих христианского упования и не желающих знать тех высших судеб, которые случились с человеческим родом и которые предстоят ему впереди. Становясь в тупик перед страшной тайной смерти, и хлопоча только об одном, дабы не омрачать своей жизни мыслью о смерти, – они просто только гонят как можно дальше от себя ее грозный призрак. Чтобы жизни своей сообщить по возможности веселый и беспечный характер, они стараются так ее направить и так наполнить, чтобы она походила на непрерывный пир и игру, или на спокойный и приятный сон, наполненный изящными сновидениями. Напрасное усилие! Смерть с каждым днем к человеку подходит ближе, и потому мысль о смерти тем докучливее и настойчивее тревожит человека, чем с большими усилиями он начнет от нее отбиваться. Желая смягчить страх смертный, люди мира и суеты безжалостно тратят драгоценный дар жизни на плотские и греховные удовольствия, стараются

жить в рассеянии и суете и без всякого серьезного плана в жизни живут так, как будто на земле все лучшее и дорогое у человека и как будто здесь должна окончиться вся участь его. А между тем страшный час смерти тихо крадется к ним, и как лютей враг нападает на них внезапно и уносит их в невозвратную страну вечности. Боже милостивый, сохрани нас от сей горькой участи! Не дай нам забыть, что жизнь не пир, не игра и не сон, что она есть труд над очищением сердца, что она есть странствование к небесному отечеству нашему, что она есть приуготовительный подвиг для приобретения и получения венцев Небесных.

Примите же, друзья мои, в расчет и крепкое помышление христианскую цель нашей кратковременной жизни и последний конец ее. Этот последний конец, вот он страшный, молчаливый и грозный! Но эта гроза и мрак рассеется для нас, если мы по мере сил своих будем усвоять христианские начала жизни. Со Христом Спасителем под его державною и любящею рукою нам решительно нечего бояться. Сам прошедший врата смертные, как Человек, и разрушивший крестом Своим смерть, Он и для нас, чада Своих, соделает смерть блаженным успением, за которым наступит вечный покой. Обымите же с любовью и детскою верою эту животворящую десницу Спасителя, невидимо простирающуюся к каждому из нас, и крепче держитесь за нее во всю свою жизнь! Держитесь верою в Его святое учение, послушанием Его Божественным заповедям и христианской любовью к ближним, – и Господь не оставит нас в ту роковую минуту, когда помощь и милость Его всего будут нужнее для нас, т. е. в минуту смерти.

Как на ближайший и убедительный пример этой небесной помощи, я могу указать вам на блаженную кончину вашего товарища, теперь бездыханного, но еще вчерашний день с нами беседовавшего, молившегося и верующего. Господь два раза приходил к нему перед смертью в святых Своих Тайнах, и мы были свидетелями того глубокого религиозного чувства, с каким он встречал своего Спасителя. Мы слышали его сердечное раскаяние, мы приняли те горячие и святые обеты, которые он собирался осуществить и исполнить в своей жизни. Но Господь

судил ему отойти с этими прекрасными и святыми обещаниями прямо из этой временной жизни в вечную, где так пышно расцветает всякое доброе семя, посеянное здесь на земле. Пусть это послужит в утешение родителям и родственникам его, скорбящим о его потере. Искавший Господа при конце своей жизни – возлюбленный отрок ваш – всеконечно возлюблен и Господом. Он *восхищен, чтобы злоба не изменила разума его, или коварство не прельстило души его* (Прем.4:10,11). Мы же с своей стороны напутствуем его в страну вечности своими молитвами к Господу, да вселит его идеже праведнии упокоются. Имя и память его сохранятся в сем храме Божиим – в Церковных молитвах и в наших пастырских. Аминь.

Поучение при погребении ученика гимназии Николая Громова (5 апреля 1875 г.)

Не хочу оставить вас, братия, в неведении о умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды (1Фес. 4:13).

Тяжело утешать людей, когда видишь, что скорбь о невозвратной потере объемлет всю их душу когда при всем сочувствии к их горю, не находишь никаких средств возратить для них невозвратимое. Есть даже опасение, как бы самым словом утешения еще более не раздражить сердечных ран. Но братия мои, не свое слабое хотя и сочувственное утешение хочу я предложить вам, но Апостольское и богодухновенное.

И Апостол не заповедует какого-нибудь неестественного равнодушия или бесстрастного спокойствия при виде смерти. Ибо можно ли без боли сердечной видеть, как из человека, прекрасного и разумного создания Божия, делается безобразный и бесславный труп, не имеющий вида ниже доброты? В особенности, можно ли не грустить при виде молодой и лишь только развернувшейся жизни и уже увядшей, и погибшей? Тем более естественна и законна скорбь родителей при гробе угасшего дитяти своего.

Но не велит Апостол Христов безнадежно скорбеть об умерших подобно язычникам, для которых могила действительно ничего кроме тьмы и мрака не представляла. А нам христианам Апостол напоминает, что если Спаситель наш Христос *Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним!* (1Фес. 4:14). Вот где первоначальный и главный источник нашего утешения! Грозный суд Божий, разразившийся над всем родом человеческим еще в раю и определивший нам смерть за нашу неверность и порчу, уже смягчен и изменен крестною смертью Единородного Сына Божия. Изменение сие так велико, что это бездыханное тело, лежащее во гробе, как и все наши тела, назначено к великой будущности. Оно, по Апостолу, как семя, бросаемое в землю, *сеется в тлении, встает в нетлении; сеется в уничижении,*

востает в славе; сеется в немощи, востает в силе (1Кор. 15:42, 43). Таким образом, то именно, что особенно устрашает нас и вселяет в нас уныние при виде смерти, – по Апостолу и есть самое маловажное; ибо есть только случайное и преходящее. Крепкая и непостижимо глубокая связь нашей души с телом приучает нас отождествлять и самую жизнь нашу с жизнью телесною. Меркнут очи и потухает взор у человека, и нам кажется, что исчезают для него и все красоты мира Божия. Цепенеет язык, и нам представляется, что с ним перестает работать и самая мысль человеческая. Застывает кровь и леденеет сердце, а с ними как будто бы прекращается всякая деятельность человека и застывает всякое чувство сердечное. А между тем все это не так на самом деле. На самом деле смерть есть дивный переход к жизни несравненно лучшей и совершеннейшей, чем наша многотрудная и многмятежная жизнь земная. Утробную жизнь младенца, находящегося во чреве матернем, едва можно назвать жизнью по сравнению с тем временем, когда он появляется на белом свете. Но также учат нас святые отцы смотреть и на здешнюю жизнь нашу по сравнению с жизнью загробной. Там-то, собственно, и начинается истинная жизнь человеческая, сообразная с тем богоподобным достоинством, к которому первоначально и был назначен человек. Сбросив узы брэнной и немощной плоти, человеческий дух за вратами смерти воспаряет как птица и быстро устремляется к своему нескончаемому совершенствованию. Сколько отрадного и успокоительного в этом возвышенном христианском взгляде на смерть человеческую!

Конечно, горька все-таки разлука с любимым и близким для нас существом, нами взлелеянным и выросшим на наших глазах. Но что же делать? Разочтем и рассудим, какой, в сущности, ничтожный промежуток времени отделяет нас от вечности, в которую то и дело отзываются Господом наши ближние и в которую позван теперь ваш юный отрок. Предположите, что вам назначен самый продолжительный, столетний человеческий век, – и однако же как это мало, как ничтожно это мало пред необъятною бездною вечности, в

которую надлежит вступить всем нам, и может быть несравненно скорее, чем мы предположили, и там увидеть снова всех близких и любезных нашему сердцу!... Одних из нас Господь призывает к себе раньше, другим определяет более длинный срок земной жизни. Но, в сущности, не все ли это равно? Почему же тех именно, а не других зовет к себе раньше Господь, это вполне ведомо Ему единому. Почему так часто жизнь человеческая погашается в юности цветущей и окруженной любовью, иногда же задерживается до немощной и болезненной старости, отяготительной и для самого человека живущего и для окружающих его, – это тайна воли Божией премудрой и всеблагой! На все подобного рода вопросы и недоумения надо держать в мысли и памяти слова Писания, что *не наше дело знать времена или сроки, которые Отец небесный положил в Своей власти (Деян. 1:7)*. А Он, конечно, поток жизни человеческой со всеми ее мельчайшими подробностями направляет таким образом, чтобы это было вполне согласно и с Его святейшею правдою и с человеческим благом. Жить и жить бы, казалось, следовало почившему отроку на радость и утешение своим родителям и на пользу обществу, но почему мы знаем, что предстояло ему в будущем? Может быть там предстояли такие скорби, такие опасности и искушения, что лучше было от них пораньше удалиться в иной безмятежный, безгрешный и беспечальный мир. Если вся загробная судьба наша, если целая вечность или блаженная или безотрадная, зависит от того ничтожного клочка времени, который должны мы пережить на земле, и которым большею частию мы злоупотребляем, увлекаемые страстями и соблазнами мира; то не лучше ли в самом, деле человеку удалиться со сцены мира в юности, еще не запятнанному и не испорченному суетой мирской, не потерявшему веры в Бога и не охладевшему в любви и надежде на Господа Спасителя? Удержитесь же, возлюбленные, недоуменно вопрошать Господа почему так, а не иначе все это случилось с вашим чадом. Смиренно и благоговейно подчинитесь неисповедимым и премудрым судьбам Божиим.

Повторяю вам утешительные слова Апостола Христова, что умерших в Иисусе Христе Бог приведет с ним, т. е. приведет в общение со Спасителем, источником бессмертной и блаженной жизни в вечности. А что умерший отрок умер в Иисусе Христе, т. е. с верою и надеждою на Господа Иисуса Христа, это мы видели при его христианской кончине. В последние часы своей жизни он всецело озабочен был тем, чтобы очистить свою совесть и освятить душу великими Таинствами исповеди и св. Причастия. Исповедь свою он хотел поставить как можно серьезнее и зрелее, в каждом слове его заметно было желание, чтобы не оставалось ни одного пятна на его совести, и этого Господь сподобил его. С глубоким благоговением приняв св. Тайны, и поручив дальнейшую судьбу свою Господу, покойный просил нас слабым и уже замогильным голосом дать ему прочесть надгробное поучение по случаю недавней смерти одного из младших его товарищей. Но вот пришлось говорить и поучать при его собственном гробе! Очевидно, что мысли покойного уже устремлены были в другой мир, – и замечательно, что день его рождения в мир земной сделался днем его рождения в мир небесный. Умерьте же свою скорбь сетующие родители! Разделяя скорбь вашу, и мы вместе с вами будем молиться об упокоении вашего сына. И не только здесь при последнем печальном обряде, но и после всякий раз при бескровной жертве пред престолом Божиим.

Вам же юные друзья и сотоварищи покойного, окружающие гроб его, скажу только несколько слов от его имени. Прислушайтесь к этим словам, как бы к голосу с того света, исходящему из уст вашего товарища. «Друзья мои, как бы так говорил покойный, несколько дней тому назад я был в вашем обществе, и вот целая бездна легла между нами и разделила нас. Вблизи моих смертных останков вы взволнованы грозным таинством смерти, вы невольно задаетесь разными вопросами – как и что бывает за гробом. Хоть и хотел бы, но не могу сказать вам об этом ни слова: бездна многа разделяет нас. Одно скажу, что и вы тихо и незаметно движетесь к этой бездне, и для вас готова подняться завеса, скрывающая мир небесный от земного. Вот и меня застиг страшный час смертный в ту самую

пору, когда мечты о жизни и ее радостях бывают самые сильные и естественные. Молодость сулила мне долголетие, жизнь только что начала мне улыбаться, – и уже всему конец!... Пожалейте же товарищи свою юность, поберегите свою веру и похлопочите о чистоте души своей, – это единственные вещи, которые ценятся за гробом! Держитесь крепко и неуклонно той единственной дороги, которую начертал людям Христос Спаситель в Своем законе, – это одна только и есть прямая и верная дорога, ведущая к блаженной вечности, все же прочие ведут к гибели»! Аминь.

Слово в день рождения Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича (17 апреля 1875 г.)

Подражайте Богу, как чада возлюбленные, и живите в любви, как и Христос возлюбил нас, и предал Себя за нас... А блуд и всякая нечистота... не должны даже именоваться у вас, как прилично святым. Также сквернословие и пустословие и смехотворство не приличны вам... Ибо знайте, что никакой блудник, или нечистый..., не имеет наследия в Царстве Христа и Бога (Еф. 5:1–5)

Благочестивые слушатели! Прежде чем остановить ваше внимание на приведенных словах Апостола Христова, я имею повод сказать несколько предварительных слов о нашей Церковной проповеди вообще. Не всем нравятся те случаи, когда слово наше принимает обличительный характер. Так что есть основание предполагать, что чем прямее и откровеннее приходится говорить с вами, тем более есть опасения возбудить ваше неудовольствие и быть может порицания. Нам позволяют говорить все и обо всем, но так, чтобы это не особенно касалось кого-нибудь и чего-нибудь, в частности. Когда же наоборот замечают в нашем проповедническом слове отсутствие прямого отношения к жизни, то сетуют на его бессодержательность и общность, называют его скучным и утомительным, и для нашего наибольшего обличения укажут нам пожалуй на пример Церковных проповедников иностранных и неправославных, которые якобы являются сильными двигателями религиозной жизни в тамошних обществах. Эту предварительную оговорку мы делаем для того, чтобы видно было, в какое затруднительное и ложное положение поставил бы себя Церковный пастырь-проповедник в нынешнее время, если бы захотел применяться к щекотливому вкусу слушающей публики, и позабыл бы свой пастырский долг говорить только от имени Божия и с тою одною целию, да будет слово его *полезно для*

научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божии человек, ко всякому доброму делу приготовлен (2Тим. 3:16,17). Несколько иной оттенок принимает недовольство нашими обличениями, когда нам говорят об их неблаговременности. Например, ссылаясь на то, что прошли дни скорбного покаяния, что Церковь поет ныне громогласно: «простим вся воскресением», – на этом – говорю – основании может быть некоторые воображают, что теперь и не время и не место никаким обличениям. С этим мы могли бы вполне согласиться, если бы не были поставлены в необходимость ловить те драгоценные случаи, когда к нам собираются избранные слушатели в наибольшем количестве, чтобы сказать им то, что мы находим для них по преимуществу нужным сказать. Пройдет один подобный случай, – и уже долго надо ждать, когда придут в храм Божий наши слушатели. Нет, нельзя назвать неблаговременным и неуместным того, что необходимо. Просим вас не забывать возлюбленные, что мы врачи духовные, и относиться к нам так же именно, как вы относитесь к врачам телесным. Не сами ли вы спешите с полною откровенностью разъяснять свои язвы и болезни сейчас же как только их почувствуете? Не станете выбирать и дожидаться случаев более или менее благовременных, и когда настанет прямая нужда начать теперь же лечение. Итак, с христианскою прямою и с докторскою, так сказать, откровенностью побеседуем о некотором недуге нашего чувственного и материального времени, на который могли уже намекнуть вам слова Апостола Павла, поставленные нами во главе своего настоящего слова.

Следует, конечно, прежде всего точно обозначить и дать вам ясно почувствовать этот недуг. Не можем скрыть от вас, и что это столь простое, по-видимому, и совершенно естественное обстоятельство ставит нас в немалое смущение и затруднение; ибо приходится касаться таких язв наших, которые при всей злокачественности и общеизвестности своей любят таиться и прятаться во тьме, и подлинные наименования которых *не лезть есть глаголати*, дабы не оскорбить каким-нибудь неосторожным словом самого слуха христианского. С

благоговением обращаясь к апостольскому боговдохновенному слову, сделаем однако же попытку предложить его вам для беседы; ибо то, о чем Апостол Павел находил нужным откровенно говорить и писать Ефесским христианам, то не менее нужно и в нынешнее время проповедывать с кровель и на площадях.

Мы разумеем ту нецеломудренность и растленность преимущественно нашего мужского поколения, то отсутствие стыдения в речах и помыслах и вообще в отношениях к другому полу, которое, мутным потоком вторгается почти во все области нашей общественной жизни, грязнит нашу литературу, унижает искусства, но особенно губительно действует на семейное начало, колебля его основы и заноса в него всякую нечистоту и гниль. Наши литературные произведения, и мелкие и крупные, своей обычной темой избирают чувственную и плотскую любовь, воспевают ее на разные лады, – и едва ли можно найти хоть одно из них, которое, при всех своих художественных достоинствах, не отзывалось бы, так сказать, этим сладострастным букетом. На театральных подмостках олицетворяются грязные страсти, и весьма часто лицедействует порок, почти в буквальном смысле непокрытый. В художественных залах, в картинных галлереях, в публичных садах и других общественных местах человеку непривычному и целомудренному трудно глядеть прямо и без краски стыда. Но в жизненной практике, можно сказать, еще хуже. Большинство нашего юношества, жадно кидаясь в область грубых материальных наслаждений, заклеило себя печатью раннего растления и страдает преждевременным пресыщением. Люди зрелые и, как говорится, обосновавшиеся тоже не стыдятся хвалиться, как подвигами, своими темными и нечистыми похождениями, и не только не скрывают своей грубой философии, но не редко щеголяют количеством жертв своего сластолюбия; и кажется даже вошло в обычные условия наилучшего и богатого комфорта нечто такое, чему собственное имя есть утонченное, позолоченное и изукрашенное непотребство. Светлый и целомудренный взгляд на женщину, растворенный здоровой и библейской поэзией, украшающий

человеческие отношения обоих полов и несущий за собою прочное семейное счастье, стал необыкновенною редкостью, попадающеюся в самых избранных, благовоспитанных и религиозных семьях. О степени и силе зла, разъедающего все слои людского общества и низшие, и средние, и высшие, можно судить по тем горьким плодам, которые можно видеть и наблюдать почти на каждом шагу. Плоды эти – в области нравственной: ветренность мыслей, некоторое общее неряшество и распушенность поведения, а отсюда или недобросовестное уклонение от браков, или же браки неосновательные, неравные и вообще неудачные и несчастные, – развитие незаконного сожительства с нарождением бесправных и бесприютных существ в обществе, умножение случаев всякого рода преступлений с целью скрыть или уничтожить позорные плоды нехристианской жизни и т. п. В области физической: вырождений сильного, долговечного и красивого человеческого типа с появлением целого сонма всяческих недугов, немощей и безобразий. О, если бы прародители наши, блиставшие некогда в Едеме богоподобной красотой и силою, взглянули на нынешних потомков своих, выродившихся, хилых, недолговечных, болезненных и некрасивых! Конечно, они отвратили бы от них с горькою грустию очи свои и, может быть, даже не признали бы их своими потомками. В чем же причина такого печального изменения, происшедшего в природе человеческой? В том, что род людской не просто стал грешным, но – как говорит Сам Спаситель – прелюбодейным и грешным.

Рисуя пред вами столь неблагоприятную и печальную картину развращения людского, мы отнюдь не забываем, что в человеческих обществах живы еще и не пропали и нравственные начала. Есть, разумеется, люди благоразумные, целомудренные и чистые. Не будь этого семени святого, то и мир бы и не стоял, а погиб бы, как допотопные люди, или как нечестивые пять городов Содомских во времена Авраама. В особенности наша женская среда еще, благодарение Богу, остается более или менее все же блюстительницею целомудренных и чистых начал в обществе. За исключением

некоторых неустройств и неправильностей, навеваемых и в женскую среду и духом нынешнего материального времени и разными случаями небрежного, неправильного или неосновательного воспитания женского, всеж-таки с именем женщины вообще, как половины людского рода, соединяется в обществе представление, как о чем-то лучшем и более чистом, чего именно не достает мужскому роду. Это представление было бы невозможно, если бы ему не соответствовало чего-нибудь в действительности. Все это так. Но мы решились говорить именно о том, что у нас дурно, дабы с одной стороны привести зло к сознанию и дать почувствовать его силу, а затем с другой стороны и попытку сделать к его исцелению. Кто здоров, и кто из вас без греха, к тому пусть не относится наше слово! Или нет, – пусть оно относится ко всем без исключения нашим слушателям и слушательницам, имеющим уши слышати, и разум чтобы понимать! Непорочные и чистые пусть знают вполне цену своему сокровищу, которым они владеют, но пусть знают и опасности, какие угрожают их добродетели. На пастырях духовных, как и на врачах телесных, лежит обязанность не врачевать только, но и предупреждать болезни.

Прежде всего, возлюбленные, мы желали бы объяснить вам ту неосновательность и легкость, с какою обыкновенно смотрят на грех нецеломудрия. Преступность и богопротивность этих грехов стараются обыкновенно ослабить, и даже вовсе сгладить и оправдать натуральными и потому якобы законными стремлениями человеческой природы. Но, во-первых, инстинктивное влечение, о котором у нас речь, отнюдь не имеет той роковой и неотвратимой силы, как многие другие потребности животной натуры человека, – знак, что это влечение подчинено разумной свободе человека и отдано, так сказать, в ее распоряжение. Впрочем и все вообще так называемые инстинкты человеческие, т. е., все его поступки и деяния, имеющие свою причину в естественных потребностях его натуры, все они без различия подчинены до известной степени самой природой, а следовательно должны быть подчиняемы и человеком своему свободному произволению и разуму; в противном случае он приложился бы, как говорит

Писание, скотом несмысленным и уподобился бы им. Вторых, – и это самое главное, на что просим обратить все ваше внимание, – слово Божие нам открывает, что со времени нашего падения в раю занесена в нашу природу некоторая порча и нечистота. Первое прискорбное сознание этой нечистоты мгновенно вызвало краску стыда на лице человеческом, и сделало необходимою одежду, – и с тех пор живет и живет в роде человеческом это замечательное чувство, называемое стыдом. Что оно такое – это чувство само в себе? Очевидно, что оно есть некоторое невольное и в то же время весьма глубокое и внутреннее сознание какого-то неустройства в нашей природе, чего-то не совсем хорошего, живущего в нас. Простой здравый смысл может подсказать всякому, что с таким, в сущности, тяжелым и неприятным чувством никакая тварь не могла выдти из рук создателя, ибо никакая тварь не должна была, стыдиться себя. Посему и видим мы, что в той области, где нет нравственной свободы и где значит не могло произойти никакого греха, там нет и стыда. Мы говорим о царстве неразумных животных. Между тем человеку приходится чего-то краснеть и стыдиться самому за себя. Без всякого сомнения это не могло и не должно было так быть изначала. И вот слово Божие говорит нам, что невинные как дети и ангелоподобные прародители наши *были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились* (Быт. 2:25). Как затем все это извратилось, как отлетела наша невинность завистью древнего змия губителя, полагаем не нужно распространяться, как об истории общеизвестной. Просим только крепче начертать в своей мысли, что после этого прискорбного события то, что должно было по плану Божию совершаться в человеке безгрешно и свято, в чистоте и разумности побуждений, теперь помутилось и оплотянено до такой степени, что все мы грешные теперь *беззаконии зачинаемся и во гресех рождаемся* (Пс. 50:7), и тот естественный закон брака, который в первый раз был изречен нашим невинным прародителем в Едеме, теперь уже нуждается во вторичном, так сказать, благословении Божиим, т. е. в очищении и одухотворении и вообще в упорядочении, что и бывает в новозаветном таинстве брака. При всем том

действительность и чистое безбрачие естественно стало теперь выше даже самого брака, каковое преимущество утверждается за ним и словом Божиим. Так Апостол говорит: *желаю, чтобы все люди были, как и я* (т. е. в безбрачном состоянии); *но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе. Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я. Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак* (1Кор. 7:7–9). Сам Спаситель наш, законоположник Нового Завета, обращая речь Свою к избранным людям, ревнующим о высшем нравственном совершенстве, говорит: *истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или родителей... или жену... для Царствия Божия, и не получил бы гораздо более в сие время, и в век будущий жизни вечной* (Лк. 18:29–30). В другой раз, когда ученики спросили Его: *если такова обязанность человека к жене, т. е., если так строги и чисты должны быть брачные отношения, то лучше не жениться?* Он же сказал им: *не все вмещают слово сие, т. е. не для всех доступно безбрачие, но кому дано... Кто сможет вместить, да вместит* (Мф. 19:10–12). Таким образом, то убежище и оправдание, которое надеются найти невоздержники и сластолюбцы в естественном инстинкте человеческом, нисколько их не укрывает и не оправдывает. Пусть так и знают они, что то, что они позволяют себе, попросту называется в слове Божиим блудом, нечистотою и похотью злою; и пусть они не льстят себе, ибо, по слову того же Писания *ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни сквернителю... Царства Божия не наследуют* (1Кор. 6:9, 10).

К этому можно присовокупить еще одно замечание, собственно, для разъяснения того, почему такую важность сообщает Писание всем видам плотских грехов. Оказывается, что под внешней и плотской стороной грехов сладострастия зреет, некоторым образом, тайна внутреннего беззакония и нечистоты душевной. С растлением тела растлевается и грязнится самая душа сластолюбца, появляется в ней некоторая распущенность, беспечность да склонность к животному и материальному взгляду на вещи и к таковому же

образу жизни во всех прочих отношениях. Посему и Апостол говорит: *или не знаете, что совокупляющийся с блудницею становится одно тело с нею? ибо сказано: два будут одна плоть (1Кор.6:16)*. Смотрите же, какое нежеланное и может быть невоображаемое вами единство заключается постыдным актом любодеяния! Значит, далеко не проходят даром и не остаются без пагубных следов и всякие случаи плотского падения; из сего поймите важность и тяжесть того, что вы можете быть до сих пор считали пустяками, – и с сей же минуты научитесь по крайней мере называть вещи их собственными именами. Блуд – так блуд и есть. Нечистота и срамота – так уж не измышляйте для них каких-нибудь благовидных названий, в роде законных потребностей природы. О, если бы мы не лукавили и не фальшивили пред своею совестью! как много она подсказала бы справедливых вещей и как много разъяснила бы наших недоумений и ошибок!...

Показав вам неосновательность и грубость господствующего взгляда на грехи нецеломудрия вообще, мы желаем сказать вам несколько слов и о том, с какою удвоенною неосновательностию смотрят на эти грехи по отношению к мужскому поколению в частности. В самом деле – то, что так строго, хотя и справедливо, судится в женщине, что считается для нее потерей чести, унижает ее до последней степени и навсегда лишает ее доброго имени в обществе, – то считается у нас почему то мало важным для мужчины, не кладет на него ровно никакого пятна, и много много называется грешками молодости, шалостию или извинительным увлечением. Но на каком же это основании? Разве заповедь Господня – *не прелюбы сотвори* – изречена только для женского пола? Разве, когда говорил Апостол, что *блудникам и прелюбодеям судит Бог, что никакой блудник, или нечистый... не имеет наследия в царстве Христа и Бога (Еф. 5:3–6)*, – то он, собственно, понимает женщин? Не наоборот ли, ибо не женские имена слышатся в словах Апостола?! Разве когда Писание внушает нам, что *тела наши суть храмы, Божии (1Кор. 6:19)*, и затем предостерегает, что *кто Божий храм растлит, растлит сего Бог (1Кор. 3:16, 17)*, – то разве эти внушения и предостережения

направлены только для женщин? Нет возлюбленные, совершенно нет! *О Христе Иисусе*, в благодатном царстве его, *нет мужеский пол, ни женский*, т. е. никакого нет различия между тем и другим полом по отношению к нравственным обязанностям и по праву наследия в Царствии Христове. Итак, пусть никто не обольщает и не успокоивает себя! Срамota и преступность всех видов сладострастия столь же тяжелой ответственностью отзовутся на праведном суде Божиим для всякого мужчины, как и для женщины, – да к большему осуждению первых помянутся тогда и все эти поблажки и нелепые извинения, который изобрели и выдумали для себя развращенные люди. Или может быть не так пристала, не так к лицу добродетель целомудрия для мужчин, чем для женщин? Взгляните и сравните сами! Вот пред нами юная девица: кротостию проникнут взор ее; чистота и нежность сияет на лице ее, скромностию рястворены ее речи; простота и изящество заметны в ее одежде, строгое приличие в поступках, грация в движениях и привлекательная стыдливость во всей ее особе. Но вот с другой стороны непорочный и целомудренный юноша: открытый и ясный взор свидетельствует о ясности души его; свежесть, сила и здоровье написаны в каждой черте его мужественного лица; благородство, чистота и энергия речей его обнаруживают целостность чувства, глубину и нежность сердца, чуткого и послушливого к всему возвышенному и прекрасному; глубокое уважение к религии, искренность и основательность в убеждениях и привлекательная скромность всего поведения, соединенная с отвращением и брезгливостью к всему грубому, животному и низкому, – вот наиболее выдающиеся светлые черты юношеской красоты и непорочности! Чем же хуже этот последний образ первого? Напротив, если бы где-нибудь удалось нам встретить приблизительные черты его в жизни, то не поспешили ли бы сами мы признать за ним право первенства? И это было бы совершенно согласно с праведливостию. Ибо при той относительной свободе, которою пользуется мужеский пол по самому положению своему в обществе, и при многочисленности тех соблазнов и искушений, с которыми приходится непосредственно сталкиваться каждому

возрастающему молодому человеку, добродетель его вполне бы ему принадлежала, и была бы поистине его личным подвигом. И, Боже, как обновилось бы и помолодело все общество, если бы побольше возрастало в нем таких юношей героев и вообще таких блюстителей и носителей чистоты в мужском поколении! К сожалению, чаще всего приходится видеть обратные грустные картины. Рядом с чистотой и добродетелью слабейшего пола неприятно бросается в глаза, если не прямой порок и развращенность, то большая или меньшая порча и растление мужчин. Надеясь найти семейное счастье и ища его в браке, они требуют совершенной добродетели и всецелой непорочности души и тела от своих избранниц, как совершенно естественной и обыкновенной вещи, себя же не считают обязанными сберегать то же самое для брачного алтаря. Такой самолюбивый со стороны мужчины и оскорбительный для женщины взгляд на взаимные их права и отношения, кроме противоречия Христову учению и неверности Евангельским началам, заключает в себе – как хотите – значительную долю невежества и варварства, оставшегося от времен древних, когда женщина считалась лишь предметом, назначенным для удовольствия сильнейшего пола, некоторым безличным существом, вполне принадлежащим своему господину, т. е. мужчине. Уместен ли такой взгляд в гуманном и образованном обществе, а главное, уместен ли в среде христианской, судите сами. Не этот ли грубый и материальный взгляд и нецеломудрие мужчин, столь оскорбительные для женщин, заносит порчу и суетность и в женскую среду, будя в женщинах чувственные инстинкты и развивая в них склонность и искусство расчетливо и тонко действовать всеми зависящими от них мерами на эти же инстинкты и в мужском поколении? Кажется так!...

После всего сказанного примите, возлюбленные, следующее наше заключительное слово пастырское. Юноши и девы, к вам прежде всего обращаем мы это слово. Умоляем вас именем Господним блюсти, как святыню, как наилучшее ваше сокровище, чистоту душевную и телесную. Он есть самый верный и прочный залог вашего счастья в будущем, о котором

так естественно мечтать всякому молодому человеку. Она привлечет к вам благодать и милость Господню и полное уважение от людей. Чистый и целомудренный юноша, невинная и непорочная девица, что может быть лучше и прекраснее этих явлений в роде человеческого?! В вас надежда, в вас сила и обновление целого общества – какое высокое и почтенное положение! *Не сообразуйтесь же веку сему (Рим.12:2) прелюбодейному и грешному, но испытывайте, что есть воля Божия. А воля Божия такова, чтобы тела ваши были достойным храмом живущего в вас Св. Духа, Которого вы имеете от Бога, и несте свои. Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии (1Кор. 6:19, 20).* И вы жены и мужи выслушайте не наше немощное, но следующее Апостольское боговдохновенное слово: *Жены будьте верны и чисты, повинаясь своим мужьям, чтобы те из них, которые не покоряются слову, житием жен своих без слова, приобретаемы были, когда увидят ваше чистое богобоязненное житие. Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого молчаливого духа, что драгоценно пред Богом (1Пет. 3:1–4)...* Так же и вы, мужья, обращайтесь благоразумно с женами, как с немощнейшим сосудом, оказывая им честь, как сонаследницам благодатной жизни, дабы не было вам препятствия в молитвах (1Пет. 3:7). Тем же из нашего общества, которые, повинаясь грубому и материальному духу нынешнего времени, живут в беззаконии или заключают незаконные союзы, подобные супружеским, по всей истине следует повторить слово, которое сказал некогда Ездра, богодухновенный священник Иудейский, своим одноземцам, заключившим по возвращении из плена вавилонского, незаконные союзы с иноплеменницами и язычницами. *Вы сделали преступление, взявши, себе жен незаконных, и иноплеменных, и тем увеличили, вину Израиля! Итак покайтесь в сем пред Господом Богом отцов ваших, и исполните волю Его, и отлучите себя... от жен незаконных!*

(1Езд. 10:10–11). Писание и повествует далее, что *отвечало тогда все собрание, и сказало громким голосом: как ты сказал, так и сделаем (1Езд. 10:12)*! Будут ли столь же послушны и благоразумны новозаветные израильтяне – христиане, – Бог весть! По крайней мере мы сказали им все, что надлежало. И думаем, что не неуместна наша проповедь о нравственном обновлении в нынешний день, когда мы собрались торжествовать и молиться о нашем великом Государе, который всю, царственную энергию направляет к тому, чтобы обновилось к лучшему великое русское царство Православное во всех отношениях. Аминь.

Слово в день венчания на царство Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича (26 августа 1875 г.)

Тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь. И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус Христос убьет духом уст Своих, и истребит явлением пришествия Своего (2Фес.2:7, 8).

Берем мы эти слова Апостола для беседы с вами потому, что они имеют отношение ко времени, которое приходится переживать нам. Замечательные слова сии дают нам разуместь, что есть в роде человеческом некоторые темные подземные силы, которые ведут скрытую, но упорную и вековечную борьбу со светлыми началами добра, живущими в человеческих обществах. Борьба эта то меньшее, то большее принимает напряжение; ибо есть нечто в самых обществах людских, что сдерживает и ограничивает живущие в них злые начала, и охраняет общественное благо. Но настанет время, когда зло достигнет наивысшей своей напряженности в страшном и таинственном лице антихриста, после чего однако же последует полное его низложение и поражение и откроется новая жизнь человечества на новых и светлых началах. Это будет при конце сего видимого мира и по втором пришествии Господа Иисуса Христа на землю. По толкованию богомудрых отцов Церкви, – то, что сдерживает и тушит зло, таящееся внутри грешных обществ человеческих и рвущееся наружу, есть не что иное, как правительственная власть гражданская; так что по мере ослабления сей власти в обществах людских станет все больше и больше увеличиваться простор для темных сил. Время же антихристово не иначе нужно вообразать, как полную анархией и окончательным попранием всякого гражданского права. Не станем гадать, далеко ли мы отстоим от сей ужасной развязки всемирной истории, – это ведомо единому Богу, положившему

времена и лета во своей власти, но – повторяем – мы не без намерения поставили во главе нашего слова вышеприведенные слова Апостола Павла, ибо *тайна беззакония уже в действии*, как говорит он. Это мы можем чувствовать отчасти по тем глухим и зловещим отголоскам, которые слышаться время от времени в нынешних обществах людских, проявляются то в виде безбожных и материалистических учений, то в виде разных политических партий – с целью поколебать правительственную власть и низвергнуть вековые законы гражданственности. К прискорбию, и в нашем родном крае стали дерзновенно поднимать голову тайные деятели против государственных начал и затеяли распространение этих антихристовых начал по преимуществу в нашем учащемся и только еще созревающим юношестве. Об этом возвестило нас само правительство, и всей читающей России уже известно, что несколько несчастных жертв из отуманенной и заблудшей среды юношества уже потерпели заслуженную кару от правосудия. Мы не имеем возможности определить, на сколько широко и успешно идет подземная работа, подкапывающаяся под наше общественное благо, но довольно и того, что она есть, о чем предупредить и вразумить нас находит нужным сама правительственная власть. Церковь Православная не может оставаться равнодушною к этим прискорбным явлениям среди народа православного, и нам-ли, пастырям духовным, молчать об них, когда прямой наш долг – с словом врачевания и назидания отзываться на все, что может угрожать не только спасению, но даже и внешнему благоустройству наших пасомых?!...

Объясняя причины быстрых и широких успехов одного страшного и последнего беззаконника в роде человеческого и описывая современную ему среду людскую, Апостол предсказывает некоторое странное и почти поголовное ослепление людей. Чувство истины у всех как бы замрет и исчезнет, *за то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие, заблуждения, так что они будут верить лжи (2Фес. 2:10, 11)*. Вот этого-то опасного состояния, значит, и надо нам поберегаться прежде всего. Но что это за состояние и как оно создается? Это есть

какое-то одностороннее и превратное направление ума и сердца, по которому человек несмотря на сильную и кипучую, по-видимому, деятельность всех своих духовных сил, не делает ни одного верного шага к своему истинному совершенству. В этом состоянии человек способен принять за голос истины все то, что подсказывают ему его собственные страсти, что создает его разгоряченное и самолюбивое воображение. Это есть род некоторой юношеской незрелости и легкомыслия, которое может, однако же быть недугом и старцев. Но то, что в юношах случается большею частию по недостатку ясных и зрелых идей и по отсутствию надлежащей опытности, то в зрелых людях зависит обыкновенно от превратного направления уже окрепшей воли, от развращения сердечного и от страстного, и грехолюбивого характера всей их жизни. Это состояние гораздо серьезнее первого и тем опаснее бывает для человека, чем богаче он наделен от природы умственными, материальными или другими какими-нибудь дарами и силами. Эти люди оказывают сильное влияние на окружающую среду и создают около себя некоторого рода тлетворную атмосферу. Если они ученые или философы, то выдумывают отчаянные и погибельные учения если они государственные и политические люди, то способны на самые опасные перевороты и гибельные революции: они возбуждают и кипятят народные страсти, чтобы обратить их в орудие своего честолюбия. Если они поэты и литераторы, то издают многотомные книги и журналы с возбуждающим и зловредным направлением. Если они просто люди, обладающие большими средствами к жизни, то они способны ко всяким крайностям и излишеству в употреблении даров жизни, способны на всякие безумный и причудливые выходки. От накопления и преобладания таковых или подобных людей в обществе может сложиться в нем некоторый общий характер, некоторое вольное и грехолюбивое направление всей жизни общественной. Наступает тьма и путаница в самых понятиях о добродетели и все сословия делаются способными *влятися*, т. е. колебаться всяким ветром учения, по слову писания. Много простора и много удобства в такой земле и в таком народе найдут всякие лжеучители и зловредные

мечтатели. Голос же истины и здравого смысла будет встречаем или с равнодушием, или даже с презрением и насмешками.

Является естественный и беспокойный вопрос, – что же мы? Что наша православная страна? Благодарение Господу! Можно, кажется, с уверенностью сказать, что описанный нами ужасный недуг умственного пресыщения и отупения, сопряженный с потерей чутья истины и извращением нравственного чувства, не смог пустить многочисленных и крепких корней в нашем общественном организме. Православная Россия еще сильна любовью и преданностью к престолу своих монархов и благоговением ко властям предержащим. Но что идет какое-то озлобление, хотя и невидимое посягательство на целостность этих дорогих и высоких начал нашей народной жизни, что встречаются по местам некоторые отдельные случаи заражения тлетворными идеями западной науки и западных нравов, – это тоже должно быть принято к сведению всяким истинным и православным сыном России, должно озабочивать нас и побуждать к единодушным и совокупным мерам противодействия злу.

Две меры представляются единственно верными и самыми надежными против угрожающего нам зла, именно: распространение здоровой и светлой науки в умственной жизни и углубление религиозных начал в нравственной жизни нашего общества. Говоря об науке, надо, однако же помнить, что это обоюдоострое оружие. Путем науки, как известно, проходит в общество не только свет, но и тьма и всякая нравственная тля. Самые странные теории, отрицающие Бога и извращающие нравственность, силятся опереться на доводах науки. Но это не есть истинная наука, *это не есть мудрость, нисходящая свыше*, как говорить апостол Иаков, *но земная, душевная, бесовская* (Иак. 3:15). Истинная наука есть плод многостороннего и серьезного изучения разных областей знания, законов природы и человеческой души; она не верхоглядствует, не делает скороспелых выводов из отрывочных наблюдений и не спешит какие-нибудь оригинальные и смелые предположения выдавать за несомненные истины. И потому истинно и многосторонне-

ученый есть всегда глубоко-религиозный человек. О насаждении такой-то именно здоровой и серьезной науки в нашем отечестве и озабочено теперь, как мы знаем, правительство наше. Сколько долг совести, столько же и гражданский долг всякого истинного сына отечества – помочь сим правительственным заботам своим содействием и сочувствием. Позаботимся о серьезном и многостороннем образовании своих детей, приучим их к труду и вдохнем в них любовь к самообразованию. Если бы наше учащееся юношество, находясь в школе или дома, занималось именно тем, чем бы ему следовало больше всего и прежде всего заниматься, т. е. наукой, то оно не было бы так легкомысленно и незрело, и так податливо на всякую ложь и обман, прикрывающиеся именем науки. Но и мы сами *не всякому духу будем веровать, но испытывать духов, от Бога ли они: потому что много лжепророков появилось в мире (1Ин. 4:1)*. Если бы масса многообразных знаний и учений, вторгающаяся к нам бесчисленными путями печати, проверялась нашими мыслящими людьми, а не принималась на веру, – иначе сказать – если бы побольше было у нас самостоятельной и здоровой науки и если бы поклонение всяким иностранным авторитетам не простиралось до попрания здравого смысла и до забвения вековых истин нравственности, то конечно много бы всякой ученой изгари бесследно и безвредно исчезло бы в нашем русском воздухе и не туманило бы голов нашему юношеству. «Но к сожалению, – уместно повторить здесь подлинные слова министра народного просвещения, – дети и юноши, вместо того, чтоб найти в окружающей их среде и в своих семействах отпор преступным увлечениям и политическим фантазиям, встречают иногда, напротив того, одобрение и поддержку; только этим и можно объяснить распространение социалистических теорий, давно осужденных здравою наукой... Судебное исследование обнаружило, что некоторые отцы и матери подбивали к ним своих детей. Это явление, как совершенно верно замечает министр, гораздо прискорбнее самой пропаганды: оно показывает, до какой степени поверхностна и невежественна известная часть нашего общества». Не зная и не видя пред

собою этих поверхностных и невежественных людей, пошлем им отсюда, с сего священного места, наше полное несочувствие и неодобрение. Да будет им стыдно, как говорили в старину! Да будет им грех! Людям же, не имеющим научных средств распознавать истину от лжи, можем мы предложить следующее самое лучшее и надежное правило: крепче держаться за свои ближайшие и прямые обязанности и во всем поступать так, как велит долг совести и гражданская честь. Это правило могло бы быть крепкою броней, от которой отражались бы в бессилии все разженные стрелы лукавых и темных противообщественных духов.

Но как достигнуть, чтобы это правило было не отвлеченным положением мысли, а живым и действенным началом нашей общественной и нравственной жизни? Вот здесь-то и оказывается всего важнее благодатное действие религии на сердце и совесть человеческую. Без этого влияния ничто в мире не в состоянии поднять человека до подобающей ему высоты и благородства. В самом деле, кто носит в сердце своем крепкую веру в Бога, не в отвлеченного и философского, но в живого и личного Бога, творца мира и судию вселенной, невидимого, но всевидящего судию наших поступков и наших помыслов; кто уверен, что после этой кратковременной жизни, где так много случается всяких противоречий, страданий, неправды и греха, настанет иная бесконечная жизнь, где решится по всей справедливости участь каждого человека; кто знает бесконечную любовь к людям Господа Бога, давшего за них Сына Своего единородного; кто не только знает об этой любви, но и пользуется живыми струями благодати, обильно открытой на земле воплощенным Богом словом: то можно ли сомневаться об этом человеке, что он окажется во всех отношениях надежным человеком? Можно ли не ожидать от него всего благородного и всего прекрасного? Можно ли страшиться за этого человека, что он поддастся какому-нибудь духу лестчу, хотя бы этот дух говорил, как сама премудрость? Нет, таким сомнениям и опасениям вовсе не будет места. В противном же случае, т. е., если нет у человека в голове светоча религии и если не горит в его сердце святая искра

Евангельской любви, то кто бы он ни был, какое бы высокое положение ни занимал, какую бы громадною ученостью ни обладал, он все-таки останется человеком маловажным и ненадежным, и даже безнадежным. Ибо, что спасет его от самолюбия и вдохновит на борьбу со страстями и естественным стремлением к личному покою и личным выгодам? Ничто! Совесть? Но кто не знает, как гибка и уступчива бывает человеческая совесть? Что укажет и подскажет ему фальшь безумных теорий, узаконяющих страстный личный произвол и попирающих добродетель и закон? Ничто! Разум? Но он-то и есть изобретатель этих теорий; этот-то слабый, хотя и заносчивый разум человеческий и бываете всего чаще не показателем, а затмителем истины. Есть ли у него под ногами твердая нравственная почва и неизменный закон честной и добросовестной деятельности? Нет и нет! Может быть спасет его долг и присяга? Но кто не знает, как мало силы у людей имеют эти слова сами по себе и с какою легкостью за этими высокими словами, как за красивой мантией, может укрываться всякого рода недобросовестность и самый застарелый порок, и измена. Так важно и ничем незаменимо влияние религии на совесть и сердце человеческое. От того-то, собственно, можно сказать после этого, и умножаются в нашей стране православной разные сеятели плевел; от того-то они и находят себе приют и восприимлющую почву, что у многих слабеют стали религиозные начала, колеблется вера и падает христианская нравственность. Будемте откровенны, и покаемся здесь пред престолом Божиим, что в этом мы все, решительно все виноваты в большей или меньшей степени. В самом деле, в чем выражается наша христианская вера и наше благочестие? Богу мы молимся мало и редко. В храм Божии попадаем еще реже, большею частью урывками и как-нибудь случайно. Книг духовных и религиозных мы не читаем, и читать не любим. Уставов Церковных не только не соблюдаем, но можно сказать и знать не хотим. Делами христианскими, например благотворительностию и милосердием, искреннею и нелицемерною заботливостию о благе ближнего, добровольным и бескорыстным радением об общем благе и проч..., – мы тоже

похвалиться не можем. Досуг свой наполняем удовольствиями и развлечениями – либо пустяшного, либо прямо-дурного свойства. Проверять и исследовать свои нравственно-религиозные убеждения, и просветлять их учением Евангельским, – мы тоже не любим и скучаем. Некоторые общеобязательные дела христианские мы, конечно, отбываем, напр., раз в год приступаем даже к великому Таинству Приобщения; но все это, большею частью, выходит у нас холодно и нехотя, формально и без сердечного участия. Иногда же и вовсе мы уклоняемся от всяких христианских обязанностей. Где же, скажите, те светлые признаки, по которым бы прямо было видно, что мы принадлежим к великой семье народов, исповедающих принесенную Самим Богом веру? И нет, и нет этих желанных признаков! И неудивительно, повторим опять, что разные развращающие и зловредные духи то там то здесь начинают дуть по разным направлениям и пунктам нашей родины. И конечно, если все это будет продолжаться так же, как и теперь, т. е., если в своем нравственном развитии мы всего будем ждать лишь от естественного прогресса времени, и увлекаться, подобно бездушным волнам, только неизбежным потоком исторических и политических событий, а не станем вносить в свою жизнь начал религиозных; то мы можем наконец потерять совершенно свой христианский тип, и себя и страну свою подвергнем всяким неожиданным и притом самым горьким случайностям. Стоило бы подумать об этом, как можно серьезнее, всем истинным патриотам, всем честным и благонамеренным гражданам, – а кому же не дорого это имя? Следовало бы всем нам устремить единодушные усилия на обновление и поднятие религиозной области в нашей стране.

Но иным, что ни толкуй, а им все кажется, что религия есть какая-то особенная область, не имеющая прямого отношения к государственному строю; что об ней лишь надо говорить в церквях, и притом для высших и неземных целей, а земное преуспевание обществ идет будто бы по своим и самостоятельным законам. Вот это-то и горько! Вот это и есть самая странная и грубая ошибка! Общеизвестно наречение, что

самый хороший человек есть самый религиозный человек. Откуда же возьмется хорошее и благоустроенное общество, если единицы его не хороши и не надежны, т. е. не религиозны? Если нужны наглядные доказательства и примеры то, не ходя за ними далеко, мы могли бы заимствовать их тысячи, – хотя бы из наших же национальных газет и журналов, – в доказательство того, как без религии самые разумные меры и благодетельные реформы правительственные не приносят ожидаемых благих плодов. То мешает им пьянство и невежество толпы народной, то грубость и самовластие служащего чиновничества; то корыстолюбие и жадность людей, власть имеющих; то сластолюбие и изнеженность людей богатых; то разврат бедняков; то праздность и лень начальников; то недобросовестность и небрежность подчиненных, – словом, то одна, то другая, то третья какая-нибудь страсть людская. А это все что же, как не отсутствие или слабость религиозного чувства и упадок христианского благочестия? Не ясно ли, что где нет религии, или где она ослабла, – там все пропало, все ничтожно и ненадежно? Невольно вспоминаются по сему случаю знаменательные слова Писания, что *телесное, т. е. светское, обучение в мале есть полезно, а благочестие на все полезно есть, имея обетование жизни настоящей и будущей* (1Тим. 4:8).

Итак, братия, заключим мы беседу свою словами Апостола: – *стойте и держите предания, которым вы научены* может быть из детства словом Божиим (2Фес. 2:15). Если же эти предания и научения религиозные забылись или ослабли от времени и суеты житейской, то воскресите их в своей памяти, перенесите в сердце, и по ним начните устроить свою жизнь. Подробные правила и приемы для этой великой и святой реформы легко найти вы можете в святых уставах Церкви, которая молится ежедневно не только о нравственном, но и житейском преуспевании своих чад православных. Эти же начала нравственно-христианской жизни положить нам следует и в основание воспитания своих детей. Этим мы подготовим лучшие и надежнейшие силы своему отечеству, самую крепкую защиту от зла и крамолы, самых верных подданных нашему

великому Государю. Молитвою о нем, нашем возлюбленном монархе, заключим мы и слово наше. *Господи! спаси царя и услышь нас, когда будем взывать [к Тебе]* (Пс. 19:10). Аминь.

Поучение по случаю выбора членов суздальской земской управы (28 сентября 1875 г.)

Достопочтенные мужи и возлюбленные о Христе братия!

Дело, для которого собрались мы ныне, привело мне на мысль некоторый случай из священной истории народа Израильского. Случай этот, при всей своей отдаленности от нас по времени, весьма близок к нам и поучителен по прямому отношению к цели настоящего нашего собрания. Некогда священник Мадиямский Иофор, целый день смотревши на утомительные и одиночные труды великого Моисея по гражданским делам Израиля, сказал ему следующие достопримечательные слова: *не хорошо это ты делаешь. Ты измучишь и себя и народ сей,... ибо... ты один не можешь исправлять его. Итак послушай слов моих; я дам тебе совет, и будет Бог с тобою... усмотри [себе] из всего народа людей способных, боящихся Бога, людей правдивых, ненавидящих корысть¹, и поставь [их] себе помощниками,... и будет те бе легче, и они понесут с тобою бремя.* Писание прибавляет далее, что *послушал Моисей слов тестя своего и сделал все, что он говорил ему (Исх. 18:17–19,21,22,24).* Я полагаю вы уже чувствуете, как прямо идут к вам в теперешнем положении вашем наставительные слова Иофора, мудрого священника Мадиямского. Но прежде всего я желал бы обратить ваше внимание на характерность и знаменательность самого случая, которым были вызваны сии слова. Он и открывает нам, какую важность для благосостояния народного приписывает слово божие делам гражданским. Ибо и пророк Моисей, несмотря на свою по преимуществу религиозную миссию в народе Божием, занимается этими делами, – по буквальному выражению самого писания, – *с утра до вечера (Исх. 18:13).* Но из сего же примера Моисеева усматривается и то, как многосложны и трудны бывают обязанности по делам народным и гражданским; ибо в них понадобились многочисленные помощники и сотрудники даже богодухновенному и богоизбранному вождю Израильскому.

Нельзя ли, прошу вас, и вам как можно серьезнее взглянуть на ваше теперешнее дело, так как вы сейчас должны заняться выбором земских деятелей из своего общества, созидателей и радетелей народного благосостояния, верных сотрудников и помощников великому вождю и радетелю нашего общего блага – монарху всероссийскому. Это мой первый совет вам. Чтобы этот совет вам просвещенным и разумеющим людям не показался излишним, я могу напомнить, об общей человеческой слабости изменять подчас своим разумным убеждениям, и самые светлые теории портить на практике. Могу поставить на вид и другую, чисто национальную и, так сказать, домашнюю нашу слабость русскую: с особенною горячностью предаваться рассуждениям и речам о делах общественных и с замечательным равнодушием относиться к ним, когда настает час и очередь делать эти дела и нести их на своей ответственности. Не я выдумал эту слабость; об ней говорят и пишут откровенно сами русские люди, об ней же, может быть, напоминает нам и наша собственная совесть. И вообще, думается мне, не лишне будет в настоящие минуты напомнить вам о важности предстоящего дела и пригласить вас отнестись к этому делу с подобающею для него серьезностью. В чем, именно должна состоять эта серьезность, – вы наилучшее разъяснение и руководство можете найти в вышеприведенных словах богомудрого Иофора, к которым я с этою целью и возвращаюсь снова.

Усмотри себе из всего народа людей способных, говорил он Моисею. Это же обязаны сделать и вы прежде всего. Под именем способных людей не всегда нужно разумеать людей обширным образованием, с глубокими и разнообразными научными сведениями, а тем менее умеющих красно и ловко повести речь о всем на свете, а потому успешно напускающим на себя не принадлежащие им достоинства, и созидających себе до известной степени авторитет у людей их окружающих. Эту оговорку я считаю нужным сделать в виду того, что истинно учеными и образованными людьми, мы вообще говоря, еще не богаты; а мнящихся быти мудрыми и имеющих внешнюю видимость людей развитых и просвещенных найдется в

нынешнее время довольно во всяком обществе. Между тем для дела не только земского, но и всякого, весьма часто требуется больше всего здравый природный ум, ясное и трезвое понимание людей и вещей, драгоценные качества не всегда, как известно, заметны по своей благовидной и бьющей в глаза наружности, но иной раз как нарочно скрыты бывают под самой обыкновенной простой наружностью и живут в нужде и бедности и ходят даже в простом крестьянском армяке. Примете же предосторожность не вдаться в ошибку и обман с этой именно стороны; взгляните пристальнее в свое общество, и по совести и долгу выдвиньте вперед себя людей, имеющих не фальшивые, а истинные признаки людей способных, дельных и здравомыслящих.

Усмотри себе из всего народа людей... боящихся Бога – говорил далее Иофор Моисею. Так же должны поступить и вы. Ваши избранники не только должны быть способные люди, но и боящиеся Бога, люди благонамеренные и честные, – иначе сказать – искренние и добрые христиане. Ум и способности, к сожалению, не всегда свидетельствуют о высокой ценности и об истинном достоинстве человека. Сколько есть умных и необыкновенно способных людей, с которыми, однако же не знает что и делать общество, которые стали его зловредною язвою и гниlostным наростом. Это всегда люди без религии и Бога, люди неверующие и грубые материалисты. Но есть многое множество и таких людей, которые при всей своей безвредности, в общественные деятели, однако же не годятся несмотря на свой ум и способности. Это например – люди апатичные и ленивые, либо рассеянные и вечно пирующие, люди непривычные и неумеющие подчинять совести и долгу свой личный покой и свои частные выгоды. Это тоже – люди, не руководствующиеся правилами религии, и не имеющие прочных начал религиозных в своем сердце. И ничто кроме религии, не может вдохнуть в человека эту совестливость и это уважение к святости долга, без которых никакая служба не может быть надлежащей и истинно полезной службой. Непрестанно напоминая о Боге, правосуднейшем и всевидящем судии человеческого сердца и человеческих деяний, пред которым

надлежит всем отдать отчет во всякой праздной или грешной прожитой минуте; указывая за пределами настоящей кратковременной жизни другую вечную жизнь, где должна решиться навсегда судьба каждого человека, – религия является наилучшею уздой человеческого эгоизма и самым сильным двигателем его нравственных сил. Знайте же, что в чьей душе не приметна искра религии, тот человек пропащий, тот человек ненадежный ни в каком деле, – и потому его нужно сторониться и обходить как скрытое и опаснейшее зло. Все его умные и по-видимому благонамеренные речи о долге и чести легко могут оказаться только рассчитанною лестиею – для снискания расположения людей, или безжизненными фразами, которые никогда не дадут силы на подвиг, и исчезают как мыльные пузыри от самого легкого прикосновения к действительным обязанностям и трудам всякой честной службы. Припоминается здесь само собою изречение писания, что *начало и корень, полнота и венец всякой премудрости в человеке – есть страх Божий* (Сир. 1:15, 16, 18, 20). Вот наилучший и единственный пробный камень, на котором испытывается истинное достоинство человека и всякая его пригодность и ценность!...

На два преимущественно качества или проявления богобоязненности указывает Иофор Моисею при выборе сотрудников по управлению народом Израильским качества эти – правдивость и бескорыстие. *Усмотри [себе] из всего народа, – говорит он между прочим, – людей правдивых и ненавидящих корысть*. Мне остается только буквально повторить вам этот совет Иофоров. Выберите и вы из среды себя людей правдивых и ненавидящих корысть; потому что этими двумя качествами служащих людей обуславливается весь успех народного дела, без них же будет все нипочем, и народное благо не подвинется у нас ни на шаг вперед. Договорились мы, кажется, до самого щекотливого и трудного пункта. Земская служба соединена, как известно, с материальными интересами для служащих. Для многих эти выгоды служебные могут иметь весьма большое значение в устройстве их личных и домашних обстоятельств, иногда не богатых и даже недостаточных. И потому охотников

служить оказывается всегда много; а каждому кандидату на должность естественно представляется, что он обладает всеми качествами, нужными для земской или другой службы. Отсюда возникают секретные хлопоты отстранить соперников, приобрести сторонников, задобрить или смягчить недоброжелателей, и вообще все те приемы и усилия, которые давали и дают такой богатый и неистощимый материал для литературных сатир и карикатур, а равно и для устного и домашнего злословия после всяких наших выборов. Здесь, т. е. при выборах, не конец, однако же всем этим прискорбным и смешным сценам, а можно сказать лишь начало дальнейшего зла. Выбранным людям надо потом удержаться на своих местах; ибо выбранные в настоящий раз могут не быть выбраны потом. Эта сторона всякой выборной и срочной службы можно сказать одинаково неудобна как для честных и правдивых, так и для корыстолюбивых и слабодушных людей. Правдивому и бескорыстному человеку приходится вести постоянную борьбу с окружающей средой, и простирать свою добродетель до героизма, чтобы с своим правдолюбием и бескорыстием не поссориться с сослуживцами и не потерять расположения у подчиненных. А такое непрерывное напряжение нравственных сил не всем под силу даже и честным людям. Да и людям эгоистам и с кривою совестью – хлопот на службе тоже не мало; но эти хлопоты естественно направляются к тому, чтобы уметь служить, как говорится, и нашим и вашим, и маммоне и Богу, и своим личным выгодам (это втайне) – и общественному благу (это для видимости и въявь).

Что же сказать обо всем этом? Скажу одно, что всему этому быть бы не надлежало в благоустроенном, просвещенном и благонамеренном обществе. Если бы все наши выборы совершались бескорыстным и беспристрастным образом; то несказанно облегчилась бы служба честным и дельным людям, а все бездарные и ненадежные стушевались бы и скрылись в задних рядах. Не в том, разумеется, беда и зло, что ищущие должностей, желают служить не даром, а имеют в виду и собственные личные выгоды, но в том, что из-за этих выгод иногда устраниваются от службы люди достойные, но не

блестящие, а избираются нередко люди недостойные, но умеющие ловко обдѣлывать свои личные дела. Нельзя ли, прошу вас, поостеречься от этой беды и зла при настоящих выборах? Друг другу вы больше или меньше известны, и без всякого сомнения в вашем кружке есть и способные и боящиеся Бога и правдивые и некорыстолюбивые люди. Выдвиньте же их вперед. Конечно, вполне совершенных людей нет на земле и каждый из нас имеет непременно какие-нибудь свои недостатки. Но большая разница бывает как в самых этих недостатках, т. е. в их свойстве и силе, так и в количестве этих недостатков. Если нет безусловно совершенных и достойных людей; то выберем по крайней мере сравнительно достойных людей. В этом-то и состоит вся сущность дела и вся тайна удачных выборов. С своей-же стороны душевно вам желаю успеха, и призываю Господа Бога в помощь вашему делу. Примите благодушно откровенное слово, которое – видит Бог – вызвано и продиктовано одним только сочувствием к вашему делу и искренним желанием принести вам мою посильную помощь. Совет Иофора, хотя и родственника своего, но все же чужеземного священника, сам богодухновенный Моисей – не только не отринул и не нашел не уместным, но принял с почтительным смирением. Я же не чужой вам священник и не посторонний только зритель вашего дела, а соучастник и сотрудник вами же призванный и удостоенный вашего доверия. Господь да поможет нам своею благодатию! Аминь.

Поучение воспитанникам владимирской гимназии, в день св. благ. вел. кн. Александра Невского (23 ноября 1875 г.)

Веселись юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих; только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд. И удаляй печаль от сердца твоего, и уклоняй злое от тела твоего, потому что детство и юность – суета. И помни Создателя твоего в дни юности твоей, доколе не пришли тяжелые дни, и не наступили годы, о которых ты будешь говорить: нет мне удовлетворения во них! (Еккл. 11:9, 10, 12:1).

Этими словами священный мудрец хочет дать вам почувствовать, любезные юноши, высокую цену вашего прекрасного возраста, и открыть вам тайну, как не погубить этой цены и вполне воспользоваться дорогими своими преимуществами, как найти истинное и прочное счастье на земле, переходящее, как дорогое наследие, от юности даже до дней старости. Никто так весело и светло не может смотреть на мир Божий, в котором разлито столько жизни и счастья, как юноша; ничье сердце так недоступной не открыто для впечатлений всего прекрасного и благородного, как чуткое и нежное сердце юноши. Следовательно, ни в каком другом возрасте так не близки к человеку счастье жизни и радость бытия, как в юности. Сие-то обстоятельство и вызывает, конечно, из уст мудреца восклицание: *«веселись юноша в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей!»*

Однако же радость и веселье, понимаемое в своем обыкновенном и житейском смысле, есть состояние довольно поверхностное, случайное и скоропреходящее, ибо радостей и счастья, при всей жажде нашей к ним, вообще выпадает нам не весьма много в жизни, большею частью они достаются нам с трудом и пополам с неприятностями, заботами и огорчениями. Самая восприимлемость сердечная к житейским радостям и наслаждениям есть нечто непостоянное и ослабевающее.

Умножение числа лет и с ним нарастающий суровый опыт жизни, а равно и постепенное истощание сил физических, незаметно уносят эту чуткость и восприимчивость сердечную, и естественно охлаждают человека ко всему, из чего слагаются радости и счастье земное. Стало быть, возводить в некоторое постоянное и, так сказать, философское правило жизни гоньбу за радостями и наслаждениями нельзя и не стоит ни для какого возраста человеческого; ибо мимолетное и случайное может ли быть крепкой основой нашего счастья, и достойно ли быть целью наших стремлений? Посему-то и священный мудрец, как бы с некоторою горькою ирониею, сопоставляет юношескую жажду наслаждений с мимолетностью юношеского возраста: «веселись, веселись юноша, спеши наслаждаться, – ибо детство и юность суета»! Т. е. и не увидишь, как они промчатся и исчезнут, как сладкая мечта или очаровательный сон.

А между тем есть, другое состояние душевное, по своему общему и психологическому характеру пожалуй однородное с тем, что мы называем радостью, весельем или счастьем; но по своему предмету и содержанию, по своим особенным свойствам и, так сказать, исключительному характеру, – далеко превосходящее все земные радости и наслаждения. Есть такое счастье, которое не на время и не случайно посещает нас, и не сердце только волнует, а проникает все существо человеческое. Есть такое счастье, которое с течением времени может все углубляться и расширяться, и как дорогое наследие переходить от возраста к возрасту, и сберечься от дней юности до последних дней жизни человеческой... Вот бы хорошо найти это счастье и завладеть им! Оно стоило бы наших хлопот, и достойно и праведно можно бы поставить его целью всех ваших жизненных усилий и стремлений!

Должны вы знать, что это есть тот рай или то *Царствие Божие*, которое *внутри нас есть*; есть та *правда и мир и радость о Дусе Святе*, о которых Писание нам заповедует, говоря: *всегда радуйтесь* (Лк. 17:20, 21; Рим. 14:17; Флп. 4:4) Словом – это есть христианская непорочность совести и чистота сердца, которая дает человеку зреть самого Бога, и приводит его в теснейшее с ним единение. Приравнивая это блаженное

состояние ко всем возрастам человеческим, можно снова повторить, что оно более всех возможно и близко для неиспорченной и благонаправленной юности. Этому прекрасному возрасту еще не известны те грубые и животные страсти с их бесчисленными разветвлениями, которые силятся опутать и затянуть на смерть человека зрелого и житейского, уже вступившего в мир и изведавшего его черноту и развращенность. Недаром грешную и мирскую жизнь называют омутом. Это действительно омут, в котором погибает так много доброго. Что бывает и творится здесь не только втайне, но иногда и въявь, особенно же втайне – на распутьях и скрытых вертепах мира, – о том *срамно есть и глаголати*, по выражению Писания (Еф. 5:12). Юность, лелеемая в добрых и христианских семьях, и созревающая в благонамеренных школах, пока еще не знает этой срамоты и гнусности житейской; и потому внутреннее довольство – результат неомраченной совести, а также светлый и непорочный взгляд на мир Божий и на свои отношения к живущим в нем людям, – есть самое естественное и ожидаемое явление в молодой и учащейся среде. Вы меня понимаете?...

Но поймите и то, что вам надо еще упрочить за собою прекрасные преимущества вашего возраста; надо сделать так, чтобы они обратились в сознательную и крепкую добродетель, в некоторое разумное настроение и свободное направление вашего духа, и проникли бы все существо ваше. Неведение зла и неопытность в пороках еще далеко не есть добродетель. Можно и очень скоро познакомиться со злом и легко приобрести в нем большую опытность. Так на невозделанном и неухоженном поле – еще Бог знает, что может вырасти вместо благих и добрых плодов! И надо вам заметить, что вообще в натуре нашей, грешной и падшей, уже много заложено дурных малых семян, и спят они там до времени незримые и по-видимому бессильные; но лишь только человек начнет чувствовать и понимать жизнь, и входить, тк. ск., во вкус ее, – как сотнями и тысячами начнут пробиваться в нем дурные ростки и корешки. Враги спасения нашего изо всех сил хлопочут, чтобы эти корешки не пропали, а выросли и принесли плод *по*

роду своему. Первый и ближайший враг наш – плоть, или вообще чувственность наша, есть как бы самая почва, на которой идет произрастание всего дурного. Второй враг – мир с его соблазнами – есть как бы всегдашний поставщик тех элементов, которые содействуют удобрению нашей грешной почвы и возрастанию злых наклонностей наших. Третий, самый злейший и опаснейший враг наш – диавол есть главный работник и злохудожник, который невидимо и неустанно трудится над возделыванием и выращиванием в нашей натуре всего худого, к чему только она способна. Смотрите же, сколько опасностей нам угрожает, сколько бед предстоит! Правду говорится, что жизнь пережить не поле перейти! Где же искать защиты от этих опасностей и спасения от бед? Прислушайтесь к словам священного мудреца: *Веселись юноша в юности твоей, – говорит он, – ходи по путям сердца твоею и по видению очей твоих, только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд,... и помни создателя твоего в дни юности твоей, доколе не пришли тяжелые дни, и проч (Еккл. 11:9, 10, 12:1).* Итак, в страхе Божиим, в религиозном чувстве – вот где ваше спасение! Память о Создателе и ношение в сердце святого закона Его, – вот в чем тайна жизни радостной, мирной и счастливой, и в то же время безгрешной и безопасной! Я могу только присоединить к этим словам священного мудреца мое усиленное желание и увещание, чтобы вы позаботились об укоренении в себе страха Божия, и спешили бы запастись как можно побольше религиозным чувством, и воспитать его в себе как можно прочнее на предстоящую вам жизнь, пока есть время и все достаточные к тому способы. Могу еще напомнить Вам, как рано и быстро начинается порча и растление питомцев, в которых не зажжена святая искра страха Божия и не воспитано религиозное чувство. Жаль видеть, как иногда безвременно потухает ясный и радостный взор и блекнут цветущие ланиты юности под убийственным дыханием грешного и развращенного мира. Прискорбно наблюдать, как в ужасные объятия этого Молоха уносятся течением современной безнравственной жизни тысячи неопытных и молодых жертв, и гибнут навсегда для Бога и для святой Церкви. Можно бы нарисовать пред вами обширную и

подробную картину гибели и крушения в мире житейском несчастных молодых людей, не имевших религии в сердце своем; но это было бы слишком тяжело и грустно в настоящие и светлые минуты наши. Ограничимся одним только искренним и горячим предостережением для вас: «побойтесь, любезные юноши, побойтесь и поостерегитесь своей гибели!»

Конечно, наше дело посеять и воспитать в вас страх Божий; но о чем же мы постоянно и хлопочем, и что внушаем вам при всяком удобном случае, как не это именно: отроки и юноши, имейте страх Божий!? Будьте религиозны и благочестивы, – ибо в этом корень и сущность всякой премудрости! Например, требуя от вас исправности в уроках, мы говорим вам: учитесь не леностно, ибо сего требует Сам Бог! Подчиняя вас учебным порядкам и школьной дисциплине, мы говорим вам: умеете склонять свою волю и свой эгоизм под иго закона и долга, ибо сего требует Сам Бог! Следя за вашими взаимными отношениями, мы постоянно твердим: будьте кротки и дружелюбны, будьте вежливы и скромны, будьте благородны и честны, ибо сего требует Сам Бог! Не пренебрегая радеть о самой внешности вашей, мы все то же и то же повторяем вам: не будьте неряшливы и беспечны, поймите, что аккуратность и чистота внешняя не только свидетельствует о чистоте внутренней, но может и руководствовать к ней; посему, блюдя сердце и душу, не забывайте заботиться о самом теле вашем, которое должно быть достойным храмом Духа Святого, – так хочет и требует сего Сам Бог! Одним словом, всю вашу жизнь и внутреннюю, и внешнюю нам хотелось бы упорядочить и расположить в духе закона Божия, и под все свои дисциплинарные и педагогические правила мы подлагаем заповеди Господни, дабы, пока вы в школе, постепенно приучить вас носить благое иго и легкое бремя Господне.

Но дело в том, что никто, никакие усилия, не только наши, но и всякие внешние и посторонние, хотя бы самых наилучших и опытейших педагогов, – не могут сделать хорошими и богобоязненными вас без вас самих, т. е. без вашего личного содействия и без ваших свободных стремлений и попечений о себе самих. Уследишь ли за каждым вашим шагом?

Высмотришь ли все ваше поведение? Нам видна главным образом внешняя ваша сторона, которую выправить и пригладить до требуемого благоприличия сумеет каждый из вас, при маленьком самообладании. Но как усмотреть и изучить подробности вашей внутренней и душевной жизни, где, собственно, и зреет ваша личность и вырабатывается ваш нравственный характер? Да хоть и усмотришь что-либо, – как оттуда вырвать не желанное и дурное, если вы сами не захотите с ним расстаться? Как насадить в вас что-нибудь доброе и святое, если вы не захотите воспринять его, и не потрудитесь укоренить своими свободными усилиями? Например, – зовем мы вас в храм Божий, или на домашнюю молитву, – и вы идете. Но кто заставит вас благоговейно устроить ваши мысли и согреть сердце для молитвы кроме вас самих? Мы рекомендуем и предлагаем вам для чтения что-нибудь известное нам по своей дельности и доброкачественности; но кто может насильно вложить в ваши руки духовную и святую книгу, когда вы тянетесь за каким-нибудь бездельным романом и настраиваете вкус свой на один грешный и сладострастный лад? Мы внушаем вам беречь свое время, и при досуге осторожно пользоваться законными и дозволенными удовольствиями, но как определить для вас во всем этом точную меру, и как уберечь вас от соблазнов, если вы сами не думаете обходить и избегать их, а может быть даже ищете их – на сцене ли театральной, в книгах ли, или в бесчисленных случаях и сплетениях жизни общественной? И т. д. и т. д...

Поймите же други, сколь необходим ваш собственный внутренний подвиг в деле нравственного воспитания вашего. Да не устрашает вас слово – подвиг. С этим словом мы не соединяем для вас никаких особенных, аскетических тягостей. Ту сумму обязанностей, которую налагает на вас школа, и которую вы так или иначе уже несете, – несите не лениво, а главное – искренно и пред очами всевидящего Бога, вот и весь ваш подвиг! Страх Божий в том и состоит, чтобы все делать для Бога, и чтобы чувствовать и помнить, что везде и всегда смотрит на нас Бог. Устройте же свое сердце так, чтобы помнить

и чувствовать это, – и все остальное мы позволяем вам. И слово свое мы заключим теми же наставительными для вас словами священного мудреца, которыми начали: *Веселюсь юноша в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей: и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих только знай, что за все это Бог приведем тебя на суд... И помни Создателя твоего в дни юности твоей, доколе не пришли тяжелые, дни, и не наступили годы, о которых ты будешь говорить: «нет мне удовольствия в жизни!»* (Еккл. 11:9, 10; 12:1). Аминь.

Слово на дворянские выборы в губ. гор. Владимире (8 января 1876 г.)

Не греши против городского общества, и не роняй себя пред народом. Не проси у Господа власти, и у царя – почетного места. Не домогайся сделаться судьей, чтобы не оказаться тебе бессильным сокрушить неправду, чтобы не убояться когда-либо лица сильного и не положить тени на правоту свою. Не подчиняйся человеку глупому, и не смотри на сильного. Не будь скор языком твоим, и ленив и нерадив в делах твоих. Почтенны вельможа, судья и властелин, но нет из них больше боящегося Господа! (Сир 7:7,4, 6, 4:31, 33, 10:27)

Просим вас прислушаться, достопочтенные мужи, к этим словам священного мудреца. Он, как видите, предупреждает насчет некоторых земских грехов, которых быть бы не должно в благоустроенных обществах человеческих, и которые однако же спокон веку водятся в них, и проявляются тем с большею силою, чем чаще во главу и на верх этих обществ успевают пробираться люди, которым бы подобающее место должно быть назади и внизу. Это предупреждение, кажется, не неуместно для вас в особенности теперь, когда вы затем и собрались, чтобы добросовестно и беспристрастно выделить из своей среды лучших и способнейших общественных деятелей ибо, допустивши промах в этом важном земском деле, вы *тяжко можете согрешить против городского общества*, как выражается священный мудрец, *и уронить себя пред народом*. Итак, если вы, как добрые христиане, затем и явились с своим делом сюда в храм Божий, чтобы с одной стороны – засвидетельствовать пред Богом свою решимость и готовность сделать свое дело по-Божьему, а с другой – чтобы испросить Божие благословение на свое дело, то можно надеяться, что и выслушаете вы с подобающим вниманием и примете к сердцу советы священного мудреца, которыми мы хотим напутствовать вас на ваши выборы. В них вы найдете и то побуждение, которое вы должны положить в основание своего дела, и даже

целую программу, которую вы можете ваять за руководство в своем деле.

Не греши против городского общества и не роняй себя пред народом, – вот первые слова священного мудреца. Это значит, что основным и руководственным побуждением ваших выборов должно быть общественное благо и самоуважение в главах народа; так что если бы вы вмешали сюда свои личные интересы, и стали бы руководствоваться своими потаенными корыстолюбивыми, либо честолобивыми соображениями, то вы тяжко согрешили бы перед обществом и уронили бы себя в глазах народа. Тяжесть этого земского греха особенно ощутительна может быть теперь, когда то и дело слышатся жалобы и задаются недоуменные вопросы, отчего при всех энергических усилиях правительства поднять и облагородить наше общество, и при самых по-видимому богатых задатках ко всестороннему здоровому прогрессу общественному, – ощутительных и действительных, а не воображаемых только плодов этого прогресса пожинается все-таки не особенно много. Все еще приходится вести борьбу со многими весьма старинными грехами и недугами общественными. Если нужны доказательства и примеры, то довольно указать на невежество и непроглядную темноту народных масс, которая все еще лежит тяжелым укором на образованных и лучших классах общества; довольно указать на обилие отсталых и незрелых людей в этих самых классах, которые все еще не умеют отличить своих личных дел и выгод от службы общественной и не научились подчинять первые последним в особенности же нельзя не указать на шаткость и слабость нравственно-религиозных начал, которая – чтобы там ни говорили – будет вечным и притом самым тяжелым тормозом в столь усиленно-искомом и столь нетерпеливо желаемом прогрессе общественном. «Нельзя ли же открыть виновников этого бедствия? нельзя ли их всех уничтожить»? – то и дело вопиют у нас! Нельзя ли по крайней мере сколько-нибудь устранить зло и придумать хотя некоторые средства для защищения и ограждения от него? Да вот же вам и дается одно из прекраснейших средств помочь этому горькому горю общественному, – именно выделять из себя на службу и

дело общественное лучших и надежнейших деятелей, а не кой-каких, и делать свои выборы как можно зреее и серьезнее, а не как-нибудь – по разным мелким эгоистическим планам и домашним расчетам, и не устраивать из этих выборов одне только шумные и малополезные для общества сцены. Представьте, что на всем пространстве нашего православного отечества, где только ни производятся выборы, выбирались бы все люди поистине достойные и сравнительно лучшие, – ведь это была би такая благодать и такое благодеяние для всего народа русского, которое теперь может только разве сниться горячим патриотам и истинным радетелям народного блага. И чего бы, кажется, проще и естественнее. Эта благодать дается прямо в руки представителям и избранникам народным, – бери только и пользуйся. А между тем, – ссылаемся на вас самих, – проходят ли в нашей пространной и обильной земле хоть одне выборы, после которых не раздавалось бы горячих сожалений и порицаний, не писалось бы обличительных статей, не распространялось иронических анекдотов и разных более или менее правдоподобных и прискорбных повествований? Положим, что источником этих порицаний, этих статей и анекдотов бывает иногда злоречие и оскорбленное самолюбие обойденных и невыбранных претендентов; но это злоречие должно бы легко сокрушаться о действительные заслуги и положительные достоинства выбранных, которые при каждых новых выборах лишь закреплялись бы на своих местах и не прибегали к разным искусственным и фальшивым средствам удержать за собою любовь и расположение публики. Но везде ли и всегда ли так бывает? решите сами и добросердечно примите совет священного мудреца – не грешить против городского общества, и не ронять себя пред народом. В самом деле, дворянское сословие, по своей идее, есть лучшее и избраннейшее сословие в обществе; таковым оно и должно быть; следовательно народ имеет полное право ожидать от своих лучших представителей ясного и трезвого понимания своих обязанностей и свободы от всяких устарелых и узких взглядов на службу общественную и от мелких эгоистических расчетов при выборах на разные должности этой службы. Если

бы почему-нибудь дворянство не оправдало этих надежд, – то конечно оно сильно бы уронило себя в глазах народа. Итак, по первому совету священного мудреца, – народное и общественное благо должны вы взять для себя главным побуждением в предстоящем вам деле. В дальнейших же его советах, как мы предупреждали вас, вы можете найти прямое руководство в вашем деле.

Не проси у Господа власти, и у царя почетного места. Не домогайся сделаться судьей, чтобы, не оказавшись тебя и безсильным сокрушить неправду, чтобы не убояться когда-либо лица сильного и не положить тени на правоту твою. Итак, искательство власти и усиленное домогательство должностей, особенно если оне выгодны и почетны, есть первый признак, по которому вы можете подметить недостойных и ненадежных людей, чтобы их остеречься и обойти. В самом деле, истинное достоинство и способности в людях всегда украшаются скромностью и боязливою неуверенностью в своих силах. Эта скромность и честная боязливость происходит не от бессилия, напротив от слишком ясных и зрелых понятий о долге и от строго-благородного представления, обязанностей, сопряженных с каждою должностью. Не то, чтобы эти люди не хотели служить и прямо избегали всякого труда и всякой службы, – напротив, благородное рвение осуществить свои честные и высокие служебные идеалы иногда весьма сильно их волнует; но чем сильнее и чище это волнение, тем оно дальше бывает от всякого искательства и домогательства: надо, чтобы посторонние и тоже честные люди открыли и оценили это благородное настроение, и дали ему естественный и законный исход. Обратные и, по правде сказать, более частые и обыкновенные сцены устраивают искатели с сомнительными достоинствами, которым дорог только служебный почет или снятся только выгоды служебные. Постороннему и не замешанному в дело человеку даже любопытно наблюдать те необыкновенные и внезапные изменения, которые случаются с людьми перед выборами. Люди заносчивые и суровые необыкновенно как-то умягчаются, а вежливость и доброта, как будто, были давнишними и даже природными их качествами.

Скупые делаются тароватыми, отсталые – либералами; либералы – патриотами; легкомысленные и невоздержные – серьезными и даже религиозными. Люди высоко или богато поставленные до возможной степени сокращают расстояние, разделяющее их от людей обыкновенных и рядовых и т. д.!... И что всего страннее, – эти давнишние, нисколько не таинственные и всем хорошо известные меры и приемы недостойных или полудостойных искателей до сих пор иногда имеют свою силу и успех у людей. Чем это объяснить? Простой беспечности и нашего национального добродушия для этого, кажется, мало. Нет, должно быть, еще не развился и не созрел у нас строгий гражданский элемент, и все еще жива старинная привычка – дела общественные и гражданские обращать в свои домашние и семейные. А пора бы, кажется, всему этому перевестись в нашей родине православной. Пора по многим причинам, и в особенности по той причине, что ничем мы так не любим украшать себя, как титулом людей образованных и развитых, и в этом обстоятельстве полагаем всю суть дела и все свое спасение. Так чтобы это действительно привлекательное и почетное титуло не оказалось одним щегольством, надо сделать усилие отрешиться и стать выше старинных привычек и взглядов, о которых у нас шла речь; ибо, собственно говоря, оне и возможны только в обществе, где образованность и развитие есть нечто в роде щегольства и похвальбы, а не действительное достояние и благоприобретенная собственность. Впрочем, мы не хотим и преувеличивать значения образованности и так называемой цивилизации в делах, касающихся личных интересов и служебных прав и преимуществ. От эгоистических желаний и домогательств в этих делах не спасает людей одна образованность и развитость. Требуется нечто побольше и получше, о чем мы намерены сказать потом. А теперь просто пока заявляем вам, что как ни трудны при выборах беспристрастие и уважение к чужим достоинствам и заслугам, а к своим недостаткам честная строгость, тем не менее и то и другое совершенно необходимо. Весь дальнейший успех выборов и зависит от того первого условия, чтобы

беспристрастными и бескорыстными очами наметить достойнейших и отстранить малоценных кандидатов, чтобы не оказались они, по слову священного мудреца, *безсильными сокрушить неправду, и не положили бы тени на правоту свою.*

Переходя от этих общих предостережений и советов насчет серьезности и добросовестности ваших выборов к частным указаниям на те положительные качества и достоинства, какими должны отличаться ваши выборные, возвращаемся снова к словам священного мудреца. *Не подчиняйся человеку глупому,* – говорит он, – *и не смотри на сильного.* Это значит, что ваши выборные должны быть прежде всего умные и зрелые люди, и что это драгоценное качество не всегда соединяется с высотой положения, знатностью рода, материальной силою и с другими подобными случайными и внешними преимуществами в людях; что в благородной и уважающей себя среде выше всех исчисленных преимуществ должно быть ценимо то, что здравый народный смысл метко называет царем в голове. Правило это представляется столь бесспорным и ясным, что и прибавить к нему, кажется, решительно нечего. Мы позволим себе только продолжить и округлить мысль священного мудреца примечанием, что если умственная зрелость и развитость не есть обычное преимущество людей сильных и значительных по своему общественному положению, – то и наоборот сочетание этих обоюдных качеств и внутренних и внешних в тех же самых людях – есть вещь несколько не редкая, а весьма естественная и даже желательная. И значит искать ума и развитости только в людях, умеющих горячо и резко заявлять себя против знатности и богатства, было бы таким же мелким пристрастием и односторонностью, как и во всяком знатном и смышленном человеке простодушно – предполагать великие умственные качества. Наклонность некоторых знатных и сильных людей держать себя с тяжеловесным авторитетом и привычка иных судить и рядить обо всем – не есть конечно доказательство их ума; но в той же степени не умны самомнительность и речистое злословие людей мелких и незначительных. Впрочем, мы и не эту сторону дела, собственно, имеем в виду раскрывать здесь, а хотелось бы теперь напомнить то великое и стоящее, можно

сказать, на первой очереди дело, торжественно возложенное на благородное дворянство самим монархом всероссийским, – дело отечественного образования. Сознание важности и неотложности этого дела, искреннее сочувствие правительственным идеям и планам в этом деле, сочувствие чуждое всяких домашних препирательств, самодельных планов и провинциальных вкусов в этом тонком, многосложном и многотрудном деле, сочувствие щедрое и готовое на и всякое содействие существующим у нас школам, сочувствие не раздумывающее, не ждущее разных внешних побуждений, не возвращающееся назад с своими благотворениями, и вообще отрешенное от всяких сословных и эгоистических интересов, – вот какое благородное и истинно дворянское чувство должно отличать ваших умных избранников. Нет сомнения, что это чувство одушевляет всех членов присутствующего здесь собрания. Но... есть предметы, вызывающие общее сочувствие, и однакож нуждающиеся в особенных избранниках – с преимущественным тактом, любовью и умением взяться за дело, чтобы оно не было замедлено и даже испорчено при всех благих намерениях и начинаниях. К таковым деликатным и хитрым предметам мы относим и дело отечественного образования. Известно, сколько было и есть разнохарактерных взглядов на это дело, сколько было в нем опытов и приемов и даже сколько являлось непрошенных деятелей и жрецов в этом священном деле, – и однако же сколько оказалось во всем этом ошибок, односторонностей и даже положительного вреда отечественной науке и образованию! Всю эту речь мы к тому ведем, что если и во всяком деле, – особенно если оно корпоративного характера, – великое дело разумный вождь или предводитель; то в деле школы и науки, и вообще в деле отечественного образования, это важно в преимущественной степени. Так что в заключение этого пункта мы снова приводим вам на память знаменательные слова священного мудреца: *не подчиняйся человеку глупому, и не смотри на и сильного!*...

Но вот и еще характерная черта, которая должна отличать ваших выборных деятелей, ваших вождей и предводителей. *Не будь скор языком твоим, говорит священный мудрец, и ленив и*

нерадив в делах твоих! Это значит, что ваши избранники должны быть не только люди мысли, но и люди дела, люди энергичные, заботливые и трудолюбивые. Мы тем с большею силою настаиваем на этих качествах, чем они драгоценнее и необходимее для успешности всякого дела и чем больше развелось у нас людей умеющих горячо и даже подчас умно рассуждать обо всем и строить всевозможные планы, охотников повелевать и приказывать и при этом, однако же, во всем полагаться и опираться на подчиненные и низшие рабочие силы. Эту привычку меткая народная пословица зовет загребанием жара чужими руками; а если позволите еще проще и ближе к делу выразиться, – эта привычка известна у нас под именем *барства*. Впрочем, этот недостаток или эта слабость получила у нас такую широкую и можно сказать национальную всеобщность, что давным-давно уже потеряла свой древний сословный характер. Барство у нас стало просто нарицательным именем, обозначающим вообще практическую вялость, отсутствие служебной энергии и нежелание доходить до всего самолично, все досматривать своим глазом и работать своей головой и своими собственными руками, – к какому бы сословию ни принадлежал человек, страдающий этими недостатками. Недостатки эти, однако же так важны в общественных и служебных деятелях, что ими, собственно, и замедляется у нас всякое движение вперед, всякий прогресс общественный. Этими недостатками и объясняется у нас страшное количество злоупотреблений во всех кругах общественных рядом с великими и многообещающими преобразованиями. Не мало создано в нашей литературе художественных типов, не мало написано и пишется сатир на эту тему и на обличение нашей лени на службе и склонности к покою. Знак, что мы еще не исцелились от этой грешной и губительной склонности. Таким образом где бы у нас ни производились выборы, какого бы свойства они ни были, – ничего не может быть естественнее желания, чтобы избраны были люди деятельные и энергичные, люди с крепкой и сильной волей, и паче всего неохотники пировать, веселиться и барствовать на службе. Если же мы пренебрежем этим

обстоятельством, то мы вечно будем все толковать о движении вперед, и вечно толкаться на одном месте и выслушивать упреки в застое. Без энергических и добросовестных деятелей не помогут никакие реформы. Нам кажется, что за энергию, трудолюбие и способность к честной и аккуратной деятельности можно бы многое простить в людях со стороны их внешнего лоска, мягкости и изящества манер, и вообще житейской и даже так называемой аристократической выработанности, – хотя разумеется все эти качества не только не лишни, а напротив весьма желательны и любезны. Попомните же, благородные мужи, что ваши избранные не должны быть *скоры языком, и ленивы и нерадивы в делах своих!*...

Выслушайте и последний совет свящ. мудреца. Он говорит: *почтенны вельможа, судья и властелин, но нет из них больше боящегося Господа!* Это значит, что венцом и завершением всех качеств в ваших избранниках должен быть страх Божий и религиозное направление жизни. Важность и величие этого качества в человеке ни с чем не может быть сравниваема. Если многое можно простить человеку ради его ума и трудолюбия то, наоборот, человека без религии и нравственности или, что еще хуже, с антирелигиозным направлением – считайте прямо ничего не стоящим, хотя бы он блестел всеми вышеисчисленными качествами. Известно, что самые образованные и цивилизованные страны колеблются и гибнут от накопления людей, потерявших всякую религию и нравственность. Поэтому, не стесняясь надо бы гнать подобных людей вон и прочь из всякого общества, и не доверять им ни одного самонаименованного дела. Они все могут испортить, и найдут тысячи случаев и средств внести свой яд в самые благие начинания и планы. Такой человек внесет вражду и ссору туда, где все до него было мирно и спокойно, он столкнет самолюбия и встревожит страсти, чтобы ими воспользоваться для своих выгод; его напускная честь не воспрепятствует ему ни пресмыкаться ни льстить, где это для него нужно его рука не дрогнет протянуться к чужой собственности, где это не видно; его фарисейский язык наплетет цветистых и горячих речей о долге и службе, где это может быть эффектно и выгодно. Одним

словом, — этот человек — воплощенная фальшь и гниль, и как зараза портит все, к чему прикасается. В самом деле, какие могут быть у этого человека солидные опоры и задатки для честной службы и благотворной деятельности общественной? Никаких! О Боге он забыл и думать; ни во что святое он не верит; ко всяким религиозным обязанностям он равнодушен; памятованием о загробной жизни и о будущем расчете за дела он тревожить себя не любит. У него единственный идол, которому он поклоняется и служит всеми силами своей души, — это его собственное самолюбие и личное благоденствие. Этим-то и объясняются те непонятные с первого взгляда, но, в сущности, весьма естественные и потому многочисленные примеры, что люди и умные, и ученые, и цивилизованные страдают теми же нравственными недостатками, которые мы привыкли усвоить невежественным и грубым средам. Значит и на службе государственной и общественной от них такой же прок, как и от людей, принадлежащих к этим средам. О, если бы побольше было религии в людях! Сколько света и теплоты прибавилось бы к их деятельности! Как упростились бы и облегчились их дела и служба! Какими быстрыми и верными шагами стало бы подвигаться всестороннее развитие и благоденствие обществ человеческих!...

Все эти речи мы ведем, однако же не к тому, чтобы обличать вас в настоящие минуты, и не к тому распространились мы о зле, которое приносят с собою на службу люди без религии или с слабым религиозным чувством, чтобы мы имели в виду подобных людей в вашем обществе. На это ни права, ни повода мы не имеем; ибо знать вас в такой степени, в какой, например известны вы друг другу, — мы не можем. И потому мы имели единственную цель, чтобы рельефнее и нагляднее только изобразить зло бывающее в людях, и чтобы вы яснее сознали, откуда может угрожать вам опасность ошибок при ваших выборах, и какими нежеланными последствиями эти ошибки могут сопровождаться.

С своей же стороны мы призываем на вас благословение Божие в помощь и содействие вашему выборному делу, и просим только об одном: попомните, примите к сведению и

надлежащему руководству – предложенные для вашего
назидания слова священного мудреца библейского. Аминь.

Поучение к новобрачным (20 августа 1876 г.)

Приветствую вас, возлюбленная чета, с совершившимся над вами великим таинством. Невидимая благодать Божия, низведенная на вас моею недостойною рукою, таинственно осенила вас, сочетала в одно существо и даровала силы к понесению добровольно взятого вами брачного бремени, дабы с удвоенными и объединенными силами вы шли рука об руку во все дни жизни своей высоким и благородным путем к своему человеческому назначению. Какими благожеланиями напутствовать вас на эту, хотя желанную вами, но совершенно новую для вас жизненную дорогу? Но после того, чего желала вам св. Церковь, как она горячо молилась за вас, какою высокою и священной поэзией дышали все ее песнопения при вашем бракосочетании, – ничего лучшего и большего мне и не остается пожелать вам. Да почиет же на вас это священное и таинственное благословение Церкви Божией со всеми ее великими и знаменательными благожеланиями, – вот мое единственное для вас благожелание!...

Но, конечно, дело не в наших благожеланиях. Как бы ни были они теплы и искренни, а все же не от них зависит ваша дальнейшая судьба; не думать же о вашей судьбе, особенно в настоящие, экстренные, так сказать, минуты вашей жизни, мы не можем, ибо не хотим быть только холодными и безучастными свидетелями ваших супружеских обетов и равнодушными совершителями брачного обряда. Два молодые и любящие существа, сочетавающихся благословенным супружеским союзом, стоящие пред алтарем Господним и испрашивающие себе милостей Господних на открывающуюся для них новую жизнь, кажется и не могут внушать иного чувства, кроме живейшего и доброжелательного участия в предстоящей им судьбе. Разве какое-нибудь черствое сердце, лукавое и завистливое или разочарованное око могло бы смотреть на вас в настоящие минуты холодно и без участия. В силу этого-то, столь законного, и естественного участия к вашей судьбе я и

надумал поговорить об ней кое-что с вами. Слишком много касаться я не буду, и входить в какие-нибудь подробности предстоящей вам жизни я не намерен, – предоставляя все это вашему собственному благоразумию и руководству ваших родителей. Я желал бы только установить для вас надлежащий основной взгляд на брачную жизнь дабы вы имели ясные и руководящие понятия о том, к чему она вас обязывает, и в чем тайна супружеского счастья. По духу и учению Христовой Церкви, брак есть подвиг, хотя низший того подвига, который берут на себя люди разрывающий всякие связи с миром ради превосходящей любви Христовой, – но все-таки подвиг. Эту сторону брака всего чаще опускают из вида, представляя себе счастливую брачную жизнь, непрерывно продолжающимся отблеском брачного пиршества, чем-то вечно улыбающимся, сладостным и ликующим; а между тем это уже плоды благословенного и счастливого брака, а не то, что можно бы назвать сущностью его, – плоды, вырастающие на почве неуклонного и твердого исполнения супружеских обязанностей. Не смешивайте же в своем новом положении вещей придаточных и второстепенных с существенными и основными! Что вы теперь проникнуты сладостным сознанием своего счастья и исполнены прекрасных и светлых надежд на свое будущее, – это совершенно в порядке вещей, но затем я и повел свою речь о долге и супружеских обязанностях, чтобы упрочилось ваше счастье, чтобы сбереглись и осуществились эти ваши надежды, которые разделяют с вами все вас знающие и любящие. Не пугать вас, не омрачать вашего теперешнего счастья хочу я, а напротив ободрить и утешить. Вам, конечно, не безызвестно, какими иногда бесконечными опасностями и суеверными страхами окружается брак в понятиях людей. Пугают и тем, что нет прочного счастья на земле, иронизируют и самую любовь супружескую, которая будто бы день ото дня должна умиляться и гаснуть, указывают и на горькие примеры супружеских разочарований и разных семейных неурядиц. Не бойтесь! все эти страхи несколько не страшны для христианских верующих супругов; ибо в браке, заключенном на чисто и беспримесно христианских началах, не только не теряется, но

углубляется любовь супружеская, и до последних дней жизни сберегается та благоуханная и священная поэзия, в область которой вводит св. Церковь молодых супругов в их первые брачные дни! а все вышеисчисленные ненормальности брачной жизни появляются или в слишком грубых и материальных, или в незрелых и романических, и, во всяком случае, не христианских браках. Вот я и хочу разъяснить вам, что значить быть в христианском браке, дабы целым и непоколебимым осталось ваше супружеское счастье, которое так наглядно сияет теперь на ваших лицах.

Я сказал, что брак христианский есть подвиг. Ваше подвижничество должно быть устремлено прежде всего на вас самих. Вы теперь серьезно должны заняться изучением себя, наблюдением над своим характером и всем вообще душевным строем своим, – дабы уметь подчинять свои вкусы, привычки и взгляды на вещи, свои отдельные желания и мечты – друг другу; в особенности должны научиться сглаживать в пользу один другого неровности и угловатости своего личного самолюбия, которого, как известно, в человеческой натуре всегда найдется довольный запас. То, что я рекомендую, называется сосредоточенностью и самообладанием. Эти качества резко отделяют, как известно, незрелую пору детства и возрастания, от того возраста, когда человек начинает понимать свое положение среди людей, сознает свое человеческое назначение и свои обязательные отношения к людям. Таковым со знанием в преимущественной степени должны обладать супруги и уметь соподчинять себя друг другу. Я имею здесь повод коснуться одной крупной ненормальности современных наших браков. По учению модной светской морали браки должны быть как можно более нейтральны, т. е. супруги должны, будто бы, так устроиться, чтобы связующие их супружеские узы чувствовались как можно менее, – дабы каждый из них мог на свободе жить и развиваться по прежнему со всеми своими личными привычками и наклонностями, и даже недостатками. Это, будто бы, требуется взаимным самоуважением супругов, и этим, будто бы, и можно только избежать семейного деспотизма и всяческой домашней прозы. Без таковых идей о свободе и

нейтральности брачных уз не обходится, кажется, ни один современный роман, и даже ни одна мелкая повесть в литературе. Но, прошу вас, выкиньте из головы эту нелепую систему брачной жизни. Не на свободе и нейтрализации, а напротив на крепком объединении и нераздельной взаимности интересов может быть основано прочное семейное счастье; а этого объединения и не может быть там, где нет взаимного соподчинения и обоюдной дружеской принаровки. От этого-то недостатка, можно сказать, и происходят все эти разочарования и все неурейства жизни семейной, которыми, надо правду сказать, довольно-таки богато современное общество. Толкуют о самоуважении и соблюдении взаимных прав; но посудите сами, разве можно сказать о людях, что они уважают друг друга, если согласятся держать себя на известном отдалении, и назначат разделяющие пределы, с обязательством не переступать их ни с той ни с другой стороны. Не скорее ли надо подумать о таких людях, что они дичатся и опасаются друг друга и не уверены в себе, иначе сказать – не любят друг друга. Напротив, полнота любви и счастья супружеского в том и состоит, когда оба супруга, задавшись одними целями и стремлениями, идут совершенно рядом по жизненной дороге постоянно на глазах друг у друга, и не застраховывают своей любви разными уговорами, нейтральностями и обособлениями, имеют непрерывное и постоянное влияние друг на друга, и не имеют отдельных интересов, ни расчетов, ни тайн. Это и называется, по меткому народному выражению, жить душа в душу. Чтобы это прекрасное правило стало твердым, основным камнем вашей супружеской жизни, решитесь, друзья мои, с сей же минуты соподчиняться и принаравливаться друг к другу, а не хлопотать о взаимной свободе и просторе брачной жизни.

Возвращаюсь опять к основному положению о браке. Брак есть подвиг, – сказал я. Это ваше подвижничество должно быть – во-вторых – направлено помимо вас самих, на благоустройство домашнего быта или семейного очага, как говорится. Под этим благоустройством я разумею общую сложность всего, от чего зависят житейские удобства и материальное благополучие семейств. Здесь предполагается и ваше хозяйство, и ваши

средства к жизни, и ваши надлежащие отношения к людям, и ваши труды и служба на пользу общества, и ваши заботы по обеспечению своей будущности, а равно и ожидаемой от вас отдельной семьи и т. д. Все это так называемые житейские попечения, из которых слагается особого рода наука житейской практики. Вот это и есть та проза жизни, которая так пугает людей мелких и ветреных, избалованных и ленивых, или же ни к чему не способных. Но, как вы видите, в этой-то прозе и состоит самый серьезный смысл и наиполезнейшая цель брачной жизни, и – значит – из этой-то прозы и можно добыть, разумеется, при мало-мальски благоприятных обстоятельствах, самую прочную и зрелую поэзию. Эти благородные заботы любящего мужа о нуждах и удобствах своей подруги; эта нежная попечительность любящей жены, дабы облегчено было житейское бремя для мужа; дабы осмыслялась его жизнь, наполнилась семейными радостями и сознанием тихого и прочного счастья; эти обоюдные их труды и попечения о воспитании своего поколения, о возвращении полезных членов обществу, – все это и дает лучше всего почувствовать цену жизни и ее поэзию; эти самые труды и заботы о нуждах повседневной будничной жизни и спасают людей наилучшим образом от апатии и жизненного пресыщения и от мертвящего сознания бесцельности и пустоты своей жизни, – сознания, ведущего ко всякому растлению. Итак, хотя широта и сложность, а равно и тяжесть житейской практики, у каждой отдельной семьи бывает разная, судя по месту, занимаемому ею в обществе; но ни один честный и благонамеренный человек, и ни один полезный член общества, особенно же ни один семьянин, не избежит и не должен избегать посильных трудов и тяжестей на своем житейском поприще. Молодым супругам, ради самой этой их молодости, ради неопытности житейской и непривычки вести самостоятельную борьбу с жизнью, рекомендуется как можно больше и чаще прибегать к опытности своих родителей, этих ближайших и самых благожелательных руководителей. Но, конечно, главное дело будет состоять все-таки в вас самих. Постарайтесь устроить жизнь свою так, чтобы она непременно была наполнена какою-нибудь разумною деятельностью и

одушевлялась определенной и благородною целию. Жить для того только, чтобы жить и наслаждаться и, следовательно, только проживать, а не наживать и не умножать данных нам даров природы, – не значит жить по-человечески, и, следовательно, не значит быть истинно счастливым. Я не считаю прямым своим делом назначать вам какой-нибудь определенный род деятельности; но и говорю только, что вы сами должны сделать это непременно, дабы упрочить свое внутреннее и домашнее благополучие. Людям, как вы, не имеющим надобности много заботиться о материальных своих нуждах, я мог бы только указать на благородные и поистине достойные человека труды по самообразованию. Одних этих трудов хватит на целую жизнь, и притом не для вас только, а для всякого человека!...

Выслушайте и мое последнее к вам слово. Если брак, как видите, есть подвиг в житейском смысле слова, то тем более он должен быть для вас подвигом в христианском смысле слова. Я хочу этим сказать вам, что в брачном состоянии вы должны усугубить свои попечения о стяжании истинного и глубокого благочестия в духе веры Христовой, и в этих попечениях взаимно помогать друг другу. Вам неизвестно, я думаю, сколько зла и нравственного растления разлито в современном обществе; одна только надежда на добронравные и христианские семейства; в них, за исключением, конечно, некоторых, еще живо здоровое нравственное начало, – и оно-то есть крепкий оплот нашей общественной и государственной силы. Поймите, какое высокое и благородное предстоит вам назначение – быть блюстителями самой драгоценной силы общественной, т. е. веры и христианского благочестия. Но это возможно будет тогда, когда вы всем сердцем и душою усвоите и проведете в свою жизнь Евангельские начала и правила нравственности. Возлюбите же Господа Иисуса Христа и Его святой закон; возлюбите святую Церковь Православную, соединившую вас отныне воедино, и никогда не забывайте того, как она горячо молилась о вашем счастье, и как она желала устроить вашу супружескую жизнь на самых прочных основаниях! Постарайтесь же и вы устроить свою жизнь по ее

правилам, – и это счастье придет к вам непременно. Научитесь считать хорошим и похвальным только то, что она считает таковым, избегайте же всего, что она оуждает и порицает! Не увлекайтесь всяким ветром учения человеческого, – как бы оно ни было модно и обольстительно, – но поверяйте его учением Евангельским! Не позволяйте проникать в ваш дом растленным и чувственным обычаям века сего, а для сего и самую внешность своего домашнего быта устройте так, чтобы на ней были признаки вашей внутренней веры и христианского благочестия! Не забывайте святых храмов Господних и молитвы домашней; поучайтесь в слове Божиим, и упражняйтесь в делах милости и любви христианской! Когда таким образом ваша супружеская жизнь запечатлена будет искренним и живым духом Христовой веры; то низойдет на вас благословение небесное, – и ваше счастье семейное навсегда будет упрочено. Да оправдается сие над вами! Аминь.

Слово в день тезоименитства Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича (30 августа 1876 г.)

Сегодня мы празднуем память св. благ. и велик. князя Александра Невского. Светлая и высокая личность его, просиявшая столько же подвигами религиозными, сколько и доблестями гражданскими, невольно уносит мысль нашу к тем временам нашего прошедшего, когда все сословия русские, все до единого, начиная от бедного простолюдина до князя, окруженного блеском и обилием благ земных, умели как-то соединять обязанности гражданские с религиозными и строго выдерживали, как в домашней, так и общественной своей жизни, православно-религиозный характер. Этот характер обнимал всю жизнь древнего русского человека, и полагал некоторую общую родственную и связующую печать на все классы общественные. Если государство называют иногда семьей и сравнивают с организмом; то оба эти сравнения всего более идут к древней православно-религиозной Руси. Религиозное одушевление, так крепко объединявшее национальные силы народа русского, всегда было самою могущественною его опорою в години искушений, и оно то, как открывает нам история, приготовило нашему отечеству теперешнюю его силу, могущество и славу. Чем более это верно, тем труднее удержаться от сожаления, что многим современным русским людям и недостает именно того, чего так много было у наших предков и что всегда составляло и составляет красу нашей внутренней жизни. На случай, если бы кому-нибудь показалось, что мы в старине ищем идеалов для современной жизни, и вместо движения вперед рекомендуем возвратиться назад, ко временам св. князя Александра Невского, — спешим оговориться, что нет и нет. Успехи современной общественной жизни так велики, и благотворное влияние их так хорошо чувствуется каждым последним членом

великой русской семьи, что не отрицать их и не унижать мы намерены, а скорее выразить теперь, в день памяти благ. кн. Александра Невского, глубокую скорбь о том, как горька и тяжела была гражданская жизнь его современников, как много бед и скорбей должен был выносить на себе русский народ от недостатка тех усовершенствований общественной жизни, которыми пользоваться имеем счастье мы. Но при всем том станем ли отрицать и то, что мы религиозны менее своих предков, что нашим общественным деятелям, иногда с несомненными талантами и заслугами, недостает весьма часто ни особенно крепких религиозных убеждений, ни особенно чистого нравственного характера деятельности и что нередко у нас чувствуется какое-то разъединение и разобщение между службой государю и обществу и между служением Богу, и вообще между интересами гражданскими и национальными и интересами религиозными, и что это, как и всякое неестественное разъединение, не хорошо во всяком случае? Позвольте же остановиться на этом предмете несколько долее.

Но, может быть, есть еще сомнение насчет необходимой связи между религиозностью и служебно-практической деятельностью? Т. е. может быть, некоторым все еще кажется, что и плохой христианин может быть очень хорошим общественным деятелем, и что вообще религия и государственно-политическая жизнь суть две совершенно отдельные, области, могущие существовать и развиваться сами по себе и без взаимного влияния? Люди, любящие подобными соображениями оправдывать свою нерелигиозность и успокаивать себя насчет своего неведения и несочувствия религии, приводят обыкновенно в пример и доказательство своих соображений быстрое и успешное движение вперед гражданственности и цивилизации без помощи будто бы религии, ибо не она де подсказала те великие и удивительные открытия, которые так сильно и заметно возвысили благосостояние гражданских обществ.

Но все эти соображения значительно слабеют, если мы примем во внимание, как незначительно все-таки в общей сложности и медленно растет внутреннее народное благо,

несмотря на высокое состояние современных наук и искусств. Отрадным и утешительным фактам и примерам можно противопоставить тысячи других примеров и фактов весьма неутешительных и могущих возбуждать раздумье и сомнение в самых горячих и искренних оптимистах. Делаются, напр., открытия в науке естествознания, а национальная вражда и ненависть современных цивилизованных народов прилагает эти открытия к истреблению человеческого рода. Давно ли на западе, во время войны между самыми образованными, можно сказать, и цивилизованными европейскими народами, погибали от этой цивилизации десятки тысяч подобных нам собратий, созданных, конечно, для законного наслаждения жизнью и мечтавших о счастье в жизни. А теперь что делается? Нельзя без отвращения и ужаса читать газетных известий, как единоплеменные нам славянские братья гибнут от турецких варваров, вооруженных страшными орудиями смерти, изобретенными цивилизованной наукой.

Открываются все новые источники народных богатств, а тысячи голодных, оборванных и тупых людей ходят по улицам на глазах цивилизованных богачей и вымаливают милостыню, если только при удобных случаях не восхищают ее насильно. В центрах цивилизации, в столицах европейских, как слышно, всего более этой бедности и нищеты. Там она, говорят, самого возмутительного характера. Науки развиваются по всем своим отраслям, а миллионы людей, – это не преувеличение, а действительно миллионы людей, – по-прежнему не умеют читать грамоты, и мыслят по-прежнему как дети обо всем, что выходит из тесного и убогого кружка их собственного опыта. Как думать насчет всего этого? Очевидно, что что-то сильно мешает человечеству идти вперед, и злобно смеется над его самоуверенными порываниями к прогрессу. Оказывается, что это скрытое злое начало, мешающее обществам человеческим беспрепятственно усовершенствовать себя, есть не что иное, как страсти людские, и в особенности главная из них, от которой, как от злого корня, вырастает бесчисленное множество гнусных отпрысков, – это эгоизм или самолюбие. Доколе не будет вырвано с корнем это зло в людях, дотоле будет у них рядом с

образованием, довольством и свободой, – и застой, и рабство, и нищета, и невежество, и слезы, и стоны. *Откуда брани и свары в вас*, говорит Ап. Иаков; *не отсюда ли, от сладостей ваших, воюющих во удах ваших!* (Иак. 4:1). А между тем, к ослаблению и уничтожению этого зла не знает средств ни одна наука, ни искусство. Вот почему стоит, в особенности в нынешнее прогрессивное время, пожалеть, что главные вожди и передовые двигатели цивилизации весьма часто не хотят и не думают обращаться за этими средствами туда, где их так много, – именно к религии Христовой, основное начало которой есть самоотверженная любовь к Богу и ближнему, а главный характер – господство над страстями для беспрепятственного и самого широкого исполнения закона о любви. Да что и говорить много об этом? Можно ли указать хоть один пример или случай, чтобы человек с истинно-христианским направлением, человек пламенеющий любовью к Богу и усердно трудящийся над исполнением евангельских правил в своей жизни, чтобы такой человек как-нибудь и где-нибудь оказался бесполезным или вредным членом общества в отведенном ему круге обязанностей гражданских? Этого конечно и не было и быть не может. Надлежало бы по-настоящему взвешивать и ценить этот несомненный факт. Между тем обратных примеров, т. е., что люди без твердых религиозных убеждений и без христианских правил деятельности, суть в тоже время ненадежные члены общества гражданского, – этих примеров, к сожалению, неисчислимо множество. Да этому и быть иначе нельзя, если глубже несколько вдуматься в дело.

Общеизвестная и достоверная истина, что чем цельнее всякая сила, и чем менее раздроблена по разносторонним направлениям, тем больше и богаче полезными результатами бывают проявления этой силы. Этот закон, столь известный в области неодушевленной природы, с такою же неизменною проявляется в области разумно-свободной деятельности человека. Эту деятельность можно представлять совокупностию или результатом различных сил, которыми наделил Господь человеческую душу. Силы эти, хотя общи и однородны в каждом человеке, но разнятся по степени своего богатства или по

обширности своей в каждой отдельной личности. Но чем богаче в человеке его духовные силы, тем более, можно сказать, он нуждается в единстве своего направления, – в том, что сообщает человеку крепость и определенность его личности. В противном случае – при богатстве сил – деятельность человека принимает порывистый, кипучий, страстный и, следовательно, ненадежный и даже опасный характер, а при посредственности и ограниченности сил, человек делается тростью, ветром колеблемой по всем возможным направлениям а деятельность его похожа бывает на недозревший и безвкусный плод. Между тем и слабые силы человека, скрепленные некоторым общим, объединяющим и связующим началом, получают значительную энергию и производят весьма заметные дела. Это связующее начало в человеке, кладущее определенную и явственную печать на всей его деятельности, и есть религия, и заменить ее в том отношении ничто не может в человеке. Религия живет в самой сокровенной и внутренней стороне человеческого духа, складывается из живых и глубочайших сердечных убеждений, и проявляется во всех, решительно во всех, самых мельчайших движениях воли человеческой, и, следовательно, она владеет безраздельно всей душой человека. Можно представить, какую непоколебимую и несокрушимую силу носит в себе человек истинно и вполне религиозный. В недостатке этой-то силы, конечно, и кроется тайна, почему иногда не удаются у нас самые благие начинания, почему люди способные и образованные не приносят ожидаемой от них пользы, почему так много бродит в нашем обществе разнородных и взаимно ослабляющих себя начал, и почему вследствие всего этого такой медленный, нерешительный и колеблющийся у нас прогресс к лучшему, – и не только впрочем у нас, но и у всех обществ, хоть и хвалятся они своею прогрессивностью. Да! если бы человечество, хоть и медленно, но все-таки прямо шло все к лучшему и к лучшему, то давно бы должен настать на земле рай, – а его все нет и нет, и далеко еще не предвидится. И все это, конечно, от того, что общества людские действуют разрозненными силами; а эта разрозненность – от внутреннего разлада в отдельных личностях, который зависит от недостатка религии в людях.

Какая-нибудь смелая и оригинальная мысль, хотя и неверная в основании своем, влечет не редко за собою целые толпы людей к ошибкам. Какая-нибудь ученая и авторитетная книга, хотя бы и пагубная, приводит в восторг читающую публику. Или, – спускаясь в область практическую и служебную, – холодность и равнодушие людей убивают самых усердных служебных деятелей. Недостаток внимания и забывчивость начальства выводит из терпения самую бескорыстную честность. Утрата каких-нибудь ожидаемых выгод, доставшихся сопернику, заносит злобу и зависть в самые, по-видимому, миролюбивые души. Прямое и резонное указание ошибок и промахов вызывает на упорство и мстительность самые, кажется, миролюбивые и смиренные личности. Если мы от личностей обратимся к целым государствам, хотя бы к самым цивилизованным и развитым, то еще нагляднее увидим, к какому странному и постыдному раздвоению между убеждением и делом приводит их отсутствие или слабость религиозного начала. Современные политические события невольно приводят к мысли об этом. Разве это не стыд и срам, в самом деле, для цивилизованной и гуманной Европы, что на глазах и в соседстве с нею томятся и гибнут в самом унижительном турецком рабстве ее братья по вере, христианские славяне? А между тем, одного единодушного и настойчивого слова западноевропейских держав было бы достаточно, чтобы невежественные и безнравственные фанатики мусульманские не только прекратили избиение своих подданных славян, но и вовсе удалились бы из Европы. Что же мешает западным христианским державам оказать это слово, или по крайней мере выразить открыто и торжественно свое соболезнование невинным славянским страдальцам и сочувствие их геройским подвигам в борьбе с своими мучителями? Очевидно, что взаимное соперничество, недоверие и тайное недоброжелательство, – или что тоже – слабость религиозных начал, вследствие которой христианские интересы ставятся позади всех остальных, например, племенных, меркантильных и всяких других. А будь люди религиознее, будь у них чище и искреннее любовь к Богу и ближнему, – не было бы в них этой

нравственной изменчивости, и не подвергалась бы таким многочисленным случайностям их добродетель. Но не довольно ли доказывать то, что кажется достаточно уже выяснено, т. е., что религия есть необходимое и неустранимое условие всякого истинного прогресса как в отдельных личностях, так и в обществах человеческих? Так, верно, слово Писания: *благочестие на все полезно есть, обетование имеющее живота нынешняго и грядущаго* (1Тим. 4:8).

Из всего этого выходит, что людям следует быть религиознее. Обращаясь к нашему родному русскому и православному обществу, хотелось бы с удвоенною силою предложить этот совет, – и именно в настоящее тревожное время, когда православная вера Христова, по неисповедимым судьбам Промысла Божия, подвергается, можно сказать, огненному искушению и очищению в борьбе с разными враждебными ей силами. Надобно правду сказать, что гром оружия и страшная гроза военная, разразившаяся над нашими южными единоверными братьями, заставили воспрянуть и наше русское общество, отрезвили многих от их обычного материального и эгоистического сна, и вообще вызвали на серьезные думы о судьбах славянства и неразрывного с ним православия. Но это однако же не может заставить нас забыть, как много кроется на дне нашей общественной жизни шатких и антирелигиозных начал, группирующих около себя дурную и незрелую половину нашего общества, и готовых обнаружить свою злую силу при всяком удобном поводе. Не для того ли Господь время от времени и посылает грозы гнева своего на христианский мир, дабы рассеять накопляющиеся в нем миазмы порока и неверия, и воззвать людей к религии. Поспешим же на призыв Божий. Вонмем предлагаемым для нас урокам, т. е. позаботимся об очищении своей нравственности и об усвоении здравых религиозных начал.

Но может быть уже не поздно ли для многих об этом думать, ибо пришлось бы может быть перестраивать себя на новый лад, на многое изменить взгляд, создавать новые убеждения, наживать новые привычки, – что сопряжено, по видимому, с чрезвычайными трудностями? Но если б даже это и

было так как кажется, то и тогда нужно ли было бы опускать руки перед делом такой чрезвычайной важности, с которым связана в некотором отношении и наша временная, но главным образом вечная наша судьба? А между тем, дело это гораздо проще и доступнее, чем представляет его для нас наша пагубная привычка жить как живется, наша привязанность к удовольствиям и утехам временной жизни, убивающая в нас всякую охоту заниматься какими-нибудь вопросами, касающимися нашей души и ее вечного назначения.

Святые истины Христовой религии несмотря на свою возвышенность и таинственность, весьма сродны всякому не совсем испорченному уму, а святые правила веры Христовой достолюбезны и привлекательны для всякого человеческого сердца. По мудрому изречению одного древнего христианского учителя – душа человеческая по природе христианка. Много бывает только на этой душе чуждого ей и пришлого; много привычек и предрассудков наживается неправильным воспитанием; много наконец бывает случайных увлечений, – а между тем эти-то последние иногда и не дают человеку сделать первого возвратного шага от мирской суеты к религии, от себя и своих страстей к Богу. Конечно, нельзя вдруг сделаться религиозным и благочестивым тому, кто может быть десятки лет дышал иными вовсе не благодатными началами. Но чудодейственная благодать Христова и ни из одного незаметного святого семени может произрасти в душе нашей прекрасное и величественное дерево добродетелей и совершенств христианских, только бы мы решились отдаться ее водительству. Позвольте на сей раз предложить один совет: не пренебрегайте так называемыми мелочами христианской практики. Из этих мелочей слагается целый строй нашей ежедневной жизни, и он-то по своей легкости и сподручности, может быть скорее всего привлекут нас к Богу, и возвратят нас нашей матери – Церкви.

Зовет вас, например, Церковь на молитву, – вы и идите, и не отзываетесь тем, что самая важная молитва умственная, и что везде в мире храм Божий. Велит вам Церковь кланяться пред иконами и предлагает готовые образцы для ваших молитв,

– вы и кланяйтесь, и усвойте эти образцы, не отрекаясь тем, что поклоны и произнесение готовых молитв – одна механика. Учит вас Церковь различать дни, и не всегда и не все вкушать, чего хочет желудок, – попробуйте и вы делать так, не притворяясь философами, понимающими, что у Бога все дни равны, и, что Богу нет нужды, чем человек питается. Дело действительно не в пище, не в поклонах, не в различении дней; но, однако же практикой создает он направление в целой душе и чрез нее лежит дорога к высшему совершенству. Вспомним опять наших русских князей, наших православных бояр, – как искренно и свято чтити они все уставы Церкви, как верно и прямо дошли по сему пути до изумительной для наших дней святости и чистоты нравственной. Подобными примерами наполнена можно сказать история нашей отечественной Церкви.

Дадим же святой обет неотложно начать дело своего преобразования душевного по испытанным уже тысячелетним образцам и по святым уставам Церкви, и призовем в помощь ныне празднуемого благоверного князя Александра Невского, бывшего некогда светилom земли русской, а теперь ее молитвенника и ходатая пред престолом Царя Небесного. Помолимся пред ним о нашем тезоименитом ему государе, да защитит его – со всем царствующим домом и со всем народом русским от всякого злого обстояния, да спасет от всех, как своих домашних, так и иноплеменных недругов и завистников. Аминь.

Поучение к воспитанникам владимирской гимназии, в день храмового праздника св. благоверного великого князя Александра Невского (23 ноября 1876 г.)

Корень премудрости, еже бояться Господа. Исполнение премудрости, еже бояться Господа. Венец премудрости – страх Господень (Сир. 1:20, 16, 18)

Любезные воспитанники!

Пользуясь вашим совокупным собранием в храме Божием в настоящий день вашего училищного праздника, я обращаю ваше внимание на вышеприведенные замечательные слова священного мудреца. Желал бы я, чтобы вы усвоили сердцем и душою его взгляд на дело, составляющее цель всей вашей учебной жизни и деятельности, и значит в высшей степени для вас дорогое и важное, т. е. на науку и образованность, или – как он говорит – на премудрость. Под этим именем разумеют обыкновенно многознание, или разностороннее и глубокое развитие умственных сил в человеке. Священный же мудрец говорит, что если это многознание не приводят к Богу, и если это развитие не соединено со страхом Господним; то оно не имеет ни здорового корня, ни надлежащего завершения, и значит может быть фальшиво и бесцельно. Как было бы жаль, если бы вы по неведению, или по узкости взгляда на образование, стали гоняться только за его призраками, и истративши столько сил и трудов в школе, в результате получили бы вещь не стоящую внимания, или даже непотребную и опасную!...

Попробуем же, под руководством священного мудреца, установить истинное понятие о мудрости. поскольку кроме ума, ищущего знания, в нас есть еще другие, не менее высокие способности и потребности, так – есть у нас сердце, жаждущее наслаждений и счастья, есть свободная воля, стремящаяся к добродетели; то без всякого сомнения мудрецом не по имени, а на самом деле может быть назван только тот, кто развит по

всем сторонам человеческого духа, т. е. когда он не только умен и учен, но и прекрасен по сердцу и добродетелен в жизни. Не так ли? И вот если бы звание я развитость умственна необходимо вели за собою и счастье и добродетель, тогда конечно они были бы и началом, и венцом премудрости. Но, к сожалению, это не всегда бывает в опыте, – и это горькая истина всем нам конечно слишком хорошо известна. Рядом с обширной ученостию бывает в людях и поразительная черствость сердца и грубость чувств, а в жизни растление и пороки. Тот же самый человек, который так прекрасно умеет рассуждать достоинстве человеческом и добродетели, нередко в жизни на каждом шагу опровергает свои возвышенные теории. Грустная – говорим – эта истина, – и, однако же она не подлежит сомнению.

Где же искать ту силу, которая могла бы уравнивать в человеке его потребности, и давала бы стройное и согласное направление всем его способностям? Эта та сила и есть, по словам священного мудреца, страх Господень, т. е. живое религиозное чувство, низводящее к нам всесильную и освящающую благодать Божию. В самом деле? искренний и истинный христианин, в сердце которого живо сознание своей внутренней связи с Богом, – который ходит непрерывно под всевидящим взором Отца Небесного, любящего и милующего, но в тоже время гнушающегося всякой неправдой, – такой человек имеет столь сильные побуждения к добродетели и столь крепкие опоры для нее, каких не может дать никакая мудрость земная.

Не то, чтобы здесь действовал собственно страх пред правосудием Божиим и боязнь наказания. Не эти чувства преобладают в боголюбивой душе христианина, и не они, собственно, дают силу его воле. Дело здесь, гораздо глубже и таинственнее, чем может быть думается. Не за тем Господь Спаситель приходил на землю, чтобы, только уяснить горькую судьбу, ожидающую грешников в будущей жизни, или только начертать высокий идеал богоподобия, и предложить его в своей жизни для нашего подражании. Нет, таинственным и непостижимым образом Он прививает к Себе самую натуру

нашу падшую и растленную, и сообщает ей новую благодатную жизнь, как добрая маслина – привитым к ней диким лозам. Люди, емлющиеся за Христа Спасителя не на словах и по наружности только, а всем сердцем и душою, обретают в себе необыкновенную мощь и силу на всякое дело, благое, и безбоязненно идут навстречу всяким опасностям и искушениям. Вспомните то злополучное время, как некогда язычество, озлобленное успехами Христовой веры, подняло можно сказать все силы ада против кротких и смиренных христиан, думая стереть их с лица земли. И что же? Бешеный фанатизм язычников встретил такую силу в малом стаде Христовом, об которую сокрушился сам. Но и доныне *все хотящие благочестно жити*, т. е. истинные ученики Христа Спасителя, *гонимы суть* (2Тим.3:12), – гонимы от духа времени, от растленных обычаев мирских, от злобы и высокомерия глаголемых мудрецов, – и однако же это не сокрушает, а только возвышает и их добродетель. Они постоянно слышат в себе сладкий голос Отца Небесного, указующий им прямой и светлый путь к нравственному совершенству, которого так усиленно, но безуспешно отыскивают мудрецы века сего. Поразительны бывают те примеры, как иногда и простые люди, под руководством Евангелия и таинственно осеняемые благодатию Божией, обнаруживают необыкновенно тонкое понимание всего высокого и благородного, и в своей суровой и гнетущей обстановке являют себя истинными героями добродетели. Поставьте рядом с этими светлыми, хотя может быть и непривлекательными с виду личностями, наших ученых моралистов, у которых нередко путаются и туманятся самые понятия о добродетели, а в жизни большею частию преобладает сухой и отталкивающий эгоизм; припомните наших пресловутых мудрецов, которые всю судьбу человека ограничивают землей и телом, отрицают самостоятельное бытие его богоподобной души, и род людской производят от бессловесных животных, – приведите – говорю – все это себе на мысль, – и вы поймете всю неотразимую правду и силу слов божественного мудреца, что *корень премудрости – еже бояться Господа, а венец*

премудрости – страх Господень (Сир.1:15,18). А без этого венца – как уродлива и дика бывает вся мудрость человеческая!

Все это к тому говорится, чтобы вы от юности возлюбили Господа Спасителя и Его Божественное слово, заключенное в Евангелии. Приложите все ваше усердие, чтобы усвоить это слово, но не умом только, а главным образом сердцем и душою. Постарайтесь внести во всю свою жизнь, и учебную, и домашнюю, дух Христов, так чтобы в мыслях ваших было смирение и простота веры, в сердце – чистота и непорочность, в делах – примерность трудолюбие и святость. Не бойтесь и не представляйте всего этого чем-то необыкновенным, страшным и тяжелым. Сам Господь сказал, что *иго Его благо и бремя Его легко есть (Мф.11:30)*, святой закон Его достолюбезен и родственен нашей душе, – можно прибавить, – в особенности юной душе, еще не омраченной непотребными страстями и не испорченной жизнью. И если бы, в самом деле, вы захотели заняться очищением своего сердца и воспитанием себя по духу Христа Спасителя так же серьезно и усердно, как занимаетесь в большинстве наукою, то сколько бы цены прибавилось всем вашим познаниям, сколько добрых надежд можно бы возложить на вас в будущем! Есть кажется предубеждение, что наука и религия две вещи несовместимые. Не верьте этому! С сего святого места и от имени Божия говорю, что это неправда. И проповедуют эту неправду обыкновенно люди, с одной стороны не имеющие истинной и глубокой учености – люди односторонние, а с другой стороны – убогие в нравственном отношении, не ведущие писания ни силы его. Нет, любите науку, и занимайтесь ею столько, сколько найдете в себе сил! Наука – свет, наука – жизнь для ума нашего. Она дает быстрый и высокий полет нашему духу, широко открывает пред нами прекрасный мир Божий, – и значит тоже ведет ко Христу, как и слово Божие. Знаменитейшие отцы Церкви, Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст были ученейшими мужами своего времени, – и сколько прекрасных истинно-христианских плодов принесла ум наука! Но помните, что сие бывает только в том случае, если занятие науками идет при светоче слова

Божия и под легким и благим бременем закона Христова. Что же вам мешает поступать именно так?!

Молитвами св. отцов Церкви, великих образцов христианской науки, и св. благоверного князя Александра покровителя нашего учебного заведения, – да будет сие с вами! Аминь.

Речь при гробе Владимирского кафедрального отца протоиерея Феодора Михайловича Надеждина (17 декабря 1876 г.)

Не у явися что будем (1Ин. 3:2) – вот поистине красноречивая и характерная надпись к нашей многомятежной и скоротечной жизни земной. Но эта неизвестность того, что с нами будет на том свете, эта гробовая тайна и мрак могильный кажется еще мрачнее и таинственнее делается подле свежего гроба и вблизи только что усопшего, а в особенности и близкого и родного нам человека. Давно ли почивший отец наш любомудрствовал вместе с нами о жизни загробной и устремлял свой светлый и верующий ум туда, где таится вся разгадка и конечная цель всего земного существования человеческого? Давно ли с умилением сердечным искал он укрыться под милосердную десницу своего Спасителя, и обретши ее во святых таинствах покаяния, елеосвящения и евхаристии, с покойною торжественностью готовился вступить в ту область, куда потокам жизни влечется все человечество? И вот теперь непроглядный мрак осенил чело его, в непробудном и роковом молчании застыли уста его! Ни полслова, ни жеста, ни намека не получим от него насчет того, что за таинство произошло с ним, куда девалась душа его, что она теперь мыслит и чувствует. Боже, как это прискорбно, как это страшно и непонятно для нашего обычного и земного чувства!

Но в этом мраке и скорби светлым лучем блещут, и как бы из самой загробной жизни слышатся успокоительные слова Апостола Павла: *не хочу вас, братие, неведети о умерших, да не скорбите, якоже и прочии не имущии упования!* Что же ты поведаешь нам, святой Апостоле? Вразуми и поддержи наше немощное и колеблющееся сердце! *Если ми веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших во Иисусе Бог приведет с Ним,* – вот что вещает нам Апостол Христов! (1Фес. 4:13, 14). Но мы видели, как почивший умирал во Иисусе, и как искренно к нему

стремился угасавший дух его: да позволено же будет нам утешаться надеждою, что возлюбленный отец наш не будет отриновен от Господа, который и сам сказал, что грядущего к нему он не изженет вон, и что где будет он сам, там будет и слуга его. Конечно единому Господу в подробности ведомы все дела и помышления людей и живых и умерших, и потому лишь на суде Господнем определяется поистине все значение и достоинство человека; но и мы, сколько по любви к почившему, столько же и по любви к самой правде, не можем у сего гроба не засвидетельствовать о тех светлых и христианских сторонах его души и характера, которые единодушно были признаваемы всеми знавшими почившего. Кому например не известны – это мягкое его и гуманное отношение к людям, этот снисходительный и великодушный взгляд на их слабости и проступки, и в тоже время, это умение сочетать правду и милость в отношении к подчиненным этот честный и благородный взгляд на свой долг и службу, это отвращение от всякой фальши, криводушия и фарисейства? А кто знал его ближе и короче, тот не может не засвидетельствовать о его глубокой и смиренной вере и сердечном благоговении ко всему, и запечатленному святыней религии, хотя это чувство и не любил он мелчить в обыденных житейских беседах многословными и нарядными речами, которыми так не редко думает придать себе силы поверхностная набожность или лицемерное маловерие, и за которыми думает укрыться от обличительных укоров людских и своей совести – фарисейство. Но там, где его отеческое и христиански-пастырское влияние в особенности могло быть сильно и потребно, – там он открывал всю свою душу с обычной ему силой слова и основательностью христианского убеждения. Но в особенности достолюбезна и достойно подражательна была в почившем отце нашем эта кроткая деликатность и снисходительность в общественных и служебных отношениях к людям. Происходила ли она от христианского и смиренно-строгого сознания своих собственных немощей, или вообще от основательного знания просвещенного взгляда на натуру человеческую, – во всяком случае это было поистине редкое и высокое украшение почившего. Чего, кажется, проще и

естественнее должна бы быть снисходительность и всепрощение в людях, которым, по Апостолу, только и можно похвалиться немощами своими? А между тем всегда ли мы и везде ли найдем около себя людей, умеющих соблюдать это высокое Апостольское правило?! Не одна только родственность и совсем не общепринятый обычай похвалить умерших – движет нашими устами в настоящую минуту, а искреннее уважение и любовь к почившему отцу нашему, которые, как видно, разделяют с нами и посторонние люди, – наиболее же всего потребность христианского успокоения и утешения о почившем, которое так естественно может опереться для нас на христианских качествах дорогого нам усопшего. Мы знаем слова Господа, что его милости и снисхождения наиболее всего могут ожидать те люди, которые сами добры, снисходительны и благожелательны, – и эти слова мы с надеждою дерзаем вспомнить при гробе нашего отца, когда настала для него самая великая нужда в Божием милосердии.

Благочестивые отцы, братие – сослужители и все предстоящие гробу сему! Дозвольте мне с моим личным скорбным чувством в настоящие минуты обратиться несколько и к вашему общему христианскому чувству, дабы сообща вздохнуть и потужить о наших общих немощах человеческих, за которые придется некогда и нам отвечать на суде Божием. Боже, как страшен час смерти, с каким усилием стараемся мы отдалить его, от себя в своей мысли, и как он грозен и неотвратим является пред каждой новой жертве смерти! Какими бедными и неоплатными должниками являемся мы пред Богом у врат смерти, и как бы следовало нам поменьше увлекаться суетой мирской и больше, гораздо больше думать о своей душе и о загробной участи своей! Ведь вот уж находясь в этом положении ничего не изменишь, ничего не переделаешь в своей жизни, ничего не вычеркнешь из нее, ничего не исправишь и ничего не надбавишь себе, чего не успеем мы приобрести и заработать на сем свете. В положении подсудимых со страхом и трепетом будем и мы стоять на суде Господнем: может быть тысящекратно придется пожалеть, что и то могли бы мы легко сделать доброе, и к другому имели все средства и тысячу

побуждений, – но и то нами опущено, и это забыто и другое пренебрежено. Чем тогда оправдаться, и чем защититься? Господи, даждь нам память смертную и христианское умиление, и вонми молитвам нашим об оставлении грехов и упокоении незабвенного и дорогого отца нашего, новопреставленного протоиерея Феодора!

Слово в день рождества Христова (25 декабря 1876 г.)

Иисусу родшуся в Вифлееме Иудейстем, во дни Ирода царя... се Ангел Господень во сне явися Иосифу, глаголя: возстав поими Отроча и Матерь Его, и бежи во Египет, и буди тамо, дóндеже реку ти, хочет бо Ирод искати Отрочате, да погубит Е (Мф. 2:1,13)

Вот как люди приняли своего Спасителя! Едва родился Он, как уже составлен злодейский замысел на его жизнь! Нечестивому царю не удалось погубить Божественного Отрочате, – но четырнадцать тысяч невинных младенцев гибнут за Иисуса! А вся последующая жизнь Господа нашего чем была, как не бесконечною нитью непрерывных напастей, скорбей и огорчений от грешного и неблагодарного рода человеческого? Его небесное учение стараются унизить, Его безгрешную и святейшую жизнь хотят запятнать, Его чудеса объясняют действием веельзевула, Его проповедь о всеобщем благодатном Царстве провозглашают политическим возмущением, Его осуждают как преступника, Его распинают как злодея! Для истребления Его имени с лица земли употребляют огонь и меч, и целые века ручьями льется кровь Его исповедников. Когда огонь и меч оказались слабыми, пускают в дело философию, – и всеми ухищрениями озлобленного и дерзкого вольномыслия сияются низвести Богочеловека в среду тварей, а Его служение роду человеческому представить простым и обыкновенным делом. К нашему злосчастному времени слепотствующая злоба и борьба на Сына Божия достигла, кажется, наивысшего своего напряжения. Не говоря о мусульманском фанатизме, устремившемся на борьбу с верою Христовою под знаменiem лжепророка, в самых христианских обществах сколько есть печальных явлений, свидетельствующих не о равнодушии только и холодности к Иисусу Христу, но и о враждебности к Нему?! Достаточно, например, появиться какой-нибудь книге противухристианского направления, – и ее читают с удовольствием, хотя бы она в

конец низвращала Божественную жизнь Иисуса; ею любуются с каким-то затаенным злорадством ее готовы провозгласить каким-то новым евангелием!... Нам, благочестивые слушатели, остается только повторять, подражая Божественному Агнцу, взявшему на себя грехи всего мира: *Господи, отпусти им, не веди́т бо что творят!* (Лк. 23:34). Мы уверены, что, хотя бы вооружились все силы ада, все темные слуги веельзевула вместе с несчастными борцами против Сына Божия в человеческом роде, – не разрушить им дела, для которого приходил на землю Господь наш Иисус Христос, не отнять у него Божественной славы *уже имел Он от Отца еще прежде мир не бысть* (Ин. 17:5). Попробуем, однако же объяснить в свое назидание, откуда происходит в людях такое упорное отступничество от своего Спасителя, такое бесстрашное неверие в среде христианской в основной догмат христианской веры – воплощение сына Божия. Обличив неверие, мы укрепим свою веру, и, хотя несколько оградимся от современной заразы.

И прежние, и нынешние неверы свое неверие и пренебрежение к Сыну Божию прикрывают обыкновенно благовидной одеждой, представляются любомудрствующими искателями истины. Как бесконечное существо, говорят они, могло сделаться конечным и ограниченным? Как предвечный Бог мог сделаться младенцем? Как всемогущий и всеславный мог унизиться до положения во яслях? Вопросы эти искони предлагает ум человеческий, и, разумеется, никогда не разрешит их; потому что тайна нашего спасения в существе своем непостижима и для ангельских умов – она *от века сокровенна была в Боге*. Но дело в том, и что все эти люди, глаголющийся быти мудрыми, имеют совершенно превратные и фальшивые понятия о Боге, – и в этом все дело. Здесь корень неверия. До какой степени узки, поверхностны и можно сказать дики эти понятия, – судите сами. Вот как их можно передать вкратце. То представляют Бога по отношению к миру и к людям каким-то холодным и безучастным зрителем событий, случающихся на земле, – чем-то в роде мастера, который сделал свое дело, сотворил мир, и потом оставил его самому управляться своими собственными силами и законами. Есть и

такие слепцы, которые воображают Бога какою-то бессознательной и безличной силой, разлитой по всему миру и одушевляющей материю, и таким образом Творца сливают с тварями. Наконец есть и такие лже-философы, которые вовсе отрицают Бога и все вообще духовное, и признают только одно вещество, одну материю с ее силами и законами. И не время и не место здесь заниматься опровержением всех этих умствований, которые для простого здравого смысла, а тем более для чувства христианского не стоят даже и опровержения. Но не правда ли, что для людей с такими понятиями о Боге действительно никак невозможно дойти, до мысли даже об одной возможности воплощения сына Божия для спасения человеков, – и что слово крестное, равно как и слово о вочеловечившемся Боге, для них не иначе должно казаться, как юродством? Но смотрите, как одно светлое и здоровое понятие о Боге, которое почерпается нами из откровения и за которое стоит между прочим здравый человеческий смысл и наше внутреннее чувство, как оно легко устраняет все те препятствия, какие сам создает для себя и об них запинается неверующий ум человеческий, вземлющийся на разум Божий! Как скоро мы знаем, и что Бог не есть что-нибудь отвлеченное, не есть сила безличная и слитая с миром, а есть существо живое и личное, есть любящий и промысляющий Творец мира, для Которого дорого и к Которому близко самое незначительное создание во вселенной, который, по Евангельскому слову, следит за судьбой самых маленьких птичек, и без воли которого не падает волос с головы нашей, то, что будет странного и невозможного, если сей бесконечно любящий Бог *так* возлюби мир, *яко* и Сына Своего Единородного дал есть, *да* всяк веруяй в Онъ не погибнет, но имать живот вечный (Ин. 3:16)? Что будет невероятного, если Сей безгранично любвеобильный Бог, *не* хотяй смерти грешника, но еже обратитися и живу быти ему (Иез.33:11), если Он нашел средство спасти погибавший род наш именно в Своей бесконечной любви? Мысленно переносясь в пещеру Вифлеемскую, и зря духом Божественного Младенца на руках Пречистой Богоматери Отроковицы, верующий христианин

воскликнет, конечно, вместе с апостолом: *Велия, дивна, несказанна благочестия тайна – Бог явился во плоти (1Тим. 3:16)*. Но с какими умильными и благодарными слезами он повергнется пред сей тайной! Ибо она близка и родственна всякой неиспорченной душе и всякому непредубежденному и здравому чувству человеческому. Душа человеческая по природе христианка, сказал один из древних знаменитых учителей Церкви.

Указавши главный источник неверия и отступничества от Сына Божия, скажем несколько слов и о том, чем поддерживается это отступничество в нынешних людях и обществах. Каким образом случается, что люди, которым подчас нельзя отказать ни в уме, ни в образовании, находят для себя возможным и лучшим держаться вышеизложенных странных и неразумных понятий о Боге и его отношении к миру? Не ошибемся, если скажем, что это зависит с одной стороны от личной испорченности и сердечного растрепания каждого такого умствования, а с другой стороны – от духа времени. В самом деле, веруя в личного всемогущего Бога, пред Которым всякий шаг наш имеет нравственное значение, и Который притом столько возлюбил человека, что для него Сам стал Человеком, – веруя в такого Бога нельзя, конечно, ограничиться в отношении к Нему какими-нибудь общими и легкими обязанностями. Надо всякий час приносить ему жертвы, надо ежеминутно бороться с собою, надо подавить в себе страсти, надо следить за каждым своим помыслом, чтобы хотя сколько-нибудь оказаться достойным той безграничной любви Божией к нам грешным, ради которой Сам Сын Божий Себе *умалил, зрак раба приим, в подобии человечестем быв, и образом обретеся якоже человек (Флп. 2:7)*. А это-то паче всего и не нравится нынешним чувственным людям. В своем ослеплении они вовсе не подмечают, что все нынешние остроумные и оригинальные теории о Боге и мире, которыми они восхищаются как высшею мудростью, потому собственно кажутся такими хорошими, что дают полную свободу и раздолье грехолюбивому и растрепанному сердцу человеческому, по секретному заказу которого может быть и измышлены эти теории. В самом деле, если Сын Божий

не приходил на землю и не воплощался, если даже не нужно было воплощение Сына Божия, как думают сии нечестивцы, – если все мы не более, как случайные обнаружения всеобщей материи, и при смерти сливаемся с общею жизнью вселенной, все равно что те пузырьки на воде, которые мгновенно появляются и мгновенно пропадают: то как беззаботно, с каким простором можно прожить, на свете, не тревожа себя никакими тяжелыми мыслями о жертве принесенной Сыном Божиим за род человеческий, о всемирном суде, для которого придет на землю во второй раз тот же вочеловечившийся Сын Божий, но уже не в униженном виде, а грозным праведным Судиею! А между тем, для успокоения своей совести, с каким все-таки жаром и энтузиазмом можно рассуждать о добродетели вообще, о долге, о человеческом достоинстве и проч... И совесть покойна, и на душе нет никаких тревог и опасений! Так обманывают себя эти люди, глаголющийя быти мудрыми!... А дух века, насквозь пропитанный ядом какой-то особенной суетности, изнеженности и утонченной чувственности, отуманивает и мелчит донельзя нынешних людей и закрепляет в обществе то постыдное нравственное усыпление и религиозное бесстрашие, о котором только-что мы сказали. Страсть к легкой наживе, ненасытимая жажда чувственных наслаждений открыто воцаряется в сердцах людей, туманит их глаза и притупляет совесть до такой степени, что одни из них, не смотря даже на свое богатое и почтенное положение в обществе, совершают самые бесчестные деяния и преступления для увеличения своих богатству или для удовлетворения своего тщеславия; другие же всю силу их ума, образования и красноречия не стыдятся употреблять на публичную защиту этих бесчестных деяний и преступлений пред лицом правосудия в надежде получить полновесную денежную мзду, и такое корыстолюбивое и бесчестное, выразимся так, направление в людях может ли благоприятствовать развитию и укреплению религиозных идей в обществе? Разумеется нет! Напротив, оно лишь колеблет их, и противодействует им. Сею-то самую материальностию направления не только в нашем, но во всех современных христианских обществах, этим крайним их

радением только о торговых, политических и вообще земных интересах, и можно объяснить это постыдное равнодушие и отступничество европейских национальностей, с которыми они готовы головой выдать беззащитных славянских христиан на все ужасы мусульманского тиранства, – лишь бы и целыми сохранились их грубые меркантильные и честолюбивые интересы. Разве это не предательство Христа? Разве это не отступничество от веры христианской? Ирод избил четырнадцать тысяч младенцев, чтобы сберечь свою власть на иудейском престоле; а теперь позволяют истреблять сотнями тысяч и младенцев, и юношей, и девиц, и женщин, и беззащитных мирных граждан христианских, чтобы спасти какие-то свои политические влияния, а главное – свои деньги и выгоды. Судите сами, чье отступничество гнуснее и постыднее – Иродово, или нынешнее европейское?!

Благочестивые слушатели и православные сыны российские! Падем молитвенно пред Спасом, нашим и Господом Иисусом Христом, да спасет Он нас своею благодатью от современной заразы неверия и отступничества. Положим крепко в мыслях и сердцах своих слова Апостола Иоанна Богослова, что *всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором мы слышали, что он придет и теперь есть уже в мире (1Ин. 4:3)*. Кто лжец, – восклицает богодухновенный Апостол – *если не тот, кто отвергает, что Иисус есть Христос? Это антихрист, отвергающий Отца и Сына...* Итак дети, – убеждает всех нас св. Апостол, – *пребывайте в Нем, т. е. в Иисусе Христе, ради нас вочеловечившемся, чтобы, когда Он явится, иметь нам дерзновение, и не постыдиться пред Ним в пришествие Его! (1Ин. 2:22, 28)*. Вот и теперь, Бог знает, что готовит нам недалекое будущее. Может быть политические обстоятельства так пойдут, что придется нам стать с оружием в руках лицом к лицу с врагами нашего Спасителя. Положимте же одну крепкую мысль на сердце своем, что с живою верою и любовью ко Христу Спасителю мы никогда не постыдимся, как уверяет нас Апостол. Вспомним, что была некогда тяжкая страшная, и

именно в настоящий день воспоминаемая, година для России, когда приходилось ей бороться с двадцатью языками, и притом самыми просвещенными и сильными языками, – однако же православный русский народ сильный верой во Христа Спасителя не только вышел победителем из борьбы, но и европейским миротворцем. Так и теперь. *С нами Бог! Разумейте языцы, и покаяйтесь! И уже аще совет совещае, разорит Господь... Страха же вашего не убоимся, ниже смутимся, яко с нами Бог (Ис. 8:9, 10, 12).* Аминь.

Слово в день восшествия на престол Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича (19-го февраля 1877 г.)

Вот уже и две седмицы пройдены нами по милости Божией во святом поприще поста. Особенный характер этого церковного времени в году дает нам повод сказать о нем несколько слов. Души истинно благочестивые, конечно, усиливают теперь свои духовные подвиги, ибо настало для них время наибольшего простора в борьбе с сластолюбивою плотию и с живущим в ней злом. Напротив для людей не привыкших и не приученных уважать Церковные правила, и вообще для людей чувственных, измеряющих цену жизни только ее приятностями, идет теперь время, подающее повод к усиленным воплям против излишних, будто бы стеснений естественного права человеческой природы, которые, будто бы делает Церковь своими уставами о постах и своим запретом разных законных и невинных будто бы удовольствий. В настоящие минуты это могло бы дать нам повод коснуться вопроса весьма конечно не нового, но никогда не истощимого и особенно уместного в наше сластолюбивое время, – вопроса об отношении высоких требований Евангелия к земным нуждам и естественным потребностям и удовольствиям человека. Но есть некоторая сторона в этом вопросе, которую нам особенно хотелось бы поставить на вид. Ибо среди удовольствий человеческих есть некоторые такие, которые по своему характеру и по своей близости к духовной стороне человека кажутся особенно законными и даже возвышающими и облагораживающими человека. Мы разумеем так называемые эстетические удовольствия, имеющие источником своим вложенное самим Богом в человека чувство прекрасного. Людям, у которых широко развито воспитанием это благородное чувство, нет будто бы возможности без противоестественного насилования себя подчиняться суровым требованиям

церковным о пище, об одежде, об ограничении потребности наслаждения и вообще о духовном подвижничестве. Что и в этом случае, как и в других бесчисленных случаях, современные люди ошибаются и грешат против Церкви, не желая знать ее истинного духа, – это, кажется нам, не трудно доказать.

Прежде всего мы намерены предложить и разъяснить взгляд Церкви на эстетические удовольствия. Когда Господь, приступая к созданию человека, сказал: *сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию* (Быт. 1:26), то Он оставил в его богоподобной душе некоторый светоносный след Своей Божественной красоты, и зажег в его сердце святую искру любви ко всему, что отражает на себе эту неземную красоту, – ко всему изящному и прекрасному в мире. Так, что теперь стремление к красоте и гармонии и потребность наслаждаться ею есть как бы воспоминание и воздыхание человеческой души о том блаженстве и о том первоисточнике всякой красоты и всякого наслаждения, к которому некогда человек был так близок; это есть, так сказать, вопль души о потерянном рае. От того-то, чем глубже, чем чище и духовнее проявляется в человеке потребность изящных наслаждений, тем более оттеняется она характером грусти и некоторой тихой меланхолии. Прочтите сто третий псалом Давидов, в котором описывается красота творения Божия и неистощимое богатство природы: это чувство некоторой сокровенной скорби при созерцании красот природы ясно слышится в боговдохновенной душе псалмопевца. Итак, чувство прекрасного есть общее человеческое чувство, – и если некоторые люди потребность изящных наслаждений горделиво считают исключительно своею потребностью и на этом основании готовы причислять себя к некоторой высшей человеческой породе, то они очень ошибаются. В самом простом и не совсем загрубелом человеке по временам ярко вспыхивает это святое чувство прекрасного, умягчает его душу и тихо, но почти неудержимо, влечет туда, где нет ни печали ни воздыхания, но жизнь бесконечная и наслаждение бесконечное. Таков взгляд Христовой Церкви на живущее в человеческой душе чувство прекрасного, и потому

она хочет, она даже старается, чтобы это небесное чувство в надлежащей и соответственной степени развито было во всяком человеке, без различия сословий и состояний. Грубостию нравов, жесткостию и неприличием внешнего поведения, безвкусицей и безобразием житейской обстановки – она одинаково гнушается, где бы они ни проявлялись; ибо все это большею частию бывает, верной вывеской внутренней беспорядочности и душевного безобразия. Напротив, и в самых простых семействах она хочет видеть чистоту и опрятность, любовь к красотам природы, стремление к порядку и стройности и т. под.; ибо любовь к красоте и стремление к изяществу есть шаг к нравственному совершенствованию или некоторый задаток духовного преуспеяния, в человеке. Посему-то не редко само слово Божие богатство облагодатствованного духа, и нравственную красоту души изображает под образом внешнего благолепия и красоты. *Возрадовася душа моя о Господе, поет св. пророк, облече бо мя в ризу спасения, и одежду веселия (одея мя). Яко на жениха возложи на мя венец, и яко невесту украси мя красотою, и проч. (Ис. 61:10).*

После сего естественно, конечно, следует вопрос: как же согласить врожденное в человеке чувство прекрасного и проистекающую из этого чувства жажду эстетических наслаждений с Евангельским учением о нищете духовной, о пренебрежении к телесным требованиям и об отрешенности от всего чувственного и земного? Первое, что на это имеем мы сказать и что всегда надобно иметь в виду при вопросах подобного рода, – это то, что как небесные обители у Отца Небесного многи суть, так и пути к этим обителям многообразны. И не одним и тем же путем ведет своих чад Христова Церковь к нравственному совершенству. Есть пути высшие и кратчайшие, по которым идут не все и даже не большинство, а только те, *им же дано есть*, т. е. то избранное меньшинство учеников Христовых, которые действительно отказываются почти от всего земного, хотя бы облеченного в прекрасную форму, и живут как Ангелы Божии, все свое существо непосредственно устремляя к Богу. Все красоты и приятности земные, как отраженные и посредствующие, для них

уже не имеют большего значения, ибо сердце их и без того всецело и прямо устремлено к первоисточнику всякого блага и совершенства и к красоте всесовершенной и первоначальной, т. е. к Господу Богу. А потому и теми изящными удовольствиями, которые так сильно волнуют человеческое сердце при ощущении и созерцании прекрасного в мире, святые подвижники имели и имеют право и не дорожить; ибо это прекрасное, как заключенное все-таки в ограниченные и чувственные формы, ниже, так сказать, их чисто духовного и беспримесно – нравственного достоинства и характера. Они даже имеют повод и особенные побуждения совершенно отстранять от себя все таковые удовольствия, как ни благородны и ни прекрасны они сами по себе; ибо, по тесной связи своей с чувственным и земным миром, эти удовольствия незаметно могут затрогивать их собственную человеческую чувственность, всегда, как известно, брэнную и слабую, и таким образом незаметно сводить их с той духовной высоты, на которой они стремятся держаться.

Для того, чтобы совершенно утвердиться на этой высоте, и завоевать себе полную, равно-ангельскую свободу духа среди разнообразных чувственных и земных впечатлений, хотя бы то и прекрасных, святые подвижники предпринимают поистине изумительные подвиги. О тех великих подвигах, которые несут эти земные ангелы и небесные человеки, сам Господь Спаситель сказал, что только *могий вместити* их *да вместит* – и значит не всех нас к ним обязывает. Таким образом сравнивать наше житейское положение с положением этих великих угодников Божиих и, ссылаясь на недостижимую почти высоту их примера, вовсе отказываться от исполнения христианских правил, как будто бы невыполнимых, – значит просто бояться призраков и убаюкивать свою дремлющую совесть, чтобы уклониться от того, что для нас вполне возможно и чего требует св. Церковь на этом основании от всех чад своих. Что же именно для нас житейских и обыкновенных людей возможно и обязательно?

По отношению к предмету нашего слова так можно выразить вкратке требования св. Церкви. «Чувство

прекрасного вложено человеку, и основывающаяся на нем жажда прекрасных наслаждений, которые могут доставить нам природа и искусство, есть законная жажда. Но не приносите все в жертву этому чувству, не делайте его целью жизни!»! В самом деле, цель человеческой жизни не есть наслаждение, и кроме эстетической стороны в нашем духе есть другие не менее высокие и благородные стороны – умственная и нравственная. Давши неограниченную волю своему сердцу, хотя бы в наилучших и прекраснейших его порывах, можно впасть в односторонность и даже совершенно сбиться с царского пути чести и добродетели, можно забыть наивысшие обязанности и свой долг, сделаться изнеженными, праздными мечтателями, неспособными ни к какому серьезному делу. Земная жизнь по учению Евангелия не есть настоящая и окончательная жизнь человека; это есть странствование к небесной жизни. И потому не есть она и не должна быть цепью наслаждений; она есть поприще для подвигов и борьбы с темною областью зла. Человек на земле есть гость и странник, который, конечно, имеет право среди утомления отдохнуть иногда душой в красотах природы, попадающихся ему на пути, – но горе ему, если он, предавшись неге и лени, забудет о своем отечестве небесном. Вот первое, что мы должны принять к сведению в интересующем нас вопросе.

Продолжаем далее. Свято живущее в сердце человека чувство прекрасного; но не оскверняйте же его теми постыдными формами, в которые так часто любит облекать его современное искусство. Это второй совет и внушение св. Церкви. И без того увлекателен грех для падшей природы человека, но облеченный в прекрасную форму, он имеет почти непреодолимую силу. Вот чего бы не должно быть вот что богопротивно и грешно. Не музыка не сродна христианству, а тот изнеживающий и сладострастный характер, которым так часто она дышат. Не живопись и не поэзия не сродны христианству, а то нечистое и грязное служение страстям человеческим, которое они всего чаще отправляют по намерениям и целям современных поэтов и художников. Мы не язычники, а христиане, – и языческая древность для нас не

пример. Вообще христианин должен быть трезв, серьезен, непорочен душой и сердцем и свободен от всякого пристрастия, могущего отвлечь его от главной цели и увлечь в область чувственного и земного. *Все мне позволительно*, говорит Ап. Павел, *но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною* (1Кор. 6:12). Вот всеобщий отличительный характер внутреннего подвижничества, который обязателен для всех христиан, и который даже нас, обыкновенных и житейских людей, сближает с величайшими подвижниками Евангелия. В меру и во и время пользуйся всем законным и свойственным человеку, но ни к чему не прилагай сердца и на всем полагай печать духовности и святости. Для воспитания этой свободы и независимости нашего сердца от всякого пристрастия даже к вещам по-видимому достолюбезным и законным, каковы, напр., изящные искусства, и нужны для нас некоторые урочные и обязательные времена, в которые мы должны отрешаться от всяких удовольствий и наслаждений, даже эстетических, должны сосредоточиваться и углубляться в себя, чтобы, по прошествии этих уставных времен, выходили мы с новыми силами на борьбу с врагами нашего спасения – с суетностью мира, с диаволом и своею собственною чувственною природою. Вот откуда вытекает нужда и великое значение постов в христианской Церкви, и против которых так часто и так много слышится порицаний и воплей, и особенно по поводу запрета налагаемого церковью даже и на так называемые эстетические, и в особенности драматические и театральные удовольствия.

Если мы эти общие соображения и рассуждения захотим приложить к образу своего поведения в переживаемое время святой четыредесятницы, то сейчас и окажется, таков ли он есть, каким должен быть. Мы сказали, напр., что св. Церковь внушает теперь всем сынам своим особенную сосредоточенность и трезвенность духа, располагает к самонаблюдению и изучению своих недостатков, к покаянию и сокрушению о грехах своих; а если мы несмотря на это, все также, как и всегда, ищем удовольствий и, ссылаясь на свою потребность изящного, все тянемся к наслаждениям, неизменно

бродим по клубам и по гостям, или у себя устраиваем вечера с гостями, с музыкой, пением и танцами, с картами и обычной веселой болтовней, – то бесспорно мы это делаем дурно. Святая Церковь желает, чтобы теперь наши свободные ежедневные умственные занятия оттенены были характером религиозным, чтобы мы думали теперь больше о том, что касается наших духовно-нравственных интересов; но если мы, как и всегда, все свое время тратим на чтение легких и развлекающих произведений светской литературы, если на уме у нас все романы и повести и драматические сцены, если не попадает к нам в руки ни одна духовная и нравственно-назидательная книга, то конечно это дурно, это не повеликопостному. Святая Церковь, дабы дать наибольший простор нашему духу и сократить наши плотские и животные инстинкты, предписывает усиленное воздержание в пище, даже вовсе запрещает пищу лакомую и наиболее питательную и приятную; но если у нас, как и всегда, то же обилие и разнообразие в пище, та же утонченность и скоромь в ее приготовлении, а вместе с этим и та же скудость, поверхностность и лень в молитве, то без всякого сомнения это дурно, это не по великопостному, не по православному. Святая церковь внушает нам, чтобы внутреннее покаянное настроение нашего духа *и печаль яже по Бозе* выражались и в нашей внешности, в нашей одежде и во всей домашней обстановке, – подобно тому, как сами же мы это приличным и обычным считаем в каких-нибудь печальных и траурных случаях житейских; но если мы, не смотря на это траурное время в христианском и православном быту, любим и усиливаемся, как и всегда, щеголять изяществом и праздничною нарядностью одежды, холим и нежим свое тело, и заботливо хлопочем о всех мелочах привычной для него удобной обстановки и всей его внешности, – то конечно и это не похвально, и потому главным образом, что бывает неблагоприятно. И еще кажется не мало можно бы взять сторон и случаев из нашей повседневной жизни для сравнения с великопостными правилами и уставами Церкви Православной, но это с большим удобством, с большими подробностями и с откровенною самообличающею

искренности можете сделать вы сами наедине с своей совестью. Наше главное намерение было поставить вас на христианскую точку, с которой бы в истинном свете можно было вам увидеть свою жизнь, по достоинству оценить ее и с точностью определить: хороша она или дурна.

Принять рекомендуемую вам точку зрения, или не принять, а держаться других убеждений и правил жизни, – от вас, слушатели благочестивые, зависит. По примеру своего главы, Господа Иисуса Христа, св. Церковь никогда и никому насильно не навязывает своего учения и своих правил; она только может скорбеть и молиться о своих неверных и непокорных чадах. Очень может быть, что по выходе из сего храма и вам придется и слышать, и читать многое множество совсем других учений и совсем иных правил насчет только что изложенного нами предмета. Если вы не почувствуете в себе на первый раз достаточно мужества и силы, чтобы прямо пойти против этих учений и открыто обличать их; то не усердствуйте по крайней мере и не спешите выдавать себя якобы просвещенными сторонниками этих совершенно неслетлых идей и правил. Вспомните, что у всех нас есть общая духовная мать Христова Церковь, которая не только насчет высоких догматов вероучения, но и насчет самых обыкновенных житейских предметов предлагает нам самые лучшие, самые чистые и святые понятия и правила. Запомните себе раз навсегда, что ничто истинно человеческое, ничто вытекающее из коренных законов и потребностей нашей природы не чуждо ей, ни одного нет требования с ее стороны, которое бы неклонилося к нашему духовному преуспеянию, и как-нибудь противоречило бы богодарованным свойствам и силам нашего духа. Удержитесь же, и других удерживайте бросать в нее камни порицания за отсталость и узкость будто бы взгляда. Не гораздо ли справедливее сознаться, что правила и понятия церковные слишком высоки и чисты для нашей природы, любящей негу и лень. Решитесь же хотя исподволь и постепенно приучать себя ходить в заповедях Господних, – текущее время святой четырехдесятницы есть самое благоприятное к сему время, и Господь по молитвам св. Церкви соделает вас впоследствии

времени истинными чадами ее. С сими мыслями помолимся о державном покровителе св. Церкви Православной, государе императоре, со всем его августейшим домом, да подаст Господь державе его и народу российскому дух строгого Православия и истинного благочестия; ибо сей дух есть самый надежный и неизменный оплот нашей народной силы и нашего государственного могущества. Аминь.

Речь, обратившемуся в православие из католицизма²

Приветствуем тебя, возлюбленный брат о Господе, со вступлением во святое общество православных чад Христовой Церкви. Да будет благословенна та поистине счастливая для тебя и благодатная минута, когда впервые зажглась в твоём сердце любовь к Православию и затем создалась решимость стать в ряды православных и правоверующих членов Церкви Вселенской. Да почиет на тебе благодать и мир от Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа во Святом Духе. Радость наша о твоём правоверии много усиливается тем обстоятельством, что ты взыскал его совершенно свободно и самостоятельно, и пришел к нему никем не увлекаемый и не уловляемый. Мы не преходили моря и суши, чтобы сделать тебя нашим пришельцем (Мф. 23:15); значит Сам Отец Небесный призвал тебя в Церковное единение с нами, ибо никто не может прийти ко Мне, – говорит Спаситель, – если не привлечет Отец, пославший Меня (Ин. 6:44). К радости нашей, столь понятной, о твоём православии, присоединяется, возлюбленный брат, и то особое удовольствие, что в тебе мы видим единоплеменного нам славянина, возвращающегося из чуждого и насильственно навязанного южнославянскому миру римского влияния к своей свободе, к своим древним праотческим преданиям и к самому естественному союзу духовному с Россией, Православной представительницей и высокой защитницей славянских интересов. Слава Господу Богу, о тебе так устроившему!

Какими же советами и благожеланиями напутствовать тебя на новом, избранном тобою пути религиозном. Не пренебреги, новопросвещенный брат наш, глубже и шире изучить догматы и чиноположения Православной Церкви, дабы все крепче и крепче утверждаться на избранном тобою царском и светлом пути Православия, – это первый наш совет и просьба к тебе. Слышал ты конечно, как люди небрежные и холодные в делах веры, желая оправдать свое неведение собственного

вероисповедания, свою суетность и постоянное мирское рассеяние, любят повторять ходячую и легкомысленную фразу, что различия христианских исповеданий мало значат собственно в деле спасения, ибо-де верующие во Христа все имеют одинаковую надежду спасения о Христе Иисусе. Что говорить! правда, что Христос Спаситель есть единая надежда и причина спасения всех людей, верующих в него; но неправда, будто все равно, содержать ли его учение во всей чистоте и неприкосновенности, или в неполном, неточном и искаженном виде. Правда, что может быть много путей ко Христу Спасителю; но неправда, и будто все равно, идти ли к нему по прямому и царскому пути, или по окольному и сбивчивому. Конечно и в позолоченной вещи есть нечто золотое, но все же она не золотая и необделанный бриллиант имеет свою относительную ценность, и в заблуждениях и ошибках бывает своя доля правды, которой не пренебрегают люди умные и благородные. Но справедливо ли отождествлять все эти вещи, и придавать им одинаковую ценность? А если нет, то и выходит, что выбирать нужно лучшее и более ценное. И если это правило рекомендуется и соблюдается в делах житейских, то тем более оно должно быть соблюдаемо в делах веры и религии, ибо религия для человека есть наивысшая и драгоценнейшая святыня, с которой он связывает все счастье своего духа и свою последнюю судьбу за пределами настоящей жизни. Значит, всякий истинно благочестивый человек и разумно исповедующий свою религию должен добросовестно исследовать те основания и догматы, на которых держится и из которых слагается его религия. И ты, новопросвещенный брат наш, дай священный обет себе как можно шире изучить, и глубже исследовать высокое вероучение Православной Церкви, и вообще освоиться как можно ближе с духом и всем строем Православия; оно не только не боится никаких исследований и изысканий, напротив оно, как сама сияющая истина, тем больше озаряет светом, чем усерднее ищут его и чем ближе к нему подходят. Выслушай, возлюбленный брат несколько примеров или частных случаев того, как не все христианские вероисповедания в одинаковой степени владеют истиной, и как,

значит, не все равно, к тому или другому принадлежать вероисповеданию. Не потому повел я с тобою эту речь, что сомневаюсь в искренности твоего обращения к свету Православия, или предполагаю в тебе некоторую индифферентность вероисповедную, – я имею решительные доказательства твоей свободной и сознательной решимости сделаться православным человеком не по имени только, а на самом деле, – но для того, чтобы поощрить тебя к наилучшему изучению Православия, и предложить тебе некоторые наиболее выдающиеся и характерные темы для этого изучения.

Все христиане, как известно, веруют во Святую Троицу – Отца, Сына и Святого Духа; но того, как Спаситель наш столь ясно и определенно сказал о Духе Святом, что Он от *Отца исходит* (Ин. 15:26), не правда ли, что неприятно как-то и больно за своевольное и прямое искажение этих Божественных слов Спасителя римскими христианами, будто Дух Святой исходит еще и от Сына?! Или еще: Господь постоянно внушал Своим ученикам и Апостолам, что между ними не должно быть никакого преобладания, как это бывает у людей мирских (Мф. 20:25–27), – что не умалившись и не смирившись, подобно детям, никому даже нельзя и войти в Царствие Небесное (Мф. 18:1–4); а римские христиане утверждают напротив, будто Господь поставил Апостола Петра князем и начальником всех прочих Апостолов и Своим наместником после Себя. Писание ясно и определительно говорит, что для Церкви, как для зданий Божия, *никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос* (1Кор. 3:10, 11); а по учению католицизма, Господь основал Свою Церковь, как на камени краеугольном, на Апостоле Петре, от которого права верховного властительства в Церкви перешли будто бы всецело к римским епископам, – а эти епископы в своей самомнительности дошли до того, что дерзнули провозгласить себя непогрешимыми, т. е. присвоили лично себе то, что может принадлежать, по обетованию Господню, лишь всей Вселенской Церкви. Неужели и эта грубая фальшь должна ничего не значить для ревнителя христианской истины? Или опять: Господь в евангельской притче о богатом и Лазаре открыл нам, что между

осужденными грешниками и спасенными избранниками утверждена непроходимая бездна (Лк. 16:26), на ослабление же безотрадного положения грешников имеют влияние, по учению древней Вселенской Церкви, единственно заслуги Иисуса Христа; а в католической догматике измышлено какое-то среднее состояние умерших душ, какое-то чистилище, где грешные души, как металл какой-нибудь, огнем очищаются. Еще пример: писание ясно и определительно говорит, что *как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что все согрешили* (Рим. 5:12), и тем дает нам заметить, что все человечество без исключения подчинено первородному греху, кроме безгрешного и сверхъестественно зачатого и рожденного Христа Спасителя; а католики самовольно приписывают сверхъестественность зачатия и рождения еще и Марии Деве, Которая испытала однако же естественную смерть и Сама Своими собственными устами называет Господа Бога Своим *Спасителем* (Лк. 1:47), и тем прямо дает заметить Свою причастность первородному греху по Своему рождению. Уместно ли такое самоволие в догматах веры?! Но точно также оно неуместно и в обрядности, особенно касающейся способа совершения таинств, установленных Самим Иисусом Христом. Правда, что сущность и сила Таинств заключается не в их форме и внешности, а в присущей им вседетельной благодати Божией; однако же, когда доктор прописывает нам лекарство, то мы считаем своею обязанностью принимать его так именно, как он укажет, не решаясь, изменять ни малейшей частности его рецепта. Так этому должно быть и в области религиозной обрядности. Заповедал, напр., Господь совершать крещение чрез погружение в воду (βαπτίζειν), так что Апостолы прямо называют крещение *погребением во Христа Иисуса* (Рим. 6:3, 4); зачем же погружение заменять окроплением, как это обычно в западном неправославном мире? Сказал Господь о чаше Крови Своей Нового Завета: *пийте от нея вси* (Мф. 26:27); а католики говорят: нет, не все, а только священнослужащие, – а миряне пусть причащаются под одним видом Тела Господня. Не дерзновенно ли это и противозаконно? Уполномочил Господь,

пастырей Церкви прощать людям содеянные ими грехи, но только в прошедшем времени; а папа римский святотатственно и богохульно присвоает себе божескую власть прощать людям и будущие грехи: можно ли не только сочувствовать сему, но и равнодушно относиться к сему? Сказал Господь о девственном и безбрачном обете, что только *могий вместити* сей обет, да *вместит* (Мф. 19:12); а римские первосвященники распорядились возложить сие непосильное бремя на плеча всех священнослужителей своих: может ли из этого выдти благо для Церкви? Приметим, наконец, и о Таинстве елеосвящения. Апостолы прямо говорят, что оно должно быть совершаемо по первому поводу приключаящейся болезни человеку, и притом совершаемо для выздоровления: *болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним... и молитва веры исцелит болящего* (Иак. 5:14,15); а в католицизме сие таинство именуется «последним помазанием» (*postrema unctio*), и совершается в виде провожания на тот свет. Не значит ли это извращать смысл Таинства и придавать ему совершенно не апостольский характер? И много мог бы я перечислить примеров, как в неправославных вероисповеданиях искажается и затемняется светлая истина Евангельская; но краткость моей теперешней речи с тобою не позволяет мне этого сделать. Возблагодари же брат пастыреначальника душ человеческих, Господа Иисуса Христа, приведшего тебя к самому источнику истины Евангельского вероучениями соделавшего тебя православным сыном Православной Церкви. Возлюби же, повторяем, истину Православия всем сердцем твоим, изучи эту истину и усвой ее разумом своим, дабы быть тебе не только просто верующим, но и сознательно верующим православным христианином. Это, как мы сказали, первый твой долг по вступлении в общество православных христиан.

Другой, еще более важный долг, отныне должен состоять для тебя в том, чтобы вместе с своими религиозными убеждениями и всю жизнь свою, всю деятельность и практику свою устроить и расположить по правилам святой Церкви Православной. От этого второго условия и будет зависеть,

собственно, и все нравственное твое достоинство пред Господом Богом, и вся судьба твоей души. Много есть людей с весьма хорошими и высокими убеждениями, людей вполне православных и весьма сведущих в делах веры, которые, можно сказать, изучили до тонкости всю догматику христианства и весь кодекс Евангельских правил, но в нравственной жизни весьма несостоятельны и бедны, и даже совершенно чужды святости христианской. Какая же польза в этом? И можно ли найти в этом случае какую-нибудь существенную разницу между ученым христианином и – невежественным язычником, или ни во что не верующим и эпикурействующим рационалистом и атеистом? Одно православное и христианское имя еще не приводит нас ко Христу. Вспомни, возлюбленный брат, притчу Спасителя о званых на брак царского сына. Один из призванных и уже вступивших в чертоги царские с позором был, как известно, выгнан оттуда и брошен во тьму кромешную (Мф. 22:11–13). Так одна принадлежность к списку приглашенных и званых, т. е. одно имя христианина, хотя бы и православного, одно холодное и теоретическое ведение Христа, не делает еще желанным и приятным гостем на Его вечери. Надобно постараться еще приобрести и одежду приличную для торжества, т. е. одежду добродетелей и благочестия христианского, дабы не подвергнуться осуждению и исключению из числа избранных в день суда Божия. *Многие скажут Мне в тот день, – предупреждает нас Господь в своем Евангелии, – Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многия чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня делающие беззаконие* (Мф. 7:22–23). Так, еще одно имя христианина не дает нам права на наследие Царствия Божия; оно даже может послужить к большему осуждению нашему, если мы не возревнуем о приобретении христианской чистоты сердца и нравов, – ибо раб, который знал волю господина своего и не делал по воле его, бит будет много, а не знавший бит будет меньше (Лк. 12:47, 48). Вот что поистине страшно! Все это говорится мною, конечно, не к тому, возлюбленный брат, чтобы тебя утратить, а

к тому, чтобы внушить тебе ревность и стремление осуществить на деле те высокие и святые идеалы жизни, которые предлагает своим чадам Православная Церковь Господня, по учению своего единственного главы и правителя Иисуса Христа! Отдайся же вполне водительству святой Церкви Православной, возлюби ее правила, и сделай их правилами своей собственной жизни, – и твое нравственное преуспевание будет вполне обеспечено. Вся беда чаще всего и бывает людям от того, что они не хотят ни от кого и ни от чего зависеть в своем образе жизни, и любят сами себе сочинять правила жизни по своему вкусу и по своему личному взгляду на нравственные обязанности человека: от того и случаются с ним всевозможные крайности, ошибки и отклонения с прямого пути. То основываясь на христианской свободе совести и на служении Богу духом, уклоняются они от всяких правил благочестия, увольняют себя от всяких телесных подвигов, каковы посты, молитвы, посещение богослужения и т. п. То, слишком много придавая значения одним внешним проявлениям набожности, впадают в фарисейский формализм. То, неразумно задаваясь самовольными идеями о высшем совершенстве, напускают на себя непосильный аскетизм; то делаются фанатиками и мистиками религиозными. Так произошли и отделились от православного стада Христова все эти неисчислимые расколы и секты, и эти всевозможные кружки с материальным и рационалистическим направлением, которые все, однако же, как известно, полагают о себе, будто они стоят на надлежащем и истинно разумном пути. Я конечно не предвижу для тебя какой-либо подобной опасности резкого отклонения от правого пути христианской нравственности, ибо знаю в тебе человека зрелого и здравомыслящего; равным образом не имею нужды излагать тебе в подробности христианское нравоучение, ибо имею дело с человеком воспитанным из детства в понятиях и правилах христианских: но я не могу не иметь в виду обычной и общечеловеческой нашей слабости и склонности разделяться и двоиться в наших убеждениях и в наших делах, в нашей вере и в нашей жизни, – думать одно, а делать другое, – веровать так, а жить иначе. С этою целью я и ставлю тебе на вид, как важно в

этом отношении держаться в крепком союзе с Церковью, и смиренно подчинять себя ее святым уставам и правилам, по которым спасались и угодили Господу Богу многочисленные сонмы святых мужей всех сословий, всякого звания, пола и возраста. Возлюби и ты всем сердцем и душою святые правила и уставы Церкви Православной, которая приняла тебя отныне в число членов и возлюбленных чад своих; отдайся вполне ее водительству, – и она научит тебя всему, *что только есть истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только составляет добродетель и похвалу (Флп. 4:8)*, – и обрящешь ты мзду верных рабов Христовых, и окажешься не только званным, но и избранным в Царствии Небесном. Да будет сие с тобою, благодатию Христа Спасителя и ходатайством, и молитвами восприявшей тебя святой Церкви Православной!

Слово в день священного миропомазания и венчания на царство Благодетелейшего Государя Императора Александра Николаевича (26 августа 1877 г.)

Господи, силою Твоею возвеселится царь и о спасении Твоем возрадуется зело! (Пс. 20:2)

Этот возглас священного Псалмопевца и царя Израильского невольно приходит на мысль, и сам собою исторгается из уст наших, православные сыны России, собравшиеся ныне торжествовать о царе своем в светлый день помазания его на царство. – Светел день сей в жизни нашего государя светел он и для нас. Имя и слава нашего государя не только не меркнет, а делается все светлее, чище и громче. А с этой славой растет и наша собственная, русская слава. – Возникшая брань с врагами веры Христовой и национальности славянской возбудила великий национальный дух в нашем народе и зажгла святую любовь и ревность по вере Христовой. Два великие чувства национальности и веры охватили всю православную Россию, и влекут ее на всевозможные жертвы за царя и отечество. Щедрость пожертвований от всех сословий на военные нужды, заботливость властей об удобствах и здоровье воинов, проливших кровь свою на поле брани, а равно и о судьбе их семейств, равняется вполне героизму нашей армии, можно сказать не желающей знать никаких опасностей и трудностей в исполнении своего великого и славного долга. Все это конечно возвеличивает славу и радует сердце нашего возлюбленного государя. Его личное присутствие на полях священной брани, его царское слово, растворенное милостию и любовью, воодушевляет на новые и большие подвиги воинов героев, рвущихся положить за него живот свой. И сила Господня видимо поборает за наше правое и святое дело; враги креста Христова трепещут и мнутся от оружия православного воинства нашего, – и сбывается на христоролюбивом царе нашем священное слово вдохновенного певца и царя Израильского:

Господи, силою Твоею возвеселится царь, и о спасении Твоем возрадуется зело. Идем и мы, пастыри Церкви, с веселием навстречу святому чувству патриотизма, пробудившемуся в православном народе русском, и берем предметом своего слова именно это патриотическое и национальное чувство. Хвалить и превозносить его не станем, ибо кто из предстоящих здесь не понимает высоты и красоты его? Возбуждать его, в виду только что описанных нами обстоятельств военных, тоже не имеем нужды. Нельзя, конечно, не припомнить с прискорбием те недавние дни, когда и на нашем русском горизонте проносились некоторые темные облака, когда чувствовалось некоторое беспорядочное брожение умов и в нашей православной земле, и среди нас русских находились некоторые обойденные и обманутые чужеземным влиянием простецы, способные грязнить русскую честь и воевать, вместе с нашими врагами, против наших коренных и православных народных начал. Но в настоящее возбужденное и, так сказать, патриотическое время, и эти русские младенцы, *вляющиеся всяким ветром учения во лжи человеческой* (Еф.4:14), должны, кажется, достаточно просветлеть умом, чтобы понять лжу своих прежних увлечений. – При всем том не будет излишне уяснить наши понятия о национальном чувстве, с целью противопоставить его, хотя фантастическим, но все же не чуждым нашего времени идеям о всемирном гражданстве, и показать тесную связь этого чувства с Православной верой Христовой.

Что такое национальное чувство? Это вовсе не то мелкое и эгоистическое пристрастие к тому, что наше, соединенное с равнодушием и горделивым презрением к тому, что не наше – как думают и говорят иногда люди, хвастливо называющие себя гражданами всего мира. Нет, в чистом и просветленном своем виде, оно есть тот внутренний двигатель, под влиянием которого совершается правильное раскрытие народной жизни; оно есть сила, берегущая богатство народного духа, сообщающая ему долговечную свежесть, энергию и самобытный характер. Аналогическое указание и подобие этой силы мы находим во всех, решительно во всех областях безграничной

жизни, последним и высшим звеном которой в этом мире служим мы – люди. Посмотрите, как ревниво природа бережет самостоятельность и целостность бесчисленного множества видов и родов своих тварей: из двух, едва заметных, и по-видимому совершенно сходных, но все-таки разнородных семян, брошенных рядом на одну и ту же почву, вырастают два совершенно различные и прекрасные растения, и на этом именно законе, что всякое семя сеет плод и цветет по роду своему, основывается удивительная красота и улаждающее нас богатство растительного царства. Мир живых тварей держится на том же законе: хищное животное ни за что не сделается травоядным, птица не превратится в зверя, – хотя общие законы животной жизни во всех этих тварях одни и те же. Тому же повелел быть Создатель и в мире разумных существ. Люди, конечно, все люди; но каждый человек рождается с своими особенными свойствами, с своей отдельной физиономией и, так сказать, с своим удельным богатством духовным. Иному дается десять талантов, другому пять, а иному и один, *комуждо противу силы его* (Мф.25:15). Из этого-то *отдельного* в человеке слагается то, что мы называем личностью его, – нечто в высшей степени для нас дорогое и священное, до такой степени дорогое, что никто из нас не решился бы измениться совсем в другого человека, если бы то было возможно. Можно искать и желать многого, чего у нас нет, а есть у других; но если бы нам предложили, с переменою внешнего нашего положения и даже с приращением духовных сил и дарований, совсем измениться в другое человеческое существо, превратиться в чужую личность, то кто бы решился на это? И чем сознательнее, полнее и свежее идет душевная жизнь в человеке, тем для него сладостнее сознание своего отдельного бытия, и тем сильнее хочет он, что бы там ни было, остаться тем, чем он есть. Каждый из нас стремится к бесконечному усовершенствованию; но это мы и представить иначе не можем, как в пределах нашей собственной личной жизни. Значит, человеческое чувство своей отдельной личности есть высокий дар Творца и великое преимущество человека пред неразумными тварями, и значит оно далеко не то, что обыкновенно называется эгоизмом.

Эгоизм есть вещь дурная, и чем его меньше в человеке, тем лучше; ибо он всегда сопряжен с презрительным отношением к нравам и интересам другого. Между тем как самочувствие и самоуважение, просветленное конечно верой и духом любви Христовой, и руководит именно к уважению чужих прав и интересов. Из отдельных личностей составляются общества и народы, и если мы предыдущие свои рассуждения об отдельных личностях перенесем к народам и обществам, то и здесь они оказываются вполне верными. Ибо что говорят опыт и история? Они говорят, что каждый народ есть отдельная особь в роде человеческом, имеет свою историческую задачу, свой национальный характер и свое отдельное богатство духовное. И чем шире эта историческая задача, чем богаче народ духовными силами, тем сильнее и живее в нем его национальное чувство; так что это чувство можно по справедливости назвать верным показателем живучести народа и его богатства духовного. И наоборот, народ устаревший и разлагающийся, не может быть богат национальным чувством, и примеры самоотверженной любви к отечеству в нем весьма редки, и едва ли возможны. Никогда и ни в ком не внушит народ этот к себе уважения, и не возбудит теплых симпатий, не смотря на самые горячие усилия подобыться другим, образованным и крепким духом народам; ибо можно ли уважать то, в чем нет духа и жизни, и что идет к своему разложению.

Благодарение Богу! В православном отечестве нашем оказывается богатый и неистощимый запас народных сил и могучее национальное чувство, – можем сослаться в этом опять на переживаемое нами время. Ибо едва только затронуто было серьезным и чувствительным образом наше национальное чувство, и едва увидели мы, что хитрообразные наветы врагов наших переходят уже за границу нашей снисходительности, – как русские люди ополчились как один человек, и увидел весь мир, что нельзя безнаказанно лукавить и коварствовать против нас. Но это же национальное самочувствие и самоуважение побудило нас вступить за другие народности славянские, родственные нам по крови и связанные с нами историческими преданиями, – народности, по живучести и богатству своих

национальным сил, по своей несомненной способности и по стремлению к усвоению всех наилучших и зрелых плодов европейской цивилизации, заслуживающие наилучшей участи и наиболее почтенного положения в среде европейских государств. Не достойно ли в самом деле удивления, что мирный и трудолюбивый народ Болгарский, некогда счастливый и процветавший в своей благословенной от Бога стране, находясь целые сотни лет во власти варваров, систематически давивших его национальность и истощавших его богатства, соблюл все-таки свою политическую физиономию, и неудержимо рвется к своей свободе и независимости! И можно ли было нашей могучей славянской державе русской терпеть дольше и безучастно смотреть, как в соседстве с нами притесняют, насилуют и давят единоплеменных нам славян, виноватых только тем, что они хотят и добиваются жить по-человечески, и ищут высочайшего своего блага, – гражданской и религиозной свободы? Наши отдаленные недруги и завистливые соседы упрекают нас в затаенных завоевательных замыслах, укоряют и хулят за то, что мы только того будто бы и хотим, чтобы стереть с лица земли турок, из ненависти к их национальности и вообще ко всему их политическому строю. Какая неправда, какие пустые и недоброжелательные опасения! Знаем мы очень хорошо, что всякий народ имеет свою задачу в истории, и свое право на политическое существование, и не менее кого другого уважаем это право, – и следовательно Бог бы с ними, с этими турками, если бы они спокойно шли по своей дороге, мирно бы развивались и путем сближения с европейскими державами, постепенно приобщались бы просвещения и христианских идей. Но что делать, если этот изжившийся и постепенно разлагающийся народ в конце концов, оказывается варварским и диким фанатиком, не способным к правильному и всестороннему развитию, не дающим жить и развиваться своим подвластным народам, связанным с нами единством племени и веры? Предоставив всемогущему и всеблагому Промыслу политическую судьбу магометанского мира, не обязаны ли мы вступить за свое родное притесняемое славянское начало? Верим и надеемся, что

Господь, охраняя Россию и ведя ее по пути славы и могущества, не лишит Своей Божественной защиты и покровительства и ее славянских отраслей, столь же богатых своею внутреннею жизнью, сколько и своими политическими несчастьями!...

Один из элементов этого внутреннего богатства народного мы указали в национальном чувстве, сила и живучесть которого в славянском мире, при самых не благоприятных условиях, может служить верным залогом его лучшей участи и политического обновления. Но есть другой жизненный элемент, до такой степени важный, и так решительно обуславливающий собою судьбу и счастье народов, что без него, или при непрочности его, удобоколеблемо и ненадежно все здание государственной жизни, при всем видимом ее благообразии и наружном блеске и при всей силе патриотического одушевления, по временам вспыхивающего в народном сознании и чувстве. Мы говорим о религии. Если ложны ее начала и узки ее основания в каком-нибудь народе, и если слабо вообще религиозное начало в народной жизни, то самые блестящие военные успехи, самые огромные богатства материальные и самое широкое научно-культурное развитие, – не спасут государства от постепенного разложения и политической смерти. В этом случае государство будет напоминать собою здоровый с виду организм, но с затаенным злокачественным и смертельным недугом, или великорослое многолетнее дерево с гнилой сердцевинкой, или же подновленное и размалеванное здание с гнилым фундаментом. Наружная прочность, и иногда еще довольно долго продолжающаяся жизнь таких государств, не дает наглядно видеть истинной и внутренней причины их постепенного умирания и гибели, – причины, заключающейся в нравственном растлении и ослаблении религиозного начала. А между тем, рано или поздно, это наконец обнаруживается. Куда девались и от чего погибли древние богатейшие и промышленные Тир и Сидон, могущественный Рим, изящная Греция, и даже христианствующая пышная Византия? Беспристрастная история повествует нам, как, вследствие упадка нравственности и

потрясения религиозного начала, заносились гниль и смерть в эти государства, и как не спасли их от этой смерти и падения никакие искусственные подставы, никакая культура и цивилизация. Нельзя не заметить с сожалением, что в рассуждениях об успехах и прогрессе народной жизни современные ученые люди не берут обыкновенно в расчет религии, и немного интересуются как ее судьбами и ее требованиями, так и ее отношением к народной жизни. Ошибка здесь та, главным образом, что религию понимают как убеждение ума в известных истинах и догматах веры, подобно всяким другим убеждениям, которые могут-де изменяться, и заменяться одно другим без всякого ущерба, не изменяя нравственной физиономии человека и не производя в нем никакого особенного душевного потрясения. Но это собственно и не религия и не так она характеризуется в человеке. Религия в истинном своем смысле, есть полная преданность человека Богу и его закону, и есть самое глубокое и внутреннее начало, проникающее всю человеческую душу, и дающее направление всем ее силам. Истинно религиозный человек из внутреннего сокровища своего черпает силы на все высокое, прекрасное и благое. Его убеждения не в одних только словах, а суть вместе и дело; его энергия к добру и правде не останавливается ни пред какими препятствиями, всю свою жизнь он умеет подчинять высшим началам, – долгу и закону Божию; он не погонится запальчиво за тем, что модно и ново, а сначала проверит это законом Божиим, и тогда только усвоит. Он умеет не на словах, а на деле любить всех людей, как братьев, искренно желает всем им добра, содействует их благу, ценит по достоинству все прекрасное и высокое в человеке, стремится к нему всеми своими силами, но не даст подкупить себя ни чем фальшивым, как бы оно красиво ни было, не дозволит врагу подойти к себе ночью, подкопаться под свою внутреннюю храмину и похитить свое сокровище. Теперь представьте, что из таких людей составлено целое государство, допустите на время, что весь народ состоял бы из таких именно религиозных, нравственно цельных и сильных личностей. Предположение это не содержит впрочем никакой теоретической несообразности;

ибо нельзя быть всем богатыми, всем образованными, всем здоровыми, – но религиозными всем можно быть, ибо это от нас единственно зависит, и потому все мы без различия призываемся быть религиозными. Какую бы, говорим, несокрушимую твердыню представил из себя такой народ! Какими быстрыми шагами, не уклоняясь ни направо, ни налево он шел бы к своему истинному благу, и какую долговечную, постоянно юную, здоровую и свежую жизнь можно бы обещать сему народу! *Если ты будешь слушать гласа Господа Бога твоего*, говорил богомудрый вождь Израильский Моисей в прощальной речи своей к народу Израильскому, *то Господь Бог твой поставит тебя выше всех народов земли. Благословенны житницы твои и кладовыя твои. Благословен ты при входе твоём, и благословен ты при выходе твоём. Поразит пред тобою Господь врагов твоих, встающих на тебя, одним путем они выступят против тебя, а семью путями побегут от тебя... И увидят все народы земли, что имя Господа [Бога твоего] нарицается на тебе, и убоятся тебя. И даст тебе Господь [Бог твой] изобилие во всех благах, в плоде чрева твоего, и в плоде скота твоего, и в плоде полей твоих на земле, которую Господь клялся отцам твоим дать тебе. Откроет тебе Господь добрую сокровищницу свою – небо, чтобы оно давало дождь земле твоей во время свое, и чтобы благословлять все дела рук твоих: и будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать займы [и будешь господствовать над многими народами, а они над тобою не будут господствовать]. Сделает тебя Господь [Бог твой] главою, а не хвостом, и будешь только на высоте, а не будешь внизу, если будешь повиноваться заповедям Господа Бога твоего,... и не отступишь от всех слов, которыя заповедую тебе* (Втор. 28:1–14) Эти вдохновенные слова пророка Моисея, замечательные столько-же по своей живописности, сколько и по своей глубокой правде и неотразимой силе убеждения, следовало бы заучить и крепко помнить всем нашим ревнителям общественного и народного блага. Запомним их и мы, православные сыны России!

В начале своего слова мы упомянули о недавнем антипатриотическом брожении, хотя молодых и незрелых, но все же, к сожалению, русских умов, и о некоторых беспорядках общественных, обеспокоивших правительство и возмущивших общество русское... Надобно правду сказать, что все это горькие и дурные плоды религиозного равнодушия, неблаговоспитанности и отсутствия прочных нравственно-религиозных начал в некоторой части нашего общества. Но Бог с ними, с этими дурными и жалкими людьми! Не хочется и говорить теперь много об этих отребьях русского общества, когда ведется нами славная и геройская война главным образом – именно за религию и веру Христову, и за свободу ее исповедания в единокровном нам славянском мире, и когда в сердце каждого, не только русского, но и всякого вообще порядочного человека, кипит жалость к невинным страдальцам христианским в Болгарии и негодование на гнусных фанатиков мусульманских, позорящих человеческую природу своими изощренными жестокостями и отвратительным неслыханным зверством. Слыша и читая об этих магометанских жестокостях и зверствах над христианами, кто не воздохнет сердцем и не спросит с недоумением: Боже правый и милостивый, зачем Ты допускаешь так долго проливаться невинной крови христианской, и мрачному царству лжепророка господствовать над Твоею Церковью? Но, с другой стороны, благочестивые слушатели, когда подумаешь, сколько еще всякого зла, растления и мрака в самих христианских обществах, как слабо и шатко в них бывает религиозное начало, когда вспомнишь, что христианские генералы становятся в турецкие ряды против защитников христианских; когда христианские политики берегут паче всего житейские и меркантильные интересы своих стран, пренебрегая судьбой и интересами христианства; когда глаголющийся наместник самого Христа на земле благословляет оружие против христиан, и ожидает небесной помощи врагам христианства; когда представители христианской науки с озлоблением стараются подкопать здание христианства, и отвергая в душе всякую религию, направляют свою преимущественную злобу против религии Христовой, до

того, что не стыдятся темное и невежественное магометанство изображать даже религией света в сравнений с христианством (как напр. Дреппер), – когда все это сообразишь, то и удивляться много не станешь многочисленным бедствиям и унижению христианства от многочисленных врагов его. Статочное ли дело, рассудите сами, чтобы какие-нибудь невежественные и свирепые азиатские пришельцы целые века хозяйничали и бесчинствовали в христианской Европе, если бы эта страна поистине была христианская, и наделе христианствующая?! Но что мы видим и слышим? У турок не хватает денег на войну с христианством? Европейцы дают. Нет хорошего и достаточного оружия? те же европейцы привозят и доставляют. У турок нет достаточно научного знания для ведения войны? Европейцы помогут своим советом, указаниями и даже людьми. Турки ограбят и сожгут мирные христианские поселения, и варварски вырежут ее беззащитных жителей, – это постараются как-нибудь ослабить, скрыть и даже огласят басней и выдумкой. Чего же после этого удивляться, что южнославянское христианство стонет целые века под мусульманским владычеством?! Можно, кажется, поверить, что в случае конечного истребления мусульманами христианских подданных христианская Европа не изменит своего обычного благодушия!

Тем благороднее задача нашей великой и православной России, и тем драгоценнее наша заслуга для христианского мира. Если бы не царь наш благочестивейший, кто бы вступился за несчастных страдальцев, христиан славянских? Трогательно читать текст адреса, повергнутого на всемилостивейшее воззрение Государя Императора депутациею от жителей Боснии. Вот заключительные слова этого адреса: «на кого нам уповать, как не на единого тебя, великий русский царь? Кому защищать нашу веру и нашу народность, как не тебе, отцу славян? Ты один можешь спасти нас, и мы пребываем в непоколебимой уверенности, что ты внемлешь гласу моления нашего». Так, братья славяне, мужайтесь и крепитесь пока мы живы и сильны. – Пока мы живы и сильны не перестанут трепетать враги креста Христова. Быть стражами, защитниками

православной веры христианской, – вот наше великое историческое призвание и задача! Но запомним себе, православные соотечественники, что главная сила наша в этой самой религии христианской и православной вере, которую мы призваны самим Богом защищать и охранять. Из своей отечественной истории мы должны знать, что в неоднократные тяжелые и критические эпохи нашего государства, спасало нас от врагов именно религиозное чувство и великое христианское одушевление. Пока сильно и живо в нас будет христианское и религиозное начало, до тех пор несокрушимо и страшно врагам нашим будет и наше политическое могущество. Но разведется в нас и умножится, – чего не дай Бог, – антирелигиозная тля, – и наша гибель приблизится и к нам.

Боже! не дай оскудеть в православном отечестве нашем духу веры Твоей! Спаси православного и благочестивейшего Государя нашего Александра Николаевича; укрепи его мышцу и возвыси его царство; умножи славу его победами над врагами, и да возвеселится он силою Твоею до конца, и о спасении Твоем возрадуется зело!... Аминь.

Поучение воспитанникам владимирской гимназии (23 ноября 1877 г.)

Суть ли ти чада, накажи я и преклони от юности выю их (Сир. 7:25)

Эго нам воспитателям, наставникам и родителям вашим делает наставление священный мудрец. Он велит учить вас и склонять выю вашу с юных дней ваших. Учить, – это так, это конечно понятно вам; но склонять выю, – что это значит, почему это нужно делать с вами? Склонять выю, – это, значит научить покорности, умению подчиняться требованиям долга, выработать способность стеснять свою лень и саможаление, и вообще низшие инстинкты, дабы дать как можно более простора для деятельности сил духовных. Не нравится обыкновенно молодости такое склонение выи. Простора, беспрепятственности и свободы во всех отношениях, – вот чего бы ей хотелось. Увлекаемые живостью своей натуры, подвижностью членов и неустойчивостью воли, молодые люди склонны видеть придирчивость, строгость и насилие там, где самое простое и обыкновенное требование только того, что должно. Но вот видите, мы не сами выдумали правило о склонении вашей выи. Тоже самое велит делать и священный мудрец, и даже вменяет это в обязанность воспитателям и отцам. *Суть ли ти чада*, говорит он, – *накажи*, т. е. научи их, и *преклони выю их*. И замечательно, что это преклонение выи он велит начинать именно от юности воспитанников. Приглашаю вдуматься несколько в изречение библейского мудреца.

Надо вам заметить, что жизнь человеческая, в какой бы сфере она ни протекала, вся переплетена из разнообразных обязанностей. Чтобы такое ни был человек в обществе, – а ему на каждом шагу приходится сталкиваться с долгом, с разными требованиями правилами и предписаниями. Правила эти бывают то проще, то сложнее, то легче, то труднее, – смотри по положению человека в обществе; но непременно каждое из этих подчинений требует усилия воли, и значит своего рода подвига. Такая неизбежность подчиненности и долга вытекает из самой

природы человека, созданного существом свободным, ибо свобода в том и состоит, чтобы разумно и сознательно избирать нечто одно и определенное, – предполагается лучшее, при всей возможности поступать повсячески, т. е. избирать пожалуй и худшее, и не согласное с требованиями рассудка и совести. Значит, если человеку постоянно и с разных сторон твердят: «ты это должен, ты к этому обязан, это от тебя требуется»..., – то все эти возгласы и приглашения делают ему одну только честь. Ибо одни только животные находятся вне всякого долга и обязанностей, и жизнь их роковым и неизбежным образом подчинена инстинктам, влекущим их по одной определенной дороге, с которой они уклониться не могут, были некогда и мы, друзья, в вашем положении, и все сидели на тех же школьных скамейках, как и вы, – и потому очень хорошо знаем по опыту, какими счастливыми школьнику представляются люди, не обязанные подчиняться разным звонкам, задаваемым урокам, назначенным учебникам, и прочим школьным законам и формальностям. Но за то вы не были еще в нашем положении, и потому просим поверить нам, что есть и в тысячу раз серьезнее, сложнее и потому труднее обязанности у людей, вышедших из школы, и только под условием точного и неуклонного исполнения этих обязанностей человеку достается что-нибудь хорошее и прочное в жизни. И потому часто, часто служащие люди с удовольствием возвращаются своими воспоминаниями ко временам своей юности, когда все было готово, улажено и указано в поведении и в трудах, и когда так легко было сравнительно быть исправным и соблюсти спокойствие духа!

Но, кроме этого, вот еще какое важное обстоятельство есть в жизни, в трудах и обязанностях людей, которые пользуются столь завидною для вас свободой в распоряжении своим временем и простором во всей внешней обстановке житейской. Чем больше этой свободы и этого простора, чем больше человеку приходится делать свободных усилий воли, и тем строже быть к себе, чтобы во всякий раз чувствовать себя верным долгу и совести. А между тем известно, что природа человеческая слаба и самолюбива, склонна к покою и

саможалению; и потому если бы нам приходилось на всякое требование долга отвечать сознательным и свободным усилием воли, то мне кажется, что для такого непрерывного подвижничества не стало бы ни одного из нас. Отсюда открывается необыкновенная важность привычки и приобретенных добрых наклонностей. Человек, идущий в гору, потому скоро устает, что на каждом шагу ему приходится приподымать свое тело; между тем при движении вниз его собственная тяжесть облегчает ему движение. В нравственной деятельности человеческой этот физический закон повторяется. И понятным делается мудрое изречение библейского мудреца, что надо заранее учиться склонять свою выю, и что юность самое драгоценное время для приобретения добрых привычек и разумных наклонностей. О распущенном и небрежном юноше почти наверное можно сказать, что из него должен выйти ненадежный и мало полезный член общества; ибо если привычка есть сильный двигатель в нашей деятельности, то дурные привычки и наклонности еще более того; по той грустной и однако же несомненной причине, что тянет нас почему-то всегда больше ко злу, чем к добру. Хоть я и говорю почему-то, но надеюсь, что вы знаете почему; ибо каждому начинающему учиться мальчику известна печальная история нашего падения, история порчи и растления природы человеческой, почти в след за ее созданием. И потому я советовал бы вам не сетовать и не раздражаться, если иной раз приходится вам чувствовать на себе некоторую строгость школьной дисциплины. Я вам указал уже отдаленную и высокую цель ее – со слов священного мудреца, – это драгоценная для вас практика для создания в себе сильного и крепкого характера, для умения и драгоценной привычки подчиняться тому, что велят и что должно, а не тому, что мне хочется и что мне приятно. Попробуйте свободно и искренно подчиниться всем нашим требованиям, и вы увидите, как начнет постепенно исчезать их строгость и тяжесть. Разсудите, чего мы хотим от вас? Мы хотим, чтобы вы были трудолюбивы, образованны и благонравны. Несомненно, что и вам хотелось бы обладать этими прекрасными качествами. Но поймите же, что чем прекраснее и дороже вещь, тем с большим

усилием и трудами она достается, и, следовательно, не мы ее нарочно обставляем для вас всяческими трудностями, а такова она сама по себе. Вот послушайте, что еще говорит священный мудрец о добродетели и мудрости: *она стропотно*, – т. е. сурово обращается сначала с человеком, восхотевшим приобрести ее, – *боязнь же и страх наведет на нё, и помучит его в наказании своем, до́ндеже веру имет души его*, т. е. пока не уверится в искренности его стремлений, – *и искусит его в оправданиях своих*, т. е. пока не научит его подчиняться своим требованиям. И тогда только *возвратится прямо к нему, и возвеселит его, и откроет ему тайны своя* (Сир. 4:18–21). Я знаю, что многие из наших требований, напр., относительно вашей одежды, вашей внешности, вашего держанья себя в классе и т. п., кажутся вам слишком мелкими и формальными, но в этом-то кажется и есть для вас особенное побуждение избегать упрямства, ибо сами же вы говорите, что все это не есть что-нибудь многосложное и трудное. Вы желаете, чтобы к вам относились как можно серьезнее; но погодите и не спешите к серьезным обязанностям, – настанет пора и для них; а теперь не пренебрегайте и мелочами и практикуйтесь на них. Из этих, так называемых, мелочей могут вырасти для вас самые серьезные и благодатные результаты, и пышным и роскошным цветом разовьется впоследствии ваша добродетель и ваш нравственный характер.

Впрочем, я должен здесь несколько оговориться, чтобы не оставить вас в заблуждении насчет истинного значения школьной дисциплины. Говоря до сих пор о важности ее и благих нравственных результатах, какие она может принести вам, я, однако же, не считаю ее прямым и несомненным путем к вашей добродетели. Т. е., если бы кто из вас решился неуклонно исполнять все школьные наши предписания и правила, и исполнял бы их на самом деле; то все же еще можно было бы поставить вопрос, действительно ли так хорош и добродетелен этот юноша, каким он кажется? В Писании говорится, что есть люди имущие только вид благочестия, силы же его отвергшиеся. Это может случиться и с вами, – но это будет фарисейство, это будет грешное и дурное дело. И

признаемся, некоторые, проскальзывающие иной раз признаки фарисейства и неискренности в вашей среде и заставляют нас быть несколько мнительными, а иногда даже и строгими к вашим проступкам, – что, как известно, так не нравится вам. Но поймите же, что не этой формальной и внешней, не этой напускной добродетели мы ждем и добиваемся от вас. Дисциплиной мы хотим только поставить вас на путь добродетели, заставить же вас идти по нему мы, конечно, не в силах. Вот здесь-то и настает ваш собственный, ваш свободный и прекрасный подвиг. Подумайте же, что кроме нас приставников и хранителей вашей добродетели, которых всегда можно разумеется обмануть, есть у вас другие, более строгие и неусыпные приставники и судьи, – есть совесть, есть Бог, Который до мельчайших подробностей видит все, что творится в душе вашей. Подумайте, что самое высшее благо ваше, долженствующее быть основной целью не только школьной, но и всей последующей жизни вашей, – это есть нравственное преуспевание ваше, чистота сердца и христианское направление воли. Пред этим лучшим и совершеннейшим благом, или точнее говоря, – без этого блага ничтожно все остальное: наука, образование, доброе мнение начальства, житейское счастье и т. д. Наше благоприятное о вас мнение, конечно, имеет силу только до выхода вашего из школы; а затем, по выходе из школы и по прекращении с нами прежних отношений, еще Бог знает, что будут говорить про вас люди. Наука и образование, если б оно и досталось вам за ваши учебные труды в школе, тоже не принесет вам внутреннего покоя, не поведет вас к счастью, а скорее может сбить с толку даже сгубить вас, если вы не вынесете из школы того внутреннего и сердечного светоча, который мы называем религией, и того христианского закала, об который должны сокрушаться все зловредные приращения современной нравственной тли и современного лжезнания. А без этих условий на что будут годиться и житейские выгоды, если б оне и выпали на вашу долю в большом изобилии? Не на них зиждется истинное человеческое достоинство; а где нет его, там нет конечно и истинного счастья. Сколько молодых и сильных умов сокрушилось и бесплодно

разбило и свою жизнь от того, что не имели они под собою твердой и нравственной почвы! А тысячи посредственностей, хвастливо щеголяющих в одежде образованности и не имеющих никакой определенной нравственной физиономии, кому оне нужны и на что пригодны? Оне лишь праздно толкут я в обществе, и – как флюгера – вертятся в разные стороны, смотря потому, откуда ветер подует. И право же, не стоит так долго сидеть за книгой в школе, чтобы со временем попасть в подобную жалкую роль! Воодушевитесь же идеей истинного человеческого достоинства, и всем сердцем возлюбите добродетель, которая есть основание и вместе венец человеческого достоинства. А для сего от юности вашей, т. е. вот теперь в школе, привыкайте склонять выю свою под иго закона Христова, но склонять свободно, непринужденно, и не под нашим только надзором и стараниями, а главным образом пред своею совестью и пред очами всевидящего Бога. В этом лишь случае возрастете вы, как говорится, в вашей молитве, которую вы ежедневно читаете, – Создателю своему, во славу, родителям на утешение, Церкви и отечеству на пользу. Аминь.

Слово в день столетнего юбилея в Бозе почившего Императора Александра Благословенного (12 декабря 1877 г.)

Сегодня православная Россия совершает столетнюю годовщину, и творит молитвенную память об императоре Александре I, оставившем по себе в истории поистине великое и достославное для царей имя благословенного. С светлой личностью сего государя, в продолжении четверти столетия (с 1801 до 1825 г.) украшавшего престол царей русских – сколько добротой и кротостью своего сердца и гуманностью всего своего правления, столько же и мужеством в тяжкие и скорбные времена, соединяется главным образом воспоминание о великой борьбе, которую вела Русь православная за свою веру и свободу в достославный двенадцатый, или так называемый французский год, с властолюбивым и страшным завоевателем Наполеоном, поколебавшим мир в целой Европе. Воспоминание об этой страшной и тяжелой борьбе, во время которой наша страна напрягла все свои народные силы, и из которой вышла она могущественной и первоклассной европейской державой, и обновилась в своих нравственных силах, – это воспоминание с особенной силой оживает именно в теперешнее знаменательное время, под гром победоносного оружия русского, которое суждено было поднять и Александру II на защиту христианства, гонимого и унижаемого в славянских землях диким мусульманством, и на защиту русской национальной чести от турецкого фанатизма. И самые личности обоих тезоименитых императоров русских, Александра I и Александра II, имеют много общих привлекательных черт и характерических особенностей. Тем приятнее оживить теперь воспоминание о дорогом для сердца русского и благочестивом императоре – в день столетнего его юбилея, когда благодарные сыны российские, творя память о нем, собираются и молятся о нем в храмах Господних – на всем громадном протяжении земли русской.

Мы не имеем в виду делать какого-нибудь, хотя бы общего и краткого, обозрения царствования Александра I, и выяснять наиболее выдающиеся заслуги его политические и гражданские для народа русского, – об этом скажется в многочисленных ученых залах и на профессорских кафедрах вашими учеными людьми. Мы же, под сению храма Господня, долгом своим считаем привести себе на память некоторые заслуги и деяния Александра Благословенного, собственно, для веры Христовой и слугителей ее, и отметить некоторые события его царствования, происшедшие, собственно, в Церковной области; и припомнить это мы желаем не с какою-нибудь учено-историческою целью, – что со всею обстоятельностью и основательностью или было, или еще будет сделано на наших ученых кафедрах, – а просто мы желали бы согреть несколько сердце ваше для молитвы об усопшем христоролюбивом государе, нуждающемся теперь всего менее в похвалах человеческих, и всего более в христианской любви и молитвах о душе своей пред престолом Царя царей. Страшно стоять царям и владыкам земным и на суде истории человеческой, но конечно в безмерное число раз страшнее стоять им на праведном и нелицеприятном суде Божием, на котором царь и воин, раб и владыка, богатый и убогий вкупе предстанут в равном достоинстве; *кийждо-бо* от своих дел или прославится, или постыдится, – и мы по самому естественному чувству любви и справедливости обязаны вспоминать их тем добром, которое они по себе оставили.

Наиважнейшую и незабвенную заслугу оказал император Александр духовному просвещению. Во времена, предшествовавшие его царствованию, образование пастырей и учителей Церкви, этих ближайших народных руководителей, подвержено было таким случайностям и сопряжено с такими трудностями, что круг образованных и просвещенных пастырей был самый ограниченный. Этот недостаток просвещения особенно чувствовался в сельском духовенстве. У сельских пастырей вся образованность состояла в простой грамотности и начетничестве, которая добывалась домашнего, самого незатейливого обучения, по преданиям старины. Еще великий

преобразователь России император Петр I, чувствуя важность духовного образования, вменил в обязанность архипастырям русским иметь при своих кафедрах школы для образования достойных служителей Церкви. Но ни средств для этих школ не было организовано, ни правильной и однообразной системы преподавания не было выработано в это время. Наши святители, частью на собственные средства, частью на монастырские и церковные, заводили при домах школы, но недостаток в учителях был так велик, что св. митрополит Ростовский Димитрий сам нередко принужден был давать уроки в своей школе. После 1764 года и духовное образование очутилось на самой низкой ступени, и школы духовные оказались в самом бедственном положении. Благословенный Александр принял самое деятельное и горячее участие в судьбе духовных школ. В конце 1807 года указом его повелено особому комитету выработать предположение о нормах штатах и о способах к возвышению духовного образования. Мысль и повеление благочестивого императора, трудами великих тогдашних деятелей Церковных, и преимущественно гением тогдашнего статс-секретаря, нашего владимирского уроженца и духовного воспитанника, знаменитого графа Сперанского, – нашли такое основательное и широкое осуществление, что принесли, можно сказать, неисчисленные блага для Церкви Русской. Изобретен значительный капитал, так называемый свечной, который должен был дополнять недостаточный Церковный годовой доход для содержания духовных школ. Выработаны основательные и единообразные программы предметов преподавания. Самое образование поставлено на прочных нравственных началах и по духу Евангелия! Одна за другою явились высшие духовные школы под именем академий, открыты преобразованные семинарии по губернским городам, в уездных же городах учреждены низшие духовные училища с задатками прочного и солидного обучения. Появляются, можно сказать, целые сонмы ученийших и образованных архипастырей. Пишутся и выходят в свет тысячи назидательных духовных книг и ученых систем. Даже низшее духовенство значительно возвысилось в своем образовании. По

свидетельству истории, концу благочестивого царствования Александра I большинство и сельских священников было из прошедших полный семинарский курс; тогда как в блестящий Екатерининский период даже и в городах были совершенно неученые пастыри. Буди во веки благословенно имя Александра I за его державное речение о духовном просвещении, и за его великие услуги этому просвещению.

Вспомним заслуги Александра Благословенного на пользу духовного просвещения, припомним и те распоряжения его и указы, которые направлены были непосредственно на улучшение благосостояние пастырей и служителей Церкви, и в ограждение их права, по их почетному положению в обществе. Сюда относилось распоряжение, чтобы по делам, в которых световые суды могли касаться духовенства, были избираемы депутаты из духовных лиц, и в эту должность назначены были постоянные лица из духовного сословия (Ук. 1810 г. мая 23 дня). Но в особенности достопамятны попечения Александра I о материальном быте служителей алтаря Господня. В этом случае он был продолжателем идей своего родителя Павла I, горячо любившего духовный чин. Этот государь, как известно, для возвышения авторитета служителей и представителей веры в глазах народа, и из уважения их многоплодной деятельности на пользу государственную, учредил разные награды и знаки отличия – как для архипастырей, так и для низшего духовенства белого чина, и все сельское духовенство полагал освободить от черных земледельческих трудов, распорядившись, чтобы в каждом приходе узаконенное число церковной земли отдаваемо было прихожанам, с обязательством, чтобы они обеспечивали проживание и содержание своих пастырей, по количеству обработанной ими церковной земли. К сожалению, эта прекрасная по своей идее мера Павла I к обновлению духовенства, не принесла желанных результатов. Договоры пастырей с пасомыми насчет годового содержания породили частые и нескончаемые споры. И потому Александр I, восстановивши прежний порядок содержания духовенства посредством требо-исправления, узаконил возвысить плату за священнослужительский труд вдвое более, чем как было это,

напр., при бабке его Екатерине II (Ук. 1801, апр. 3). Затем он позволил не только церквям, но и их служителям приобретать земли без крестьян, жилища духовных освободить от разных постоев, и от всяких земских повинностей, а относительно личности пастырей и служителей Церкви строго подтвердил узаконение своего родителя, дабы все эти лица освобождены были от унижительного телесного наказания, и распространил это узаконение и на ближайших семейных членов духовных лиц (Ук. 22 мая 1801 г., 1804 г. за №21, 1807 г. за №22, 681, 1810 г. за № 24, 264). Но самую достойную и достопамятную мыслью Благословенного Александра к улучшению материального быта служителей религии, мыслью, которая могла бы иметь неисчислимые благодетельные последствия для веры и Церкви Божией, – это было предполагавшееся учреждение постоянного и определенного жалования для всего, как сельского, так и городского духовенства. К сожалению, средств государственных нашлось только для жалования кафедральному духовенству, которому благосердый император возвысил прежние скудные оклады.

Забываясь о возвышения духовного просвещения и об улучшении материального быта служителей веры и Церкви Христовой, император Александр Благословенный, как человек глубоко верующий, и носивший Евангельскую любовь в сердце своем, сильно и искренно озабочен был тем, чтобы с одной стороны оградить Православную веру Христову от всяких иноземных антирелигиозных и неправославных посягательств, а с другой – углубить и укрепить ее в сердцах народа своего, и по возможности распространить и у тех людей, которые еще сидели во тьме языческих суеверий и религиозного невежества. В первом отношении заслуживают внимания указы императора Александра, строжайше воспрещавшие обращение униатов, т. е. содержащих православные обряды, в католичество, и распоряжение об изгнании иезуитов. В Литовских и в пограничных с Польшею краях, католические паны, отчасти по научению фанатических латинских патеров, отчасти по собственной ненависти к православию, всеми мерами старались изгладить в своих поместьях всякие следы древней

православной веры; для того они бедных крестьян, измученных нуждой и непосильными работами, нарочно содержали в крайнем невежестве и подвергали еще разным гонениям и истязаниям, – добиваясь одного, чтобы только бросили они православные обряды и переходили в латинство. Храмы православные оставались в самом убогом и заброшенном виде, и не защищались даже от ветров и дождей. Польско-латинская пропаганда старалась выгнать из православного богослужения все православно-греческое. Такое презрение к православной вере и гонение на ее обряды, изстари укоренившееся в западном крае Русской православной империи, вынудило еще родителя Александра, императора Павла выдать указ (18 мар. 1797 г.), ограждавший совесть бедных литовских и белорусских крестьян от насилия католической пропаганды. Но жалобы униатов на гонение не прекращались. Тогда император Александр I объявил, что он не потерпит более таких гонений, что близость унии к православию дает ей право на особое и преимущественное покровительство православного русского государства, и целым рядом строгих указов старался сократить и ослабить богопротивную и бесчеловечную ревность польско-католического фанатизма, и облегчил для совращенных путь возвращения в лоно Православной Церкви (Собр. Зак. Указы №17, 879; 20, 748; 20, 837 и 38; 20, 903 и 916; и 916; 21, 400; 22, 226; 22, 659). Еще более опасных по своей хитрости и пронырливости врагов имело Православие в иезуитах. Принятые императрицею Екатериною в Белоруссии, они в самом начале нынешнего столетия успели найти себе беспрепятственный вход во внутренние пределы России. Генерал их Губер предлагал было императору Павлу о соединении церковей католической и православной, в смысле, конечно, подчинения Православия римскому первосвященнику, и в смысле принятия римских догматов. Когда это предложение осталось без успеха, то иезуиты принялись за обыкновенные свои приемы к сокращению. Они вкрадывались в дома лучших аристократических фамилий, начали предлагать свои услуги по обучению детей, и вскоре очутились воспитателями дворянства. Плоды этой иезуитской деятельности стали скоро проявляться.

Случаи соращения в латинство умножились. Заметив гибельное для православия влияние, иезуитов, император Александр I повелел им удалиться сначала из своей столицы – из Петербурга (1816 г.), а затем издал указ о совершенном изгнании их из России (1820 г.). Что же касается домашних и внутренних мер императора Александра I для поддержания благочестия в народе, то сюда относятся его указы, возбранявшие публичные работы в воскресные и праздничные дни, а также вменение в обязанность губернским начальствам, дабы отнюдь не позволяли помещикам употреблять крестьян в эти дни на работу, и чтобы строго взыскивали за нарушение этого распоряжения. Сюда же относится повеление императора Александра – немедленно предавать уголовному суду нарушителей чина богослужения. А как он заботился о распространении правосудия в служебных и правительственных сферах, о насаждении бескорыстия, честности и других гражданских добродетелей в народе, и как горячо готов был содействовать в сем отношении трудам пастырей и учителей Церкви, может служить примером тот случай, когда он слово одного известного архипастыря (Амвросия Тульского) «на избрание судей», велел раздавать градоначальникам вместо инструкции. Но в особенности многоплодно по своим последствиям и незабвенно по своему важному значению было дело перевода св. Писания на понятное и доступное для всех русское наречие. Под державным покровительством Александра Благословенного переведен был весь Новый Завет, и самая употребительная в православном богослужении и самонужнейшая ветхозаветная книга Псалтырь. С целью распространения веры Христовой и насаждения христианского благочестия, переводилось при Александре I св. Писание и на инородческие языки. Так для Калмыков издан был Новый Завет, и эта же книга переведена была на сибирские языки – остяцкий, вогульский и бурятский. При Благословенном же Александре положено прочное основание христианству среди Мезенских самоедов, и составлены разумные инструкции для миссий среди Киргизов, Осетинцев и Удов. Десятки тысяч обращенных ко Христу из этих племен были наградою за труды и

заботливость правительства о распространении веры Христовой.

Что касается личных нравственных качеств и христианских убеждений императора Александра, – то при всей сокровенности, и недоступности сей области человеческой души, для точных наблюдений и обстоятельного изучения, а тем более для какого-нибудь решительного суда исторического, – можно однако же с уверенностью сказать о почившем императоре, что он был искренний и преданный сын Церкви Православной, и поистине добрый и ходивший в страхе Божиим человек. По описанию современников, близко вращавшихся около императора, вся внешность и общий строй поведения этого человека были запечатлены привлекательным характером изящества и красоты, а сердце преисполнено было благородством и великодушною добротою и самою глубокою любовью к человечеству. А это такая именно и есть почва, на которой могут вырастать самые высокие христианские добродетели. Благородство души и поистине христианское великодушие Александра I, умевшее прощать и благотворить ожесточенным врагам своим, блистательно высказалось в нем преимущественно тогда, когда побежденные французы, внесшие пламень и разрушение в нашу землю и погубившие нашу столицу, ждали себе справедливой и заслуженной кары. Вместо этой кары они нашли в нашем кротком и благословенном императоре всепрощение, великодушную заботливость о себе и покровительство. Не должна забыть благородства и любвеобильной гуманности Александра Благословенного и польская народность, столь близкая к нам по славянской крови, но, к сожалению, столь разъединенная по вероисповеданию, и удаленная от нас папско-католическими преданиями. Но если чуждые и иноплеменные люди имели тысячи случаев испытывать великодушие и христианскую доброту Благословенного императора Александра; то нужно ли говорить о его собственных подданных? Век и время, в которое рожден был и воспитан император Александр, в истории носит название философского и гуманного; однако же эта философия тогдашняя, известная под именем натурализма, в сущности

была не что иное, как неверие и отрицание всякой религии, а гуманность тогдашняя не помешала случиться всем ужасам революции и самому варварскому попранию прав человеческих, и притом в самой цивилизованной и гуманной по тогдашним представлениям стране Франции. Не такая фальшивая и поверхностная гуманность, в виде моды входившая в тогдашние нравы путем незрелого и поверхностного воспитания, а истинная любовь к ближнему, основанная на здоровых Евангельских началах, осенила, душу и сердце Благословенного императора Александра. Если же он, как сын своего времени, может быть не мог иной раз не дышать идеями своего времени, особенно в первую молодую и менее зрелую пору своей жизни; то великое и страшное испытание, посланное в виде двадцати языков на всю Россию, для ее отрезвления и очищения от западно-европейской изгари, довольно таки проникшей в нашу православно-религиозную почву, – это говорим испытание решительно утвердило его в Боге, расположило в нем одним искать своего спасения и защиты, озарило ум его самыми светлыми и беспримесными идеями христианскими, а сердце окрылило самыми возвышенными и искренними религиозными чувствами. Всего драгоценнее в этом отношении собственные задушевные слова императора Александра. «Императрица Екатерина, – говорил он, – была проницательная, умная, великая жена: по что касается до воспитания сердца в духе истинного благочестия, при Петербургском дворе было как почти везде... Но пожар Москвы просветил мою душу, и суд Божий на ледяных полях наполнил мое сердце теплотою веры, какой я до тех пор не чувствовал. Тогда я познал Бога, как открывает его св. Писание»³. Эти слова благочестивого и смиренного государя показывают всю его прямую и искреннюю душу. Они открывают нам, как глубоко и прочно положено было в этой душе нравственно-религиозное начало. Сделавши краткий взгляд на жизнь и нравственный характер Благословенного Александра, и вспомянувши его заслуги для веры и Церкви Православной, – помолимся и об упокоении души его, православные и благочестивые сыны России! Боже духов и всякие плоти! Упокой в месте светле и

прохладне душу раба твоего Императора Александра I, и прости ему всякое согрешение, содеянное им словом, делом или помышлением; яко несть человек, – иже жив будет и не согрешит. Ты бо един кроме греха, и правда Твоя во веки, и слово Твое истина! Аминь.

Слово на новый год (1 января 1878 г.)

Братие! Блюдитесь, да никтоже вас будет прельщая философиєю и тщетною лестию, по преданию человеческого, по стихиям мира, а не по Христе

(На лит. апост. зач. 254 Кол.2:8)

Итак, православные христиане, по милости Божией, мы в новом лете. Приветствуем вас от лица Христовой Церкви с сею милостию Божиею. Но что принесет нам новый год? Обновимся ли мы в каком-нибудь отношении, станем ли лучше, разовьемся ли, подвинемся ли к своей человеческой цели? Вот мысли, которые невольно приходят в голову при начале нового года. Один великий и богопросвещенный муж сказал, что человек в духовном отношении никогда не стоит на одном месте, но или идет вперед или назад. Что если в новом годе, вместо того чтобы идти вперед, мы назад пойдем в духовно-нравственном своем развитии? А не мудрено и этому случиться при нынешних смутных и сбивчивых понятиях о цели человеческой жизни, об отношении человека к Богу, о взаимных общественных отношениях между людьми и проч... Любят конечно нынешние люди называть себя новыми, и сущность жизни человеческой полагают именно в движении вперед. Но как бывает на самом деле? Из многого укажем на некоторое. Напрягают, напр., все усилия изучить человеческую природу, а в конце своих исследований равняют человека с животными неразумными. Стараются начертить правила человеческой нравственности, а позабывают о Боге и Его законе. Стараются поднять и облагородить общественную жизнь, а разобщают ее с Церковью. И выходит, что хотят идти вперед, а идут самым погибельным образом назад. Предостережем себя от этой опасности; уясним для себя, при свете слова Божия, те основные начала, на которых должно созидаться христианское, т. е. истинно человеческое развитие, и станем, с помощью Божиею, обновлять себя по этим началам в новом лете. *Житие наше на небесех есть. Странники есмы и пришельцы на земли* (Флп.3:20, Евр.11:13). Вот первое начало христианское, которое

мы должны поставить исходною точкою, и отсюда начинать свое духовное усовершенствование. Бессмертие богоподобного духа человеческого, самостоятельность и духовность души нашей, загробная жизнь, – какие все это общеизвестные, общепонятные и можно сказать старинные истины, не совсем неизвестные даже языческому миру! А между тем, какою мглой, каким туманом старается обложить эти высокие и драгоценные истины нынешнее велемудрое время! Истощают все свое остроумие, пускают в дело всю свою ученость, чтобы доказать, что человек не есть человек, а какая-то оживленная машина, по разрушении которой остается будто бы толико прах и пепел. И пусть себе и так философствуют. Подобная жалкая мудрость никогда не обольстит здравого смысла даже простых и нравственных, а тем более истинно-образованных людей. Но вот что худо. Слишком обольстительным представляется это широкое раздолье, этот беззаветный разгул чувственности и сластолюбия, которые вытекают necessarily из мрачного догмата нынешней грубой философии. Человеку с слабой волей и без крепких христианских убеждений трудно устоять против увлекающего потока времени и не поддаться соблазнам чувственности; и значит для большинства всегда есть опасность в образе жизни и приложиться скотом несмысленным и уподобиться им. Оградим же себя накрепко, благочестивые слушатели, от современной заразы светлым и возвышенным учением христианским о загробной жизни и вечном единении нашем с Господом Богом в Царстве славы. Перенесем это учение в наше сердце и станем обновлять себя постепенно в наступающем лете по смыслу сего учения христианского. Перестанем гоняться за призраками земного счастья; не будем тратить своих сил телесных и душевных на тленные и скоропреходящие чувственные наслаждения. Возревнуем наипаче о том, что питает душу, приближает ее к Богу и готовится для вечности. Самые невинные и дозволенные Господом Богом радости и блага земные станем, по слову его, ценить настолько, насколько они могут способствовать нашему духовно-религиозному совершенству. Таков должен быть общий тон и характер нашей жизни.

Далее – будем освещать себе путь к духовному совершенству, как светильником каким-нибудь, христианским учением о нашем собственном бессилии, об испорченности и греховности нашей природы, о том что *не живет в нас, сиречь во плоти нашей, доброе; еже бо хотети прилежит нам, а еже содеяти доброе – не обретаем. Ибо есть ин закон во удах наших, противу воюющъ закону ума нашего, и пленяющъ нас законом греховным, сущим во удах наших* (Рим. 7:18, 23). Этого закона, хотя он громко дает о себе знать каждому честному и беспристрастно наблюдающему себя человеку, – этого закона – говорим – тоже не хочет знать современная мудрость, и силится довести человечество до совершенства путем простого и естественного его развития... Что ж выходит из этих усилий? Судя по тем быстрым успехам, какие делаются ныне в науке и гражданственности, можно бы надеяться, что скоро настанет Царствие Божие на земли, если бы точно от этих успехов зависело нравственное совершенствование человечества. Но где же, где признаки этого человеческого совершенства в настоящее время? Насколько люди стали лучше от того, что сделались образованнее, богаче и опытнее? Где та неподкупная честность, то самоотверженное стремление к общему благу, та теплая любовь к ближнему, та непоколебимость и чистота убеждений, те высокие добродетели, о которых так красно нынче пишут и говорят? Все это покуда на словах, в ожидании и в одних предположениях. И сбывается на нас слово писания: *закон духовен есть: мы же плотяны, проданы под грех. Не еже бо хотим, сие творим: но еже ненавидим, то соделаваем* (Рим. 7:14–15). Может, конечно, наука просветить в человеке и сознание его человеческого достоинства, и расширить в нем понятие о долге, – это ее бесспорная заслуга. Но одного сознания недостаточно для дела, – для этого требуется главным образом сила, способность и энергия, а их то и не дает наука. Не станем же обольщать себя призраками, смиренно сознаемся в своей немощи и испорченности, о которой так громко возвещает нам слово Божие. Это сознание и взгляд на себя приведет лучше всего нас на надлежащую дорогу, и укажет

нам действительные средства к духовно-нравственному совершенству.

Где же именно искать этих средств, где надлежащая дорога к нравственному совершенству? *Аз есмь путь, истина и живот* (Ин.14:6), говорит Спаситель наш Иисус Христос всем ищущим и жаждущим духовного совершенства. *Без Мене не можете творити ничесоже. Аз есмь лоза, вы же рождие. Яко же розга не может плода сотворити о себе, аще не будет на лозе: тако и вы, аще во Мне не пребудете* (Ин. 15:4, 5). Итак, вот куда устремимся всей душой и сердцем, – к Спасителю нашему Иисусу Христу! Привьемся к Нему, как дикие ветви к плодотворной маслине; отречемся от своего самолюбия, возложим на себя с любовью иго закона Его, и пойдем туда, куда Он поведет нас. Пойдем как неопытные ученики за учителем, как дети за отцем. Не на глазах ли у нас тысячи доказательств и опытов, что закон Христов есть именно свет миру, и жизнь в общении с Христом Спасителем есть единая истинная и здравая жизнь человеческая! Тогда как мудрость современная, гордящаяся своими высокими понятиями и гуманными правилами, выбивается однако же из сил стараясь на самом деле обновить общество по новым лучшим началам, тогда как она бессильно и бесплодно борется с человеческими страстями и самолюбием: благодатный закон Христов десятки тысяч смиренных рабов Божиих уже привел и доселе неуклонно ведет к Царствию Божию, и ставя своих исполнителей на такую нравственную высоту, пред которой должна склониться во прах вся современная мудрость с своими высокими нравственными правилами. Эти высокие правила и понятия, напр., о нравственном достоинстве личности человеческой, о добросовестности пред законом и обществом, о необходимости честного труда, о низости тунеядства и привычки жить чужими силами, все эти понятия, которыми так гордится современная наука, как своим изобретением, оказываются самым простым долгом и самою естественною обязанностью всякого доброго христианина. И всегда так бывало. Как бы далеко ни оглядывались в историю прошедших времен, что лишь только наука человеческая соберется сказать что-нибудь новое,

выдумывает какое-нибудь, по ее мнению, очень высокое и необыкновенное правило для нравственности человеческой, – как оказывается, что это правило уже давно имело самое широкое приложение в среде людей, называющих себя Христовыми. Так Евангелие не только всегда светило и светит миру, но и дает силы ходить и жить в свете! И общества человеческие по той мере обновлялись и улучшались нравственно, в какой они проникались Евангельскими началами; и наоборот – по той мере они падали и развращались, несмотря на все свое умственное и научное развитие, в какой отдалялись от Христа Спасителя и Его Божественного Евангелия. Так тому и должно быть. Ибо только здесь, в союзе со Христом Спасителем даются неизреченным и таинственным образом те *божественные силы, яже к животу и благочестию*, которые из самых простых и неученых людей делают высоких и мощных героев добродетели, – к изумлению высокоученых книжников и фарисеев нашего времени, которые возлагают бремена тяжка на плечи людей, предписывают тысячи высоких нравственных правил, а сами не хотят, или вернее – не могут двинуть пальцем, и продолжают коснеть в самом глубоком нравственном растлении. Только в Таинствах Христовой Церкви, юже стяжал Он честною Своею Кровию, льется на бедное и острупленное греховными язвами человечество та вседейственная и целебная сила, которую тщетно силится стихийная мудрость века сего найти в искусном воспитании, в научной образованности, в вещественном улучшении гражданского быта, – во всем и повсюду, кроме Господа Иисуса Христа, и конечно ни где не находить, и никогда не найдет *ибо несть иного имене под небесем, о нем же подобает спастися* (Деян. 4:12), кроме Господа Иисуса Христа. Неверующих мы, конечно, не убедим; *одебеле бо сердце людей сих, и ушима своима тяжело слышаша, и очи свои смежиша, да некогда узрят очима, и ушима услышат и сердцем уразумеют, и обратятся* (Ис. 6:10). Скажем им, однако вот что. По вашей привычке все испытывать и исследовать испытайте и попробуйте! Хоть в виде опыта поставьте себя на христианские начала, и поживите ими хотя несколько времени, но поживите

искренно, – всем сердцем и душою. Может быть Господь и даст вам узреть тот свет спасительный, который вы так усердно, но тщетно ищете. Может быть удостоит вас Господь восчувствовать всю сладость союза с Ним так, что вы не захотите больше возвращаться к прежнему образу мыслей и жизни; может быть вы сделаетесь избранными сынами благодати и будете приносить плод сторицею, *силен бо есть Бог поставити вас!!...*

А нам, православные и верующие христиане, нечего колебаться и раздумывать, куда держать путь свой. Пред нами лежит, и прямая и истинно царская дорога к нравственному совершенству, – это св. Евангелие; а указателем и руководителем да будет для нас св. Церковь. Целые сонмы угодников Божиих шли по этой дороге и при сем указателе, и дошли до неизреченно сладких и блаженных обителей Царя Небесного. Да поможет нам Господи в новом лете собраться с силами, твердо стать на сию благодатную дорогу, и неленостно совершать по ней шествие к своему спасению. Аминь.

Слово в день рождения Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича (17-го апреля 1878 г.)

Христос воскрес!

С светлым пасхальным торжеством сливается для нас в нынешний день и светлое торжество о царе нашем. Оба эти торжества нисколько, однако же, не мешают единству нашего ликующего чувства. Напротив, торжество веры и Церкви глубоко объединяет с собою, и тем еще более возвышает и украшает торжество о царственном представителе Христовой веры и верховном покровителе Православной Церкви в нашем отечестве. Особенно же с именем нашего преблагословенного Александра и с историей его славного царствования тесно связывается мысль о возрастающем торжестве просветительных идей христианских над темными и злыми силами, гнетущими народы, о постепенном углублении животворных начал любви и свободы христианской собственно в нашей русско-народной почве. А какое торжество может быть чище, светлее и желаннее для самой Церкви Господней, как не торжество образованности и просвещения христианского над тьмой и невежеством, торжество правосудия над произволом, любви и гуманности евангельской над грубостью и произволом, свободы над рабством, веры над неверием, Евангелия над лжефилософией и стихийной мудростью, христианства над противниками Христа. А таково именно и есть, по основному характеру и по общему направлению своему, благочестивое царствование нашего возлюбленного монарха. Итак, радуясь и веселясь о воскресшем Спасителе *в сей день, его же сотвори Господь*, возрадуемся и о царе своем, столь высоко держащем знамя Христовой религии, на страх врагам ее и нашим ненавистникам! Однако же никакое торжество, как известно, не обходится без жертв и без борьбы, напротив, после них только оно и наступает, и притом так, что чем выше и полнее бывает

торжество, тем оно больших требует усилий и подвигов, и неразрывно связанных с ними жертв. Вот и нашей великой нации под державой царя православного, сколько пришлось и приходится еще приносить жертв, какую великую борьбу вести, – прежде чем настанет полное наше торжество над врагами нашей веры и нашей национальности, и осуществятся на деле все наши великие идеи и гуманные цели среди окружающей нас ненависти, торгашества и религиозного фанатизма в Европе. Эта борьба вызывает, конечно, великие напряжения народных сил, задерживает и до некоторой степени даже останавливает правильное течение и развитие нашей внутренней жизни, и поэтому вызывает немало раздумья и колебаний, и даже прямого недовольства в некоторых личностях и слоях общественных. Но это самое и дает нам повод вдуматься несколько глубже в значение внешних политических потрясений и войн, и предложить вам на сей раз несколько слов о влиянии этих войн и потрясений политических на ход внутреннего развития народа, и вообще на исторические судьбы его. Находясь под свежим, и, можно сказать, еще не остывшим впечатлением кровавой и убийственной войны нашей с мусульманским миром, ограждая себя от всяких случайностей и предусматривая в будущем всякие возможности и вероятности новой борьбы с нациями, связавшими с этим дряхлеющим миром свои интересы, мы естественно располагаемся к думам о значении уже совершившихся и еще наступающих серьезных событий, долженствующих без всякого сомнения оставить явственный след и положить глубокую печать на всей нашей общественной и политической жизни.

Война, погашающая враз тысячи жизней человеческих и легионами скашивающая ничем неповинные жертвы свои, – конечно есть великое зло и тяжкое бедствие в роде человеческого. Но тот гуманист и мечтательный радетель о благе человеческого рода допустил бы большую ошибку, если бы сказал, что это зло, как зависящее будто бы от воли и решения отдельных лиц, всегда можно отклонить и отдалить. Но еще более погрешил бы тот, кто, назвав войну злом позабыл бы, или стал бы отрицать и те поистине великие и благие последствия, к

которым направляет зло войны рука благого провидения, премудро правящая судьбами царств и народов. На священных страницах Библии мы читаем, как богоизбранный народ Израильский, путем войны между прочим возводим был от силы в силу самим Иеговою, и какое живое и непосредственное участие принимал в этих войнах сам Господь Бог, как Глава и верховный Правитель Своего избранного народа, то обращая их в орудие наказания для Израиля, то в орудие его очищения и возвышения, то употребляя их как средство для проведения в темную массу языческих соседей Израиля здоровых и чистых понятий религиозных. Тоже значение войн и политических столкновений между народами продолжает оставаться и для нашего времени, и также руководит ими, для своих великих и сокровенных целей, невидимый правитель мира, *разселивший народы по всему лицу земли, и определивший жительство каждого из них предназначенныя времена и пределы* (Деян. 17:26, 27). Объяснимся точнее и определеннее.

Во-первых, войны пробуждают народное самосознание и выясняют нам время от времени то, что мы такое в среде других народов; стоим ли мы, или движемся вперед на пути своего развития и усовершенствования; крепнем, или слабеем в своих силах; становимся дальше, или ближе от предназначенной нам цели и исторической задачи своей. Мирная и уединенная жизнь гражданская, отвлекая все внимание общества к его домашним и частным интересам, незаметно притупляет зоркость его внимания к тому, что не входит прямо в круг его национальных потребностей и вкусов, и располагает к самодовольству и беззаботному пользованию наличным своим капиталом, и добытыми уже удобствами и выработанными условиями жизни. Или же наоборот, вселяет робкое недоверие к собственным успехам и приобретениям, и развивает вредную опасливость и самоуничтожение, по недостатку цельного и живого соприкосновения с другими народами, и по неимению случаев и средств сравнить свои успехи с чужеземными успехами гражданственности и науки, и измерить напряжение своих сил в тот или другой момент своей истории. Что делать, когда правильное и сознательно-спокойное

развитие и движение вперед стало невозможно как для отдельных лиц, так и для обществ, вследствие древнего еще уклонения от истины, и вследствие занесенного в раю еще расстройств в нашу природу, возмущившего равновесие наших физических и духовных сил! Что делать, если с тех пор отдельные люди и народы растут с болезнями и разными ненормальностями, и развиваются путем уклонений от истины, путем недоумений, колебаний и опытов над собою! Для сего то провидение, изводя народы на борьбу друг с другом, и допуская столкновения между ними, приводит их к ясному и живому сознанию накопившихся у них недостатков, равно как и приобретенных совершенств, чтобы в том и другом случае могли начать они новый, более правильный и сознательный период своего развития, и с большей энергией приняться за это развитие. Припомним случившееся на нашей памяти, и кое-что бывшее из нашей национальной жизни. Если наша тяжкая и неудачная Крымская война с союзными народами Европы открыла нам много всяких неустойчивостей и несовершенств нашей внутренней жизни, и дала нам горький хотя и спасительный урок самоисправления, то последняя наша благословенная Богом блестящая и победоносная война, сокрушившая дикую и фанатическую силу мусульманства в Европе, не воскресила ли наш дух народный, и не привела ли нас к отрадному и ясному сознанию, что мы с достоинством и честью можем идти по пути своего всестороннего развития среди прочих цивилизованных народов. Раскрыв перед нами, может быть, некоторые новые недостатки, или еще уцелевшие некоторые старые, не рассеяла ли она то малодушие и вредную неуверенность в своих силах, и то раболепное склонение пред силой наших соседей, которая так громко высказывалась в некоторых органах нашей печати, и так вредно могла действовать на дальнейшее внутреннее наше саморазвитие. Громом борьбы и побед верховный Правитель судеб народных рассеял все эти ложные страхи, висевшие над нами, и сподобил указать нам, что Россия может быть сильна и могуча сама по себе, может бестрепетно идти на своем собственном православно-русском пути, и с успехом может, а следовательно и должна достигать предназначенных ей от

провидения целей исторических. Вот первый благодетельный результат минувшей войны нашей. Для более ясного и наглядного обозначения подобного рода влияния войн и политических потрясений об них можно сказать, что они похожи на те встряхивания нашего организма, которые возбуждают в нем застоявшиеся силы, восстанавливают равновесие их деятельности, и освежают для равномерной и здоровой жизни.

Но есть еще более важное значение, которое могут иметь войны в направляющей и всеблаготворительной деснице провидения. Оне не только приводят к самосознанию, но и могут очищать и освежать народную жизнь от тех вредных противунравственных и противобщественных миазмов, которые накапливаются время от времени в народной жизни вследствие продолжительного занятия, на просторе и среди покоя, одними житейскими и чувственными интересами, имеющими лишь временное и земное значение, и касающимися только тела а не души. Между тем, как последняя и наивысшая цель благоустроенных человеческих обществ должна состоять в том, чтобы содействовать главным бракам духовно-религиозному и нравственно-религиозному развитию человеческих личностей, чтобы облегчать им возможность делаться из граждан мира достойными гражданами неба. В этом случае материальное благосостояние людей и разные улучшения форм государственной и бытовой жизни, должны быть только посредствующим орудием и облегчающим средством к достижению указанной наивысшей цели человеческих обществ. Так вот, если люди забывают и эту главную свою цель, то Господь и посылает им иногда чувствительные напоминания об ней, колебля грозой военной всю их общественную жизнь. Никакие меры правительства не могут иногда подавить зарождающуюся и таящуюся крамолу, никакие усилия здоровой науки не в состоянии рассеять распространяющуюся изгарь неверия и лжефилософии, никакой огонь пастырских обличений и вразумлений не силен остановить разлив безнравственности и поднять религиозный дух народа; между тем гроза военная сразу останавливает мутный потоп эгоизма, мелких дрызг и животное-чувственного разгула, устремляя дух народа к

самоотвержению, к подвигам любви и попечения о ближних, к исполнению долга чести, располагая жертвовать жизнью за веру, царя и отечество, и невольно устремляя мысль к вечности и Богу, верховному Властителю и распорядителю судеб народных. Вспомним из своей истории тяжелую эпоху 1612 года, когда в обществе русском накопилась масса и противуобщественных и противурелигиозных начал. Дух крамолы, измены и неповиновения предержащей власти – в политической жизни, дух фарисейства и внешней обрядности рядом с глубокою порчею нравов – в жизни нравственной, наконец дух холодности к Церкви и вере и пренебрежение к ее учению – в религиозной жизни, – вот какую грустную картину представляло из себя русское общество! Но послал Господь тяжелую и губительную войну, не стало законного государя на Руси, появились самозванцы, Москва взята иноверцами, вера и святыня наша поругана, православию угрожала гибель от польского фанатического короля, – и востепенулась Русь православная, возбужденная голосом Свято-Троицкой Лавры. Единодушно откликнулась она на призывный голос Минина и Пожарского, – и враги прогнаны, вера наша восторжествовала, все общество обновилось и быстро пошло по пути своего государственного переустройства и улучшения! Подобное же случилось с нами в начале текущего столетия. Дух неверия и нравственной распущенности, навеянный к нам с запада тамошнею лжефилософиею, проник преимущественно в высшие слои нашего общества, испортил наше воспитание, измелчил и оплотянил наши нравы, – и вот грозная туча в виде двадцати язык, под предводительством Наполеона, надвинулась и разразилась над нашей землей. Всколебалась и восплакнула Русь православная; но обратилась всей душой к Богу, и вышла победительницею. Прежнего легкомыслия и безверия как не бывало! То и другое заменилось искренним и глубоким благочестием. Явился попечительный комитет о тюрьмах, образовались различные комитеты попечения о больных и раненых, о неимущих и угнетенных, и во всем обществе открылся заметный поворот к религии и вере. На Крымскую войну тоже есть основание смотреть, как на урок и

внушение, данное нам провидением за накопившиеся у нас разные земские грехи, за нашу косность и нерадение о своем внутреннем благе и за слабое, и холодное отношение к религии. А разве подобного чего-то нельзя указать и в только что пережитое нами время пред восточной войной? Разве не проповедывался у нас и устно и книжно некоторыми, по-видимому, умными и учеными людьми эгоизм, корысть и финансовые расчеты, как главное и высшее начало общественной и политической жизни? Разве не старались уверить всех нас, что Болгары народ благоденствующий, счастливый и богатый под властью Турок, что они вовсе не нуждаются в нашей непрошенной будто бы защите, и что интересы веры хотя бы то и христианской, гонимой и унижаемой темным и фанатичным мусульманством, ни коим образом не должны будто бы входить в соображения политические, и мешать международным отношениям. Но вот, по сокровенному распоряжению промысла Божия, и по повелению царя православного, Русь облеклась во всеоружие войны, и вспыхнул в ней священный огонь любви к единоверным братьям, целые века стонавшим под варварским гнетом мучителей мусульманских, и охватило весь народ русский одно высокое религиозное чувство, и неудержимо повлекло все сословия на жертвы и благодеяния; всех охватила одна мысль – восстановить гонимую православна веру на востоке; всех волновало одно чувство и одна надежда на помощь Божию, и слышалась одна молитва: «Господи спаси, Господи помоги!» И Господь помог. Вековой враг христианства разгромлен, – и наши бедные братья христиане с упованием и благодарностью встают из праха и неволи к свободе и мирной гражданской жизни, во славу имени Христова. Такое оживление религиозного чувства и поднятие народного духа для интересов чисто духовных и святых – невозможно измерить и расчислить какими-нибудь математическими выкладками; но несомненно, что оно в высшей степени важно и благотельно в историческом развитии народов. Нельзя здесь пройти молчанием и не вспомнить к нашему назиданию и того нашего домашнего прискорбного обстоятельства, как начали было

появляться по разным, более или менее скрытым, местам и темным углам нашей обширной земли дурные признаки заражения западными идеями, идущими в разрез с коренными началами нашего народного духа и нашей политической жизни, основанными на благоговении к православной Христовой вере и преданности к помазанным царям нашим. Дух крамолы и противления верховной власти то и дело стал было показывать свою буйную и строптивую силу, и то там, то здесь стал было набирать своих жалких проповедников и несчастных борцов. Ни вразумлениям, ни строгим мерам по-видимому не хотели поддаваться эти дурные и наносные элементы нашего общества, подобно тем микроскопическим и зловредным животным, скопляющимся в атмосфере, которые, по наблюдению ученых, могут быть убиваемы и рассеваемы только громами небесными; и кто знает, как долго продолжало бы возрастать это зло, и сколь многих оно могло бы погубить, если бы не грянула гроза военная. Очистительное и освежающее действие этой грозы тотчас же почувствовалось. Дух крамолы присмирел, затих и оглушен был единодушным взрывом патриотического чувства, охватившего всю Русь Православную. Враги престола и власти предержащей должны были почувствовать, что они в тоже время суть и враги народа русского, плотно собравшегося вокруг своего царя, чтобы идти на защиту священных идей и интересов русских, охраняемых православными русскими царями не только в пределах русского царства, но и за этими пределами. О, ежели бы после этого урока понято было нашими непрошенными реформаторами и учителями, что их идеи и стремления нам не нужны, нежеланны и противны!...

Наконец войны, служа целебным, хотя горьким и тяжелым средством к обновлению и направлению на надлежащий путь развития какой-нибудь одной в отдельности, напр., нашей русской народной жизни, могут служить в тоже время у Господа Бога, верховного мироправителя, сокровенным средством к произведению важнейших переворотов в целой группе народов племен, для достижения каких-нибудь особенных благих и премудрых его целей и планов. Т. е. в те время, как нам

казалось, напр., что не пожелай мы воевать с Турцией, войны бы и не было; может быть наоборот – потому-то мы и увлеклись и расположились к войне, что она решена была в премудром совете Божиим, что Господь не кого иного, а именно православную Россию избрал в орудие Своих целей. Еще не настало время, и еще нет пока возможности по надлежащему взвесить все результаты и исчислить все плоды минувшей войны. Не есть ли она начало новой жизни для всего славянского мира? Не есть ли она указание разрозненным славянским племенам, в чем должна состоять их сила, куда должны устремляться их идеалы и к чему сводиться все их чаяния и основные надежды? Не есть ли она начало цивилизации и задаток лучшего будущего для самого мусульманского мира, который, пробудись из своего слепого и беспечного фатализма и придя в самое энергическое столкновение с одним из образованнейших и гуманнейших христианских народов, должен же почувствовать, по крайней мере в лучших и умнейших своих представителях, превосходство христианских идей над своим узким мирозерцанием и неизмеримую высоту Евангелия в сравнении с темным и чувственным кораном. Может быть и для самых христианских народов Европы наша русская война на Балканском полуострове, наши победы и одоление над магометанской гордыней, опиравшейся на корысть и себялюбивую расчетливость фальшивых друзей и союзников, положит начало новым международным отношениям и новой политике, ибо открылись от многих сердец помышления, и обнаружилась повсюдная взаимная зависть, недоброжелательство и корысть? Не даст ли Господь скоро почувствовать, может быть через нас же, и европейским народам, хвалящимся своею мудростью и высоким развитием гражданственности, что они отклонились от правого пути своего развития, что стали плоть и кровь, и что дух Господень не будет больше пребывать в них, как в предпотопных людях.

Все эти размышления и предположения к одному приводят нас, православные сыны России, что всю свою заботливость и попечения должны мы устремить теперь к тому, чтобы сберечь,

усилить и умножить в себе драгоценное сокровище св. веры и религии Христовой. Здесь источник нашей несокрушимой силы и могущества, которого не победить никаким врагам нашим. Ибо, что в самом деле из народа делает неодолимую силу? Богатство ли, масса ли войск, иди отличное оружие? Но все это лишь тогда оказывается силою, когда люди одушевлены глубоким сознанием своего долга, когда в сердце их горит святой огонь любви к престолу и родине, и к ее высшим духовным интересам, когда каждый готов принести в жертву на общее благо свое личное счастье, свой покой и удобства, и самую свою жизнь. Но такое настроение и такие возвышенные и святые чувства во всей их чистоте и широте могут созреть и раскрыться только под влиянием св. веры Христовой и Евангелия, учащего людей безграничной и самоотверженной любви к Богу и ближним. Государственные богатства самые громадные могут растаять бесплодно и разойтись по рукам нечестных и бессовестных людей; а как от них уберечься, если их разведется много? А разводятся они, как известно, вследствие слабости и шаткости религиозных начал в обществе; равным образом и многочисленны и прекрасно вооруженные армии могут оказаться лишь бесполезными массами, трусливыми и невыносливыми, могут быть рассеиваемы и сдаваться в плен, если люди не будут видеть во главе разумных и доблестных вождей, и если не будут уверены в совершенной их преданности долгу, и если сами не будут ограждены против страха смерти верою в Бога и небесную помощь, и надеждою на всепрощение от Бога, и великие награды по смерти. А что же может вдохновить вождей до истинного геройства, а воинам внушить спокойствие и хладнокровие при виде смерти, как не свята религия. Та отчаянная и бессознательная удаля, которая, увлекаясь общим потоком и закрыв глаза бросается навстречу опасности, не есть истинна храбрость; она подвержена большим случайностям, и потому весьма ненадежна. Два три не успеха, непредвиденные какие-нибудь затруднения, или внезапно нагрянувшая опасность – могут быстро охладить такой искусственный пыл, и обратить в совершенно противоположное настроение. Но трудно сломить и

поразить человека, умеющего прямо и бестрепетно смотреть в глаза смерти и в каждую секунду помнящего, что он исполняет долг святой религии, и что ему нужно исполнить свой долг чтобы там ни было, и что за это мзда его многа на небеси. Да, истинным героем может быть только искренно-религиозный человек! И оставит ли Господь на поругание врагам таких людей и откажет ли им в своей помощи? А при помощи Божией нет ничего страшного и невозможного. *Аще Бог по нас, кто на ны.* Невольно припоминаются здесь отрадные и великие обетования помощи небесной, которыми обнадеживал Господь народ Свой, в случае его нравственной чистоты и преданности Своей воле и Своему закону. *Если ты, Израиль, будешь слушать гласа Господа Бога твоего, тщательно исполнять заповеди Его, то Господь, Бог твой, поставит тебя выше всех народов земли... Поразит пред тобою... врагов твоих, возстающих на тебя; одним путем они выступят против тебя, а семью путями побегут от тебя. И увидят все народы земли, что имя Господа [Бога твоего] нарицается на тебе, и убоятся тебя... и будешь давать займы многим народам, а сам не будет брать займы, и будешь господствовать над многими народами, а они над тобою не будут господствовать. Сделает тебя Господь [Бог твой] главою, а не хвостом, и будешь только на высоте, а не будешь внизу, если будешь повиноваться заповедям Господа Бога твоего, которые заповедую тебе сегодня хранить и исполнять!* (Втор. 28:1,7,10,12,13).

Боже наш, призри на смирение наше! Если не можем мы похвалиться делами благочестия нашего пред Тобою; то все же имя Твое Святое нарицается на нас, а в сердце нашем горит святая искра любви к Тебе и веры в Твой всеблагий промысл. Сам поддержи и воспламени сию искру и пробави милость Твою ведущим Тя! Умножились, Господи, умножились, стужающие нам; мнози восстают на нас, многие глаголют об нас, «нет спасения им в бозе их». Спаси же Господи Своею всесильною десницею православную Россию, и возвеличи ее для славы имени Твоего! И спаси Господи раба Твоего, благочестивейшего государя нашего, – Александра Николаевича. Укрепи его

царство, и умножи славу его новыми и новыми победами над врагами, да под скипетром его тихое и безмолвное проживем житие во всяком благочестии и чистоте! Аминь.

Слово над гробом протоиерея Владимирской Николозлатовратской церкви, Я. В. Миловского (19 апреля 1878 г.)

Христос воскрес!

Смертное зрелище, подлежащее очам нашим в нынешние светлые пасхальные дни, двойное пробуждает чувство в душах наших. С одной стороны, тяжело и прискорбно смотреть на лежащую *во гробех по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, безславу и не имущую вида*. Это, и вообще нежеланное и страшное зрелище, кажется особенно неуместным и безвременным теперь, когда радость воскресения Христова не сходят у нас с уст, и в песнях Церковных громогласно и непрерывно возвещается посприятие смерти и притупления ее жала Христовою смертию. Но с другой стороны, если вспомнишь, что смерть есть неизбежный удел наш, что рано ли, поздно ли, тогда или в другое время, а придется таки всем нам до единого возлечь на смертном одре; то желалось бы умереть именно во дни подобные настоящим, потому что страх смертный кажется для всякого умирающего должен несколько слабеть и умеряться, по причине этого самого светлого торжества Церкви о воскресшем Спасителе, и торжество это, – веруем мы, – должно же непременно отзываться чем-нибудь светлым и отрадным в самом царстве духов, почивших о Господе. И значит, некая милость и особенное устройство Божие случилось над почившим отцом нашим, если Господь позвал его к Себе именно в такое время, когда от имени Господа святая Церковь всех чад своих приглашает Царствия Христова приобщиться в нарочитом дни воскресения Христова. Не есть ли это уверительный залог для почившего и для тех, кому он особенно был близок и дорог на земли, что двери Царствия Небесного не закрыты, а отворены для него и на том свете, что долголетняя иерейская служба его пред престолом Господним на земли близко привела его к престолу Божию и на небе, и к

отверстым дверям украшенных чертогов райских? Ей и аминь. Да будет так – по нашим чаяниям, и да удостоит Господь почившего войти в эти двери, по молитвам Церкви Господней, которой усердно и благоговейно служил он столь долгое время! Да и сама жизнь почившего старца – пастыря Церкви Божией не лишена крепких оснований для успокоительных надежд о загробной его участи.

Не были мы близки к почившему, и не известны нам подробности его жизни, многолетней и богатой мудростью и опытностью духовною, хотя вот и пришлось сказать прощальное слово над его гробом. Но и тех, нам кажется, достолюбезных качеств и свойств душевных, для познания которых достаточно было несколько раз видеться с покойным отцом протоиереем, – и этих, говорим, отрывочных черт его характера мимолетных случаев наблюдений за ним достаточно, чтобы составить общее отрадное понятие о целом строе его внутренней жизни и светлое представление о всей его душе. Известна, например, его глубокая и искренняя религиозность, имевшая в основании своем живую христианскую веру и горячую любовь к Господней Церкви, уставами которой любил он освящать всю свою жизнь, и по ним устроить ее. Мы были неоднократно зрителями его благоговейного предстояния пред престолом Божиим, и видно было, как дух его погружался в это время в Бога и в службу Божию, и как во взорах его отражалось религиозное самоуглубление, благовеинство и глубокое смирение христианское. И не любил почивший уклоняться от молитвенного труда пред престолом Божиим, и не считал для себя неудобосильной тяжестью непрерывную умственную трезвенность, самонаблюдение и самопомыкание, требующееся иерейскою совестью пред службой Божией. Он служил столь часто сколько мог, служил с одинаковым не слабеющим благоговением и умилением, и служил до тех пор, пока внезапная болезнь и с ней открывающиеся такие недуги старчества не отняли у него последних физических сил. Нам кажется, что это одно обстоятельство способно вселить веру и благую надежду о почившем в сердцах, скорбящих об утрате его; ибо если судить нас будут по главному нашему делу и по

ближайшим нашим служебным обязанностям, то конечно служение иерейское, требующее преимущественного устремления духа к Богу, одно уже может поставить иерея, если конечно он не напрасно носил это священное имя в своей земной жизни. В отношении к своим пасомым почивший, как вам известно, был поистине мудрым и добрым пастырем, умевшим всегда наставить того, кто искал вразумления и совета, снять скорбь в разбитом и удрученном сердце, рассеять недоумения и колебания в сомневающемся, отрезвить и согреть холодность рассеянной и беспечной души человека, осуетившегося попечениями житейскими, заставить подумать о душе и вспомнить о небе. Все это тем легче и удобнее было почившему пастырю, что всякий поучаемый его словом мог еще сильнее поучаться его жизнью и примером; ибо известно, что жизнь человека серьезного, искренно благочестивого, строго относящегося к своим обязанностям, человека всегда себе верного и ровного во всех случаях и обстоятельствах своей жизни, сообщает необыкновенную авторитетность и вескость его речам и наставлениям. А таким именно и представляется в наших воспоминаниях покойный служитель Божий и пастырь Церкви. Людям слабохарактерным и мелким, людям ленивым и беспечным и ищущим оправдания своей суетной и рассеянной жизни в примерах лиц, поставленных на сторожу за ними, а особенно в примерах духовных лиц и пастырей Церкви, немного, вероятно, выпадало на долю случаев подмечать и находить такие оправдания для себя в жизни почившего отца протоиерея. Наоборот же мы не сомневаемся, что для близко знавших почившего пастыря и живших под его влиянием и руководством, жизнь его была путеводной звездой во многих затруднительных случаях и обстоятельствах и всегдашним наглядным поучением. Что же касается далее обыкновенных житейских отношений с людьми, все равно, кто бы они не были, его ли пасомые или просто знакомые, люди ли для него нужные или наоборот в нем имевшие нужду, — то нам самим неоднократно удавалось с удовольствием наблюдать и поучаться, как умел почивший совмещать в этих отношениях привлекательную простоту и задушевность вместе с

достоинством и приличием, которых он очевидно никогда не опускал из виду. Речь его обыкновенно растворялась солью остроумия и добродушным юмором и подчас сопровождалась веселой шуткой; но там, где требовали обстоятельства, она была тверда и пряма, сильна и настойчива, как это подобает мужу с прочно установившимися и честными убеждениями, с благовременным направлением и ясною совестью. Такие люди всегда служат наилучшим украшением тех обществ, среди которых им приходится жить; и там, где требуется авторитетное какое-либо представительство, разумное руководство и направление общественного мнения, – там эти люди, естественно, являются избранниками общества, уяснителями и выразителями его потребностей и нужд. Такой случай был и в жизни покойного пастыря, когда поместный или епархиальный собор пастырей Владимирских избирал его своим представителем и руководителем на своих заседаниях. Да и кроме таких исключительных и особенных случаев, от всех лично знавших почившего пастыря, и входивших с ним в какие бы то ни было сношения, нам приходилось слышать единодушные отзывы как об его светлом и многоопытном уме, так и о добрейшей и прекрасной его душе. Иди же с миром к Господу пастырь благий, добрый и верный!... Мы напутствуем тебя своими горячими и теплыми молитвами – в отрадной уверенности, что *блажен путь, в онъ же идеши, яко уготовася тебе место упокоения!*...

Перенося теперь мысль свою от сего гроба и почивающего в нем доброго пастыря Христова к нам самим братие, не подумать ли нам посерьезнее и покрепче и о нашей собственной загробной участи? Обычное суетливое течение нашей жизни каким-то неодолимым образом все отвлекает нас от этого наиважнейшего предмета, к которому должны, кажется, сводиться все наши помышления и заботы. Пусть же по крайней мере смертные случаи в среде ближних наших и знакомых не проходят для нас бесследно. Ведь это от самого Господа посылаемые нам напоминания о том, что ожидает нас в недалеком будущем. Неужели же в самом деле обаяние жизни земной так должно быть могуче над нашей жизнелюбивою

душой, что и самую мысль о развязке нашей жизни мы все будем гнать и гнать от себя как можно дальше? Неужели до такой степени лукавы дни нашей краткой и ничтожной по времени жизни, а мы так по-младенчески просты и беспечны, что нам без всякого труда можно не дать заметить скоротечности нашей жизни и мимолетности ее радостей и удовольствий? Но вот же перед нами и еще одно из миллионных доказательств неизбежности вашей смерти! Ведь должна же когда-нибудь, и может быть очень скоро, придти к своей развязке и наша жизнь, когда подведутся к общему итогу все наши деяния и поступки, когда разобрано будет со всей неумолимой правдой значение каждой нашей мысли, промелькнувшей в нашей голове, и оценено и взвешено по достоинству каждое чувство, когда-либо волновавшее наше сердце, и когда таким образом докажут вам самую полную и подробную картину всей прожитой нами жизни, и дадут нам почувствовать самым наивернейшим образом, что мы такие за люди, хорошие или дурные, и какой мы следовательно заслуживаем участи и награды. Ах, братие, по истине *страшно есть еже впасти в руце Бога Живаго; ибо Сей есть Судия помышлений наших и мыслей сердечных* (Евр.10:31). Каково же будет нам, бедным и не имущим дел благочестия, стоят на сем нелицеприятном и непогрешимом суде в качестве подсудимых и ждать со страхом и трепетом, какой вынесут нам приговор, оправдательный или обвинительный!! И ведь уж ничто не поможет на этом суде: *ни витий художество крадущее*, – как внушает нам Церковь, – т. е. на красноречие ораторов, так часто скрадывающее и затемняющее истину в земных судах, *ни свидетелей неищевание*, отражающее праведное, т. е. ни фальшивые показания свидетелей, и ничто подобное; одна только беспристрастная истина и голая неуклонимая правда наших деяний предстанет нашему сознанию. О, как страшен суд твой Господи нам грешникам! И потому-то, конечно, мы так редко и неохотно о нем воспоминаем и так и тщательно прячем от него свою, покрытую язвами прегрешений, совесть. Но братие мои, отцы и сослужители, и все предстоящие гробу сему слушатели благочестивые, – ведь это же в высшей степени

нерасчетливо с нашей стороны, говоря языком житейского благоразумия; ибо отвращать свои взоры от опасности нисколько не значит уменьшать ее и удалять от себя; и ведь придет же она, и настигнет нас со своею опасною внезапностью. А не лучше ли, пока есть время у нас, устремиться в милосердые объятия Христа Спасителя, ради нас страдавшего и умершего, и ждущего с любовью нашего обращения и покаяния. Объимем с верою и слезами умиления невидимо простертую к нам десницу победителя ада и смерти Господа Иисуса, – и мгновенно рассеются для нас все страхи смертные, и возвратится нам бодрый и светлый взгляд на мир Божий и на эту горькую нашу и кратковременную жизнь земную, влекущую нас тихо и незаметно к вечности. Все это, конечно, не новые, совершенно штатные для вас, и давно известные истинны; но что же другое лучшее их и более отрадное можно предложить вашему вниманию у гроба сего и при зрелище смерти? Не тоже ли непрерывно повторяет нам теперь и св. Церковь в своих песнопениях и гимнах пасхальных? Только и слышим мы об умерщвлении нашей смерти Христовою смертью, об отверстии для нас райских дверей воскресшим Спасителем и о наступившем для нас начале иного жития вечного, и т. д. Следует только перенести все это из области простого знания или отвлеченной холодной веры в сердце, и положить эти высокие и отрадные истины христианские в основание своего поведения, – и действительно настанет для нас начало иной, лучшей и высшей жизни на земле, как задаток и преддверие блаженного успокоения в вечности.

Боже духов и всякой плоти! Умоляя Тебя о помиловании и о упокоении души усопшего раба Твоего протоиерея Иакова, прибегаем к Твоему всепрощающему милосердию и мы грешные. Даруй нам слезы умиления и память смертную, а в определенное Тобою время и сподоби нас дать добрый ответ на страшном судище Твоем! Аминь.

Слово сказанное при погребении просвещеннейшего Антония, архиепископа владимирского и суздальского (2 мая 1877 г.)

Воставше вси соберитесь, и седше слово услышите: страшное, братие, судище, идеже имамамы вси предстати. Несть тамо раб, ниже свободен; ниже есть тамо малый, ниже великий, но вси нази предстанем

(Чин погр. свящ.)

Мысль о том, что надо всем нам умереть, что ждет нас на том свете страшное судище, где не делают ни малейшего различия между малым и великим человеком, между святителем и самым последним клириком, между свободным и рабом, но принимают во внимание единственно нравственное достоинство или недостойнство судимых людей, – эта мысль обыкновенно как искра чуть тлеющая в глубине нашей совести и трепещущей суда и смерти, вспыхивает невольно с особенною яркостью при чьей-нибудь новой смерти. Вот еще и еще новая жертва смерти, – невольно промелькнет в глубине души! вот также когда-нибудь придет очередь и до меня, – подскажет естественное чувство самосохранения! Но при самом зрелище смерти и возле не похороненного еще гроба это чувство самоопасливости и страха за себя и за свою личную загробную судьбу как-то само собою уступает место и подчиняется другому чувству соболезнования и озабоченности о чужой судьбе и о загробной участи почившего, только что изъятого из среды нас живущих и еще вчерашний день беседовавшего с нами, и также как и мы ощущавшего сладость жизни, и также как мы желавшего пожить еще и еще на прекрасном свете Божиим, Мы все-таки еще здесь, на твердой земле и вдали, так сказать, от опасности; а он уже там, в туманном и необъятном океане вечности и на суде Божиим! Мы еще можем так или иначе изменить свою судьбу и направить ее к лучшему слезами покаяния и делами благочестия; а для него уже все кончено,

возврата нет, и он ждет только от милосердного Владыки решения своей судьбы на основании уже завершенной им жизни. Сознание этой бесповоротности и законченности судьбы почившего, и самый этот хладный и бездыханный вид его беспомощности и одиночества в гробу и затем в могиле, невольно вызывают в сердце нашем теплое к нему чувство любви и христианского соболезнования. Хотелось бы принять участие в его теперешнем состоянии, хотелось бы знать, что теперь мыслит и чувствует душа его, чего надеется и чем она тревожится, и не ждет ли чего-нибудь от нас? Новопреставленный святитель Божий, прими от нас сей последний дар нашей любящей скорби и молитвенной памяти о тебе! Да не оскорбится дух твой нашим плачем воздыханиями у гроба твоего; ибо они исторгаются из умиленных сердец, исполненных христианского сочувствия к тебе, молящихся о твоём упокоении, и еще слишком живо чувствующих, только что порвавшуюся жизненную связь между нами и тобою. Благодарно памятуя, как ты воздевал преподобные руки твои у престола Божия за нас твоих сотрудников и помощников в многотрудном деле пастырства, хотели бы мы и всю оставленную тобою паству подвигнуть на молитвенный плач и воздыхание ко Господу о душе твоей, отошедшей от нас на небо, в дополнение тех кратковременных молитв наших, которых ты сам просил у нас на земле во время предсмертной болезни своей. Велико братие, многосложно и многоответственно служение святительское! С одной стороны, обеты иночества требуют от каждого святителя усиленных и непрестанных подвигов внутренних, самоумерщвления, сердечной чистоты и сосредоточенности духа. С другой же стороны непрерывные соприкосновения с миром и людьми живущими в мире, которых он должен руководить как архипастырь, и на которых обязан влиять, как высший блюститель и живой носитель Христова учения среди своей паствы, не дают ему, если бы он и хотел, как затворнику и отшельнику отвращать взоров своих от мира, и от всего, что в нем творится. Приходится смотреть на все это открытым и несмущенным взором, но так, чтобы самому уберечься от

всякого обаяния мирского, и сохранить полную разобщенность внутреннюю с грешными обычаями мира. Положение высшего судьи и администратора духовного, в которое поставляется каждый святитель в своей пастве, по самому характеру и роду своей службы, надбавляет его совести еще более тяжести и ответственности пред Богом и людьми. Не только соблюсти закон надлежит ему, но и заставить уважать его беспристрастными и мудрыми применениями к обстоятельствам подчиненных; уметь правду растворять милостию, но и для самой милости полагать надлежащие пределы, да и самому уберечься от искусительной возможности поступить по личному взгляду, желанию и вкусу, в силу имеющейся в руках власти. О, какая же требуется нечеловеческая сила и напряженность духа, чтобы идти всегда верно и ровно, не колеблясь и не спотыкаясь по сему узкому многотрудному, и поистине апостольскому пути! Да умолкнут же и устыдятся в настоящие минуты те строгие лицемерные судьи, которые секретно болея всего большее своими личными и крошечными интересами, любят прикидываться бескорыстными и горячими радателями общественного блага, и никогда не записывая даже приблизительного количества своих собственных ошибок, и вовсе не глядя на свои недостатки, с затаенным удовольствием отыскивают чуть заметные пятна и случайные погрешности людей, высокопоставленных над ними от Бога и предержащей власти. Пусть дальше, как можно дальше скроется отсюда всякая кичливость, трудовольствие и осуждение, всякое равнодушие и безучастное любопытство! И пусть теснее окружит гроб нашего усопшего архипастыря одна христианская любовь, смиренная, всепроницаемая скорбящая и молящаяся! С одним этим именно чувством и хотелось бы нам проводить на тот свет почившего нашего доброго, милостивого и кроткого отца и архипастыря.

Зная по себе самих немощь человеческую и помня, что еще беззакония наши назрит Господь на страшном судищи своем, то никто не устоит пред лицом правосудия Его, живо чувствуя сию грозную для всех нас истину, и по естественному христианскому сочувствию к усопшему ставя самих себя в его теперешнее

положение, – мы прежде всего и более всего желаем и должны расположить себя к молитве, да простит ему Господь вся, елика яко человек содела, в мире живя, немощную плоть нося, или от диавола прельстився. И в этом случае мы кажется вполне согласуемся с его желаниями и его обычным в особенности же предсмертным настроением; ибо памятны нам его – смирением растворенные речи, его просьбы наших молитв и его строгий взгляд на свое высокое тяжелое служение. Но таже самая любовь христианская побуждает нас и к благодарному воспоминанию о тех светлых и драгоценных качествах души почившего архипастыря нашего, которым всего естественнее теперь поучиться здесь у гроба его. Св. Апостол, заповедуя поминать наставников и пастырей наших, заповедует взирать *и на скончание жития их*, чтобы *подражать вере их* (Евр. 13:7) Не имеем мы права и возможности касаться того внутреннего и сокровенного мира душевного, где почивший архипастырь незримо от нас и пред лицом всевидящего Бога совершал свой святительский подвиг, – пусть точнейшую и более подробную повесть об этом предложат, если могут, для нашего общего назидания те, которые ближе нас стояли к почившему, лучше нас его знали, и раньше и дольше нас его помнили. Мы же вспомняем воочию бывшее благоговейство его и умиленность молитвенную при совершении Господних служб, наипаче же святейшей и Божественной Евхаристии. Вспомняем неоднократно слышанные нами мудрые речи его и кроткие наставления, дышавшие любовью к Церкви Божией и ее святым правилам и законам, нередко растворенные пастырскою скорбью об умножившихся врагах и изменниках ее. Вспомняем его многоопытное и мудрое умение найти в людях и оценить истинную и действительную заслугу, и отличить ее от простой и формальной исправности и от безупречной, но лицемерной осторожности. Вспомняем и его великодушное снисхождение к слабостям и проступкам людским, и его умение покрыть их своим благодушием, и в тоже время дать почувствовать виновным вину их и обязанность потрудиться над своим исправлением. Вспомняем и его смирение, с которым он не затруднялся и не смущался прямо и откровенно испрашивать

прощения и мира у своих же подчиненных, которые по его мнению имели повод быть им недовольны. Мы знаем доподлинно такие случаи. Вспомняем и его ревность о соблюдении всеобщего мира и приличия, благообразной и стройной подчиненности членов Церкви и общества, его уважение к людям, умевшим скромно стоять в своем чину, и его строгое беспристрастие к людям, торопливо ищущим своего возвышения, к людям беспокойным, заносчивым и неуживчивым, к людям, не приучившим себя дорожить всеобщим миром и любящим навязывать другим свои личные взгляды и вкусы. Вспомняем и его обычную ласковость, простоту и любезность приема, заставлявшие посетителей его, – были ли то просители, или просто искавшие его беседы, – уходить от него с миром и довольством в душе и духовным утешением. Не эти ли качества привлекали к нему сердца людей коротко его знавших, и имевших случаи не отрывочно, а часто и последовательно видеть его в различных положениях и сношениях с людьми. Незабвенна для нас сцена его расставания с нижегородской паствой, которой мы были свидетелями лет семнадцать тому назад. Обширный соборный храм его паству усердствующую едва мог вмещать, с самыми теплыми благожеланиями и со слезами на глазах теснившуюся вокруг удалявшегося своего архипастыря. Настоящее же усердие владимирской паствы к своему архипастырю у всех у нас перед глазами. Вспомняем и его любовь к благолепию храмов Господних, выражавшуюся в немалоценных жертвах из его собственных средств. Вспомняем и его отеческую заботливость о духовном образовании и благосостоянии наших епархиальных школ мужских и женских тоже нередко располагавшую его к значительным и крупным пожертвованиям. Вспомняем и его всегдашнее сострадание и сочувствие к горестям и нуждам обращавшихся к нему за помощью людей, наипаче же радение о нуждах и потребностях духовного чина и искреннее стремление его помочь им не только добрым и теплым словом сочувствия, но и делом и в пределах его власти находившимися средствами и архипастырскими распоряжениями. Вспомнать должен, и я, смиренный, лично ко

мне относившиеся неоднократно особенно недавние опыты благоволения и доброты почившего владыки, поистине выше моих незаметных заслуг и достоинств похвалившего и ценившего труды мои. Да вспомнит остальное нам неизвестное всеведущий владыка Христос на милосердном суде своем, и да воздаст почившему по делам и заслугам его, восполнив недостающее своим безмерным благоутробием, всеобъемлющими заслугами и правдою!!...

Перенося теперь мысль свою от почившего архипастыря к нашим собственным деяниям и совести, не должно ли нам вспомнить также, братие, что и мы, стоящие окрест гроба его, стоим, в некотором смысле, на суде у него, или вместе с ним? Ибо, если ему надлежит воздать слова или ответ пред Богом за нас, своих пасомых, то не такая ли ответственность и тяжесть возлечь должна и на нашу совесть, в случае, если мы собственным недостойнством и неправдами прибавим ему тяжести и ответственности на суде Божиим? Что, если не только *не с радостью, а вздыхающе* смотрит он теперь из горнего мира на скудость нашего духа и на убожество наше нравственное, не столь, конечно, заметное на земле, но может быть открывшееся теперь с особенною для него ясностью? Что, если на том самом суде Божиим, на котором предстоит теперь почивший архипастырь наш, вспомнутся и все те случаи, когда мы, собственно, мы были для него камнем преткновения и соблазна? Что, если и над нашими головами висит уже опасность смертная, и час суда Божия по многим из нас может быть уже весьма и весьма близок? Безмолвствует архипастырь наш, возлежа на смертном одре. Ни слова обличения или примирения, – ни слова предостережения и назидания уже не услышим от него. Примкнем же сами своим разумением и слухом сердечным к тому, что предлежит теперь очам нашим, и с таким грозным красноречием говорит само за себя. Тяжело и прискорбно зрелище смерти; но никто не возможет уклониться от ее хладных объятий, и все мы один за другим должны пасть ее жертвами и слечь в могилу. Жаль расставаться с здешним светом и радостями жизни; но приблизится некогда и к нам неотложная в сем надобность. Страшно судище, *идеже имамы*

предстати; но делать нечего, придется таки всем стоять на нем, и примет кийждо из нас, яже с телом содела – или блага или зла! Что же, неужели безучастно и с тупою беспечностью станем ждать, пока все это с нами случится, – а там пускай будет то, чему должно быть?!... «Братие моя и чада возлюбленная, – конечно сказал бы теперь нам почивший отец и архипастырь наш, – умоляю вас, блюдите, како опасно ходите, и уразумейте, какое великое сокровище в руках ваших – то самое, ничтожное по количеству и протяжению своему, время вашей земной жизни, которое так лукаво ускользает из вашего обладания и тратится на пустые и мелкие вещи и на которое, однако же, можно бы купить целую вечность, блаженную и светлую! Поберегите же себя, и остерегитесь давать волю низшим и плотским инстинктам вашим, ибо они могут совершенно приковать вас к земле, и довести до полного забвения о Боге и небе, и о вашем высоком назначении по смерти. Ужасна, братие, участь отверженных духов и их клеветов и рабов из людского общества; да не впадете и вы в эту ужасную среду по своей беспечности, нерадению о душе и грехолюбия!»!

Вонмем сему замогильному гласу нашего архипастыря, учителя и отца, как гласу нашей собственной совести и помолимся ко Господу. «Боже праведный и милосердый! Душу от нас преставльшегося архиепископа Антония в селениях праведных учини, в недрах Авраамовых упокой и нас всех помилуй, яко благий и человеколюбец»! Аминь.

Слово в день сретения иконы Боголюбской Божий Матери (21-го мая 1878 г.)

Вот и еще раз Господь сподобил нас, жители богоспасаемого Владимира, сретить Царицу Небесную; еще раз благоволила Она посетить нас в Своей чудотворной иконе, и конечно принесла с Собою благодатную помощь и милости от Господа Бога. И вот бесчисленные толпы благоговейных молитвенников и молитвенниц, с умиленными и верующими сердцами, и ныне со всех краев нашей обширной епархии стеклись на поклонение Ее чудотворному образу. Возвышенное и поистине отрадное зрелище ежегодно представляется среди нас в сей день для каждого, не совсем зачерствелого сердца! Ибо кто не тронется и благоговейно не подвинется для веры и молитвы, смотря на сии волнующиеся массы бесчисленных богомольцев, одушевленных одним и тем же чувством беспредельного благоговения пред Пречистой Девой Марией, и одной пламенной молитвою пред Ее чудотворной иконою? Обуреваясь постоянно житейской суетою, и связанные по рукам и ногам всяческими телесными попечениями, как легко мы холодеем верою и как незаметно мельчаем в религиозном отношении. Но невольно согревается дух при зрелище сих многочисленных благоговейных душ, одушевленных одним и тем же религиозным чувством, и изливающихся в единой общей молитве пред Владычицей нашей, Пресвятой Богородицей. Что же скажем мы теперь с сего священного места в назидание вам, усердные молитвенники и молитвенницы, подъявшие труд благочестивого путешествия для поклонения Заступнице рода нашего?... Во-первых, душевно радуемся за вас и похваляем вас, видя ваше *дело веры и труд любви и терпение упования на Господа нашего Иисуса Христа* и на Его Пречистую Матерь (1Фес. 1:3). Стойте же крепко в сем уповании, ибо оно не посрамит; берегите и укрепляйте оною веру и надежду на божественное покровительство и заступление Матери Господа нашего, *много бо может моление матернее ко благосердию*

Владыки. Пусть другие надеются на князи и на сыны человеческие, или на свое собственное богатство, на знатность и славу своего рода – все это ненадежно, слабо и непрочно, ибо все это колеблется, переходит и исчезает, как дым! Вы же непрестанно взывайте из глубины душевной: *не имамы иные помощи, не имамы иные надежды, разве Тебе, Владычице;* ибо нет существа, которое было бы ближе, чем Матерь Божия ко Господу Иисусу, и, следовательно, ничье покровительство и милость не могут быть столь могучи и действенны, как Ее покровительство и Ее заступление! Но братия и сестры о Христе, утешаясь вашею верою и усердием к Царице Небесной, мы намерены в силу нашей пастырской обязанности, и как бы от лица Царицы Небесной, сказать вам несколько слов о самой этой вере вашей и усердии к ней.

Да будет вам известно, во-первых, что не всякая вера и не всякое усердие Ей угодны, а только те, которые чисты и разумны. Ибо случается так, что к иной и сильной и горячей вере примешивается много такого, что не может быть приятно и угодно Матери Божией. Напр., если поклоняясь Ей, кто-нибудь из вас стал бы воздавать Ей божеское поклонение, наравне с Сыном Ее, Богочеловеком Иисусом Христом; то такое поклонение и такая вера не были бы Ей угодны, потому что были бы неразумны и нечисты. Хотя Присноблаженная Матерь Божия превознесена над всеми тварями небесными и земными, есть Честнейшая херувимов, и Славнейшая без сравнения серафимов, – но все же Она есть создание Божие не имеет божеской природы. А есть, будто бы, и такие простодушные поклонники и такие недальновидные поклонницы и молитвенницы, которые чуть не считают в своей мысли Самую личность Матери Божией с Ее иконами; думают, вот это и есть Самая Божия Матерь, тогда как это только Ее икона. Впрочем, едва ли нужно о сем много распространяться; ибо и в самой простой и некнижной среде немного, конечно, находится таких суеверных поклонников и поклонниц Божией Матери, об которых мы упомянули. Но и их все-таки мы не хотели оставить безе слова назидания и вразумления.

Гораздо хуже, но к несчастью чаще, и притом со всеми нами грешными бывает так, что вере нашей не достаёт обыкновенно теплоты и силы, а потому весьма нередко и молитвы наши не доходят к Царице Небесной. И молимся часто без твердого упования на Её помощь, не всем сердцем и душою, а больше языком и холодною мыслию. Или же молимся только по особым вызывающим случаям и самолюбивым надеждам получить от Нее помощь, – между тем как в обыкновенное время об Ней забываем, и машинально только произносим Её имя в обычных молитвах. Судите сами, может ли быть угодна и приятна Царице Небесной такая наша молитва, нисколько не свидетельствующая о нашей внутренней и глубокой с Нею связи, о нашей любви и бескорыстной преданности к Ней. Без покаянной теплоты и без истинного чувства сокрушения не помогут нашей молитве ни многоречивые и красноречивые слова, ни поклоны, ни даже слезы, выжимаемые иногда из глаз наших какой-нибудь бедой, горем и нуждой. Всем этим можно иногда тронуть и обмануть людей, которые не видят души нашей, и не могут знать, что происходит в наших глубинах сердечных; от Царицы же Небесной никогда и никак мы не можем скрыть нашей бедности и худости сердечной и нашего расчетливого самолюбивого ожидания от Нее милости – без любви и преданности Ей.

Но как приобрести и создать эти чувства, если их не имеется в нашем сердце? Да, приобрести их нельзя вдруг, не одному только благочестивому желанию нашему. Пересоздать свое сердце, согреть его религиозным умилением и дать ему общее благочестивое направление – это поистине труднее и мудренее всякого другого дела. Вспыхнет иногда святая искорка благоговейного и молитвенного устремления к Царице Небесной, – но как скоро она и погасает! Иногда простой взгляд на Её благоукрашенную икону, или вот как теперь – множество молящихся перед ней, и вся эта торжественная богослужебная обстановка в день праздника Её может, конечно, на несколько минут, а иных может быть и на несколько часов, вывести из обычного суетливого и холодного настроения, и расположит к молитве; но как всё это непрочно и поверхностно! Праздник

пройдет, молящиеся разойдутся, двери храма затворятся и в сердце нашем опять, пожалуй, настанет пустота, холодность и забвение! Как же тут быть, и какие меры принимать? Да те же самые или подобные, которые помогают сближению одних людей с другими и укрепляют между ними прочные дружеские отношения. В обыкновенном житейском быту нашем ведь как бывает? Частые свидания, живые речи и беседы, в которых происходит обмен мыслей и чувств, взаимное принаровление друг к другу, обоюдное изучение нравов и характеров и усвоение общих взглядов на вещи, общение в занятиях, трудах и удовольствиях, – вот что скрепляет людей тесными узами дружбы и приязни. Напротив, за прекращением этого единения, даже и между хорошо знакомыми настает холодность, равнодушие и забвение; так что люди, прежде, весьма близкие, едва кланяться начинают при встречах и с течением времени и совсем забывают друг друга. Не этим ли объясняется и то отсутствие религиозной теплоты и сердечного умиления в нашем сердце по отношению к святейшей личности Царицы Небесной, и та холодность к Ней, на которую теперь самим же нам приходится большею частию жаловаться? Знакомы ли мы хорошо с Ее жизнью? Часто ли останавливаемся мыслию своею на Ее дивной личности, по руководству Евангельских сказаний? Изучили ли историю Ее праздников, например Рождества, Введения во Храм, Благовещения, Успения и проч...? Знаем ли мы те возвышенные и глубокие прообразы и пророчества о Ней, в которых предуказано было лице Ее еще ветхозаветным людям? Имеем ли мы обычай погружаться смиренным и благоговейным созерцанием в ту бездну величия, которым осиял Ее Господь Бог и в ту бездну любви, которой возлюбил Ее Божественный Сын Ее, и превознес не только над всеми земнородными, но и над всеми Ангельскими чинами? Если всего этого нет в нас вовсе, или есть в малой степени, то надобно это усилить и умножить, если действительно огорчает нас наша удаленность от Матери Божией и внутреннее сознание, что мы недостойные чада Ее мало имеем прав на Ее благодать и милость. В жизнеописаниях святых угодников и подвижников Божиих есть такие примеры, что непрерывным

внутренним созерцанием и сердечным устремлением к Царице Небесной, они успевали поставлять себя в совершенно сыновние и в самые живые и радостные к Ней отношения; так что удостоивались Ее видимого посещения и явления. Это было, например, с преподобным Сергием Радонежским чудотворцем, св. Григорием Неокессарийским и с другими. Из ближайших к нам по времени подвижников невольно вспоминается Киевопечерский старец, подвижник Парфений. Это был чистое и непорочное дитя по сердцу и душе, и преданность его к Царице Небесной так была велика, что молитвенные обращения к Ней почти всегда сопровождались у него сладкими слезами умиления; звал он Ее совершенно по земному – своей Матушкой, и когда бывало наступали Богородичные праздники, в особенности же светносный праздник Благовещения, он ликовал и играл духом как дитя, и приходил в некоторое неопианное, восторженное и сладкое состояние. Ах, братие, не припоминается ли нам нечто подобное и из нашего собственного отдаленного времени детства и невысокомудрствующей младенческой веры, когда святейший лик Богоматери умилял нашу душу, и приближение сей самой иконы Ее к нашим весям и жилищам заставлял трепетать от радости наши сердца и зажигал в них святую искру благоговейной и смиренной любви к Ней?! Куда все это девалось? Кто расхитил и умалил наше внутреннее сокровище нелицемерной веры, горячей любви и простодушного, хотя может быть и нетвердого, еще детского благочестия? Надо все это вернуть, братие, непременно вернуть, – и то, что было несовершенно, слабо и незрело, – сделать разумным, крепким и совершенным. К этому обязывает нас христианский долг наш, и даже простое человеческое достоинство наше, ибо не назад же, в самом деле, должны мы идти, не портиться только и падать все ниже и ниже, а развиваться к лучшему и подвигаться вперед от совершенства к совершенству. Если нельзя нам, по многосложности наших житейских занятий употреблять столько времени на религиозные созерцания и молитву, как это делали святые угодники и подвижники Божии в своих келлиях, и как может быть самым нам хотелось бы иной раз, – то будем делать

это по возможности. Не будем по крайней мере пропускать тех случаев молитвенной беседы с Царицей Небесной, которые уделяются нам из нашего житейского досуга. Если невозможны для нас частые и длинные молитвы, то разумные и внимательные всегда возможны. Кто и что может помешать нам на утренней и вечерней молитве с чувством умиления и с рассуждением прочитывать Архангельское приветствие Пресвятой Деве, или другую какую-нибудь краткую молитву? И неужели все недосуг и недосуг будет удерживать нас дома даже и в праздничные дни, когда все мало-мальски усердные и исправные христиане спешат в храмы Божии помолиться? А дома разве так уж и не можем мы найти свободных минут, чтобы взять в руки святое Евангелие или другую книгу, где повествуется о дивном и светоносном лике Матери Господа нашего? Дело может состоять вовсе не в том, сколь часто и сколь много мы будем совершать подвигов, собственно, для Матери Божией; но важно то, что творится в нашей душе, и что имеется в нашем сердце. Важно то, если не будет нами потеряно памятование и живое сознание, что есть у нас на небе Всесильная наша Покровительница и Ходатаица пред Господом Богом, есть любящая Мать, следящая за судьбой нашей и сорадующаяся нашим радостям, наблюдающая за нашим поведением и огорчающаяся нашими беззакониями, – вот что важно; и поистине хорошо было бы, если бы обрелось все это в нашем сердце. Не этого ли всего более желает от своих детей, и не этим ли всего более утешаются и земные матери? Ибо если сын не позабыл своей матери, если он живо помнит, что ей может быть приятно, и чем она может быть огорчена, – то это несомненный признак его добропорядочности, и это же есть залог того, что он не испорчен и не будет потерян. Не допустит и нас до порчи и гибели, и предохранит душу нашу от конечного растления наша Небесная Покровительница и всеобщая Мать и Ходатаица рода человеческого, если сбережем мы благоговейную память о Ней, а в сердце уцелеет вера и живое устремление к Ней, и если не будет порвана нами всякая молитвенная связь с Нею!

Но хотите ли знать, где скрываются самые сильные и надежные средства к поддержанию и укреплению желаемой нами связи и религиозного единения с Царицей Небесной? Можно сказать, что в той самой суеде житейской, на которую мы обыкновенно ссылаемся в оправдание своей нравственной лености и пустоты душевной, ибо, где течет главным образом наша жизнь, т. е. куда устремлены наши помыслы, желания и чувства, там же складывается и определяется и вся наша деятельность, – а в этой-то деятельности, нисколько не разрывая связей с людьми, – мы и можем собственно показать себя такими или иными людьми, угодными или не угодными Царице Небесной. Представьте, если бы кто из вас, вот теперь же, восчувствовав святое умиление и преданность к Ней, решился усвоить те нравственные качества, которыми сияла жизнь Ее на земле, и вознамерился бы хотя несколько уподобиться Ей и в своей жизни, то конечно, что же лучше и вернее этого могло бы такого человека приблизить к Божией Матери и привлечь к нему Ее милость и благодать? Но для этого и потребовались бы наши самые деятельные отношения с людьми, с их нуждами и потребностями, и даже с их слабостями и недостатками, одним словом – с миром и жизнью. Глубочайшее смирение и кротость духа, чистота и непорочность души и тела, безпредельное терпение и преданность в волю Божию, сострадание к нуждам и скорбям людей огорченных и бедных, трудолюбие и богомыслие, – ведь из чего слагалась земная жизнь Царицы Небесной и чем сияла святейшая душа Ее. Чтобы стяжать и нам по возможности эти качества, – как подобает истинным и любимым чадам Ее, – надо чаще и усерднее упражняться в них; а эти упражнения где как не в жизни и не в сношениях с людьми? Сколько случаев, например, бывает с каждым из нас, когда задевают нашу честь, не хотят признать наших достоинств, говорят нам или про нас обидные слова и устрояют нам неприятности! Уязвленное самолюбие наше увлекает нас к раздражительности и мести, но мы не дадим ему воли, а Пречистую Деву Марию помянувши, ответим на оскорбления добродушием, ласкою и всепрощением, это и будет прекрасный опыт нашего смирения и уподобления

смиреннейшей и кротчайшей Матери нашего Господа. А сколько опять случаев и разнообразнейших опытов, и возможностей для каждого из нас открывает жизнь, чтобы украситься ангельскою добродетелию чистоты и целомудрия, которыми блистала Пренепорочная Дева Мария! Напр., если ты юная дева будешь отвращать свой слух и зрение от соблазнительных речей и лиц, если любимым и преобладающим чтением твоим не будут романы или сладострастного направления повести, если ты шумным и рассевающим сборищам будешь предпочитать храмы Божии и домашнюю скромную и благочестивую деятельность, если в словах и речах твоих будет преобладать целомудренность, а в поступках пристойность и безупречность, – то ты будешь истинною и любимую дщерью Матери Господней. Если ты юноша будешь удаляться от соблазнительных сцен и нечистых удовольствий, если рассеянности и распутству будешь предпочитать полезную деятельность и благороднейший труд самообразования и учения, если в помыслах и речах твоих будут видны благородство и стыдливость, то и тебя Мать Божия наречет Своим сыном, и осенит Своею благодатною помощью. Если вы супруги, благоговей пред святынею брака, будете верны друг другу, и с неослабной энергией будете совершать разумно дело образования своих детей и воспитывать их в страхе Божиим, то и вас Царица Небесная не откажется принять в число угодных Ей и утешающих Ее детей. Если и вы люди безбрачные, но может быть осрамившие себя разными нечистыми и противуевангельскими сожителствами, разорвете эти унижительные и богопротивные узы, и постараетесь устроить свою жизнь по закону Божию; то и вам Царица Небесная возвратит Свою милость в благоволение. Так и во всякой другой добродетели будемте братие подражать по возможности святейшей Матери Божией, не удаляясь из назначенной каждому из нас житейской среды и не убегая в пустыню, – и мы будем все более и более уподобляться Ей и в душе нашей будет все более и более воспламеняться святой огонь умиления и преданности Ей, которого может быть теперь мы не ощущаем в себе. Напр., увидим мы бедность, нужду и горе

наших ближних, – пособим им нашими средствами и облегчим их горе своим теплым сочувствием, вспомнивши как сердобольна и милостива была Пресвятая Богородица. Самим ли нам жизнь будет давать чувствовать свою тяжесть, и вызывать на нелегкие и многосложные труды, – вспомняем, как трудолюбива и преданна была в волю Божию Пресвятая Пренепорочная Дева Мария, и с молитвою к Ней примемся без ропота за свои дела и неослабно будем пребывать в своих трудах. Так во всем будем сообразовать по возможности жизнь свою с жизнью Царицы Небесной и всегда руководствоваться Ее примером.

Всеблагая Мати Божия! Сама научи нас, как нам устроить свою жизнь, и помоги нам во всем Тебе уподобиться! Призри на смирение рабов и рабынь Твоих, и возьми нас всех под Твое всеильное покровительство. Аминь.

Поучение воспитанникам владимирской семинарии пред началом 1878–79 учебного года

Как новорожденные младенцы, возлюбите чистое, словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение; ибо вы вкусили, что благ Господь. Приступая к Нему, камню живому,... и сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятныя Богу Иисусом Христом (1Пет. 2:2–5)

Примите юноши слова сии как бы из уст самого изрекшего их Апостола Христова Петра, и донесите их до своего сердца! Лучше этих слов Апостольских я не нашел для настоящего случая, чтобы приветствовать вас с началом вашего нового удобного года, и чтобы открыть с вами мою первую беседу, в качестве нового наставника и начальника вашего. В учебной жизни я знаю, есть некоторые моменты, наиболее волнующие и интересующие заботливых и усердных воспитанников, и увлекающие вперед их ученические надежды и мечты. Таково начало учебного года. Педстоять новые классы, новые науки, новые учителя. Прерванная, довольно продолжительным отдыхом, умственная деятельность начинает в лучших молодых людях производить некоторого рода скуку и неудовлетворенность, после двух-месячной беспечной жизни в деревенском уединении и среди простых сельских людей начинает чувствоваться потребность сродного и привычного умственного труда в городе и в школе. Но, что Бог пошлет в новом классе и с новыми учителями? Вот обычная дума и общая забота ученическая, при начале учебного года. Может быть, не малую долю интереса прибавлю для вас и я, как человек новый, своим вступлением в должность нашего ректора. С своей стороны признаюсь вам, что в высшей степени заинтересован вами и я. Конечно, не совсем новая для меня среда, в которую призван я отныне промыслом Божиим. И я был воспитанником здешней семинарии, и почти десятилетие был ее преподавателем; застал даже и начало семинарского

преобразования по новому уставу, и всего лет восемь имел учительское дело с юношами иного ведомства. Но и в эти восемь лет много и много, как говорится, воды утекло; много нового и важного произойти должно было в учебной семинарской среде. Возвращаясь своими воспоминаниями в доброе прошлое время, я желал бы верить, что и ныне живы в духовно-учебной среде та скромность, добронравие и религиозность, та верность и любовь к своему званию, та терпеливая выносливость и способность ко всякому учебному труду, даже при самых неблагоприятных для него условиях, которыми отличались издревле духовные воспитанники, и наживали себе добрую славу у людей беспристрастных даже и в иных сословиях. Нельзя мне забыть конечно и многого несостоятельного, некрасивого и нехорошего в прежнем семинарском быте; но тем желательнее узнать и посмотреть поближе, на сколько все это несостоятельное и нехорошее ослаблено новым временем, новою постановкою учебного и воспитательного дела, и трудами и заботами моих достойнейших предшественников. Но пока, что там еще будет, желательно мне в настоящие минуты поговорить с вами о том наиважнейшем предмете, который составляет главную цель всех ваших научных трудов, всего пребывания вашего в здешней школе и всех правительственных попечений о вашей судьбе. Этот предмет и эта цель, ваше нравственное воспитание. Наука ваша, Бог даст, пойдет своим чередом в классах, по учебным книгам и под руководством ваших учителей. Станете неопустительно ходить в класс, не леностно учить уроки, – и непременно научитесь многому полезному и дельному. Но как то пойдет у вас наиважнейшая и, надо правду сказать, наитруднейшая наука самовоспитания и нравственного самоусовершенствования? Дастся ли она вам, и всем ли одинаково хорошо дастся, – как бы желалось этого нам, и как это совершенно возможно для всех вас? Этим вопросом в настоящие минуты я всего более озабочен, и с этою целию прошу вас вникнуть в вышеприведенные Апостольские слова.

И сами вы, внушает Апостол, как живые камни, устройте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить

духовные жертвы, благоприятныя Богу... Вы уже вкусили, сколько благ Господь, и потому, как ново рожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение. По Апостольскому слову и я прошу вас: постарайтесь укрепить в себе здесь, во время вашего школьного обучения, и упрочить за собою на всю свою будущую жизнь те детские свойства чистоты и невинности, мягкосердечия, незлобия и искренности, которые так свойственны неиспорченной юношеской душе, и так приличны в частности духовному юношеству. Но старайтесь, как новорожденные младенцы, по выражению Апостола, возлюбите чистое и словесное млеко глаголов Божиих, вместо всякой научной и ненаучной лжи и легкомыслия. Займитесь своим внутренним благоустройством; так, чтобы из ваших сердец создавался храм Божий, – достойное обиталище Духа Божия. Вот, если бы это случилось, мы бы совершенно бестрепетно и светло стали смотреть на ваше будущее. С своей стороны скажу вам, по крайней мере в общих чертах, как вам надобно трудиться над этим великим делом, и для сего воспользуюсь тем образом и подобием, на который указывает Апостол.

Без всякого сомнения вы видали и знаете, как строятся здания. Знаете, что первоначально заготавливаются разные материалы для постройки; материалы эти не целиком и не прямо идут в дело, а разнообразными способами приготавливаются для здания, соединяясь между собою посредством разных вспомогательных веществ, и изменяясь в своем виде. Камни, например, обтесываются, обсекаются и принимают такую именно форму, какая нужна по задуманному плану здания и прилаживаются туда именно, где им назначено быть. И вот таким-то образом уже является стройное и величественное здание. И вы, отроки и юноши, – живые камни, по выражению св. Апостола; души ваши с их различными наклонностями и своеобразными оттенками характеров можно уподобить тем различным материалам, из которых может быть создан духовный храм Господу Богу. В самом деле, присмотритесь внимательно к себе, своему маленькому обществу, – и вы сами там усмотрите необыкновенное

разнообразие душевных качеств, сил и способностей. Не много вы еще живете на свете, уж как заметно успели сложиться эти ваши особенности! Не широка и не богата содержанием ваша жизнь в школе, а между тем, сколько неуловимых оттенков каждый из вас вносит в эту тихую и ровную жизнь своими личными особенностями. Один отличается, напр., особенною некоторою мягкостью и спокойствием духа; в другом напротив заметны задатки сильного характера; в ином заметна некоторая сосредоточенность и любовь к уединению; иной напротив не может жить без товарищества, без веселых дружеских бесед, и вообще без чужого содействия и участия, и т. д. И в каждом из вас есть непременно какая-нибудь своя Богом дарованная особенность, которая, при надлежащем и правильном развитии вашем, может прекрасно отличать вас одного от другого. Но, к сожалению, в каждом из вас есть и своя дурная особенность, есть некоторые свойства, которые с течением времени, и при вашей беспечности, растут все больше и больше, и могут совсем испортить то, что вам природа дала хорошего. Даже можно сказать так, что все людские недостатки, слабости и пороки, суть испорченные и искаженные проявления добрых природных качеств. Так, например, твердость характера и сила воли чрезвычайно легко переходят в гордость, упрямство и дерзость; напротив мягкость ровность душевная – в беспечность, распушенность и лень, сосредоточенность душевная, глубокость чувств и дум – в подозрительность, зависть, не доброжелательную злость и крайне мнительную опасливость; живость сердечная, игривость и веселость ума всего чаще переходят в легкомыслие, мелочность увлекающую человека ко всякого рода крайностям и проступкам. То, что бывает с взрослыми и большими людьми, то в некоторой степени непременно бывает и с вами. Только понаблюдайте за собой, – и вы увидите, что это правда. Таким образом вся задача вашего здесь воспитания в том именно и состоит, чтобы очистить, и развить и дать простор вашим природным хорошим качествам, и отсесть, истребить и с корнем вырвать то, что мешает развиваться этим качествам, что их портит, и искажает. Т. е. мы стараемся в продолжении вашего воспитания

обработать и упорядочить тот строительный материал для мысленного храма Божия, который складывается из ваших умственных и сердечных качеств. Помогите же нам своим содействием выполнить великую задачу вашего воспитания; так чтобы устроился из вас духовный и возлюбленный Господу Богу храм. Вы, конечно, понимаете уже, в чем должно состоять ваше содействие и что именно от вас требуется.

Первым делом, постарайтесь покороче узнать самих себя и изучить, что в вас хорошего и что есть дурного, особенно что дурного, – ибо это скорее имеет скорее возобладать над хорошим; и притом вырвавши это дурное, вы больше разовьете в себе все хорошее. Сами себе вы виднее, и никто не может так хорошо вас понимать как вы же сами. При всех, самых усердных с нашей стороны наблюдениях за вами, нам все-таки приходится действовать, так сказать, со стороны и наугад; ибо чужая душа, как бы она ни была молода, даже детская душа, а все-таки потемки. От того-то всегда возможны и почти неизбежны в воспитательной деятельности разные недоразумения и даже прямые ошибки. Лицемеры и хитрецы могут, например, вызвать у нас снисходительность, и затем употребить ее во зло. Наоборот, нашей законной строгости не поймут баловники, и никогда не примирятся с ней, а все будут называть ее суровостью и несправедливостью. Наша точность в соблюдении уставных семинарских правил будет казаться формализмом для шалунов и неглижеров, и т. д. А всего этого не было бы, если бы помнилось Апостольское слово: *и сами вы, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный*. Это значит до тех пор, пока вы сами не приметесь за внутреннюю работу над собой, и научив свои склонности не будете останавливать дурных проявлений своего характера, и в тоже время практиковаться во всем добром, – в послушании, напр., в кротости, в трудолюбии, в страхе Божиим, в молитве, в братолюбии, в незлопамятности, в чистоте, прямодушии, и вообще в христианском благочестии, – до тех пор все наши труды и заботы об вас не будут прочны и надежны, и жизнь, в которую, Бог даст, вы вступите со временем уже не в качестве воспитанников, а в качестве членов общества, может застать

вас неприготовленными, слабыми и неспособными на труды и подвиги добродетели, и – чего Боже сохрани! может увлечь вас своим грязным и мутным потоком далеко, далеко от тех святых целей, для которых мы вас готовим.

Об этих целях я имею повод сказать несколько особых слов. Высокое пастырское служение Церкви, – вот главная цель семинарского обучения, и вы это знаете. Быть на страже святой религии Христовой, держать крепко и высоко Евангельское знамя веры среди мирского растления и тьмы, быть просветителями народа и представителями самых жизненных и здравых начал в обществе, – вот к чему вы готовитесь всем строем вашей теперешней учебной жизни. И мне кажется, если бы вы чаще приводили себе на мысль эту поистине высокую и достопочтенную цель своего воспитания в семинарии и погорячее прилагали бы к сердцу ваше будущее назначение и положение в обществе и Церкви Христовой; то сама собою явилась бы у вас и ревность о своем нравственном совершенствовании. А между тем, происходит что-то совершенно обратное в нынешней семинарской среде. Видится усиленное, и можно сказать повальное уклонение духовных воспитанников от духовного звания и от церковно-религиозной службы. Первое что я встретил в своей новой службе, – это кипу прошений от четвертокласников, удаляющихся в сторону от своего родного заведения, и прочь от своей прямой духовной дороги. Подобное нежеланное, и во всяком случае прискорбное и ненатуральное дело творится дескать и не у нас только, а и в других семинариях. Обойти молчанием это крупное явление в вашей ученической среде или покрывать его притворным нежеланием вовсе знать его, я не считаю натуральным в настоящие вступительные минуты вашего нового учебного года; напротив я нарочито и прямо хочу поговорить об этом с вами. Хотя я и с прискорбием указал на развивающуюся ныне у духовных воспитанников склонность удаляться от духовной школы и духовного образования, но я не спешу называть это прямой изменой вере и Церкви; ибо известно, что здесь имеются прежде всего самые обыкновенные и простые расчеты добиться лучшей судьбы, и повыгоднее устроиться в

материальном отношении, чем как это представляется в нашем действительно небогатом быту. Порицать же вас за такое или иное пользование предоставленными вам от правительства правами – не приходится, да мы отнюдь и не имели этого в виду. Равным образом переделывать строй семинарской жизни по каким-нибудь своим уставам, и создавать в ней события по нашему личному вкусу – мы не можем, и не имеем на то власти. Всю эту речь я к тому наклоняю, чтобы высказать вам следующее мое первое, искреннее и задушевное слово: Господь с вами, – идите от нас куда хотите, только будьте и уходите от нас хорошими, а не дурными людьми! И государству, и Церкви одинаково нужны хорошие и нравственные люди. Служа верой и правдой государству, и принося пользу обществу, – вы будете в тоже время приносить существенную пользу и Церкви, благоустрояющей людские общества, хоть и не будете может быть состоять на официальной службе Церковной. Значит, если бы из наших духовных заведений, хоть и не окончивши полного семинарского курса, выходили бы прекрасные, благовоспитанные и нравственно здоровые члены общества, – то мы поистине имели бы в этом самом обстоятельстве величайшее утешение. Но иной раз и нашим людям кажется, что нам-де крайне досадно, что от нас уходят лучшие силы, а остаются будто бы худшие и слабейшие. В особенности люди не расположенные к самому духовному званию, и желанно протестующие против некоторых еще не исправленных неурядиц в духовном быту, находить какое-то жалкое удовольствие с торжеством указывать на множество способных и дельных лиц духовного происхождения, оставляющих свою природную среду. Что говорить, кому не прискорбно терять лучшие силы, и кому не хотелось бы удержать их при себе? Но, во-первых, никто не в праве нарочито усиливать и преувеличивать горечь неприятного для вас факта единственно из мелкого желания нас огорчать; т. е. кто сказал бы, что у нас остаются худшие только и слабейшие силы, тот сказал бы напраслину. Опыт показывает, что запас дельных, серьезных и способных людей у нас до сих пор не истощался, и Бог даст, – никогда не истощится. Верно и то, что

со многими людьми, которых действительно приятнее было бы удержать при себе, оставляют наши школы многое множество и таких личностей из нашей среды, потеря которых, по правде сказать, едва ли может быть для кого-нибудь особенно чувствительна. Так что у нас есть прямой и резонный повод думать, что не для того ли собственно и поставлены провидением Божиим наши духовные школы в теперешнее положение, чтобы открылась естественная возможность отделения, так сказать, пшеницы от плевел, т. е. людей в сущности мало пригодных для служения Церкви от людей прямо для нее полезных и дорогих. Кто, в самом деле, с обязательною наглядностью может указать, и с математическою точностью определить, каких именно людей должно считать лучшими силами и несомненно пригодными на служение Церкви? Кому неизвестно, что люди с бойкими сравнительно способностями, и так называемые умники, зачастую оказываются весьма и весьма малоценными на пастырской и вообще на духовной службе; и что, наоборот, *буге Божие* всегда мудрее самой прославленной мудрости человеческой, *и немощное Божие* (1Кор.1:25) сильнее всякого могущества человеческого? Полагаю, что вам, как духовным воспитанникам, – это хорошо известно, и убеждать в этом вас нет надобности. Вообще же думается, – повторю опять, что истинно прекрасное и счастливое сочетание умственных дарований с нравственными качествами никогда не оскудеет в Церкви Божией, чтобы там ни было. Господь не допустит ее до такого обеднения. Одни хорошие люди уйдут от нас; но за то другие останутся, или же придут отъинуда. Да и ушедшие от нас, если бы они действительно оказались нужными и истинно пригодными для веры и Церкви деятелями, – то думается, что и они так или иначе, рано или поздно, а непременно таки будут возвращены Господом к их прежней среде, и приведутся в родной двор овчий. Вообще говоря, свято место не останется пусто.

Но выслушайте теперь и другое мое искреннее и правдивое слово. Предоставляя вам право свободного выхода из семинарии и ранее богословских классов, и требуя лишь одного

от вас, чтобы выходили вы от нас хорошими и нравственными людьми, – я все-таки сильно сомневаюсь, чтобы все вообще духовные воспитанники, меняющие свою родную школу на чужие, а науки богословские на светские, поступали именно так, как следует им поступать; ибо поступать по нраву не всегда еще значит поступать по чистой справедливости и безошибочно.

Над формальными и юридическими правами, исходящими от разных уставов и законоположений, должно господствовать высшее нравственное право совести и разума, руководствуемых законам Божиим. Как личности свободные, мало ли на что мы имеем права, и мало ли как можем распоряжаться своею собственною судьбою и своим поведением! Но известно, что каждый поступок наш, и каждый жизненный шаг, особенно такой важный, как перемена своего звания и выбор нового рода деятельности, долженствующей определить всю нашу будущую судьбу, – такой, говорю, важный шаг должен быть результатом строгой обдуманности, зрелого изучения своей натуры и не поверхностного понимания своих личных особенностей – нравственных. Сколько людей, даже необычайно даровитых, попадали на ложную дорогу, сбивались с пути и потом вовсе погибали единственно от того, что слишком рано и слишком незрело решали свой жизненный ход. Здесь, как видите, идет дело о великой ответственности перед Богом и совестью. Так и в нашем вопросе осторожность и обдуманность требуется величайшая. Не даром и Апостол Павел, оставляя для некоторых избранных и отдельных лиц полную свободу в выборе образа жизни, и говоря, что *каждый поступай так, как Бог ему определил (1Кор. 7:17)*, общим и наиболее безопасным правилом для большинства полагает: *каждый оставайся в том звании, в котором призван (1Кор. 7:20)*. Это значит, что большинству людей указывает Господь естественный путь для их жизни и развития в том самом состоянии и звании, в котором они рождаются и возрастают. Таким образом, весьма легко случиться может, что оставляя духовную школу и бросая духовную науку, многие из вас именно уклоняются с своего естественного и правого пути на распутье, – а это будет уже измена и преступление перед долгом и

совестию и пред очами Всевидящего, которые не должны разумеется пройти безнаказанно, и непременно понесут заслуженную кару в последующей жизни вашей.

Ели даже и проще посмотреть на все это дело, т. е. с обыкновенной точки житейского благоразумия, которым большею частию воспитанники и руководствуются при выходе из семинарии; то куда какое множество бывает ошибок и в этом отношении! Посмотришь иной раз, люди от своих отстают, а к чужим тоже не сумеют пристать. Не обладая особенными дарованиями, или решительными какими-нибудь способностями, которые дают человеку недюжинному возможность преодолеть многоразличные трудности на славном, по поистине болезненном пути научном, и выбраться на видную общественную дорогу, великое множество недозрелой и недоученной школьной братии смешиваются с общей массой полуобразованной толпы, набираются подчас в высших школах разных отрывочных и поверхностных знаний, и от того теряют всякую определенную нравственную физиономию и обращаются в решительную мелкоту, мало на что серьезное способную, и которая – к вашему и нашему горю – то и дело бывает жертвой самых зловредных и противообщественных учений, и в конце концов гибнет безвозвратно и для общества и для Церкви Божией. Незавидный путь! Я не хочу, да и права не имею сказать, чтобы такой путь угрожал непременно всякому не прошедшему богословского курса воспитаннику семинарии; кто не знает, сколько дельных и полезных деятелей общественных выходит вообще из семинарской среды, – и дай Бог, чтобы их выходило еще и еще больше! Но я хочу сказать, что не мало и рискуют выходящие, не доучась, из своей школы духовные воспитанники, и что перейти с одной учебной дороги на другую, и одну науку променять на другую, – далеко еще не значит упрочить за собою хорошую будущность и сделаться человеком дельным. Многочисленные печальные примеры в этом отношении тоже не должно выпускать из виду. Еще кому как задастся, и что Господь кому пошлет! В особенности в нынешнее, смутное какое-то, опасное и бурное время, когда

само правительство предупреждает учащуюся молодежь о висящих над ней опасностях, можно бы рекомендовать вам подольше оставаться в родной духовной школе – именно затем, чтобы подольше подышать здесь духовными и богословско-религиозными элементами, дабы успели сложиться в вас более или менее прочные и здравые убеждения нравственные, при которых уже менее становятся страшны и опасны различные приращения злых и развращающих элементов.

Какой же окончательный вывод из всей моей нынешней речи к вам? Я бы вам вот, что посоветовал, друзья мои. Не забегая слишком горячо своими мыслями вперед, и не торопясь предрешать свою будущую судьбу и учебную карьеру, возьмитесь-ка вы как можно посерьезнее за предстоящее вам учебное дело, и как подобает истинным, бескорыстным и благонравными тружениками науки, – отдайтесь без всяких задних мыслей изучению тех предметов, которые предстоят вам по вашему учебному семинарскому курсу. Это будет поистине на все полезное для вас учение, и уберет вас от всяческих промахов и ошибок, обыкновенно с великим трудом поправляемых впоследствии, а пожалуй и вовсе непоправимых. Паче же всего берегите в себе те драгоценные детские и юношеские качества, которые теперь все же суть неотъемлемая принадлежность вашего возраста, и за которые так любил детей и юношей Иисус Христос. О, если бы вы, развиваясь умственно и укрепляясь духом, навсегда остались как желает Апостол, новорожденными младенцами по сердцу и по характеру, т. е. чистыми, непорочными, незлобивыми и святыми! *Вы уже вкусили, сколько благ Господь*, т. е. вы уже понимаете те преимущества доброго воспитания, которыми Господь привел вам воспользоваться, хотя в некоторой степени, в здешнем учебном заведении; значит, тем горячее у вас должно быть желание принадлежать к благодатному обществу чад Божиих. *Бог же всякой благодати, призвавший нас в вечную славу Свою во Христе Иисусе, Сам... да совершит вас, да утвердит, да укрепит, да сделает непоколебимыми (1Петр. 5:10)!* Аминь.

Слово к духовным воспитанникам – против табакокурения (19 ноября 1878 г.)

Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но не все назидает... И потому, если самая пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего (1Кор. 10:23, 8:13)

Какая удивительная независимость, какая свобода от земных привычек, какое равноангельское господство над телесными потребностями выражается в этих словах Апостола! Потребность пищи есть наизаконнейшая потребность нашего тела, а мясо, как известно, есть одно из самых питательных, здоровых и приятнейших яств; однако же Апостол готов отказаться от него на всю жизнь, и притом не ради каких-нибудь высших и аскетических своих соображений, а просто – на всякий могущий встретиться случай, когда воздержание от мяса так или иначе может благоприятствовать нравственной пользе ближнего. Ради чужой пользы и удобства он в состоянии решиться на самое чувствительное для себя, неудобство, и на самое болезненное ограничение своих законнейших потребностей и приятностей. Вот это так. Вот с этакой могучей волей и с таким самозабвенным погружением в закон Христов – можно на какую угодно нравственную высоту подняться! А мы что с вами? А нам как быть, любезные юноши? А нам хоть бы не наживать уж совершенно излишних-то привычек, и не опутывать себя разными новоизобретенными потребностями, для которых и основания-то нет никакого в здоровом человеческом организме. Много таких потребностей выдумал, и до сих пор выдумывает человек, неустанно роясь и копаясь не только во внешнем мире, но и в собственной физической природе. Как будто из каждой жилки своей и из каждого нерва ему хочется извлечь какой-нибудь новый и неожиданный источник наслаждения. Не только закон Христов, но и совесть и даже простой здравый смысл твердит всем и каждому, что надо учиться ограничивать свои потребности и жить по возможности и согласно и близко с природой, чтобы тем более вероятным и

прочным сделать даже земное свое счастье; а прихотники и баловники из рода людского, у которых и на уме-то, кажется, нет ничего кроме наслаждения, то и дело подслуживаются и без того страстной и прихотливой природе нашей изобретением все новых и новых удовольствий и прихотей, которые новым ярмом новою тяжестью ложатся на шею тому же бедному, и все более нищающему – не только в нравственном, но и в материальном даже отношении, роду людскому. Бог им судья, этим изобретателям – за такие горькие услуги человечеству! А что все-таки не нужно поддаваться их непрошенным услугам и не идти им на встречу, – это тоже верно. Не так ли? Всю эту речь к тому я наклоняю, что вот, например табакокурение. Эта прихоть до какой степени стала господствовать в нашем обществе, что ею заражаются без зазрения совести не только не созревшие и еще не сложившиеся юноши и девицы (что особенно неприятно и некрасиво), но даже и едва оперившиеся, так сказать, и едва вышедшие из детского возраста мальчики. В домах и на улицах то и дело попадаются эти чуждые вам, жалкие и неблаговоспитанные экземпляры. Оказывается, что в некоторой мере не чужды табачной заразы, к нашему наибольшему огорчению, и вы, духовные воспитанники. И нам, разумеется, всего больше есть дело именно до вас духовных, и притом наших духовных воспитанников; потому что за весь период вашего обучения и воспитания на наших глазах придется, но Апостолу, *слово* т. е. ответ *воздать* нам и перед Богом, и перед обществом. Как же бы это устроить так, чтобы совсем исчезло у вас табакокурение? Все равно, многие ли или не многие из вас курят, – для нас все-таки прискорбно, что есть у нас курящие воспитанники, и что надо значит борьбу затевать и меры принимать для изгнания зловонной, нездоровой и неприличной привычки оттуда, где бы ей вовсе и быть-то и не следовало. Давайте же потолкуем теперь об этом деле. Признаться, я колебался несколько говорить о табаке в храме Божиим; дико здесь звучит как-то самое это слово... Но потом я разсудил, что если святыня наших храмов не унижается пастырским словом о воровстве, о лжи, о любодееании и прочих неблаговидных сторонах человеческой природы; то и от чего же не говорить

здесь и мне о предмете, говорить о котором настоит некоторая надобность? Храм Божий есть, между прочим, целебница духовная, в которой не большие только и опасные, но и всякие недуги лечатся; а уж где лечатся, там не церемонятся. Даже так бывает, что весь успех врачевания зависит иной раз просто от одной откровенности врачуемого и хладнокровного докторского прикосновения к болящим язвам. Подумал я и то, что если мы учим вас говорить с церковной кафедры о самых простых и обыденных сторонах человеческой жизни, когда здесь именно кроется какое-нибудь зло, с которым приходится бороться; если мы внушаем вам, как будущим церковным ораторам, не укрываться за общими и никого в отдельности не касающимися фразами, но предлагать жизненное и полезное слово; то от чего же мне не показать вам примера в этом? Что же касается преувеличенных предположений о вашей привычке к табакокурению, к которым я мог бы подать повод теперешним своим словом; то уж так и быть, я беру это обстоятельство на свою ответственность, лишь бы стены и обстановка храма Божия сделали несколько более авторитетным и внушительным мое слово о табачной привычке, и принесли существенную пользу тем из вас, к которым мое слово собственно и будет относиться. Что мне до того, что станут думать о вас и обо мне, когда дело идет о моем долге учить и вразумлять вас – *благовременно и безвременно*, по выражению Апостола? (2Тим. 4:2). Даже и от того не след мне приходить в смущение, если бы слово мое не принесло всех ожидаемых мною плодов. Что бы там ни было, – а долг свой я должен все-таки исполнить. Не мне, а вам будет и да будет стыдно, если вы не постыдитесь самого храма Божия, к авторитету которого я решился прибегнуть в настоящем случае. Итак послушайте!...

Если бы я был доктором, то конечно я прежде всего повел бы речь свою о вреде табакокурения *с медицинской точки зрения*. Наука о человеческом здоровьи самым авторитетным образом раскрыла бы вам весь вред и всю ненатуральность привычки глотать дым, растворенный злым и ядовитым началом, которое зовется в науке никотином. Но мне кажется и не нужно быть патентованным доктором, чтобы выявить и без

того понятное и наглядное дело. Когда мальчик, легкомысленно желая уподобиться взрослым, делает первый опыт табакокурения, то, что с ним происходит? Тошнота, головокружение, потемнение взгляда, бледность, дрожание рук и т. п. Все это такие признаки, которые свидетельствуют о явном вреде и разрушительном действии табака на организм человеческий; и нужна своего рода храбрость и продолжительная настойчивость, чтобы преодолеть природное отвращение к зловредному и дурманящему веществу. Что привычные и опытные табачники не растрачивают видимым образом своего здоровья и не отравляют себя до смерти, то это доказывает только гибкость и выносливость нашего организма, который можно приучить, как известно, и к более сильным ядам. Но кто может измерить тот внутренний и потаенный вред, который неизбежно оставлять должны все ядовитые и туманящий голову вещества? Ведь и пьяницы, даже горькие и уличные пьяницы, умирают не всегда в молодости, а живут иногда по долгу, – но значит ли это, что пьянство безвредно? Кто знает, может быть этот несчастный потребитель водки, проживший лет сорок – пятьдесят, не преполовил все-таки дней своих, т. е. и половины не прожил того, что мог бы прожить, если бы трезв был и воздержен? Так и табачники. Может быть и вкус был у них был чувствительнее и зрение острее и голова свежее, если бы они не приучили свое горло и полости рта к искусственному раздражению, и не обратили для себя в необходимость периодическое табачное опьянение. А что рот у них был бы чище, и не носили бы они с собою тяжелого табачного зловония, – так это, разумеется, не надлежит сомнению. Ну, на что же насиловать свою бедную природу, – рассудите вы сами! Какой в этом прок и какой смысл? Есть, конечно, своего рода удовольствие и в табакокурении; не будь его, этого удовольствия, – и никто бы не стал заниматься этим делом. Говорят даже, что бывает будто бы некоторая польза от табака, на которую чрезвычайно любят, разумеется, указывать страстные табачники, подобно всем виноватым, желающим хоть чем-нибудь оправдать себя, или ослабить несколько свою вину. Но, если и бывает польза, то именно бывает, а не есть, – т. е.

бывает изредка, в некоторых случаях и для некоторых людей, именно в разных случаях болезненностей и ненормальностей человеческих. Но трудно доказать какую-нибудь существенную и постоянную пользу табака, и притом для всех без исключения людей. От того-то большинство курящих, вместо того, чтобы отстаивать пользу табакокурения, сознаться откровенно в бесполезности и пустяшности этого занятия, и желали бы бросить курение табака, если бы это зависело от одного легкого их желания, и не требовало бы уже борьбы и самоотвержения. Это по крайней мере честно с их стороны. Полноте пожалуйста, какая тут польза от табака, – и не верьте этой пользе! И ни один здоровый и свободный от современных предрассудков доктор не станет настаивать на какой-то мифической и неуловимой пользе от табака. А дело все объясняется именно некоторым искусственным удовольствием от табаку, состоящим в раздражении и щекотании полостей рта и горла и некоторым опьянением головы. Удовольствие поистине жалкое и несообразное с человеческим достоинством, и если хотите особенно несообразное с юношеским цветущим возрастом, с которым как-то естественно связывается представление о свежести лица, о румянце на щеках и губах, об общем здоровьи целости организма, а не о бледности кожи, не о мутном взгляде, не о желтых зубах и пахучем рте, и тому подобных неприглядностях.

Затем мне следует сказать о табачной привычке с *практической или экономической* точки зрения. Здесь дело будет уже более касаться вас, именно как семинаристов. Табак, как известно, стоит денег, и чем сорт его выше, тем он дороже. Здесь открывается обоюдное неудобство и затруднение для вас. Если вообще не хорошо и вредно табак курить, то курить дурной и дешевый – просто неприлично и гадко. Посягать же на дорогой табак вы не имеете ни малейшего права, – и это было бы положительно недобросовестно с вашей стороны. Известно, что люди вы все несостоятельные и небогатые, а многие – положительные бедняки и неимущие. Из пятисотенной семьи вашей – двести содержатся на счет казны; затем на воспособление беднякам из вас предназначено далеко –

больше тысячи рублей епархиального вспоможения, и затем многим и многим из вас, просившим вспоможения, отказано – потому, что исчерпаны уже и истощены всякие источники для таких вспоможений. Значит все вы, собственно говоря, оказываетесь народом несостоятельным и нуждающимся. Какое же, позвольте спросить вас имеете вы право навязывать и наживать себе разные совершенно излишние и противоестественные привычки, стоящие денег, и даже не малых в общей сложности денег? И без того и нынче тяжело делается жить на свете по возрастающей дороговизне на все, даже существенные предметы житейского продовольствия – а тут еще табак! Какое в этом благоразумие, и какая с вашей стороны честность по отношению к родителям, бьющимся о вашем и без того дорогом воспитании и содержании в семинарии? Зная, что такое ученик семинарии по своим денежным средствам, встречать его с папиросой во рту не только досадно, но – извините за выражение, просто противно. И потому для искоренения табачного зла из нищенской, можно сказать, семинарской среды – не должны казаться суровыми никакие с нашей стороны меры: ни изгнание из казенного корпуса, ни лишение пособия, ни другое тому подобное. Пусть виновные сами на себя пеняют, и на самих себе испытают недешевые и горькие последствия преждевременной замашки опутывать себя ненужными привычками и напускными потребностями. Потянулся за лишним и ненужным, – лишаешься необходимого! Это совершенно будет справедливо и в порядке вещей.

Еще более неудобным и рискованным делом оказывается табакокурение для воспитанников духовно-учебных заведений *в дисциплинарном отношении*. Что бы там ни было, а табак есть вещь воспрещенная в наших, да и не в наших только духовных, но и во всех учебных заведениях. А каждая школа обязана строго хранить свои правила и уставы, – в этом ее сила, и этим обуславливается весь строй и всякая правильность и порядок ее жизни. Воспитанники же обязаны всецело и искренно подчиняться всем правилам и инструкциям той школы, где идет их воспитание и обучение; потому что этими правилами в свою

очередь обуславливается весь успех их учебного дела, регулируется их воля, направляется к добру вся их жизнь душевная и закаляется характер ежедневными и ежечасными опытами послушания и подчинения долгу и совне налагаемым обязанностям. Неослабное и строгое хранение уставных школьных правил со стороны начальства и благодушное и нелицемерное подчинение этим правилам со стороны учеников, – вот два главные рычага, от которых зависит успешное и целесообразное движение всей жизни какой угодно школы. Таким образом всякий ученический проступок и вина имеют двойную, так сказать, виновность для ученика, пока он находится в школе: во-первых – как дурное и неправильное проявление его личной воли, и во-вторых, как нарушение общего школьного строя, или, так называемой, учебной дисциплины. И если в первом отношении ученические проступки и промахи могут заслуживать еще снисхождения, как колебания еще неокрепшей и неустановившейся воли, – да и по пословице – кто Богу не грешен и царю не виноват? то во втором, т. е. в учебном и школьном отношении, эти проступки, особенно, если будут повторяться часто и упорно, никоим образом терпимы быть не могут. Школа не семья. В семье, как известно, есть тысяча средств и педагогических приемов к исправлению и искоренению дурных навыков в возрастающих и отдельных субъектах; там они, – эти возрастающие питомцы, – живут уединенно и отдельно от толпы себе подобных, и находятся под непосредственным и постоянным надзором родителей и воспитателей. В школе же, особенно такой огромной и многолюдной, как наша, например, при всем нашем горячем стремлении приблизиться к идеалу семьи, не только не удобно, но и положительно нет возможности нянчиться, так сказать, с каждым в отдельности воспитанником. От того предупредительные и исправительные меры в школе по необходимости оказываются более формальными и строгими. За неоднократное и упорное сопротивление своим правилам и уставам школа, что же лучшего и более естественного может выдумать, как не увольнение совсем на свободу непослушных и упрямых учеников? И ученики, можно сказать, инстинктивно это

чувствуют; они соображают и догадываются, что начальство, преследуя проступки и всякого рода уклонения от принятых в школе правил, оберегает в тоже время, да и должно по совести оберегать – честь своего заведения, и следовательно повторять и умножать случаи нарушения школьных правил – значит затрагивать самое чувствительное и больное место лиц, которым вверено благоустройство школы. Вследствие всего этого ученики, отличающиеся неисправностию и распушенностию, ученики упрямые, ленивые и вообще недобропорядочные затевают самое тонкое лицемерие и ухищренное фарисейство, чтобы укрыться от начальства с своими грехами; а это лишь усиливает гоньбу за лицемерами и фарисеями, и отягчает для них кару в случае их открытия или накрытия. Вот какими тесными и рискованными обстоятельствами окружено баловство табакокурения для воспитанников учебных заведений. Ну, посудите сами, расчетливо ли такое баловство, и жалким удовольствием от этого баловства выкупаются ли те неприятности, которые могут за ним последовать? Не безызвестно нам, что самая запретность этого удовольствия иногда толкает легкомысленных и своенравных шалунов, на то, чтобы изведать это удовольствие, как бы оно ничтожно ни было. Но эта храбрость, поистине, достойна лучшей участи. Ежели бы эта храбрость и настойчивость да употреблена была на полезные какие-нибудь и добрые дела, например, на преодоление научных трудностей, то какими неисчислимыми благими последствиями награждено было бы это благородное геройство! Так не подумать ли об этом всем вам? А курящими не лучше ли в самом деле баловству предпочесть труд, а табак променять на науку?... Не хочется мне здесь обойти молчанием и ту, держимую обыкновенно про себя и втайне, отговорку, которой могут оправдывать себя юные и незрелые курильщики. Отговорка эта в повсюдном и нескрываемом примере взрослых и старших. Курят-де походя и въявь не только не имеющие к нам отношения посторонние взрослые, очень, впрочем, дельные и почтенные люди, но зачастую делают тоже и наши ближайшие блюстители, наши наставники и воспитатели, – почему же нам вменяют это в

преступление? В этом месте и в данном случае одно только можно ответить вам: сначала созрейте, вырастите и приобретите самостоятельность, тогда поговорим мы и с вами о табакокурении, как со взрослыми. А теперь никоим образом и ни на минуту ни вам, ни нам нельзя забывать, что вы не более как растущие и учащиеся юноши, которым многое не только не свойственно и не дозволенно, но и просто не пристало. Если бы все дети и юноши захотели копировать своими нравами и привычками взрослых, то ведь из этого, и Боже упаси, какая должна бы выдти дикая и безобразная картина. Мало ли за чем могла потянуться незрелая юность, смотря на мужественный возраст и забывая разделяющее ее от этого возраста расстояние! Да и вообще, если не брать в расчет разницу возрастов и общественных положений, – плохое оправдание для виновного в том, если он станет только указывать на посторонние и чужие, и значит несколько для него не обязательные примеры. Что тебе за дело до других, когда речь идет, собственно, об тебе и о твоей вине?!

Мне остается сказать о возникшем теперь у нас с вами табачном вопросе *с нравственно-религиозной точки зрения*. Но я считаю нужным наперед оговориться, дабы ни вы, никто не навязал мне какого-нибудь раскольного взгляда на табак. С самым этим веществом я отнюдь не связываю какого-нибудь греха, или чего-нибудь богопротивного. Вещество это, как и всякое другое произрастание земное, совершенно безразлично и не в чем не повинно по своей сущности. Но вспомнить должны вы, что вам предстоит духовное служение в алтарях божиих, где вы будете священнодействовать и откуда выносить должны вы будете слово назидания и поучения всему святому, чистому и высокому. А это слово будут слушать все люди простые и невысокомудрствующие, люди желающие видеть в добрых пастырях своих живой пример всякого воздержания и свободы от всяких новомодных и пустяшных привычек, люди не умеющие в простоте своего религиозного чувства отделить святости самой религии от ее служителей, и потому сильно блазнящиеся табакокурением, и никак не могущие найти чего-нибудь общего и подходящего между рясой и папиросами,

между дымом кадильным и дымом табачным между серьезностью и приличием, подобающим священному сану, и между малодушием и раболепной подражательностью людям, *ходящим по веку мира сего*. Вот ввиду этих-то обстоятельств, получают особенно глубокий и важный для вас смысл Апостольские слова, взятые мною в основание всей нынешней беседы моей с вами. Соблазнить ближнего чем-нибудь даже и не греховным и безразличным в сущности – такой великий грех по Апостолу, что, например, если ядение мяса может каким-нибудь образом подать повод к соблазну, то лучше не есть этого вовеки! *Все мне позволительно, – рассуждает Апостол по вопросу об яствах, – но не все полезно; все мне позволительно, но не все назидает. Никто не ищи своего, но каждый пользы другого (1Кор. 10:23, 24). Берегитесь, говорит также Апостол, чтобы свобода ваша не послужила соблазном для немощных. И от знания твоего, – обличает он кичащихся своим умственным развитием пред темными и простодушными людьми, – погибнет немощный брат, за которого умер Христос. А согрешая таким образом против братьев и уязвляя немощную совесть их, вы согрешаете против Христа (1Кор. 8:9, 11, 12). Итак – убеждает тот же Апостол, – будем искать того, что служит к миру и ко взаимному назиданию. Ради пищи не разрушай дела Божия. Все чисто, но худо человеку, который ест на соблазн. Лучше не есть мяса, не пить вина и не делать ничего такого от чего брат твой претывается, или соблазняется, или изнемогает (Рим. 14:19–21).* Вся эта речь Апостольская прямо приложена быть может к табакокурению, которое не неприличным уже только, но и преступным делается для лиц духовного сана, и в особенности для священнослужащих среди простодушной массы народной, которая как известно, необыкновенно чувствительна бывает именно ко всяким внешним отступлениям от правил строгого приличия и благоповедения, и особенно не любит в пастырях своих этой шаткости и неустойчивости характера, этой измены добрым преданиям отцов и пренебрежения к правилам строгой русской старины в пользу неблаговидных обычаев и привычек чужеземных и неправославных.

Так вот, друзья мои, какой получается общий и заключительный вывод из всей моей нынешней беседы с вами. В гигиеническом или медицинском отношении табак есть вещь вредная и вместе неопрятная, в денежном и практическом отношении он есть невыгодная и нерасчетливая вещь, в учебном и дисциплинарном – неудобная и рискованная, а в нравственном – даже грешная и небогоугодная. Аминь.

Приветственная речь двенадцатому пехотному великолуцкому полку, при возвращении его на родину, после восточной войны (6 декабря 1878 г.)

Приветствуем вас, любезные воины, с возвращением в родимый русский край с чужеземных вражеских полей военных. Поистине нет слов, чтобы выразить вам все, чем переполнено теперь не только наше, но конечно и всякое русское сердце, встречающее вас и радующееся о вашем возвращении. Ваши подвиги в преодолении едва вероятных трудностей совершившегося похода, ваше мужество и бесстрашие, в борьбе не только с диким и фанатическим врагом, но и с самою природою и ее суровыми стихиями, ваши блестящие победы – возобновили и возвысили древнюю славу русского оружия до самой высокой степени, а наше национальное чувство порадовали и удовлетворили вполне. Хвала и честь вам, наши доблестные и дорогие герои. И Боже мой, с каким, трепетом и замиранием сердечным следили мы здесь за вашею судьбою, проводя вас в далекий и опасный бранный путь. Каждая ново-полученная газета читалась здесь на расхват. Встречая в ней знакомые и любезные нам имена, мы уносились мысленно за вами на поле брани, – туда к Дунаю, в злосчастную Болгарию и к Балканам, и с напряженным вниманием изучали те места, где вы находились, старались предугадывать те опасности, которые вам предстояли и определить те пути, по которым вы устремлялись все дальше и дальше в самую глубь страны вражеской, – пока наконец истощенный, униженный и вконец разгромленный враг не запросил у вас пощады и мира. Всякое известие о каком-нибудь трудном и нерешительном, по своим последствиям, деле вашем наводило здесь тяжелое раздумье, вызывало сердечную скорбь и опасение. Но всякое известие о каком-нибудь либо общем вашем подвиге, или об отдельных опытах вашей храбрости приводило всех нас в неописанный восторг и радостное волнение. Читая, как турецкие корабли

летели на воздух, как города за городами переходили в наши руки, как целые армии неприятельские попадались нам в плен с массами оружия и провианта, мы трепетали здесь от радости за вас и за нас, и молили Господа, чтобы он продолжил русские победы. Город наш то и дело украшался флагами, был иллюминирован и наполнялся шумными и радостными толпами. Да, много всего пережито и перенесено вами в минувшую войну, много и нами перечувствовано было в это напряженное и томительное время. Есть что, особенно вам, пересказать и с приятностью вспомнить теперь из своей славной и многотрудной боевой жизни. Но вот, все это кончилось и прошло; опять вы дома, в кругу своих знакомых, и вне всяких опасностей. Слава и благодарение Господу Богу за то, что помог вам с такою громкою славою и честью совершить ваш подвиг, что возвеличил он чрез вас и нашу православную русскую страну. От нас же примите в настоящие торжественные минуты нашу полную и глубочайшую благодарность за те гигантские труды и неисчислимые опасности, которые вы испытали и перенесли, совершая дело христианской любви для страждущих славянских братьев наших, и для упрочения собственного нашего благоденствия и нашей славы среди европейских народов. Но как ни горячо и ни искренне было наше заочное соболезнование вашим скорбям и нуждам, а мы все-таки сидели у себя дома в тепле и довольстве, и свободно пользовались всеми удобствами и приятностями мирной гражданской жизни. Вы же терпели и палящий зной и леденящий холод, а подчас и мучительный голод, и изнурительную бессонницу и постоянное напряжение физических сил, – и это все при непрерывном ожидании встреч с неприятелем, или – что все равно – встреч с самою смертью, – о, мы можем представить, что вы за нас вынесли и вытерпели! Да наградит же вас сам Господь Бог за все это Своими великими милостями. Земные же награды, как бы они ни были велики, не будут, – мы это знаем, – равняться вашим заслугам. Благодарное же потомство запишет в свои летописи славную историю о ваших подвигах, и рассказами о них будет

вдохновлять своих сынов, и указывая на ваш пример станет учить их, как надо верой и правдой служить царю и отечеству.

Но с любовью и благодарностью смотря теперь на вас и разделяя с вами вашу радость и славу, нельзя не вспомнить нам с сердечною скорбью и о тех ваших сотрудниках и товарищах по оружию, которые живот свой положили в священной брани с врагами креста Христова и свирепыми притеснителями христианства. Да, не задаром все-таки достались нам наши победы. Не мало жертв принесено, не мало драгоценной русской крови пролито; не мало погибло наших героев или в боях с не приятелем, или в госпиталях от ран и от разных эпидемических болезней, являвшихся на помощь нашим врагам, или же просто от разных неудобств и трудностей походных, которые могли сокрушить и самую железную физическую силу. Мы знаем и помним переход балканский. Хвала и честь этим мученикам героям, до конца исполнившим свой долг! Веруем, что Господь воздаст им венцы нетления в день праведного Своего воздаяния. Сам Он сказал, что *нет больше той любви, когда кто душу свою положит за други своя (Ин.15:13)*. Но вот, они не жалели душ своих за братьев, – и конечно велика их награда будет на небе! Не мало плача, сиротства и нужды оставили после себя павшие герои в своих семействах. Но да отрутся эти слезы щедротами царскими и земскою попечительностью русского общества. Будем исподволь, с терпением, благодушием и упованием на благое провидение залечивать наши раны, причиненные войной. Что делать, если уже нельзя отвратить неизбежного зла войны! Это зло суждено испытывать всем народам и всем обществам земным, покуда не откроется вечное Царство Славы. Но это будет уже по скончании всех веков и времен, когда сам Божественный Победитель зла придет на землю, чтобы окончательно сокрушить его силу, и отделит навсегда его агентов и изгнать их из пределов Своего вечного Царства. Но довольно. Не дадим более места грустным мыслям и воспоминаниям, чтобы не омрачить настоящего торжества. Но еще раз просим принять от нас дань хвалы, удивления и

благодарности вам, предстоящие здесь здравные и невредимые
герои наши!

Слово на новый (1879) год

Истина во Иисусе состоит в том, чтобы отложить прежний образ жизни ветхаго человека, истлевающего в обольстительных похотях, а обновиться духом ума вашего, и облечься в новаго человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины (Еф. 4:21–24)

Одна из особенностей человеческой природы есть любовь и стремление к новизне. На чем-нибудь одном, как бы оно прекрасно и поразительно на первый раз ни было, мы остановиться и успокоиться никак не можем. И потому с каждым новым днем мы ожидаем каких-нибудь перемен в окружающих нас лицах, обстоятельствах и вообще в нашей обстановке. Пробуждаясь, мы спешим узнать, что случилось нового за стенами нашего дома, жаждем новых встреч, новых разговоров, новых вещей и приобретений, задаемся новыми работами и чертим новые проекты и планы для своей дальнейшей деятельности. Неодинаковы характер и достоинство этих планов: у людей глубоких и серьезных таковы и планы их деятельности, у людей обыкновенных и мелких по своему развитию, таковы и хлопоты их о текущем дне и вообще о будущем своем времени. Важна вообще наша жажда нового. В сущности, она есть стремление двинуться в каком-нибудь отношении вперед. Здесь задаток нашего развития, здесь и признак нашей разумности; потому что неразумные, напр., животные вечно довольствуются своей ежедневной обстановкой, и ни о чем новом и лучшем не мечтают, и потому ни в каком отношении вперед не развиваются. Муравей строит свой дом и ныне так же, как тысячу лет тому назад. Пчела вырабатывает свой мед и воск по одному и тому же старинному, раз на всегда ей данному от природы образцу. Соловей поет все ту же вековую свою песню, – ни хуже, ни лучше, чем как было это при сотворении мира. И т. д...

Можно бы ожидать на этом основании, что жизни наша, как жизнь существ не только разумных и свободных, но и порывающихся вперед, должна быть ничем иным как

правильным и постепенным движением к совершенству. Так это и кажется иным ученым мыслителям, которые не смотря ни на какие резоны, приводимые самою жизнью в опровержение их теории, все стоят на своем, и твердят одно: человечество идет вперед и обновляется. А на знамени этого воображаемого шествия к совершенству они красивыми буквами хотят начертать излюбленное ими слово «прогресс», и с торжеством готовы повторять это громкое слово при всяком удобном случае, – как будто бы в самом деле не прекращаемое и непрерывное усовершенствование человечества и обновление к лучшему было фактом не подлежащим никакому сомнению. А между тем это не так. Как наши собственный наблюдения над окружающею нас жизнью, так и история говорят, что деятельность людская то и дело бывает или стоянием и кружением на одном и том же месте, или видимым и ощутительным для всех отклонением от прямого пути к истине и счастью, или даже возвращением назад к старинным неустройствам и беспорядкам, разъедающим общественную и частную жизнь людей. Возьмем ли мы для примера летучие капризы моды, увидим, что в своих непрестанных поновлениях покроя и формы наших одежд, она то и дело возвращается к старинным образцам. Захотим ли заглянуть в более серьезные и глубокие области: нравственную, экономическую и политическую, – туда, где избранные деятели человечества напрягают все свои усилия, чтобы облагородить и одухотворить народные массы, удовлетворять их нужды, упорядочить их жизнь общественную и вообще упрочить счастье человечества, – и здесь мы встречаемся с неприглядной и горькой стариной. Слез и горя у людей не меньше, чем прежде; нужды, невежества и бедности со всеми ее ужасными плодами, неисчерпаемое море; самых утонченных пороков и всяческого растления едва ли и теперь меньше, чем, напр., во времена сладострастной Греции и грубо-чувственного Рима. В одной только области мы готовы признать несомненный и непрерывный прогресс, именно в научной. Нынешние люди количеством своих знаний несомненно превосходят прежних людей, глубже их понимают природу с ее законами, и потому с

большим правом могут называть себя обладателями природы и ее покорителями. Но при этом нельзя не подивиться с одной стороны чрезвычайной медленности, а с другой – неправильности движения человеческого ума и в этой единственной области, где, по-видимому, он идет все вперед и вперед. Люди как бы ощупью и во тьме приближаются целые тысячелетия к своим открытиям; но и по сию пору рядом с великими светилами науки умствует и философствует бесчисленный сонм таких жрецов ее, под руководство которых, если бы отдать человечество, то оно зашло бы поистине во тьму кромешную. И странное выходит явление. Человечество делается все учение, развитие и умнее, если можно так сказать; но не лучше, и не счастливее. Почему-то оно не обновляется, а все коснеет в своих старинных недостатках, болезнях и грехах, и никак не может выбиться из-под гнета их. И конца не видно этой мучительной, но бесплодной и безуспешной борьбе. Как будто засела в человеческую природу какая-то ветхость и гниль, и действует там с такою ядовитой и отравляющей силой, что все человечество представляется одною сплошною массою больных, отличающихся только степенью своей болезненности, которая однако же всем им мешает успешно делать то, к чему они призваны и к чему способны и склонны по природе. Тайну этого грустного явления, которого однако же никак не хотят признать ни во что не верующие и все отвергающие грубо-материальные мудрецы нынешнего времени, – эту тайну, говорим, объясняет нам откровенное слово Божие, повествуя о коренной порче природы человеческой, внесенной в нее человекоубийцею искони, и перешедшей от родоначальника рода человеческого ко всем его потомкам. Порча эта так глубока и всеобща, что, по слову Писания, все мы в беззаконии зачинаемся и во грехах рождаемся ([Пс.50:7](#)), и затем, по слову того же Писания, с нашим возрастанием растут в нас уже как бы два человека: один с признаками богоподобия, с любовью и стремлением к истине и благу, другой с тяготением и склонностью ко греху, со всеми видами его непотребств и похотей. И никакому воспитанию, самому тщательному и искусному, еще не удавалось и никогда не удастся вырвать с

корнем прирожденное человеку зло и убить в нем этого страстного и греховного, или, – как называет его Писание, – ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях. Нет нужды нам долго теперь останавливаться на горькой истине порчи и нравственного раздвоения нашей натуры; она слишком ясно и живо сознается всяким здравомыслящим и честным, и хоть сколько-нибудь над собой наблюдающим человеком, и все мы с детства, конечно, знаем печальную историю своего падения, и знакомы с догматом о первородном грехе; людям же, сомневающимся и неверующим довольно указать на эти вековые, но бесплодные усилия всего человечества победить царящее в нем и мучающее весь род людской зло. Но есть для нас нужда и самый теперь благовременный повод, в день нового года, – приблизить к своему сознанию, обнять сердцем и душой вышеприведенные Апостольские слова, что *истина во Иисусе* состоит в том, чтобы *отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях, а обновиться духом ума нашего, облечься в новаго человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины* (Еф.4:21–24). Этими словами, в сущности, Апостол хочет внушить нам, что как бы ни хлопотали люди о своем усовершенствовании, какие бы меры ни принимали к обновлению и упорядочению своей общественной и личной жизни, – дело это не устроится без внутреннего и нравственного нашего обновления. Могут быть улучшены внешние формы нашей жизни, но истинного, как говорят, прогресса от этого не произойдет, потому что истина во Иисусе Христе состоит, как и должна состоять, в том, чтобы человек стал лучше и обновился по своей сущности, т. е. по душе и общему нравственному строю, а не по внешности только. В противном случае люди могут только выбиться из сил, а ветхости своей все-таки не сбросят, и от застоя и коснения на всех путях и во всех областях своего развития – не освободятся.

В самом деле, сколько, напр., умных голов трудятся над изобретением способов поднять экономическое положение нашей страны и улучшить материальный быт народа. Пишутся самые разумные системы сельского хозяйства, изобретаются

прекрасные и целесообразные машины, чтобы сократить и облегчить тяжелый земледельческий труд, железными дорогами сокращают расстояния для удобства сбыта и размена местных богатств и естественных произведений земли. И этими богатствами, можно сказать, не обделил Господь нашу обширную страну. И, однако же, богатств этих почему-то не накапливается, дешевле ничего не делается, а бедность не умалывается. Что за причина? Какой-нибудь ученый политико-эконом может написать по этому поводу целые томы; между тем первоначальный и самый глубокий корень зла, собственно, в пороках народа и в слабости религиозного начала у самых деятелей народных. Представьте, в самом деле, что наши рабочие массы стали вдруг все трезвы, трудолюбивы и воздержны, а соприкасающиеся с ними городские, и вообще более сильные народа люди, как-то купцы, арендаторы, фабриканты и проч... сделались все честными, благожелательными к народу и богобоязненными людьми, – тотчас же почувствовалось бы всем облегчение, и повеял бы на всех другой отрадный и живительный воздух. Но пока наш крестьянин и мастеровой будет тратить свою трудовую копейку на пьянство, а торговец в основу своих действий и правил будет полагать обман и прижимку, т. е. пока тот и другой не сделаются религиознее и благочестивее, до тех пор их взаимное, а следовательно и наше общее материальное благо не настанет и не возвысится. А разгул и житейская беспорядочность городского населения, мелкая суетность и склонность жить не по средствам средне-сословных людей, а неудержимая страсть пресыщаться всевозможными чувственными удовольствиями, пировать и веселиться по вся дни светло, царствующая в высших кругах общественных, – все эти явления разъедающие и расстраивающие общее экономическое положение, где имеют свою первоначальную причину? Опять в нравственной несостоятельности людей и слабости в них религиозного начала. Если бы люди научились давать перевес своей духовной стороне над чувственной, если бы побольше заботились о своей душе и почаще думали о небе, то и самая телесная жизнь их и земная деятельность тотчас бы

упорядочилась, и приняла бы стройный, благообразный, здоровый и довольный вид, – и не было бы этого беспокойного и страстного кружения в чаду земных утех, этого непрочного и напускного веселья, этого подкрашенного и искусственного довольства, с зачатками внутренней гнили и с затаенною скорбью сердечною и с горькими думами о неизвестном будущем.

Возьмем во внимание и наше гражданское устройство. Права и обязанности каждого сословия, а также и личные права каждого гражданина определены и взвешены у нас с полною по возможности точностию и справедливостию. Суд нам дарован скорый и правый; наша безопасность и личное благо ограждены всеми по возможности мерами, обычными и принятыми в странах образованных и гуманных, – чего бы казалось больше? А между тем массы преступлений и крупных и мелких, известиями о которых переполнены газеты и разбирательством которых обременены судебные учреждения, грубо нарушают гражданский порядок и строй общественной жизни, мешают жить спокойно честным труженикам и благонамеренным гражданам, и вообще задерживают развитие и обновление общества к лучшему и лучшему. Причина зла опять та же самая, – порок и развращение, ослабляющие религиозное начало в людях. Тот убил ближнего по злости и самолюбивому раздражению; другой залез в чужой дом с целью грабежа и воровства, третий растратил общественную казну – по жадности и корыстолюбию, или увлекшись преступной мечтой о легкой наживе; другой развелся с женой и толкнул ее на разные преступления, и сам совершил ряд бесчинств и непотребств – по сладострастию; иной лишил себя жизни, пресытившись ею и потеряв веру в Бога, – вот что приходится, то и дело, наблюдать и читать в хронике жизни общественной. Но будь искра страха Божия в людях и христианская трезвенность, – ничего бы этого, конечно, не было. Говорят все, что образование и просвещение может излечить нравственные болезни общества, что все дурное и преступное совершается, собственно, по невежеству и умственной неразвитости. Но, если бы это было так, то все необразованные люди были бы

дурными, и наоборот – просвещенные высоконравственными людьми. Но кому не известно, что на деле этого не только нет, но и бывает совершенно наоборот? Нет, причина всему та порча нравственная и та ветхость духа, которая глубоко засела в людях, и тлится в падшей природе их, по выражению писания, обольстительными похотями.

Возьмем, наконец, во внимание наше общественное воспитание и обучение, ту область, где зреет и развивается наше молодое поколение, этот благоухающий цвет и надежда государства. Зная, с каким тщанием и глубокомыслием разрабатывают науку воспитания наши высокообразованные педагоги, смотря на эти многочисленные и величественные храмы науки, рассеянные по обширному отечеству нашему, со всеми приспособлениями и удобствами для образования молодых людей, – можно бы ожидать, что все затраты, производимые на них государством и все труды и заботы ученых деятелей и педагогов, с избытком вознаграждаются благими плодами, которых в праве ожидать общество от наших юношей, т. е. их зрелым умственным развитием, добрым нравственным направлением, умелостию и пригодностию ко всякой полезной общественной деятельности. А между тем, наши школы, и преимущественно высшие, сделались и нынче каким-то особенно больным нашим местом. Молодежь наша является в большинстве какою-то прискорбною массою недоучек, даже без задатков серьезной учености и без благородной и самоотверженной любви к науке, как это было в старину, а с одними праздными и незрелыми мечтами, с пагубною склонностию браться не за свои дела, или же с преждевременным равнодушием к жизни и пресыщенностью, а что всего хуже – с душевною растленностию и нравственной распущенностию. Трудно решить, кого винить здесь нужно больше, – семью ли нашу, в которой пренебрегают с ранних лет полагать страх Божий в основу детского воспитания и обучения, или же школы наши, которые совершенно не считают религиозную область своею областью, а иногда даже как бы нарочно стараются держать своих питомцев как можно дальше от этой области, дабы спасти, как говорят, свободу мысли и

независимость научной деятельности. Может быть вина здесь падает поровну и на семью, и на школу. Как бы то ни было, но вся беда в том и состоит, что не светит луч веры на челе наших юношей и не горит святая искра религии в их сердце. И ничем и никогда не будет исправлено дело, покуда не зажжена будет эта искра, и покуда в основу, как общественного, так и домашнего нашего воспитания и обучения, не будет положено религиозное начало, и притом самым тщательным и искренним образом.

Всю эту речь мы наклоняем к одному, и сводим вообще к тому, что истинное развитие общества и обновление его в лучшем и разумном смысле этого слова невозможно без нравственного преуспевания людей и обновления их в духовно-религиозном отношении. Какую бы ни взяли мы область жизни общественной, хотя бы самую богатую по раскрывающимся в ней успехам ума человеческого и разным наглядным по-видимому и осязательным плодам цивилизации, но непременно в ней откроет нам наблюдение некоторое неустройство, некоторую незрелость и так сказать застой, – что-то такое, что мешает людям вкусить на самом деле и насладиться благих плодов образованности и просвещения, и не дает им надлежащего и правильного ходу в историческом их развитии. Мы нарочно брали самые крупные и наиболее выдающиеся примеры. Мы видели, что люди стали умнее, но не ближе к истине; практичнее и многосведущее, но не богаче и не счастливее; мягче и цивилизованнее, но не добродетельнее; многоопытнее, но не нравственнее. Какой же в этом собственно прогресс и обновление общества? Да, иное дело говорить и рассуждать о прогрессе и мечтать о нравственном обновлении; а иное дело стать на самом деле новым человеком, и, как выражается Апостол, облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины!

Мы сказали, что это никогда не удастся сделать человеку одному и собственными силами, если не придет к нему на помощь св. религия Христова. Так, потому что в этой таинственной сокровищнице предлагаются некоторые сверхъестественные, или – по выражению писания *Божественные силы, потребные для жизни и благочестия*

(2Петр. 1:3). Оказывается, что расстройство и порча натуры человеческой так глубока, что человеку, после естественного рождения от отца и матери, нужно испытать некоторое перерождение свыше, нужно родиться водою и духом, чтобы получить возможность возвратить и возобновить потерянное свое богоподобие. Это и бывает с нами во св. Таинстве Крещения, где как бы замирает наш ветхий человек, и где преподается нам благодатное начало для новой жизни о Христе Иисусе; так что, по слову Спасителя, теперь в благодатном Царстве Его, *если кто не родится водою и Духом, то не может он войти в Царствие Божие.* (Ин. 3:5). Затем возрожденному в водах крещения человеку, как новорожденному младенцу, требуется благоприятный рост и укрепление сил духовных. Это устроил Господь для падших, Но искупленных и обновленных Им людей, во святом Таинстве Миропомазания, где полагается на каждого нового члена Церкви Христовой таинственная печать дара Духа Святого, укрепляющая его и вооружающая на брань с темными силами, царствующими над падшим человеческим родом, и дающая силу и побеждать тот *иной закон в членах наших, который и противоборствует закону ума нашего, и делает нас пленниками закона греховного, находящегося в членах наших* (Рим. 7:23). В возрастающем человеческом организме неизбежно бывают разного рода болезни; так и в духовно-нравственном развитии нашем неизбежны для нас разные ошибки и грехопадения, более или менее уязвляющие нашу совесть, и более или менее удаляющие нас от любви и милости Божией. На эти случаи Господь изготовил для нас лечебницу духовную во святом Таинстве Покаянии, где возвращается нам спокойствие совести и примирение с Богом, и где таинственно излечиваются все наши язвы греховные, и притом столь всецело и полно, что как будто их и не было. *Если будут грехи ваши, как багряница, – говорит Господь, – то сделаются белыми, как снег; если будут красны, как пурпур, сделаются, как белая волна* (Ис. 1:18). Далее, – как для роста и продолжения жизни нашего тела, для его бодрости и энергии необходима здоровая и питательная пища; так и для души

нашей Господь изготовил таинственный Хлеб, сходящий с неба. И кто бы мог подумать? Этим хлебом Он сделался для нас Сам, таинственно предлагая во святейшей Евхаристии нам в пищу и питье Свое пречистое Тело и Кровь, и Единение, которого достигает здесь человек с Богом, столь полно и велико, что это можно только выразить подлинными словами самого Господа. *Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем.* (Ин. 6:54–56). Находясь в таком тесном единении с Господом, таинственно осеняемый и подкрепляемый всецельною благодатию Св. Духа, и руководимый правилами св. Церкви Христовой, человек может, конечно, и при немощах своей природы, противостоять всем козням диавольским и возвысится до возможных и желанных им степеней нравственного совершенства.

Всех этих тайн не хотят знать современные оплотнявшиеся и ни во что не верующие мудрецы людские, а за ними и массы их учеников, подобные им по направлению и характеру, мудрствуют и живут также, как и их учителя. Дивное домостроительство спасения человеков, совершенное крестом и смертью Единородного Сына Божия, как будто не для них устроено. Вот в этом то вся и беда. С удивительным хладнокровием, доходящим до какой-то право тупости, сторонятся люди от своего блага, которое предлагает для них Господь в готовом, так сказать, и совершенно легком и удобном и виде. Нет, они все рвутся к самоизмышленному совершенству, и мечтают обновить свою жизнь и свои общества по самодельным идеалам, которые предносятся их уму и воображению; но лишь только запутывают и осложняют дело, а ветхости своей нравственной все-таки сбросить никак не могут, и истинного и здорового обновления своей жизни никак не устроят. По той мере, как они разрабатывают средства и изошряют усилия, чтобы поднять человечество до высших человеческих идеалов, изошряется и зло, живущее в мире и становится поперек их планам и благородным усилиям. Как они

этого не заметят? Как они не догадаются, что есть какая-то могучая злобная сила в мире, которая толкает человечество назад во тьму, невежество и в пагубу, и что собственных сил для борьбы с этой силой у человека не хватает?!...

Благочестивые и православные сыны Христовой Церкви, предстоящие и молящиеся в сем священном собрании! Не отложить ли нам излишнюю надежду на, так называемую, цивилизацию людскую, и не перестать ли ждать своего обновления от одной только науки и просвещения, которое тысячи лет же только сулит людям счастье и прочное благоустройство их обществ, но до сих пор нечего подобного не дает? Не ринуться ли нам с простотою веры и детскою преданностию в лоно Церкви Христовой, и не отдаться ли ее благодатному водительству? О, какое полное счастье нашли бы мы здесь, и какое прекрасное и всецелое обновление нашло бы не только наше русское, но и все общества людские под сению Церкви Христовой, и под легким и благим бременем закона Божия! Да положено будет благодатию и милостию Господнею по крайней мере начало сего обновления нашего в наступающем новом лете. Аминь!

Слово при погребении преосвященного Иустина (19 марта 1879 г.)

Не хочу оставить вас, братия, в неведении о умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды. Ибо если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним (1Фес. 4:13, 14)

У гроба старца, достигшего последних, можно сказать, пределов, до которых может простираться брэнная жизнь человеческая, и дальше которых уже для самого живущего идет один только труд и болезнь, у гроба человека, целую жизнь свою бывшего одиноким и по самым обетам монашеским не могшего иметь глубоких и живых родственных связей с окружающими его людьми и вообще с миром, не может и быть той жгучей боли сердечной, тех горьких слез, которые обыкновенно бывают при гробе людей мирских и житейских. Но все равно тяжело и горько всякому человеку, мыслящему и любящему жизнь (а кто из нас ее не любит?) глядеть вблизи на грозный лик смерти и стоять пред зияющей могилой, в которой должен быть зарыт недавно вместе с нами живший человек, когда-то мысливший и ощущавший жизнь, также как и мы ее теперь чувствуем, предчувствовавший и сознававший горечь неизбежной для всего рода людского смерти, и также недоумевавший пред мраком могильным и конечно содрогавшийся от неизвестности и таинственности загробной страны, как это и со всяким живым человеком бывает. Там за гробом лучшая жизнь, говорит нам вера, там *нестъ болезнь, ни печаль, ни воздыхание*, – поем мы при всяком погребении. Но будет ли также прекрасно блестеть там солнце, льющее жизнь и теплоту на этот чудный мир Божий, в котором так хорошо быть мыслящим и радостным гостем? Будет ли слышно нам оттуда, как весело щебечут здесь птицы, приветствуя приближение весны, видно ли будет это сияющее и лазурное небо, эта роскошная зелень и необъятная ширь пестреющих полей, ощутимо ли будет благовоние цветов и игранье животных и будет ли с кем поговорить там по душе о всем, что промелькнет

здесь иной раз в голове и что ощущает сердце? Не охладее ли это самое чувство, не задремлет ли мысль, и не заменить ли все это безотрадная тишина и беспробудное молчание, с одними только горькими воспоминаниями, как радостно и счастливо жилось на белом свете? И трудно, трудно братие отогнать совсем прочь все эти грустные мысли, толпой теснящиеся в душу при размышлении о смерти, и особенно при наглядном каком-нибудь случае смертном, вот как этот теперешний. Невольно вспоминается правдивое и меткое слово поэта: «Боже! и вере могила темна». Вот эту-то темноту и хочет прояснить св. Апостол Павел своими богодухновенными словами утешения, не желая оставить нас в неведении о умерших, дабы не печалились как и прочие, не имеющие надежды. Такими безнадежными называет он современных себе язычников, узкому взгляду которых загробная жизнь действительно представлялась или совершенным небытием, или некоторой безотрадной страной теней, где души умерших уже не имеют свободной и полной жизни, а томятся подобно узникам, и только вспоминают и воздыхают о безвозвратно потерянной жизни на земле. Гнетущей тоскою, не лишенной впрочем некоторой скорбной поэзии, отзываются древнегреческие мифы об Елисейских полях, где самые знаменитые люди и герои древности, начальствующие над тенями умерших, тоскуют и плачут о земле, и желали бы весь подземный почет свой променять на одну только возможность возвратиться к живым людям, хотя бы в качестве рабов у последнего пастуха земного. Так и слышится здесь неодолимое и животрепещущее чувство жизни и наслаждения среди красот и радостей земных увлекавшее, так сказать, инстинктивно образованных и изящных греков до предчувствия бессмертия, и в то же время сказывается полное неведение того, что ждет человека на том свете. Не то рисует нашему христианскому взору слово Божие, и не только не так, но совершенно обратно учит нас представлять жизнь души, отшедшей в вечность. Ставя источником, или краеугольным камнем нашей надежды Богочеловека Иисуса Христа, подобно нам вкусившего смерть, но воскресшего и прославленного, и теперь сидящего одесную

Бога Отца, святая религия наша приподнимает несколько завесу, скрывающую от нас загробную страну, – и не мрак, а свет там видится; не сокращение и стеснение жизни, а высшее развитие и парение ее, не тоска и грусть, а высшая радость и самое сознательное и глубокое самочувствие и блаженство; *ибо если мы веруем*, утешает нас Апостол Христов, *что Иисус умер и воскрес, то и умерших во Иисусе Бог приведет с Ним*, т. е. к той самой славе, к той полноте бытия приведет, которая зрится очами веры в сияющей и светоносной личности Богочеловека. Конечно, мы отсюда, с земли никак не умеем представить себе новых условий нашего бытия на небе, и никак не можем отрешиться от земных условий нашей жизни, без которых и самая-то жизнь, представляется как бы невозможною, т. е. как это мы будем видеть без глаз и света, мыслить без головы, ощущать без сердца, познавать и сознавать вещи, не касаясь их и лишившись всех пяти своих чувств. Но не в этом и дело, и не нужно преждевременно усиливаться срывать таинственную завесу, скрывающую от нас до времени нашу будущую жизнь. Не далеко от каждого из нас время, когда мы узрим ее *лицем к лицу*, и познаем уже не отчасти, а с тою определенностью и отчетливостью, с какою *сами познаны* мы от Господа, по выражению Писания. Нет, нужды, значит, горевать и смущаться тем, что и нам христианам повелел Господь до времени пожить в некотором мраке и неизвестности насчет образа и способов жизни нашей за гробом; сущность дела в тех великих обетованиях бессмертия, по смыслу которых эта жизнь наша земная, столь дорогая и любезная нам, есть не более, как преддверие и так сказать зачаточный отрывок готовящейся для нас истинной и в полном смысле богоподобной жизни, сообразной нашему высокому человеческому достоинству. Утробная жизнь младенца до появления его на свет Божий есть тоже жизнь, но каким несовершенством и какою тьмой она представляется в сравнении с самостоятельной и развитою жизнью родившагося и уже созревшего человека. Вот таким же точно образом учат нас отцы Церкви смотреть и на земную нашу жизнь, в сравнении с загробной и небесной нашей жизнью. Приняв в основание этот христианский взгляд и учение о нашем

будущем бессмертии, немало отрадного можно сказать в прояснение той темноты и сомнений, которые неразлучны с мыслью о смерти и которые густым облаком окружают обыкновенно всякую могилу человека, только что отошедшего от нас в страну вечности. Пока жив человек, он постоянно мыслит и рассуждает о вещах. Присутствие ума и обилие идей в его голове и дает ему то царственное преимущество, которое ставит его выше всех остальных существ на земле, а сознание в себе этого умственного преимущества и этой судительной силы, раскрывающей пред ним тайны мира Божия и законы бытия во вселенной, и приносит ему самое высокое и духовное удовольствие, устремляет его все дальше и дальше расширять свои познания, заставляет переплывать моря – чтобы все видеть и изучить на земле, и погружаться в многообразные области научные, чтобы удовлетворить благородной жажде знания и изведать сладость этого знания. И чем сильнее ум в человеке и чем богаче его знания, тем он счастливее. Но когда умирает человек, то думаете ли вы, что прекращается в нем и работа мысли и потухает светоч его ума? О нет напротив, тогда то и загорается ярким лучем его мысль, и быстрым полетом воспаряет его ум над этим миром, где как в предварительной школе учился он по складам разумевать тайны бытия, и с таким многолетним изнурительным трудом добывал себе знания. Как вспомнишь в самом деле, как медленно идет здесь умственное развитие человека, в какой зависимости находится его мысль от внешних его чувств и органов телесных, каким случайностям подвержено его научное образование, иногда на тысячи верст отклоняющее от истины, и притом какая необозримая масса людей осуждена здесь вовсе жить без знаний и науки и пробавляться скудным запасом убогого деревенского опыта и самого зыбкого личного наблюдения, когда приведешь еще себе на мысль, как и самый сильный и светлый ум ученойшего и образованного человека со старостию и одряхлением его тела постепенно тускнет и слабеет и возвращается к младенческой простоте и бессилию, то сознание ненормальности всего этого для богоподобной души нашей невольно возникает в уме нашем, и рождается как бы инстинктивное предчувствие, что не

то суждено человеку, что иное лучшее предстоит ему там в будущей жизни. Нельзя доподлинно сказать, кто и как нас будет учить там и каким способом будут приобретаться наши знания; но то несомненно, что все это будет происходить самым облегченным, быстрым и успешнейшим образом. Умиравшее дитя может быть годом развивается и крепнет мыслию там успешнее, чем как это сделалось бы с ним в продолжении многолетней школьной жизни на земле. Простая женщина и неученый простолудин может быть в самый краткий промежуток времени становится там учение и сведущее самого ученойшего нашего профессора. Стоит ли, значит, слишком страдать и мучиться от неудовлетворенности в изысканиях истины и от несовершенства знаний тем из нас, которые в некоторой степени владеют этими знаниями, и тем в особенности, которые неблагоприятными условиями выпавшей им доли земной лишены вовсе возможности пользоваться научным светом и осуждены влачить свое существование во тьме необразованности? Все это, Бог даст, вознаградится и дополнится там, в лучшей и бессмертной жизни за гробом.

Другая область нашей душевной жизни есть чувство. Этой стороной нашего духа мы стремимся к прекрасному и жаждем изящных наслаждений. Плодом этой жажды были и есть, между прочим, изящные искусства. Она же, эта благородная жажда красоты и наслаждения, заставляет нас чутко отзываться на все проявления естественных красот природы, заставляет сладостно биться наше сердце при созерцании этих красот и дает нам чувствовать, как хорошо жить в этом прекрасном мире Божиим. Благовонный цветок, звонкая песня соловья, блестящий восход солнца, тихое журчание ручья, зеленеющий в отдалении прохладный лес и тому подобные прекрасные явления будят на дне души нашей некоторое сладкое предчувствие иной премирной жизни, скрывающейся за этими внешними и чувственными формами красоты, и вместе намекают нам на сродство нашей богоподобной души с этой невидимой и неосязаемой красотой и с этой премирной жизнью, – и в этом тайна эстетических наслаждений. Когда умирает человек и застывают в нем все ощущения его, то брезгливому

чувству нашему, видящему пред собою один безобразный и тлеющий труп, представляется, что как будто бы исчезает вместе с жизнью и все прекрасное в человеке, что любить, радоваться и наслаждаться уже невозможно, порвавши связи со всем тем, в чем мы привыкли видеть, находить и ощущать красоту. Но будьте уверены, что, в сущности, это не так, и не то открывает святая вера Христова. Напротив, когда душа наша сбрасывает с себя узы тления и разрешается от тела, тогда-то и обретает она те высокие и прекрасные идеалы, которые в виде темных намеков и сладких предощущений жили в ее сердце, покуда она обитала на земле. Ах, когда подумаешь, как мало красных и светлых дней выпадает на долю большинства людей, сколько горя и разнообразнейших неприятностей суждено вынести человеку здесь на земле, сколько безобразия и всяческих ненормальностей беспрерывно уязвляют наше сердце, сколько здесь тяжелого и безвыходного труда, не дающего людям покою и не позволяющего им, как рабочим животным, иной раз поднять и очей своих к ясному небу, и отвести их от ежедневной грубой прозы житейской; то невольно воздохнешь о лучшем и наипрекраснейшем мире, где души усопших вместе с блаженными духами Ангелов непосредственно созерцают и ощущают красоту Божества, и отсюда черпают беспрерывное и неизреченное блаженство. Не знаем мы опять способа, каким будет совершаться постижение и созерцание этой Божественной красоты, но ощущение Божества от этого созерцания будет столь полно и велико, что по выражению Писания, *их же око не виде и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим его* (1Кор.2:9) в бессмертной жизни будущего века. И значит, стоит ли сетовать и горевать, что придется и нам некогда покинуть сей мир с его несовершенными красотами и кратковременными радостями и утехами? не лучше ли напротив заранее устремлять на небо мысль свою и так настраивать свое сердце, чтобы в нем живо было предчувствие небесных радостей и не пропадала жажда вышечувственных и святых наслаждений.

Те счастливые люди, которые умеют таким именно образом устраивать свое сердце, и не дают ему слишком прилепиться к

земной жизни и ее случайным и преходящим радостям, – эти, говорим, люди, хотя бы они были самые простые и неизящные, по своей внешности, уже носят в своей душе рай небесный и предвкушают его неизреченную сладость, и справьтесь у этих людей и понаблюдайте за ними, и это будет ясно видно. Светоносный отблеск их внутреннего мира и блаженства можно даже уследить на их лицах и на всей их внешности, как бы она ни казалась неприглядною с первого взгляда, и с обыкновенной точки зрения. Вот мы длинно так распространились о несравненной красоте и совершенстве будущей жизни в сравнении с здешнею убогою и многотрудною жизнью человека на земле, о широте и полноте знания, которое имеет открыться для нас по переселении нашем в вечность. Но надобно помнить, что не для всех предстоит такая святая будущность. Еще неизвестно, что кому Господь пошлет на том свете! Не рай только есть там, но ад *уготованный диаволу и аггелам его* (Мф.25:41), в который пойдут, между прочим, тьмочисленные тьмы несчастных отверженцев из рода человеческого, любивших ходить на земле удобными и широкими путями греха и развращения. Не тайное ли сознание ужасной возможности попасть в число этих отверженцев мешает нам обыкновенно утешаться возвышенными мыслями о будущей жизни и прогонять ими страх смертный. Да, братие, есть одно непеременимое условие, без которого не будут отверзты нам двери светлого рая, когда неотвратимым и неудержимым потоком времени и мы увлечены будем в вечность. Говоря выше о существенных сторонах душевной жизни нашей, мы сказали об уме, который стремится к истине, и о сердце, жаждущем прекрасных наслаждений. Но есть у нас и еще способность духа, – это свободная воля, ищущая добра и правды, и вот от такого или иного направления этой богоподобной и высшей нашей способности и зависит вся наша участь. Не беда, если проживет человек целую жизнь свою, не успевши вовсе или мало успевши развить свой ум и обогатить его познаниями; не беда и то, если чувство его не изощрено будет изящными искусствами или эстетическим воспитанием для тонких прекрасных наслаждений; но вот сущая будет беда,

если свободная воля его возьмет превратное и грешное направление, и не научится в продолжение земной жизни творить добра и правды, – и этой беды уже ничем нельзя будет поправить на том свете. Необразованный, но благочестивый и праведный простец, отошедши в вечность, не только догнать, но и далеко перегнать и превзойти может по умственному развитию наших самых высокоученых мудрецов, и притом в самое короткое время. Неведение же его радостей и светлых дней на земле и неумение ценить по достоинству прекрасное в мире земном с избытком вознаграждено будет самыми возвышенными красотами в мире небесном и неизреченными радостями райскими. А когда воля человека развращена будет на земле злыми и неправедными деяниями, когда порок и грех поработят его душу, – то будь он хотя известнейший ученый и знаменитейший художник, – он погиб для вечности. На том свете ждет его еще большее и уже неудержимое развращение и осатанение, – и значит горькая судьба отверженников и клеветников диавольских. Пока еще жив человек, и пока он ходит по земле, еще остается для него возможность возврата к добру, как бы далеко ни уклонила он с пути добродетельного. Благодать Божия еще может поднять его из самой глубокой бездны греховной; да и самое тело наше, задерживающее обыкновенно наши добрые начинания и мешающее полетам нашего духа, ограничивая нас в добре, ограничивает в то же время и в самом зле; так что можно беспрестанно поправлять себя, возвращаться назад и приобретать новые и добрые привычки, как бы много ни было нажито привычек грешных. Но когда дух отрешается от тела, когда настает для него полная и ничем уже не сдерживаемая свобода, тогда последнее его направление земное, смотря по тому – было ли оно доброе или злое – делается для него роковым и решительным. Ангелы добрые, раз устоявши в добре и повиновении Богу, навсегда остались святыми, чистыми и близкими к Богу. Ангелы злые, раз воспротивившись Богу, навсегда отпали от Него и сделались мрачными демонами. Нечто подобное происходит и с душою человека, по разрешении ее от уз телесных. Посеянные в ней добрые и святые семена пышно взойдут на том свете и

принесут плод сторицею. Но если не посеяно будет в ней этих добрых семян, если она дышала здесь одним только грехом, раболепствовала страстям и услаждалась нечистыми удовольствиями; то этот мутный и грязный поток не возвратно увлечет ее в дно ада и на том свете уже не может она там справиться с своими грешными привычками и почувствовав себя отчужденною от благодати Божией – неудержимо ринется к своей конечной гибели, подобно злым и ожесточившимся во зле демонам. Жестоко это слово, и на многие тревожные думы может наводить нас бедных и грешных людей; тем не менее оно нигде не может быть более уместно, как при гробе и возле мертвого человека, лежащего у нас на глазах. Пусть оно даст почувствовать нам всю цену той небольшой частицы времени, которая уделена нам для земной жизни. Пусть устремим мы все свое старание и внимание к тому, чтобы эта драгоценная частица нашего земного времени вся пошла по возможности на дела добрые и святые. Пусть поймем мы, что единственно от нравственного преуспевания нашего зависит вся наша будущая судьба, – и это преуспевание принесет с собою все остальное хорошее, чего не могли мы иметь, и чем не могли пользоваться на земле.

Возвращаясь мыслию своею к подлежащему усопшему святителю и рабу Божию, мы можем с надеждою помолиться теперь о его вечном упокоении и о вселении с праведными. Уже давно удалившись от суеты мирской, и сложивши с себя многотрудное и многоответственное бремя власти и епархиального управления, он в тиши домашнего уединения и молитвенного созерцания спокойно и непрерывно готовился к своему отшествию на небо. Продолжительные старческие недуги, постепенно сокрушая тело его, постепенно предпочищали дух для безболезненной жизни на небе. Известно было высокое и обширное образование покойного епископа, его светлый и острый ум, сочувственно отзывавшийся всякому новому и доброму начинанию в развитии нашего общества; известно его отвращение от всякой нравственной фальши и фарисейства, его искренняя и сознательная вера и преданность учению Христову, его доброта сердечная и горячность чувств,

иногда порывисто проявлявшаяся как в защите и покровительстве унижаемой и притесняемой справедливости, так и в карании всяких отступлений от требований долга и служебных обязанностей. Эти святые и высокие качества почившего архипастыря хорошо помнят и высоко ценят люди близко к нему стоявшие, и по роду своей епархиальной службы призванные помогать ему в трудах правления. Последние дни и минуты святителя были спокойным и христианским расставанием с жизнью, под благодатным осенением святых Таинств веры, так что это была поистине христианская, непостыдная и мирная кончина. Да дарует Господь Свои милости и всепрощение почившему святителю, некогда в сем же святом храме Божиим воздевавшему о нас преподобные руки свои в молитвах к Богу, да дарует ему и да сподобит его дать добрый ответ на страшном судище Своем! Аминь.

Слово к духовным воспитанникам (20-го мая 1879 г.)

Поблажающий сыну будет перевязывать раны его, и при всяком крике его будет тревожиться сердце его. Необъезженный конь бывает упрям, а сын, оставленный на свою волю, делается дерзким. Лелей дитя, и оно устрасит тебя; играй с ним, и оно опечалит тебя. Не смейся с ним, чтоб не горевать с ним и после не скрежетать зубами своими. Не давай ему воли в юности, и не потворствуй неразумию его. Нагибай волю его в юности, и сокрушай ребра его, доколе оно молодо, дабы, сделавшись упорным, оно не вышло из повиновения тебе. Учи сына твоего и трудись над ним, чтобы не иметь тебе огорчения от непристойных поступков его (Сир. 30:7–13)

Мои любезные воспитанники! Слышите ли, какую сторону воспитания желает поставить нам, воспитателям вашим, на самый первый и главный вид священный библейский мудрец? Рьяный и свободолюбивый возраст ваш, почуяв в этих словах ветхозаветного наставника и воспитателя нечто для себя суровое и жесткое, пожалуй, будет противопоставлять им другие, более мягкие и гуманные, более современные и по вашим предположениям – более высокие идеалы воспитания. А я скажу вам, что для воспитателей и руководителей юношества, какого бы времени и развития они ни были, наставления библейского мудреца никогда не потеряют своей силы, потому что содержат в себе чрезвычайно веское и правдивое порицание одностороннего благодушия и беспечности при воспитании, и на опыте основанное предупреждение насчет печальных последствий слабой и балующей системы воспитания. А пришло мне на мысль взять слово священного мудреца для беседы с вами вот почему. Доводилось мне слышать, то в виде неясных и глухих отголосков со стороны, то в виде случайных, довольно впрочем наивных и простодушных проговорок, а то и прямых сетований прямо из вашей среды, – проговорок хоть и не и мне адресованных, но все равно ко мне же дошедших, – что, будто

бы уж слишком тесное и неудобное житье вам под нашей опекой, что назираем-де мы каждый шаг ваш, что гоняемся за мелочами, что ловим всякий проступок ваш и норовим карать за него, как за преступление какое, и многое другое все в таком же жалобном роде. А я так напротив все опасался, не слишком ли много дается места благодущию и снисходительности к вам с нашей стороны, не слишком ли много и часто пропускаем мы разных, так называемых, мелких проступков ваших, смотря на них, как говорится, сквозь пальцы, как бы не желая видеть и знать их, хоть мы и видим их и знаем, и не соблазняетесь ли вы всем этим? Т. е. понимаете ли, и принимаете ли вы все это именно как благоразумную снисходительность с нашей стороны, или может быть она отдается на вас как воспитательная слабость, дающая вам повод злоупотреблять нашей добротой? Такая опасливость наша тем естественнее, чем живее чувствуем мы лежащую на нас великую ответственность за вас пред Богом, обществом и собственной нашею совестью. Все эти недоразумения и опасения и расположили меня поговорить с вами о столь любимой вами свободе в поведении и просторе действий, и о значении этого простора и этой свободы в воспитании, а равно и о тех строгих и твердых границах, которые велит ставить священный мудрец свободе воспитанников и развивающихся детей. Прошу выслушать меня с спокойным рассуждением и без всяких предзанятых мыслей и готовых предубеждений, что дескать начальнику о чем же и говорить прилично, как не о стеснении свободы, когда дойдет о ней речь и пред воспитанниками. Приличием, конечно, мы дорожим, как следует, – но будьте уверены, что еще более дорожим мы истиною и вашим благом. Из этого именно источника и пойдет моя речь.

Надо нам с вами, во-первых, установить правильный и зрелый взгляд на свободу. Великий это дар Божий человеку, превозносящий его бесконечно над всеми низшими его тварями, равняющий с Ангелами и уподобляющий самому Богу. Высокий характер нравственного существа и великое значение личности – разумно-духовной, придает человеку не что иное, как эта именно способность его самоопределять себя к деятельности,

независимо и непринужденно ни от кого и ни от чего, а по собственному усмотрению и рассуждению. Значит, мы не погрешим, если назовем эту способность свободного произволения в человеке тем лучезарным фокусом, в котором сосредоточены и откуда искрятся и брызжут все лучи его богоподобия. От того-то, конечно, так сладка и дорога людям свобода, и столь болезненно для них ее лишение и всякого рода насилия и притеснения. Но это не значит, что все глубоко понимают значение своей свободы и верный имеют взгляд на этот высокий дар свой. Мальчику, изучающему с тугой сердечной обязательный урок свой по книжке, когда за окном перед ним привлекательный простор, игра и радость жизни, – этому мальчику, тоскующему о свободе и жалующемуся на ее стеснение, при всем нашем сочувствии к нему, нельзя однако же не сказать, что жалоба его неосновательна, и что он ошибается, считая себя притесненным. Точно также если бы и более зрелый и взрослый юноша, но не вышедший однако же из учебного заведения, стал бы протестовать и жаловаться, зачем, напр., звонок его будет в шесть часов утра, когда хочется ему поспать до семи, зачем предлагают ему пищу, не справляясь со временем его аппетита, а только в уставное часы, зачем велят ему, становиться на молитву, когда он может быть не расположен к этому, зачем велят изучать то, а не это, и притом обязательно в известное время, когда хотелось бы заняться совсем другим, или отдохнуть и развлечься, зачем велят держать себя так, а не эдак и проч...; – если бы, говорим, этот юноша пресерьезно стал вздыхать о счастии людей, ко всему этому не обязанных, то неужели бы он не был смешным? А если бы он самовольно стал проделывать разные секретные лазейки из дисциплинарной ограды на простор и свободу, – то неужели бы он не заслуживал соответственного наказания? А если бы за такие наказания он стал бы устроить даже какие-нибудь неприятности своим воспитателям и приставникам, и в виде протеста стал бы нарочно повторять уклонения от заведенного порядка, то неужели бы не следовало такому упрямцу показать дорогу совсем вон из заведения...? Если бы даже прямой арестант и узник, – вот из тех, что сажают в острог стал бы

кричать и роптать, зачем лишили его свободы, то неужели кто из умных и благонамеренных людей назвал бы этот ропот и эти крики основательными и законными?! Так вот – видите: свобода наша сама по себе, а что-то другое, царящее над ней, само по себе! Это-то другое и опускают весьма часто из виду при рассуждениях о свободе и при жалобах на ее стеснение а между тем оно, это нечто, до такой степени важно, что составляет можно сказать самую сущность свободы, входит в ее понятие главным образом, и без чего пропадает все ее значение. Если определять свободу только как способность и возможность делать то, что мне хочется и нравится, и к чему располагают меня мои инстинкты, т. е. мои природные наклонности и естественные потребности; то не высокого достоинства будет такая свобода, и недалеко человек уйдет от животных с такой своей свободой. В самом деле, почему же не назвать в таком случае свободным и горького пьяницу, сознательно губящего свое здоровье и заведомо несущего свой последний грош в кабак? Ведь он делает то, что ему хочется и нравится? Но кому же, разумеется, не видно, что это скорее животное, а не человек, которого страсть пьянственная влечет как на веревке туда, где надеется найти себе удовлетворение. И рад бы не пошел, да надо идти! Почему также не назвать свободным богатого лентяя и неуча, которому судьба дает возможность ничего не делать, и который только и умеет делать, что прохлаждаться в непрерывных чувственных удовольствиях? Хотя кому же не видно, что это другой экземпляр животного в человеческом образе, который и рад бы захотел сделать что-нибудь полезное и благородное, но ленью и изнеженностью он как камнем пригнетен к своей грязи и пошлости, и неволен уже и несилен выдти сам собой из этой тины! А любодей, влекомый постыдною страстию к местам и лицам гнусным, а скупец и корыстолюбец, с волнением любующийся своим накопленным бездушным сокровищем и ненасытно алчущий наживы, а злостный завистник и бешеный мститель, вонзающий оружие в своего противника, – что это, как вы полагаете, свободные все люди, или рабы, которых страсть то внезапно толкает, то медленно, но сильно и неотвратимо, как

броджами и уздою, тянет к предметам своего удовлетворения? Из этих примеров я думаю, вы сами можете усмотреть, как неправильно и поверхностно было бы понимать свободу только в смысле ничем не стесняемого избрания того, что нам хочется и к чему мы наклоняемся своими низшими потребностями и инстинктами. Напротив, и она и состоит в умении и навыке господствовать над этими инстинктами и потребностями; и следовательно она есть способность избирать и делать именно не то, что нам нравится, а единственно то, к чему обязывает нас долг и правда. Долги бывают всякие и самые разнообразные, и нет такого уголка, на земле, куда человек мог бы укрыться от всякого долга, равно как и ни единого нет честного и полезного человека в мире, на котором не лежало бы каких-нибудь специальных обязанностей, – и если вам кажется, что рай и свобода настают сейчас же за пределами школы, то вы наивно ошибаетесь. Когда вы поживете побольше на свете, то вы конечно поймете свою ошибку, и вспомните мои слова. Правда только в том, что есть обязанности более простые и лёгкие, и есть более сложные и тяжелые, и эти обязанности раздаются в жизни провидением *комуждо противу силы его*, т. е. сообразно природным талантам и способностям каждого. У крестьянина свои обязанности и труды, у купца свои, у воина, у священника, ученого, адвоката, правителя, доктора – тоже свои соответственные труды и обязанности. О, если бы сразу можно было перенести вас подальше в будущее, и оттуда показать вам совокупность ваших ученических обязанностей и тот, кажущийся для вас неудобноносимым – долг, который заставляют вас нести в вашем школьном положении! Вы с удивлением усмотрели бы как, в сущности, все это просто, несложно и сравнительно легко. Но это сокрыто покуда от очей ваших. Счастливыми вам кажутся все, кроме вас. Поверьте, покуда хоть на слово нам, что ни о чем быть может с такою приятностью вы не станете вспоминать впоследствии, как о времени своего школьного обучения, – так этот период будет вам дорог! И не потому только, что в нем протекла ваша молодость с ее выпренными надеждами и изящными мечтами, но и просто потому, что вы не знали в этом периоде, во сколько

раз сложнее и изнурительнее обязанностей ученических разные обязанности служебные и тяжести житейские. Что говорить! найдутся люди в обществе, которые свободны невидимому от всяких обязанностей, вольны как птицы, и могут целую жизнь ничего не делать, – вот в роде тех избалованных и изнеженных неучей, о которых и упомянул выше. Но не даром эти бесполезные люди клеймятся в обществе позорным и презрительным именем коптителей неба. Это вредные наросты в обществе, унижающие достоинство человеческое, и обольщаться ихней свободой не только не прилично ни одному честному и порядочному человеку, но и грешно пред Богом потому, что помнить надобно, что кроме обязанностей житейских и трудов гражданских, на всех нас возлагается со дня нашего рождения священное иго закона Божия и благое бремя нравственных обязанностей, которые должны не только проникать собою и завершать, но и подчинять себе все остальные наши обязанности. Так, что, если бы кто по общественному своему и положению и обильным материальным средствам и мог быть свободен от трудов житейских и обязанностей служебно-общественных, то обязанности нравственно-религиозные по отношению к Богу, ближним и самому себе продолжали бы тяготеть над этим человеком во всей своей силе. А сущность этих обязанностей состоит в непрестанной и напряженной борьбе с грешными инстинктами глубоко испорченной и самолюбивой природы нашей; а борьба эта до такой степени всеобща людям и неизбежна стала для всякого сына Адамова, что если бы кто с недальновидною простотою или фарисейским самодовольством сказал про себя, что слава Богу живется ему без всякой борьбы и трудностей душевных, и не знает-де он никаких упреков совести, – то это было бы верным знаком, что человек сей стоит на фальшивой дороге, и нравственное благосостояние его подлежит сильнейшему сомнению. Все это к тому говорится вам, чтобы довести вас до надлежащего и зрелого понятия о свободе. Оказывается, что она не есть ничем не обставленный простор; не есть она и покой, ничем не возмущаемый, и не состоит в беспрепятственном удовлетворении одних только

личных желаний и прихотей. Напротив истинно свободная жизнь человека есть прежде всего жизнь в границах, которые начертывает ему долг и разнообразные обязанности его; надлежащий характер ее есть характер борьбы со всем, что мешает человеку соответствовать своему богоподобному достоинству; сущность же свободы нашей есть, собственно говоря, исполнение святой и совершеннейшей воли Божией. Прошу вас усвоить всем сердцем и душой это высокое понятие о свободе, предлагаемое нам словом Божиим и вытекающее, как вы видите, из самой сущности дела, крепко держаться его во всех тех случаях, когда вам придется выслушивать, или самим иметь рассуждения по разным вопросам о свободе человека и ее отношении к долгу и разным установленным правилам.

Теперь следует нам подойти ближе к главному предмету нашего рассуждения. Если свобода в сущности есть самообладание и господство над низшими потребностями, а истинный характер ее есть характер борьбы; то для успеха в этой борьбе потребны конечно умение и привычка, а они приобретаются практикой и предварительными опытами самоотвержения и подчинении своих личных желаний долгу и предписаниям. О наиважнейшем значении привычки в сфере нашей ограниченной свободы требуется сказать здесь нарочитое примечание. Привычка это есть постоянный внутренний двигатель нашей воли, поддерживающий ее энергию и спасающий ее от нравственного застоя и разных случайных уклонений в сторону от надлежащего направления. В том и состоит ограниченность нашей свободы, что мы не в каждый момент самоопределяем себя к деятельности единственно по сознательному и ни от чего не зависящему акту своей воли. Такова только неограниченная свобода Господа Бога. Для нашей же воли потребны, так сказать, непрерывные облегчающие толчки, или некоторое вспомогательное тяготение, дающее ровное и неотклоняемое направление нашей воле. Это все равно, как при движении под гору собственная тяжесть идущего облегчает ему движение. Не замечали ли в своей среде и над собою, что, например, трудолюбивого ученика, так

сказать, тянет уже к труду, ничего неделанье и праздность приносит ему тяжелую скуку. Человеку, приобывшему к скромности, как будто кто совне налагает печать на уста и бережет от необдуманных и опрометчивых слов; вежливый – незаметно для себя делает приличное движение и принимает почтительную позу в потребных случаях; правдивый – с краскою стыда остановится при вызывающем случае и поводе ко лжи; искренний и честный, в случае даже какого-нибудь проступка с своей стороны, как бы инстинктивно изберет один выход из своего затруднения, именно признание и раскаяние, – и т. д. Также слагаются и такой же силы бывают и обратные дурные привычки. Допустил себе человек раз несколько уклониться от дела и поблажил себе, – и лень готова уже затянуть его в свои объятия. Несколько безнаказанно допущенных случаев дерзновения, горячности и лжи – так и пойдут увлекать юношу к разным протестам, к дерзости, к заpirationству, к озорничеству и проч... И здесь привычка и обычай могут сильно влиять на направление воли, и портить его. Это и не с юношами только так, но и с людьми зрелыми и пожившими. И чем крепче успели образоваться у людей добрые привычки, тем вернее обеспечена их добродетель. А если бы по каждому отдельному случаю доброй деятельности приходилось нам, так сказать, сначала приводить себя в движение, делать над собой как бы отдельные и независимые от предшествующих опыты самоопределения; то и каждое простое и доброе дело было бы для нас самостоятельным и единичным подвигом, и для такого непрерывного подвижничества, можно сказать, не хватило бы ни одного из нас. Итак, судьба нашей свободы и доброе направление воли зависит от предварительной практики в добре и приговорительных опытов самоотвержения и подчинения своих личных желаний долгу и предписаниям.

Теперь спрошу вас, когда же бы настала для вас эта практика и эти предварительные опыты, если бы в период вашей юности и обучения мы оставили бы вас вашим собственным произволениям, и разные правила вашего поведения и инструкции имели бы только для формы и приличия, слегка об них напоминая вам в потребных случаях? И

какие бы результаты принесло вам такое воспитание, и такое баловство с нашей стороны? Известное дело, что юность есть самая благовременная пора для приобретения всяческих добрых навыков; потому что сердце юноши еще не засоренное житейскими нечистотами, чутко бывает ко всякому доброму и благородному впечатлению, а воля его еще не искривленная развращающими влияниями суеты мирской и еще не проложившая для себя какого-нибудь решительного направления, легко может взять именно доброе направление и в нем окрепнуть. Но, с другой стороны, юность есть и самая горячая, и так сказать рискованная пора для юношей. Живость чувства и фантазии и перевес этих способностей над судительною силою, вследствие недостатка опытности и непривычки глубоко анализировать окружающие вещи и явления, легко могут увлекать юношей ко всякого рода крайностям, излишества и ненормальностям, и в этом неблагоустроенном тоне и беспорядочном направлении закреплять их деятельность на все последующее время. На этом то основании премудрый сын Сирахов рьяную юность сравнивает с необъезженным конем и говорит, что как этот конь бывает упрям, так и сын, оставленный на свою волю, делается дерзким. Значит в пору-то юности и оказывается настоящая нужда ставить твердые границы и начертывать разумные педагогические планы для жизни и деятельности молодых людей. Пусть об эти границы, как бурные волны о гранитные стены, толкается юношеское самоволие и мечтательность, пусть даже испытывает от этих толчков нечто болезненное и стеснительное юношеская страстность и порывистость, – это ничего, пройдет! Но зато впоследствии жизнь юношей, возросших под заботливой и мудрой опекой, примет спокойное, серьезное и правильное течение по житейскому руслу, и благополучно донесет их под конец свой к тихому пристанищу в обителях отца небесного. Вот, господа, где последняя цель всех наших строгостей к вам, и где таится подлинный смысл всех так называемых вами притеснений наших! Собственно говоря, все эти вопли о притеснениях совершенно в порядке вещей – после того, что я сейчас сказал о юношеской страстности и жажде

безграничного простора. Когда же и где не жаловалась молодость на суровую опеку своих приставников? Но и скажу вам: а где же это видано, чтобы молодость оставлять без призора и опеки? Там, где это водится, – выходит очень плохо во всех отношениях, и притом не для одних только молодых людей, а и для их воспитателей, и для целого общества. И оправдывается слово древнего священного мудреца: *лелей, т. е. балуй дитя, и оно устрашит тебя*, т. е. наделает тебе хлопот необузданностью своего характера *играй с ним*, т. е. потакай ему, *и оно опечалит тебя*. И потому следует нагибать выи воспитанников в юности, по метафорическому изречению древнего мудреца, и сокрушать ребра их, т. е. воспитывать с надлежащею строгостью, и держать до времени в некоторой тесноте, дабы не иметь огорчения от непристойных поступков их впоследствии, и дабы сумели они во благо себе воспользоваться своей свободой, когда она придет к ним в возрасте зрелом.

За всем тем должны быть, конечно, границы и для самой строгости воспитательной. Благожелательная любовь попечительная заботливость должны идти рядом с этой строгостью, дабы она не перешла в холодную суровость, умеющую только стеснять, нажимать и карать. Но будьте же уверены, что мы это хорошо понимаем и помним. Сами мы были в вашем возрасте и в вашем положении, и поверьте, что ничто ученическое, ничто, чем волнуется теперь ваше молодое сердце, и к чему стремятся ваши юношеские умы, нам не чуждо и не безразлично. И кто же не знает в самом деле, что человек не машина, а живая личность, и что в каждой личности есть свои особенности, зависящие от темперамента, природных склонностей и способностей, и что стирать и обесцвечивать до безразличия эти особенности на тотальной системой воспитания, – дело непедагогичное, и все водить только детей на помочах и целый век держать их в потемках, – не значит воспитывать? И если бы в недобрый час вы в самом деле вообразили, что мы только того и добиваемся, чтобы выделать из вас робких и забитых автоматов, как две капли воды похожих один на другого; то это была бы не только грубая ошибка с

вашей стороны, но и тяжкое нам оскорбление. Помилуйте, кому могут нравиться, и на что могут годиться такие нравственные калеки и убогие духом личности? Всего менее они годились бы для пастырского служения Церкви, где требуются (особенно по нынешнему времени) сильные духом борцы с довольным внутренним запасом энергии и с крепкими убеждениями и непоколебимо-добрыми правилами жизни. Вот именно эту силу и хотим мы создать в вас всеми зависящими от нас мерами, и с этою целию стараемся оградить вас от разных посторонних растлевающих влияний, дабы видеть вас при выпуске из нашего заведения не только по телу здоровыми и цветущими, но и по уму развитыми и благонамеренными, и особенно по сердцу чистыми и нравственными. Как вы сами теперь видите, что для всего этого неизбежно склонять вашу выю – по выражению мудреца; но это склонение направлено лишь под иго закона Христова, – и как же сему иначе быть? Что это склонение вы и идёте, однако же без всякого насилия, в этом, признаюсь вам, я совершенно убежден. Т. е. что мы умеем отличить от важных проступков случайные отступления ваши от установленных правил, ненамеренные ваши ошибки, разные нечаянные ученические проступки, и даже резкие довольно, но все-таки естественные в вашем возрасте, шалости умеем оценивать по их действительному характеру и достоинству, и покрывать их снисхождением и всепрощением, то в этом я не боюсь сослаться на вас же самих. Да помилуйте, чем же мы ежедневно занимаемся, как не этим делом? Я выше высказал даже опасение, не слишком ли уже широко мы прилагаем к вам систему снисхождения, – и поверьте, это не фраза, а искреннее мое слово. Охотно допускаю я даже и ту возможность, что были и еще, пожалуй, будут ошибки с нашей стороны в приложении к отдельным случаям из вашей ученической жизни разных дисциплинарных, исправительных и наказательных мер. Но что же делать? Непогрешимости никто не дерзнет себе усвоить; а вас огромная и притом разнообразнейшая семья у нас, – поневоле иной раз приходится действовать, руководствуясь только общими некоторыми правилами педагогики и дисциплины. При этом, если бы сами вы дела свои всегда вели на чистоту, т.

е. были бы всякой раз искренни, сознательны и простодушны, то этим устранили бы, можно сказать, всякую возможность ошибок с нашей стороны. Если бы мы заметили, что в вашем обществе создан некоторый благородный товарищеский дух и строгое общественное мнение, – как это бывает между благовоспитанными юношами, в силу которого вы сами не потерпели бы в среде своей дурных и испорченных личностей, – то нам только бы оставалось утешаться и радоваться, на вас глядя. Столь любимый вами идеал доверчивых и непринужденных семейных отношений тогда совершенно был бы возможен, и установился бы между вами и нами сам собою. Поймите же, что установить его – не столько в наших, сколько в ваших руках. Придвиньтесь-ка поближе к нам вы сами, заслужите наше доверие своею искренностью, порядочностью и благоповедением, – и то, чего вы желаете от нас, придет тотчас же, и всякое средостение, воздвигаемое нашими самовольным и самодельными планами и прозами жизни, рушится и падет само собою.

В заключение моей беседы с вами, так как уже на то пошло, я сделаю примерное указание даже и прямо на некоторые наши воспитательные и дисциплинарные меры, могущие вам не нравиться. Ну вот, напр., мы целую массу вас собираем в одну сдешнюю церковь, хотя многим из вас удобнее было бы ходить в другие храмы, более близкие к их квартирам. Это конечно своего рода стеснение, и вы можете возражать про себя, что дескать разве не все равно молиться Богу в том или другом храме. Так. Но будемте искренни. Неудобство хождения вашего на молитву издалека – вернее все-таки обеспечивает вашу исправность к молитве. Разве не может случиться, и не случается, что вдали от наблюдения и присмотра человек и вовсе заленится пойти в церковь, хотя она и близко? Между тем, когда мы здесь видим вас, – мы покойны за вас. Пред этим вы должны преклониться. Некоторое неудобство вашего хождения сюда совершенно вознаграждается удобством нашего наблюдения за вами. А что во всяком храме одинаково можно молиться, – то именно это-то обстоятельство, мне кажется, и должно располагать вас к послушанию. Ну вот еще мы

отбираем у вас разные книги, добываемые вами со стороны, и не велим читать их без нашего разрешения. Опять стеснение! Однако же мы не гасильники какие-нибудь, ни во что вмещающие ваше умственное развитие, и не понимающие истинного значения и ученых, и образовательных книг. Нет, мы только озабоченно бережем ваше время, которого не мало требуется для ваших ближайших учебных занятий, и, кроме того, яснее вашего видим, какое чтение может быть для вас преждевременно, бесполезно и даже опасно. Подожди любезный, – эта книга, влекущая тебя как запретное сокровище мудрости, не уйдет от тебя. Поучись побольше и посозрей, – тогда не только эта, но и всякие другие книги тебе в руки. Что же? Разве не обязывает вас к повиновению такая озабоченность наша насчет умственного и нравственного вашего благосостояния? Тесним мы в вашей среде и табакокурение. Но о вреде, неприличии и неудобстве этой привычки для духовного в особенности воспитанника я имел уже специальное рассуждение с вами в этом же храме. Преследуем мы и другие, более серьезные по обстоятельствам, и более непристальные и неидушие к вам поползновения, напр. уклонение от строгого исполнения уставов Церкви, наказываем за разные проявления неводержности, грубости или невежливости, упрямства, неряшества, лживости, лени и проч...; помышляем же о том, чтобы внедрить в вас, или по крайней мере поставить вас на дорогу к тому, *что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала* (Флп. 4:8), как говорит Апостол. Что же, неужели за все это мы заслуживаем названия гонителей и притеснителей? Помилуйте! не вам бы это говорить, а не нам бы это слушать!...

На основании всего вышесказанного приглашаю вас разумно и свободно принять начертанные нами правила в руководство вашей жизни, и благодушно подчиняться тем воспитательным и дисциплинарным мерам по отношению к вам, которые вызываются иной раз настоятельной нуждой и обстоятельствами времени. Заклучу же апостольскими словами: *Умоляю вас поступать достойно звания, в которое*

вы призваны, со всяким смиренномудрием и кротостию и долготерпением снисходя друг к другу любовью, стараясь сохранить единство духа в союзе мира (Еф. 4:1–3). Аминь.

Поучение воспитанникам семинарии – при начале нового учебного 1879–80-го года

С нынешнего дни начинается наш новый учебный год. Таковые дни имеют некоторую особую знаменательность в жизни каждого учебного заведения. Воспитанники с обновленными силами собираются шагнуть вперед в своем учебном курсе, и с понятным удовольствием сознавая себя в новых и высших классах, рвутся ближе стать к своим задушевным целям и юношеским надеждам. Но всякий раз и мы, ваши руководители, встречаем начало нового учебного года не без некоторых оживленных надежд на нечто лучшее и новое. По естественной аналогии и однородности настоящего дня с прошлогодним вступительным днем учебным, – и я невольно осматриваюсь назад, и на основании прошлогодних опытов и воедино собранных моих наблюдений и впечатлений, желал бы теперь сообразить и угадать нечто лучшее в дальнейшем ходе учебно-воспитательной жизни дорогого мне учебного заведения вашего. Живо припоминается мне, как год тому назад, в качестве нового вашего начальника, с этого же священного места я вел с вами беседу о высоком и священном вашем долге нравственного самовоспитания в школе и о том, как трезвенны и самоопасливы должны вы быть при решении вопроса о своей дальнейшей ученой и жизненной карьере за стенами семинарии. Тогда я главным образом имел в виду те зловердные и растлевающие элементы нынешнего времени, которые разными путями, и в особенности книжным путем, врываются во все почти наши учебные заведения; а с другой стороны тот простор и легкость, с какою могли вы покидать духовную школу и переходить в светские заведения, гоняясь за разными посторонними целями, кроме ученых и просветительных. Истекший год довольно таки познакомил меня с вами, и я чувствую себя уже настолько погруженным во все касающееся вас – и мелкое и важное, приятное и неприятное хорошее и дурное (а было-таки всего довольно), – служебная, говорю, деятельность моя и жизнь уже настолько связана с

вашею жизнью и судьбою, что желать и ждать всего лучшего для вас при начале нового учебного года – у меня много новых и серьезных поводов. Великую новость принесло для вас в прошедшем году распоряжение высшей власти, затруднившее вам выход из семинарии для уклонения в чужую светскую область. Эта новость настолько важна и для нас – ваших начальников и настолько должна быть, как кажется, плодovита по своим последствиям и для вас и для нас вместе, что побеседовать о них прямо и откровенно с вами в теперешний вступительный учебный день есть особый довод, я же с своей стороны чувствую горячую и искреннюю потребность.

Сильно, я знаю, не полюбилась вам эта новость; и нетрудно угадать, как должно быть больно озаботила она всех вообще духовных воспитанников, судя по тому, что они доселе массами отливали из местных семинарий в настежь открытые для них двери университетов и других светских учебных заведений. Теперь двери эти сузились, и для многих семинаристов и почти совсем закрылись, и притом почти накануне того момента, когда обыкновенно входили этими дверями. Истинно говорю, жаль мне вас, жаль и прочих иногородних собратий ваших, которые все же не чужие нам, а также наши духовные воспитанники. Жаль потому, что нельзя мне кажется не сочувствовать сострадательно всему вообще, что больно и не приятно для кого бы то ни было, а тем более для присных по званию и происхождению. В частности, вам должен быть известен мой личный взгляд на выход ваш из семинарии. Припомните, как я в сем же храме не обинуясь говорил вам при начале прошлого учебного года, еще не зная, что принесет вам этот год. «Господь с вами, – говорил я вам, – идите от нас, куда хотите, только выходите хорошими и полезными для общества людьми!» И теперь я охотно повторил бы вам эти слова, если бы не было опасности, что они отзываться и будут иронией. Но за то я могу теперь также торжественно, как и тогда, сказать вам, что никакой особенной радости и удовольствия я не чувствую от того, что вам приходится, может быть не произвольно, толпиться теперь в стенах семинарии. Но дело в том, что когда приходится рассуждать теоретически и с общей точки зрения о

каких-нибудь правительственных мерах; то справедливость требует запастись полным и беспристрастием и своего рода гражданским мужеством, т. е. отрешиться от всех личных интересов и наших отдельных практических соображений, а иметь в виду только одну чистую истину и правду, как бы неприятно может быть она ни отдавалась на нас. А при этом оказывается вот что.

Существенная и верховная цель всякой общеобразовательной школы, каковы все наши средние учебные заведения, а следовательно и духовные семинарии с их четырьмя общеобразовательными классами, состоит не в чем ином, как в достаточном умственном развитии воспитанников, в соответственной возрасту их учебной зрелости и в ровном и прочном усвоении основных знаний по всем главным отраслям наук. О специальных отраслях научных и предпочтительном изучении одних отраслей пред другими в таких школах не должно быть ни речи, ни заботы. Воспитанники должны учиться просто потому, что ученье есть свет, не развлекаясь по сторонам, не справляясь, что выйдет из занятий их по тому или другому предмету, когда можно будет приложить им свои знания, и чем один предмет преимуществоует пред другими, и такое серьезное и бескорыстное отношение к делу естественно есть и самое желательное и самое здоровое в средних и школах; оно сообщает им чисто научное направление с самыми богатыми задатками для всестороннего и самостоятельного развития в будущем, придется ли воспитаннику посвятить себя какой-нибудь отдельной научной специальности в высшей школе, или прямо поступить на гражданскую и общественную службу. Таковым серьезным и гуманно-свободным направлением отличались наши древние духовные школы, – и в этом была их сила. Много было недостатков, неполноты и пробелов собственно в их учебном курсе; некоторых наук, по слабой их постановке, почти не существовало вовсе, и потому воспитанники наши, надо в этом сознаться, не отличались обилием знаний и многосторонним образованием; но за то драгоценное формальное развитие их стояло всегда довольно высоко, потому что то не многое, что

считалось главным и около чего сосредоточивалось обучение, шло серьезнейшим образом. Новый устав, преобразовавший духовные семинарии, восполнил их прежние недостатки, расширил учебный курс и доставил на надлежащую высоту те науки общеобразовательного характера, которые были и прежде в унижении, и уничтожил вредное разграничение между так называемыми главными и якобы побочными предметами. И справедливость требует сказать, что научное образование духовных воспитанников значительно поднялось сравнительно с прежними временами, и объем их знаний увеличился заметно. Истинно говорю вам, что мы люди прежней духовной школы, смотря на вас не мало имеем поводов сожалеть, что учились не теперь, а тогда. Между тем практикою последних времен открылось одно крупное обстоятельство, которое могло и уже стало вредить устойчивости, определенности и серьезности семинарского образования, – я разумею тот разросшийся было до крайних пределов обычай духовных воспитанников оставлять на полудороге свой учебный курс, и ту облюбленную ими возможность перескакивать из средней школы в высшие, которая существовала до последнего времени и которой положен конец с нынешнего учебного года. Ведь не стало же кому-нибудь, в самом деле, неприятно и досадно, что так много семинарских воспитанников рассыпается по высшим школам. А усмотрено должно быть, что в массе этих воспитанников стало увеличиваться число людей, без фундаментальной подготовки принимающихся за высший курс научный, и таким образом стало накапливаться немало юношей легкомысленных, с неустойчивыми и колеблющимися убеждениями, – вообще с ненадежной научной закваской. Конечно, отсюда должны быть исключены те, тоже немалочисленные – дельные и даровитые молодые люди из нашего ведомства, которые всегда составляли истинное приобретение для наших высших отечественных школ; но для них и теперь не закрыты эти школы, а лишь доступ к ним соединен с более серьезными условиями. Эта новая мера, конечно, должна произвести сильное отделение плевел от пшеницы, т. е. слабосильных и ненадежных воспитанников от зрелых и сильных. Что делать,

что рядом с пшеницей растут непременно и плевелы, с претензиями быть и считаться пшеницей! Но и самая пшеница бывает различных качеств и достоинств; и если хозяин задумает заняться рассортировкой ее по достоинству, или очищением ее от плевел, – то несмотря на некоторую, может быть, хлопотливость и затруднительность этого дела, оно не будет все-таки несправедливо и нецелесообразно. А целесообразность новопринятой меры по отношению к духовно-учебным заведениям яснее откроется, если мы с беспристрастной откровенностью приведем на память и возьмем в соображение то, что случалось или могло случаться до этой меры с духовными воспитанниками – главным образом во время пребывания их в родной семинарской школе. Обольщаемые дешевою возможностью быть со временем питомцами высших светских школ, которые чем-то особенно лучезарным и привлекательным должны были представляться их воображению из скромного и низменного семинарского далека, такие воспитанники, как хотите, не могли не слабеть в своих симпатиях к родной своей духовной школе и ее преданиям, и не чувствовать усиленного позыва вкусить собственно от светской учености, которая такой широкой представляется по своему объему, соблазнительной по характеру и привлекательной по житейским и служебным правам своих представителей. А при таком настроении не диво, что у многих наших воспитанников не оказывалось надлежащего усердия к усвоению семинарского учебного курса, не смотря на его серьезность и даже на превосходство во многих отношениях пред другими параллельными курсами средних учебных заведений светского ведомства. Те, в особенности учебные предметы, которые делают характер наших средних духовных школ и сообщают им свой отдельный учебно-воспитательный тип, служа связующим звеном наших образовательных классов с специально-богословскими и подготавливая к высшему богословскому курсу в академиях, – эти – говорю – предметы в особенности могли страдать от невнимательности и несочувствия духовных воспитанников, втайне мечтавших о светском образовании. Достоинство этих предметов, весьма

важных по своей сущности, могло измеряться такими воспитанниками по той мере, в какой они содействовали переходу их из одного класса в другой, а потому и заниматься ими они расположены были лишь настолько, чтобы иметь по ним баллы не ниже переходных. Даже изучение предметов общего образования много могло терять своей серьезности и строгости от того, что иные наши ученики, рассчитывая при выходе из семинарий на невозможность строгой и точной оценки их знаний по этим предметам на поверочных испытаниях перед чужим начальством, мало заинтересованным судьбами собственно семинарского образования, занимались этими предметами слегка или с неполным усердием; ибо не слишком дорожили одобрением своего ближайшего начальства, и не слишком огорчались его взысканиями, рассчитывая скоро совсем расстаться с духовною школой. Все это, как сказал я выше, заметно стало вредить серьезности семинарского образования вообще, нарушало единообразие и непрерывность учебного нашего курса и рассекало наши семинарии как бы на две самостоятельные половины. Четвертый класс сделался как бы станциею, с которой целые массы духовных воспитанников отклонялись налево от своей прямой цели, задолго предрешая и обдумывая этот поворот, как нечто в высшей степени желанное. По прямой дороге оставалось идти поределое меньшинство воспитанников, менее самоуверенных и предприимчивых, имея во главе своей только единицы лучших и способных товарищей. Ощутительно стал пропадать тот крепкий дух и то бескорыстное научное направление, которым отличались прежние духовные воспитанники и в замен всего того стал развиваться некоторый мелкий и расчетливый практицизм, добивающийся со всевозможным сокращением времени и, если можно, без труда и без всяких помех восхищать всевозможные ученые дипломы и соединенные с ними ученые права и житейские преимущества. Искушение и приманка к этим противозаконностям стали так велики и ощутительны, что в наши семинарии потянулись толпы инословных воспитанников из других учебных заведений – лишь за тем, чтобы миновать разные научные трудности им предстоявшие,

или вознаградить у нас свои учебные неудачи и затем в толпе природных семинаристов незаметно очутиться у дверей высших светских школ, до которых добраться иным путем им было невозможно. Такая ненормальность рано или поздно должна была прекратиться, – и вот ныне она прекращается.

Вместе с учебным, и нравственно-педагогический строй в семинариях тоже не мог не колебаться, или по крайней мере мог колебаться от доселешних порядков. Известное дело, что кроме основных педагогических целей, которые общи, разумеется, всем учебным заведениям, – именно: чтобы приготовить для общества и выпускать юношей с прочными нравственными задатками, так чтобы из этих юношей впоследствии вышли честные и благородные люди, кроме этих, я говорю, общих целей, – каждая школа имеет свои специальные цели, к которым она всем своим строем и подготавливает своих питомцев; а для этого она так раскладывает их труд и время, такую предлагает им умственную пищу и с такими учебными сочетаниями, и вместе создает такую для них инструкцию правил поведения, чтобы незаметно сложилось в них определенное и прочное направление, вполне совпадающее с тем родом общественной деятельности и государственной службы, которую придется нести им по выходе из школы на поприще свободно-практической жизни. Вследствие такого специального педагогического устройства каждое учебное заведение имеет свою отдельную, так сказать, нравственную физиономию. Школа, ничем иным не озабоченная, кроме формального исполнения данных ей сверху учебных программ, и не направляющая нравственного строя своих воспитанников, их характера и поведения в соответствие и согласование с их будущей судьбой и их специальной службой обществу, есть бесцветная и бесхарактерная, и потому самому ненадежная школа. В нее может закрасться и вырасти в ней все, что угодно будет посеять каким-нибудь непрошенным педагогам и злонамеренным тлителям юношеских нравов. Все это до такой степени считается верным и общеизвестным по суду здравого смысла, что сложилась даже пословица – что «в чужой монастырь со своим уставом не ходят». Наш монастырь,

т. е. духовно-учебная наша школа, как показывает и самое название ее, должна быть по преимуществу и духовною школой, а следовательно, и устав семинарский должен быть запечатлен именно духовным характером. Потому-то как в программу образовательных предметов учебных вводятся у нас некоторые такие, которые имеют связь с специально-богословскими предметами и готовят к высшему духовному образованию; так в особенности система нравственных правил строится у нас таким образом, чтобы воспитанники развивались преимущественно в религиозном и благоговейном настроении. Теперь представим себе, что бывало, какой-нибудь наш духовный юноша, основываясь на легкости поступления в любую светскую высшую школу, заранее назначал себя для светского звания, и лишь по необходимости до известного срока разсудил остаться в стенах семинарии, чтобы заручиться только учебными правами на выход из нее. Естественно, он оказывался в каком-то фальшивом и раздвоенном настроении. Он чувствовал себя, и согласно своему тайному настроению, начинал вести себя – как скрытный и недовольный пасынок, а не как покорный искренний сын своей родной школы. Наши обычаи по всей вероятности не находили симпатии в его сердце, потому что не подходили под излюбленный им жизненный идеал; наши правила скорее всего казались ему строгими, а наши слова вразумления и наставления были жестки для его слуха и сердца. Не пойти, например, к богослужению для этих бывших пасынков наших, – мелочь; есть скоромное в пост, – дело не зазорное; отпустить какую-нибудь резкость, – своего рода молодечество; сболтнуть кощунственную остроту, – признак ума и опыт независимости и т. д. Такие потаенные философы и фарисеи школьники наши непременно потянутся за всякой запретной книгой, как за источником мудрости, что им ни говори об опасности и преждевременности подобного чтения; они едва ли захотят понять справедливость наших требований о строгом соблюдении дисциплинарных и учебных правил; они не огорчатся вместе с нами и не поболеют душой, по сыновнему и по семейному, о каких-нибудь внезапно стрясшихся

неустройствах, или все еще по старинным преданиям живущих каких-нибудь недостатках нашей духовной сферы, или их же приютивших школ духовных; напротив они в тайне может поражаются нашим огорчениям, – и не пропустят случая стать в ряды наших противников, когда можно сделать это безнаказанно. И все это потому, что они не наши в душе, что они отчуждали себя заранее от всего, что носит название духовного и семинарского; что привыкли изображать себя в собственных глазах некоторыми рыцарями, рвущимися из тьмы к свету, из тюрьмы на свободу, нисколько не сознавая, как малоценны в сущности их замашки, и как следовало бы вести себя истинным благородным рыцарям. Но молодость обыкновенно близорука, самоуверенна и порывиста; а молодые люди нашего звания и нашей школы, разумеется, не могут же быть чужды, обычных недостатков своего возраста; а следовательно трудно было бы требовать от них всеобщей стойкости и философского отношения к своему положению; трудно значит и предположить, чтобы многие из них не поддавались искусительному обаянию простора и воображаемой ими совершенной независимости и безнаказанной необузданности за дверями родной, но разлюбленной ими духовной школы, которая даже, до сих пор но старинному и закоренелому предубеждению все еще, продолжает обременяться горькими (хоть в сущности и несправедливыми) упреками от светских людей в какой-то сословий замкнутости и религиозной якобы нетерпимости. И мне кажется, этому-то фальшивому и натянутому положению наших духовных воспитанников, в каком держала их до последнего времени обольстительная ничего не стоившая им возможность бросать свою школу по первому желанию и менять на другую, – этому-то, полагаю, не нормальному обстоятельству и одолжены может быть наши семинарии не малым количеством накопившихся в них за последнее время дурных элементов, незаметно подтачивавших наше учебное благосостояние и воспитательно-дисциплинарное благоустройство. Да исчезнут же повсеместно эти элементы да окрепнут и обновятся наши духовные школы с нынешнего учебного года, принесшего с

собой столь важную правительственную меру, ограждающую наших воспитанников от рассеяния, суетливости и нравственной неустойчивости.

Этим общим благожеланием хотелось бы мне все-таки закончить нынешнюю речь свою к вам. Желал я сначала поделиться с вами всем, что у меня было в мыслях по поводу новой правительственной меры относительно вас; и мне кажется, если вы дадите больше места беспристрастному и холодному размышлению, чем непосредственным личным ощущениям своим, то согласитесь с моими словами, хотя горечь их правды не перестанет конечно быть горькою и не принесет вам много сладости на практике. Но что делать, когда сему быть пока нельзя иначе? Вместе с вами горячо бы я желал всевозможных улучшений нашего духовного быта, его материального довольства и обеспеченности, равно как и самого прочного и неколеблющегося авторитета всех наших духовных школ и присвоенных им учебных и ученых прав, – так чтобы соседние и параллельные светские школы ничего не имели, чем бы могли сманивать вас к себе и оттягивать у нас отборные умственные силы, которые без того добровольно бы шли может быть на духовную службу. Всего этого имеем мы полное право желать, и на все это крепко надеемся, поручая себя таинственному водительству промысла Божия, лучше всех конечно ведущего истинные интересы Церкви Христовой и ее служителей. Но пока, что там еще будет, – надо действовать, а не плакаться бесполезно на свою судьбу. Вместо всех этих сетований, бесцельных протестов и малодушных жалоб на свое положение надо непременно придти к каким-нибудь ясным и определенным заключениям относительно этого положения. Надо придумать что-нибудь рациональное и путное, надо на что-нибудь решиться и таким образом устроиться, чтобы ни в каком случае не ускользало, а напротив упрочивалось наше будущее благо. Если нельзя задаром, или так легко как прежде охватить его, то надо теперь завоевывать и добывать его всеми зависящими от нас законными мерами. А эти меры только вот какие могут быть.

Во-первых, крепкое и серьезное изучение наук по программе семинарского курса. Программы эти так солидно и целесообразно составлены, что овладевший ими юноша может быть совершенно уверен, что он готов и способен идти ко всякой дальнейшей научной дороге, чрез какое бы высшее учебное заведение она ни пролегала. В наших программах есть предметы, которые особенно содействуют умственной зрелости воспитанника, и которых нет в программах других средних заведений, или же есть, но в сокращенном и отрывочном только виде. Пусть же не пропадает задаром для вас это преимущество семинарского курса. Отдайтесь безраздельно своей собственной школе, усвойте все, что она предлагает вам, отбросьте по крайней мере на время вашего семинарского обучения всякие посторонние расчеты житейские и преждевременные планы об устройстве своей будущей карьеры, – и поверьте, вы не будете в проигрыше. Вы подниметесь в собственных своих главах, поднимете достоинство своего родного заведения и возвысите авторитет нашей семинарской науки, которая до сих пор от того, можно сказать, и колебалась, что вы обращали ее в какое-то постороннее и мимоходное средство для достижения совершенно чуждых нам целей. Знание крепкое и основательное само в себе есть великий капитал, на который можно купить впоследствии все что угодно. *Приобретение мудрости гораздо лучше золота, и приобретение разума предпочтительнее отборного серебра*, говорит премудрый (Притч. 16:16). Это в том смысле, что человек запасшийся этим знанием, годен будет на всякое дело и может проложить себе тысячи дорог к своему благополучию. Те из вас, которые думают все-таки выбрать для себя светское образование (а я опять повторяю, что мы отнюдь не думаем стеснять этого выбора), должны принять мои советы к сведению не менее тех, которые рассчитывают пройти у нас весь семинарский курс, – даже более этих последних. В самом деле, если попасть в высшую светскую школу уже нельзя без предварительного экзамена зрелости в гимназии, – то, что надо делать? Как можно основательнее и зрелее пройти те науки, отчета в которых

потребуют на стороне; а для этого, говорю вам, семинарские научные программы с лихвою достаточны, – только не ленитесь основательно их пройти, чтобы не ударить лицом в грязь. Как человек, служивший в том ведомстве, на суд которого придется вам предстать с своими знаниями, могу вас уверять, что и тамошним воспитанникам аттестат зрелости достается далеко не задаром и не как-нибудь исподволь. Он всегда есть награда за неослабные труды в продолжении всего курса и за основательное знание пройденных предметов. Следовательно, и тем из вас, которые вздумают попробовать счастья на новом пути и у чужого начальства, придется затрачивать все свое учебное время на усвоение вашего семинарского курса, потому что его только что может хватить на это серьезное дело. И если по некоторым застарелым преданиям семинарским, вы привыкли больше рассчитывать на наше снисхождение, чем на собственные труды, то эти привычки придется отложить вам в сторону. Не затем все это говорится вам, чтобы запугать вас, а напротив, чтобы вернее обеспечить вам успех. Сил, способностей, дарований и трудолюбия у вас не нет, я знаю; значит робеть и малодушествовать вам не приходится. Заниматься только надо своим прямым делом, – и больше ничего. Успех будет несомненный. Да и всех вас, господа, прошу принять эти слова мои к сердцу. Не чувствуете ли вы сами, что все мы переживаем теперь новое какое-то время, когда от всех требуется серьезный труд и добросовестное занятие прямыми и ближайшими своими делами, и без этого условия проскользнуть куда-нибудь в люди и добыть себе что-нибудь прочное в жизни разве изредка кому-нибудь может удастся?! Значит, трудиться надо и учиться как можно серьезнее. Не могу вам начертить точной программы вашей будущей жизни и указать определенных путей по выходе вашем из семинарии, чтобы прямо указать вам целесообразное приложение ваших школьных и научных трудов. Почем я знаю, где каждому из вас придется жить и что делать в жизни? да и сами вы, я думаю, не больше моего об этом знаете в настоящие минуты. Одно только несомненно, что если в школе человек, то ему надо хорошо учиться. *Сын мой, говорит премудрый, – если*

ты нашел мудрость, то есть будущность, и надежда твоя не потеряна (Притч. 24:14). Эти слова особенно тем из вас пригодны, которые, затрудняясь теснотою нынешнего времени и большими требованиями от учащихся, и может быть не чувствуя в себе особенных сил для научных трудов, в недоумении могут задавать себе вопрос: «да стоит ли после всего этого теперь учиться»? О, не сомневайтесь в этом! Вы видите, как премудрый высоко ценит премудрость саму по себе, и помимо всяких практических ее приложений. Не всем конечно в одинаковой степени даны природою силы для приобретения мудрости, равно как и не всем суждено занимать почетные и видные места в жизни и это значит только то, что все должны трудиться по силам, чтобы не потерять по крайней мере того, что каждый может приобрести своими трудами посильными. И почем знать, трудолюбие и настойчивое усердие не доведут ли иного и не блещущего дарованиями человека до, степеней, ему представляющихся недостижимыми? Одна лень и недобросовестность никого и ни до чего хорошего не доведут, Противоположную крайность составляют – горячие, не способные, но торопливые и самонадеянные ученики, – и их тоже не нет у нас. Это такие личности, которые, минуя предварительные и кропотливые труды, над учебниками, прямо стремятся срывать цветы и даже плоды науки, полагая в самообольщении, что они как превосходящие своих товарищей, по способностям, имеют право, сидя еще на школьной семинарской скамейке, тянуться уже к высшему знанию. Эти юноши обыкновенно ищут и добывают себе запретных и тайных книг, и с подобающе философам важностью любят напускать на себя интерес к таким вопросам, которые имеют лишь самое отдаленное отношение к их учебному курсу, или вовсе его не имеют. Сплошь и рядом они сильно хромают насчет классических и новейших языков, мало смыслят в математике, не сильны в естествознании, и потому читаемые ими по секрету ученые книги – с рвением, поистине достойным лучшей участи, плохо даже перевариваются в их мозгу и не укладываются в голове; тем не менее эти скороспелые наиболее обидчивы при напоминании им о их ближайших обязанностях, о

нерациональности и вреде любимого ими непосильного и преждевременного чтения. Таковым юношам я повторил бы слова премудрого: *сын мой! Не хорошо душе без знания, и торопливый ногами оступится (Притч. 19:2)...* Если сердце твое будет мудро, то порадуется и мое сердце; и внутренности мои будут радоваться, когда уста твои будут говорить правое (Притч. 23:15, 16). Но в том то и беда, что юные уста этих потаенных искателей мудрости говорят часто не дело, и от умственной торопливости своей они то и дело оступаются, т. е. ненаполненной в школе пустотой своей головы и отсутствием прочного научного запаса они открывают доступ к своему уму и сердцу всяким ветрам учений – по апостольскому выражению, которые могут толкать их то туда то сюда, и в конце концов совершенно удалить от истинной и здоровой мудрости. Это поистине жаль. Нельзя ли, друзья мои, поверить нам, что не все то мудро и умно, что говорит языком мудрости и облекается в ученую одежду, как и не все то золото, что блестит. Христос бы с вами, если бы не гибла у вас масса времени, в вашем положении столь драгоценного для приобретения семинарских и основных научных знаний, которыми запастись необходимо и прежде всего всякому порядочному юноше, и если бы вы оградили себя оружием строгого анализа и здоровой критики. Но откуда она возьмется без серьезного образования и без достаточного запаса элементарных знаний?! Поэтому об одном прошу вас: повремените и не рвитесь к запретным плодам знания, не разжевавши предварительно и не усвоивши хорошенько учебного курса средней школы. На него-то и подобает вам до времени устремить все свое внимание. Погодите, еще успеете послушаться и начитаться вейкой всячины; но тогда будет это для вас безопасно, и даже не без пользы. Должны же вы знать, что всякая преждевременность и всякий неестественный скачек не могут пройти безопасно и безвредно.

Переходя от ваших учебных обязанностей к нравственным обязанностям в наступающем учебном году, я могу только сказать, что они чрезвычайно просты, легки и одинаково обязательны для всех и каждого из вас. Если нельзя всем

одинаково успешно учиться, так как умственные дарования раздаются природою независимо от вашей воли; то быть нравственно-добрыми и благородными зависит решительно от вашего произволения. Скажите, в самом деле, что может помешать любому из вас – быть почтительным, послушным, благоговейным, скромным, воздержным, и т. д.? В этом случае я со всею силою и настойчивостию напоминаю вам – господа, что вы духовные воспитанники; и этот титул ваш мог бы быть наилучшим вашим украшением и преимуществом, если бы он действительно обозначал ваше доброе нравственное и истинно духовное направление. Этого направления воспитанников с усиленными стараниями добиваются теперь решительно во всех заведениях; потому что в нынешнее время так уже много на копилось всяческого растления и непотребства в людях, и это развращение так назойливо рвется в наши учебные и воспитательные храмы, и так много загубляет прекрасной и даровитой молодости, что все это принимает вид истинного наказания Божеского. Где искать правительству и обществу сил и деятелей для борьбы с ужасной гидрою современного развращения? А вот, между прочим, наше-то духовное звание, по самому роду служения духовных особ, и должно быть представителем и носителем освежающих и оздоравливающих идей в обществе, т. е. религиозно-нравственных идей. А дети и воспитанники духовные, где бы судьба ни привела им жить впоследствии, должны быть блюстителями этих драгоценных идей и высоких правил религиозных; эти идеи должны бы быть вашим наследственным и неотъемлемым достоянием. Пусть не блещите вы выправкою житейскою, шлифовкою манер и приятною изощренностию обыкновенного разговорного слова и тому подобными внешними преимуществами других, более нас с вами богатых сословий, – все это может придти со временем само собой, когда вы взойдете в живые отношения с людьми; а если это и не придет в желаемой степени, то, собственно говоря, никакой существенной потери вы от этого не потерпите. Но, если бы вы у нас блистали существенными и внутренними достоинствами нравственными, т. е. красотою души и благородством сердца, и означались бы заметно от других

воспитанников своим сословным крепко-религиозным направлением; то это подняло бы вас так высоко в обществе, как ничто более. О внутреннем глубоком мире вашей совести, о любви и милости Господней к вам, – мы уже и говорить не станем. Не только не стали бы суживать для вас путей ни к высшим храмам науки, ни ко всяким общественным должностям; а напротив всюду бы принимали вас с распростертыми объятиями. По призванию своему служить интересам веры и религии, – *вы соль* отечественной земли. *Если же соль потеряет силу; то чем сделаешь ее соленой* (Мф. 5:13). От вас, как духовных воспитанников, общество в праве ожидать всего здорового, честного, благородного и святого. И наоборот – на вас, именно как на духовных воспитанниках, виднее будет всякое нравственное пятно, и заметнее всякие отдельные случаи ваших промахов, шалостей и дурных увлечений. Если и вообще худая слава бежит, то про духовных и семинарских воспитанников, особенно по нынешнему времени, побежит она скорее и дальше. Два три каких-нибудь отдельных случая, компрометирующих наши семинарии, могут дать повод (положим неверный и недостаточный) думать неблагоприятно про все духовное юношество. А, так вот каковы, скажут, эти так называемые духовные воспитанники, эти постоянно сетующие на свою нищету и заброшенность юноши! Да чуть ли кое-где и не стали так поговаривать? Это поистине было бы обидно и больно. И кто знает, может быть все эти стеснительные и ограничивающие меры относительно духовных воспитанников и были результатом неблагоприятно сложившихся мнений о семинарской репутации. Господи! Да что же это будет? И к чему все это поведет дальше? И неужели несколькими дурным школьникам нашим удастся запачкать честь и славу добрую всех своих товарищей, и безнаказанно вредить и вредить им? Да не будет сего! Я надеюсь, что вы понимаете меня, и приложите к сердцу следующие слова премудрого, которыми я и закончу свою речь: *сын мой, да не завидует сердце твое грешникам, но да пребудет оно во все дни в страхе Господнем.* (Притч. 23:17). Аминь.

Слово к духовным воспитанникам (о приличии и вежливости). (18-го ноября 1879 г.)

Не будь неразумным ни в большом ни в малом... Не приучай твоих уст к грубой невежливости... Помни,... чтобы тебе... по привычке не сделать глупости. Помни завет Всевышнего, и презирай невежество. Нет цены благовоспитанной душе! (Сир. 5:18, 23:16, 18, 28:8, 26:17)

Не простой какой-нибудь наставник и не светский учитель приличий так высоко ценит благовоспитанность и предостерегает от невежливости, а священный библейский мудрец. Есть целая книга премудрости, начертанная его вдохновенною рукою, и если бы собрать воедино все рассыпанные по страницам этой книги острые и меткие изречения о высоком нравственном значении приличия и благовоспитанности, то из них составилась бы целый кодекс драгоценнейших правил насчет этого предмета. Из Святой Библии мы привыкли почерпать преимущественно правила, определяющие нашу религиозную жизнь, – то, что составляет существо нравственного достоинства в человеке. Но оказывается, что с этим достоинством столь неразрывно связано приличие слов и деяний человека и вообще его благовоспитанность, что в великой Книге книг, т. е. во Святой Библии, как и следовало ожидать, находится немало нарочитых правил и предписаний и по этому, как бы второстепенному предмету, т. е. насчет приличия и вежливости во взаимных людских отношениях. Давно я собирался побеседовать с вами, мои любезные воспитанники, об этом предмете, частью по тому, что специалистам по закону Божию, какими вы назначаетесь быть по роду преимущественных своих занятий в духовной школе, обязательно знать и изучать закон Божий даже и в подробностях, и по второстепенным, так сказать, пунктам; частью же потому, что вследствие разобщенности вашего домашнего и школьного положения с избранным обществом людским, среди которого возрастающие дети и юноши без

всякого труда и с измалетства напитаваются добрыми правилами приличия, и хорошего житейского тона, вы не можете похвалиться этим преимуществом; и наконец – что греха таить? частенько таки приходилось и приходится мне наталкиваться на прискорбные сличай вашего поведения, то даже сознательного, как будто бы, нарушения правил доброго приличия и благовоспитанности. Я не могу и не должен быть равнодушен к этим случаям. Итак, дети, приглашаю вас словами того же священного мудреца, – *послушайте меня, отца, и поступайте так, чтобы вам спастись! Послушайте меня, и не пренебрегите мною, и в последствии вы поймете слова мои!* (Сир. 3:1, 31:25).

Приличие и вежливость и вообще то, что называют благовоспитанностью, в сущности есть тоже, что и добродетель, только в более легких, и так сказать поверхностных ее проявлениях, определяющихся внешними и житейскими нашими отношениями друг к другу. Если добродетелью и благочестием в человеке мы назовем всецелое и всестороннее устремление его духа к исполнению законов нравственности, то приличием и благовоспитанностью можно назвать проявление этого же стремления, но преимущественно с художественной, так сказать, и эстетической стороны. Иными словами сказать: вежливое благоприличие в словах и поступках, и вообще во всем поведении человека, тоже впечатление производит и ту же силу имеет, что красота и изящество, в области искусства и неодушевленной природы. Красота и благообразие всем, как известно, нравиться и всех влечет к себе. Не углубляясь пока в тайну этого влияния, довольно сказать, что самую внешность своих форм, приятно действующих на наши чувства, изящество оказывает покоряющее действие на наше сердце. Тоже самое бывает и в житейских отношениях между людьми. Красотой благоприличия и изяществом благовоспитанности искрашиваются эти отношения. Ими смягчается жесткость и неприглядность той собственно стороны жизни человеческой, которою она тяготеет над всеми нами, как бремя тяжелое, со времени нашего всеобщего осуждения на труды, горе, нужду и всяческую суету в мире сем. И потому, не касаясь пока

внутренней и нравственной ценности благоприличия поступков и вежливости людских отношений, нельзя не признать, что они хороши уже сами по себе, и следовательно достолюбезны и желательны должны быть для всякого человека просто ради одной своей приятной и привлекательной внешности, ради того благородного и умиротворяющего характера который вносится ими в нашу частную и общественную жизнь. Я укажу вам несколько примерных случаев. Пусть человек, говорящий мне ласковые и сочувственные слова, не совсем то чувствует в сердце, что у него на языке, но в самой этой ласке и приветливости есть некоторая лекарственная капля, которая может принести пользу моему огорченному и озабоченному духу. Напротив, гневное и нерасчетливо грубое, хотя бы и правдивое слово – меня бы только больно уколоть могло и встревожить. От того и говорит премудрый: *сладкия уста умножат друзей, и доброречивый язык умножит приязнь* (Сир. 6:5), Пусть человек имеет какие-либо явные недостатки, или слабые и смешные стороны; но глумиться над этим значит возмутить спокойствие его духа, и лишить его простора в деятельности, может быть не лишеной пользы и доброго значения в своем кругу и в своем месте. От того вежливый и приличный человек сдержит и скроет свои насмешливые поползновения, и тем сбережет свои добрые отношения ко всем и каждому; напротив *боятся в городе дерзкого на язык*, по слову премудрого, *и ненавидят опрометчивого в словах* (Сир. 9:23). Допустим, что подчиненный не имеет теплых отношений к начальнику; но не прямою, а дерзостью назвали бы не сдержанное и неучтивое выражение его чувств, потому что таким выражением нарушался бы узаконенный порядок отношений между властью и подвластными. Потому и премудрый учит: *в собрании старайся быть приятным и пред высшим наклоняй свою голову* (Сир. 4:7). Положим, что некрасивая наружность не возбуждает у нас и симпатических чувств, но дать заметить это некрасивому человеку – значит не только незаслуженно обидеть его, но и показать свою собственную мелочность и поверхностность. Поэтому и премудрый наставляет: *не хвали человека за красоту его, и не*

имей отвращения к человеку за наружность его (Сир. 11:2). Положим, что в беседе, особенно горячей и живой, когда сталкиваются противоположные мнения, естественно желание – расположить других и склонить к своим убеждениям; но крикливая настойчивость и перебивание, кроме своего неудобства, вносила бы в речь бранчивый и желчный характер, и портила бы приятное впечатление беседы – при всем ее интересе. Поэтому и премудрый внушает: прежде, нежели выслушаешь, не отвечай, и среди речи не перебивай (Сир. 11:8). Иной молчит – и оказывается мудрым; а иной бывает ненавистным за многую болтливость. Мудрый человек будет молчать до времени; а тщеславный и безразсудный не будет ждать времени. Многоречивый – опротивеет, и кто восхищает себе право говорить, будет возненавиден (Сир. 20:5, 7, 8). Положим, что вкусные и обильные блюда, естественно, усиливают желание поесть их. Но нетерпение и увлечение яствами, кроме улыбки и смеха, могут возбудить и положительно неприятное чувство в других; ибо невоздержность граничит здесь с животною жадностью. Поэтому и премудрый предостерегает: когда ты сядешь за богатый стол, не раскрывай на него гортани твоей, и не говори: много же на нем! Помни, что алчный глаз – злая вещь. Ешь, как человек, что тебе предложено, и не пресыщайся, чтобы не возненавидели тебя. Переставай есть первый из вежливости и не будь алчен, чтобы не послужить соблазном. И если ты сядешь посреди многих, то не протягивай руки своей прежде них. Немногим довольствуется человек благовоспитанный!... (Сир. 31:13, 14, 18–21). Любопытство есть общее свойство людей; но с усиленным любопытством подсматривать за ближним, подслушивать и разведывать его домашний быт и образ жизни – сочтет ниже своего достоинства человек приличный, серьезный и рассудительный, ибо это значило бы назойливо врываться туда, куда не просят, и мешать жить ближнему. Поэтому и премудрый наставляет: не будь навязчив, чтобы не оттолкнули тебя... Нога глупаго спешит в чужой дом, но человек многоопытный постыдится людей. Неразумный сквозь дверь заглядывает в дом, а человек

благовоспитанный остановится вне. Невежество человека – подслушивать у дверей; благоразумный же огорчится таким безстыдством (Сир. 13:13; 21:25, 26, 27). Естественно говорить при случае и по довлеющему поводу о том, что видишь, знаешь или слышишь; но назовут (и справедливо) пустяшным и сплетником того человека, который находит особенное удовольствие в злоречивой болтовне о случаях и обстоятельствах, касающихся чести ближнего; и потому человек благовоспитанный остережется сего, совершенно согласно наставлению премудрого: *уста многоречивых рассказывают чужое; а слова благоразумных взвешиваются на весах. В устах глупых сердце их (т. е. что на уме, то и на языке), уста же премудрых в сердце их. Стыдись... повторения слухов и разглашения слов тайных: и будешь истинно стыдлив, и приобретешь благорасположение всякого человека (Сир. 21:28,29; 41:29).* Иной раз даже и добрые и прекрасные деяния теряют всю свою силу и ценность от простой неделикатности и грубоватости того, кто их делает. Так драгоценна и привлекательна деликатность! Что, например лучше благотворительности и милосердия? Но иной сделает милость и благодеяние, и не утерпит, чтобы не дать это почувствовать благотворимому лицу, и недогадливо подольет ему этим желчи и горечи. Только один деликатный и благовоспитанный человек и милость сделает и облегчит самую-то возможность принять эту милость, как бы дело с его стороны самое естественное и незначительное. Этой-то деликатности в подобных случаях учит и мудрец библейский: *сын мой! при благотворениях не делай упреков, и при всяком даре не оскорбляй словами. Роса не охлаждает ли зноя? так слово – лучше (иной раз), нежели даяние... а у человека и доброжелательного и деликатного и то и другое (Сир. 18:15–17).* Но нельзя исчислить, да и нужды нет исчислять и всех случаев, и способов, как и когда может проявляться и деликатность, и благоприличие во внешнем поведении человека. Это есть некоторый неуловимый элемент, которым растворяться может всякое слово и деяние человека, даже самая внешность его и телодвижения, способ говорить, ходить и

держат себя во всех мелочах ежедневной практики. Можно лишь чувствовать благоухание и красоту этого элемента в живых сношениях с человеком деликатным и вежливым, но нельзя заключить его в какие-нибудь известные правила и уловить в определенные формы, чтобы потом можно было взять его так сказать механически, и перенести на себя по первому желанию. От того и премудрый в своих наречениях и правилах о вежливости и деликатности, касаясь даже и таких, например, мелких обстоятельств, как облакачиванье на стол – по распушенности и невыдержанности манер, молчания пред приветствующими – по дикой застенчивости, отворачиванья лица от , знакомых и родственников – по гордости и пренебрежению (Сир. 41:24, 25), – делает между прочим и общее примечание, и что *одежда и оскалобление зубов и походка человека*, – значит – все, до него касающееся, – *показывает свойство его* (Сир. 19:27). У человека благоприличного на все это кладется какая-то привлекательная печать грации, мягкости и любезности. Вышеприведенными мерами и случаями я хотел только понагляднее обрисовать вам предмет своей беседы, посильнее напомнить о прекрасных фактах вежливости и приличия в человеческих отношениях и поближе поставить вас к этим фактам, чтобы сами вы, насколько то можно, увидели и почувствовали их привлекательность.

Не трудно, мне кажется, уразуметь тайну этой привлекательности. Оказывается, что вообще всякая красота и благообразие не потому только влечет наше сердце, что ее изящная внешность приятно действует на чувства, а потому главным образом, что под собою, под этой изящной внешностью она предполагает и нравственное благо, или красоту добродетели. Вследствие этой внутренней и натуральной, хотя не всегда отчетливо сознаваемой, связи изящества с добродетелью и бывает, что всякий раз, когда художник ли избранный, или мы люди обыкновенные – захотим нагляднее изобразить для других, или живее представить в своем собственном воображении какой бы то ни было из видов добродетели, или как говорят обыкновенно – если мы захотим

идеализировать добродетель, то сами собою возникают в наших мыслях изящные для нее краски и привлекательные формы. Таким образом красоту и изящество можно назвать самой достойною и естественною оправою добродетели, как бы некоторого бриллианта, – в этом и состоит истинный смысл благовоспитанности и вся суть того высокого значения, какое усваивается в цивилизованных обществах приличию и вежливости житейских отношений между людьми. Они суть видимые признаки добродетели, и как бы благоухающий след ее; они истекают из нее, как из первоначального и натурального своего источника. В самом деле, кто искренно и нелицемерно усвоил себе добродетель, и не на языке только, а в сердце своем носит ее, тот и не изучая нарочито общепринятых правил вежливости и приличия, одним своим нравственным чутьем угадает и поймет их обязательную силу, и не допустит в своем поведении ничего грубого и неблагопристойного, вопреки этим правилам. Например, человеку младшему и подчиненному сделать почтительное приветствие для старшего и в каком-нибудь отношении начальственного человека потому и предписывает, приличие, что почтительность и скромность сама по себе есть доброе и нравственное дело; но разумеется, оказать эту почтительность скорее всего и не забудет человек сердечно нравственный. Или: произнести бранчивое и гнилое слово потому и воспрещается приличием, что такие слова содержат зловоние и нецеломудренность мысли и выражают гневное и грубое настроение сердца; и значит всего менее дозволит себе эти слова человек, отличающийся чистотою помыслов и кротким настроением духа, т. е. человек нравственный и добродетельный. Гнилое слово просто неудобно для него, и самый язык не повернется у него для такого слова. Предупредительно оказать какую-нибудь, хотя бы небольшую услугу товарищу, соседу, или даже просто встречному и незнакомому человеку, равно как и заметить и благодарно отозваться на эту услугу, – также – сочувственно справиться о здоровье, занятиях, потребностях или других обстоятельствах, имеющих значение для наших знакомых и друзей, при встрече с ними, – выразить соболезнование к чужому горю, сорадование к

чужой радости, оказать ласку дитяти, заступничество – слабости, благодушное разъяснение и наставление – человеку темному и незнающему, нежелание замечать природные недостатки ближнего, и вообще как бы не видеть его слабостей или смешных сторон, хотя бы они сами собой и даже резко бросались в глаза, опрятное держание своего тела, благообразие и скромность телодвижений, чистота и аккуратность в одежде и во всей домашней обстановке, видимые знаки уважения к чужой религии и ее обрядам, а тем более благоговейное отношение к своей собственной религии, к священным лицам, вещам и действиям, и тысячи других подобных деяний – потому именно и заповедуются приличиями образованного общества, и потому они и обязательны для всякого порядочного члена общества, что все это вытекает из общего и основного закона любви к ближнему и из уважения к своему собственному человеческому достоинству. А ко всему этому более склонен и на все это более способен не кто другой, как истинно нравственный и добродетельный человек. То, что делает по привычке и по усвоенным из малолетства благородным приемам обращения с людьми благовоспитанный светский человек, все это, что так красиво и приятно у него выходит во всей манере его поведения, и такую теплоту и мягкость, отзывается на всех, кто имеет до него дело или соприкосновение, – все это человек истинно нравственный и благочестивый исполнит и сделает по более глубокому побуждению, именно по требованию закона Христова; и следовательно его благовоспитанность и вежливость будет гораздо даже прочнее и надежнее обыкновенной светской шлифовки и гуманности; ибо под ней часто бушуют злые и эгоистические инстинкты, по временам сильно прорывающиеся наружу в самом по-видимому приличном и сдержанном светском человеке.

Все это к тому говорится, чтобы дать вам понять, как достолюбезны приличие и вежливость внешнего поведения не только сами по себе, по их видимой и натуральной красоте и изяществу, но и потому в особенности, что они суть близкая родня с христианскою добродетелью. Поймите же из сего, как

они должны бы свойственны быть детям и юношам духовным, из млада изучающим закон Христов в наибольшей подробности и полноте, сравнительно с другими детьми и юношами. Все, чему иногда учит этих детей и юношей самая обстановка их жизни и цивилизующая среда, в которой они обращаются, вам могло бы и должно бы подсказать ваше собственное благородное сердце, если б оно напаялось учением Христа Спасителя, в котором сосредоточено все возвышенное, изящное и святое, и которое не только выводит людей из религиозной и нравственной тьмы, но и вносит красоту мира и любви в их житейские отношения и низводит самую чистейшую цивилизацию в их общества. Вот почему нельзя без особенного прискорбия замечать случаи отступления от общепринятых прав доброго приличия и благовоспитанности, собственно, в вашей среде, как бы ни были извинительны по характеру и невелики числом эти случаи в общей вашей массе. Желалось бы совсем не встречать у всех этих случаев. Желалось бы, чтобы окончательно было смыто с вашего имени пятно упреков, ждущих по преданию и тяготеющих от старинных времен на имени семинарских воспитанников. Желалось бы видеть вас настоящими духовными воспитанниками, поведение которых покрывалось бы одним общим характером скромности, сосредоточенности и сдержанности, подобающей мыслящим юношам, и в особенности характером непорочной целомудренности, из которой вырастают все цветы добродетелей, долженствующих украшать будущих учителей и пастырей народа. Желалось бы видеть в ваших словах и поступках, в вашем взаимном обращении и в отношениях к нам отблеск вашей внутренней красоты и благонравия. Желалось бы, чтобы все вы до единого не на нашем только виду, а и сами про себя, стыдились всего срамного и грубого и общим дружеским давлением изгоняли из среды своей все неблагопотребное, и взаимно обучали бы себя благородству, самоуважению и чести. Все эти мои желания отнюдь не свидетельствуют конечно об отсутствии в вашей среде того, чего я желаю; они относиться должны лишь к тем случаям из вашей школьной жизни и к тем личностям из вашей братии,

которые дали мне повод для настоящей беседы со всеми вами о предмете общей важности и значения не только для вас, но и для всех вообще юношей, сколько их ни есть на свете. Благородными, скромными и во всех отношениях приличными юношами в вашей среде мы истинно утешаемся, и желаем им душевно всего лучшего. Это наша гордость – по грешному выражению, это краса и честь нашего заведения. Но желалось бы поставить на ту же дорогу и тех из вас, которые огорчают нас проявлениями некоторой неблаговоспитанности и небрежения к общепринятым и достоуважаемым правилам вежливости и благоприличия, строгое и единодушное соблюдение которых дает такой прекрасный тон и такой достойный характер добропорядочности целому заведению. Конечно, на всякий случай никому нельзя уберечься, и если даже на прямой и твердой и строго определенной нравственными законами стезе добродетели человек, не без труда вообще может держаться и стоять; то на тонкой и колеблющейся жерди приличия и выдержанности во внешнем поведении еще труднее пройти без падений. К тому же вы еще молоды и неопытны, а юность чаще всего и любит легкомысленно перескакивать именно через то, около чего с осторожностью обходят люди более зрелые и установившиеся. Все это так. Но пусть же это и остается с исключительным характером случайности и невольных падений, и пусть со всем этим рядом будет у вас видно честное сознание своих ошибок и благородное желание тотчас вставать после падений и добровольное усилие впредь держаться прямо и благородно. Дабы не было у вас никаких сомнений и недоразумений, на что собственно налегаю больше всего, уча вас приличиям, я считаю долгом оговориться и решительно высказаться, что в виду у меня не и столько те механические и условные приемы светского обращения, не та гостинная развязность и изящество манер, которой можно вам только пожелать впоследствии, но мудрено было бы и даже несправедливо требовать в вашем теперешнем разобщенном от света положении. Человеку, родившемуся в деревенской глуши и возросшему в более или менее скудной и неизящной среде – откуда взять утонченных манер, и набраться гостинного

изящества? Но то приличие и благовоспитанность, которые, так сказать, граничат с самою добродетелью и непосредственно из нее вытекают, для вас возможны, а следовательно, и для всех обязательны. Для наглядности и ясности дела я могу указать несколько примерных случаев, где может проявляться ваше приличие или неприличие, благовоспитанность или неблагоприятность в том смысле, о котором у нас теперь идет с вами речь. Пустить, например каким-нибудь презрительным и раздражающим словом – есть неприличие. Грубостию можно только вызвать на большую грубость человека простого и необразованного. Благовоспитанный юноша предпочтет всякой брани и самоуправству спокойное заявление своих законных требований и нужд начальству. В порыве раздражения на что-нибудь или на кого-нибудь дозволить своему гневному чувству прорваться в бранном и гнилом каком-нибудь слове, хотя бы это слово ни на кого не направлялось, а пускалось так сказать на ветер, – есть тоже неприлично; благовоспитанный юноша всякие гнилые обороты речи сочтет ниже своего достоинства, хотя может быть и не уберется от некоторой резкости слова при невольной вспыльчивости. Крикливые и шумные привычки при входах и выходах толпой или в одиночку – есть тоже один из видов неприличия, неприятный и неуместный в тех особенно случаях, которые сами по себе требуют особенной сдержанности и стройности движений, например при молитвенных собраниях – как дома, так и в особенности в храме Божию. Благовоспитанный юноша сумеет быть степенным в этих случаях, хотя бы обладал и живым темпераментом; нравственная склонность к порядку, или привычкой выработанное благообразие движений сольются у такого воспитанника самым естественным образом в благоговение к молитве и святому месту молитвы. Еще: ради шаловливой удалы или школьнической потехи, а еще хуже в виде протеста или мести за настойчивые требования порядка и дисциплины, сорвать, как говорится, гнев свой и недовольство на бездушных вещах изломать, испортить их, запачкать или разбить – на том лишь основании что они не свои, а чужие, и платить за них казне, а не притаившемуся шалуну, – есть

неприличие пополам с неряшливым невежеством, неблагодарностью и дерзостью. Благовоспитанный юноша поймет нечестность таких выходов и отстранится от них, как от низости, – по привычке и чужую собственность уважать и свою беречь в чистоте и опрятности. Беззастенчиво запирается и прибегать к упорной лжи, в видах укрывательства чужих ли то, или своих проступков, фарисействовать в виду начальства, а за глаза безобразничать и затем плаксиво малодушествовать с целью напускного покаяния – опять нечестно, неприлично и неблагородно. Невольно вспоминаются слова премудрого: *злой порок в человеке – ложь; в устах невежд она всегда* (Сир. 20:24). Благовоспитанный юноша ровен и прям в своем поведении, откровенен в поступках и искренен в словах. Он постыдится непристойного «знать не знаю», когда честь обязывает сказать правду; с дерзновенною фамильярностью, в присутствии даже самого низшего пристава над собою, он не дозволит себе очень и очень многого, что позволяет себе один или при товарищах, но за то он и не унижит себя ложью, лестью и фарисейством даже пред высшими лицами. Но довольно. Не нахожу более нужным уяснять примерными случаями, каков должен быть образ поведения приличного и благовоспитанного юноши. То, чего я усиленно и сердечно добиваюсь, я думаю вы хорошо уже видите, поймете цель моей беседы и надеюсь – не поропщете некоторую мою настойчивость и откровенность, а равно и на некоторые повторения по поводу занимающего меня предмета. О, если бы слова мои (видит Бог, как они искренни и к вам благожелательны!) не пропали совсем задаром! Сами видите вы, что я не приглашаю вас к каким-нибудь непосильным и тяжелым подвигам, для вашей юности преждевременным. Я приглашаю только к приличию, и желаю видеть вас всех благовоспитанными и вежливыми; ибо эта сторона поведения естественно и не заметно может руководить вас и к самой добродетели. *Послушайте меня, благочестивые дети, – заключу я свою речь опять словами библейского мудреца, – и растите, как роза, растущая на поле при потоке; издавайте благоухание, как ливан; цветите, как лилия, распространяйте благовоние, и пойте песнь* (Сир. 39:16–18). Аминь.

Речь при освящении Высочайше пожалованных Георгиевских знамен двенадцатому пехотному Великолуцкому полку (6 декабря 1879 г.)

Приветствую вас, храбрые воины Великолуцкого полка, с великою честью и милостию, которою достойно и праведно наградил вас Государь Император за ваши блестящие подвиги в минувшую войну. Эти подвиги стали известны всей России, а Государю угодно было, чтобы ваша громкая военная слава перешла и в потомство, и чтобы в вашем полку было всегдашнее и живое напоминание о том, как честно и свято, – как истинно по-русски сослужили вы свою службу ему и всему отечеству нашему. С особенным удовольствием говорю об этом дорогом для вас обстоятельстве, – не только как пастырь Церкви и лицо духовное, но и как горячо сочувствующий вам житель города Владимира. Из наших Владимирских пределов пошли вы тогда на борьбу с врагами, напутствуемые нашими молитвами и благожеланиями, и к нам же возвратились украшенные победными лаврами. Живо я помню, как мне же пришлось приветствовать вас на вашем домашнем празднике с возвращением из тяжелого похода. И вот теперь мне же Господь привел освящать пожалованные вам Георгиевские знамена, и помолиться с вами и за вас, дабы Господь помог вам Своею всесильною благодатию упрочить за собою добытую вами и на бранных полях славу храбрейших воинов, и еще более возвысить и украсить ее славою послушных и благоговейных сынов Церкви Господней, верноподданных царя и искренних и благонамеренных сынов отечества не только в военное время, но и при мирном течении нашей гражданской и общественной жизни. О, да будет сие с вами, но молитвам великого угодника Божия, святителя и чудотворца Николая, сегодняшнее церковное празднество, которого есть и обычное полковое торжество ваше! Да поможет вам и великий победоносный страстотерпец Георгий, знаменами которого ныне

же осеняется ваш полк! Да примет он вас под свое покровительство! Да поможет вам и Царица Небесная, наша общая Заступница усердная, имущая и державу непобедимую на всех врагов наших. Да помогут вам и все угодники Божии!

После приветствия и благожеланий мне бы следовало предложить вам и некоторые назидания, с разъяснением тех обязанностей вашей службы, какие налагает на вас пожалование вам Георгиевских знамен; но таким доблестным героям, таким молодцам и богатырям русским, какими показали вы себя, когда были лицом к лицу с неприятелем, я считаю излишним всякие назидания и разъяснения о том, как вы должны отныне вести себя и как нести вашу нелегкую военную службу. Вместо поучения, да позволено будет обратиться к вам с некоторой просьбой. Дело вот в чем. Оказывается, что враги нации живут у нас не за границей только нашего отечества, а и внутри нашего общества, с тою только разницею, что там за окраинами нашей родины они явны и видимы, а здесь их не видно; здесь они прячут свои головы, хотя дерзость свою время от времени простирают до самых, можно сказать, нетерпимых размеров. Вы знаете, что преступная рука этих притаившихся разбойников уже четыре раза посягала на жизнь возлюбленного Монарха вашего, – и только видимая защита Божия не дала совершиться злодеянию. Что это за люди такие, чего им нужно от нас, и что скрывается у них на уме, – Бог их знает; но верно, что это что-то не доброе и страшное, что много развелось этих потаенных подкапывателей под наше общественное благоденствие, что зреет у них какой-то дикий и ужасный план, что сети свои они раскинули чрезвычайно широко, что уже владеют они, должно быть, не малыми средствами для своих преступных целей, и что в подпольном обществе своем уже считают они многочисленных членов. Позвольте же рассчитывать нам, мирным гражданам, до сих пор счастливым и благоденствующим под державою нашего кроткого и мудрого Государя, что эти прячущиеся от нас злодеи наши никогда не успеют обольстить вас своими тайными змеиными речами, и не найдут у вас ни малейшего сочувствия своим диким и преступным идеям, которые так искусно, иной раз даже

облекаясь одеждой авторитетных ученых, они умеют наряжать в красивые и многообещающие формы. Позвольте надеяться, что вообще военная среда будет несокрушимой стеною, ограждающею нас от всяких волков и хищников политических, намечающих свои жертвы среди нынешних простодушных и доверчивых людей всякого возраста и звания. Впрочем, что же я говорю и о чем прошу? После тех великих подвигов и бесчисленных опытов вашей безпредельной преданности престолу и отечеству, которые заявили вы на поле брани, разве можно хоть на минуту усомниться, что тем более внутри своего отечества вы не станете ослаблять своих патриотических чувств, а самым искренним образом порадеете о народном и государственном благе, и всегда и везде окажетесь строгими блюстителями всякого порядка, тишины и гражданского благообразия?

Таинственность, которой окружают себя наши агитаторы, и подпольная тьма, в которой держат они свои проекты и планы и прячут свое оружие, не позволяют нам в точности измерить их силы. Видно только, что злость их растет вместе с их неудачами. Вообще же судить об них все еще приходится только по некоторым фактам и газетным известиям. Но избыток осторожности, по изречению одного мудрого мужа, – лучше, чем избыток самонадеянности; а наш непрерывный и пастырский долг в том и состоит, между прочим, чтобы напоминать всем и каждому: *блюдите, как опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри* (Еф. 5:15)! Следить за знамениями нынешнего, во всяком случае, смутного и беспокойного времени, есть долг не только всякого патриота, но и всякого образованного и мыслящего человека, – следить с тем, чтобы разуметь, куда направляются общественные и государственные события, чтобы сознавать свой долг в виду этих событий, и чтобы приготовиться и суметь при случае исполнить этот долг.

Боже правый и милосердый! Ты возвеличил Православную Россию; Ты благословил ее оружие, и укрепил ее воинов; заносчивые и гордые враги наши внешние – *спяти быша и падоша* (Пс. 19:9), несмотря на свою силу и многочисленность. Соделай, да расточатся и внутренние враги наши, мешающие

людям Твоим мирно идти путем научного и гражданского
развития, во славу пресвятого и великого имени Твоего!

Слово в день Рождества Христова. (25 декабря 1879 г.)

Велия есть благочестия тайна: Бог явился во плоти! (1Тим. 3:16)

Об этой-то великой тайне и хотим мы предложить вам, православные христиане, наше посильное слово. Нельзя, разумеется, постичь этой необъятной тайны, повергающей в священный трепет всякое верующее христианское сердце. Но всем ли из нас достаточно известна по крайней мере догматическая сторона этой тайны? Все ли из христиан православных могут восстановить в своем сознании высочайшее христианское учение о воплощении Бога-Слова с тою отчетливостью, с какою оно изложено в определениях святых вселенских соборов? Можно ли ручаться, что по крайней мере избранная часть нынешних образованных христиан, столь высоко мнящих о широте и глубине своей образованности, в состоянии дать основательный ответ, если бы спросили их, что они знают, и как мыслят о воплощении Бога-Слова и как учит сему христианская догматика? Желалось бы вообще избежать всяких обличений, а тем более неприятно огорчать каким бы то ни было словом в нынешний светлый христианский праздник; но высокий догматический смысл самого этого праздника, кажется бы одинаково драгоценный для всех веков и племен христианского мира, невольно как-то располагает к горькому противоположению нынешних времен иным лучшим временам, иным вкусам, и иному когда-то бывшему направлению мыслящего христианского мира. Так и просятся на воспоминание те века христианской истории, когда простые женщины и продавцы съестных припасов на торговых площадях в состоянии были Любоумудрствовать о христианских догматах, и прежде всяких житейских и будничных вопросов любили встречать друг друга вопросами о Божестве Сына Божия и об отношении двух природ в Его лице. То были времена выпренного полета христианского одушевления. Ныне все это, как известно, заменилось низменным и вещественным

направлением. Самыми величайшими вопросами, от которых якобы зависит вся судьба и благоденствие человечества, нынче считаются вопросы о материальном довольстве человека и о средствах подчинить ему как можно больше физическую природу, чтобы заставить ее служить преимущественно телесным его потребностям. Людей, не пренебрегающих высшими интересами человеческой души, насмешливо называют идеалистами, в смысле отсталых и праздно говорящих людей. Христианскую же догматику большинство нынешних практических людей склонно считать старинным и сухим материалом лишь одной духовной школы, весьма мало обязательным для лиц не духовных, как бы для лиц высшего некоторого порядка, поистине научных и назначенных для иных более жизненных и практических задач. Поставленные в необходимость следить за современными вкусами людей и их направлением, и мы пастыри Церкви, для целей жизненного и действенного назидания, не уклоняемся в своих поучениях, а иной раз даже обязуемся не уклоняться от современных практических задач людских, по слову Апостола: *«всем бых вся, да всяко некия спасу»* (1Кор. 9:22). Но это не значит, что мы обязаны раболепствовать пред современными вкусами, и к ним всякий раз прилаживать свое слово на церковной кафедре. Не хотим мы сказать и того, чтобы умозрительные истины веры Христовой мы считали настолько удаленными от вкусов и направления всех вообще нынешних образованных христиан, чтобы в среде их совсем не надеялись мы найти для христианской догматики внимательных и интересующихся слушателей. Итак, отстраня всякие опасения насчет того, будет ли интересно и по-вашему ли вкусу наше сегодняшнее слово, мы предметом его избираем раскрытие догмата о воплощении Бога-Слова, и об отношении естеств Божеского и человеческого в лице Христа Спасителя. В этом догмате вся сущность христианства; на нем основана вся надежда нашего спасения; из него открывается все величие нашей природы, которую усвоил Себе Сын Божий; и поэтому ничего не может быть выше, драгоценнее и отраднее для нас, как это христианское учение. Если бы удалось нам несколько приблизить к вашему сознанию

эту велию благочестия тайну, то мы в этом имели бы великую для себя награду. Постараемся быть ясными, точными и краткими, чтобы не утомить вашего внимания.

Бог стал Человеком, – это значит, во-первых, то, что все, что есть в Боге, все Его безграничные и непостижимые свойства, а равно и все ограниченные и конечные свойства человеческие соединились в одном лице Христа Спасителя. В Боге есть ум всеведущий и всеобъемлющий, в человеке напротив ум не все знающий и постепенно развивающийся, – оба эти ума совмещал в себе Христос Спаситель. В Боге есть воля всемогущая и незнающая ни в чем и никогда никаких препятствий, и в человеке есть свободная воля, но ограниченная и постоянно задерживаемая разными трудностями, с которыми ей нужно бороться, так что хотеть и мочь для человека совершенно две вещи разные. Обе эти воли и всемогущая и только нечто могущая, и Божеская и человеческая совместились во Христе Спасителе. В Боге есть чувство неисчерпаемого блаженства и непоколебимого вседовольства и радости; и в человеке есть сердце, способное радостно волноваться и блаженствовать при созерцании красоты и изящества в великом мире Божию, но ему же доступны чувства страха, скорби, негодования и тому подобные тяжелые ощущения. Оба эти чувства – и безгранично блаженное божеское чувство, и не довлеющее само в себе и волнуемое разнообразными состояниями чувство человеческое, – тоже совместились в одном лице Христа Спасителя. Таким образом в Нем было два ума, – один Божеский, другой человеческий; две воли, – одна Божеская, другая человеческая; два чувства, – одно Божеское, другое человеческое. И если бы мы захотели продолжить это перечисление способностей души человеческой, и – на том основании, что человек сотворен по образу и подобию Божию – стали бы аналогически предполагать эти способности и в Боге; то следовало бы говорить например, что во Христе Спасителе две памяти, – одна Божеская, другая человеческая, два воображения, – одно Божеское, другое человеческое, и т. д. Но при этой двойственности природ Своих Христос Спаситель говорил об Себе «Я», а не «Мы». Это значит,

что: в Нем было одно лицо, одна ипостась, или – как говорят – одно Я.

Если бы теперь предложили вам вопрос: которым же умом мыслил Христос Спаситель, которой волей хотел и действовал, которым сердцем чувствовал, – одним ли Божеским, или одним человеческим, или попеременно – то Божеским, то человеческим? Отвечать надо: обоими вместе, и притом всегда и во всякое время; так что ни одной мысли не было во Христе Спасителе, которая не была бы в одно и тоже время и Божеская и человеческая; ни одного слова, ни одного деяния в нем не было такого, которое не было бы Божеское и человеческое в одно и тоже время. Проливал, например, Спаситель слезы о грехах и злодеяниях человеческих, – но это были слезы не просто человеческие, а и Божественные вместе. Скорбел и тужил, мучился и страдал на кресте Спаситель, – но это была скорбь, это были страдания не просто человеческие, но и Божеские; от того-то они имели такую безграничную и удовлетворяющую силу пред правосудием Отца Небесного, раздраженного беззакониями людей. Бесстрастное Божество каким-то непостижимым образом усвоило себе человеческие страдания Спасителя. Но и наоборот, когда Спаситель творил чудеса, что свойственно по-видимому одной Божественной силе, – когда Он воскрешал мертвых, ходил по водам, проникал в отдаленное будущее и обличал помыслы человеческие, – и здесь Он действовал не только как Бог, но и как человек – в одно и тоже время. Нemoщность и ограниченность естества человеческого каким-то непостижимым образом возвышалась до могущества Божеского в лице Христа Спасителя. Все это значит – одним словом, – что две природы во Христе Спасителе, человеческая и Божеская, соединились нераздельно.

Но как могла устоять рядом и уцелеть ограниченная природа человеческая в такой неизглаголанной близости к Божеству в лице Христа Спасителя? Непостижимо это, но так открыто нам свыше. Были ученые богословы, которые хотели понимать и представлять отношение естеств божеского и человеческого в лице Иисуса Христа таким образом, что

человечество растаяло от близости Божества, как воск от огня, и исчезло в Божестве, как капля в океане; так что остался будто бы только вид человечества во Христе, а природа у него была одна Божеская. Но это учение, известное в истории христианской догматики под именем евтихианства или монофизитства, Вселенская Церковь провозгласила лжеучением, и анафематствовала, как нечестивейшую ересь, на четвертом вселенском соборе. В самом деле, если бы человечество исчезло в Божеской природе нашего Спасителя; то какая нам от сего была бы отрада и польза? И нужно ли было бы самое воплощение Сына Божия? Но в том и состоит теперешнее наше величие, что та самая природа, которую мы в себе сознаем, осталась целой и неприкосновенной во Христе Спасителе нашем, что Отец Небесный постоянно созерцает нашу человеческую природу одесную себе в возлюбленном Сыне Своем; что Единородный Сын Божий – тоже и что мы – по человеческой природе; что Он плоть от плоти нашей, и кость от костей наших.

На основании столь близкого и кровного родства с нами Сына Божия, – чего теперь не можем ожидать от Отца Небесного? Всего! На какую любовь и всепрощение не можем рассчитывать? На безграничную и безпредельную! Некоторым лжеучителям казалось все-таки более естественным представлять, что при целости природы человеческой в лице Христа Спасителя пропала в Нем воля человеческая так, что хотя Он был Бог и Человек вместе, но хотел и определял Себя к деятельности Он будто бы одной волей Божественной. Эту ересь, под именем монофелитства, Церковь отвергла на шестом вселенском соборе. Нет, все до последних, так сказать, мелочей и подробностей человеческого существа, осталось цело и неповрежденно в лице Иисуса Христа. Не только, не слилась в нем природа человеческая с Божескою, не только не исчезла она и не прошла, но и нисколько не изменилась. Например, ум человеческий не только не перешел в божеский, но не возвысился и до ангельского, а так и остался человеческим. Точно так же и воля, и все способности человеческие не получили во Христе никаких новых и высших

изменений, а так и остались чисто человеческими, конечно в наивозможном для человеческой природы совершенстве. Это учение Святая Церковь выразила в следующем вероопределении: две природы во Христе Спасителе человеческая и Божеская соединились – хотя и нераздельно, но в тоже время и *неслитно*.

Дальнейший вопрос: когда, в какой момент так непостижимо соединились две природы во Христе Спасителе? Надобно отвечать: в момент зачатия Его в пренепорочной утробе Приснодевы Марии, в день благовещения. Был ученый архиепископ, по имени Несторий, а за ним и многие последователи его, которым представлялось это несообразным с Божественным достоинством Сына Божия. Хоть и они допускали величайшую любовь Бога к человеку; но чтобы Бог чревоносим был Дщерью человеческою, – это было, по их понятию, уже слишком так сказать. Поэтому они говорили, что Иисус Христос родился простым человеком от Девы Марии, затем уже сошло на Него Божество. Лжеучение этих еретиков отвергнуто на третьем вселенском соборе. Безумные! Как будто можно положить границы любви Божией к человеку! Как будто не все равно уничтожение для Бога – сделаться человеком, когда бы это ни случилось! Нет, по учению Православной Церкви Сын Божий, в дивном соединении с человеческою природою, прошел все периоды обыкновенного человеческого возрастания, по законам естества нашего. Он, превечный Бог, был девять месяцев чревоносим Пресвятою Девою Мариєю; родился от Нее, как Отроча младо, – беспомощным и слабым младенцем, питался Ее грудью, возрастал и укреплялся духом, как и все люди; так что будучи предвечным Сыном Божиим, Он в тоже время в самом буквальном и подлинном смысле был и Сыном Девы Марии, а Она Его Материю, Богородицею. От Ее пречистой души воспламенилась и зажглась Его человеческая душа, и от Ее чистейшей плоти Он заимствовал и Свою плоть, – совершенно так же, как это бывает при рождении человека от человека же. Только относительно зачатия Христа Спасителя нужно сказать, что оно совершилось не по законам естества человеческого, т. е. не от мужа и жены, а сверхъестественным и

чудесным образом, от Духа Святого. Это не значит, впрочем, чтобы у Христа Спасителя была другая какая-то человеческая природа, а не та, какая у нас. Нет, она была совершенно такая же, как наша, только в чистом, непорочном и безгрешном виде; но грех и не составляет собственно существа нашей природы, – это уже порча, это болезнь нашей природы. А так как эта порча и болезнь, или первородный грех передается теперь путем естественного рождения человека от мужчины и женщины; то и нужно было Господу Иисусу Христу бессменно родиться от безмужной и неискусобрачной Девы Марии, по сверхъестественному и чудодейственному наитию Духа Святого. *Дух Святой найдет на Тя, – благовествовал Архангел Гавриил Приснодеве Богоматери, – и сила Вышняго осенит Тя, – темже и рождаемое Свято, наречется Сын Божий (Лк. 1:35).* А так как зачатие Иисуса Христа совершилось непорочно; то и чревоношение Его, а также и рождение от Матери Божией совершилось безболезненно, – так же, как и мы бы все рождались, если бы грех прародительский не повредил нашей природы во Едеме. Таким образом Господь наш Иисус Христос был совершенно такой же Человек, как и мы, только – кроме греха.

Еще вопрос: не отделялось ли когда-нибудь во Христе Иисусе Его Божество от человечества? Ответ: никогда, и ни на одну минуту. От самого момента Его зачатия в приснодевственной утробе Его Пречистой Матери, и от рождения Его в Вифлеемском вертепе – до преславного вознесения на небо, Он ежеминутно и ежечасно был и Бог и Человек вместе, и потому все его состояния, по-видимому наиболее человеческие, напр., голод, жажда, утомление, страх и т. п., – принадлежали и Его Божеству; и наоборот – все Его деяния и состояния, так сказать, по преимуществу Божеские, напр., все Его чудотворения, преславное преображение на Фаворе и тому подобные, – все это, и усвоилось таинственным некоторым образом и человеческой Его природе. Но что такое была Его смерть на кресте? это было не отделение Божества от человечества, а только временное отделение человеческой души Спасителя от тела Его, как бывает и при нашей смерти,

между тем Божество Господа Спасителя неотделимо пребывало и с Его человеческой душой, которою Он сходил во ад, и с телом Его, которым Он лежал во гробе; так что висело на кресте изъязвленное и прободенное, и лежало во гробе, хотя и мертвенное и бездыханное, не все же не простое человеческое, а Божественное тело Сына Божия; а при воскресении Господнем соединилась опять только душа человеческая с телом Его, – как это будет и со всеми людьми при общем воскресении из мертвых; но не было при сем никакого нового соединения Божества с человечеством, ибо они и не были разъединены смертью Иисуса Христа.

Еще один и последний вопрос. Может быть, не наступит ли когда-нибудь впоследствии такого времени, когда предвечный Сын Божий снимет с Себя человечество, воспринятое им для совершения дела спасения рода человеческого? Чтобы пожить с людьми, носящими плоть и кровь, и войти с ними в ближайшие и деятельные отношения, чтобы научить их небесной истине живым словом, и показать в Себе наглядный пример добродетели, чтобы наконец принести Себя в жертву на кресте за людей, необходимо было Сыну Божию явиться в образе человеческом. Но может быть, по окончательном совершении всего домостроительства нашего спасения, после всеобщего воскресения мертвых, и страшного суда и с открытием Царства Славы, когда Сын Божий приведет к Отцу Своему спасенную половину рода человеческого, и скажет Ему: *се Аз и дети мои* (Евр. 2:13); *дело соверших, еже дал Ми вси, да сотворю* (Ин. 17:4), может быть, тогда уже истлится и исчезнет человечество Сына Божия, как уже более ненужное, и Он по-прежнему останется одним только Божественным и всесовершенным Духом? Нет, этого никогда не будет, да и быть не может, ибо решения и определения Божии бесповоротны и вечны. И потому на веки вечные Сын Божий стал Сыном Человеческим. Душу, и тело человеческое Он усвоил Себе до такой степени близко, и так решительно, что уже никогда с ними не разлучится. Для выражения этой-то мысли и составилось на соборах вселенских такое вероопределение: Божество соединилось с человечеством во Христе Спасителе –

непреложно и неизменно. Так что неисчислимые тьмы Ангелов и необозримый сонм спасенных и святых членов человеческого рода целую вечность будут уже созерцать второе лицо Пресвятой Троицы в светоносном и прославленном образе человеческом. Боже милосердый и правый, до какой степени возлюбил ты нашу слабую и немощную природу, пред лицом всех сотворенных Тобою существ! До какой неизреченной близости с Собою и родства привлек Ты нас и возвысил! Легкомысленно коснулись некогда наши праотцы древа познания добра и зла, возомнивши быть богами – по научению диавольскому, и едва не сгубили тем себя со всем своим потомством. Но вот Ты нашу тогдашнюю преступную и дерзновенную мечту о богоравенстве обратил в действительность – к посрамлению злобы и зависти диавольской; Ты возвысил нас до богоравенства Своим неизглаголанном истощанием на земли, в вертепе родившись от Жены и во яслех возлегий, зрак раба приим и во образе человечеством быв!! Слава Твоему неизглаголанному совету о нашем спасении, и бесконечная наша благодарность Твоей необъятной любви к нам, грешным!

Благочестивые слушатели дозволейте предложить вам несколько заключительных слов по поводу только что изъясненного вам догмата о лице нашего Спасителя и Искупителя. Не чувствуете ли вы сами, какая существует противоположность между величием нашего назначения, уготованного нам Господом Иисусом Христом, и между ничтожностью и материальностью наших обычных стремлений на земле? Подумайте, на что у нас тратится все наше время, и куда уходит все силы вашего духа? Не следует ли нам сознаться, что целая бездна отделяет наш бессмертный дух от того, к чему бы следовало ему стремиться прежде всего и больше сего. Посмотришь на нашу ежедневную жизнь и проверишь то, о чем постоянно говорим мы и спорим, чем волнуемся, о чем хлопочем и к чему стремимся, – то право можно подумать, что мы все не знаем и знать не хотим о небе, своем истинном отечестве, а собираемся навсегда устроиться и жить только на земле, и что представления и заботы о том, что

последует с нами по разрушении нашего телесного состава, когда нас силою повлекут с излюбленного нами земного нашего обиталища, – как будто, говорю, подобные заботы и размышления никогда и не входят в нашу голову. Приходил на землю Сын Божий, жил с нами, учил нас, страдал за нас и открыл нам все, что мы можем, ради Его, получить теперь от Отца Небесного; а людям как будто бы до всего этого и дела нет, – они все ладят только о своем, о земном, житейском и грешном, и сами силятся устроить свое благоденствие на некоторых других началах, с тупою холодностью и преступным пренебрежением обходя те живоносные и духовные начала, которые принес с собою с неба Богочеловек Иисус Христос! Не следует в особенности быть сему в христианском обществе, хвастающемся своей высокой цивилизацией, ученостью и широким развитием гуманности. И что, в самом деле, выходит из этой кичливости, и чем кончаются все усилия нынешних мудрецов, мечтающих создать благоденствие человечества без Евангелия и без приноровления к Божественному учению, принесенному с неба для людей воплотившимся Сыном Божиим? Ангели давно уже воспели при Его рождении о мире, долженствующем воцариться на земле; но вместо этого мира везде видится бушевание страстей, и вследствие этого повсюдная вражда, войны, разорение и бедность, неисчерпаемое горе и неисчислимы бедствия во всех странах мира, среди всех званий и состояний людских. Это именно от того, что люди слишком равнодушны к своим лучшим и высшим интересам духовным, которые раскрыл и возвысил для нас Господь Спаситель, сшедши на землю. Просвещение и гуманность! А подумали ли самозванные мудрецы и ученые нынешнего века, мнящие быть светочами и вождями человечества, что все, что только есть лучшего в человечестве, излилось и изливается доселе от Отца светов и Его Божественного Сына, ставшего человеком для людей, и что без того всемирного нравственного переворота, который произвел Бог воплотившийся, никогда и никому не удалось бы поднять человечество на ту степень людскости и живого сознания человеческих прав, какими отличаются христианские страны и

народы сравнительно со всеми другими странами и народами и нынешних и всех прежних времен? И давно бы, давно бы люди стали в тысячу раз счастливее во всех отношениях, если бы менее увлекались стихийною мудростию лжеученых сластолюбцев и близоруких жрецов материалистической философии, а больше слушались бы учения Христова, которое зовет нас на небо, но и на земле дает нам самые прочные основания для счастья.

Христе Боже, нас ради человек и нашего ради спасения сшедый с небесе! Вразуми и просвети нас, и привлеки к Себе! Аминь.

Слово в день восшествия на престол и совершившегося двадцатипятилетия царствования Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича (19 февраля 1880 г.)

Помянух дни древния и поучихся (Пс. 142:5)

Достославный сегодня день у нас, православные соотечественники. Празднуем мы ныне совершившееся двадцатипятилетие царствования нашего богохранимого царя, Александра Николаевича. Не велик, конечно, этот период в общем течении времени и в целостном объеме нашей русской истории, но как он обилен наиважнейшими событиями, и как богат замечательнейшими реформами по всем, можно сказать, отраслям жизни государственной и общественной! В этот период мы замечаем повсюдное укрепление и возмужание нашего отечества, расширение его пределов, разумное и гуманное переустройство его внутри, величие и славу его совне, естественно радующую наше национальное чувство и раздражающую одних только завистников и недругов России. Всякий истинно русский и искренно религиозный человек, повторяя в памяти своей знаменательную историю царствования императора Александра 2-го, не может не усматривать благодетельной и премудрой десницы верховного Царя царей, таинственно ведущей от славы в славу православное русское царство. А сколько всего пришлось пережить и перечувствовать царственному отцу нашего отечества в двадцатипятилетие его славного, но не легкого и не безмятежного царствования! По естественной связи нашей и нравственной и верноподданической с верховным и венценосным представителем нашей славянской национальности, естественно и наше глубокое сочувствие ему, особенно в нынешний день. Если и всякому государственному мужу, много трудившемуся на пользу родной страны, даже и всякому человеку, долго и честно жившему и много видевшему

на своем веку, мы, по долгу совести и чести, естественно склоняемся к теплым заявлениям сочувствия и благожелания в нарочитые дни их семейных или служебных торжеств; то можно ли удержаться от этих сердечных движений и самых искренних заявлений сочувствия в юбилейный день нашего возлюбленного Государя, с честью и славою стоявшего целую четверть столетия на страже нашей великой и родной страны русской? Этот день есть общий наш народный и всероссийский праздничный день.

Среди прискорбных событий судил Господь вступить на престол нашему Государю. Тяжелая и изнурительная война Крымская была в самом разгаре. С некоторыми неизбежными уступками врагам, ополчившимся против нас в крепком и сильном союзе, нужно было положить конец этой войне. Парижский мир, давший возможность нашему отечеству устремить главное внимание на внутреннее свое благоустройство, после открывшихся на войне и сознанных нами недостатков по различным частям нашей общественной жизни, был началом кроткого и мудрого царствования Александра 2-го. Россия быстро пошла по пути всестороннего своего развития. Господь, как бы в вознаграждение за претерпенное тяжелое испытание при начале царствования нашего Государя возвеселил сердце его расширением пределов его царства, и громкою славою русского оружия. Окончательное усмирение и покорение мятежного Кавказа, занятие Туркестанской области, приобретение при-Амурского края, взятие Хивы, и наконец последняя восточная война, даровавшая свободу нашим угнетенным славянским собратиям и возвратившая нам отторженную часть наших южных владений и покрывшая неувядаемою славою российское оружие, – все эти события составляют блестящие моменты царствования нашего Государя. Но есть и тяжкие воспоминания для сегодняшнего юбилейного дня. Польский мятеж обнаружил злую крамолу, давно тлевшую и раздутую тайными и явными врагами православной веры и русской национальности. Тяжело, конечно, отозвалось это событие в сердце нашего Государя, только что возвестившего своему народу свободу от крепостной

зависимости по всем пределам империи, не исключая и польских пределов. Но мятеж был подавлен; ослепленные и введенные в заблуждение своими вожаками мятежные толпы скоро образумились и успокоились, хотя не мало пролилось крови в борьбе с виновниками мятежа. За тем стало открываться, что враги и зложелатели наши, пораженные в открытом поле, принялись сеять крамолы и всяческие недовольства на правительство различными тайными и скрытыми путями – то через подпольную печать, то разными извещениями и развращением простого народа под видом его образования, и наконец святотатственно стали поднимать руку на особу самого Государя нашего к ужасу и всеобщему негодованию верных сынов России и всех честных и здравомыслящих людей. Пять раз грозила смертная опасность кротчайшему из современных царей и пять раз Ангел-хранитель отстранял от него эту опасность. Тяжело было переживать эти скорбные случаи всем нам, и в особенности нашему Государю. Но теперь, и особенно в нынешний день не неуместно, даже весьма прилично и назидательно вспомнить и эти случаи, ибо они нагляднее всего всем недругам нашим и крамольникам должны обнаружить богохранимость нашего царя и богопротивную гнусность затеянной ими крамолы. И за что, за что поднялись эти слепотствующие люди против нашего кроткого и мудрого царя? Пусть не все у нас так хорошо, как бы этого желалось нетерпеливым мечтателям о всеобщем благе и каком-то идеальном благоденствии всех до единого членов, великой русской земли; но кому же более видеть и знать то, что именно нужно для счастья и славы России и для исцеления ее национальных и исторически сложившихся недугов, как не державному отцу нашего отечества и кто больше и горячее может скорбеть и болеть об этих недугах, как не он же? Но где, скажите, в какой стране и в каком обществе и даже в отдельной семье нет своих особенных недостатков и неурядиц, и можно ли устранить их внезапную и спешную ломкою всего прежнего бытового строя народного, как этого хотелось бы горячим и, может быть, даже искренним, но незрелым радателям о народном благе, и не призванным нашим реформаторам?

Напротив, все мы с величайшею благодарностию должны вспомнить те великие и благодетельные реформы, которые поистине обессмертить должны нашего царя – Александра 2-го, а для нашего отечества открыли верный и прямой путь к самому прочному благоденствию и всестороннему самоусовершенствованию. Сюда относятся: уничтожение крепостного права, отмена телесных наказаний даже и для низших сословий, открытие земских учреждений, установление нового судопроизводства, преобразование школ и многие другие правительственные распоряжения. О, прими же Благочестивейший Государь, хотя заочную и отдаленную, но и самую искреннюю благодарность за все то добро, которое мы видели от тебя в твоё царствование, и самое верноподданическое приветствие в сей достославный день твоего юбилея от нас, молящихся сию минуту в храме Господнем о твоём здравии и благоденствии! *Да услышит тебя Господь в день печали, да защитит тебя имя Бога Иаковлева. Да пошлет тебе помощь из святилища и с Сиона да подкрепит тебя. Да даст тебе [Господь] по сердцу твоему и все намерения твоя да исполнит. Мы возрадуемся о спасении твоём и во имя Бога нашего поднимем знамя* (Пс. 19:2, 3, 5, 6).

Воспомянувши прошедшее в жизни нашего Государя и нашего отечества, как того естественно требовало значение и самый смысл настоящего национального торжества нашего, – мы по тем же самым побуждениям и основаниям склоняемся остановиться несколько вниманием своим и на настоящем положении вещей в нашем отечестве, чтобы запастись некоторыми соображениями и извлечь некоторые правила и для будущего, как и псалмопевец учит: *помянух дни древния, и поучихся!* (Пс.142:5). Воздерживаясь от всяких критических обсуждений нынешних общественных движений и стремлений, от всяких готовых и преднамеренных похвал, а равно и порицаний различным примечаемым направлениям в этих общественных наших движениях, мы не можем, однако же, не отметить того наикрупнейшего, и у всех кажется на глазах совершающегося и всеми нами сознаваемого факта, что

общественная жизнь наша достигла в переживаемое нами время необыкновенного какого-то напряжения. Не смотря на обилие и важность реформ, только что происшедших в нашей народной жизни и можно сказать на наших глазах переустроивших ее к лучшему, жажда улучшения и обновления и притом скорейшего, всестороннего, сказывается в наших мыслящих кругах с особенною силою. Никогда, кажется, с такою горечью, с таким страстным самобичеванием литература наша не старалась доводить до общего сознания различных нравственных, хозяйственных, умственно-образовательных, и всяких других неурядиц, примечаемых в нашем обществе, как в настоящее время. Как будто никогда мы так худы и убоги во всех отношениях не были, как теперь; как будто все, что у нас было прежде, даже дурное наше, не было так дурно, но особенно дурным стало именно теперь; как будто столько научного света и внезапного откровения откуда-то вдруг пролилось в наше общественное сознание, что осветились все наши темные уголки, где с поличным найдены, так сказать, и с точностью определены все виды и сорта нравственных неурядиц во всех наших общественных слоях, и как будто уже несомненно доказано и открыто, что именно требуется, чтобы поставить наше общество на желаемую нравственную высоту и сообщить ему несокрушимую силу, неисчерпаемое богатство, и неколеблющееся благоденствие. В этой горячке толков и рассуждений замечаются у нас три партии людей. Некоторые думают только о ломке и разрушении всех прежних и старинных порядков, – как будто новое и лучшее должно явиться после этого само собою! Все еще модные научные, хотя уже колеблющиеся теории социализма и коммунизма сильно поддерживают, и даже родят нам многих новых такого рода мыслителей и общественных реформаторов. Но кажется мы не погрешим, если скажем, что общественное мнение и преобладающее большинство, большинство строго научных русских людей не на стороне этих реформаторов. Даже люди однородные с ними по основным началам философским и социальным и из одного с ним источника – черпающие свой знания, сторонятся от них, чуя в речах и взглядах их крайность

и увлечение; тем более, что пути и средства, которые они выбирают для осуществления своих идей на деле, сами по себе имеют жесткий, совершенно не гуманный и отталкивающий характер. Но есть у нас люди и другой партии. Эти другие предлагают с своей стороны новые, будто бы наукою и опытом выработанные средства все улучшить, все исцелить в нашем обществе, т. е. предлагают свои готовые реформы. Например, если бы, по их мнению, наше школьное образование с классической почвы свести на какую-либо другую, то оно тотчас сильно поднялось бы, и принесло бы обильнейшие и благие плоды и т. д. Люди этой партии мнят себя и любят называть благородно-либеральными, истинно научными, истинными патриотами, людьми прогресса и сильными двигателями народной жизни к обновлению и усовершенствованию ее по всем отраслям. Наконец, есть у нас третьего сорта люди. Эти находят пока более надежным и основательным ждать улучшений и обновлений нашего общества на почве уже существующих и произведенных от правительства реформ, лишь бы только глубже была сознана обществом, сочувственно принята и единодушно всеми доводилась до конца преднамеренная цель этих правительственных реформ. Эти последние люди охранительного характера, равно как и их литературные органы, навлекают на себя, как известно, самые многочисленные упреки в отсталости и косности, и даже в тупости, неблагонамеренности и фарисействе. Таковым представляется нам современное положение нашего общества.

Кто же тут прав и виноват, чего нам в самом деле ждать и желать в будущем для нашего отечества? Здесь настает очередь сказать нам и наше посильное слово, и к нему-то, собственно, сводится вся цель настоящей церковной беседы нашей. Может быть вы интересуетесь прежде всего знать, к которой стороне, или партии принадлежим мы духовные люди, и куда собственно склоняется голос Церкви и ее пастырей в поставленном вопросе и исследуемом деле, и может быть и уже заранее отводите нам место среди отсталых, коснеющих и неподвижных. Признаться, эту репутацию слышать нам – не новость; ее навязывают нам, в виде не подлежащей сомнению

истины, чуть ли не с тех пор, как существует на земле Христова Церковь. Ошибка здесь, собственно, в том, что когда рассуждают о политических реформах и гражданском прогрессе народов, то стараются большею частью держаться как можно дальше от религиозной области и совершенно независимо от ее вопросов и нас желали бы притянуть к своим рассуждениям, и слышать наше слово хотели бы тоже помимо нашего специального религиозного служения, т. е. желают всегда поставить на такую точку, с которой искреннему и цельному человеку нет возможности сказать решительно одобрительного слова ни об одной общественной реформе, как бы она хороша и умна ни казалась. Мы настаиваем искони веков, твердим и вечно повторять будем всем народам и племенам земным со слов Божественного Учителя человеков, что там, где не посеяно святых семян религии, где нет им правильного роста, где не устремлено главное внимание общества на нравственно-религиозное свое обновление; там никогда нельзя ждать истинного блага народного, там всегда можно опасаться даже разложения и политической смерти народа, как бы рьяно и быстро себя он ни реформировал в области гражданской и политической. Самая эта рьяность и торопливость может послужить ему во вред и устроить его полнейшее расстройство. Не отрицаем мы, конечно, доброго и облегчающего значения зрелых и целесообразных реформ общественных и для самой нравственности народной, равно как и того не отрицаем, что эту нравственность могут ослаблять и пригнетать дурные, неумелые и неразумные порядки общественные, но думаем, все-таки, что главная цивилизующая и обновляющая сила должна и идти и направляться изнутри народного духа, из святилищ религии и нравственности ко внешним реформам его общественной жизни, а не наоборот. Без светоча религии, без нравственной энергии и окрыления духа народного высокими и святыми идеями добра и правды, все эти реформы, на сочинение которых истрачено в истории человечества и поднесь тратится столько напряженнейших усилий гениальнейшими политическими умами, представляются нам малоценною сутолкой вещей и событий, переодеванием по капризам моды,

переменою декораций, и в сущности стоянием на одном месте, при кажущемся прогрессе человечества. Не считаем мы прямым своим делом вдаваться в критику, в порицания и вообще в специальные суждения о делах, относящихся ко внешнему и гражданскому устройству общества, а тем более не считаем себя в праве измышлять с своей стороны и предлагать обществу различные формы гражданственности: в каждом государстве есть люди нарочито для сего назначенные и уполномоченные. И Христос Спаситель сказал, что Царство Его не от мира сего и мы, как служители Его и продолжатели дела Его на земле, то есть дела нравственно-религиозного созидания человечества, не призываемся ко вмешательству в дела гражданские; но за-то мы призваны стоять на страже того великого и святого начала религиозного, которое единственно и обуславливает истинный и всесторонний прогресс человечества. Поэтому, ни порицать все новое в общественном устройстве нашем, ни стоять только за старое, либо хвалить все чужестранное и уничивать свое, мы отнюдь не имеем в виду, – это представляется нам делом односторонним и не зрелым. Повторяем: одно только у нас на уме, и одно только считаем мы своим священным долгом и правом, – это разъяснять и ставить на вид всем ревнителям о благе народном и всем носящим в душе своей, так называемую, гражданскую скорбь, что поднять народный дух и принести с собою всестороннее и прочное благоденствие России может только несословное улучшение наше в нравственно-религиозном отношении. Что это, косность ли наша и равнодушие к политическим судьбам отечества, или нечто другое? Разсудите сами. Вот, если бы где-нибудь открыли и показали нам страну, в которой внешний и общественный строй, например, форма правления, судоустройство, финансовая система, школьное дело и проч... так устроены и улажены, что из всего этого выходило бы, как прямое следствие, полное счастье народа и благоденствие всех граждан, или по крайней мере замечалось бы неуклонное движение, непрерывное и наглядное приближение к этому счастью и благоденствию; тогда бы конечно без всяких споров следовало взять целиком из этой страны все формы ее

общественной и гражданской жизни и пересадить на нашу русскую почву. А между тем, в действительности оказывается, что в самых цивилизованных, сильных и богатых странах мира рядом с богатством, блеском и роскошью существует масса бедных, изнуренных трудом и голодающих страдальцев; рядом с ученостью и образованием – масса темных, невежественных и суеверных людей, рядом с удобствами и всяческим комфортом жизни одних классов и сословий, тяжесть воинской повинности, тяжесть налогов и податей, и всякие другие тяжести, лежащие на другие классы и сословия; рядом с храмами правосудия – масса преступлений, рядом с храмами науки – остроги и тюрьмы и разные исправительные заведения; значит все совершенно также, как у нас. Немного больше, или немного меньше разницы в этом, – существа дела не изменяет. И притом это явление повторяется на всем протяжении всемирной истории человечества. Не ясно ли отсюда всякому мыслящему человеку, что не на существенную сторону дела налагают все радители народного блага, когда горячатся и спорят только о внешних и гражданских реформах жизни общественной? Обратимся снова к нашему отечеству. Набежавшая у нас волна некоторого недовольства и сетований на разные стороны нашего национального быта, собственно говоря, весьма замечательный и поучительный факт, не лишенный, быть может, доброго значения для всех и каждого. Не разбудит ли она в обществе благородное и трезвое сознание необходимости того высокого и святого элемента, о котором мы говорили выше, и который один только может обеспечить надлежащий и здравый прогресс нашей народной жизни? Возьмем для примера и наглядного доказательства два-три опыта реформ происшедших в текущее царствование, в благодетельном знаменнии которых, кажется, убеждены все. Одна из самых замечательных реформ такого рода – это уничтожение крепостного права. Что же, принесла ли она счастье и благоденствие простому и народу в той степени, какая была желательна? Усиленные вопли о бедственном положении крестьян и сделавшееся модным соболезнавание о их нуждах и потребностях, соболезнавание порождающее у нас, как

известно, и целые толпы не прошенных и зачастую незрелых печальников народа, при всей своей односторонности (как будто в самом деле беда и гибель какая угрожает народу, и как будто другие сословия у нас совершенно благоденствуют!), показывают однако же, что не пришло вполне то, что – казалось – должна была принести с собою крестьянам дарованная им от монарха нашего свобода. Где причина? Отвечают обыкновенно: в неустранимых неблагоприятных экономических условиях крестьянского и вообще рабочего класса. Изменяйте их быт как угодно, а если не искоренено, или по крайней мере не ослаблено будет в низших классах пьянство пополам с развращенностью и происходящая отсюда целая вереница народных пороков, разъедающих его благосостояние, т. е., если не поднят будет нравственный уровень в народе, то желаемое для него счастье и благоденствие не придет к нему ни откуда. Вот еще земские учреждения. Чтобы кажется лучше и благотворнее этой реформы могло быть для народной экономии и для устройства внутреннего материального быта и хозяйства русских граждан? Однако же, не умаляя заслуг некоторых избранных земских деятелей русских, нельзя не сказать здесь к слову, что вообще земству русскому до сих пор приходится выслушивать и от печати и от частных обывателей, и кажется от своих же многих членов, упреки все в тех же недостатках, промахах, недосмотрах, которые в былую пору так удобно было и просто сваливать на правительство и администрацию. Вот, на выдержку несколько новейших и последних слов нашей литературы о русском земстве: «Тот, кто надеялся, благодаря земским учреждениям, увидеть Россию покрытую хорошими дорогами, школами, больницами и т. д., конечно разочаровался в своих ожиданиях. Самая бездеятельность земств и городских установлений (за немногими исключениями) давно сделалась общим местом. Нет почти ни одной частной корреспонденции, которая не заключала бы в себе горьких жалоб на то, что такая-то управа заснула, а такое-то земство всегда спало, а такую-то думу не разбудить никакими увещаниями. Если кое-где иная дума или иное земское собрание соберутся с духом и соорудят школу или больницу, корреспонденты восклицают: «наконец-то

такая-то дума или такое-то земское собрание проснулись и заговорили, но надолго ли?»⁴. Что же нужно сделать, – спросим мы уже от себя, – чтобы земство было истинным радетелем народа? Надо, чтобы представители и члены его все до единого, или по крайней мере преобладающее большинство земских членов были честные, благородные, самоотверженные и чуждые эгоизма люди, чтобы на уме у них и впереди стояли не собственные оклады жалованья, не комфорт и разнообразные удобства и приволье своей собственной домашней жизни, а прежде всего благо народное и польза общественная, то есть надо, чтобы они были крепко нравственными и благочестивыми людьми; а без этого условия никогда ничего плодотворного и основательного не выйдет из всех наших реформ. Точно также и суды наши. Суд нам дан правый, скорый и для всех беспристрастный; но что из него, собственно, вышло для общественной безопасности и для блага народного? Масса преступлений и злодеяний, по-видимому, нисколько не уменьшилась и не уменьшается. Залы наших судов сделались местом непрерывных зрелищ, где в лицах и драматических подробностях проходят перед публикой всяческие непотребные деяния самых разнообразных членов нынешнего цивилизованного нашего общества, деяния то отвратительные, то свирепые, то изощренно-мошеннические. Согласитесь сами, что обществу, внутри себя носящему такую опасную и распространяющуюся гангрену нравственную, никакие реформы не могут пойти в надлежащий и желанный прок. Об исцелении от этой-то гангрены и нужно теперь прежде всего подумать и побеспокоиться людям, мечтающим о разных реформах для нашего общества в будущем. Вот еще несколько энергических и новейших слов нашей литературы о неприглядном нравственном состоянии современного русского общества: «Вместо ожидаемых плодов реформ вот что вышло. В русском обществе оказались черты страшно неприглядные, свидетельствующие о крайне низком нравственном его уровне. Растраты и прямые расхищения общественных сумм, разгул многих диких инстинктов, потрясающие семейные драмы, картины мотовства, вялая деятельность общественных

учреждений, – все это факты, над которыми и с грустью задумывается современный русский человек»⁵. Таким образом и по сознанию лучших и мыслящих наших русских людей оказывается, что без поднятия нравственного уровня в народной массе и вообще без усиления религиозных начал в нашем обществе русском ни к чему существенному и плодотворному не приведут никакие реформы, как бы ни были они высоки по идее и гуманны по цели своей. Это до сих пор и доказывал нам давнишний опыт, как собственный, так и чужеземный. Вот к какому заключительному взгляду на будущие судьбы нашего отечества пришли мы в настоящей беседе с вами, православные и благочестивые слушатели!

Нельзя теперь уклониться нам, пастырям Церкви, от вопроса, который естественно можем мы услышать от вас, после нашей беседы с вами: «кто же должен радеть и хлопотать больше всего о нравственности и религии народной»? О – да, – конечно мы, духовные люди, обязаны это делать больше всего и прежде всего; к этому призываемся мы самым званием и служением нашим пред Богом и государем. За это дело призваны мы будем к строгому расчету и ответственности на суде Христовом, когда со всею точностью взвешена и исчислена будет степень нашего нравственного влияния на народ, наше учительство, наша собственная жизнь, наша верность Евангельскому учению и наши сокровенные внутренние убеждения. Сознаем важность нашего долга и тяжесть нашей ответственности, сознаем и немощи наши и потому ничего с такою горечью и болью сердечною не можем мы видеть в нашем обществе, как проявления слабости и колебания нравственно-религиозных начал. В этих проявлениях – наш укор, наш позор и бесславие, и самое больное наше место. Но посодействуйте же нам и вы в этом деле, имеющем общую и равную важность как для вас, так и для нас. О, какое это сложное и мудреное дело направлять совесть и врачевать нравственные болезни людей, и вообще влиять на душу человеческую и быть блюстителем религиозной святыни! Нам кажется, что нет более трудного и мудреного дела, как это дело. От всякого другого делателя, кроме пастыря Церкви и духовного отца, можно требовать

только знания своего дела и немного доброй воли и усердия, – и дело его пойдет не бесследно и с успехом. В нашем же деле требуется множество других благоприятных условий, которые от нас могут совершенно не зависеть. Что, например, прикажете делать с массой юношей и всякого звания и состояния людей, если они возрастают в семьях, где вопросы веры и религии будут становиться на самый задний план, если они учатся в школах, где важность нравственно-религиозного воспитания будет признаваться лишь на бумаге и в официальных инструкциях и где с самых учебных кафедр стало бы раздаваться недружелюбное к религии и растлевающее молодые умы слово? Какого плода ждать от нашей деятельности, когда в обществе гуляет и ходит по рукам масса книг иноземного и своего изделия с прямо враждебным к религии направлением и содержанием? Остается нам учить людей и вразумлять в церкви, и с своей стороны составлять и издавать для обращения в читающей публике книги иного, зрело-научного и нравственно-доброего направления. Но храмы наши разве наполняются так же охотно и обычно, как храмы развлечений и удовольствий? Разве пойдут к нам в храмы на богослужение и молитву люди, которые всем строем своей жизни хотят доказать и доказывают, что у них никакого до нас и дела не имеется. Где же и когда их учить? Духовных наших книг и журналов, не смотря на современное богатство их содержания и научную серьезность, читать тоже люди не хотят под разными неосновательными предлогами, в сущности же потому, что уже вкуса к ним и тяготения к ним нет. Ученая кичливость и слепотствующее упорство нынешних людей, хвастающихся своей наукой и умственным развитием, так велики, что односторонности своих взглядов и направления они и сознать не хотят, и потому почти поголовно нарушают у них же ходячую пословицу, что и должна быть выслушана и другая, несогласная с их мнениями сторона. Что же остается нам делать? Плакать и молиться за людей, а также и просить усерднейше всех родителей, благонамеренных и мыслящих воспитателей и начальников, помочь и нам в нашем деле своим сильным домашним и семейным влиянием на домочадцев и

подчиненных своих. Да будут заключительными словами сегодняшней церковной беседы нашей слова самого государя императора: «я обращаюсь к вам, – говорил он московскому обществу по поводу события 19-го ноября прошедшего года, – и ко всем благомыслящим людям и для уничтожения зла, пустившего корни. Я обращаюсь к родителям детей: ведите их по пути истины и добра, чтоб приготовить из них не злодеев, а полезных деятелей, истинных граждан России».

Боже правый и милосердый! Исполни во благих это желание благочестивейшего государя нашего! Спаси Россию от внешних и внутренних врагов ее, вразуми и отрезви заблудших и слепотствующих сынов ее, и помилуй всех нас по великой Твоей милости Аминь.

Поучение духовным воспитанникам, произнесенное в Богородицкой, что при Владимирской Духовной Семинарии, церкви, по случаю празднования двадцатилетия царствования Императора Александра II (19-го февраля 1880 г.)

Торжествуя сегодня двадцатипятилетие царствования нашего возлюбленного монарха, приходится – к сожалению – говорить прежде всего о тех грустных событиях, которые, к нашему общему прискорбию и ужасу и негодованию всей России, предшествовали сему юбилейному торжеству, и – естественное дело – много отняли светлости от этого общенационального торжества нашего. Сознать и видеть, что среди нас и около нас действуют какие-то злые силы, что скопление этих сил, их злая энергия и напряжение достигли такой степени, что они неудержимо рвутся из своих подземельев для бесчинствований и буйства на просторе и въявь, не боясь приближаться к самому царственному трону, – это сознание способно навести тоску и уныние на самого спокойного и беспечного из нас. Бог им судья – этим необузданным и ожесточившимся нарушителям нашего мира и общественного порядка, – этим дерзким и забывшим Бога надругателям над священной особою боговенчанного и помазанного царя нашего! Не уйдут они от своей кары на суде Божиим, если бы и удалось им избежать суда человеческого. Но есть некоторая особенно грустная сторона в этом общем горе нашем, русском горе, и об ней то я чувствую печальную нужду сказать при настоящем случае несколько слов пред вами, духовные юноши. Не хотелось бы омрачать ни единым горьким словом нынешнего светлого дня нашего, но делать нечего! Печальная действительность кричит громче всякого слова. Слово мое о современном русском юношестве.

Что такое с ним творится, и откуда пахнул на него этот тлетворный воздух, что наши крамольники находят в нем такую восприимчивую почву для своих идей и планов? Вот уж сколько прошло пред нами политических процессов, более или менее важных и преступных, – и все толкутся в них молодые люди, даже обоего пола, и притом всякого состояния и звания, не исключая – к стыду и горю нашему – и духовного звания. Сколько развратилось и погибло этих молодых людей, сколько из них сделалось жертвами преступных интриганов и орудиями бессовестных подстрекателей на всякие бесчинства и непотребства! Незрелость, дескать, и увлечение, пыл молодой крови, доверчивость и жажда поскорее развернуть свои силы для общественной деятельности. Все это так. Но ведь и прежде юность росла с этими же своими естественными наклонностями и особенностями, – назовите их как хотите, – недостатками или преимуществами молодого возраста, – но такой податливости на преступные внушения, такой податливости на все запретное, такой слабости пред злыми влияниями, такой наклонности кидаться на дела, совершенно несвойственные и не пристальные юному возрасту, такого преждевременного пресыщения жизнью, такого отсутствия страха Божия и растления нравственного, – признаться – не было. Не срамляя вас сие говорю, любезные воспитанники, но, приноровляясь к Апостольскому изречению, как чад возлюбленных навожу вас на размышление. Ведь и мы все были молоды, и – естественно – не могли перескочить и перелететь скользких путей молодости, не прошедши их и не изведав собственным жизненным опытом; но куда же, скажите нам, девалась та прежняя рьяность юношей к ученым трудам и жажда научных знаний, те эстетические порывы и те прекрасные молодые мечты и грезы о плодотворной деятельности на разных поприщах общественных, которые так естественны в этом счастливом возрасте и, которых мы в праве бы ждать и от современных нам юношей?! Все это как будто чахнут стало и увядать, все это пропиталось каким-то гнилым, преждевременным и отталкивающим практицизмом, сортирующим и ценящим знания по их житейской полезности, и по их ближайшей приложимости к потребностям тела, а не духа

и сердца. То, что поистине есть наилучшего в молодом возрасте, кто-то учит нынешних юношей прятать как можно дальше и стыдиться, как чего-то недостойного, смешного и ребяческого, а все подталкивает разыгрывать роль необыкновенно зрелых, озабоченных серьезными политическими и экономическими вопросами мужей, без участия и пособия которых обществу угрожает якобы коснение одно, сонливость и неразвитость. Какое заблуждение, какая постыдная и недостойная насмешка над простодушием и доверчивостью юношеского возраста! Так и слышится здесь грозное слово Спасителя насчет соблазнительей, растлевающих чистоту детских помыслов и юношеских стремлений.

Наши любезные питомцы! Соблазнительей, могущих сделать из вас исподволь и понемножку то, о чем вы может быть и не воображаете теперь, и толкнуть вас на дорогу, от которой с ужасом должен отпрянуть всякий честный и благовоспитанный молодой человек, развелось нынче, как видите и слышите от нас, многое множество. Этот народ до такой степени хитрый, такую ученую авторитетность и благонамеренную убедительность умеют напускать в своих речах, эти непрошеные радители и развиватели ваши, что разгадать и оценить по достоинству их змеиную лесть пожалуй не сумеют и люди много опытнее и зрелее вас. Это однако же ни перед Богом, ни перед вашею собственною совестью, ни перед обществом не снимет с вас всей ответственности за вашу порчу и гибель, если бы она, не дай Бог, потом случилась, и если вы заранее, т. е. в текущий период вашего обучения и воспитания в школе, не примете надлежащих самостоятельных мер к ограждению себя от опасностей, о которых мы и имеем долг теперь предвещать вас. По нынешнему смутному, многоречивому и горячему времени требуется особого рода нравственная твердость, цельность и крепость здравых убеждений, о которую могли бы сокрушиться лукавые и лженаучные приражения. Это вы обязаны, под нашим руководством, создать в себе, пока есть к тому благоприятное время. Если одни только мы, руководители и воспитатели ваши, будем делать свое дело, а вы с своей стороны делать его не

станете, то конечно из всех наших хлопот и забот, как бы ни были они к вам благожелательны, ничего существенно полезного для вас выдти не может. Будут одни только непрерывные обоюдные недоумения, лицемерие с вашей стороны, разобщенность с нами, и в итоге бесплодная для вас потеря времени школьного, которое столь драгоценно для юноши в период воспитания и обучения. Итак, я предлагаю вам прежде всего покрепче усадить себя за книгу. Говорю вам это как юношам, уже умеющим мыслить и угадывать свои будущие существенные интересы духовные, а не детям, для которых книга есть пугало и бремя и невыносимое. Существенный недостаток нынешнего юношества в умственном отношении, по наблюдению беспристрастных и глубоких педагогов, и состоит именно в отсутствии у него прочных и серьезных научных знаний, вследствие чего молодые люди наши и оказываются так удобопреклонны ко вся кому верхоглядству и самомнительности, и в то же время являются совершенно не застрахованными от зловредных и растлевающих влияний людей односторонне и фальшиво научных. А базис прочной и серьезной научности закладывается именно в средних учебных заведениях. Это понять вам, друзья мои, следует как можно яснее. Тех пробелов в общеобразовательных науках, которые дозволит себе воспитанник до перехода в высшее заведение и до выбора какой-нибудь отдельной научной специальности, или до вступления в жизнь, ему после уже вознаградить нельзя будет ничем. Эти пробелы так с ним и останутся и всегда будут давать себя чувствовать при последующих серьезных научных работах. Наплыв в позднейшее время в наши высшие светские школы массы молодых людей без прочной предварительной подготовки в средних заведениях дал почувствовать себя весьма невыгодно в нашей науке, и – что особенно прискорбно – стал губительно отражаться на самом направлении юношей и их моральном строе. Нужда в коренном преобразовании наших средних учебных заведений, и, в частности, духовных семинарий, стала заявлять себя все более и настойчивее, – пока наконец это преобразование не осуществилось на деле в царствование нынешнего Государя Императора. Программы

наших средних учебных заведений и духовных семинарий так нынче поставлены, чтобы внимание ученика, не раздробляясь преждевременно на множество вспомогательных наук, или частных научных отделов, сосредоточивалось главным образом около некоторых главных существенных предметов. В основу же нынешнего образования положены у нас, как и во всех образованных европейских странах, классические языки в виду их сильного умственно-развивающего и образовательного значения, также математические науки, а равно и знакомство с законами и литературой отеческого языка. Прочим гуманитарным наукам, а равно и новейшим языкам, отведено соответствующее и надлежащее место. Особенный и специальный характер наших средних духовных заведений, из которых должны выходить молодые люди и с простой общеобразовательной подготовкой и с задатками основательного богословского знания для поступления на пастырскую службу Церкви, естественно ввела некоторую разницу в учебные семинарские программы сравнительно с гимназическими программами, но так, что этими изменениями солидность учебного дела у нас не только не поколеблена, а на против в некоторых отношениях обеспечена по преимуществу. Чрез весь курс общеобразовательных наук в первых четырех классах семинарии, соответствующих пятому, шестому, седьмому и восьмому гимназическим классам, проведено преподавание Священного Писания в виде отдельной науки; Логика преподается с большею полнотою и обстоятельностью, и наконец Психология и Обзор Философских Учений, совсем отсутствующие в гимназических программах, между тем имеющие в высшей степени важное образовательное и развивающее значение, могут давать большое преимущество нашим духовным воспитанникам пред инословными их сотоварищами. Желал бы я, чтобы это было вами признано, и чтобы вообще ценилась по достоинству серьезность современной постановки учебного дела в духовных семинариях. Если в начале нынешнего столетия справедливо упрекали их в замкнутости и односторонности направления и в полном пренебрежении к общеобразовательным наукам, от чего

действительно наши питомцы при обширных богословских познаниях казались все-таки людьми неучеными, и от того много теряли в своем значении и влиянии на общество, – если в сороковых и пятидесятых годах, наши семинарии наводнены были разными реальными науками, или скорее обрывками и клочками этих наук – в виде Медицины, Химии, Зоологии, Ботаники, Сельского Хозяйства, Геодезии и проч..., без прямого отношения к основной задаче и духовного образования, – если говорю все это было прежде, то все это прошло, и в настоящее время и при нынешнем Государе все это изменено и преобразовано к лучшему. Как видите, вам теперь дана вся возможность созидать свое образование на самом прочном и незыблемом основании.

Но эту возможность обратить в действительность без вашего добровольного и искреннего участия – конечно – нельзя. Если вы станете, озираясь семо и овамо и прислушиваясь к разным отвне навеваемым и к сожалению обычным и многочисленным в настоящее измельчавшее время нареканиям против серьезной и классической постановки современного учебного дела нашего, если – говорю – вы будете всякий раз с нерешительностью садиться за книгу и приниматься за дело с разными недоумениями насчет будущей житейской цели и полезности ваших учебных трудов, насчет будущей вашей житейской карьеры и насчет другого прочего; то дело в ход не пойдет и до цели вашего образования не доведет вас, что было бы конечно очень грустно. Я сказал, что по нынешнему времени требуется, чтобы всякий желающий учиться юноша в период своего воспитания прошел серьезный учебный искуc, дабы образовался в нем некоторого рода бескорыстно-научный склад; а такими виляньями в сторону и малодушными воплями о трудности и неприложимости например классических языков, – этого обычного камня преткновения для умственной слабости и школьной лени, серьезно-научное и бескорыстное направление не создается. Я бы желал в этом случае поставить вам в образец и в пример для подражания семинаристов старинной нашей школы. При самой не роскошной постановке учебного дела, при крайней скудости и нищете тогдашней бursы,

многие из них с истинно геройским самоотвержением и философским стоицизмом преодолевали невообразимые, по нынешнему времени трудности, сами себе прокладывали и расчищали дорогу, учились почти без всякого постороннего пособия и без сколько-нибудь сносных учебных руководств, и все-таки выходили впоследствии необыкновенно дельными и учеными людьми, верными слугами царю и полезнейшими деятелями на всех поприщах общественной жизни. Ныне все для вас упрощено и облегчено. По каждому предмету имеются точные программы и составлены целесообразные учебники. Разными учебными пособиями, а равно и книгами для чтения, снабжены вы в достаточном количестве. Экономический быт нынешних семинарий, хотя и не может равняться с параллельными заведениями других министерств, по превосходству материальных средств в сравнении с нашим духовно-учебным капиталом, – но все же справедливость требует сказать, что и в этом отношении наши заведения значительно поднялись и улучшились сравнительно с прошедшими скудными временами. При увеличении процентного сбора с церковных доходов и при ежегодном полутора-миллионом пособии, которое нынешнему Государю Императору угодно было назначить нашим заведениям, все существенные нужды их – можно сказать – удовлетворены. Здания семинарские по местным нуждам разных епархий перестроены, расширены и приспособлены к требованиям нового семинарского устава, оклад содержания казенных воспитанников увеличен более, нежели до двойной цифры; так что все они, и при дороговизне нынешней на жизненные материалы и припасы, можно сказать – не греша против истины, прилично одеты и обуты, довольно удобно пристроены и, хотя не роскошно, но сыто и здорово накормлены. Но и своекоштные воспитанники не оставлены без пособия. Из пяти сот, напр. Владимирских воспитанников, двести обеспечены казенным содержанием, около ста пользуются ежемесячным денежным пособием не менее двух рублей, и лишь остальные две пятых части остаются на своем содержании; но при этом все учатся бесплатно, тогда как в других инословных заведениях

полагается плата за ученье. О, как еще можно учиться не вздыхаячи при таких условиях, и как было бы грешно и неблагородно не заплатить за все это прилежанием, трудолюбием и благонаравием!...

Я с некоторою подробностью распространился насчет учебной стороны вашей жизни, и – как видите – главная мысль моя та, что при нынешнем одностороннем и поверхностном направлении учащейся молодежи, весьма часто отклоняющейся от своего прямого дела, требуется от вас особенное трудолюбие и бескорыстное занятие науками, дабы образовать в себе зрелое и серьезное направление мысли, и – что для достижения этой благородной цели вы поставлены в благоприятные условия той реформой духовно-учебных заведений, которая произошла в нынешнее царствование. Но если бы вы, согласно нашим желаниям, все свое внимание устремили только на развитие своей головы и на приобретение знаний, то задачи своей вы все-таки далеко бы еще не выполнили, потому что одно умственное развитие, даже при высокой степени своей серьезности, еще не спасает человека от разных весьма печальных увлечений, заблуждений и порчи, отнимающей всю цену его научного достоинства. Старинная эта истина стала давать себя чувствовать с особенною силою опять-таки в нынешнее время. Все наше общество пришло к сознанию крайней нужды не в чем ином, как именно в людях нравственно-добрых, благородных и честных. От недостатка этих качеств в людях и зарождается все зло, которое такими губительными последствиями отражается во всех общественных сферах. Разве бы дерзнули наши крамольники отважиться на свои деяния, повергшие в скорбь и негодование все наше отечество, если бы осталась в них хоть капля страха Божия? Разве могли бы они с таким успехом вербовать в свое общество наших молодых людей, если бы встречали в них более прочные начала нравственности и религии, чем как это оказалось на самом деле. Разве бы не исчезли сами собой те язвы нашего общества, лечить которые так много вызывается теперь непрощенных и неумелых охотников, если бы само общество наше начало дышать здоровыми, т. е. нравственно-

религиозными началами, хотя несколько в большей степени, чем как это есть до последнего времени, по сознанию и наблюдению людей, изучающих наше общество? Таким образом вам должно, заботясь об умственной зрелости и развитии своем, обратить преимущественное свое внимание на правильное развитие своего сердца, дабы укрепиться как можно тверже в началах религии и доброй нравственности. Пусть будет основным правилом вашей жизни и руководящим девизом – изречение Писания, что начало премудрости страх Божий. Этою мыслию проникнуты все наши инструкции для вас, определяющие вашу внешнюю и внутреннюю жизнь в стенах и заведения, к ней же сводятся и все правила семинарского устава, начертанные высшею властью; ибо в ней находит свое осуществление и главная задача вашего образования, – быть в последствии верными и искусными служителями религии и добрыми стражами нравственности в народе. Но, если бы некоторым из вас не пришлось поступить на службу Церкви в духовном сане, то все равно – вынесенные вами из заведения прочные задатки чистой нравственности и посеянные в вашем сердце и семена религии принесут плод по роду своему, и сделают из вас наиболее полезных и самых пригодных деятелей на всех поприщах общественной службы. Когда Государю Императору приходилось не раз ответствовать различным сословиям русской земли на верноподданнические заявления скорби по поводу обнаружившихся в нашем обществе противуправительственных и противообщественных элементов; то он выражал при этих случаях одно главное и неизменное желание, чтобы воспитание нашего юношества созидалось на прочных религиозных началах и чтобы из них выходили впоследствии честные, благородные и нравственные люди. Эти слова и желания нашего благочестивейшего монарха напечатлейте в сердцах своих и порадуйте его осуществлением на деле его надежд и желаний. На память нынешнего торжества государева и в знак ваших сыновних и верноподданнических чувств к нему, вы общими силами решили соорудить священную икону. Прекрасное и святое дело! Пусть же эта икона будет священным залогом ваших благородных чувств к Государю,

которыми теперь наполнено ваше юношеское сердце, и пусть эти чувства руководят вашей жизнью и по выходе из заведения, когда потребуется от вас уже не ученье только, а и действительная служба государю и отечеству. Аминь.

Слово в день сретения иконы Божией Матери Боголюбской (21 мая 1880 г.)

Отрадно видеть, как ежегодно в нынешний день массы верующих и усердных читателей Царицы Небесной собираются в наш город для сретения чудотворной иконы Ее Боголюбской. Отрадно в особенности по нынешнему времени, ослабевшему в вере, осуетившемуся и наклоняющемуся более к плотским и житейским помыслам, чем к религии и к Господу Богу. Некогда св. пророк Илия, видя всеобщее развращение современного ему общества Израильского, полагал было, что погас совсем светильник истинной религии на земле, и что пришел конец и самому существованию народа Божия. В сильном огорчении возопил он на небо: *Господи! сыны Израилевы оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники и пророков Твоих убили мечем; остался я один... Довольно уже Господи; возьми душу мою, ибо я не лучше отцев моих* (3Цар. 19:10). Оказалось, однако ж, что не погасла среди людей св. религия под таинственным смотрением промысла Божия. Господь открыл в утешение Своему пророку, что сбережен святой остаток благочестивых сынов Израиля, *коих колена не преклонялись пред Ваалом и уста не лобызали его* (3Цар. 19:18). И мы, видя сегодня, как тысячи благоговейных и верующих христиан и христианок преклоняют колена пред Заступницей рода человеческого и с любовью лобызают Ее икону, можем успокоительно сказать себе: не погас еще среди нас светоч веры и благочестия, несмотря на все действие темных вражеских сил, стремящихся отуманить умы и развратить сердца слабых и колеблющихся членов нашего общества. С любовью и милостию взирает конечно и Сама Царица Небесная на смиренное и благоговейное поклонение, творимое Ей от душ верующих и благочестивых, днесь сошедшихся во святой храм сей. Какой же дар принесем мы Матери Господа и Спасителя нашего? Каким приветствием почтить нам Царицу Небесную, посетившую сегодня град наш? Лучшего и более подобающего для Нее приветствия нет и быть не может, как то, которое Она в

первый раз услышала на земле от Ангела, пришедшего благовестить Ей о рождении от Нее Сына Божия. Слова этого приветствия знакомы нам с детства и ими обыкновенно начинается наше первоначальное молитвенное обучение в семьях и школах. Повторим же теперь с благоговейным размышлением эту всеобщую и самую раннюю нашу молитву пред Царицей Небесной, к Ней же молитвенно прибегая, да не возгнушается Она этим посильным даром нашим в сей день и час.

«Богородице Дево! радуйся благодатная Мария, Господь с Тобою»! Вот первые слова приветствия, которые мы ежедневно повторяем Матери Божией со слов Архангела Гавриила. В первом слове сокрыто все величие Ее, и потому это слово заслуживает преимущественного нашего внимания. Величие это в том именно и состоит, что Пречистая Дева Мария родила Самого Бога, творца и зиждителя всей вселенной, Господа и повелителя всех существ небесных и земных, а потому и стала именоваться Богородицей или Богоматерию. Людям, не изучающим таинств веры Христовой, не ведущим Писания, ни силы его, и не верующим, может показаться несообразным такое наименование: как тварь Божия и дочь человеческая могла сделаться Материю Бога, от вечности существующего? И много было в древности (и теперь есть) лжеучителей, которые, то отвергали вовсе, то искажали вероучение христианское о воплощении Бога-Слова от Девы Марии, и чрез это унижали Ее высочайшее достоинство. Так иные думали, что Бог был только в особенности близок к Ней Своею любовью и благоволением, как святейшей личности, подобно тому, как Он бывает близок и к прочим святым угодникам и угодницам Божиим. Да будет же всем известно, что это не так. По учению веры христианской, второе лице Св. Троицы Сын Божий неким, и особенным образом, всецело нисходил в утробу Девы Марии – и девять месяцев чревоносим был Ею, питался Ее грудью, покоился в святых Ее объятиях и был яко Младенец руконосим, пользовался Ее нежными ласками и возрастал под Ее материнским попечением – совершенно так же, как это бывает со всеми младенцами человеческими. Конечно, не самое

Божество зачалось во чреве Девы Марии, ибо оноечно и безначально, и не по божеству Своему родился от Нее Христос Господь, ибо по божеству Своему Он не имеет вовсе матери, а только одного превечного Отца-Бога, от Которого родился Он прежде всех веков; но от Девы Марии Он заимствовал Свое человечество, т. е. душу и тело человеческое, а с этою душою и телом человеческим божество Сына Божия так непостижимо, неслитно и в то же время так близко и тесно сочеталось, что составило одну личность, одного Бого-Человека Иисуса Христа. И поскольку это единение божества с человечеством никогда не прерывалось в лице Христа Спасителя, ни в зачатии Его, ни в чревоношении, ни во всей остальной земной жизни Его, ни по вознесении на небо к Богу Отцу Своему, и не прервется потом во веки вечные, то достойно и праведно св. Церковь величает Св. Деву Марию родительницею Сына Божия, Богородицею или Богоматерию, – и это не почетное только или хвалебное наименование, а соответствующее самой сущности дела. Она есть действительно Мать Божия в самом прямом и буквальном смысле. Некоторые лжеучители говорили также, что Христос Иисус родился от Девы Марии простым человеком, а божество соединилось с ним после; так что Ей подобает будто бы только название Христородицы. Но и это несправедливо и нечестиво; ибо не простым человеком, как мы сказали, зачался и родился от благодатной Марии Господь наш, но с человечеством Его во утробе Девы было в неслитном соединении и божество, и из девственных ложищ Марии произошел не просто человек, а Бого-Человек, и Мать Его таким образом есть воистину Богородительница. Были и такие лжеучители, которые полагали, что Господь Иисус заимствовал от Матери Своей только тело человеческое, душу же человеческую заменяло в нем божество, которое прошло чрез Св. Деву лишь внешним и поверхностным образом, как вода чрез канал, по их собственному выражению. Но и это не верно и нечестиво, ибо по учению св. Церкви не только тело, но и душу человеческую заимствовал Господь от пренепорочной Матери Своей, и с этою душою, равно как и с телом, всегда неразлучно было божество и притом в личном соединении; так что будучи

предвечным Сыном Божиим, Он родился, как Отроча младо, от Пречистой Матери Своей, и был действительным в полном смысле Ее Сыном. Поэтому-то высочайшему достоинству Матери Божией, Святая Церковь и ублажает Деву Марию как честнейшую херувимов и без сравнения славнейшую серафимов, т. е. самых высших и приближенных к Богу существ. Тем не менее, если бы кто в порыве преданных и благоговейных чувств, стал воздавать Ей божеское поклонение, как богине, то погрешал бы по язычески, и молитвенные жертвы такого поклонника или такой поклонницы пред Царицей Небесной были бы не угодны и неприятны Ей, как молитвы грешные и неразумные. Будучи Материю Сына Божия, благоволившего воплотиться из Нея, Присноблаженная Дева Мария есть однако же создание Божие, только возвеличенное и превознесенное пред всеми тварями Господними на земле и на небе.

О, братие и сестры о Христе! Имея такую всемогущую Ходатаицу за род наш пред престолом Божиим, с каким дерзновением и надеждою мы можем прибегать под Ее защиту и покровительство! Ибо ничье ходатайство не может быть так сильно, как Матернее пред Сыном. Значит со всеми своими нуждами, со всеми, скорбями сердечными мы с верою и любовью должны обращаться к Матери Божией; и если мы окажемся достойны Ее милости и благоволения, то без сомнения Она не замедлит нам явить их. Лишь бы в сердце нашем горела искра благоговейной любви к Ней и веры, а равно и смиренной преданности Ее могущественному покровительству. Будем же блюсти и взгревать эти чувства размышлением о том великом и несравненном Ее достоинстве, о котором напоминает нам столь часто слышимое в церковных песнопениях, а особенно в приветственной молитве к ней слово «Богородица». «Богородице дево»! – Бот еще необычайное качество и достоинство Матери Божией, – это Ее девственность, оставшаяся целою и неприкосновенною как до рождения от Нее Спасителя мира, так и в самом рождении, а равно и после рождения, так что Св. Церковь величает Ее Приснодевой. Рожденная от неплодных до старости и святых родителей лишь по усиленным молитвам их, впрочем по

обыкновенным законам естества человеческого, Пренепорочная Отроковица Мария еще в трехлетнем возрасте отдана была на воспитание в Иерусалим и введена в храм Божий по обету, данному родителями еще до рождения Ее. Здесь вся жизнь Ее до 14-ти летнего возраста была не что иное, как непрерывное молитвенное созерцание и приближение к Господу Богу. Предание повествует, что благодатию Божиею Она столько была предочищена от общей для всех сынов и дочерей Адамовых наследственной порчи и первородного греха, и столь высока стала духом, что Ангелы Божии, прозревавшие конечно Ее дивное назначение быть Материю Самого Сына Божия, видимо являлись и служили Ей. По окончании воспитания, когда пришло Ей время оставить храм Божий, священники Иерусалимские, не понимавшие конечно таинственной высоты и величия Своей воспитанницы, хотели было выдать Ее в замужество; но вдруг услышали из уст Ее неожиданный обет навсегда оставаться Девою. Не понимая смысла этого необычайного по тогдашнему времени обета, но не смея и нарушить его, так как он дан был пред лицом самого Бога, – священники решили все-таки обручить Деву Марию, после смерти Ее родителей, святому старцу Иосифу, дабы он был Ее попечителем, а равно и хранителем Ее девства по обету. Когда затем послан был к Ней в Назарет Архангел Гавриил благовестить о рождении от Нее Спасителя мира, то первый вопрос из уст Ее был такой: *как будет сие, ибо мужа не знаю?* (Лк.1:34). Посланник Божий тотчас успокоил Ее, объяснив: *Дух Святый найдет на Тя и сила Вышняго осенит Тя, темже и рождаемое Свято наречется Сын Божий!* (Лк.1:35). Таким образом Спаситель наш, Богочеловек Иисус Христос, хотя был действительным сыном человеческим и заимствовал от Пречистой Матери Своей не иную какую-нибудь, а ту же самую человеческую природу, какая и у нас, но самое зачатие Его совершилось не по законам естества человеческого, а сверхъестественным и чудесным образом, т. е. бессменно от неискусобрачной Отроковицы, и потому Он чужд был первородного греха в Своем рождении и не наследовал от Своей Матери прародительской Адамовой порчи. При сем

всякому православному чителю и чительнице Пренепорочной и Приснодевственной Матери Господней надо иметь в виду два противоположные по характеру своему, но одинаково ошибочные и неправильные о Ней мнения, существующие у христиан римско-католических и лютеранских. Первые неправильно учат, что и Сама Матерь Божия так же бессменно и чудесно Духом Святым зачата и рождена от Своих родителей, как рожден от Нее Сын Божий. Между тем как чистое и непогрешительное учение Православной Церкви состоит в том, что рождение Самой Матери Божией произошло обыкновенным и естественным образом; так что в своем рождении Она не чужда была первородного греха, что однако же ничуть не омрачает Ее славы и величия, ибо впоследствии Она совершенно предочищена была и от всякого греховного влияния и стала избраннейшим сосудом благодати и вместилищем невместимого Бога-Слова. Напротив, лютеранские учителя и богословы дерзновенно посягают на святейшее имя Богоматери Девы, не признавая Приснодевства Ее с тою решительностью и строгостью, как это делает Православная Церковь. По нашему православному учению, Пречистая Дева Мария и по смерти Своего обручника старца Иосифа не причастна была узам брачным, и Христос Господь был Ее единственным чудесным Сыном. Упоминаемые в Евангелии братья Христовы были Ему двоюродные по плоти. Это были, как гласит христианское предание, или дети Иосифа обручника от первой его жены, или дети Иоакима и Анны – родителей Матери Божией. Таким образом, одни лжеучители (католические), думая возвеличить паче надлежащего Матерь Господню, оскорбляют Ее лживостию своего учения о сверх-естественном Ее зачатии и рождении; другие (лютеранские богословы), думая приблизить Ее личность как можно больше к нашему человеческому обществу, и таинства, окружающие Ее жизнь, к обыкновенному человеческому разумению, богохульствуют на Самого Сына Божия, унижая Приснодевство чистейшей Матери Его. Тем драгоценнее должно быть для нас неповрежденное и чистое учение Православной Церкви о дивном лице Матери Господней. «Как Тебя назвать, о, Благодатная! – восклицает она

молитвенно пред Нею, – Ты и Мать, ибо имела еси на святых Своих объятиях Сына, всех Бога; но Ты и Дева, ибо пребыла еси нетленна и непорочна»! Или в другом месте: «Все выше нашего смысла и понимания суть великие и преславные Твои таинства, о, Богородице! При чистоте запечатанной и девстве хранимом, Ты и Мати, позналася еси не ложно, Бога рождши истинного».

Православные и благочестивые слушатели! Углубляясь мыслию и сердцем в христианский догмат о неизглаголанном девстве и чистоте Преподобной Богородицы-Девы, поревнуем и мы об очищении своего сердца и о целомудренности своих душ и телес; ибо ничто так не любезно Пречистой Деве, как эта добродетель, и ничто так не приближает к Ней ее читателей и поклонников, как трезвенность и непорочность помыслов сердечных и целомудренность души и тела. Юноши и девы, возрастающие в невинности и чистоте! Дорожите, как величайшей святыней своею невинностью и непорочностью, и помните, что вы избранные и любезнейшие чада Пречистой Девы Марии. Равно и вы, избранные мужи и жены, произнесшие ради Господа обет девственности и целомудрия, укрепляйтесь в своем великом подвиге примером неискусобрачной Матери Господней и утешайте себя в борьбе с плотию тою отрадною мыслию, что непрерывно взирает на вас с любовью и небесным благоволением Святая Дева Мария. Но и вы, вступившие в брак честен и блюдущие святыню супружества, не думайте, что при ваших обязанностях вы лишены возможности стоять в близком благодатном союзе с Пречистою Девой Богородицею. О, будьте уверены, что велик пред очами Ее будет и ваш подвиг, если вы сумеете господствовать над своими страстями, если чисты и целомудренны будете в своих помыслах, воздержны и верны в своих супружеских отношениях. Ибо, как есть целомудрие девственности, так есть и должна быть в своем роде и в известной степени целомудренность супружества. И если нельзя всем стоять на одинаковой высоте подвига, то всем можно стяжать полное благоволение Царицы Небесной посильным подвигом внутреннего самоочищения и

трезвенности. Напротив, ничто так не гнусно пред очами Царицы Небесной и ничто так скоро не удаляет нас от Ее милости и благоволения, как сладострастные мечты, испорченность сердца и непотребство поведения. Не от того ли такую неустроенною и нездоровую представляется современная жизнь нашего общества, что мутной и грязной струей отовсюду врывается в нее развращение, и что животные инстинкты берут верх и господствуют над умами и сердцами большинства нынешних людей. Как часто наше юношество и молодость ходят уже с печатью преждевременного растления; как ослабела строгость нравственных начал в наших семьях, и как мало и редко вообще стала примечаться склонность к подвигам благочестия и жажда высоких духовных наслаждений! О, как бы не отвратила вовсе Своего взора от нас грешных Матерь Божия, как некогда Господь отвратил взор Свой от развращенных допотопных людей, потерявших все духовное и обратившихся в плоть, по выражению писания! Да не будет, да не будет сего! Но обратим опять свою мысль к словам Архангельского приветствия Богоматери.

"Радуйся благодатная, Мария, Господь с Тобою, благословенна Ты в женах" (Лк.1:28)! Когда услышала в первый раз Св. Дева это приветствие из уст Архангела, то смутилась, как повествует Евангелие. Смушение это произошло от того, что кротчайшая и смиреннейшая из дочерей человеческих, хотя и царственная отрасль дома Давидова, не зримая никем, кроме Бога, в тиши назаретского уединения, недоумевала, за что и как Она будет благословена или превознесена пред всеми женами в мире. Предание гласит, что в минуту появления пред Ней Архангела, Она размышляла о словах пророка Исаии, возвещавшего рождение Спасителя мира от безмужной девы, и мысль Ее и сердце благоговейно устремлены были к личности этой дивной и блаженнейшей девы. Приветственные слова Архангела имели очевидно прямое отношение к тому, чем занята была тогда душа Ее, и внезапно намекали Ей, что Она Сама, назаретская девственница, и есть Та избранная из всего рода человеческого жена, которой в предвечном совете назначено быть Материю Спасителя рода человеческого.

Смутилась кротчайшая и смиреннейшая Дева Мария, мысленно отрицая от Себя эту недосягаемую честь и величие, и лишь только после того, как небесный посланник объяснил Ей, как все это будет, Она покорилась воле Божией, сказав: *се Раба Господня, буди Мне по глаголу твоему!* (Лк.1:38). А поспешив к родственнице Своей Елизавете, Она в пророческом восторге воскликнула: «призрел Господь на смирение Меня, Рабы Своей; ибо отныне станут называть Меня блаженною все племена и роды!»! (Лк.1:48) Так это и есть, на самом деле. Пророчество Матери Господней о Себе оправдалось вполне. Ибо блажим Тя, о, Заступница наша, блажим Тя вси роди, Богородице Дево! в Тя бо невместимый Христос Бог наш вместится благоволи.

И понятно теперь, почему из всех хвалебных словес и приветствий наших Царице Небесной наиболее угодным для Нее должно быть то, которое мы повторяем со слов Архангела Гавриила. Всякий раз, когда из уст наших исходят эти Архангельские слова: «радуйся благодатная, Марие, Господь с Тобою, благословенна Ты в женах»! – мы напоминаем Ей, так сказать, самые лучшие минуты в Ее земной жизни, когда Она в первый раз узнала о Своем великом назначении и поняла тайну воплощения от Нее Сына Божия. То, что было некогда предметом Ее смущения и страха, теперь стало неиссякаемым источником Ее премирного блаженства. Конечно, ничего не можем мы прибавить к этой радости своими приветствиями и хвалебными восклицаниями; но за то мы сами можем приобщаться этой радости по мере своей приемлемости, когда вместе с молитвенными и приветственными словами и сердце наше будет устремляться к Царице Небесной. Если будет она видеть, что понимаем мы верно и ясно великое дело, совершившееся чрез нее для всего рода человеческого, и если потому высшее свое счастье будем полагать в благодатном союзе с нею, и конечную цель всех наших желаний – в спасении наших душ, по вере в воплощенного из Нее Сына Божия; то, конечно, и Она примет нас, как чад Своих веселящихся о Ней, в Свое невидимое покровительство, и Своим ходатайством пред Сыном Своим скоро воздаст нам радость спасения нашего, и радости наша никто же возмет от нас. «Се, любящие чада Мои,

верующие и смиренные – скажет Она Сыну Своему о нас, и Сам Господь возлюбит нас, придет к нам Своею благодатью, и обитель сотворит в сердце нашем. О, когда бы так было, а не иначе! О, когда бы тленные радости и удовольствия мирские не приковали к себе сердца нашего и не охладили его для высших и духовных радостей. О, когда бы в суете житейской не позабыть нам вовсе того дела, ради которого приходил Господь Иисус Христос на землю, восприяв естество наше от богомужной Девы Матери Своей! Пусть же чаще напоминают нам о сем великом деле эти приветственно-хвалебные слова Св. Деве: «Радуйся благодатная, Мария, Господь с Тобою! Благословенна Ты в женах»!

К этим словам Архангельского приветствия прибавлены еще следующие заключительные слова молитвы Церковной: «Благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших». Слова эти значат то же, что и предыдущие, с некоторым только пояснением или дополнением к общей мысли в них заключающейся. «О, как счастливы мы, Пресвятая Дева, что Ты стала Материю, – как бы так говорили мы! Потому что плод чрева Твоего – есть Спаситель наш, и если бы Он не благоволил сделаться Сыном Твоим, – мы погибли бы»! Искренно сказать это может только тот, кто всей душой и сердцем верует в таинство воплощения Сына Божия, кто понимает, что в этом таинстве вся сущность веры христианской, кто дорожит более всего счастьем быть истинным христианином и принадлежать не по имени только, а на самом деле к числу живых и спасаемых членов Церкви Христовой. Этой-то искренности веры и теплоты христианского чувства и ждет от нас Матерь Божия, как самой лучшей нашей жертвы и самого драгоценного дара, когда мы молимся Ей, ищем Ее милости, и произносим пред Ее иконами хвалебные приветствия. Пусть же и всякий испытает свою совесть и проверит свои религиозные убеждения: куда они направлены, какого они характера и выражаются ли какими-нибудь добрыми плодами веры и любви к воплощенному из Нее и пострадавшему за нас Господу Иисусу Христу? Не в устах ли только вся наша вера, а все наши молитвенные возвания и приветствия Матери Господней не суть

ли только привычный лепет языка, заучившего молитвенные слова? О, братие и сестры о Христе! Зная, сколько издревле было и теперь есть врагов у Спасителя нашего, замышляющих разрушить вконец, то великое дело, ради которого Он сходил на землю и зрак раба принял, – видя, до какой ожесточенности достигла злоба противников христианской веры в настоящее время и с каким успехом умеют они посеять холодность к религии и нравственное легкомыслие в людях, – не чувствуем ли мы особенной нужды как можно более беречь свое сердце от влияния этих врагов Христа Спасителя, а ум – от их льстивой и ядовитой философии? Не поколеблют они, конечно, дела Христова, если бы все силы ада пришли к ним на помощь, и исконная брань Агнца, т. е. Спасителя нашего, со змием, т. е. с диаволом, завершится окончательным сокрушением дьявольской силы и размножением главы змииной; но много и погибших будет в этой брани из среды людской, как говорится в книге св. Откровения. Что, если враги Христа Спасителя, которым кажется все Евангельское учение юродством, соблазном и безумием, и которые самую кровь Завета Нового вменяют в скверну, что, если они сумеют охладить в конец наше сердце, отвратить от Господа и поставить на путь, вводящий в пагубу?! Да не допустит сего благосердая Матерь Господа нашего, всемогущая Заступница и Ходатаица наша пред престолом Сына Своего! О, спаси от таких бед нас рабов Твоих, Богородице! Ибо к тебе после Бога мы все прибегаем, яко к нерушимой стене и предстательству. Аминь.

Поучение воспитанникам владимирской духовной семинарии пред началом учения (25 августа 1880 г.)

Любезные воспитанники!

После полуторамесячного отсутствия вашего из учебного заведения я встречаюсь с вами в надежде на ваше умственное освежение, на укрепление ваше духом и телом, и вообще на ваше обновление к лучшему. К концу учебного года, т. е. к самой тяжелой его части, когда подводятся итоги ваших годовых занятий и делается расчет за все то, как вы учились и вели себя в продолжении года, и когда по обычаю, почти неизбежному для массы живущих и учащих вместе молодых людей, накапливаются за многими из вас различные грешки и грехи учебно-воспитательные, – к этому времени – говорю – взаимные, хотя бы самые безупречные и сердечные, отношения между учащимися и их руководителями и начальниками несколько, так сказать, натягиваются. До не которой степени они самым незаметным и естественным образом, как говорится, прискучивают друг другу. И вам хочется пожить несколько времени за нашими глазами на распахку, по сельской простоте и не заглядывая обязательно в книгу; да и нам, признаться, мечтается как о наилучшем удовольствии, в продолжении некоторого времени не чувствовать на своих плечах всей тяжести воспитательских трудов и начальнической ответственности за вас. В этом отношении и вакационное время имеет весьма важное значение и великую пользу для каждого учебного заведения, и притом обоюдную пользу – как для учащихся, так и для учащихся. Эта польза, однако же, не ограничивается, по моему мнению, одним отдохновением телесным и освежением духа, утомленного в школе учением и разными опытами самоограничения и опасливости. Несколько самостоятельных и бесконтрольных недель, прожитых в промежутке между прошедшим и наступающим учебным годом, могут многому научить и многое серьезное внушить каждому не

лишенному наблюдательности даже и мальчику, а тем более неглупому и размышляющему юноше.

В самом деле, когда вы рассыпались по разным пунктам нашей обширной губернии и по разным направлениям от центра ваших учебных трудов, – что вы могли увидеть и заметить? Целые массы трудящегося люда, трудящегося буквально до поту лица и тратящего все свои силы духа и тела преимущественно для удовлетворения самых простейших и низших потребностей житейских, – для куска хлеба, для самого неприхотливого крова и таковой же одежды. И замечательно, что время вашей вакации как раз совпадает с самой тяжелой и рабочей порой в деревнях и селах. А если случалось вам сталкиваться не с простым только и чернорабочим классом народа, а с более приличными, по-видимому, и устроенными людьми, то и там, что вы могли заметить и услышать? Ту же, если еще не большую суетню, те же озабоченные лица, те же труды, ту же многоятежную службу, сплетающуюся из разнообразных, более или менее горьких и уязвляющих и вообще мешающих беззаботно жить на свете людских взаимных отношений, а слышать могли все те же недовольные возгласы и на разные лады и тоны повторяющиеся вздохи насчет трудности приобрести и обеспечить себе способы хорошей и беспечальной жизни на свете. Поучение здесь такое: юным школьникам не надо слишком односторонне смотреть на свою школу, как на место особенной какой-то тяготы, а учебные труды свои воображать какими-то особенными подвигами, а себя какими-то избранниками и героями, обреченными пройти какой-то особенно-трудный и тернистый путь. Человек вообще обречен на труд более или менее тяжелый и упорный, и нет такого положения и состояния в обществе, с которым не было бы соединено особенных ему свойственных трудностей и подвигов, и не вам, вообще не молодости определять можно безошибочно сравнительную степень этих трудностей и подвигов. Конечно, всякому до себя, и что нас непосредственно касается, то и отдается на нас чувствительнее. Но жизнь неизбежно заставляет каждого из нас немножко и философствовать. Если труд есть нечто неизбежное для человека, то и надо по-

человечески, т. е. разумно и свободно отбывать труды, к которым зовет нас наше положение в обществе, наше происхождение и воспитание. Не надо забывать, и что ваши труды суть более благородного и духовного характера в сравнении со многими другими человеческими трудами, и ведут к цели, наиболее достойной человека, а от успеха этих предварительных ваших трудов зависит ваша будущая относительная свобода от житейского рабства и широта вашей разумно-человеческой деятельности. По моему – это должно не только примирять вас с вашим трудовым положением и научать благодушной терпеливостью, но и зажигать в вашем юношеском сердце благородную энергию и жар к учебным и школьным трудам вашим, а тем самым и значительно облегчать и упрощать их. Есть из-за чего и потрудиться вам. Как часто и с каким скорбным убеждением повторяют известную пословицу люди, полжизни или всю жизнь прожившие без науки, что «ученье свет, а не ученье тьма»!

Возвращаю снова ваши воспоминания и размышления к только что прожитому вами вакационному времени. Помните ли, как после первого обаяния свободы от всяких обязательных занятий стала потихоньку подходить к вам потребность чем-нибудь наполнить свое время, бывшее в безотчетном вашем распоряжении, как стала сказываться пустота и неудовлетворенность в самой вашей свободе и явились позывы чем-нибудь заняться и хоть что-нибудь поделать для собственного развлечения и удовольствия? Мне трудно представить столь ленивого и до такой степени ограниченного и тупого ученика у которого ни разу во все шесть недель вакационного времени не проявился бы этот натуральный, так сказать, аппетит к подновлению и умножению своих знаний, и вообще к умственной какой-нибудь работе. Такое явление еще можно представить в детском возрасте, с преобладающею физическою жизнью, и в таких лицах, голова которых никогда не была затронута ни одною живою мыслию, и не вкусила ни разу удовольствия что-нибудь узнать и чему-нибудь научиться. Но не к таким личностям я и обращаю свою речь, да они бы по-настоящему и не должны находиться в составе семинарских

учеников. Итак, потребность умственного труда есть натуральная потребность всякого незачерствелого человека и жажда знаний есть натуральная и притом благороднейшая наша жажда. Это вам тоже надо иметь в виду, и в особенности надлежит принять к ясному и живому сведению при наступлении нового учебного года. Надо вам заметить, что стоит только долее обыкновенного продержаться без удовлетворения пробудившемуся аппетиту знания, о котором я сказал выше, и понасиловать ленью, сказавшуюся жаждою умственного труда, как начнут слабеть и пропадать и эта жажда, и этот аппетит. Психическая жизнь вообще имеет большую аналогию с физиологическими явлениями в нашем телесном организме. Если усиленными и напряженными, и притом непрерывными или не в меру продолжительными умственными занятиями можно ослабить самые умственные силы и дойти до апатии и духовной вялости, – во избежание чего и выделяется для вас вакационное время, – то и наоборот – до этой же апатии и вялости может довести человека, и в частности ученика, его произвольная лень и уклонение от урочных и обязательных для него умственных занятий в школе. Одно механическое хождение в класс для свидания и болтовни с товарищами, безучастное сиденье на учебных скамейках, шаловливые веселости и баловство на квартирах без заглядыванья в книгу, беспечное отношение к урокам и преподавательским требованиям и тому подобное поведение, – может постепенно и незаметно усыпить голову молодого человека, парализовать его умственные силы, притупить самую восприимлемость ко всякой умственной и духовной пище. И сколько испортилось таким способом молодых людей, далеко необиженных природою ни насчет ума, ни насчет других способностей, – и пропали все благие надежды, которые они, может быть, внушали на первых порах своим родителям и наставникам! Вместо дельных и полезных членов общества вышли из них весьма вредные недоучки и какие-то умственные недоросли. Не обидно ли это? Между тем, посильный умственный труд и самоохотливое занятие учебным делом изощряет и не слишком богатые от природы умственные силы, незаметно вселяет в них энергию, и

вообще приводит к самым благим результатам. Так вот, я нарочно сопоставил для вас с одной стороны натуральную нашу потребность умственного труда и жажду знания, сказывающуюся во всяком мало-мальски подросшем и несколько поучившемся мальчике, а с другой стороны то, как важно развить и надлежаще направить эту потребность и эту жажду путем нормального и целесообразного удовлетворения оной, чтобы вы знали, как вам надобно по надлежащему относиться к своей школе: не уклоняться и не пугаться ее, и не пятиться от нее назад к домам и деревенскому приволью, а весело и благодушно переступить за порог ее после узаконенного каникулярного отдыха.

Еще, мне кажется, можно извлечь вам поучительный опыт из только-что прожитой вакации. Некоторым из вас, как известно, надлежало поправлять и дополнять свои учебные труды прошедшего года именно в вакационное время. Слабоватые успехи, зависевшие от разных причин, отдались для некоторых из вас неудачами на переводных экзаменах, а это привело к переэкзаменовкам, а оне в свою очередь усадили некоторых за книгу в то время, когда все остальные могли гулять и отдыхать совершенно беззаботно. Но были, разумеется, и такие из вас, которые совершенно добровольно располагали заняться на свободе и тем и другим и третьим, и надеялись исполнить самые солидные и широкие планы, благородно задуманные для дополнения разных пробелов в своих знаниях и для разных более или менее похвальных целей. Что же, – как у вас шли эти необязательные и добровольные занятия? Не случилось ли, что отсутствие твердого и обязательного распределения времени и постоянная возможность отложить задуманное дело до завтрашнего дня много мешали и даже помещали успеху ваших занятий? Неправда ли, что сделано гораздо меньше, чем задумано, что день за днем неуловимо ускользал из вашего распоряжения, и в настоящем осталось у вас гораздо больше неуверенных надежд на будущие занятия, чем приятного сознания, что сделано именно то, что задумано? Если это правда, то я желал бы, чтобы эта правда не пропала для вас задаром на будущее

время; чтобы вы верили искренности наших слов, когда мы станем говорить вам по-прежнему о важности подчинения разным формальностям, инструкциям и уставным распоряжкам вашего учебного времени в школе, и что чем строже и добровольнее будет это подчинение, тем больше будет успеха в ваших занятиях, и тем серьезнее и плодотворнее будет польза вашего пребывания в стенах учебного заведения. Вот теперь вы, может быть, собственным, хотя кратковременным, но живым и наглядным опытом могли изведать, что если в школе многое не хочется делать потому именно, что велят это делать, что к этому обязывают и принуждают, – то это не значит, что дело пойдет непременно успешно и горячо, как скоро человеку предоставлена будет возможность самостоятельно определять себя к деятельности. Во время вакации вы могли очень хорошо усмотреть на себе, что подневольное и обязательное дело может все-таки безостановочно идти вперед, следовательно безостановочно подвигать человека к усовершенствованию, тогда как добровольное дело может стоять на одном месте, или же двигаться по-черепашьи, чтобы потом совершенно остановиться. Я, впрочем, не хочу обуславливать своих слов вашим вакационным опытом. Все равно принимались ли вы дома за какое-нибудь дело, или не принимались, а только прохлаждались все это время в деревенском привольи, – но дело давным-давно известное, что и успех всякой работы и всяких занятий, в особенности учебных и умственных, и особенно в период воспитания и возрастания, когда в человеке еще не окрепла сила воли и не сложились здоровые и разумные привычки, – успех – говорю – преимущественно школьного и учебного дела ничем так не обеспечивается, как правильным и целесообразным распределением учебных предметов и времени учебных занятий, а равно и строгою дисциплиною в исполнении, положенных учебных программ и школьных инструкций. Итак, я прошу вас посерьезнее принять к сердцу с наступающего учебного года, что вам не только пришло время приняться со всем усердием за прерванное вакацией ваше учебное дело, но сознательно и благодушно взять за руководство в ваших занятиях те именно правила и порядки,

которые составлены нами для вас и узаконены на основании общего устава для всех духовных семинарий. С нынешнего учебного года вы снабжены будете достаточным количеством даже печатных экземпляров этих правил; так что вам остается только заглядывать в них почаще, чтобы проверять по ним вашу учебную жизнь и приноровлять ее к ним, как своему идеалу. Существует, как вам и нам очень хорошо известно, довольно сильное предубеждение, особенно у молодежи, против всяких инструкций, расписаний и уставных правил. Все это нравится вам обзывать, со слов разных незрелых, а иногда и не совсем благонамеренных людей, сухим формализмом, в смысле чего-то дурного и подавляющего. Любой из вас не прочь иной раз полиберальничать на тот счет, что буква-де убивает, и что мало ли чего пишется и предписывается, да не все то приложимо и исполнимо на практике. Все это, если сколько-нибудь справедливо, то лишь в смысле временного отступления от уставных правил по разным исключительным и законным поводам, вызываемым то обычною и простительною слабостию и колебаниями человеческой воли, то разными природными особенностями отдельных человеческих личностей, то просто какими-нибудь характерными и отдельными случаями, – кто же этого не знает и не имеет в виду? Но вообще унижать правила и уставы, составляемые для руководства и облегчения человеческих волей, и сводить их на бездушный формализм, – большая и небезопасная ошибка. То справедливо, что *для праведника закон не лежит*, т. е. не существует; но потому именно, что праведник слишком точно и притом совершенно добровольно его исполняет. О, если бы побольше среди людей было праведников! Тогда действительно ослабела бы и даже прекратилась бы нужда в таковых уставах и правилах. Но тем-то обыкновенно и вызываются все эти уставы и правила, что мало слишком видится среди людей честного и трезвого отношения к долгу, и этой внутренней добровольной праведности. Помните ли, как говорится насчет этого в Писании? *Что убо закон? преступлений ради приложися* (Гал.3:19). Это же можно сказать и о школьных законах. Не будь небрежных, ленивых и беспечных учеников, – не надо бы для

школы и никаких правил и инструкций; а нам осталось бы только любоваться на вас, да помогать вам в ваших занятиях. Между тем известно, что небрежные и ленивые лица в особенности и любят обзывать формализмом все, чем побуждаются они от праздных слов и благовидного болтанья к надлежащей и серьезной деятельности; а тех людей, от которых идут эти побуждения, сии малоценные и празднословные труженики с смешным задором клеймят формалистами и лицемерно упирают на то, что нужно де обращать больше внимания не на видимость, а на сущность и результаты их трудов и занятий, питая при сем скрытную и справедливую надежду, что до этой сущности, т. е. до них самих, довольно-таки нелегко и нескоро можно добраться, особенно в толпе подобных им по рьяности деятелей. А не следовало бы забывать таким наивным маскирователям своей лени и беспорядочности, что исправное и аккуратное исполнение школьных и учебных формальностей весьма часто обеспечивает именно эту сущность дела, об которой они только празднословят, но сердцем своим не радуют, и может быть даже не понимают хорошенько и не видят. «В малом и не важном был еси мне верен, – сказал евангельский домовладыка честному и верному своему приставнику, – над многими ты поставлю, и во многом и важном тебе поверю. А если нет, – то ты ленивый и лукавый раб, даже сам себя силящийся обмануть» (Мф.25:21). Но я кажется слишком распространился для вас об деле совершенно простом, и как мне думается, ясном по существу своему для вашей юношеской совести и доброго сердца вашего. Что ни говори, а без порядка и без общеобязательной правильности и точности в занятиях ваших – эти занятия шибко не пойдут. Я хотел было только слегка напомнить вам об этом после вашего вакационного роздыха; но не слегка относясь к вашей учебной пользе, я невольно как-то увлекся к некоторой настойчивости в своих напоминаниях и советах для сегодняшнего дня. Да будет это во благо вам!

Дайте, однако же, сказать мне в заключение и еще несколько слов о том, чего мимоходом только пришлось коснуться по поводу предстоящих вам учебных трудов. Этих

трудов, – будь они самые рьяные и правильные, – я и представлять даже не хочу без успехов ваших по части нравственного и сердечного вашего воспитания, – и об этом то мне хотелось бы внушить вам кое-что при настоящем случае. Я не о том имею в виду говорить вам, и не к тому склонять вас, что вы должны паче всего хлопотать в школе о своей нравственности, честности, благоговейности, религиозности и т. д., – как подобает благовоспитанным юношам, и в особенности духовным юношам, готовящимся на служение Церкви, – кто же из вас в этом не убежден и кому бы из нас не хотелось быть тем, чем велит быть ваша собственная совесть, что заповедует всем нам святая религия Христова? Обо всем этом, значит, и говорить излишне; тем более, что все это подробно и наглядно изложено в ваших правилах поведения. Но мне опять хотелось бы провести и в этом отношении некоторую параллель между вашим житьем под нашей опекой в школе и между житьем вашим без этой опеки и надзора, – вот как жили вы в истекшую вакацию. Ну что же? Которая жизнь благоприятнее и безопаснее для вашей нравственности: там ли за глазами у нас, или здесь в школе? Не думайте, пожалуйста, что этот вопрос я ставлю в полной уверенности, что без нас там вы вели себя как-нибудь плохо, или по крайней мере хуже, чем здесь в нравственном отношении. Я очень помню, что для многих из вас наш надзор с избытком заменялся прекрасным и попечительным надзором ваших родителей и родственников; а многие из вас уже довольно тверды и самостоятельны в нравственном отношении, так что не особенно и нуждаются в каком-нибудь надзоре и умеют уже ходить без помочей по стезе доброй нравственности. Все это я с удовольствием принимаю в соображение. Даже я не стал бы много противоречить, по крайней мере некоторым из вас, если бы на мой вышепоставленный вопрос вы высказались в пользу сравнительного преимущества своей жизни домашней пред школьною; ибо действительно в благоустроенной домашней жизни есть много добрых и ничем незаменимых сторон, благоприятствующих успехам нравственного воспитания. Но, во-первых, не про всякий дом и не про всякую домашнюю обстановку сказать это можно. Иной раз школа

является положительно спасительницею молодому человеку от домашних соблазнов и домашней распущенности. А, во-вторых, мы решаем здесь вопрос не теоретически, а лишь в практическом применении лично к вам. Что и рассуждать о каких бы то ни было преимуществах домашнего воспитания пред школьным, когда всем вам судьба велит и учиться, и воспитываться большую часть вашего времени в школе? Об этой школе, значит, и говорить теперь надо по преимуществу, – вот и хочется мне внушить вам, что не всегда беспристрастны и справедливы бываете вы, молодые люди, в суждениях своих о прилагаемых к вам воспитательных мерах в школе. Вам то главным образом может показаться неблагоприятным в школе, что, то и дело извлекаются из вашей толпы на сцену разные виновники и нарушители то одного, то другого из предписанных вам правил; приходится вам постоянно опасаться, не попасться бы в число этих виновников, не приписали бы вашей вине большего значения, чем она есть на самом деле, приходится вам постоянно держать пред нами ответ за свои проступки, и – то извиняться, то оправдываться, а то и нести разные наказания, или же навлекать на себя разные подозрения, неприятные уже по тому одному, что надо потом усиливаться рассеять и изгладить эти подозрения; а случаев навлечь на себя подозрение в чем-нибудь недобром и нежеланном в толпе и при школьном многолюдстве всегда бывает, как известно, гораздо больше, чем случаев зарекомендовать себя с какой-нибудь выдающейся и прекрасной стороны. Все это, конечно, может нарушать ваше спокойное настроение и до некоторой степени мешать свободным усилиям и движениям некоторых из вас к нравственному самоусовершенствованию. Между тем, дома и на свободе, всем большею частию приходится иметь дело и счета, хоть и на короткое время, с одною только своею совестью. Вот на этом то последнем и наиважнейшем обстоятельстве я и останавливаю ваше внимание. Что же, высоко ли вы поднимались в своих собственных глазах всякий раз, когда приходилось иметь вам дело с одною своею совестью? Те ваши проступки и нарушения начертанных внутри нас правил строгой нравственности, которые остались никем

невидимы и совершенно безнаказанны для вас, ушли ли от вас бесследно и облегчили ли вам будущее ваше нравственное преуспевание? Не думаю. Потому, что все такого рода секретные и безнаказанные проступки, – все равно большего или малого они свойства, – падают куда-то внутрь души нашей, и там на самом дне ее постепенно накапливают все больше и больше тяжести и гнета, а внутреннее сознание с горечью подсказывает, что за эту тяжесть когда-то все же придется разделяться, и сбросить ее каким-нибудь образом все же надо, чтобы не дойти до чего-нибудь очень худого. Безнаказанный и незамеченный проступок, – все равно, что не уклоненный долг для честного человека. И чем больше этих долгов накапливается, и чем чаще они повторяются, – тем человеку труднее, конечно, живется. И мне кажется, что человеку, еще не выросшему до известной степени нравственной зрелости, – каковы все школьники, – и не успевшему выработать настолько силы характера, чтобы самоотверженно и честно обвинять себя за свои проступки на суде своей совести и затем в самом же себе находить средства и силы к восстановлению поколебленного нравственного равновесия, – такому – говорю – человеку, т. е. всякому юноше и возрастающему мальчику, гораздо проще и безопаснее не самому сводить счеты с своею совестью, а быть вызываему на эти счеты постороннею и конечно благожелательною силою. И чем аккуратнее и строже эти счеты будут вестись, – тем, разумеется, дело будет чище для молодого человека. Ничего, и что иной раз позовут его для этих счетов не во время, что потребуют от него немедленного удовлетворения за его проступок, а ему хотелось бы оттянуть и позамять дело; ничего, что и иной раз и строгонько с ним поступят. Но за то, с очищенной совестью он выйдет после этого опыта, если по несчастию не притупилась чуткость его совести предварительными частыми случаями безнаказанных и секретных проступков. За то, явится в нем некоторая опасливость за свои проступки и некоторая доля самонаблюдения, дабы избегать их по возможности на будущее время; а это, во всяком случае, большая выгода для воли еще молодой, и только что собирающейся с силами для

самостоятельной нравственной деятельности. Вам самим, я думаю, случалось наблюдать такого рода явление, что иной уже довольно-таки посбившийся с толку человек, пока на него никто не смотрит и пока все сходит ему с рук до поры до времени безнаказанно, только и делает, что повторяет свои проступки, как будто в этом его любимое удовольствие и как будто с ними он уже сроднился и сжился до крайнего обессиления своей воли взять другое лучшее направление. Но лишь только он извлекаем бывает, или рукою Божиею или правосудием человеческим, из тьмы грешного своего приволья и безнаказанной распущенности на свет закона и совести, и лишь только повлекут его к ответственности, – как в нем является и конфузливость и страх за свои деяния и сознание их непристойности и желание стать отселе на прямой и твердый путь честности и добропорядочности. Одни только разве изверги какие-нибудь вконец испорченные не испытывают этих чувств. Все это вам надо иметь в виду и принимать в соображение. Неприятны, конечно, эти учащенные выговоры, эти внушения и наказания, этот постоянный дозор и смотрительство за вашим поведением; но надо знать и помнить истинное значение этих неприятностей. Всякую встречу свою с начальством и воспитателями по поводу разных своих проступков и прегрешений вы должны понимать и представлять не иначе, как встречу с своею собственною совестью; ибо все приставники и надзиратели ваши, по своей идее, должны быть ничем иным, как именно вашею олицетворенною совестью. Неприятность и щекотливость этих встреч до некоторой степени, значит, неизбежна по существу своему. Все равно, кто бы ни были ваши начальники; но если они не равнодушны к своим обязанностям и строго понимают свою идею, то не чем иным должны быть для вас, как вашею олицетворенною совестью, и значит – всегда более или менее докучливыми и нежеланными судьями. Посудите же теперь сами беспристрастно, следует ли вам хлопотать особенно о том, чтобы эта внешняя, так сказать, совесть ваша была столь же мягка, уступчива, молчалива и забывчива, как зачастую бывает у нас с вами наша собственная внутренняя совесть? Вы видите,

что в этом случае мы и себя от вас не отделяем, ибо отнюдь не желаем фарисейски скрывать своих немощей, а это потому, что отнюдь не желаем быть какими-нибудь притеснителями и суровыми судьями вашими, а единственно радеем о вашей общей нравственной пользе. Поверьте же нам, что люди поднадзорные и отчасти подневольные, вот как вы в своей школе, делают иной раз гораздо больше добрых и разумных дел и вообще живут правильнее и более по-человечески, чем люди, которых к этим делам должна бы казаться обязывать их ничем не стесняемая свобода нравственная и их относительная зрелость и развитость. Значит свое положение вы отнюдь не должны считать каким-нибудь худым или малоблагоприятным для нравственного своего развития. Некоторая подневольность ваших добрых дел и вашей порядочности отнимает пока у них лишь некоторую долю цены; и огорчаться этим отнюдь не приходится людям, находящимся в период воспитания потому что от вашего доброго и сознательного произволения вполне зависит усвоить своему доброму поведению всю нравственную его цену.

С этими мыслями я и приглашаю вас, помолясь Господу Богу, приняться снова за свои ученические дела в наступившем учебном году. Господь Своею всесильною благодатию и милостию да будет вашим помощником!... Аминь.

Слово в Неделю Православия (1 марта 1881 г.)

Ежегодно совершаемый в нынешний день Православною Церковью обряд, свидетелями которого мы будем через несколько минут, принадлежит к чрезвычайным деяниям Церковным.

Многих простодушных и от природы мягкосердечных людей он приводит даже в недоумение; ибо из уст Церкви, и обычно молящейся за чад своих и изрекающей мир на людей Божиих, слышится ныне анафема. Люди же, наименее расположенные к Церкви и более дерзновенные, позволяют себе открыто выражать негодование на кажущуюся им суровость и жестокость сегодняшнего обряда Церковного. Они самоуверенно объявляют, что с самим духом Евангелия несогласно будто бы это анафематствование живых и умерших людей, как бы дурны они ни были, и как бы много зла ни наделали в своей жизни. Есть еще и такие люди, которые, хвастливо присвоая себе звание людей развитых и просвещенных, и привыкши все видимое и слышимое подвергать своей личной критике, – столь высокомерны в своем равнодушии ко всему Церковному, что не придают никакого серьезного значения Церковной анафеме, и смотрят с высоты своего ученого величия на нынешний обряд Церковный так, как бы он нисколько их не касался, насмешливо представляют его устаревшим, некоторым лицедейством, не могущим устроить в нынешнее время никого, кроме одной невежественной и серой толпы народной. Не в защиту Церкви, которая есть столп и утверждение истины, и не нуждается ни в какой защите, намерены мы сказать свое немощное слово. Но есть нужда успокоить недоумевающих, обличить лицемерных и, если можно, вразумить неверующих.

Итак, первое наше слово к недоумевающим. Их поражает грозное слово «анафема», слышимое из уст благосердной к чадам своим Церкви Христовой. Недоумение, гнетущее душу и сердце этих добрых и чувствительных людей, происходит, сколько нам известно, из неправильного понимания слова

«анафема». Греческое это слово, по укоренившемуся словоупотреблению в нашем русском языке, стало равносильно слову «проклятие»; так что многие без всякого различия употребляют эти два слова одно вместо другого. Напр., вместо того, чтобы сказать: «был ли ты сегодня на Торжестве Православия», или: «слышал ли анафематствование», – говорят часто: «был ли ты на проклятии? слышал ли, как сегодня проклинали»? Слово же «проклятие» содержит в себе действительно нечто ужасное. Оно подает мысль о конечной гибели человека, привлечшего на себя грозный суд Божий, мысль об аде и решительном отчуждении человека от благодати Божией. Такой участи подвергся было весь род человеческий, в лице падшего своего праотца Адама, если бы Сын Божий не снял с нас этого проклятия, Сам *быв по нас клятва* (Гал.3:13), и если бы не поразил Он крестом и смертью Своею нашу смерть и наш прародительский грех. Такой же участи, т. е. проклятию во всем ужасном смысле этого слова, подвергся безвозвратно исконный враг рода человеческого – диавол и ангелы его с ожесточенными и погибшими сынами человеческими. Но слово «анафема» с греческого языка значит собственно отлучение или запрещение. Таким образом анафематствуя некоторых людей, Церковь лишь торжественно провозглашает, что она отсекает этих людей от своего общения, что они с этой минуты перестают быть ее членами и предоставляются собственной своей совести и участи. Значит Церковь делает в семь случаев тоже самое, как иной раз люди, дорожащие своею честью и безопасностью, отказывают от дому людям зловерным и безнравственным. Кто может упрекнуть в жестокости и несправедливости домохозяина за то, что он прекращает общение с людьми, по его усмотрению опасными для чести и благостояния его семьи? Это его неотъемлемое право, и даже прямой долг благоразумия. Так же поступает и Церковь с людьми упорными и закореневшими в своей сознательной враждебности по отношению к ней. Но, отсекая таковых членов от своего общения, Св. Церковь в то же время молится о еже *силою Св. Духа обратити всех отступльших к познанию истины, и сопричести к избранному своему стаду*. С

прискорбием и туюю сердечною совершая обряд анафематствования, Св. Церковь так, однако же взывает к главе своей, Господу Иисусу Христу: *Не хотяй смерти грешных, но ожидая обращения и покаяния! Обрати всех отступльших к Св. Твоей Церкви, – молимтися, милосердный Господи, услыши и помилуй!... Премилосердный и всесильный, не до конца гневаяйся Господи! просвети заблуждающимся разумныя очи светом Твоим Божественным, да уразумеют Твою истину; умягчи их ожесточение, и отверзи слухи, да познают глас Твой, и обратятся к Тебе, Спасителю нашему* (Смот. послед. в нед. православ.). Вот истинный дух и подлинное значение Церковных отлучений и запрещений, слышимых ежегодно в нынешний день. Анафематствуя, т. е. отлучая от своего общения явных и упорных врагов своих, или – что тоже – врагов Христовых, она отнюдь не посылает их в геенну и не проклинает; а и только предоставляет их непосредственному и невидимому суду Божию, и во всякое время готова снова принять их под свое водительство и попечение, если они раскаются и обратятся к ней.

Теперь пусть выслушают несколько слов лицемерные.

Это те, которые делая вид, что благоговеют пред учением Христа Спасителя и желали бы руководствоваться подлинными словами Евангелия, находят, что анафематствование каких бы то ни было людей несогласно, будто бы, с самим духом Евангелия, каждая строка которого проникнута одною только всепрощающею любовью к людям. Лицемерие здесь в том, что быть не может, чтобы люди, любящие Христа Спасителя и знакомые с его учением по Евангелию, не знали бы следующих слов его: *если согрешит против тебя брат твой, поди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего. Если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово. Если же не послушает их, скажи церкви. А если и церкви не послушает; то да будет он тебе, как язычник и мытарь!* (Мф.18:15–17). Слышите: как язычник и мытарь, т. е. как отлученный, отпавший от тела Церкви! А дальше Господь присовокупляет

Своим Апостолам, а через них и преемникам их предстоятелям Церкви, следующие замечательные и грозные слова об отлученных и отпадших от Церкви: *истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, будет связано на небе, и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе* (Мф. 18:18). Итак, от Самого Господа дана пастырям Церкви власть вязать и решить души пасомых, и притом так, как будто бы через них Он делал это Сам. Если же дана такая власть, то затем ли, чтобы никогда ею не пользоваться. Пусть же знают, что обвиняющие Церковь в суровости за анафематствование нераскаянных и упорных богохульно обвиняют в том Самого Христа Спасителя, за Которого они лицемерно желают в сем случае только укрыться.

Не трудно, однако же, догадаться, откуда происходят все эти лицемерные ссылки на Евангелие и на всепрощающую любовь Христа Спасителя. Грозная анафема, слышимая в Церкви, напоминает беспечным и коснеющим во грехах людям, что есть на небе праведный суд Божий, висящий над всеми нечестивыми, но до времени еще не открывающийся; что придет пора предстать всем на этот суд, – а совесть втайне подсказывает, что придется, пожалуй, оказаться в числе осужденных и следовательно погибших, – неприятные и страшные напоминания! Вот и хотелось бы ленивым и нерадивым людям совсем устранить и изгладить эти неприятные напоминания. Вот и кажется, что обряд анафематствования в неделю Православия не согласен с духом любви христианской и заповедью Христовой о снисходительности к немощам человеческим. Но разве о немощах здесь идет речь, и разве случайно падающих и заблуждающихся анафематствует Церковь? Вот кому возглашается анафема: отрицающим бытие Божие и богохульствующим на Бога, якобы Он не духовен, не праведен, не милосерд, не всеведущ и т. под.; дерзающим говорить, что Сын Божий не равночестен Отцу и Духу Св., что для спасения нашего не нужно было воплощения Сына Божия, что Пречистая Мать Божия, ни прежде, ни после рожества Христова не была Дева, отрицающим бессмертие души и говорящим, что не

будет кончины века, суда будущего и воздаяния вечного за добродетели на небе, а за грехи осуждения не признающим Св. Таинств Церкви, т. е. крещения, причащения, священства и других; отвергающим соборы св. отцев, и прочим богохульникам и сознательным и упорным врагам Христа Спасителя и созданной Им Церкви! Все это и суть те, погибающие мытари и язычники, с которыми, по слову Самого милосердного Господа Иисуса Христа, ничего не остается делать Церкви, как отсечь и отринуть их, как мертвые и зараженные неисцелимым недугом члены, и прекратить с ними всякое общение дабы сохранить от заразы здоровые члены. Что делать, что они сами создают для себя такую горькую необходимость? Не все ли грехи рода человеческого подъял на Себя Сын Божий, не за всех ли Он страдал, проливал кровь Свою на кресте? Однако Он же Сам возгласил, что много, очень много людей идут и пойдут путем погибельным в муку вечную, и одни только праведники и спасаемые в живот вечный. Кого здесь винить, и на кого жаловаться, – рассудите сами!...

Остается сказать несколько слов тем, которые не только не беспокоятся нимало о грозной анафеме Церковной, но и относятся к ней с пренебрежительным равнодушием, высокомерно считая ее одной только угрозой, страшной будто бы для одних темных и неразвитых людей, а не для таких ученых и независимых, как они. Нравственное состояние этих бесстрашных людей очевидно самое опасное. Потому и нет в них страха к Церковным прещениям, что нимало нет у них любви к Св. Церкви, нет благоговения к ее священнодействиям, нет уважения к ее уставам и заповедям, – одним словом, нет в их сердце никакой уже нравственной и религиозной связи с Церковью. Она им более не мать, а они и не хотят и сами быть ее детьми. Конечно, какое дело до анафем Церковных какому-нибудь татарину, еврею, язычнику и вообще иноверцу? Подобны им и те, которые хотя числятся в стаде Христовом и именуются христианами, но по жизни и убеждениям своим совершенно чужды Христовой Церкви? Для них совершенно безразличны не только Церковные и соборные определения, но и слова Христа Спасителя, напр., о том, что связанное Церковью на земле

будет связано и на небе, а разрешенное на земле властью иерархов, будет разрешена и на суде небесном; всему этому они не верят, потому что потеряли веру в Самого Христа Спасителя. Что же сказать нам этим людям? Убеждать их к вере и разъяснять им заблуждения их, – очевидно дело бесполезное. Это поистине люди, подобные книжникам и фарисеям, которых учил и убеждал Сам Христос Спаситель, – а они все-таки остались глухи к Его проповеди. Это люди, о которых сказал псалмопевец, что они очи имеют – и не видят, уши имеют и не слышат, ноздри имеют и не обоняют. Они уже сами себя отлучили от Церкви. Надо предоставить их собственной участи и суду их собственной совести, ибо и Господь Иисус Христос никого насильно не привлекал к Себе, а только приглашал и убеждал идти за Собою: *аще кто хочет идти по Мне... да грядеш вслед Мене!* (Мк.8:34) Мы можем только сожалеть об этих заблудших, впрочем отнюдь, не проклиная и не отсылая их в геенну, и молиться вместе с Церковью, да коснется Господь Своею благодатию ума их, и да сокрушит окаменение сердец их. При всем том мы не можем обойти своей обязанности сказать в нынешний день и этим отчуждившимся сынам Церкви несколько слов, направляя их между прочим и к тем, которые может быть только еще стоят на этом пути добровольного отчуждения, хотя и не совсем еще порваны узы, связующие их с Церковью. «Вы, самодовольные пока и спокойные в своем неверии! Вы, изобретающие для себя пути жизни и убеждения вне правил и учения Церковного! Что, если вся ваша философия окажется ошибкой в конце жизненного пути вашего? Не можете же вы отвергать несомненной и дознанной веками истицы, что ум человеческий, предоставленный самому себе, может жестоко ошибаться. Что, если на смертном одре просветлеют очи вашей совести, чтобы увидеть и постигнуть к какому ужасному концу привело вас отчуждение от водительства Церкви, от ее Святых Таинств и ее учения? Согласно с вашей, все отрицающей, и ни во что духовное и небесное не верующей философией, вы полагаете, что конец земной жизни человека есть и конец его бытия; что за пределами смерти ничего нет, кроме ничтожества. Но что, если

все это не так? Что, если по смерти есть иная жизнь, есть суд и праведное воздаяние *комуждо по делом его* (Мф.16:27), – есть все, чему учит Св. Церковь послушных и верующих сынов своих? В каком ужасном и безвозвратном положении окажетесь вы! Люди, никогда не принадлежавшие к стаду Христову, не возрожденные водою и духом и не оглашенные Евангельским учением, еще могут сказать в свое оправдание, что они не знали и не имели возможности знать о Христе Спасителе? И может быть им предложены будут там на небе некоторые неведомые способы спасения о том же Христе Спасителе; но что скажете в свое оправдание вы, некогда омытые водами крещения и носившие на себе имя Христово, но добровольно и сознательно отвергшиеся Христа и его Св. Церкви? Вы будете осуждены в пренебрежении и упорстве против истины Евангелия, сиявшей подобно солнцу в мире Божием, т. е. в хуле на Духа Святого, – в этом ужасном грехе, который, по непреложному слову Христову, не отпустится ни в сей, ни в будущей жизни. О, да минует вас сия горькая чаша, пока еще не приблизилось время пить ее!

А мы, братия, благодатию и милостию Божиею состоящие до сей поры в живом союзе с Церковью, будем крепче держаться за ее руководящую десницу, несмотря на змеиную лесть высокомерных порицателей ее. Будем смиренно прибегать к ней с своими немощами душевными и с сокрушением сердечным исповедывать ей грехи свои, чтобы к концу своей жизни явиться на суде Божием омытыми и оправданными. Будем руководствоваться в своем поведении святыми правилами Церкви, и жить только по ее законам и указаниям, не прельщаясь никакой иной философией, как бы обольстительна и умна ни казалась она, и какую бы широкую свободу жизни она ни обещала нам. О, как многих сгубило это грешное приволье и свобода и эта горделивая независимость от Церкви *окованных сердцем*, т. е. холодных и бесчувственных как железо ученых мудрецов века сего, измышляющих себе иные пути жизни и иные убеждения, кроме Церковных и Евангельских! Знайте и помните, православные, что вне Церкви и за ее оградой, нет и быть не может спасения; ибо *нет иного*

*имени под небесем, о немже подобает спастися (Деян.4:12),
кроме имени Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия
пролившего за нас кровь Свою. Аминь.*

Поучение воспитанникам семинарии, после приобщения Св. Тайн (1-го марта 1881 г.)

Достолюбезные отроки и юноши! Вчера вы сподобились величайшего дара Божия. Вы были на трапезе Господней, вкусили хлеба небесного и пили чашу жизни и удостоились принять в Св. Тайнах Самого подателя и источника жизни, Господа Иисуса Христа. От души приветствуя и поздравляя вас с этою великою милостию Господнею, сознаю долг и ощущаю потребность несколько побеседовать с вами по случаю приятого вами великого дара благодатного. Я не был вашим отцом духовным, не видел степени вашего сердечного сокрушения о грехах, степени углублении во внутренний мир своей души и совести, степени серьезности и благоговения накануне величайшего из христианских Таинств, совершившегося над вами. И по тому единому Господу сердцеведцу да вашей собственной совести известен тот подлинный смысл и характер, каким отозвалось в нравственном строе вашем приобщение Св. Христовых Таин. Одно только знаю, что несмотря на единство дара, преподаемого людям на трапезе Господней, неисчислимо разнообразны плоды его и следствия для причастников, соответственно разнообразию их сердечных настроений и нравственной восприимлемости. Могу предполагать и в вас это разнообразие, несмотря на общность условий, среди которых вы живете и воспитываетесь, и на юный возраст, который больше или меньше всех вас уравнивает как в достоинствах, так и в недостатках нравственных. Знаю еще то, что каким бы кто из вас ни признавал себя в настоящую минуту, но ни для кого не прошел и не пройдет, бесследно суд Господень, на котором вы искали милости и прощения у Господа пред лицом свидетеля его, не останется без значения то дерзновение, с которым вы, по праву оправданных на милостивом суде Господнем, приобщались Плоти Христа и пили Кровь Его. Но знаю и то, наконец, что совести нашей вообще естественно ужасаться величия дара, к которому усиленно зовет и

привлекает нас Сам Господь устами Св. Церкви, не смотря на наше недостойнство, на бедность и ничтожество наших добрых дел, и может быть даже на боязливое нежелание идти на вечерю Господню с такой неприготовленностью. По тому, что знаю, и буду говорить с вами; но не для того, чтобы утратить и нагнетать вашу юношескую совесть и судить вас за ваши немощи, а чтобы помочь установиться вам на том спасительном пути, на который хотела вас поставить Св. Церковь в прошедшую неделю вашего говения.

В настоящую минуту есть бесспорно среди вас такие, в которых слышится довольно ощутительно веяние благодати Божией, привнесенной Св. Таинствами исповеди и причастия, и в которых горит еще, довольно ярко, святая искорка религии, только что возженная таинственным единением со Христом Спасителем. О, как естественно светиться сей искорке в юном сердце, еще по инстинкту гнушающемся непотребств житейских и не изведавшем всех темных сторон привольного и погибельного пути греховного, по которому идут массы созревших и уже опытных грешников! Как естественно загореться сей искорке в юноше и отроке, когда позовет его к Себе Господь, и поставит лицом к лицу с Святыми Таинствами и обрядами Церкви! Предполагая, что вижу в вашей толпе пред собой этих счастливых и осененных благодатию Божиею отроков и юношей, прошу и умоляю их поберечь в себе драгоценный дар Божий. Не дайте, други, ослабеть и потухнуть горящей в вас искре благодатной. Усиливайте ее в себе благоговейным настроением мыслей, усердной молитвой в урочные часы вашей ежедневной жизни, внутренним и сокровенным памятованием о Господе Боге, видящем всю душу и все наше поведение, обереганием своего сердца от всего срамного и постыдного, доброжелательным и благородным отношением ко всем окружающим вас людям и товарищам, и посильным исполнением своего учебного долга. Велико влияние на нас суетной и развлекающей, и особенно товарищеской среды; а юность слишком неустойчива в своих настроениях и решениях, и слишком отзывчива ко всем внешним влияниям и окружающим примерам; а иногда слишком застенчива и робка,

когда приходится обнаруживать и заявлять на деле свои лучшие и сокровенные нравственные убеждения, особенно, если они не во вкусе большинства, и особенно – когда приходится действовать в одиночку. Здесь главное затруднение и опасность для добрых и нравственных юношей; но здесь же и высокий подвиг для них. Надо им покрепче и цельнее начертить себе идеал нравственного своего поведения на всякие искушающие случаи, всегда предносить его в мысли, чтобы потом держаться его не смотря ни на что, ни на какие дружеские советы и по-видимому благожелательные и резонные увещания. Впрочем, нет нужды и трудиться вам над выдумыванием каких-нибудь особенных и новых идеалов. У нас есть готовый общий и совершеннейший идеал наших нравственных обязанностей, – это Евангелие Христа Спасителя. В нем найдут и юноши, и отроки все доступное себе, также как и мужи и старцы. Самое главное и важное здесь то, если юноша скажет в сердце своем: «возлюбил я Тебя Господи паче всего, и отселе решаюсь выше всякого дружеского, книжного и вообще человеческого авторитета, ставить Твое слово и Твой закон; не променяю Тебя ни на что и ни на кого, – и лобзания иудина не дам Тебе»! Поверьте мне, что такое сердечное и задушевное слово отзовется необыкновенной силой на всем строе вашего поведения, создаст подробные правила на всякие непредвиденные случаи, возьмет верх над всякими внешними и развлекательными влияниями, и даже покорит себе самых легкомысленных, рассеянных, строптивых и высокомерных ваших товарищей и приятелей. А Господь все ближе и ближе будет к вам, наконец придет к вам и обитель у вас сотворит, и впоследствии явит вас высокими героями добродетели.

Но может быть есть среди вас и такие, которые не ощущают в себе ничего особенного после исповеди и причастия, как будто бы ничего нового не произошло и лучшего не случилось с вами. Говенье прошло обычным и заведенным порядком без особенного воскрешения духа, хотя и было может быть желание настроить себя на молитвенный и покаянный лад. Исповедь была короткая, без особенных волнений, недоумений и воздыханий, и потому не согрела души, хотя может быть и была

очень искренна и направлялась к самообвинению, без самооправдания и самосожаления. К св.чаше Господней шли вы как будто бы с надлежащим благоговением и страхом, но ощутительного прикосновения Христовой благодати не оказалось в сердце после вкушения Плоти и Крови Христовой близь алтаря церковного. Не могу подлинно разъяснить таковым их душевного состояния. Может быть оно в самом деле есть результат недостаточных трудов над своей душой во время говения, слабого устремления мысли и сердца к Господу, обычной рассеянности среди шума, смятения и говорливой суетни в общей беспечной толпе товарищеской. Но принять нужно и то, к сведению, что внезапных и видимых переворотов во всем строе души нашей не бывает в кратковременные сроки, каким бы усердным и горячим подвигам не были они посвящены; и Господь не творит с нами видимых чудес по каждому случаю пользования нашего Святыми Таинствами веры. Царствие Божие обыкновенно не приходит в душу человеческую *с соблюдением*, т. е. открыто и торжественно, но большею частью тихо, незаметно и таинственно. Поэтому падать духом от ощущаемой холодности в сердце, и поддаваться равнодушному безразличию в нравственном отношении, отдаваясь безнадежно на произвол случайного и грешного течения вещей, никак не следует никому из вас – после приобщения Св. Таин. Будьте уверены, что семя новой и святой жизни уже брошено в вашем сердце; но нельзя, чтобы тотчас же оно выросло и сказалось обильными благими плодами во всех ваших чувствах и деяниях. Пусть, по видимому, вы остаетесь теми же несовершенными, не горящими и претыкающимися даже и о малые соблазны и развлечения, – как это вы чувствовали и сознавали в себе и до принятия Св. Таин, но если вы имели и имеете веру и любовь даже с горчичное зерно, то не умрет оно и не пропадет без следа под таинственным влиянием полученной вами благодати Божией. Многим, именно, вредит эта поспешность, это нетерпеливое ожидание всех даров благодатных за одно кратковременное общение с Спасителем во Святых Таинствах, и это самоуверенное задавание слишком многим вдруг, – к чему так

склонна бывает вообще молодость в своих стремлениях и планах. Повторяю вам, что вдруг оторваться от своей обычной обстановки и подняться до идеала и сразу овладеть им, – не так легко и просто, как этого хотелось бы нам в иные лучшие и благодатные минуты. И потому, самое лучшее и естественное, что вы должны сделать и к чему настроить себя в настоящие минуты, – это – возблагодаривши со смирением и верою Господа за то, что удостоил вас общения с Собою, не смотря на ваше недостойнство и бедность нравственную, – приняться за свои обычные и несложные ученические дела и обязанности, отбывать и нести их с посильным усердием и растворять их благочестивою и благоговейною мыслию, что все это вы делаете как бы для Самого Господа Бога и пред лицом Его, а не для видимой исправности только на глазах у начальников и приставников своих. Помните, что в объеме и на пространстве ваших школьных обязанностей и порядков самая лучшая для вас школа добродетели и самая естественная и удобная арена для ваших подвигов нравственных. Чем искреннее и усерднее вы будете трудиться на этой не широкой и, по-видимому, вовсе не блестящей арене, – тем надежнее будет зреть и успешнее развиваться святое благодатное семя, воспрियाтое вами во святом причастии Господня Тела и Крови.

Но, что сказать мне тем из вас, которых, может быть, обличает совесть в совершенном нерадении о своей душе и преступном пренебрежении к величайшей святыне Евхаристии; которые шли на трапезу Господню, как подневольные рабы, ни мало не искушая себя и *не рассуждая Тела Господня (1Кор.11:29)*, не давая ни малейших обетов исправить и улучшить свою жизнь хотя в некоторых отношениях, и ни мало не беспокоясь, какое преступное дело они творит; которые торопились, может быть, скорее прожить скучное время говения и хождения в церковь на молитву, и теперь рвутся заглушить неприятные воспоминания о не исполненном христианском долге и тяжелые укоры совести за поругание недостойно воспрियाтой святыни усиленными развлечениями и шалостями в толпе таких же, как и они, не благоговейных, пустых и не имеющих страха Божия приятелей и товарищей? Боюсь долго

останавливаться на этом прискорбном и страшном предположении, – так оно представляется ненатуральным в вашем положении и несогласным с моими представлениями об вас и надеждами на вас! И все-таки я обязан напомнить здесь и сказать вслух всех вас, что *Бог поругаем не бывает* (Гал.6:7); и, если до времени Он не карает теперь видимым судом Своим недостойных причастников, как некогда покарал детей первосвященнических Офни и Финееса за то, что принесли чуждый огонь к святилищу, или как Озу, недостойно коснувшегося ковчегу Господню, – то это не значит, что нынешние беззаконники и поругатели святыни могут совершать свои беззакония безнаказанно. Рано или поздно и их постигнет суд Божий. Но я уже сказал вам, что не затем начал беседу мою с вами, чтобы устрашать вас и смущать вашу совесть величием дара, достойно или недостойно воспрнятого вами в Св. Тайнах; ибо *кто к сим доволен?* (2Кор.2:16). Напротив, лишь хотелось бы внушить и тем из вас, которые чувствуют себя прямо осужденными от своей совести, что не все потеряно и для них, что милосердый Христос стоит еще около их сердец и толчет, что не уйти им ни куда от любви или суда Господня, и что, если нельзя уже вернуть прошедших и от небрежности потерянных святых дней говения; то может начаться и совершиться их примирение со Христом Спасителем и с настоящих минут, и Он с одинаковою любовью и милостию примет их может быть несколько позднее, но всегда благовременное покаяние. Начните же каяться и сокрушаться о своем прошедшем недостоинстве, о своих бывших проступках и ошибках теперь же и здесь, не отходя от сего священного места. Может быть вы были до сих пор ленивы и нерадивы к науке и небрегли об умственном своем развитии? Может быть вы полагали это развитие в дерзких отзывах об уставах Церковных и в богохульных речах о догматах христианского вероучения – со слов известных своим неверием и нечестием нынешних, так называемых, светил науки, холодные лучи которых достигали может быть и до вас разными незаконными и запретными путями? Может быть вы находили преступное удовольствие секретно нарушать предписанные вам правила и порядки

школьной вашей жизни, глумились над бдительностью своих начальников и приставников, поставляя себе в особую заслугу и подвиг ловкий обман, искусное лицемерие и отведение начальнических глаз от своих секретных беззаконий и проступков? Может быть вы были дерзки и грубы, и недоброжелательны во взаимном своем обращении, и особенно в отношениях своих к тем лицам, которых обязаны уважать и которым должны подчиняться, быть покорными и послушными? Может быть вы позволяли себе быть непрошенными судьями дел, мало вам известных и до вас не касающихся, и незаслуженно по одному своевольному и упрямому предубеждению, позорили честь не только совершенно безупречных по отношению к вам, но и об вашей же чести и судьбе болеющих лиц? Может быть вы не считали бесчестным единственно для своей легкомысленной и озорной потехи не только задумать какую-нибудь низость, но и из-за угла совершить ее? Может быть вы не дорожили целомудренностью чувств своих, не сберегли в чистоте души и тела своего, не стыдились срамословия, унижались до посягательства на чужую собственность, и вообще не ревновали о том, что должно бы составлять украшение благонравной и благовоспитанной юности? Может быть,... но лучше и удобнее вам самим построже оглядеться кругом себя, поподробнее обзреть тайники души своей и поточнее определить, что вы такое в самом деле за люди пред лицом Божиим и на суде своей собственной совести, и велико ли в общем итоге ваше нравственное достоинство. Желал бы я от души и молю Господа об этом, чтобы осенил вас, хотя в настоящие священные минуты – после трапезы Господней дух трезвости нравственной и дух страха Божия, чтобы зародилось в сердце вашем спасительное чувство самоопасливости и здравого рассуждения и сознание великой ответственности пред невидимым и беспристрастным Судиею за свои вольные и невольные прегрешения. Из этого одного сознания, как из доброго семени, выросло бы все то хорошее, чего не достает может быть теперь вам, и чем вы до сих пор может быть пренебрегали. В противном случае, как вы

полагаете? чем будет отмечена и как записана небесным судиею в книге ваших деяний прошедшая неделя вашего говения и вашего приобщения Св. Таин? рассудите об этом и подумайте хорошенько все вы до единого!! Аминь.

Поучение на заупокойной литургии во владимирском кафедральном соборе по в Бозе почившем Государе Императоре Александре Николаевиче (3 марта 1881 г.)

Итак, Государя нашего не стало. Благодетеля народа русского, царя освободителя, царя просветителя и обновителя русской жизни по всем сторонам ее, горячего радетеля о всем единоплеменном и родном для нас славянском мире не стало. Среди бела дня, в своей столице, среди массы своего народа и на службе ему, – пал он жертвою свирепой крамолы, которая ни пред чем не хотела отступить в своих зверских замыслах пал он как агнец, закланный за свою кротость и любовь к России, пал как мученик от предательской руки! Этого ли мы ждали для такого любвеобильного Государя, и этим ли должны были кончиться для нас все великие его деяния? Неисповедимы судьбы Божии! Мысль теряется понять и разъяснить ужасный смысл совершившегося злодеяния, облекшего в траур всю Православную Россию, еще не видавшую доселе ничего подобного на всем пространстве своей истории. Ужас о случившемся, негодование на совершителей цареубийства, страх за поколебавшееся наше благоденствие, опасение за неизвестное будущее наше, и много-много других тяжелых и болезненных чувств толпою теснятся теперь в сердце каждого русского человека. Но всех горячее и больнее сказывается сожаление о столь безвременно и внезапно погасшем светиле земли русской, о столь безжалостно и злобно похищенном от нас отце нашего отечества. Собравшись помолиться об нем в сии скорбные минуты, вознесем молитвенный вопль к Царю царей, да вчинит его в селения праведных и да подаст ему мир и упоение, которого не знала душа его в последнее время здесь на земле, не смотря на царское величие, окружавшее трон его. Горячая слезная молитва – теперь единственно возможная нам верноподданническая дань любви и преданности к нему за испитую им смертную чашу, в которой

растворены были, быть может, наши же народные неправды и беззакония. Не сберегли мы его живого, не вырвали с корнем разросшуюся в земле нашей крамольную заразу, не подавили ее своей внутренней религиозной и патриотической мощью русской, не умолили Господа, дабы отстранил висевшую над ним и над нами опасность; тем глубже должна быть национальная скорбь наша, и тем горячее молитва об усопшем царе своем, да покроет Господь своим милосердием вольные и невольные прегрешения его, и да вменит ему в оправдание на суде своем его царственное мученичество за народ свой. История опишет подробно подвиги его и славные деяния, возвеличившие Россию, и произнесет свой суд над отребиями русского общества, святотатственно посягнувшими на нашу русскую честь и унизившими нас в самых священных наших чувствованиях любви и преданности престолу православных царей наших. Но не в человеческих похвалах и не в человеческом суде нуждается теперь почивший государь наш. Пред лице небесного Судии предстал он дать отчет о деяниях своих и о царственной службе своей православному народу русскому. О, да помилует Господь на суде Своем праведном новопреставленного Государя нашего, и да упокоит его *в месте злачне, месте покойне, отнюдуже отбеже болезнь, печаль и воздыхание!*

Но возвращаясь сокрушенною мыслию к себе самим и к настоящему своему положению, не должны ли мы, сыны России, так внезапно обреченные скорбеть о похищенном рукою смерти царе своем, – не должны ли стать и сами на суде своей совести и спросить себя: доколе же будут продолжаться среди нас все эти смятения и страхи, ставшие как бы обычным знамением переживаемого нами времени, эта борьба закона и власти с беззаконием и возбужденными страстями всевозможных наших свободолюбцев? От чего не уменьшается число их и не слабеет злоба, не смотря ни на какие вразумления им и увещания нашего лучшего печатного слова и на всю снисходительность и кротость правительственных мер по отношению ко всем мятущимся, и не смотря на самое горячее стремление улучшить все, нуждающееся в улучшении,

успокоить и умиротворить, если можно, всех недовольных? Что мешает нашему отечеству мирно развиваться на пути своей гражданственности? За что Господь наказует нас то разными язвами смертоносными, то голодом и материальным обеднением, то губительным огнем пожаров, истребляющих наши города и веси, то зловредными насекомыми, посядающими наши нивы и поля, то мором, истребляющим наши стада, то увеличением наших недругов в политическом мире, единодушно и успешно устремляющих свою зависть и недоброжелательство на ослабление нашего могущества и политического значения там, где было и оно прежде столь сильно и широко, то смятением даже в ученом нашем мире, принижением нашей родной науки и оскудением достойных ее борцов и истинных представителей, то умножением разных невежественных и суеверных сект, то развитием и ожесточением разных враждебных друг другу сословных и общественных партий, то наконец цареубийством?... Как обличительный ответ на все эти тревожные вопросы нашего тяжелого и смутного времени невольно вспоминаются следующие пророчесственные и заветные слова еврейскому народу из уст умиравшего и боговдохновенного вождя его, Моисея. *Если ты (Израиль) будешь слушать гласа Господа Бога твоего, тщательно исполнять заповеди его...; то Господь Бог твой поставит тебя выше всех народов земли. И приидут на тебя все благословения... И увидят все народы земли, что имя Господа [Бога твоего] нарицается на тебе, и убоятся тебя. И даст тебе Господь [Бог твой] изобилие во всех благах. Откроет тебе добрую сокровищницу Свою, небо, чтоб оно давало дождь земле твоей во время свое, и чтобы благословлять все дела рук твоих: и не будешь брать займы [и будешь господствовать над многими народами, а они над тобою не будут господствовать]. Сделает тебя Господь [Бог твой] главою, а не хвостом, и будешь только на высоте, а не будешь внизу. Если же не будешь слушать гласа Господа Бога твоего и не будешь стараться исполнять все заповеди Его и постановления Его...; то приидут на тебя все проклятия сии и постигнут*

тебя. Проклят ты будешь в городе, и проклят ты [будешь] на поле. Прокляты [будут] житницы твои и кладовые твои. Проклят [будет] плод чрева твоего и плод земли твоей, плод твоих волов и плод овец твоих... Пошлет Господь на тебя смятение и несчастье во всяком деле рук твоих, какое ни станешь ты делать. Пошлет Господь на тебя моровую язву... И небеса твои, которые над головою твоею, сделаются медью, и земля под тобою железом... Семян много вынесешь в поле, а соберешь мало, потому что поест их саранча. Виноградники будешь садить и возделывать, а вина не будешь пить и не соберешь плодов их, потому что поест [их] червь... Пришлец, который посреди тебя, будет возвышаться над тобой выше и выше, а ты опускаться будешь ниже и ниже. Он будет давать тебе займы, а ты не будешь давать ему займы... Будешь служить врагу твоему, которого пошлет на тебя Господь,... народ наглый, который не уважит старца, и не пощадит юноши... Если не будешь бояться славного и страшного имени Господа Бога твоего,... то Господь даст тебе трепещущее сердце, истязание очей и изнывание души. Жизнь твоя будет висеть пред тобою, и будешь трепетать ночью и днем, и не будешь уверен в жизни твоей (Втор. 28). Читая эти грозные прещения древнему Израилю, когда-то бывшему избранным и возлюбленным народом Божиим и затем утратившему великое свое значение с потерей и искажением своей веры, и с оскудением нравственных своих качеств, и применяя эти библейские прещения к настоящему мятущемуся состоянию нашего отечества, некогда крепкого своим православием, христианскою верою и благочестием, теперь же заметно ослабевшего и расшатавшегося в этом отношении, – как не придти к мысли, что и нам Господь указывает страшными знамениями нашего времени истинную причину всех наших неустойчивостей и неудач – именно в оскудении нашей веры, в затмении нашего религиозного чувства и в нашем всеобщем нравственном обеднении? В самом деле, не меньше ли всего думают о религии наши ученые мужи, наши радители и печальники о народе и просветители его? Какое повсюду замечается

страстное стремление к земному и материальному, какая ненасытимая жажда непрерывных чувственных удовольствий, и в то же время какая холодность к потребностям духа, какое неведение догматов и правил веры, незнакомство с словом Божиим и безвкусие ко всему Церковно-Библейскому! Какое равнодушие к уставам Церкви и безразличие к судьбам Православия в нашей обширнейшей православной империи! А вследствие сего иссякла братская любовь и взаимное доверие, как между целыми сословиями, клеветливо и бранчиво подрывающимися под взаимные интересы, так и между отдельными членами общества. За то умножились повсюдные беззакония и пороки, утончились злодеяния, ослабело чувство долга и радения об общем благе, развилась эгоистическая обособленность и стремление поживиться на чужой и больше всего на общественный счет. Чем обыкновенно бывают наполнены ежедневные наши газеты и текущие журналы, как не известиями и описаниями подобных грустных проявлений помутившейся нравственной жизни нашего общества? И прежде конечно не безупречны были люди во всем том, что сейчас исчислено нами; но нынешний холодный и мрачный материализм, отражающийся особенною какою-то распушенностью в жизни и в нравственных убеждениях, налагает на все и на всех, даже на юность нашу, какую-то особую тяжелую печать растрепанности, пустоты и неверия. Все, что прежде было может быть только дурным порывом и случайным настроением, теперь приводится в какую-то мрачную систему, делается огулом и вьявь, и, так сказать, без зазрения совести. Покуда не обновится в этом отношении наше общество и не возвратится к религиозным своим преданиям, издревле составлявшим нашу народную святыню, нашу крепость и могущество политическое; до тех пор никакие общественные порядки, хотя бы прямо взятые у просвещенной Европы и целиком пересаженные на нашу русскую почву, и никакие либеральнейшие реформы не принесут нам спокойствия, не удовлетворят наших недовольных и не заставят замолчать и исчезнуть крамольников, которым тягостен будет всякий вид правительственной власти, и даже слабые попытки народную

жизнь поставить в религиозные условия все будут казаться несносной и докучливой опекой над свободой народных убеждений и над его умственным развитием. А это все куда же может наконец привести нас? Вот о чем нужно всего серьезнее подумать нам, православные сыны России, по смерти нашего добрейшего Государя, погибшего от свирепых рук наших подпольных крамольников. Больше всего нам нужно позаботиться о своем религиозном обновлении и возвышении своей нравственной жизни, ослабленной и расшатанной современными научными теориями и социалистическими мечтаниями потерявших веру в Бога и его правосудие нынешних материальных философов.

Сомкнемся же тесной и преданной толпой вокруг нового нашего Государя и поможем ему нашими единоклубными усилиями создать народное благо наше и упрочить наше политическое могущество на религиозной и национальной почве русской, и стереть и изгладить с лица русской земли столь обильно разросшиеся на ней плевелы всяких безбожных и безнравственных лжеучений. Господи Боже! спаси наше отечество от дальнейших несчастий и потрясений. Пошли дух крепости и силы новому Государю нашему, дай ему силы перенести поразившее всех нас, а его в особенности, горе о потере своего державного и царственного родителя, и не по мнозех днех сподоби его возрадоваться духом о всецелом и искреннем возрождении своего народа к новой и лучшей во всех отношениях и жизни Аминь.

Слово воспитанникам семинарии при начале учебного 1881–82 года

Приветствуя вас, любезные воспитанники, со вступлением в новый учебный год, я имею в виду на сей раз остановить преимущественное внимание ваше на одном из молитвенных о вас прошений Святой Церкви, которые вы обычно слышите после вакационного своего отдыха, когда с обновленными физическими силами и с освеженным духом собираетесь снова приняться за умственные труды в новых классах и за новыми учебными предметами. Мне всегда казалось, что эти минуты в вашей учебной жизни наиболее благоприятны для вашего назидания, потому что при самом начале труда, когда еще чувства не успели более или менее притупиться от разных неудачных случайностей и бесплодных напряжений, когда дух не отклонен от прямой трудовой цели разными посторонними побуждениями эгоизма, почти всегда и, так сказать, неизбежно уязвляемого, то мелкими, то крупными уколами от разных столкновений с обстоятельствами, среди которых должен совершаться наш труд, и в особенности с людьми, обязанными следить за нашими трудами, направлять их и ценить, – когда у человека отдохнувшего и отбросившего назад все надоевшее и разное неприятное старое, преобладает одно благонамеренное, так сказать, желание достигнуть предположенной трудовой цели свободными и честными усилиями ума и воли, – в эти минуты, мне кажется, всякий человек, а следовательно и юноша, наиболее бывает способен и более всего рад слушать слово насчет главного и без того преобладающего предмета его собственных дум и стремлений. Вам предстоит начать ученье, а я и хочу сказать именно о том, что наиболее всего может повредить этому ученью, и с устранением чего может всего более быть обеспечен успех вашего ученья.

Вот как о вас молилась сейчас Св. Церковь Господу Богу: *о еже всадити в сердца их начало премудрости, страх Свой Божественный, и тем буеть юности отгнати от сердец их, и просветити ум их, еже уклонитися от зла и творити*

благое. Слышите! есть какая-то *буесть юности*, есть некоторый натуральный недостаток, характеризующий юный возраст, и вплетающийся, как неизбежный внутренний элемент, в самый склад и строй всякой молодой, и развивающейся души. В буквальном переводе с славянского языка *буесть*, попросту и в тесном смысле понимаемая, есть *глупость*. Но этим значением, очевидно, не исчерпывается все содержание понятия. В более широком и общем смысле, и в частном приложении к юности, *буесть* указывает на такое состояние душевных сил, когда человек и с богатыми умственными и сердечными задатками для развития не обладает, за недостатком опыта, широким кругозором мысли, и настойчиво смотря только на то, что ближе всего предлежит его наблюдению, и увлекаясь своими органическими склонностями и желаниями сердечными, сгоряча судит о вещах, хотя бы оне и довольно удалены были от его сознания и известны только с одной или с некоторых, а не со всех сторон. Собственно говоря, беда бы в этом небольшая для юности; ибо за нею и над нею всегда есть зрелость мужества, которая и держит в своих руках сокровище серьезного знания и разностороннего понимания вещей, и от совокупных усилий которой собственно и зависит общее и правильное движение вперед по всем сторонам и областям человеческого развития. И для нас воспитателей и руководителей юности могла бы не быть прямым и положительным горем эта *буесть юности*, ибо она есть нечто временное и проходимое и, как я сказал, обуславливается неизбежным ходом развития всякой молодой души. А можно ли горевать о том, что в порядке вещей? И можно ли порицать вас за недостаток опытности, за отсутствие широких взглядов на вещи и верного понимания жизни, если ни того, ни другого, ни третьего у вас, собственно говоря, и быть пока еще не может? Даже, если хотите, не несимпатична для нас эта самая *буесть* юношеская – по той своей стороне, где сказывается теплота и искренность ее порывов и эта живая игра природных сил, которая как бы то ни было должна впоследствии уступить степенности и рассудочному покою, когда совершится в человеке жизненный расцвет, а с ним наступить должна и

некоторая холодность и может быть даже разочарование жизнью. Но все это уместно лишь в законных пределах и при надлежащих отношениях юности к ее руководителям. Истинная же и нормальная суть этих отношений – в доверчивой подчиненности и благородном повиновении юношей своим наставникам и руководителям, хотя бы требования и желания одних не всегда совпадали с понятиями и вкусами других, – чего впрочем и ожидать нельзя по вышеизъясненному и натуральному различию между возрастом зрелости и юности. Но общей бедой и общим горем и для самых юношей, и для их руководителей может обнаружиться буесть юности, когда, перейдя терпимые и натуральные границы, она начнет уже бушевать и в собственном смысле *глупить*. Как учебная, так и вообще вся нравственная жизнь юношей может расшататься до нельзя, и благородные надежды общества на плодотворное и богатое развитие молодого поколения могут сильно затемниться, а в худшем случае и вовсе не осуществиться. Наибольшая опасность в этом отношении всегда бывает в школах, и вообще в таких учреждениях, где молодым людям приходится жить более или менее густыми толпами, и в живых сношениях друг с другом; ибо самая эта стадность жизни и всегдашняя возможность укрыться за спиной своего товарища может подогревать дурные инстинкты и не совсем дурных молодых людей, и сильно ослаблять доброе влияние благовоспитанных и дельных единиц, которых всегда, как известно, бывает меньше в сравнении с дурными или только бесхарактерными и безличными посредственностями. С большой неохотой и лишь по нужде и по ходу речи я должен припомнить здесь несколько темных и грустных черт, какими обычай имеет заявлять себя наша современная молодежь, увлекаемая буестью своего возраста. И нам и вам, конечно, много приходилось об этом и слышать и читать, а может быть и самим с прискорбием наблюдать, и даже испытывать. Всякий раз, когда я собираюсь говорить об этом в частности вам именно, – моим, а не чужим воспитанникам; то мне все думается, что достаточно показать вам что-нибудь ненормальное и незаконное в его подлинном виде, и вы не

только не дадите ему своих симпатий, но с негодованием отвернетесь и благоразумно остережетесь от него. Так я сильно рассчитываю на здравый смысл ваш и на добропорядочность вашего большинства! Вот, например, во всех учебных наших программах есть, так называемые, нелюбимые, а есть и сравнительно трудные предметы. Иной впрочем не любит одно, другой – другое, а иной (и много пожалуй наберется таких!) желал бы и вовсе учиться исподволь и спустя, так сказать, рукава по всем предметам, хотя всякий разумеется тянется за учеными правами и желал бы оказаться в конце ученья наряду с знающими и умными. Вот и начинаются разные увертки, плаксивые сетования, задорные протесты и незрелые суждения: «зачем учат этому? какая польза в том? пригодится ли в жизни одно? Полезно ли будет другое? Зачем нажимать и настаивать в учении? Отчего бы не проще, не легче, – как в старину, или вон где-то и там»? Посудите сами, в праве ли ученики быть судьями в научном деле, измышлять и уравнивать для себя учебные программы, определять степень полезности того или другого предмета, и произвольно отделять себе по долям количество знаний из той или другой области, а также и придумывать себе разные льготы и удобства в способе ведения учебного дела? Это прямая, можно сказать, буресть юности. Разве менее способны и сообразительны, и разве мельче понимают, что и в какой степени должно и может быть полезно юношам, те, которые поставлены Богом и правительственной властью на страже и во главе учебного дела? И может ли быть какой-нибудь, толк и успех в учении, если бы оно стало применяться ко вкусам и прихотливым желаниям учащихся? сегодня понравится одно, завтра пожелается другое, а там потребуется третье, и т. д. Не желателен и не мыслим, конечно, застой в научном, как и во всяком деле, но давать направление и распределять движение учебного дела – есть прямая обязанность зрелых мужей науки, а не учеников и юношей. Всем предметам учиться с одинаковою покорностью начальственным требованиям и по мере своих сил, – вот самое лучшее и честное отношение ученика к учебному делу, обеспечивающее его успех и правильное умственное развитие. Не всем конечно

даются одинаковые силы и способности к учению; никто поэтому и не ожидает и не добивается от всех одинаковых и равных успехов; да и даровитым никогда бы не составилось в большую вину и преступление временное замешательство в занятиях, ослабление усердия и разные случайные неудачи – по юношескому увлечению, по неумению справиться с своим временем, по трудности и сложности скопившихся работ, или по другим извинительным поводам. В общей же сложности трудящийся и по мере сил делающий свое дело ученик всегда, – будьте в том уверены, – найдет у своих наставников и начальников и снисхождение, и всяческую помощь, и одобрение, и поддержку. Иначе я и не могу себе представить дела. Но вот грустное и гнустное явление, когда партия ленивцев и для себя и для товарищей измышляют целую систему способов уклоняться от труда и затем скрывать свою пустоту и ничтожность своих знаний, когда они только и умеют рассчитывать на одну снисходительность и послабление своей лени, в крайнем же случае назойливо требуют и восхищаются ее себе, злословя и оскорбляя неподатливых, энергических и честно-требовательных наставников и руководителей своих. Это уже буесть юности – непростительная и нетерпимая.

Но кроме учебной области в каждой школе есть другая наиважнейшая область – нравственно-воспитательная. Из нее истекает большая или меньшая сумма правил поведения, определяющих как внешнюю, так и внутреннюю жизнь воспитанников. Судя по характеру учебного заведения и по целям, какие оно имеет, – и правила эти могут разниться как в своем количестве, так даже и в качестве. Но основной тон и сущность этих правил всегда одна и та же; ибо всякое учебное заведение, к чему бы ни назначало своих воспитанников в практике и на службе общественной, всегда хочет и надеется выпустить их честными и крепконравственными людьми, и к этой цели принаравливает все свои воспитательные правила, которым и подчиняется поведение воспитанников в период их обучения. Чем важнее эта область, тем она сложнее и труднее для руководителей юности; ибо в ней то по преимуществу и всего чаще проявляется буесть юности, которую требуется

обратить в благоразумие и благородство. С своею учебною деятельностью вам, юноши, всегда бывает легче все-таки и удобнее справляться; регулирует ее для вас, так сказать, сама необходимость быть ежедневно в классе, и там же ежедневно давать отчет в совершенно определенных и разграниченных уроках. Но поведение и нравственность ваша никогда и никакими правилами не может быть заключена в столь же определенные и строгие границы и столь же удобно и постоянно контролируема, как ваше ученье. Здесь всегда большой соблазн для вас жить не по духу наших правил, а как для вас поудобнее и попривольнее. Да и вообще, не для вас только, а и для всех самое трудное дело регулировать свою волю и подчинять закону и долгу свою нравственную деятельность. Если долговременным упражнением и неоднократными свободными и опытами стеснения своего собственного самолюбия человек не приучил себя быть строгим прежде всего к себе самому и гнуть свою греховную похотливость под иго совести и чести; то ему то и дело приходится неприятно сталкиваться со внешними предписаниями и чужими требованиями, которые он в таком случае наклонен бывает считать излишними и стеснительными, обзывает их формализмом, горячо протестует против них и кричит всем и каждому, как Бог знает о какой несправедливости. На такие протесты и крики особенно способны юноши, по недостатку опытов самоподвижничества и молодости лет, по горячности чувств и пылкости крови. Но эти и естественные, так сказать, недостатки молодости, при некоторых особенно неблагоприятных обстоятельствах жизни воспитанников и развращающих условиях их воспитания, например под влиянием духа времени и окружающей среды, могут принимать злокачественный характер и переходить уже в совершенно нежелательную и для самой крайней снисходительности несимпатичную и нетерпимую бестушность юности. Поддавшиеся ей юные субъекты забывают всякую скромность и пристойность, делают отважно дерзки, грубо непочтительны и злословны, и любят уже не просто шалить и по-юношески проказничать наряду со всеми, а хотят геройствовать в дурных делах – впереди своих более скромных

и благоразумных товарищей. Их не удовлетворяют обыкновенные проступки, – им нужны безобразия и крупные скандалы – на зло и безбожное огорчение своих начальников, от кары и наказания которых все-таки ловко скрыться они вменяют в некий достославный подвиг, и вопреки всяким правилам чести, самоуважения и доброй нравственности. Не умея справляться и с своими собственными несложными и малыми обязанностями, они наипаче всего любят с самозванным чванством заниматься критикой чужих дел и обязанностей и вмешиваться в совершенно неподлежащие им дела, для понимания которых у них не достает часто и простого соображения. И чем выше и авторитетнее лицо, чем оно больше стоит поперек их дурным инстинктам тем с большим и рискованным самоуслаждением они куют секретные каверзы, и даже не прочь пустить их в публику, чтобы безнаказанно очернить и загрязнить доброе имя и честь антипатичных им личностей, которые только тем и виноваты, что самым положением своим общественным и служебным обязаны стоять на страже доброй нравственности и крепкой дисциплины в вверенных им заведениях. Такую злокачественную *буесть* юности самое снисходительное общественное мнение всех честных и добропорядочных людей назовет уже созвучным русским именем *буйства* и развращения, а не просто неразумием и увлечением. И горе, и погибель этим обуявшим юношам, и печаль всему обществу, если не пахнет на них откуда-нибудь целебная и живительная струя, и не рассеет растлевающую ум и сердце их изгарь нравственную!

Откуда же ждать и вам, юноши, и нам – вашим воспитателям и начальникам – этой освежающей и благодатной струи? Ставлю этот вопрос отнюдь не потому, чтобы были у меня поводы направлять его с нарочитою целью именно к вам, как будто бы шла у меня речь именно о вашем освежении. Нет, я только разъясняю вам общие педагогические вопросы, и – взяв за тему церковно-молитвенную мысль о естественной вашему сердцу и вашему юному возрасту *буести*, может быть не всеми вами и не вполне сознаваемую, – я хочу навести вас на беспристрастное размышление об общих недостатках всей

нынешней учащейся молодости, об которых, как и вам конечно не безызвестно, много еще поводов скорбеть всему нашему обществу; хочу предохранить вас от этих недостатков и поставить на прямую нравственную дорогу. А желанию этому и так естественно высказаться в начале учебного вашего года! Итак, опять я ставлю вопрос о том, где скрывается тайна всеми желаемой и всеми ожидаемой добропорядочности и благовоспитанности нашего юношества? Что может лучше всего разумных и скромных воспитанников утвердить в их прекрасном направлении, а испорченных и необузданных возвратить на путь истинный? Полагают обыкновенно, а иногда и горячо настаивают, что внутреннее благосостояние школы всецело зависит от порядков, существующих в школе, и от лиц, которые ею заведуют. Хороши порядки в школе, хороши люди, ответственные за судьбу своей школы, – и все в ней будет хорошо; в противном случае все и всегда будет дурно. Непререкаемой истиной, разрешающей всю суть педагогического дела, кажется эта мысль особенно людям, стоящим в стороне от дел школьного воспитания и управления, которые поэтому совершенно безответственны в этих делах, а нередко и очень малоопытны. У этих людей все в одну сторону склоняются их симпатии, именно в сторону молодости и юношества, действительно в высшей степени симпатичного по своей природе; и потому им хотелось бы снять всякую ответственность с одной облюбленной ими стороны и перевалить ее на другую. Но беспристрастие и строгая правда в решении педагогических вопросов требуется особенно в нынешнее лжелиберальное время, когда под предлогом нежности и любви к юношеству вносят положительную заразу и развращение в эту для всех нас конечно дорогую, но неопытную и легко колеблемую среду. Никто не будет отрицать, что хорошие порядки в школе и хорошие люди в ней служащие не к дурному, а к хорошему и направят обучаемых юношей. Но какие именно порядки назвать хорошими, и чего надо требовать от хороших людей, ее руководствующих, – об этом то и идут противоречивые толки и суждения как в самом обществе, так и у юношей, конечно прислушивающихся к общественномуговору.

Я бы вас просил, мои любезные воспитанники, прислушаться в этом случае к самому авторитетному голосу, – именно к голосу Церкви, и усвоить не чей-нибудь, а именно ее взгляд на воспитание и обучение. Вот она молится об вас: «о еже всадити в сердца ваша начало премудрости – страх Божий, и тем буеть юности отгнати от сердец ваших и просветити ум ваш, еже уклонится от зла и сотворити благое». Итак по ее взгляду – страх Божий есть начало вашей премудрости, и значит – если вы не стяжете его в свои сердца, то никакие наши порядки и правила не спасут вас от возможности уклониться от благого и творить злое. Значит и наоборот: даже при наших недостатках и ошибках, вообще при неблагоприятных обстоятельствах, от вас не зависящих, вы удержались бы на высоте своего нравственного достоинства и не потеряли бы из виду своей заключительной, т. е. научной и образовательной цели в школе, – в чем была бы конечно ваша особенная честь и достолавная заслуга. Припомните евангельскую притчу о плевелах. «Не доброе ли семя сеял еси на селе твоём, – спрашивают прислужники у господина поля, – откуда же взялись на нем плевелы и так их много»? Оказывается, что ни господин, ни приставники его не были виноваты. Враг и ненавистник всего доброго нашел возможность ночью набросать негодных семян по полю – и народились сорные травы там, где ожидалась одна только добрая пшеница. Все это легко может случиться и со всякой школой, а следовательно, и с вами. Злоба и хитрость темного духа зла, этого исконного супротивника всего доброго в людях, ничуть не ослабела и доселе, а число его адептов и пособников едва ли не стало еще больше в наше время. Самые тонкие ухищрения измышляются им, чтобы убить из-млада доброе семя в юношах, зародить в них искру неверия во все духовное и божественное, поколебать доверие и подчинение властям, всевозможными способами и особенно литературным влиянием разбудить в них дурные инстинкты, разжечь страсти, вызвать на борьбу со всяким порядком и дисциплиной, отнять у них время для умственного развития здоровой наукой, затуманить их голову самыми недельными мечтами, а сердце загрязнить пороком, чтобы затем окончательной сгубить их на

позор их семьям, на плач и горе целому обществу. О, будьте осторожны, юноши, и Бога ради – не поддавайтесь обаянию духов лестных, столь умножившихся в наше бурное и мятущееся время! Если когда, то теперь особенно следует искушать их, из какого лагеря они дуют, и от Бога ли они? Вся опасность в том и состоит для молодого поколения, что хотят во что быто ни стало разуверить его, что начало премудрости вовсе не страх Божий, а все отрицающий анализ и бесстрашное сомнение во всем, что привыкли считать за авторитеты. Начинают обыкновенно с научной области, где этот анализ и сомнение имеют конечно свое законное право; а затем подбираются невидимо в совершенно неподлежащие области, вползают как змеи и в священную область религии и нравственности, – и все здесь желают передвинуть с своих мест и повернуть вверх – дном. Религия, конечно, не может быть извращена в людях и уничтожена с лица земли, ибо она есть насаждение божественное, и вековые основы нравственности останутся непоколебимы в избранном обществе людском; но в этом шуме и гаме разрушительных сил, устремляющихся на священное здание веры и Церкви, много есть одуряющего и втягивающего в общее движение для незрелых умов и не устоявшихся чувств молодых людей. Правда и сила жизни им чужда там, где больше крика, борьбы и протестов. Не поддавайтесь этому заблуждению; ибо истинная и нормальная жизнь всегда запечатлена величавым характером спокойствия, стройности и красоты, и для прогресса ее вовсе не нужно, чтобы все было сначала расшатано и поколеблено, чтобы юность стала впереди зрелости, чтобы подчиненность и повиновение сменились произволом, а трезвая мысль страстным движением чувств и фантастическими идеями. Не позволяйте, чтобы для ума вашего, хотя бы на одну минуту, мог быть или показаться какой-нибудь авторитет выше и обязательнее евангельского и Христова; ибо в учении Господа нашего Иисуса Христа заключается самая высочайшая мудрость, имеющая всемирное значение для рода человеческого, и притом на все веки и времена. По нынешнему времени требуется приумножение числа испытанных и

преданных борцов веры и религии Христовой; и этими борцами мы желали бы со временем увидеть вас, духовные воспитанники!... Берегите же сердце свое от пагубных влияний всего, что противно единой истинной и чистейшей нравственности, которая заповедуется нам и в священных книгах закона Божия. Всякие другие нравственные правила кроме этих и иные взгляды на жизнь человека и на его обязанности – не могут быть столь высоки и совершенны, хотя бы вы черпали их из самых умнейших и прославленных книг. Опасайтесь, как язвы, всякого запрещенного и соблазнительного чтения – хоть из простой бережливости в своем учебном времени, которое в высшей степени должно быть дорого для всякого порядочного и прилежного ученика. Погодите, придет время, когда вам все будет можно и позволено читать. Более же всего – воле своей не позволяйте решаться на дела постыдные, нечестные и грешные, хотя бы предстояли случаи совершить их в секрете и безнаказанно. Укройтесь от людей, утаитесь от нас, но не укройтесь от своей совести, не утаитесь от Бога всевидящего и гнушающегося всякой неправды и беззакония. Великое бы дело было, если бы присущ вашим сердцам был этот спасительный страх Божий, – это начало всякой премудрости. Наше конечно дело насаждать в вас и самый этот страх; но как это нам сделать без вас? Вот мы все сообща внушаем вам волю Божию благую и совершенную, уча вас в школе и человеческим знаниям; вот я учу вас теперь страху Божию, – и вы послушайтесь меня, чада! Кроме внушений что же еще есть у нас? Есть благочестивые молитвенные упражнения для вас и дома и в Церкви; есть разные нравственные правила, составленные для упорядочения всей вашей школьной жизни, есть дисциплинарные и школьные порядки, ограждающие вас от своеволия и порочности. Вам остается только соблюдать все это по возможности и добровольно, – и сам собою воспитается в вас страх Божий. Никто не может исполнить за вас ни одного нравственного правила, и ни шагу без вас не сделает на пути вашего религиозного преуспеяния. Все зависит от вас, и везде требуется ваше личное добровольное участие.

Да будет же Господь вашим невидимым и всемогущим помощником! А мы все усердно помолимся за вас, да и вы не забываете молиться: «о еже всадити Господу Богу в сердца ваша страх Свой Божественный, и тем буесть юности отгнати от сердец ваших, и просветити ум ваш еже уклонитися от зла и творити благое»! Аминь.

Слово в день тезоименитства Благочестивейшего Государя Императора Александра Александровича (30 августа 1881 г.)

Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам (Мф. 6:33)

В сегодняшний праздник царев, который есть нераздельно и наш праздник народный, мы не даром берем в основание своего слова вышесказанное изречение и заповедь Господню. Тезоименитство Государя, совпадающее с неостывшею еще и горькою памятью о его покойном родителе-мученике, невольно пробуждает в русском сердце пытливую и заботливую мысль о внутренней связи и живой преемственности исторических событий того и другого царствования. Что же досталось в наследство Александру 3-му от 2-го? Совокупность великих реформ прошедшего царствования имела своим последствием величайшее напряжение народных и государственных сил, разбудила и жажду новых и повсюдных преобразований, затронула общее и народное самосознание, расположила государственных и ученых мужей к всестороннему изучению современной русской жизни ее прошедшей истории, к беспристрастному исследованию ее нужд и потребностей, равно как и ее недостатков. Столь серьезное настроение общества, доставшееся в наследство новому Государю нашему, делает в высшей степени серьезным и многотрудным его царственное положение; ибо с напряжением народных сил и с пробуждением общественного сознания пробуждаются обыкновенно и дурные инстинкты некоторых слоев общественных; разгораются страсти, завязывается борьба литературных мнений и ученых убеждений, происходит столкновение многочисленных личностей – как служебных, так и не служебных, и все это волнующееся движение общества требуется упорядочить и сильною рукою направить к общему народному благу. Помочь, каждому по мере сил и способностей, этим великим

царственным усилиям – есть священный долг всякого современного русского человека. Но к величайшему сожалению, разность во взглядах на народное благо разобщает русские народные силы; и она то во многих охлаждает любовь к престолу и царю, сеет вражду между отдельными общественными кружками, – и притом так, что чем выше и авторитетнее эти круги, тем горячее и настойчивее ведется в них борьба, и тем недружелюбнее там смотрят друг на друга в случае разногласия мнений. По-видимому все желают одного и того же: желают, чтобы нищеты и нужды было меньше в народе, и чтобы природные богатства России, как можно успешнее разрабатывались и больше накапливались; желают, чтобы образование народное как можно выше поднялось и как можно дальше раздвинулось; желают, чтобы государственные учреждения и формы общественной жизни были как можно свободнее, чтобы всем жилось без всякого стеснения и чтобы каждый, дыша совершенно привольно, мог свободно развивать свои природные силы и таланты; желают наконец, чтобы политическое значение нашего отечества в ряду других европейских держав было сильно и могуче. Прекрасные желания! И кто из русских людей не пожелал бы всего этого? Но когда прислушаться к толкам о мерах и способах для осуществления всех исчисленных желаний, то они оказываются до такой степени разноречивы и противоречивы, – что то самое, в чем одни полагают благо для своего отечества, другие называют злом; чем одни надеются достигнуть величия и спокойствия для своей родины, то самое, по мнению других, приведет его к гибели. Кто же должен решить и разъяснить дело, и подарить покой народу? Здесь сама собою выступает великость значения крепкой и могущественной власти правительственной, вспомоществуемой лучшими умами и просвещеннейшими служебными силами народными. Да будет же Господь всесильным помощником Государю нашему в отправлении его великого царского служения, и да соберет вокруг престола его наилучших и благонамереннейших пособников ему!

Но не затем мы поставляем на вид столь обострившееся в наше время разногласие в решении общественных вопросов, чтобы не подать никакого голоса с своей стороны к умиротворению этого разногласия. Может быть и вы ждете теперь какого-нибудь разъяснительного слова от алтаря церковного по поводу самого современного и всеобщего нашего вопроса, как лучше устроить от чего-то поколебавшееся народное благо, как надо понимать это благо, и где лежит к нему путь? Это именно и хотелось бы нам несколько разъяснить, но не в смысле составления каких-нибудь политических программ, или предложения нарочитых мер по тому или другому вопросу народного благоденствия. Церковь Христова к этому не призвана. Господь сказал, что Царство Его не от мира сего, – это значит, что устроить формы своей политической и общественной жизни Господь предоставил самим обществам людским, и следовательно служители Христовой Церкви никогда не должны быть и не будут сторонниками какой-нибудь одной политической партии и противниками другой. Отнюдь не настаивая на закреплении каких-нибудь одних установившихся и старинных форм жизни общественной, и вовсе не желая застоя и окаменелости в развитии этой жизни, в чем иногда совершенно ошибочно обвиняют Церковь, – она напротив готова благословлять всякое правильное и зрелое движение вперед и всякое обновление к лучшему в устроении внешнего и материального быта государственного. Но случается, что в этом движении и в этих страстных поисках нового и лучшего забывается общественными деятелями самая существенная и внутренняя сторона дела, без которой решительно невозможно благо народа, какие формы ни придумывай для его жизни и какими порядками его ни наделяй. Случается непостижимое какое-то забвение нравственно-религиозной области, вне которой представляется возможным иногда и не мелким даже умам создать для народа крепкую и здоровую политическую жизнь. Тогда настает очередь служителей Христовой Церкви сказать свое слово, и, если можно вернуть с ошибочного пути увлекшихся и забывшихся людей. Нам представляется, что

если когда, то теперь в особенности следует провозгласить слова Христа Спасителя всем радетелям народном и искателям общественного блага: *ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам!* (Мф.6:33)

В самом деле как мало замечается ныне этого искания правды Царствия Божия, как мало видится в людях религиозных порывов и стремлений! Среди горячих споров о разных системах образования и среди всевозможных земских и политических вопросов всего неохотнее занимаются религиозными вопросами, и всего менее озабочены тем, как поднять религию в людях и как расширить нравственно-воспитательное значение Церкви в обществе. Люди светской науки как бы не считают этого своим долгом, и потому редко-редко кто из них обмолвится каким-нибудь сочувственным словом о религии и ее значении в обществе. А есть многочисленные кружки, имеющие свои литературные органы, которые создают весьма широкую книжную область с тою, по-видимому, просветительною и назидательною целию, чтобы задуть и последние религиозные искры в читающих людях. Окольным путем и с самыми тонкими учеными приемами проводится и внушается мысль, что религия есть нечто даже мешающее умственной зрелости людей, что она есть такая область, где все держится на темном и безотчетном чувстве, которое есть источник суеверий и предрассудков; и по тому-де мужи науки, а за ними и все ищущие истины, должны слушаться одного только разума и ничего больше. Дело доходит до того, что в самых образованных европейских странах воздвигается прямое гонение на религию, и даже правительственными распоряжениями избираются из школ все предметы, носящие на себе религиозную печать и могущие напоминать учащимся о Божественном Основателе Христианской религии. В христианских государствах целые десятки тысяч людей остаются и живут даже без крещения, как язычники и мытари. У нас, конечно, до этого еще не дошло. Но за то с каким умилением иные наши мыслители, желающие обновления русской земли, смотрят на гражданские и политические порядки этих европейских стран, и какие похвалы им расточают, и как бы

хотели они вдруг пересадить эти порядки на свою родную землю, отказываясь от всей прошедшей истории русского народа и пренебрегая основными началами православной, народной – русской жизни! Не решаясь прямо унижать религию и как бы по необходимости уступая ее темному сельскому народу, наши домашние просветители предлагают иногда такого рода проэскты, чтобы служители религии мало чем возвышались над темной и серой средой народной и по своему образованию и по своим привычкам и по всему строю жизни.

На что же надеются, чем хотят поднять общественную нравственность, и на чем думают основать благо народное, если так холодно относятся к религии, и так мало признают за ней значения в улучшении общества? Надеются на два обстоятельства. Во-первых ожидают, что с поднятием умственного уровня в народе и с развитием просвещения расширится и чувство долга, ослабеет порок и явятся сами собою гражданские доблести; ибо все дурное и постыдное, говорят, происходит не от чего иного, как от невежества и нравственной грубости, а они-то и пропадают при научно-образовательном свете. Это называют внутренней и положительной мерой к созиданию народного блага. Но более всего, кажется, рассчитывают на внешние и отрицательные меры. Полагают, что в образованной и свободной стране можно создать такие порядки по всем отраслям государственной жизни, чтобы дурные и безнравственные начала, живущие в людях, затруднены были бы до последней степени; так чтобы какой-нибудь например корыстолюбивый богач, если бы и захотел поработать своими капиталами бедняков, не мог бы этого сделать; чтобы какой-нибудь неспособный, хотя бы и породистый, сановник не мог бы и на короткое время продержаться на своем служебном посту; чтобы какой-нибудь делец, заведующий общественным достоянием, если бы и ухищрялся послужить своему карману и своим только личным выгодам, был бы поставлен в невозможность это сделать, и т. д. Общим же условием для создания таких порядков считают возможное освобождение граждан от правительственного надзора, никем и ничем не нагнетаемую волю земских людей, и

добровольный всеобщий надзор народа над своими делами. Если бы все это устроилось, то говорят и благо народное поднялось бы в высшей степени. На разных служебных постах очутились бы только достойные люди, а народная нищета и бедность быстро бы исчезла несмотря даже на противодействие слепых и физических сил нашей страны, в роде чумы, засухи, вредных насекомых и тому подобного.

Основная и самая горькая ошибка здесь та, будто бы просвещение есть коренная мера против людской безнравственности и нечестности. Самые простые, кажется, соображения могут обнаружить эту ошибку. Если бы это было в самом деле так, то мы постоянно наблюдали бы одно и то же явление: т. е. чем человек делался бы умнее и больше бы накапливалось в его голове знаний, тем благороднее становился бы он сердцем и чище по нравственности, – и наоборот: чем не развитее человек в умственном отношении и беднее знанием, тем он хуже был бы по нравственности. Но ведь это же не так в действительности? Хотя и великий мудрец древности Сократ отождествлял добродетель с знанием, тем не менее это ошибка; ибо кто же из нас не знает, что добродетель и нравственность иногда стоят в совершенно обратном отношении к умственной развитости и знаниям. Утонченность порока и многочисленность преступлений замечаются даже и статистикой преимущественно в городских и особенно в столичных населенных пунктах, а не в сельских. Не хотим ли мы этим, для своих соображений, унижить просвещение и образованность? Ни сколько. Мы хотим только поставить на вид, что не разум есть единственный руководитель человеческой деятельности, и, следовательно, не от его качеств зависит и качество человеческой нравственности. Образование конечно есть свет, и значит вещь прекрасная и желательная, но света недостаточно, чтобы ходить и действовать. И во тьме, при собственной осторожности и постороннем надежном руководстве можно делать шаги и приближаться к цели, хотя нерешительно и медленно. Но когда поражена и ослаблена самая способность движения в организме человека, то, как ни освещайте ему путь, – он ее сдвинется с места. Так и в

нравственной жизни человека. Наука и просвещение конечно разъясняют ему, чем он должен быть; но сил достигнуть идеала сами по себе не дают ему. Надо иметь в виду еще и то важное обстоятельство, что самый свет науки и образования может быть разных достоинств и качеств. Вместо истины и действительных предметов весьма часто люди устремляются к призракам и впадают в заблуждения при фальшивом свете ложного образования и односторонней науки. То, что мнят люди за солнечный животворный свет, весьма часто есть не более как блудящий огонь или смрадный факел. Как бы то ни было, опыт показывает нам, что умственная и нравственная область, как в отдельных людях, так и в обществах людских, суть две самостоятельные и отдельные области, и потому гармоническое соответствие в развитии их далеко не так неизбежно, как это многим представляется.

А если это так; то в случае упадка общественной нравственности никакие внешние и гражданские порядки не управят ее, не поднимут и не дадут желаемого направления. Опять наше слово не к тому клонится, что все равно, какие бы порядки ни существовали в гражданском устройстве нашего общества, худые или хорошие. Нет, при худых, беспечных и недальновидных порядках, нравственная несостоятельность худых членов общества будет быстро возрастать на просторе, и может дойти до самых нетерпимых размеров; между тем как при умных, целесообразных и дальновидных учреждениях, особенно когда они крепки, общеобязательны и настойчивы, много нечестных людей и неспособных тунеядцев должны попятаться и сойти с служебного поприща, дабы уступить место достойнейшим деятелям. Но, во-первых, когда уже признается нужным для ограждения общественной нравственности настойчивость и общеобязательность, или что тоже строгость гражданских порядков и учреждений; то говорить об общем просторе и всеобщей свободе и независимости приходится уже с большою умеренностью и осторожностью. Если в этом случае нужны примеры, то именно те страны, которые с наибольшим правом могли бы хвалиться своею гражданскою свободою, и страдают именно от непрерывной и ожесточенной борьбы

партий, доходящей до неприличия и кулачных приемов, и в них то именно благие правительственные начертания и заботы о народном благе то и дело ослабляются, а иногда и вовсе разбиваются противодействием личного произвола и страстными выходками отдельных граждан, не сочувствующих идеям правительства и ставящих всего выше свои личные убеждения и выгоды. Да и у нас в тех случаях и областях народной жизни, где заявляет себя земская свобода, можно ли указать преимущественное процветание народного блага и развитие особенных удобств и приятностей жизни – особенно в селах и деревнях, куда устремляют свою преимущественную любовь свободолюбивые народные радители? Трудно это утверждать. Во-вторых невозможно никаким гениальным умам изобрести столь дальновидных законов и всеобъемлющих порядков, чтобы вся масса общественных членов, со всеми неисчислимыми случаями их отдельной личной жизни, была захвачена этими мудрыми законами и управляена этими оградительными порядками. И корень всего злого таится в сердце человека и его воле, по слову Христа Спасителя: *из сердца исходят помышления злыя, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления* (Мф. 15:19). Если же не исторгнут злой корень, то он всегда найдет возможность дать росток, проберется сквозь все преграды и на самых глазах блюстителей общественной нравственности пышно расцветет и принесет плод по роду своему. Как вы заставите корыстолюбивого и черствого богача сострадать нуждам трудящихся бедняков и беречь чужие выгоды, когда в сердце его нет любви к ближнему и не посеяно в нем страха Божия? Какими порядками пьяницу и ленивца можно переделать в трезвого и деятельного гражданина, когда несчастная страсть, расслабившая его волю, держит его как на привязи? Какие предписания нужно изобрести, чтобы сластолюбивых развратников принудить уважать честь чужих семей и права женщины, когда сладострастие кипит у них в сердце? Чем и как создать самоотверженных патриотов из людей, которые от молодых ногтей приучались издеваться над своей родной православной верой, или из неблаговоспитанных

эгоистов, для которых основное правило жизни «где хорошо, там и родина»? Как оградить от расхищения общественное и государственное достояние от недобросовестных и хитрых дельцов, которые помимо прямой и видимой дороги умеют находить сто окольных и секретных дорог к казенным богатствам? Какие нужно придумать условия гражданского быта, чтобы людей стоящих у святилища науки заставить служить только ей одной и бескорыстно ревновать об обогащении общественной сокровищницы здравых знаний, если этих людей волнуют только личные честолюбивые и грубо-материальные расчеты, или давит раболепное поклонение чужой учености, смеющейся над всем святым и заветным для людей? И если наша страна не хороша и порядка в ней нет, – как многие привыкли теперь повторять это с каким-то рассчитанным намерением, то нельзя ли указать, как на пример, на какую-нибудь свободнейшую и образованнейшую страну на земном шаре, где бы на ночь не запирали домов, верили бы друг другу на слово, где не было бы бедности и нищеты, невежества и суеверий, где правосудие сидело бы праздно за отсутствием грабежей, убийств, злостных посягательств на правительственную власть и всяких других непотребств? Нет, такой страны еще не открыли. Но это можно устроить, и все это непременно будет, – хотят нас уверить горячие головы и страстные поклонники разума и человеческой науки. На все эти уверения, как бы искренни они ни были, можно ответить только одно, что слишком долго человечеству приходится ждать этих услуг от науки и просвещения, этого наступления царства небесного на земле.

А между тем, вот что открывает нам святая религия Христова. Все человечество страдает некоторою внутреннею и неисцельною, и притом наследственною болезнью с незапамятных времен. Болезнь эта расслабила волю человека и развратила его сердце до такой степени, что предоставленный самому себе он оказывается с одним исканием добра и с естественным стремлением к нему; достаточных же сил для обладания этим сокровищем у него уже не находится. Борьба со злом, растлившим природу человека,

уже стала для него совершенно неравной борьбой; и все человечество в этой изнурительной и несчастной борьбе погибло бы совершенно и развратилось, если бы сам Сын Божий не употребил чрезвычайных средств для восстановления своего образа в падшей человеческой природе. Для этого оказалось нужным Ему самому принять зрак раба и в человеческом немощном образе пожить на земле с людьми, учить их и наконец пострадать на кресте. Для этого принес Он Новый Завет с неба, основал на земле Свою Церковь и в ее таинственных учреждениях преподавал людям «все потребное к жизни и благочестию» (2Пет. 1:3). Следовательно, только в живом союзе с Божественным Спасителем рода человеческого, под сению и руководством основанной Им Церкви и с помощью чрезвычайных благодатных средств люди могут с честью вести борьбу с исконным злом, гнетущим человечество, и выходить победителями из этой борьбы. А говоря ближе к нашему предмету, – только развитие религиозного начала и углубление его в сердцах людей может возвысить нравственное состояние человеческих обществ, и застраховать их от внутреннего разложения; только при всемогущем содействии религии Христовой и при помощи благодатных и таинственных средств, которые она предлагает людям, может совершаться правильное движение вперед – как в научном и умственном, так и материальном развитии человеческих обществ. Тогда-то и могут оказаться истинно плодотворными все правительственные предначертания и гражданские учреждения, на которых думают основать благо народа столь многочисленные теперь вожди его, и столь противоречивые просветители. Религия будто бы противоречит и мешает здоровой науке, имеет выгоды держать людей в суеверной и предрассудочной тьме, – какая несчастная ошибка, какое грубое недоразумение. Что люди суеверные и упорно-невежественные могут иметь облик людей религиозных, что люди не перенесшие правил религиозных в свое сердце и душу могут быть суровыми ревнителями внешнего благочестия и бессердечными гонителями чужих слабостей и чужих мнений, – это правда. Но разве в этом состоит религия? Когда один только животворный луч ее упадет на дно души человеческой,

хотя бы самой холодной и развращенной, – он может даровать ей новую жизнь, и преобразовать всего человека в самое короткое время. И разве не было величайших умов и знаменитейших ученых, которые были в то же время нелицемерно – благочестивыми и глубоко религиозными людьми? Как же свет научный не рассеял мнимой тьмы религиозной? Напротив, не религия ли вдохновляла великих людей на их подвиги и бескорыстные труды для человечества? И не от того ли, как прежде, так и теперь пропадает там много талантов и богатых природных дарований, что обладатели их упрямо уклоняются от религиозных влияний и смолodu затрачивают бесплодно свои силы на службе различным постыдным и мирским кумирам? В начале своего слова мы дали вам заметить, благочестивые слушатели, что при всей розни, замечаемой в стремлениях и убеждениях наших общественных деятелей, при всей остроте их споров и жгучести их взаимной борьбы могло бы быть нечто умиротворяющее и объединяющее. Это именно религия, т. е. ее воцарение в людских сердцах. И какую бы тогда необъятную и несокрушимую силу почувствовала в себе наша родина в деле созидания своего общественного и политического блага! Исчезли бы в ней как дым те гибельные и разрушительные начала, которые не дают покоя не только правительству, но и нам всем, и застилают истину от глаз иногда совершенно благонамеренных и очень дельных и умных людей. В самом деле, какого зла ни коснись в нашей родине, – непременно придешь к мысли о слабости религиозного начала в людях и с чего ни начни говорить о народном благе, – почувствуешь неизбежную нужду возвысить и расширить это начало в сердцах людских. Говорят, например, что наша хлебная дороговизна отчасти искусственно создана неправильными и своекорыстными торговыми оборотами? Это весьма вероятно. Но будь религиознее и честнее люди, в чьих руках эти обороты, – и зло уполовинилось бы. Говорят, наши плодороднейшие земли тощат от нечестного пользования ими временных и наемных владельцев? И это весьма вероятно. Но будь побольше совести и религии в этих людях, – и земля не

скупилась бы на свои дары. Говорят, крестьянская нищета зависит иногда не от одних только их собственных пороков, но еще и от умножения в их среде бессердечных капиталистов, и так называемых злостных и алчных мироедов? Но возможны ли были бы эти люди, если бы в душе у них теплилась искра религии? Говорят, наша армия во время войны, кроме невзгод от неприятеля и суровостей природы, терпела еще великие невзгоды и от корыстолюбия людей, заведывавших ее продовольствием? Если это так, то, где же причина зла, как не в забвении этими людьми религии и страха Божия? Говорят, равнодушие к школе и образованию народ почувствовал особенно после того, как потерял веру в своих учителей, которые силились не научать его вере, а отучать от нее. Если это правда, то причину зла здесь не нужно и указывать. Говорят, что юношество наше от того бывает непокорно и слабонравственно, что не всегда слышит разумное, трезвое и богобоязненное слово с ученых кафедр, а из книг и журналов и очень часто веет на него нравственной тлей и развращением? Если это так, то чем же помочь горю, как не обоюдным религиозным отрезвлением и учащих, и учащихся? Говорят, что широкое развитие роскоши и сластолюбия в городских населенных, породившее множество искусственных потребностей и отсюда крайнее несоответствие между потребностями и средствами жизни, стало причиной всеобщего обеднения и недовольства жизнью? Кто же научит людей воздержности и умеренности, и разовьет довольство своим жребием, как не религия? Говорят, что ослабление национального чувства в известных русских кружках, которые с хамовой веселостью глумясь над всем родным и отдаляясь сердцем от престола и царя, горячо и нежно радеют о всяких иноплеменных интересах, а свою родную страну готовы поделить на части и употребить их на удовлетворение каких-то исторических долгов, измышляемых разными притязателями и завистниками нашей русской силы и величия, – этот упадок патриотизма и слепотствующее подслуживанье всяким тайным противорусским надеждам и мечтам, говорят, есть прямое

следствие сердечного охлаждения к исконной народной русской святыне Православия. Несомненно это так!...

А если все это так, то очевидно, что наша самая серьезная и главная забота должна быть не о чем ином, как о возвышении религиозности в нашем обществе и возвращении на путь веры и православия тех многочисленных русских людей, которые сбились с этого пути, в своей ученой и лжесвободной слепоте поклоняются разным греховным и в частности иностранным идолам! О, да соберет Господь теснее вокруг престола царева тех избранных русских людей, которые, как некогда избранные Израильтяне при величайшем ветхозаветном ревнителе веры – пророке Илии, не преклоняют колен пред ваалом лжеименной науки и безбожного и неверующего отрицания, и не целуют сего идола, не смотря на всеобщее развращение и поклонение сему идолу! А мы все, молящиеся здесь о своем дорогом Государе, преемнике великого народного радетеля русского, не забудем в своих поисках народного блага и государственного благоденствия этих божественных слов нашего Спасителя: *ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сии вся приложатся вам. Аминь.*

Поучение воспитанникам духовной семинарии пред исповедью (10 февраля 1882 г.)

Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!

Наступили и идут у нас с вами, любезные воспитанники, самые серьезные и самые драгоценные дни в году нашем. Целый год и у вас, как и у всех, впрочем, идет разная суета и всяческий мятеж. Житейская суета конечно еще не слишком тяготеет над вами, но ежедневные классы и уроки, уроки и классы с их удачами попеременно с неудачами и огорчениями, разные заботы и тяжести по науке, учебные и школьные столкновения с товарищами, с начальственными, служащими и даже посторонними лицами, – все это более или менее развлекает душу, влечет ее вон из внутреннего ее святилища, мешает ей уединиться самой в себе, чтобы сосредоточиться на высших нравственных и религиозных попечениях. В текущую благодатную недельку все это до некоторой степени должно примолкнуть и прекратиться. Св. Церковь всех и старых и малых, и нас служащих и учащих, и вас юных и учащихся, призывает к покаянию и молитве, зовет ежедневно в храмы, приготовляет нам трапезу Господню и перед ней приглашает всех к очищению совести, запятнанной и загрязненной в течение года разными промахами, падениями и грехами. О, как бы я желал, чтобы вы совершили это великое и святое дело по возможности так, как хочет этого св. Церковь Господня! Это желание мое внушило мне мысль побеседовать с вами несколько о том, что предстоит вам завтра или послезавтра совершить и что потом должно над вами совершиться.

Предстоит вам явиться на суд пред нелицеприятным, всевидящим и правосудным Господом Богом, явиться с своими сокровенными немощами душевными, с своими увлечениями сердечными, с греховными помыслами и падениями. Проста, по-видимому, и пока не страшна ничуть обстановка этого суда. Строгих допросов вам чинить не будут, никаких свидетелей о вашем поведении не потребуется. В тишине церковного

уединения вы увидите смиренного священника Божия, который без всяких жестких упреков и строгих прещений, без всяких рассчитанных усилий поймать вас на слове или обличить, будет только ждать, что вы скажете ему о себе, в чем повинитесь и что донесете на себя из своего прошедшего поведения. Скажете ему: да, вот в чем и вот в чем я виноват, – и никакая кара за это вас не постигнет! Явитесь к нему не помнящими и не знающими, притворитесь невинными, – преследовать вас и вытягивать сознание у вас никто не станет. С тем и уйдете, с чем пришли. Только Господу будет видно и известно, с чем вы приходили и с чем ушли. Я опасаясь, чтобы эта простота и видимая безответственность исповеди не помещала вам совершить ее по-божески, и чтобы не прошла она над вами как внешняя только и обычная обрядность, не коснувшись вашей души и не затронувши вашей совести.

Мне кажется, что напротив – такая простая, свободная и неустрашающая обстановка великого Таинства покаяния и должна располагать всякого мыслящего и мало-мальски благоговейного из вас к полной искренности самоосуждению на исповеди. Не затем ли и Господь так просто и удобно поставил для нас на земле свой суд, чтобы до наступления последнего и страшного суда Его, когда, восплакнут и вострепещут перед Ним все племена земные, мы имели возможность без всякого страха и трепета приобрести и упрочить свое оправдание на этом последнем и страшном дне судном? Не злоупотребляйте же великою милостию и снисхождением Господним, которое ждет вас на исповеди, если только понимаете вы и не позабыли настоящей нужды и великой важности – время от времени очищать свою совесть исповеданием грехов своих пред служителем Божиим. А как можно позабыть это или не понимать этого?

С каждым прожитым днем нашей жизни что-нибудь новое прибавляется в нашем нравственном строе. Невидимо совершается рост и безостановочно идет развитие нашей личности в том или другом направлении, т. е. или в худом, или в хорошем. Зреет наш дух со всеми положенными в него природными семенами, наклонностями и потребностями.

Обычное суетливое движение нашей мирской и телесной жизни мешает нам следить за этим нравственным созревaniem нашего духа. За вечным недосугом и делами человеку не видно, как всходят и зреют в душе его разные плевелы, как заползают к нему в сердце разные похоти и страстные привычки. Есть массы людей, которые смолоду целую жизнь свою проводят как во сне в делах житейских и развлечениях мирских, ни разу не заглядывая во внутреннюю область своего духа, – и в этом то рассеянии и нравственном самозабвении зреют обыкновенно страсти людские, и совершается их постепенная гибель и развращение. В предупреждение этой то опасности и выделяет нам Св. Церковь некоторые дни и недели в году, чтобы мы отвлеклись на время от обычного течения своей жизни, заглянули во внутрь себя и занялись исключительно своей душой, и озаботились исследованием разных засоренных в ней мест, очищением и обновлением ее сил спасительными таинствами покаяния и приобщения Св. Христовых Таин. К этому-то и готовитесь теперь вы. Нужно ли разъяснять вам, как это важно для вас, какая великая потеря будет для вас и какой страшный грех отягощает над вами, если священное дело совести не совершите вы по совести?

Юность – это самый важный, и как говорят, самый критический период нравственного созревания. Тут-то всходят и показываются впервые те грешные и злые ростки нашей всеобщей и наследственной порчи нравственной, которые, не будучи усмотрены и исторгнуты из молодой души во время, укрепляются и вырастают с такою силою, что опутывают совсем человека в дальнейшей его жизни и готовят ему такую страшную опасность нравственную, миновать которой он может только под условием самой напряженной борьбы с собою. Исход же этой борьбы подвержен тысяче случайностей. Об этом ли не стоит теперь подумать вам и озаботиться? Справьтесь, напр., насчет любого пьяницы, как он сделался рабом своей несчастной страсти, – и, откроется в большинстве случаев, что смолоду он был не осторожен. Позволял себе сначала рюмочку другую, затем допускались изредка попойки с приятелями, потом явилась склонность к хмельному веселью, далее уже

образовалась привычка к вину и наконец воцарилась страсть. А попробуйте урезонить вполне сформировавшегося пьяницу, чтобы он бросил пьянство и изменил свое поведение! Он может быть со слезами самоосуждения ответит вам: не могу! Если проследить также жизнь открытого невоздержника и закоренелого развратника, опять откроется, что не вдруг же, разумеется, он ниспал до всей своей низости. История таковых падений обыкновенно начинается в молодости. Сначала инстинктивные позывы к сладострастию, затем наплыв помыслов с нечистыми образами, далее умаление страха Божия с потерей юношеской стыдливости и внутреннего целомудрия, потом дозволение гнилых слов и искание срамных бесед, затем жажда и даже страсть к любострастному чтению, потом начинающие повторяться случаи падения, и затем начинает человек скользить все вниз все вниз, пока совсем завязнет в грязном болоте животной страсти. И тогда попробуйте завести с этим человеком беседу о нравственно-духовном достоинстве человека и даже погрозите ему словами писания, что блудники и сладострастники Царствия Божия не наследят, – он или ответит злой иронией и богохульством, или безнадежно махнет рукой, а с своими любострастными привычками не расстанется. Еще пример. Слыхали вы конечно, а может быть и видали, что есть жалкий сорт людей, так называемые вечные сутяги, есть также злобные завистники, ехидные честолубцы, невыносимые гордецы и тому подобные люди, всюду несущие за собою раздор и вражду, обливающие скрытым ядом ту среду, где им приходится жить и не дающие покою ни себе, ни своему начальству, ни людям, с которыми судьба связала их какими-нибудь неизбежными отношениями. Зарождение и образование таких несчастных характеров, имеющих может быть основание в природных свойствах темперамента, опять начинается смолodu и совершается при недостатке самообладания и работы над собою. Сначала может быть по легкомыслию и юношескому задору несколько случаев допущенной и безнаказанно прошедшей вспыльчивости – с обидою и нарушением прав своих товарищей, несколько случаев успеха и перевеса над ними заронила искру самомнительности и самолюбия в этих

людях, затем раздули ее обратные случаи неудач и появление соперников. Потом испытанные может быть случаи действительных обид и унижений от людей вызвали их на борьбу с противниками. Новые случаи сладкого удовлетворения самолюбивых мечтаний и осуществление задуманных честолюбивых планов, и затем новые опыты разочарования и новые соперники обострили эту борьбу до злости и раздражения, развили мнительность, толкнули раз другой на низость – и вышеописанный нравственный урод готов! И тогда попробуйте исцелить его и растолковать, что он сам в себе носит заразу. Он сочтет это за новое оскорбление и, пожалуй, задумает против обличителя новую каверзу. Он уже привык считать себя центром, около которого должно все вращаться, привык ожидать и требовать, чтобы все думали и хлопотали главным образом об его интересах.

Так вообще и все остальное дурное в людях начинает спеть и созреть в период восприимчивой и легко склоняющейся туда и сюда молодости. Небрежное и неряшливое отношение к исполнению дисциплинарных школьных правил, ленивое отношение к изучению уроков и вообще беззаботность учебная вырабатывает впоследствии людей небрежных, ленивых и беззаботных и в жизни и на службе и уже потом в большинстве случаев не бывают сильны ни закон, ни штрафы, ни внушения, ни даже строгие взыскания начальственные сделать этих людей исправными и ревностными, ибо чувство служебного долга и заботливости не созрело и не воспиталось в этих людях смолоду. Точно также из юношей и отроков, недостаточно благоговейных и религиозных, легкомысленно относящихся к вопросам веры и требованиям Церковной обрядности, весьма часто образуются впоследствии холодные и бессердечные отрицатели всего священного, упорные материалисты и ожесточенные неверы. И трудно трудно бывает им вернуться на путь истины.

К тому я веду всю эту речь свою, что перед исповедью, вам предстоящую, вам нужно собраться с своими мыслями и посерьезнее изучить себя, поглубже взглянуть в свою молодую душу и тщательно осмотреть ее, что в ней такое делается. В

начале своей беседы я допустил предположение, что некоторые из вас может быть окажутся на исповеди пред отцом духовным не знающими, не помнящими и склонными к самооправданию. Это может случиться, так сказать, довольно искренно. Может быть так, что человек и сам не знает, хорош он или дурен, много он и сильно погрешил или нет. В прошедшем все представляется сглаженным, забытым или мелким. Вот здесь то и нужно ваше самоуглубление. Вам известно, конечно, каким великим правилом мудрости еще в отдаленной древности считалось правило: познай самого себя. Христос Спаситель, принесший с неба новый и высший нравственный закон людям в христианстве и учредивший в Своей Церкви спасительные Таинства покаяния и Причащения, сделал это правило обязательным не для мудрецов только, но и для всех своих последователей: *да искушает человек себе*, сказано всем нам в Писании, *и тако от хлеба да яст и от чаши да пьет; ядый бо и пийй недостойне, суд себе яст и пьет, не рассуждая Тела Господня* (1Кор. 11:28, 29). Искушать себя и значит именно испытать и изучить себя, растревожить, так сказать, свою задремавшую совесть и по ее указанию произнести над собою беспристрастный суд без всякого самооправдания и самосожаления. И вам это непременно нужно сделать, хотя вы еще и молоды, и хоть может быть и в самом деле нет на вас крупных и многих грехов. Я вам уже разъяснил, как из немногого делается многое и из мелкого крупное зло, а может ли кто из вас поручиться за себя, что с ним не случится этой беды и что он не допустит слишком низко уронить себя и слишком много испортиться? Враг силен и хитер, а злых и греховных семян очень много в нашей падшей природе, и засеяны они слишком глубоко в ней. Повторяю, что кто не заметит и не извергнет их вовремя, может неожиданно для себя самого растлить свою природу и погубить себя окончательно.

Пусть же каждый из вас сначала с воплем обратится к Господу Богу, да поможет Он узреть вам самих себя со всеми немощами и недостатками вашими и да пробудит Он в вашем сердце горькое чувство сожаления о содеянных беззакониях ибо сами по себе мы грешить только умеем, и затем не только

исправиться от грехов, но и сознать их и восчувствовать их непотребство мы не в силах. Труд покаяния для нас самый тяжелый, скучный и неудобный. Потому-то и Церковь Св. учит нас вопиать ко Господу во дни поста: *покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!* Потом каждый из вас пусть припомнит все случаи своих вольных и невольных, мелких и крупных грехопадений и проступков, сосчитает, если можно, количество их повторений, вникнет в их внутренние причины и внешние поводы, и сообразит, далеко ли зашла склонность к ним; а после пусть испробует на себе, насколько трудно не позволять себе их повторения и удерживать самолюбивые порывы. Эти опыты самонаблюдения и самоисправления осветят вам всю вашу душу и определяют подлинную степень ее нравственного достоинства. Поставьте себя в качестве подсудимых пред своею совестью и приведите на память все допущенные вами случаи раздражительности и гнева, клеветливости и непотребных слов, дерзости и непочтительности, непослушания и лжи, неблагоговейности к святыне храма и нарушения постов, завистливости и лени, присвоения чужой собственности, недоброжелательства и поругания над честью ближнего, неблагодарности и поощрения на зло меньших братий, всякого вида сладострастных увлечений и невоздержания, неряшливости и невежества, осуждения, бесчинства и самоуправства и другого прочего, чего и назвать и допустить я не хотел бы в вас, но в чем обличает может быть ваш внутренний судия. Вдумайтесь, насколько виновата была во всем этом ваша молодая кровь, или ближайшие примеры, или посторонние внушения прямые и косвенные, или наконец ваше собственное злое произволение. Воздохните обо всем этом пред всевидящим, правосудным, но и милосердным Господом Богом; изложите бестрепетно все это пред отцем духовным, примиритесь искренно со всеми, кому вы дали повод огорчиться на вас и скорбеть за вас, и положите себе святой зарок беречься и воздерживаться от всего этого по мере своих сил на будущее время. Если же вы этого не сделаете, то грешна и богопротивна будет ваша исповедь и не только не подвинет она вас ни на шаг по пути добродетели, а напротив отдалит от Бога,

лишит его благодати и еще больше усыпит вашу совесть. Холодно, безучастно и рассеянно постоявши несколько минут пред исповедальным аналоем и вернувшись от него с прежним нравственным дреманием, вы только повернетесь, так сказать, на другой бок и еще крепче заснете сном греховным. Каково же и когда будет ваше пробуждение? А между тем его ждет уже от вас милосердый Господь Бог, стоя и толча у дверей сердца вашего, и уготовляя вам в трапезу Свое пречистое Тело и Кровь. Убойтесь же страшного слова апостольского, что *ядый и пияй недостойне, суд себе яст и пьет (1Кор.11:29)*. Да не будет сего с вами; напротив да обьмет вас любовь и милость Господня.

Затем благословляя и препровождая вас ко святому и великому Таинству покаяния, считаю нужным и для моего и для вашего успокоения, по христианскому долгу, преподать вам всем мое смиренное всепрощение, и в особенности тем из вас, для кого на суде Божиим может оказаться оно в особенности нелишним. И с своей стороны прошу у вас снисхождения к моим невольным и ненамеренным против вас прегрешениям; ибо в вольных, намеренных и сознательных совесть моя, – видит Бог, меня не упрекает. Аминь.

Слово в день восшествия на престол Благочестивейшего Государя Императора Александра Александровича (2 марта 1882 г.)

Как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии, всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите (1Пет. 2:16, 17).

Свобода, – каким любимым стало это слово! Всюду рассуждают ныне о свободе, все ищут ее, все и всех стремятся сделать свободными. А между тем как осложнилось и запуталось самое понятие о свободе, сколько недоразумений, затруднений и борьбы и в нашем и во всех обществах явилось из-за этой всеобщей жажды свободы! И замечательно, что по мере заметного расширения свободы во всех областях человеческой жизни все громче и жалобнее раздаются вопли о повсюдных будто бы стеснениях свободы. Когда ученых приглашают бережно относиться к святыне вековых религиозных убеждений человечества, они жалуются на стеснение их ученой свободы. Когда пишущим людям внушают, что не все их измышления и личные воззрения на вещи и на людей удобны для печати, – они вопиют на стеснение их литературной свободы. Когда брачным людям говорят о святости и нерасторжимости брачных уз, – они сетуют о стеснении их семейной свободы. Когда законодательные меры и правительственные распоряжения не совпадают с научными мнениями последней моды о гражданском устройстве и с новейшими вкусами общественных и служебных деятелей, – они огорчаются и вопиют, что это гражданское рабство. Когда женщинам указывают на семью, как на область самой природой для них назначенную, многие из них настойчиво от нее отворачиваются, как от тюрьмы и неволи. Даже юноши и питомцы наши всякую дисциплину и уставные порядки рвутся ниспровергнуть, как педагогическое рабство. И т. д... Чем горячее ведутся теперь споры о свободе и чем больше

обостряется борьба из-за нее; тем важнее установить зрелое и основательное понятие о свободе: чем она должна быть и к чему стремиться. Если бы все согласилось и сошлось в этом основном понятии, то желанная свобода давно бы конечно воссияла и воцарилась в людях, и принесла бы им не борьбу и мятеж, а самое прочное и широкое счастье. Пусть же апостольское слово руководит нас в определении свободы.

Поступайте как *свободные*, говорит апостол, *не как употребляющие свободу для прикрытия зла, по как рабы Божи**и*. Итак, по апостолу, истинно свободный человек есть прежде всего *раб Божий*, и значит сущность свободы состоит в неуклонном исполнении совершеннейшей воли Божией. Это положительная сторона свободы. Далее: истинно свободный человек, по апостолу, есть тот, кто умеет противиться порывам своей личной испорченной и порочной воли. Это отрицательная сторона свободы. Эту последнюю сторону, к сожалению, и опускают обыкновенно из виду, полагая законным и справедливым все, что есть в человеке, все его инстинкты и все натуральные хотения его духа, как бы они ни сложились, и куда бы они ни направлялись. А забвение это в свою очередь происходит из отрицания расстройства и порчи человеческой природы. Не желая знать первоначальной истории человечества и отвергая все, что говорится в откровенной религии о падении людей и о наследственной передаче нравственной заразы путем рождения одних людских поколений от других, современные недальновидные ревнители свободы весь род человеческий любят представлять лишь многомиллионной суммой особей, из которых каждая есть чистое и совершенное произведение природы, разнящееся от других лишь количеством своих талантов и способностей, степенью их развития и проистекающею отсюда разнохарактерностью своих потребностей и склонностей. При таком взгляде на людей конечно каждый из них имеет полное право искать и усиленно требовать того, чего хочется именно ему, а не другому, – а в случае поставляемых ему препятствий на пути его стремлений строптиво вопиять: «это стеснение, это поругание свободы, это рабство»! Но, конечно, никогда и никому не удастся выдумать ни

одного вида и образа свободы, которая бы удовлетворяла всех, при таком понятии о человеке и его свободе. Достаточно сойтись двум трем людям, – и у них откроются многочисленные поводы к разномыслию, к столкновениям, ко взаимным нарушениям прав личной свободы, а следовательно и ко вражде и к неприятностям; потому что у и каждого из этих трех могут оказаться свои убеждения свои вкусы и свои потребности. *Откуда у вас вражды и распри?* вопрошает апостол Иаков, – *не отсюда ли, от вожделений ваших, воюющих в членах ваших* (Иак. 4:1)? Это точно так. Значит, сколь ни вожделенна для людей свобода, сколь ни естественно для них искать ее и по ее законам строить жизнь свою; тем не менее – этой свободы не настанет в человеческих обществах до тех пор, пока не будет выработан и ясно сознан какой-нибудь общеобязательный закон человеческой деятельности, и пока не будет он воспринят сердцем всех людей, – чтобы ему подчиняться добровольно и им проверять и поправлять все отдельные проявления человеческой самости.

Современные искатели и ревнители свободы, по-видимому, согласны с этим вполне; ибо и они, как говорят и уверяют, свободу не полагают в своеволии и самоуправстве, хотя бесчисленные и грубейшие проявления того и другого всемотяжелили жизнь донельзя. Кто же должен изобретать общеобязательные для всех законы и издавать правила и формы жизни общественной, и каковы должны быть эти формы и законы, чтобы настала наконец для всех желанная и всеми искомая свобода? Говорят, что бесспорно это дело ученых и образованных людей. Так. Но чем должны руководиться и самые эти ученые люди, что должно объединять их? ибо известно, что сколько существует на свете ученых людей, столько же почти и разных ученых мнений и убеждений и борьба этих мнений ничуть не менее бывает горяча и ожесточенна, чем обыкновенная война с оружием в руках. Откуда же должна придти к нам наконец свобода? Ответ содержится в вышеприведенных словах апостола Петра. До тех пор, пока искатели свободы не сделаются рабами Божиими, пока воля Божия благая и совершенная, со всею, полнотою раскрытая

людям в Евангельском учении Христа Спасителя, не будет положена людьми краеугольным камнем своей нравственной жизни при обновлении и пересоздании переходящих и изменчивых форм своей политической и гражданской жизни, – до тех пор все будет по старому, и люди все будут стенать под гнетом собственных своих страстей и своеволия. Вот где тайна замечаемых неустroйств в современной жизни нашей, при всех видимых ее улучшениях и достохвальных преобразованиях. Рабочий класс освобожден от крепостной зависимости, но экономический быт его не идет на улучшение. Ради торговой свободы уничтожен откуп, но развилась нетрезвость и возник сложный питейный вопрос. Область естествознания расширилась, а с ней уменьшилась и зависимость людей от слепых сил природы; но увеличились и жалобы на истощание земли и уменьшение ее плодородия. Открыты новые свободные и скорые суды, но увеличились массы подсудимых. Возвысилось и умножилось просвещение, разбились оковы многих предрассудков, но изощрились и преступления. Разветвились блага и удовольствия жизни с изобретением новых и новых жизненных удобств, но умножилась и бедность, развилось преждевременное пресыщение жизнью, и как следствие его наклонность к самоубийству. Дарована известная доля земской самодеятельности, но видна ли соответствующая доля земского благоденствия, общественной попечительности и бескорыстия? Так, одна свобода и расширение прав ее не делает еще людей свободными в истинном смысле, не освобождает от рабства пороку и страстям, а следовательно и счастья не приносит людям, – пока область этой свободы не наполнена благими плодами нравственного преуспевания в людях! А эти плоды возрастают только на почве служения Богу и всецелого подчинения Его верховной и святейшей воле.

Но скажут: неужели все оставить по-старому, отказаться от всяких преобразований и возвратиться к обычаям предков, которые, может быть, и были религиознее нас, но были и грубее нас по нравам и более стеснены в формах своей общественной жизни? Но не сюда вовсе и клонится наше слово; ибо кто не знает, что невозможно, да отнюдь и не желательно –

задерживать течение истории и останавливать естественное развитие гражданских обществ? Пусть оно идет своим порядком, – но так, как сему подобает быть у истинно свободных людей, т. е. рабов Божиих. Прислушаемся к наставлению апостольскому, которое как нельзя лучше идет к переживаемому нами мятущемуся и свободолюбивому времени.

Устрояя свою жизнь, поступайте, говорит апостол Петр, как свободные рабы Божии, и во-первых: *почитайте всех*. Это значит: уважение к достоинству правительственных и вообще начальственных лиц, блюдение чужих прав, уважительное отношение к чужим убеждениям и даже снисхождение к чужим немощам и слабостям, – вот, по апостолу, первая черта благородных и свободных рабов Божиих и первое условие стройного развития жизни общественной. Довольно одного сопоставления этого апостольского правила с развившимся у нас обычаем во имя свободы и независимости ронять и колебать всякие, даже самые высокие и священные авторитеты, в особенности облеченные какою бы то ни было властью, порочить и злословить своих противников, тайно или открыто нападать на них, и при случае даже с оружием в руках, – довольно всего этого, чтобы видеть, как далеки еще наши рьяные ревнители и глашатаи свободы от ее истинно человеческого идеала.

Братство возлюбите, – продолжает богодухновенный Апостол свою речь к свободным рабам Божиим. Если почтение ко всем и уважение чужих прав устанавливает правильность и приличие во внешних людских отношениях, то *братство* должно согреть и оживить их внутренние отношения, должно внести в людские общества любовь, горячо ревнующую не о своих только личных, но и о взаимных выгодах, удобствах и спокойствии. Одушевленное этим чувством людское общество делается похожим на благоустроенную семью, все члены которой живут друг для друга, хотя и различаются по возрасту и правам своим. Много слышится и у нас восторженных слов о любви, и в особенности к меньшим братьям, – к простому народу; но где плоды ее, и как они проявляются? Не изучив

основательно коренных нужд народа, ни всех способов удовлетворить их, и относясь с пренебрежением к его заветным и священным верованиям, – самозванные радители народа навязывают чуждые и несродные ему стремления и не останавливаются ни пред какими фальшивыми и лукавыми, и даже насильственными мерами для осуществления своих мятежных идей и для достижения предательских целей в среде народа. А сколько посягательств на чужую собственность, на государственные выгоды и общественные средства допускаются в настоящее время людьми всех классов, не исключая и образованных! Это ли свободные и благородные люди, ищущие высшего переустройства общества и гражданской свободы?

Бога бойтесь, – так продолжает Апостол учить людей, призванных к свободе христианской. Страх Божий, – это высшая и самая характерная черта людей свободных. По-видимому, страх несовместен с свободой. Но это кажется от привычки смешивать распущенность и бесстрашное своеволие с свободой. Если, как мы уже знаем, человеческая свобода, в своем высшем и истинном значении, есть неуклонное и непоколебимое осуществление верховных идей добра, начертанных в законе Божиим, то опасение, как бы не уклониться от сего закона, всего естественнее в человеке ищущем этой высшей свободы и в тоже время сознающем слабость своих нравственных сил. – Но это не болезненный и мучительный страх раба, опасющегося наказания, а страх любви, только ищущей слить свою колеблющуюся волю с совершеннейшей волей Божией. По той мере, как горячее и непреклоннее делается такое искание в человеке, в нем все больше слабеет зависимость его от низших и животных влечений его природы, от страстей и порока, и следовательно все возрастает и возрастает в нем его нравственная свобода. Если бы общества людские украшались в обилии такими светлыми личностями то конечно и обновление их совершилось бы необыкновенно быстро и успешно, и не было бы той мучительной и вековой, но все-таки бесплодной работы над изобретением законодательных мер и средств к поднятию общественного благоденствия и счастья людей. Только с

поднятием духа веры и страха Божия в людях и с умножением благочестия может настать и их освобождение от крепостной зависимости и работы злу греховному со всеми его бедствиями; ибо, по слову писания, только там, где есть этот дух веры и благочестия, там и свобода. Только истина, в высшем ее значении, т. е. истина религиозная, может освободить нас (Ин. 8:32). Если только Сын Божий освободит нас, то истинно свободны будем (Ин. 8:36). Что же сказать нам о своем времени? Ярko ли горит у нас светоч религии? Высоко ли поднято ее знамя? Увы, об религии и ее высоком значении в деле преобразования и обновления обществ человеческих у нас всего менее слышится речей и видится забот в тех особенно кружках, которые громче всех кричат об язвах общественных, и у тех людей, которые просят в целители народные и хотят быть преобразователями общества. Среди наших ученых вождей народа, литературных и общественных деятелей сколько есть таких, к которым можно приложить слово Апостола, что они *осустились умствованиями своими и омрачилось их сердце: называя себя мудрыми, обезумели и славу нетленного истинного Бога изменили на туманное представление о какой-то безграничной и безжизненной силе. Потому и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте...* за то, что они обратили истину Божию в ложь (Рим. 1:22, 23, 24). Но ложью отзовутся и в ложь обратятся совокупные усилия всех, не только наших, но и иноземных мудрецов поднять народное благо и к лучшему преобразовать общества людские – без истины Божией, без религии и без страха Божия.

Бога бойтесь *и царя чтите* (1Пет.2:17), – так заключает Апостол свои наставления рабам Божиим, запечатленным наивысшею свободою на земле. Царский сан и царскую власть он ставит рядом с верховною властью Небесного Царя царей, очевидно, как ближайший пример, где страх Божий свободных о Христе Иисусе людей должен проявляться в них, как в наилучших гражданах земли. Невидимая миродержавная власть Божия благоволит вести царства и народы земные к сокровенным и благим целям своим чрез видимые и осязательные посредства земных властителей, сердца которых

она содержит в своей промыслительной деснице. Посему и сам воплощенный Сын Царя Небесного учил повиноваться владыкам и царям земным, как от него поставленным; и хотя сказал, что царство Его не от мира сего, однако же в Себе Самом явил пример, как надо воздавать кесарева кесареви. Посему-то страх Божий в истинном рабе Божиим всегда стоит рядом и с почтением к царю. Каким же горьким укором и обличением отзовется опять слово апостольское, если мы захотим приложить его к своему времени и к своему обществу. Царя чтите, говорит Апостол; а можно ли забыть, что случилось у нас с год тому назад? царя не почтили; его убили! Поднялись святотатственные руки на помазанника Божия. Положим, что это были изверги и изменники русского народа, издревле отличавшегося своею беззаветною преданностью царям своим, но все же деяние этих безумцев легло позором на всю русскую землю; но все же тлетворный дух, которым жили и дышали эти жалкие отверженцы земли русской, образовался в русской же среде и созрел на русской почве. И можно ли сказать, что уже прошли теперь все наши опасения насчет того, что этот дух исчез и умер совершенно в нашей стране? Тяжело продолжать об этом слово и будить пережитые страшные воспоминания; но, повинувшись слову апостольскому, мы должны, однако же твердо помнить и с усиленною осторожностью наблюдать, *како опасно ходим, не яко же не мудри, но якоже премудри* (Еф.5:15). То есть должны устроить и настроить себя так, чтобы не только в нас, но и около нас не дерзали возникать и не могли созреть те, хотя и модные, но обманчивые и неразумные начала, которые принесли столько гибельных плодов нашему отечеству за последнее время, и стали камнем преткновения на пути его естественного и исторического развития.

Совокупляя во едино все мысли и наставления апостольские, бывшие предметом настоящего слова получаем следующее общее назидание, которое мы и обязаны взять в свое руководство. Если мы нелицемерно и искренно хотим служить своему Государю, о здравии которого собрались теперь молиться, если желаем истинного блага своему отечеству и ревнуем об освобождении его от всяких рабственных уз; то

должны, во-первых, утвердить в себе здоровое понятие о свободе, – именно: что она, как у всякого нравственно-разумного существа в отдельности, так и у целых обществ человеческих – должна быть подчинением верховной воле Господа Бога, и следовательно во всех своих надлежащих проявлениях есть служба Ему, и значит возможна только у истинных рабов Божиих. Исходя из этого основного понятия о свободе, мы на службе своему отечеству должны воспитать в себе три добродетели, при которых только и возможно его правильное и стройное развитие, – именно: во внешних своих отношениях к ближним – почтительное приличие и уважение их прав; во внутренних отношениях – искреннюю и братскую любовь, к Богу же – благоговейный страх, и как первое, гражданское, так сказать, проявление сего страха – почтение к царю. Аминь.

Поучение к новобрачным⁶ (25 апреля 1882 г.)

Приветствую вас, возлюбленная чета, с наступившими для вас торжественными и светлейшими минутами вашей жизни. Сказавши друг другу прекрасное и святое слово любви, вы приблизились к алтарю Господню, чтобы радостно повторить это слово пред Церквю Господнею, бестрепетно произнести пред всевидящим Богом священные супружеские обеты взаимной преданности и нерасторжимого до смерти единения друг с другом, и благоговейно испросить во храме Божием благодатного освящения своему союзу. Да утвердится еже у вас глаголанное слово, – скажу вам словами уже обручившей вас Церкви Божией, – и да благословит вас обоих невидимо сам Господь с высоты Святой Своей. Поистине прекрасно зрелище юных жениха и невесты в светлые минуты, совершающегося над ними брачного таинства! Благожелания, сочувствие и христианская любовь невольно пробуждаются в сердце у зрителей и свидетелей, и бескорыстно идут эти чувства навстречу торжествующей и любящейся чете новобрачной. Смотря на вас, непорочная и добродушная юность оживит и украсит свои собственные невинные мечты о счастье; зрелое мужество с любовью оглянется на полу пройденный жизненный путь свой и вдохновится благородным желанием помочь при случае своей опытной силой вашим расцветающим силам; даже слабеющая и угасающая старость почувствует в себе разгорающуюся искру тихих и приятно грустных воспоминаний о протекшей своей жизни, и полюбуется вами как живым и прекрасным повторением своей молодости. Сухой и холодный практик житейский размягчится при виде вашего счастья, а дурной и порочный человек призадумается о загубленных и гибнущих днях своих, и не сможет заглушить тайных укоров своей совести, указующей в вас нормальный и вековый идеал правильной человеческой жизни.

Сознавая в моей собственной душе все те благожелательные чувства, которые кажется безошибочно я

предположил и у всех предстоящих здесь, и по родственному праву заявляя вам, друзья мои, об этих моих чувствах в светлый день вашего брака, я, как совершитель над вами таинства Господня, чувствую еще долг сказать вам слова два об этом великом таинстве. Думаю, что краткое поучение потому для вас будет достаточно, что вы, как люди хорошо учившиеся и благовоспитанные, и без меня довольно понимаете все, что нужна православным чадам Церкви знать о сущности и нравственном значении этого Таинства. Прислушайтесь к возвышенным и умирительным о вас молитвам Церкви, к апостольскому и Евангельскому чтениям, – и вы найдете в них самое глубокое и назидательное для себя поучение. Все сводится к тому, что ваш телесно-духовный союз есть образ таинственного союза Христа с Церковью, т. е. должен быть также крепок и неразрывен, также чист, духовен и свят, как у Христа с Церковью; что залог и основание вашего семейного счастья есть христианское благочестие; что образцами и примерами вашей супружеской жизни должны быть библейские патриархи и Новозаветные угодники Божии. А вещественные символы и обряды, из которых слагается трогательное и умирительное последование венчания, так прозрачны и удобопонятны по смыслу и значению своему, что и не нуждаются, мне кажется, в нарочитом объяснении ваших нравственных обязанностей, наглядно в них изображаемых. Горящая теплота и свет ваших брачных свечей, – это теплота вашей торжествующей в настоящие минуты целомудренной любви и свет вашей дальнейшей благочестиво-назидательной супружеской жизни. Ваши обручальные перстни, в начале обряда полагаемые на святом престоле, это сердечное единение, связующее вас как бы узами на всю жизнь, и объединяющее силою благодати Божией обоих вас в плоть едину, по выражению писания. Обмен перстней, – это обмен ваших супружеских прав и готовность ко взаимному вспомоществованию, взаимной уступчивости и обоюдной снисходительности между вами. Венцы – это награда и прославление вашей целомудренной чистоты в борьбе с страстями и чувственностью, и ваши царственные права в отношении к будущему вашему поколению. Вкусение из общей

чаши, – это общность вашей судьбы, ваших радостей и неизбежных в жизни огорчений, и трудов. Кругообразное хождение в венцах около аналоя с соединенными руками, – это ваше совместное стремление путем супружеским к небу – с непрестанными сердечными обращениями к Сыну Божию, воплотившемуся, по пророчеству Исаии, от девы Марии, а также к мученикам – этим доблестным примерам борьбы с разными житейскими соблазнами и искушениями. Вот какими прекрасными и назидательными символами окружила Святая Церковь светлое торжество вашего сочетавания друг другу, и какую трогательно умирительную картину рисует она для всех предстоящих здесь, поставляя в центре этой картины вас же – сияющих, любящих и счастливых!

Что же мне прибавить еще от себя для вашего наставления и вразумления? Друзья мои! я желал бы указать вам на растление, духовную дряхлость и немощь нынешних поколений людских, и на ваше теперешнее призвание внести освежающую струю в наше общество, при благодатном воздействии на вас силы Божией, изливающейся в таинстве брака. Благоустроенная и, как на твердом камени, основанная на святом начале религии семья – есть та великая освежающая и оздоравливающая сила, от которой ждут своего обновления людские племена, и на которой зиждется все благо общественное. То умственное шатание и мятеж жизни общественной, та распушенность нравов и те животные инстинкты человеческого эгоизма, которые так открыто и с такою преобладающей силой стали заявлять себя во взаимных отношениях нынешних людей, гордящихся однако же своим высоким умственным развитием просвещением, явились и развились у нас от того именно, что оказалось расшатанным семейное начало; что высокомерно и презрительно стали относиться к святыне домашнего очага; что стали умалять значение супружеских обязанностей для общества; что на брак приучились смотреть, как на обыкновенную житейскую и финансовую сделку что на рождение детей стали смотреть только как на физиологический процесс природы; что на почве современного воспитания нарождающихся поколений завяли и

поблекли прежние благовонные цветы невинности, благочестия и страха Божия; что путем разных ненормальностей и преждевременного пресыщения жизнью заносится, даже через двери брака, гниль, хилость и болезненность и физическая и нравственная в самые плоды брака, т. е. в нарождающихся детей; что из трусливого преувеличения брачных тяжестей, а еще более ради простора и беззаконного приволья чувственной страсти, огромные массы общественных членов стали вовсе удаляться брака, или искать в нем одних только земных и сладострастных романов, что вообще затмилась и до крайности умалилась в людях та высокая и чистая поэзия библейская, которою должен быть проникнут христианский брак, как образ союза Христа с Церковью.

Так вот я желал бы, чтобы с настоящих же священнейших и серьезнейших минут вашей жизни вы на все последующее время вдохновились тем святым идеалом супружества, какой начертан в Церковном чинопоследовании о браке, сейчас над вами имеющем совершиться. Искренно и от всей души задайтесь теми именно целями и задачами, которые предлагает вам Святая Церковь, возлагая на вас брачные венцы. И, во-первых, не только не порывайте, а напротив укрепляйте и углубляйте нравственный союз свой с Церковью Господнею, вас сочетавшею воедино. Догматы веры Христовой и правила христианской нравственности сделайте своими задушевыми сердечными убеждениями, и для сего поучайтесь в законе Господнем усердно и прилежно. Для всех своих начинаний, планов и предприятий испрашивайте непременно благословения и молитв Св. Церкви, и без ее благодатного пособия не решайтесь ни на что. Пусть Евангелие и устав Церковный будут для вас неизменным сводом самых обязательных законов и правил жизни, – и благословение Божие увенчает успехом житейские дела ваши, устроит во благо всю вашу жизнь, и пошлет вам мир, довольство и изобилие благ земных а в случае испытания и каких-либо скорбей, пошлет вам силу и крепость выдти безупречными победителями и героями из тяжелой борьбы с жизнью. Пред лицом общества и людей, с которыми вы будете входить в самые разнообразные житейские

отношения, являйте в себе пример честной и целомудренной жизни, трудолюбия и благотворительности, скромности и благожелательности.

Но преимущественные свои усилия устремите на воспитание в духе веры и христианского благочестия ваших будущих чад, которыми Господу угодно будет благословить вас, и к которым в целомудренном смятении должна естественно переноситься теперь ваша супружеская мечта. Появление новых членов Церкви и общества, – это естественный плод и прямая цель брака. Но воспитать добрых, благонамеренных и нравственно-здоровых членов для общества, и приготовить их для Царствия Божия в веке будущем, – это такой драгоценный подвиг пред людьми и такая великая заслуга перед Богом, что если бы все брачующиеся люди понимали это как следует, то в самых тяжелых трудностях жизни, которые приводит иногда с собою брачная жизнь, они почерпали бы свою силу, вдохновлялись бы на подвиги и находили бы неиссякаемый источник высочайшего наслаждения и отрады духовной. Святой Апостол Павел прямо обещает жене спасение ради чадородия (1Тим. 2:15), т. е. если она приумножит своими детьми число святых, чистых и спасаемых членов Церкви. Эта же награда и за то же предстоит, разумеется, и мужу. Этим я и кончаю свое поучение, наметив лишь главные ваши обязанности. Отец, Сын, и Св. Дух, всесвятая и единосущная и живоначная Троица – да благословит вас, и да сподобит обещанных благ восприятия! Аминь.

Слово в день принятия боголюбской иконы Божией матери.

Снова мы зрим перед собою, христолюбивые граждане владимирские, св. икону Царицы Небесной Боголюбскую. Всегда готовая осенить нас Своею благодатию и непрестанно молящаяся о нас грешных пред престолом Сына Своего Божественного, Она в особенности в нынешний день, светло празднуемый нами в честь Ее иконы, готова без сомнения сподобить нас своих милостей, если только мы уготовим сердце свое к принятию этих милостей, если, зря на Ее св. икону, вдохновимся верою и надеждою на Ее всесильную помощь и изольем перед Нею все наши нужды душевные и телесные, все скорби и печали сердца.

Дабы возжечь святую искру благоговения и верующей сыновней любви к Царице Небесной, Св. Церковь оглашает слух наш многочисленными песнопениями и молитвами, составленными в Ее похвалу и честь, а для богослужебных чтений выбирает такие места из священных книг Нового и Ветхого завета, в которых пророчески-образно указывается, или прямо разъясняется все величие Матери Господа нашего, неизреченно послужившей таинству нашего спасения. И кто со вниманием и с пониманием слушает эти песнопения и чтения церковные, тот, конечно, не может остаться хладен сердцем и не умилиться душою пред пречистым ликом Заступницы рода нашего.

О, если бы случилось это и с нами в настоящие минуты!

Призвав на помощь Саму Пречистую Матерь Господню, остановимся вниманием своим на тех паримийных чтениях, которые неизменно предлагаются нам Св. Церковью на всенощных бдениях во все богородичные праздники, и смысл которых, не смотря на свою знаменательность и поучительность, как кажется, не всеми понимается и достоподобным образом усваивается.

Первое чтение берется из того места книги Бытия, где повествуется, как патриарх Иаков во сне видел таинственную

лестницу, соединявшую небо с землею. Это было в то время, когда он, спасаясь от ярости брата своего Исава, принужден был удалиться из дома отеческого и бежать из родной Вирсавии в далекий город Харран, на родину матери своей, Ревекки. Ночь застигла его в некотором пустынном месте, и он с крепкою верою в невидимую защиту Божию заснул под открытым небом, положив себе в изголовье один из камней того места. И вот видится ему знаменательный сон: *«лестница стоит на земле, а верх ее касается неба и вот Ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И вот Господь стоит на ней и говорит: Я Господь, Бог Авраама отца твоего, и Бог Исаака; [не бойся}. Землю, на которой ты лежишь, Я дам тебе и потомству твоему. И будет потомство твое, как песок земной, и благословятся в тебе и в семени твоём все племена земные. Иаков пробудился от сна своего и сказал: истинно Господь присутствует на месте сем; а я не знал! И убоялся, и сказал: как страшно сие место! Это не иное что, как дом Божий, это врата небесныя»* (Быт. 28:12–17).

По объяснению отцов и учителей Церкви, таинственный смысл этого видения Иаковлева был тот, что, не смотря на разъединение между небом и землею, произошедшее вследствие греха Адамова, не смотря на то, что после своего грехопадения мы все сделались погибшими преступниками, осужденными на вечное удаление от любви Божией, Господь не прекращал однако же любви Своей к роду человеческому, посылал невидимо на землю святых Ангелов Своих блюсти и направлять людей к небу, которое они потеряли своими грехами, а в известное время и Сам Сын Божий определил сойти на землю, чтобы Своими страданиями за род человеческий примирить его с раздраженным правосудием Отца Своего Небесного, а Своим учением и примером Своей жизни указать, нам грешным, истинный и прямой путь восхождения на небо. Это нисшествие на землю Сына Человеческого произошло через воплощение Его от Пречистой Девы Марии (спустя лет около тысяч двух после времен патриарха Иакова); так что Матерь Божия поистине явилась лестницей, соединившей небо с землею. Вот почему Св. Церковь в своих песнопениях и

хвалебных приветствиях пред Пречистою Девкою Богородицею возглашает еЕ: «радуйся мосте, преводяй сущих от земли на небо! радуйся лестнице высокая, юже Иаков виде». И вот почему положено во все богородичные праздники читать в наше поучение и назидание библейское повествование о видении патриархом Иаковом таинственной лестницы. Какой же нравственный урок заключается для нас в этом повествовании? Тот, что не должны мы отдавать всей своей души и сердца на житейские дела и попечения, что не на земле наше истинное отечество, а на небе, и что туда следовательно должны устремляться и все лучшие помышления нашего ума и самые горячие желания нашего сердца; что если нося плоть и живя до времени на земле, неизбежно должны мы заботиться и о нуждах тела и трудиться над благоустроением своей земной жизни, то все эти заботы и труды наши должны покрываться и растворяться преимущественной, непрестанной и сокровеннейшей заботой о благоустроении нашей богоподобной души, ради спасения которой и сходил собственно на землю Единородный Сын Божий; что подражать мы в этом случае должны наипаче всего Матери Господней, Которая, как повествует предание, по вознесении на небо Господа Иисуса Христа, все помыслы и чувства Свои устремляла к Нему же на небо, и во все 15 лет Своего пребывания на земле, по видимом разлучении с Божественным Сыном Своим, о том пламеннее всего молилась, дабы Он ускорил взять Ее к Себе из среды сего тленного и грешного мира. Так и мы должны настроить свою жизнь, чтобы на всех наших делах отражалась наша забота о своем отечестве небесном, чтобы всем и по всему было видно, что мы чувствуем и сознаем себя странниками и временными пришельцами на земле, а потому отнюдь не прилепляемся страстно к утехам и соблазнам мира, а заботимся паче всего о загробной судьбе своей души. Вот тогда мы будем истинными подражателями Царице Небесной, и Ее возлюбленными сынами.

Второе чтение в богослужебные дни, посвященные Матери Божией, берется из книги пророка Иезекииля, и именно, из того места, где описывается, как пророк Божий видел в откровении

неизреченной красоты и великолепия храм, исполненный славы Божией. Храм этот имел затворенные двери. И сказаны были пророку Божию следующие слова от Господа: *«ворота сии будут затворены, не отворятся, и никакой человек не войдет ими: ибо Господь, Бог Израилев, вошел ими, и оне будут затворены. Он, как князь и владыка, сядет в них, чтобы есть хлеб (т. е. священнодействовать) пред Господом; войдет путем притвора этих ворот и тем же путем выйдет»* (Иез. 44:2–3). В этом видении пророчески-образно предуказывалась ветхозаветным людям тайна бессеменного зачатия и несказанного рождения Спасителя мира от безмужной и непорочной Девы Марии. Это Она впоследствии явилась живым и одушевленным храмом Божиим, ибо чревоносила в утробе Своей Самого Сына Божия.

Это Он, Единородный Сын Ее по человечеству, заимствовав от Нее душу и тело Свое, прошел вратами Ее приснодевственных ложесн, и явился князем и владыкою Церкви Божией, собранной из всех стран мира; прошел не нарушив девства Своей Пречистой Матери, так что и до рождения и в самом рождении и после рождения Спасителя Она пребыла Девой, ибо Христос Иисус Богочеловек был единственным и притом сверхъестественно зачатым Ее Сыном. Посему Св. Церковь называет Ее Приснодевою, и ублажает как Пренепорочную мМтерь Бога нашего *без исления*, т. е. без нарушения девства, Бога Слова родшую; а рожденному из Нее и тридневно воскресшему Христу Спасителю воспевают так: *«сохранив цела знамения, Христе, т. е., не коснувшись печатей, положенных на гробе Твоем, воскрес еси от гроба, ключи Девы невреdivый в рождестве Твоем»*, т. е. родился Ты, Господи, так, что Матерь Твоя и по рождении Твоем украшалась и сияла все тою же прежнею девственною чистотою и достоинством. Непостижима эта тайна зачатия и рождения Спасителя нашего от Матери-Девы; но тем выше Ее достоинство, ибо Она послужила такой великой тайне, сделавшейся источником нашего спасения. В благоговейном восторге пред этим достоинством, Св. Церковь многочисленными песнопениями своими восхваляет Матеродевственную славу Божией Матери,

и можно сказать нет ни одной песни церковной в честь Матери Господней, в которой бы не заключалось хотя краткого указания или намек на то, что Она есть Мать и Дева в одно и тоже время. С этою же целью, т. е. чтобы нагляднее изобразить для нашего ума тайну воплощения нашего Спасителя, и согреть наше сердце благоговением пред Пречистою Девкою Мариею, Св. Церковь и положила читать в богородичные праздники знаменательное видение пророка Иезекииля о светоносном храме славы Божией с затворенными воротами, которыми прошел один только Господь Бог. В этом видении содержится весьма ясное и прозрачное пророчесственное указание на Приснодевственность Матери Господней, которая оправдалась и осуществилась на самом деле в Новом завете, когда Царь Небесный за человеколюбие на земли явился и с человеки поживе.

К каким же чувствам и к какому нравственному настроению должно располагать нас размышление о неизглаголанном девстве и чистоте Матери Господней? Во-первых, к смиренному чувству и сознанию своего недостойнства и греховности. Она свята и непорочна, а мы сластолюбивы и невоздержны. Она невинна и чиста, а нас одолевают сладострастные порывы и чувственные наклонности. Она честнее херувимов и без сравнения славнее серафимов, а мы нередко уподобляемся неразумным животным, если не по самой жизни, то по желаниям сердечным и сокровенным похотениям. Но из этого смиренного и покаянного сознания своего недостойнства должны возрасть у нас и плоды достойные покаяния.

Не воздыхать и скорбеть только должны мы о своем непотребстве, но и ревновать о стяжании возможной для нас чистоты и целомудренности душевной. Все срамное и страстное должны мы удалять от своих чувств, и все свое поведение, даже по внешней его стороне, должны ограждать святыней чистоты, религиозной трезвенности, благоприличия и скромности. Должны бороться мы и с внутренними проявлениями тех грешных семян, с которыми мы появляемся на свет, в беззакониях зачинаясь и во грехах рождаясь с незапамятных времен падения наших прародителей в Эдеме.

Наши усилия и наша свободная борьба с своею чувственностью привлекут к нам милость и всесильную помощь Пренепорочной Матери Господа нашего; так что мы будем восходить от силы в силу, и со временем окажемся достойными и возлюбленными Ее сынами, с лучезарными отблесками Ее небесной чистоты и непорочности в душах и сердцах наших. Это не значит, конечно, чтобы все мы призывались к обетам девственности и безбрачия, ибо не такова воля Божия о роде человеческом; но все мы брачные и безбрачные, и юноши, и девы, и мужи, можем и обязаны стяжать то целомудрие сердца и ту чистоту душевную, от которой зависит и все достоинство чистоты телесной, и о которой говорит Апостол, заповедуя всем нам без исключения, *да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте* (1Тим. 2:2).

Третье чтение в честь Матери Господней берет Св. Церковь из книги притчей царя Соломона. В этом чтении предлагается нашему вниманию иносказательная картина, – как *премудрость Божия построила себе дом, вытесала семь столбов его, заколола жертву, растворила вино свое и приготовила у себя трапезу; послала слуг своих провозгласить с возвышенностей городских: «кто неразумен, обратись сюда!»* И скудоумному она сказала: *«идите, ешьте хлеб мой, и пейте вино, мною растворенное; оставьте неразумие, и живите, и ходите путем разума»* (Притч. 9:1–6). В этом иносказании заключается сущность нового завета, учрежденного Спасителем нашим через Таинство Плоти и Крови Его, которые Он заимствовал от чистейшей Матери Своей. Премудрость Божия – это Он Сам Единородный Сын Божий, Ипостасное Слово Отчее. Устроенный Им дом – это Церковь Новозаветная, образовавшаяся из бесчисленных сонмов святых Божиих человеков, уверовавших в Него и последовавших Его небесному учению. Семь столбов сего дома, – это семь Новозаветных Таинств, семь источников благодати, которыми освящаются члены Христовой Церкви. Заколота жертва – это опять Он Сам, страждущий Спаситель наш, который, как единоклеточный агнец волею за всех заклан бысть на кресте. Вино растворенное и приготовленная трапеза – это Его Божественная Плоть и Кровь, ежедневно предлагаемая

верующим в Таинстве Причастия на божественной Литургии. Слуги, посылаемые звать гостей на трапезу, – это Апостолы и их преемники-пастыри и учителя Церкви, проповедующие христианское учение по всей вселенной, управляющие и пасущие стадо Божие, т. е. Церковь Христианскую. Неразумные и скудоумные, которым обещается жизнь и разум на трапезе Господней, – это все мы грешные, весь падший род человеческий, который погиб бы от голода духовного, утратив истинное боговедение и расслабленный ядом греха прародительского, если бы Спаситель не пришел на землю обновить в людях образ Свой, истлевший страстями, взыскать нас и спасти, как заблудшее горохищное овца. Таким образом в вышеизложенной краткой картине изображается все домостроительство спасения рода человеческого, совершенное единым ходатаем Бога и человеков, Человеком Иисусом Христом, воплотившимся от Пречистой и безневестной Девы Марии. Сколько же велика честь и необъятна слава Сей избранной дщери Адамовой, Которую предопределил Господь в орудие спасения всего рода человеческого! Та исконная вражда, которую в Эдеме положил Сам Господь между сгубившим нас змием искусителем и между прельщенной им женою, окончилась полным поражением этого змия, когда, по исполнении времен, выделена была из рода человеческого богоизбранная Отроковица Мария Дева, ибо порождение Ее, Господь Иисус Христос, хотя и Сам ужален был в пяту сим змием и доведен был до крестных страданий, но силою креста Своего он разможил главу змиину, и вконец разрушил силу диавольскую. Змей лишил нас древа жизни, убедив нашу прародительницу вкусить от запрещенного древа познания добра и зла, но обетованное семя жены, Сын Божий, ставший Сыном Девы, уготовил нам несравненно лучшую трапезу, предложив на ней Хлеб Небесный, – Тело Свое, и чашу жизни – Божественную Кровь Свою, и все ядущие хлеб сей и пьющие чашу сию – имут живот вечный, и хотя умрут на время, но прейдут потом от смерти в живот нескончаемый.

Что же, бр. возлюбл., – как отзываемся мы на приглашение Ипостасной Премудрости Божией идти к Ней на пир?

Приглашение это, как мы теперь уже знаем, торжественно раздается в Церквах Божиих всякий раз, как мы собираемся праздновать в честь Матери Сына Божия. Чрез Нее соделавшись Сыном Человеческим, Он не стыдится нарицать нас грешных Своею братиею и непрестанно зовет нас под сень Своей Церкви, где уготована для нашего наслаждения бессмертная трапеза. Дорожим ли мы этим высоким родством нашим с Сыном Божиим? Заявляем ли жизнью и делами своими пред Материю Господа нашего, что мы благоговеем и пред Ней и перед Сыном Ее Божественным? что мы не только хотим, но и стараемся быть истинными чадами Нового завета, основанного искупительными Его страданиями за нас грешных? что мы дорожим союзом с Церквиею, которую Он стяжал кровию Своею? что мы прибегаем с верою и горячим чувством к ее спасительным Таинствам, и в особенности к Таинству Покаяния и Причащения? что мы слушаемся пастырей и учителей Церкви, и блюдем свято уставы и заповеди Церковные? Если да, то благо нам! И это было бы самым лучшим даром, который могли бы мы принести Царице Небесной в сей праздненственный день Ее. С сыновней преданностию и горячею верою могли бы мы взирать теперь на Ее светоносную икону, а Она с высоты небесной славы Своей невидимо осеняла бы нас Своими милостями, как возлюбленных чад Своих. Но, если нет? Если не чувствуется в душе нашей крепкого союза нравственного и духовного со Спасителем нашим? если, живя в Новом завете, живем мы как древние и неискупленные рабы греха и пороков? если проповедь Евангельская и учение Христа Спасителя, непрестанно раздающиеся в Церкви Божией скользят лишь по нашему слуху, но не согревают сердца и не обновляют нашей жизни, или даже совсем нами не внимаются, – что тогда? Этот тревожный и прискорбный вопрос поставить мы побуждаемся словами Самого Христа Спасителя о малом сравнительно числе избранных, не смотря на множество званых в Его Царстве благодатном. Как в известной притче Евангельской это благодатное Царство Христово изображается под видом вечери велией, так и в вышеизложенной ветхозаветной притче, положенной для чтения в дни богородичные, рисуется оно под

образом богатой и обильной жертвенной трапезы, на которую приглашает всех людей Премудрость Божия.

И как там, в Евангельской притче, многие званные стали под разными предлогами отказываться придти на вечерю, так в притче ветхозаветной дается понять, что, не смотря на громкие призывы глашатаев Премудрости Божией, многие отзовутся к ним равнодушно, или даже ответят злобным пренебрежением, ибо тотчас же после призывных возгласий Премудрости Божией, там присовокупляются такие примечания: *поучающий кощунника наживет себе безслаvie, и обличающий нечестиваго – пятно себе. Не обличай кощунника, чтобы он не возненавидел тебя, обличай мудрого, и он возлюбит тебя* (Притч. 9:7–8).

Итак, снова спросим себя мы званные и непрестанно зовомые на вечерю Господню, позволяет ли нам совесть наша причислить себя к избранным и премудрым? Судя по многочисленности предстоящих в сем храме молитвенников, которых привлекла сюда конечно вера и благоговейное почитание Царицы Небесной, можно конечно с уверенностью сказать, что горит в них святая искра страха Божия, и есть в них христианское чувство. Но общая наша опасность в том состоит, что обычная суeta житейская в нашей ежедневной жизни, разные зловредные влияния со стороны и собственные греховные расположения нашей падшей природы, мешают нам ясно слышать глас Божий, зовущий нас ко спасению, и могут даже вовсе охладить наше сердце к вере и Св. Церкви, и таким образом погубить нас.

Будем же чаще прибегать с молитвою к Царице Небесной, всеблагой Матери Господа нашего, чтобы взяла Нас под Свой невидимый покров, чтобы сберегла в нас памятование о небе, нашем истинном отечестве, лестницей к которому Сама Она явилась для всего рода человеческого, чтобы уцеломудрила нас в наших чувствах и делах, и чтобы до последних дней жизни нашей сберегла нас в крепком и живом союзе с Церковию Господню, и мы явились бы пред Господа благодатствованными и спасенными чадами Нового завета,

запечатленными искупительною кровию рожденного из Нее
Сына Божии. Аминь.

Поучение воспитанникам семинарии при начале учебного года (25 августа 1882 г.)

Выступая с обычным словом приветствия и поучения пред началом учебного года, ничего более лучшего и более нового не могу предложить вам, в сравнении с прежними моими поучениями, как повторить пред вами два мои основные и всегдашние, и притом самые горячие и искренние желания, – именно: чтобы вы старались быть развитыми в умственно-образовательном отношении и благородно-добрыми по сердцу и душе, как велит нам святая религия наша. Уверен, что эти желания мои всегда совпадают с вашими собственными ибо кто же из вас не хотел бы быть ни умным, ни добрым человеком? и какой бы смысл остался для вас в школе, если бы вы стекались в нее ни затем, ни за другим, – ни за умственным образованием, ни за облагорожением своего сердца и души? В этом случае лучше сидеть бы вам всем дома, – в темной, но простодушной и недорогой сельской глуши, как это водилось когда-то в старину у людей духовного сословия. А между тем чувствуется нужда, не только в начале учебных годов, но и в непрерывном продолжении их, настойчиво и с многократными повторениями разъяснять вам, как важно и необходимо ревновать вам о развитии своего ума и облагорожении сердца, убеждать и усовещивать и почти умаливать и упрашивать, чтобы вы непременно это делали. Как будто бы все это для вас было непонятно и не ясно, как будто бы цель своего пребывания и ученья в школе вам желалось поставить где-то в стороне и вдали от этой школы и, если б то было возможно, даже в секретном от нас месте. Что за странность такая?

Половина этого странного обстоятельства, впрочем, представляется мне совсем простою. Что ученье вещь хорошая и достолюбезная, и развитие умственное – дело в высшей степени важное и полезное для каждого человека, – в этом бесспорно всякий из вас убежден. Но ученье в то же время вещь очень трудная, и умственное развитие бывает всегда плодом предварительных усиленных и продолжительных

напряжений головы, и чем оно шире и зрелее, тем этих напряжений требуется от человека больше. А все трудное, как известно, имеет некоторую отталкивательную силу, хотя бы и было в то же время привлекательно. В молодых летах, когда чувство долга только еще образуется, и человеческая воля еще страдает мягкостью незрелости и отсутствием твердо-упорных и так сказать железистых начал, – все трудное кажется особенно трудным и неудобным, и эта отталкивательная сила в трудовых напряжениях особенно бывает чувствительна для молодых людей, инстинктивно влекущихся к развлечениям и разным веселостям. От того, как мне кажется, происходит это обычное явление, что в то время, как мы внушаем вам: учитесь, учитесь, как можно больше и усерднее учитесь, – многие из вас отвечают, или думают про себя: «хорошо! но нельзя ли полегче, как можно полегче – как было в старину и прежде нас». Что в старину было легче и почему-то лучше, – это представляется делом решенным. – Или в то время, как мы не отстаем от вас с своими внушениями и требованиями учиться, многие из вас лицемерно и иногда с очень искусными ухищрениями и увертками делают вид исправных и трудящихся, и прячась один за другого в товарищеской массе, желают заявить нам: «да посмотрите, ведь мы учимся, очень усердно учимся и много трудимся». А в случае явных и документальных улик в лености и в разных ухищрениях праздности, возникает не мало препирательств и неосновательных оправданий со стороны этих пойманных лицемеров–тружеников, раздаются даже жалобы, слышатся незаконные просьбы и иногда очень униженные умаливанья, и вообще бывает много разных неприятностей и огорчений как для вас, так разумеется и для нас; ибо вы, судя по обстоятельствам, и похвала, но и скорбь наша.

Точно то же самое можно предположить и в объяснение того, от чего все наши горячие внушения и убеждения о важности для вас христианского самовоспитания и о несвойственности для духовных воспитанников каких-нибудь порочных навыков, неблагопристойных слов и деяний и проч..., от чего, говорю, все наши увещания и наставления в этом роде имеют не вполне желанные плоды. Разумеется, все вы

единодушно согласны, что хорошо бы быть непоколебимо добродетельными и никогда не хромать в нравственном отношении. Но это не легко, – а потому и не удастся многим из вас. Что может быть достолюбезнее в духовном воспитаннике, как например правдивость, скромность, благоговейное настроение духа, чистота помыслов, целомудренность слова, трезвость, послушание и проч. Но сильны и живучи в человеке позывы к противоположным делам, – и вот эти дела увлекают людей в нежеланную сторону а желать, чтобы вы были лучше прочих людей конечно можно и естественно с нашей стороны, но можно и не удивляться, если этого не случается на самом деле с вами, и если вы оказываетесь не лучше других людей.

Так не оставить ли мне всякие поучения и заботы, успокоившись на мысли, что сила вещей сильнее всякого слова, что в такой большой массе воспитанников, как у нас в семинарии, всегда и неизбежно будет много хромающих и неустойчивых как в научном, так и в дисциплинарно-нравственном отношении, что немало, конечно, у нас есть благонадежной посредственности, но есть и прекрасные и примерные во всех отношениях юноши, – а всех поднять до этой высоты никому и никогда не удастся, – и, следовательно, пусть дела идут, как направляют их обстоятельства и переживаемый нашими заведениями дух времени?! Признаюсь вам, что это соображение, кроме простоты и видимой натуральности своей, могло бы иметь в частности для меня немало особенной соблазнительности и искустельной силы; ибо каждый новый год в моей начальнической службе прибавляет мне, да вероятно и будет прибавлять, все новые и новые горькие опыты, что там по-видимому особенно чувствительно для меня и напрягается в вашей среде всяческое зло, с которым по совести я должен бороться, где я хочу его усмотреть и вырвать, или по крайней мере ослабить. Об этом я имел бы право, и даже некоторую нужду, сказать перед вами кое-что и с большею откровенностью и доказательностью, если бы не было опасности и на вашу общую корпоративную честь навлечь пред посторонними судьями некоторые излишние и может быть незаслуженные вами тени, да и мне самому

подвергнуться упрекам в самовосхвалении. Скажу только, что много-ли, мало-ли, должна продолжиться моя служба среди вас, а не позволит мне ни долг, ни совесть отворачиваться равнодушно и беспечно от бываемых у вас зол, чтобы только не видеть их и не беспокоить себя ими. На том основании, что неизбежно быть некоторым из вас празднотлюбивым и неряшливым в нравственном отношении воспитанникам, могу ли я равнодушно смотреть на них, когда их вижу и когда мне об них заявляют? Могу ли я не желать, чтобы таких лиц было в вашей среде как можно меньше? Не должен ли я приложить все свое старание и испытать все меры, чтобы этого достигнуть? Должен ли я позабыть, что из ленивых и рассеянных, если оградить их от дурных влияний, могут выходить впоследствии очень трудолюбивые и прилежные ученики, а из шаловливых и неустроенных в нравственном отношении образоваться личности с очень серьезными и благородными характерами? Кого же я должен выбрать из таких лиц для педагогических опытов исправления и вразумления, и кого обречь на жертву их собственным дурным инстинктам, как необходимых отребиев и выкидышей, бываемых во всякой учебной корпорации? Итак, чтобы там ни было, как бы ни отнеслись вы к моему слову назидания и вразумления, а я всех вас приглашаю начать новый учебный год свободными и усиленными трудами научного самообразования и самовоспитания в духе христианского благочестия. Трудны оба эти дела, но тем настойчивее прошу потрудиться; ибо настоит в них неотложная надобность, – как вы сами это очень хорошо понимаете без всяких разъяснений и доказательств. Я, кажется, безошибочно выразил в этом уверенность, а потому и воздерживаюсь вам доказывать то, что, по моему убеждению, не требует для вас доказательств и разъяснений. Просто прошу вас: будьте прилежны к наукам и радейте о своей нравственности. Начните этим свой учебный год, и тем же его кончите; иначе не будет никакого разумного и серьезного смысла в вашем пребывании в стенах учебного заведения.

Если хотите, есть одно наилучшее средство, могущее облегчить для вас эти оба наиважнейшие дела, составляющие

всю цель вашего пребывания в школе, т. е. доброе обучение и воспитание. И средство это не столько в наших, сколько в ваших руках. Если бы из этой простой и бесспорной истины, что ученье свет, а не ученье тьма – образовался среди вас некий взаимно поощряющий корпоративный дух с свободным и живым убеждением, что по нынешнему времени без серьезного и основательного ученья обойтись никак невозможно для достижения чего-нибудь серьезного в жизни, если бы вы создали благородный и строгий товарищеский суд для карания всего непотребного, бесчестного и позорного, заносимого в вашу среду дурными личностями из вашего же ученического общества; то здесь нашлось бы такое сильное и верное средство к поднятию уровня вашего образования и вашей нравственной репутации, с которым не могло бы сравниться никакое другое. Как бы ни был рассеян, ленив и даже слабосилен иной товарищ ваш, но если бы он почувствовал себя в среде трудящихся, если бы увидел, что около него товарищи ученье ставят серьезною, задачею своей жизни и на его же глазах пожинают благие плоды добросовестного отношения к науке, – то незаметно переменил бы свой беспечный взгляд на свое пребывание в школе, исподволь принялся бы за книгу и попробовал бы непременно сделать то, что ему позволяют его собственные силы. А в области нравственно-религиозных деяний товарищеский суд и пример, по-моему, мог бы быть еще могущественнее и сильнее. Разве решится какой-нибудь самонадеянный краснбай из вас или самомнительный незрелый философ повторить вслух своих товарищей какую-нибудь выхваченную из книги фразу, оскорбительную для веры, а тем более дозволить какую-нибудь противорелигиозную выходку, если подобные фразы будут клеймиться по заслугам на вашем товарищеском суде заносчивым мальчишеством и глупостию, а выходки будут называться неблаговоспитанною дерзостию? Разве привыкший к гнилым словам не стал бы бороться с этой площадною привычкою своею, если бы знал, что каждое гнилое слово отзывается нестерпимым зловонием в среде лучших его товарищей? Разве не заплатить долга, присвоить чужую вещь,

напиться пьяным, очернить и оклеветать ближнего и устроить ему неприятность, особенно тайную и злобно-хитрую, сказать грубость и неучтивость, дозволить неповиновение, а тем более решиться на дерзость пред наставником или начальником и прочие подобного рода подвиги, – разве они могут быть мыслимы там, где учиняющие их герои рискуют прежде всего быть осужденными по всей строгости на своем домашнем и товарищеском суде, – где общая честь заведения ревниво блюдется каждым его членом? Где все низкое, порочное, нечестное и неблаговоспитанное зовется своим именем и изгоняется вон, если не думает смириться и измениться на лучшее?! Но конечно и наоборот, никакие внешние и начальнические наши меры, – будь они самые благожелательные, настойчивые, искусные и бдительные, – не истребят у вас ни учебного, ни нравственного зла, если вы сами на него будете смотреть сквозь пальцы, если каждому из вас будет только самому до себя, если безнаказанно и даже с некоторым товарищеским поощрением будет зреть и спеть на ваших глазах все то дурное, что с полным успехом вы могли бы прежде всего остановить, ослабить и даже истребить своею дружескою и товарищескою рукою. На этом основании я обращаюсь с своим словом убеждения преимущественно к тем из вас, которые имеют большую или меньшую авторитетность в среде своих товарищей и могут служить для них достойными образцами трудолюбия и доброй нравственности. На вас, наши лучшие и избранные воспитанники, лежит эта священная и нравственная обязанность создать строгий и крепкий суд товарищеский, которого боялись бы невежественные и попорченные личности из вашей братии больше, чем наших начальнических кар и взысканий. Вы должны взять на себя охрану чести и доброго имени своего родного заведения, и восстановить эту честь и это доброе имя до той высоты, которая подобает современным, преобразованным и облагороженным духовным школам. Пора бы исчезнуть и пропасть без следа всему тому неприглядному и нежеланному, что, к сожалению, имеет у вас до сих пор некоторую традиционную живучесть, как бы унаследованную от

грубоватой старины известного несимпатичного типа. Очень многое по-видимому сделал для улучшения и возвышения наших школ новый семинарский устав, делаем по возможности и мы – его блюстители, но, если мало будете озабочены делом своего облагорожения и здорового научного образования вы сами; то все будет оставаться по прежнему. Все те же будут слышаться неблагоприятные отзывы в обществе насчет недостаточности и поверхностности знаний у духовных воспитанников и указания на их слабые бытовые и нравственные стороны, которыми попрекали их в старину. Горько и неприятно было бы сознаться, что к этим попрекам и отзывам дают повод сами духовные воспитанники.

Не знаю, на сколько верны доходящие до меня из вашей же среды слухи; но они так приятны для меня и так близко относятся к предмету моего настоящего слова, что я нахожу уместным, и особенно при начале учебного года благовременным – поделиться ими со всеми вами. Будто бы у наших владимирских воспитанников, подразумевается в лучших и передовых представителях нашей местной учащейся молодежи, зародилось довольно ясное и живое, отчасти подневольным и горьким опытом и как своими, так и чужими товарищескими наблюдениями выработанное сознание, что трудностям и разным стесненностям, которые приходится переживать теперь духовным школам и их воспитанникам, надо противопоставить усиленный умственный труд, и не полагаясь на авось и ни на какие посторонние и случайные пособия в будущем, и не отклоняясь ни к каким посторонним целям, – завоевать себе предварительно и сидя в школе более или менее прочные права для устройства своей будущей судьбы и для расчищения дороги на предстоящем жизненном поприще. Если это так, если эти соображения начинают у вас приобретать характер некоторой общинности; то я мог бы поздравить вас с нарождающимися у вас признаками зрелости и серьезности взгляда на свое школьное положение и на задачу своей ученической жизни. Пусть это зарождающееся направление нельзя назвать идеальным, ищущим науки для науки и для бескорыстного самообразования; но право, я готов бы

примириться с этим вашим практицизмом, за который большею частью укоряют людей, опасаясь и подозревая, что он нарождает несимпатичных эгоистов. Но ваш практицизм имеет, однако же весьма мудрую подкладку, и он, несомненно, спас бы вас от многих и многих горьких случайностей и зловредных влияний, от которых погибло и гибнет в современном обществе такое множество даровитых и способнейших юношей. Так, что я мог бы только пожелать, чтобы этот умный и дельный практицизм как можно пошире распространялся бы в вашем юношеском обществе, и как можно побольше имел бы среди вас своих представителей.

Здесь дошла мне очередь сказать несколько слов о тех из ваших товарищей, которые страдают, по-видимому, обратным настроением, и, не чувствуя призвания к духовной науке, ни склонности к духовной службе, не могут определить теперь ясно своей задачи, никак не разберутся среди тех затруднений, в которых они оказываются при современном положении наших духовных средних школ и их отношении к параллельным средним же, а равно и высшим светским школам, и потому впадают в уныние, поддаются вялости и учебной апатии, и почти бросают заниматься делом, и разумеется влекутся ко всякому безделью. Выше я сказал, что обыкновенная и всегдашняя причина ученической малоуспешности и нравственной шаткости, действующая в большинстве питомцев – не наших только, но и всяких других школ, скрывается в трудности самого ученья и нелегкой приобретаемости крепких нравственных правил и навыков. Учиться дело прекрасное, – это все школьники скажут; но и дело трудное, а потому многие из них не учатся, или плохо учатся. Похвально и желательно всем благоповедение; но баловство легче и приятнее, а потому им и увлекаются многие. Но нынче, как оказывается, появились у многих духовных воспитанников особенные и так сказать специальные причины их учебного охлаждения и всяческой шаткости. Мне самому доводилось лично от некоторых из вашей среды слышать откровенные признания и заявления, что так как-де призвания к духовному служению они в себе не чувствуют, а знаний из общеобразовательного курса с

практической пользой приложить почти некуда; то дело валится-де из рук само собою. Что мне сказать таким разочарованным юношам в утешение и поощрение? Многого и притом существенно-утешительного сказать, разумеется, не могу. Не от меня, вообще не от начальников со властью подобною моей, зависит их положение, а следовательно, и изменение этого положения. С своей стороны, я готов даже признать известную долю резонности в скорбных заявлениях тех воспитанников, в которых действительно есть природное, так сказать, нерасположение к духовному званию, а следовательно и к подготовительным для этого звания специальным учебным предметам и наукам. И, разумеется, не стану я повторять им неискренних фраз: «нет, несмотря ни на что, готовьтесь к духовному званию, и учитесь для этой именно цели»! Но я в праве поставить вопрос: да полно у многих ли из вас действительно можно и должно допустить решительную и серьезную антипатию к духовному званию? У многих не навеяна ли она откуда-нибудь со стороны, и не сложилась ли под влиянием каких-нибудь случайных и чисто внешних причин? Не объясняется ли она даже просто временным перевесом в юношеской кипучей природе низших инстинктивных влечений над высшими и идеальными? Да вообще не рано ли юноше, обучающемуся в средней школе, с философскою решительностью заявлять, что в нем сложилось и определилось такое-то и такое-то направление? И не теряла ли Церковь и духовная наука многих способнейших и полезнейших своих деятелей в недавнем прошлом, когда юным семинарским философам предоставлена была полная льгота и воля уходить вдаль от своих родных школ и искать иногда воображаемых только великих благ и прав на гражданском поприще. Таким образом, если из общей массы духовных воспитанников исключить тех, которые по тем или иным соображениям и побуждениям просто только напускают на себя нерасположенность к духовному образованию; то останется может быть очень небольшая горсть таких, которых не жаль будет, даже при их даровитости, отпустить в страну далече. Последними словами я, однако же отнюдь не хочу сказать, что

смотрю на них как на каких-нибудь блудных сынов; ибо и их жаль и не приходится терять, да и спасение, разумеется, не в стенах только духовной школы. Моя мысль та, что среди духовных воспитанников действительно могут быть некоторые призванные к деятельности гражданской и науке светской, для которых следовательно выход из духовной школы мог бы быть весьма естественен, и с нашей стороны даже желателен.

Этим последним вот, что сказал бы я, пока они находятся у нас в духовной школе. Небрежно относиться к духовным наукам и слабеть в занятиях этими науками у них все-таки нет никаких основательных и оправдательных резонов. Духовного звания они, конечно, могут не избирать; но духовная наука существует не для духовного только звания. Она имеет свой собственный и независимый интерес, весьма высокий и дорогой для всех вообще мыслящих людей, равнодушно относящихся к верховным вопросам о человеческом духе и к нравственно религиозным его задачам. Года два лишних заняться этими науками – разве это такая потеря для воспитанника, не назначающего себя к духовному званию, что стоит об ней горько плакаться? Разве богословские знания, приобретенные за эти два года, потеряют для него свою цену в последующей жизни, столь обильной всякого рода антихристианскими и материальными веяниями, располагающими к узким научным и односторонним житейским взглядам на жизнь и на вещи? Может быть тот прибавочный, представляющийся излишним, запас знаний, который приобретается в двух последних семинарских классах, останется потом единственным запасом драгоценных во всяком случае сведений по христианскому вероучению, которым придется пробавляться во всю последующую жизнь? а этим пренебрегать не следует. Наконец, если все-таки жаль потерять время, насильственно задерживаясь в нежеланных классах и отдаляясь от задуманной цели собственно светского образования, то что надобно, однако же делать пребывая в семинарии, чтобы ускорить себе выход из нее и обеспечить удачный переход в светскую школу? Очевидно, что как можно усерднее заниматься предметами общеобразовательного курса, даже гораздо усерднее, чем как можно было это прежде.

Неудачные, или не совсем удачные попытки некоторых наших, далеко не слабых и не дурных воспитанников, путем средней светской школы достигнуть прав на доступ к высшему образованию в светских же учебных заведениях, зависели, как оказывается, от их слабоватых знаний по тем общеобразовательным предметам, которые преподаются и у нас, но которыми они, очевидно, занимались слабовато, надеясь может быть на разные благоприятные случайности на экзамене или же прямо рассчитывая на снисходительность экзаменаторов, к которой может быть они приучили себя здесь у нас в семинарии. И по долгу и по бескорыстному сочувствию к этим молодым людям из вашей среды, жаждущим светского образования, советую им, отброся всякие обманчивые надежды и неверные расчеты подобного рода, серьезно приняться за учебное дело, чтобы пополнить те пробелы в общеобразовательных предметах, которые сами они чувствуют и сознают в себе. И я уверен, что многие и очень многие из наших учеников, если бы со всем усердием занимались предметами семинарской учебной программы от первого до четвертого класса, то легко и с честью бы получали установленные аттестаты зрелости, отворяющие двери к высшему светскому образованию.

Кончаю свое поучение тем же, чем начал. Учиться надо, друзья мои, всем вам без исключения как можно усерднее, и какие бы вы ни назначали себе цели в будущем, – ревновать нужно вам больше всего и прежде всего о развитии в себе общечеловеческих благородных свойств души и сердца. Господь да поможет вам в этом! Аминь.

Слово при погребении И. В. Алябьева (6 ноября 1882 г.)

Первый человек – из земли перстный; второй человек – Господь с неба. Каков перстный, таковы и перстные; и каков небесный, таковы и небесные. И как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного (1Кор.15:47–49)

Не смотря на ужас и мрачную таинственность смерти, она стала до того обычным среди нас явлением, что мы привыкаем смотреть на нее с удивительным равнодушием и беспечностью, как на ежедневную смену дня и ночи и как на самые привычные отправления и явления нашей будничной жизни. То и дело слышим мы, как один за другим отправляются наши знакомые и родные всех возрастов и состояний в таинственную и мрачную могильную область, – и эти известия едва-едва колеблют ежедневное течение наших мыслей и стремлений. Равнодушно посмотрим мы на проносимый мимо нас гроб, вспомним слегка о покойнике, может быть перекрестимся, может быть пожелаем ему Царствия Небесного, – и тотчас же опять принимаемся за свое. Но когда приходится стоять возле самого гроба, когда приходится смотреть, так сказать, в самое лицо смерти – грозное, угрюмое и таинственное, и участвовать в погребении человека близкого и знакомого; то едва ли много может оказаться среди нас таких непоколебимых и равнодушных философов, у которых не дрогнуло бы сердце, не появилось ни одной тревожной мысли, не возникло бы ни одного вопроса и недоумения и не заговорило бы инстинктивное чувство самосохранения. Как угасла жизнь предлежащего нам дорогого и любимого человека, теперь безгласного и бездыханного? Куда девалась его душа, и какая теперешняя ее судьба? Что будет и с нами после неизбежной и роковой развязки нашей с жизнью земною, к которой так крепко и страстно мы чувствуем себя пока привязанными? Эти серьезные вопросы, дробясь на тысячи видоизменений в голове у каждого из нас, соответственно сложившимся убеждениям, личным наклонностям и надеждам, сводятся к одному великому

вопросу о таинстве смерти и о нашей загробной судьбе, и возникают у гроба сами собою и невольно, вопреки даже нашим усилиям не задавать их себе и укрыться за свою обычную беспечность и инстинктивное животолубие.

И не нужно, и не нужно, благочестивые слушатели, отклонять этих вопросов, ибо как ни отклоняй их, а они все будут стоять в нашем сознании, и затихая на время и заслоняясь нашей повседневной суетливостью, настигнут нас в определенное, хотя и закрытое для нас, время расставания нашего с земной суетой и в момент вступления нашего в вечность. Все равно, решим ли мы эти вопросы во время краткосрочной своей жизни земной, или не решим, а они все-таки разрешатся для нас так или иначе сами собою. Но каково будет решение их? Не пришлось бы выслушать роковое и вечное осуждение за свою беспечность и легкомысленное отношение к дарованной нам от Господа, но неразумно прожитой и бесплодно загубленной нами жизни. Выслушайте же несколько наставительных и разрешающих слов, не моих немощных, но богодухновенных апостольских слов, по поводу смерти нашего собрата во Христе и в разъяснение тревожных вопросов о жизни и смерти людской, которыми переполнены теперь конечно и ваше собственное чувство и сознание.

Первый человек – из земли перстный; второй человек – Господь с неба. Каков перстный, таковы и перстные; и каков небесный, таковы и небесные. В этих словах апостольских заключается и общее разъяснение таинства смерти, и главное основание нашей надежды на предстоящее нам по смерти великое назначение наше. Святой апостол хочет внушить нам, что мы носим в себе два начала жизни, идущие от двух родоначальников наших, а потому и должны мы все пройти и испытать два совершенно различные состояния, как естественные и неизбежные следствия этих двух жизненных начал наших. Первый человек и всеобщий родоначальник наш по плоти и крови – есть Адам, из земли происшедший и своим грехопадением занесший тление и порчу в свою природу, – каковая порча путем рождения передается теперь и будет передаваться от одного человека другому до последних судеб

всемирной истории человечества. Таким образом то, что испытал первый родоначальник наш по плоти и крови, то непременно должны испытать и все мы его потомки, или как выражается апостол – *каков земной человек, таковы и земные*. А вот каковы мы по этому первому началу своей жизни. Наглядное и прискорбное подобие этой жизни теперь у нас пред глазами в этом гробе. Плач, болезни и страдания – при нашем рождении. Суета, мятеж, горе и труды при нашем возрастании. Затмение богоподобной красоты, безобразие, бесславие и тление при последнем конце нашей жизни земной. Все это к тому говорит апостол, что всесильный победитель смерти Христос Иисус, этот второй человек и Господь с неба, делом своего искупления отнюдь не прервал той естественной и телесной связи нашей с первым человеком, которой соблазнялись очевидно, и относительно которой недоумевали Коринфские ученики апостола Павла и которая может быть недоуменна и прискорбна теперь и для нас, с детства привыкших петь устами Святой Церкви победную песнь над смертью и тлением. Порвать естественную связь нашу с праотцем Адамом и создать нового родоначальника человеков значило бы нарушить и перестроить первосозданный порядок мироздания, что, конечно, несогласно было бы с непоколебимыми и вечными советами премудрого художника вселенной. В неисследимых глубинах своей премудрости Господь изобрел другое средство к обновлению рода человеческого. Он послал в область тления и смерти Своего Единородного Сына, Который благоволил родиться от Св. Приснодевы и сделался во всем подобен нам, кроме греха, даже Сам испил чашу смерти, чтобы Своим славным воскресением открыть нам путь к бессмертию на небе. Оставив тленному и смертному в природе нашей испытать и пережить все, что ему свойственно и надлежит вследствие непрерывной связи нашей с падшим праотцем, Спаситель рода человеческого внес однако же новое, высшее и духовное начало жизни в природу человеческую, или как выражается апостол – стал для нас *духом животворящим*, подобно тому, как первый человек Адам стал для людей лишь *душею живущею* (1Кор. 15:45), т. е.

началом низшей, тленной и угасающей жизни. Новое, высшее духовное начало жизни дается нам христианам при втором рождении нашем о Христе Иисусе, т. е. при крещении, и затем живет, крепнет и развивается это начало в таинственном и благодатном союзе нашем со Христом в учрежденной им Церкви чрез установленные им Таинства. Этими Таинствами, как живоносными потоками, вливается и переносится в природу нашу бессмертная и духовная жизнь Христова, и потому, выражаясь словами Апостола, имеем право сказать: *каков небесный наш родоначальник, таковы и небесные*, т. е. таковы и мы по благодати возрождения и усыновления Иисусу Христу. *И как мы носили образ перстного, так будем носить и образ небесного* (1Кор. 15:49). Но так как носимая теперь нами *плоть и кровь* наша, поскольку они Адамовы, *не могут наследовать Царствия Божия*, уготованного искупителем нашим, и тленное не наследует нетления (1Кор. 15:50); то разумеется *тленному сему надлежит в свое время облечься в нетление и смертному сему облечься в бессмертие* (1Кор. 15:53). Нужда в сем перерождении и изменении столь неизбежна и всеобща, что даже люди имеющие дожить до последних времен мира, у которых, так сказать, не будет времени умереть и которые действительно не умрут, испытают, однако же перерождение и изменение своей природы. *Говорю вам тайну*, – открывает нам по сему поводу богодухновенный апостол, *не все ми умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся* (1Кор. 15:52). Когда сие будет, – единому Господу известно; но что это будет непременно и неизбежно, – это также достоверно известно, как то, что Христос воскрес из мертвых первенец из умерших. *Ибо как смерть чрез человека, – рассуждает и учит Апостол, так чрез человека и воскресение мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут, каждый в своем порядке: первенец Христос, потом Христовы в пришествии его. А затем конец времен и судеб рода человеческого блистающий, славный и торжествующий* (1Кор. 15:21–23). Ибо когда все искупленное и облагодатствованное человечество скинет и отрясет с себя прах

тления и облечется в нетление: *тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою. Смерть! где твое жало? Ад! где твоя победа* (1Кор. 15:54, 55).

Вот какие таинства раскрывает нам Апостол по вопросу о жизни и смерти людской, и вот какие уроки благовременно выслушать нам от него при гробе новопреставленного собрата нашего о Христе! Что же, возлюбленные, таковы ли наши воззрения на жизнь свою, и таковыми ли надеждами мы руководствуемся, и по ним ли устроаем мы правила своей жизни? Проникнуты ли мы сознанием двойственности жизненных начал, действующих в природе нашей, – одного ветхого, плотского и тленного – по Адаму, и другого нового и духовного по Христу? Отдаем ли мы преимущество этому последнему началу, и стремимся ли полагать его в основание своей деятельности в живом общении со Христом Спасителем? О, если бы это было так! Тогда упование нашего бессмертия было бы исполнено. Смерть была бы не страшна нам и прославление со Христом было бы за нами упрочено и обеспечено. Но что, если это не так, или даже не совсем так? Что если, ничуть не богословствуя и не философствуя о своей жизни, мы живем одним только ветхим, животным, Адамовым и грешным началом, как будто бы ничего не предстояло нам впереди, кроме смерти и тления? Что, если не далеки мы по своим убеждениям и по характеру своей жизни от тех грубых и беспечных философов, которых обличал в свое время апостол Павел, бросая им в упрек их же собственные неразумные слова: *станем есть и пить, ибо завтра умрем* (1Кор. 15:32). Умрем, – это так, это роковая и неотвратимая правда! Умрем, как умерли миллионы людей до нас, как умер предлежащий бездыханный собрат наш, вчерашний день беседовавший с нами. Но не исчезнем мы и не уничтожимся, как мечтают и проповедуют с тупым бесстрашием и безнадежным отчаянием люди, неведующие Бога! Но пойдут за нами в могилу наши дела, помышления и чувства. Но понесем мы на тот свет свою животность, страстность и грехолюбие. Но услышим мы некогда, как и все прочие люди, глас Сына Божия, и услышавши оживем. И увидим мы с трепетом, как изыдут сотворши благая в

воскрешение живота, а сотворши злая в воскрешение суда. И станем мы с содраганием дожидаться, куда-то пошлет нас Господь Бог, нелицеприятный и всеправедный судия рода человеческого. Вот над чем следует задуматься и чем озаботиться нам, братие возлюбленные возле гроба сего! Тяжелые все это и грустные думы, но необходимые и спасительные среди той суеты и соблазнов, которыми пропитана, можно сказать, насквозь наша повседневная и грешная жизнь.

Обращаясь затем к усопшему собрату нашему во Христе, что сказать нам о его теперешней судьбе, чем утешиться в его потере, чем помочь и пособить ему в новом и чрезвычайном его положении? Пред всевидящим и милосердным Господом исчислены конечно все добрые деяния его и заслуги, определилась конечно и судьба его; так что ни вопли, ни слезы наши, а равно и похвалы, которыми захотели бы мы почтить его память, ничего уже не могут ни убавить, ни прибавить к Божию о нем изволению. Но есть однако же у нас крепкое основание верить и надеяться, что почивший раб Божий Иоанн не погубил мзды своей у Господа. Сам Единородный Сын Божий сказал нам в Своем Евангелии: *истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое, и верующий в Пославшаго Меня имеет жизнь вечную; и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь (Ин. 5:24)*. А мы знаем об этой крепкой и искренней вере в Господа Иисуса Христа, которою отличался почивший раб Божий. Знаем, что религию он ставил выше всего и прежде всего; что он безучастно и равнодушно относился к тем самодельным и фальшивым воззрениям на жизнь человека и на его нравственные задачи, которые провозглашаются иными представителями современной неверующей и материальной науки; что он с негодованием всегда порицал попытки, этих представителей как-нибудь поколебать и унижить христианское и религиозное начало в обществе; что одним словом печать Христова была на челе его. А это великое дело. Оно дает нам отрадное право веровать и надеяться, что Господь не отринет верующего раба своего Иоанна; ибо неложно и другое слово Христа Спасителя: *истинно, истинно говорю вам: верующий в*

Меня имеет жизнь вечную (Ин. 6:47). Все это должно подвигнуть и расположить христианскую любовь нашу к усопшему, усилить наши молитвы о нем пред милосердным Отцем Небесным, да покроет Он своим бесконечным милосердием и снисхождением к роду человеческому вольные и невольные прегрешения и сего усопшего раба своего, которые пришлось ему допустить по немощи естества своего, по многочисленным соблазнам мирским и по ухищрениям от диавола. Вот та единственная и драгоценная услуга, которой ждет от нас теперь почивший собрат наш, и которую только в состоянии мы оказать ему, – это наши усердные и теплые молитвы о душе его. Сам Господь повелевает нам молиться друг за друга по взаимной братской любви, и конечно не без надежды быть услышанными в своих молитвах. *Молитесь друг за друга*, – заповедует он устами св. апостола Иакова (Иак. 5:16), и конечно не за живых только, а и за умерших; ибо пред Господом все живы, и Он *не есть Бог мертвых, но живых* (Мф. 22:32). Сольем же наши родственные и дружественные воздыхания и молитвы об усопшем с молитвами Святой Церкви Христовой, общей матери нашей по усыновлению и облагодатствованию во Христе Иисусе, – да не осужден будет по грехам своим новопреставленный раб Божий на место мучения, но да вчинит его Господь, идеже свет животный. Аминь.

Слово на новый (1883-й) год

Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу (Кол. 2:8)

Это отеческое предостережение делает св. апостол Павел своим Колосским ученикам, нравственно-религиозной жизни которых угрожала опасность от какой-то учености, от каких-то философов, вкрадчиво и умно предлагавших какие-то иные, по-видимому, лучшие пути к нравственному совершенству, чем те, какие предложены были Колоссянам богодухновенным учителем языков, св. апостолом Павлом. Неизвестно достоверно, что это были за философы и в чем заключалось их опасное, хотя и обольстительное учение; но главные его признаки св. апостол намечает в том, что своим источником это учение имело какое-то старинное измышление человеческое, и следовательно не имело богооткровенно-религиозного начала; что характером его была *мирская стихийность*, т. е. не было оно одушевлено чисто духовными и возвышенно нравственными помыслами и что поэтому видимым и последним плодом его было не приближение ко Христу, а удаление от него.

Знаменательно то, что вышеозначенное предостережение апостольское Св. Церковь положила предлагать нам в новый год. В преемственном движении времени начало каждого нового года есть как бы начинательный пункт в нашем жизненном шествии, где мы должны осмотреться и сообразить, что нами уже сделано, что приобретено и что пройдено в минувшее лето, и по какому направлению следует идти дальше. А как нашими поступками и всеми вообще нравственными движениями и усилиями воли всегда управлять должна какая-нибудь основная и руководственная мысль; то нам и ставится на вид это вполне благовременное предостережение на новый год, чтобы мы не увлеклись каким-нибудь пустым человеческим обольщением, какой-нибудь философией, какими-нибудь идеями, хотя бы и модными и у людей весьма

распространенными и с виду даже очень серьезными, но могущими отклонить нас с надлежащего пути правды и истины.

Огромное пространство времени отделяет нас от Колоссян, нравственным состоянием которых так озабочен был св. апостол Павел, но есть нечто общее между ими и нами. Только что приведённые к свету Христову из языческой тьмы, они пылали религиозным рвением, и в этом состоянии чрезвычайно были восприимчивы ко всякому влиянию и учению, призывавшему их на подвиги нравственного усовершенствования, – что и внушало опасения и усиленную заботливость в их учителе, св. апостоле Павле. Озираясь на только что пережитое нами мимошедшее лето и несколько далее назад, – мы точно также усматриваем в современном настроении и направлении переживаемой нами жизни общественной какое-то необычайное одушевление и напряжение; хоть и не чисто религиозного характера, – как это было у Колоосян, – но рвущееся однако же к обновлению и нравственно-духовному усовершенствованию во всех областях нашей жизни: в семье, в школе, в научной, в церковной, в гражданской – областях, словом везде. И как во времена Колоссян, так и теперь у нас слышится много всяческой философии и раздается множество учений и систем, силящихся руководить и заправлять всем этим бурным и волнующимся общественным движением. И как в свое время новообращенные и горячие в своем религиозном возбуждении Колоссяне чутки и удобопреклонны были ко внешним и посторонним влияниям, сверх проповеди апостольской, так и в переживаемое нами время общество наше, возбужденное целым рядом недавних великих преобразований, обновивших и перестроивших течение нашей давнишней и привычной жизни гражданской, с необыкновенною чуткостью отзывается на разные учения и проповеди вождей науки о своем быте и о своих нравственно-духовных нуждах. Речь наша склоняется, как видите, не прямо к той обычной и существенной теме церковной проповеди, о которой привыкли вы слышать слово с сего священного места. Не об каком-либо догматическом или частном религиозно-нравственном вопросе говорить мы намереваемся в

сегодняшний день нового года, а имеем нужду и повод предложить несколько наставительных слов по поводу одного в высшей степени характерного и знаменательного явления в умственном складе и жизненном направлении нашей современной гражданской деятельности. Впрочем, связь этого явления с судьбами религии и православной веры в нашем отечестве так велика и существенна, что это не только дает нам право, но и налагает обязанность говорить об нем с церковной кафедры, и именно в теперешнее время.

Та философия с обольстительной пустотой, по изречению апостола, которая угрожает общественному благу нашего отечества, и которая успела уже к сожалению наделать и приготовить множество бед и зол нашей родной стране, заключается в каком-то страстном и, так сказать, повальном отвращении ко всему старому и древнему, хотя бы почтенному и родному, и в каком-то беззаветном и суеверном благоговении ко всему новому, в особенности идущему из чужих ученых стран так что общество русское распалось, как вы знаете, на два весьма заметные и как бы враждебные лагеря. Одни, – жаждущие новизны и рвущиеся ко всяческой свободе, усвояют себе наименование передовых, разумных по преимуществу и свободномыслящих двигателей жизни общественной; другие же, не решающиеся без опасливой критики поклоняться всему новому, хотя бы оно было и самое ученое, и дорожащие преданиями отечественной старины, клеймятся унижительным прозвищем отсталых, неразвитых людей, руководствующихся привычкой и только задерживающих движение общественной жизни.

Если бы это разделение и борьба мнений не выходили дальше ученых кабинетов по каким-нибудь отвлеченным научным вопросам и ограничивались бы только книжным словопрением, то Бог бы с ними, и мы отнесли бы к этому явлению, как обычному, в существе дела и для жизни довольно безразличному и потому до нас пастырей Церкви не касающемуся. А между тем, эта борьба и разделение мнений достигли до такой степени обоюдного напряжения и раздражения, что принимают характер какого-то гражданского

междоусобия, и так неблагоприятно, и можно сказать зловредно отзываются при решении самых жизненных наших, кровных и национальных вопросов, что молчать уже решительно не приходится нам пастырям Церкви, по самому званию своему и положению обязанным, во-первых, разделять все скорби, нужды и болезни своего родного общества, и, во-вторых, по мере сил и возможности руководить пасомых по пути истины и добра, хотя бы шла речь только об общественных и гражданских, а не прямо о религиозных вопросах. На какой же из двух указанных нами сторон больше этой истины и добра, и куда должно быть больше направляемо наше гражданское сочувствие?

По плодам и следствиям, как известно, судить надобно о всяком, особенно же спорном и подлежащем сомнению деле. Что же оказывается? когда поднимается вопрос о способе управления нашим громадным и многомиллионным народонаселением и о характере этого управления, то все эти люди, величающие себя свободно мыслящими и передовыми, на разные лады и однако же в один голос проповедуют и ухищренно учат и внушают, что народное благо до тех пор не возрастет и не поднимется, покуда наш многомиллионный народ будет находиться под строгой правительственной опекой, и покуда эта опека и единодержавная власть правительственная не будет до последней степени умалена и ограничена, и не будет завоевана для народа наибольшая свобода самоуправления. С этой целью тщательно собираются, сводятся в одну общую картину и раскрашиваются самыми мрачными и посмеятельными красками всякие отдельные случаи злоупотребления правом и отступления от долга отдельных лиц, облеченных властью и доверием от правительства, чтобы вообще поколебать к нему доверие и уважение и возбудить, если то можно, всеобщее недовольство и ропот против властей преобладающих. Этим именно способом, как известно, питалась и созревала наша внутренняя противугосударственная крамола, об исчезновении которой до сих пор торжественно молится Св. Церковь у алтарей Господних. Как далеко зашла в своих стремлениях эта крамола и какие губительные плоды она принесла, – об этом болезненно

помнит вся русская страна, лишившаяся кротчайшего и любвеобильного своего Государя, за которым в истории укрепилось высокое титуло освободителя и преобразователя. Как будто когда-нибудь и где-нибудь не бывало отдельных случаев злоупотреблений! Как будто их не будет при каком угодно образе правительственного устройства, и как будто во всяком отдельном и частном случае злоупотребления правом и беспорядке виновно непременно правительство!

Когда затем поднимается вопрос о разных выгодах, правах и преимуществах собственно русского населения в обширных пределах русского царства, то удивительное и прискорбное дело! из уст этих мнимых горячих друзей народа и родной страны только и слышатся разные порицательные вопли, унижающие все русское, все родное и национальное, и услужливо превозносящие все чужое, иностранное и европейское. Эти люди, по-видимому, желающие добра родной стране, готовы однако же поступиться всеми правами и выгодами русского государства в пользу чужих и не сочувствующих нам племен и народностей, готовы стеснить свою торговлю, сократить и сжать родную промышленность, отдать приобретенные русскою кровью земли и области, стеснить даже, свой русский язык расширением прав иноплеменных наречий в русских областях, сократить и унижить политическую честь и славу русского славянского царства, подчинить свою науку науке иноземной, и вообще заменить свои родные обычаи и нравы, веками и историей выработанные в жизни нашего народа, обычаями и нравами иноземными и чужими, – и все это под предлогом желания добра и славы своему отечеству. Кто станет спорить, что истинная любовь к отечеству, располагает изучать и распознавать свои родные недостатки и язвы, чтобы их лечить и устранять? Но, чтобы с этой целью их преувеличивать и с усиленным старанием выставлять всем на показ, и в то же время умалчивать о действительных заслугах и достоинствах своего народа, – какой же любящий и истинно благонамеренный сын отечества будет так делать? И делается ли так в добром и единомысленном семействе при случающихся в нем колебаниях и

неустройствах? Никто опять не будет оспаривать, что для блага и славы родной страны следует усердно изучать, охотно перенимать и усвоить все хорошее и полезное у иностранцев, опередивших нас в своем научном и промышленном развитии; но, чтобы для этого жертвовать всем своим родным, до потери народного самосознания и до пренебрежения своими отдельными национальными качествами и особенностями и до забвения своей собственной исторической задачи в семье других народов, – это гибельная и постыдная крайность. Это значило бы обрекать свой родной народ на безличность, а следовательно, и на бессилие, и на погибель.

Но в особенности ярко и откровенно заявляют наши мнимые просветители и радетели народные свое равнодушие к православной вере русской и ко всему, что имеет отношение к этой драгоценнейшей святыне православного народа нашего. Под предлогом веротерпимости и высокого начала свободы совести они хлопочут, чтобы все вероисповедания, все секты и расколы сравнены были в гражданских правах с господствующим православным вероисповеданием, чтобы все еретики и раскольники в нашем отечестве получили возможность не только открыто исповедывать свои заблуждения, но и распространять их где и как им угодно, ни мало не заботясь, что из этого выйдет для темных и простодушных масс народных еще не умеющих дать себе ясного отчета в своих верованиях, и потому легко склоняющихся ко всякому суеверию и заблуждению. Под предлогом того, что наше духовенство будто бы малодосужно, малообразованно и мало приготовлено к учительству, они усиленно стараются отстранить его от учительства народного, а под предлогом того, что истины веры слишком туманны и высоки для детского понимания, они желали бы сократить до последних пределов преподавание закона Божия в народных школах, а может быть и вовсе изгнать его из школ и учебных заведений, – как это почти достигнуто в одной из свободнейших европейских стран. А в образе собственной своей жизни и в своих научных убеждениях сколько они являют презрения к вере Христовой вообще, сколько глумления над обрядами и

уставами Православной Церкви! Сколько сочиняется ими книг с целью подорвать священный авторитет Библии и Евангелия! Сколько собирается анекдотов, пишется карикатур, или подбирается действительных горьких случаев и рассказов о духовенстве с целью очернить в народном мнении служителей веры Христовой и поколебать к ним доверие и уважение в православном русском обществе!

Вот чем и как заявляют себя свободно мыслящие люди нашего времени, желающие заправлять судьбами нашего народа и дать ему переустройство по своему вкусу и образу. Если не все так прямо и горячо высказывают свои убеждения и мнения, то великое множество нашей лжебратии делают это скрыто, косвенно и проводят все это между строками в своих ученых и чрезвычайно распространенных органах печати; а люди неопытные и незрелые, а в особенности юные, жадно читают эту мнимую мудрость, и незаметно для себя самих становятся под знамя этой русской лжебратии и этих самозванных просветителей народных. Что из всего этого выходить, кажется излишне объяснять и напоминать. И не отсюда ли, не от этой ли свободномыслящей и высокоумствующей лжебратии русской исходят все эти переживаемые нами смуты гражданские, это умножающееся недовольство всем, что есть в нашей родной стране, это выбивающееся из сил стремление во всем уподобиться и во всем сравниться с многоучеными, но маловерующими иностранцами, которые однако же отлично пользуются для своих выгод и целей нашим внутренним распадением и нашим охлаждением к своим родным и коренным началам народным?

Откуда взялось и как развилось в нашей родной стране такое поистине горестное и гибельное направление противу-отечественное? Ложное образование, истекающее из незрелых и односторонних изысканий и соображений светской науки, есть первоначальный корень переживаемого нами зла, а недостаток страха Божия и неведение Христовой религии, порождающее холодность к ней и неверие – есть то благоприятствующее условие, при котором развивается этот ядовитый корень с таким прискорбным успехом. Додумалась, например, наука

человеческая, что люди равны по природе своей, – и вот она, воображая, что дело делает, силится все сравнять в человеческих обществах и уничтожить различие званий, состояний и прав гражданских, и в этом направлении воспитывает целые людские поколения. Сделали ученые открытие, что бедность и нужда не пристали человеку и унижают достоинство людей, которые все должны быть равноправными пользователями и распорядителями богатств земных, – и вот современные книжники воздвигают гонение на богачей и на капиталы, и проповедуют, что все должно быть разделено поровну, и что все должны жить сообща и общими трудами, так, чтобы не было собственности и при этом, предполагается, ни богатых ни бедных. Пропитанные такими умными, как им кажется, соображениями, расплодившиеся массы полуученой и недоученой нищеты и лени, сеют повсюду недовольство и раздражение против всего и против всех. Убедились своими изысканиями и умозрениями нынешние философы, что человек, по своей великой идее, есть гражданин целого мира, а не какого-нибудь узкого и отдельного уголка земли, – и вот внушается воспитывающимся поколениям, что племенным особенностям народов и их отдельному характеру и правам не должно быть придаваемо никакого особенного значения; так, что например русскому образованному человеку отнюдь не должно казаться святыней и чем-то дорогим свое родное и русское, по сравнению с чем бы-то ни было чужим и иностранным. Ходит и странствует по морям и отдаленным пределам вселенной всезнающая наука, или заседает в своих ученых кабинетах, созерцает небо, углубляется в землю, разлагает человеческий организм, вооружившись всякими целесообразными орудиями, и нигде не находит духа, а все видит осязаемое, чувственное и материальное, и вот проповедуется отрицание всего духовного и сверхчувственного и поклонение безграничной материи и вещественным всемогущим силам природы. Чем же должна казаться для таких поклонников, их же неисчислимое множество, религия, предмет и содержание которой именно и есть сверхчувственное, и духовное: Бог, душа человеческая и загробная жизнь?

Разумеется, она должна казаться суеверием, баснею, обманом и вообще невежеством; так что заниматься и интересоваться ею, в виду настоятельных и существенных нужд человека материальных, решительно не стоит вполне образованному и развитому человеку, – и если уж нельзя обойтись без разговоров об религии, то пусть предоставлено будет одинаковое право и полная возможность всем и всякому вести эти разговоры, как кому угодно; ибо стоит ли хлопотать много и беспокоиться о том, что по существу своему недостойно серьезного внимания развитых и образованных людей?

Что же сказать о всех вышеисчисленных открытиях и заключениях, до которых додумалась современная наука, и которые такую мрачную тень налагают на всю общественную и государственную жизнь нашу, и так сильно ее колеблют? То, что по выражению Апостола Павла, вся эта философия есть пустое обольщение – по преданию человеческому, по стихиям юродствующего в своем высокоумии мира, а не по Христу. В самом деле Христос не учил тому, чему учит современная мудрость. Когда в Писании говорится нам об общем равенстве прав человеческих, так, что *нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все мы одно во Христе Иисусе (Гал. 3:28)*; то говорится, собственно, о благодатных правах нашего оправдания в силу заслуг Христовых. В гражданских же правах и преимуществах земных проводится строгое и узаконенное различие, так, что заповедуется отдавать нам всякому должное: *кому подать – подать, кому оброк – оброк, кому страх – страх, кому честь – честь (Рим. 13:7)*, и предписывается даже *повиноваться со всяким страхом владыкам земным не только благим и кротким, но и строптивым (1Пет. 2:18)*. Не хвалит, а осуждает и Христос жестокосердых богачей; но не осуждает самого богатства, а заповедует только *не прилагать к нему сердца, когда оно течет (Пс. 61:11)*, и не позабывать неимущих и нуждающихся братьев. Но Он учит облегчать бедность и нужду в обществе свободно и любовно, а не каким-нибудь насильственным и всеобщим разделом имений и уничтожением прав собственности; учит не завидовать, а каждому трудиться

по мере сил и быть довольну своим жребием; об нищете же говорит, как о неизбежном хотя и горьком уделе некоторых членов человеческого общества на земле, и возвещает нам, что *нищих мы всегда будем иметь* (Мф. 26:11). Тому есть много неизбежных и неотвратимых причин. Рая на земле никогда уже не будет, после потери его нашими прародителями.

Учил также Господь Иисус Христос, в известной притче о милосердном Самарянине, не ограничивать нашей любви к ближним только единоплеменниками, а заповедал простирать ее на всех людей, хотя бы иноплеменных и чужестранных; однако же Он сам благоволил от одной крови Адамовой произвести разнообразные племена и языки на земном шаре, *назначив каждому из них предопределенные времена и пределы их обитанию* (Деян. 17:26), и отнюдь не указал нам, ради всеобъемлющей любви ко всему человечеству, стремиться к своему национальному обезличению, к забвению и презрению своих родных и народных особенностей и к попранию своих отечественных преданий; напротив любовь к отечеству и самоотвержение за благо и процветание своей родной страны в учении Господнем возвышается на степень величайшей добродетели, и Господом прямо обещается не только земное благоденствие, но и *первенство* между народами – тому языку и племени, в котором свято будут храниться Его Божественные заветы (Втор. 28:7, 13). И ученики Господни, внушая нам любить всех людей, какого бы племени и языка они ни были, однако же внушают *наипаче* ревновать о *присных в вере* (Гал. 6:10).

Наконец, что касается материального и плотского взгляда большинства современных ученых людей на жизнь человека и на его посмертное назначение, – взгляда, отрицающего присутствие в нас самостоятельного духовного начала и наше загробное бытие, – то этот неразумный и нечестивейший взгляд осуждается, можно сказать, на каждой странице Божественного Писания. *Истинное житие наше на небесех есть*, а пока мы живем на земле, то не должно у нас быть *постоянного града*, но должны мы *искать будущего* (Евр. 13:14), – вот что заповедует нам Господь, внушая этим, что попечение о душе, стремление к небу и вообще религиозное делание мы должны

ставить самым первым и самым священным своим делом, и следовательно отнюдь не должны беспечно и равнодушно смотреть и на то: кто, как и во что верует из наших ближних, и как склонны относиться к нашим религиозным верованиям люди с нами разноречивые, а тем более враждебные к нам.

Итак, благочестивые слушатели, примем к сердцу апостольское напутственное наставление на новый год, чтобы не увлекаться нам лживой философией современных мыслителей, желающих перестроить все наше общество на новых, но непрочных и гнилых основаниях. Не дадим опутать себя пустым обольщением – по измышлению человеческому и по стихиям мира, а будем крепко держаться начал Христовых, могущих обновить и нас лично, и все наше родное и православное царство русское, самым лучшим и желанным, и притом всеобъемлющим способом, и по душе и по телу, – и в материальном и в нравственно-духовном отношении. Будем крепко и самоотверженно любить свое отечество, с благоговением повиноваться своему державному царю, наипаче же возлюбим всеми силами своей души Господа Иисуса Христа и Его святой закон Евангельский. Аминь.

Поучение при погребении протоиерея Сергиевской церкви Григория Петровича Крылова (25 января 1883 г.)

Мы теряем лета наши, как звук. Дней лет наших – семьдесят лет, и при большей крепости – восемьдесят лет; и самая лучшая пора их – труд и болезнь, ибо проходят быстро, и мы летим. Научи нас, Господи, так счислять дни наши, чтобы нам приобрести сердце мудрое (Пс. 89:9,10,12)

Итак, учиться нам нужно по вдохновенным словам псалмопевца не только тому, как следует жить, но и тому, как вести счет дням своей жизни; и требуется особенная мудрость, посылаемая свыше, чтобы этот счет выходил у нас мудр, верен и справедлив. Слова псалмопевца будут понятны, если мы вспомним, как часто мы живем нерасчетливо, тратим дни свои за ничто, главную цель жизни своей опускаем из виду, и вообще о смысле жизни своей философствуем неправильно. Жизнь наша в своем временном и земном продолжении есть ничтожество. Пред очами вечного Создателя нашего, она как *день вчерашний, когда он прошел, и как стража в ночи*. Он как наводнением уносит их; *они как сон, как трава, которая утром вырастает, утром цветет и зеленеет, вечером подсекается и засыхает* (Пс. 89:5–6). Эта философия нам не нравится. Когда мы юны, нам кажется, что и конца нам нет. Когда мы в самой лучшей поре зрелости, то хотя и начинаем чувствовать жизненные труды и болезни, но истинного смысла этих трудов и болезней как будто не хотим все-таки и знать, – все рвемся вперед и вперед с своими надеждами и мечтами о счастье и об удовольствиях, отстраняя от сознания своего, что при самых лучших и счастливых обстоятельствах не прожить нам больше семидесяти или восьмидесяти лет и затем все же придется лечь в могилу, расстаться со всеми своими любимыми мечтами и надеждами и придти к сознанию вообще ничтожества и скоротечности жизни человеческой. Приблизить к своему сердцу это назидательное сознание и поучиться как следует считать

свои дни, – неблагоприятно ли нам теперь в особенности, у этого гроба?!

Приводя на память живую личность почившего и мысленно возвращая назад несколько десятилетий его жизни, когда мы, в качестве его учеников были свидетелями его зрелой умственной и физической деятельности, и затем пробегая воспоминанием этот сообща с ним прожитой нами период времени, действительно приходим к грустному сознанию, что жизнь есть как бы незаметный сон, и что мы летим, по выражению псалмопевца. Куда девалось это золотое время нашего отрочества, когда мы сидели еще в школе за книгами и запасались под его руководством начатками предварительных научных знаний? Как быстро отцвела наша юность! Как скоро настала зрелая пора с ее серьезными трудами и ответственными обязанностями и с чувствительными намеками на приближающуюся старость! Как грустно, погребать своего уважаемого учителя, с которым связано столько светлых и дорогих воспоминаний молодости! Достиг он конечно узаконенного предела человеческой жизни; но все же это живой намек для нас и наглядное указание, что смертью исподволь расчищается дорога и перед нами, что и наше очередное время сокращается, и что не увидишь, как промчатся и для нас положенные дни.

Научи же нас, Господи, так исчислять дни наши, чтобы нам приобрести сердце мудрое! А мудрость эта в том состоит, чтобы уметь наполнять наше короткое и летящее время плодовитым и богоугодным содержанием. В этом отношении мы многому можем поучиться у почившего пастыря и отца духовного здешних городских пастырей, бывшего некогда учителем наших юных унесшихся дней. Учительская его деятельность, на сколько в частности я ее помню и на сколько она меня и моих сотоварищей касалась, поучительна в том отношении, что он умел внушать своим ученикам глубокое к себе уважение и доверие, умел возбуждать детскую любознательность и приохотить нас к книге и к своим урокам, умел достигать беспрекословного послушания и строгого порядка в школе, совершенно не прибегая ко внешним наказательным мерам,

столь обычным в прежнее суровое время и столь распространенным в тогдашних школах. Бывало с его появлением в классе мгновенно наступала тишина; слову его мы внимали с величайшим интересом, его советы и внушения были для нас самой обязательной инструкцией. Попасть к нему в отделение – считалось преимуществом; не выучить ему урока было затруднительно и неудобно и для самых ленивых и рассеянных. Где тайна этих правильных и желательных отношений учителя к ученикам? В его серьезном и неповерхностном отношении к своему учебному делу, в основательном знании своего предмета, в сочувственном понимании юной натуры воспитанников, в педагогическом умении к ней приладиться и в глубоком сознании важности и ответственности учебно-воспитательного дела пред Богом, людьми и своею совестью. Этот урок в высшей степени пригоден для всех, кому дорого воспитание и обучение современных подрастающих поколений, этот урок должны в особенности принять к сердцу мы, трудящиеся в школах и поставленные в гораздо лучшие условия учебные, чем в каких был в свое время почивший старец–учитель. Окружая теперь молитвенно гроб его, мы по истине почтим его память, если займем у него ту любовь к учебно-воспитательному делу, ту серьезность и строгость отношений к этому делу, которыми он отличался в свое время, и в которых заключается вся тайна успехов педагогических. Мы со вздохами несем свое учительское бремя и нетерпеливо считаем месяцы и годы отбываемой нами службы; но Бог знает, чем станут поминать нас наши ученики и как плодovита будет для них наша служба, которая пробежит незаметным образом, как и вся наша жизнь. О, если бы нас ни в чем не укоряла тогда наша совесть!

Как гражданин и член общества людского, почивший упрочил за собою славу человека в высшей степени честного, воздержного, благожелательного и обходительного, домовитого и до последних дней своих трудолюбивого и деятельного. Все, кто ближе нас стоял к нему по разным житейским делам и отношениям, имеют, конечно, многочисленные доказательства и опыты этих драгоценных его качеств общественных. Пусть же

о окружающие сей гроб поучатся здесь и той высокой и привлекательной мудрости житейской, правилами которой назидают нас целые книги библейские, и от недостатка которой так часто бывают не устроены во всех путях своих нынешние себялюбивые и сластолюбивые, корыстные, нетерпеливые и празднолюбивые люди. Все для себя и ничего, или только кое-что, для других, – вот суть современной житейской философии. Как можно быстрее и хитрее обеспечить свое материальное довольство, не разбирая строго средств для сего, и если можно совсем без труда, или чужими даровыми услугами и средствами, – вот обычное правило нынешних измельчавших и слабодушных, и в то же время завистливых и сластолюбивых мудрецов житейских, боящихся всякого подвига и самоограничения и только умеющих ревниво назирать и подстерегать находящееся в чужих руках. Не от этого ли так замутились в наше время людские общественные отношения, так резко стала сказываться в людях недружелюбная рознь, борьба прав и поминутное столкновение интересов, всяческих искательств и эгоистических желаний? Не любил всего этого почивший, и не таких правил держался он в своей трудолюбивой, умеренной и в высшей степени честной жизни. Не надо и нам любить всего этого, а нужно воодушевляться иными высшими и более чистыми идеалами жизни гражданской и общественной. Если земная жизнь наша так непрочна в своем основании, так скоротечна в своем продолжении, если так мало мы можем взять с собою на тот свет, после всего нашего мятежа, трудов и хлопот житейских, и если нас там будут ценить тем выше, чем меньше в нас было самолюбивого рвения к своему личному плотскому благополучию, чем меньше в нас примечалось забвения прав, потребностей и заслуг наших сожителей и граждан земных: то какую цену получит при своем итоге и своей неизбежной развязке вся наша многомязежная жизнь, и какую оставим мы память по себе, если мы будем лишь бессознательно и безрассудно увлекаться потоком жизни, не считая и не ценя по-христиански дней своих, т. е. не употребляя определенного нам времени на пользу общую и на мирные подвиги братолюбия и нелицемерного служения

обществу в той преимущественно среде, в которую поставлены были промыслительною десницею Божиею? О, если бы в обществе нашем побольше нарождалось и умножалось таких авторитетных и живых примеров гражданской честности, трудолюбия, скромного довольства своим жребием и строгого исполнения своих ближайших обязанностей, к числу которых несомненно принадлежал почивший доблестный труженик на поприще Церковной и пастырской деятельности, новопреставленный протоиерей Григорий! Много бы залечилось современных язв общественных и скоро бы обновился к лучшему весь строй нашей гражданственной жизни.

Но особенно драгоценны и поучительны в новопреставленном рабе Божиим те качества его и подвиги, которые украшали его как пастыря и сына Церкви Христовой. Глубокая христианская вера и непоколебимое внутреннее благочестие, нелицемерное и искреннее послушание уставам и преданиям Церковным, благоговейно-сосредоточенное и неленостное предстояние пред престолом Господним, и молитвенное самоуглубление при ежедневных почти священнодействиях, – вот то обычное настроение, в котором пребывал и в котором подвизался дух почившего о. протоиерея. В последние годы и особенно в последние дни его жизни дух его видимо отрешался уже от всего земного и устремлен был к горнему и небесному. Постепенно, так сказать, предавая в руце Господни дух свой, почивший пастырь удостоился от Господа стяжать то поистине величественное христианское спокойствие, с которым ждут своего смертного конца только подвигом добрым подвизавшиеся борцы и подвижники христианского благочестия. Мне лично довелось быть живым свидетелем, как в этом же самом храме незадолго до своей кончины, по совершении вместе со мною погребального обряда над тремя сразу юными жертвами смерти в самый день своих именин, покойный о. протоиерей с добродушной старческой улыбкой заметил мне, что Господь в этом тройственном сочетании смертей посылает ему видимое предзнаменование, что он празднует уже последнее свое тезоименитство, и что конечно настала уже для него очередь оставить землю в ближайшем

будущем. Это предчувствие и предсказание о себе благочестивого старца оправдалось вскоре и на самом деле, и Господь послал ему мирную, непостыдную и христианскую кончину. Душа его тихо оставила земную храмину свою, напутствованная таинствами веры и надежды христианской, и отлетела на небо, чтобы предстать оправданною и спасенною пред Христом Спасителем, с которым быть и разрешиться от уз земных и телесных он имел столь постоянное возвышенное, и поистине апостольское желание.

Все это дает нам повод и право сказать скорбящим его чадам и присным, оплакивающим его кончину, чтобы они умерили и смягчили свою скорбь отрадною христианскою надеждою, что почивший их родитель не погубит мзды своей на милосердом суде Господнем и вчинен будет в селениях праведных. А нас всех предстоящих читателей памяти покойного – его многоплодная и долгих дней исполненная жизнь, равно как и по истине христианская кончина располагает с дерзновением вознести о нем молитвы к Господу Богу, да простит ему все вольные и невольные прегрешения его, и да ни во что же вменит их – ради тех добрых многочисленных деяний и светлых качеств боголюбивой души его, которых мы были свидетелями во время его земной жизни, наипаче же ради Своего неизреченного человеколюбия и ради бесценных заслуг Единородного Сына Своего и Спасителя человеков. Со святыми упокой Христе душу раба Твоего, новопреставленного протоиерея Григория; нас же всех, еще покуда остающихся на земном поприще, сохрани от обольстительной суеты мирской, пригвозди страху Твоему сердца наши, и научи так проводить и исчислять дни наши, чтобы нам приобрести сердце мудрое, и чтобы в назначенное Тобою время неосужденно явиться пред лицом Твоим и дать добрый ответ на страшном судищи Твоем. Аминь.

Поучение новобрачным⁷ (14 февраля 1883 г.)

Итак, друзья мои, вы сделались мужем и женою. Титул, по новизне своей, для всякого молодого слуха еще необычный, но в высшей степени почтенный и серьезный! Период зависимой опеки, период самодовлеющего и беззаботного детства для вас прошел навсегда. Период мечтательной и порывисто ищущей идеалов счастья юности, тоже остался у вас, можно сказать, уже назади, хотя прекрасная юность и остается еще в вашем полном и обоюдном пользовании. Но ваши мечты о счастье в полноте обоюдного супружеского бытия уже нашли свое осуществление друг в друге, как это вы давно себе сказали, предварительно обдумали и решили, а теперь говорите это пред Св. Церквью и всем нам. Ради этого серьезного и священного слова Церковь, благословила вас на совокупное и нераздельное житие, низвела на вас таинственное благословение Самого Господа Бога, и отселе сделала вас одною плотью. Как здесь в храме Божиим, так и по выходе из него, вы осыпаны будете, конечно, поздравлениями и благожеланиями счастья, столь естественными при виде вашего теперешнего необычайного положения и радостного настроения. Чувствую потребность и я, совершитель над вами брачного таинства, сказать вам свое поздравительное и благожелательное слово. Но прошу вас отнестись к нему с большею долею внимания и серьезности, чем к обычным брачным приветствиям; ибо я хочу говорить вам со слов апостольских, и скажу вам только то, что бы сам Апостол Павел сказал вам, – и скажу для того, чтобы в уме и сердце своем вы понесли отсюда христианскую идею брачных отношений, которая должна лечь в основу вашего взаимного супружеского счастья на всю последующую вашу жизнь; ибо есть, как может быть вам небезизвестно, разные ученые и практически житейские теории брака и бродящие у современных людей идеи о браке, либо неполные и односторонние, либо прямо

фальшивые, которые не создают и не устрояют семейного счастья, а только расшатывают его и подкапывают.

Известная и неоспоримая, кажется, истина, что когда несколько людей собираются жить вместе для какой-нибудь одной и общей цели, то в силу же этого самого объединения они, по необходимости, выделяют из себя вперед и во главу одного или нескольких членов с правами руководительной и начальственной власти. Ни одно дело не пойдет вперед, если все сразу с одинаковыми правами, с самостоятельными приемами и с разнородными вкусами будут касаться этого дела и наклонять его каждый в свою личную сторону. Ни одна общая цель не будет достигнута, если каждый член общего кружка будет ставить эту цель один там, другой здесь, иной в ином месте, и притом, если каждый будет приглашать идти к цели по своей, ему только известной, для него привычной и им любимой дороге. Отсюда вытекает нужда для государства в правительственных лицах, для разных менее крупных обществ в разных предводителях, председателях, старейшинах и т. д. Более сильные, более просвещенные и вообще более авторитетные неизбежно выделяются вперед, чтобы вести и руководить за собою других. Так устроила природа, так выходит по закону вечной правды, того требует сама польза человеческих обществ. Брачный союз есть тоже один из видов разнообразнейших человеческих союзов, но здесь соединяются только два лица, и притом разных полов для своей особенной цели, совсем иной, чем всякие другие общественные и гражданские, а потому и характер этого союза, как увидим, свой особенный, и устрояется он на совершенно иных основаниях. Но все равно, общий закон для всех союзов и здесь один и тот же: кто-нибудь из двух должен быть впереди и во главе, а другой в зависимости и подчинении, хотя и главенство, и подчинение здесь опять-таки иного и своеобразного характера. Кто же из супругов должен быть во главе и впереди? Как это ни странно, но отвечают иногда – никто! Оба де супруга должны быть равноправны и женщина ничуть не хуже мужчины. С особенною горячностью настаивают на этом иные женщины, предполагается современного высшего и научного полета;

иногда им поддакивают, с сомнительной впрочем искренностью, ученые мужи; но что всего прискорбнее и ненатуральнее – действительно иногда в семьях не умеют сохранить своего первенствующего достоинства мужа. На сколько это нешуточное и немаловажное, а напротив совершенно серьезное дело по отношению к христианской идее брака и для упрочения взаимного счастья брачующихся, – это видно из того, что сам апостол считает нужным прежде всего установить брачные отношения на следующих основаниях: *муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела* (Еф. 5:23). Это основное христианское законоположение о взаимных супружеских отношениях, столь согласное с непосредственным здравым смыслом, с природными дарами и особенностями мужчины и женщины, и с их общественным положением, я не имею нужды раскрывать с особенною доказательностью именно для вас, юная благонамеренная, благовоспитанная и здоровая чета, ибо знаю, что отдались вы друг другу без всяких предварительных эгоистических замыслов один против другого, и союз свой заключили без новомодных философских и социальных претензий, а главным образом потому здоровому и прекрасному чувству любви, которое по намерению и благословению Создателя, еще со времен первой людской четы влечет людей друг к другу с тою таинственной силой, что *оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут [два] одна плоть* (Быт. 2:24). Повторяю, нет мне нужды распространяться о первенстве и подчиненности пред вами, только что сочетавшиеся и любящиеся супруги, из коих один в полноте любви к своей подруге стесняется конечно не только настаивать, но и думать теперь о своем властительном главенстве, а другая по тому же чувству не умеет и представить своих отношений к избранному другу без всецелой ему преданности и сладостной заботливости – оградить и упрочить его любовь к себе своею кротостью и самоотречением для его покоя и счастья. Если же я поставил в начале своего поучения к вам апостольские слова о главенстве мужа и подчиненности жены, то единственно потому, что из этого основного положения о брачующихся апостол выводит дальнейшие и существенные

для них правила, которые особенно и хотелось бы мне в настоящие минуты напечатлеть как можно глубже в вашей памяти и в вашем сознании; ибо от них, от этих правил будет зависеть прочность дальнейшего вашего супружеского счастья. А нельзя же обходить основного, хотя бы и имелось в виду говорить главным образом о том, что из этого основного следует. По поводу же главенства и первенства мужа и подчиненности жены довольно будет, если вам только намекну и сошлюсь на опыты, что где этих вековых и нормальных отношений в семьях нет, там худо, а не хорошо; женщина не симпатична, а мужчина смешон; семейного благообразия и прочного счастья нет, оно постоянно колеблется и в огромном множестве случаев совершенно порывается и разрушается. Не столько важно знать, почему это так, сколько то, что это действительно так бывает. Так что Церковь даже молится, чтобы Господь помог супругам соблюдать надлежащие отношения: мужу быть главой, а жене не выдти из повиновения.

Выслушай же муж, что следует по апостолу из твоего главенства над женою. *Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною, посредством слова; чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна. Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь (Еф. 5:25–29).* Слышишь ли, сколько серьезнейших обязанностей влечет для тебя твое главенство и первенство, и сколько ставится условий, при которых оно только и может быть законно и целесообразно? Власть и первенство во всех других человеческих союзах, кроме супружеских, основывается на юридических и гражданских, то на образовательных, на финансовых, на родовых и на многих других правах. Но об них апостол не говорит ни слова, как бы предполагая, что все таковые права могут не только в равной, но иногда и в преимущественной степени принадлежать и жене. Твоя же власть и первенство, супруг, должны быть проникнуты

единственно любовью к жене, и, так сказать, на ней основываться, на любви непоколебимой и всецельной, подобно той, которую возлюбил Христос Церковь и всего Себя отдал за нее. И замечательно, что с особенною настойчивостию апостол заповедует любовь именно мужу, а не жене; как бы потому, что женщина и без того, по самой природе своей, создана более для любви и прочих кротких и нежных чувств, и как бы потому, что мужчина напротив, после нарушившейся в Едеме равноправности и независимости обоих полов, стал склонен основывать свою власть над женой более на внешних своих преимуществах, которые оставила за ним природа и дает ему его социальное положение в обществе. Отсюда, мне кажется, и возникли все эти, до некоторой степени, не обосновательные протесты нежного и слабого пола против деспотизма и властительства мужчин, доходящие до боязни и даже уклонения супружеских уз. Эту ненормальность и вред для общества апостол и хочет устранить, заповедуя мужу самоотверженную любовь к жене, узаконяя однако же за ним первенство и главенство над ней, но единственно на этом благородном, святом и всеобъемлющем чувстве любви его к супруге. По мысли апостола выходит так, что до тех пор, пока брачный союз не заключен, оба лица, ищущие супружеского союза, сколько угодно могут проверять и испытывать свои взаимные чувства и взвешивать разные внешние и соприкосновенные обстоятельства, могущие мешать или пособлять прочности их пожизненного единения, но раз что супружеский союз заключен, лице главенствующее в этом союзе, т. е. муж, ничем иным не должен руководствоваться, кроме крепкого как смерть чувства любви к своей супруге, ни чем и не попрекать, ни чем над ней не превозноситься, все дорогое, родственное и желанное для нее таковым же должен считать и для себя, и вообще заботиться об ней, как о своей собственной плоти, по выражению апостола, т. е. как о собственной личности, не чуждой конечно разных человеческих недостатков. Итак, пойми и сообрази, мой юный друг, с каким тщанием и с какою христианскою опасливостию ты должен беречь горящее в тебе теперь чувство любви к своей супруге во всю твою

последующую жизнь. На нем, как на фундаментальном камне, основываются все твои супружеские права, и, следовательно, с потрясением или утратой его могут поколебаться и они, иди принять жесткий и ненормальный характер, который попортит и иссушит все, чем вскрашивается счастливая семейная жизнь и унесет с собою всю поэзию благословенной брачной жизни.

Чтобы этого не случилось, апостол говорит о тех деятельных обязанностях, которые вытекают из мужниных прав, и которые должны дать жизненное содержание его любви к супруге и тем непрерывно поддерживать его энергию. Там, где этого содержания нет, где не сознаются или пренебрегаются эти обязанности, – там конечно самой искренней и пламенной любви не может стать надолго, ибо всякое человеческое чувство, только как чувство, не переходящее в плодотворную деятельность и не питаемое нравственно-разумными обязанностями, по самому понятию своему есть нечто скоро преходящее, застывающее и потухающее. Здесь-то и скрывается тот секрет, впрочем, весьма простой, отчего в наше время так много супружеств стали давать лишь темы для сатир и посмеяния насчет своей изменчивости и непрочности. Это именно оттого, что чувственные и мелкие люди в браке стали искать лишь его удовольствий и гоняться за наслаждением, а часто и за выгодами. Пресыщение, а за ним и охлаждение и вообще всякие разочарования не медлят, разумеется, наступать. Но не такова по своему характеру христианская любовь супругов, и не об ней апостол говорит мужьям. Образцом этой любви он ставит любовь Христа к Церкви, а куда наклонялась и наклоняется эта любовь? *Чтобы представить ее Себе славною Церковью, неимеющею пятна или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна* (Еф. 5:25). Итак, нравственно-религиозное преуспевание своей семьи, этой домашней церкви и прежде всего – своей супруги, как родоначальницы этой семьи и этой церкви, вот верховная обязанность мужа, как главы ее. Ему нужно быть образцом и блюстителем строгой нравственности, и светочем религии в своем доме, он обязан быть заправителем здорового и основательного воспитания своих домочадцев в евангельском

духе, он должен научить свою супругу этому делу, вдохновить на этот подвиг, он обязан довести ее и поднять до высоты нравственного совершенства, чтобы вместе с нею самому держаться не колеблясь. Чтобы с честью и достоинством сохранить за собою руководственное первенство в таком великом и святом деле, сколько нужно подвига и трудов над собою мужу, сколько самообладания и господства над своими страстями и грешными инстинктами, сколько благородной энергии в деле собственного самовоспитания, самонаблюдения и сосредоточенности! Сколько ему потребуется предусмотрительности, осторожности и силы характера, чтобы поддержать на святой стезе и уравнивать для себя дорогу для высшего усовершенствования. Так ни одно владительство и главенство задаром не дается.

Новый круг деятельности и новый ряд многосложных обязанностей для мужа открывается в следующих словах апостольских: *так должны мужья любить своих жен, как свои тела... а никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь* (Еф.5:28–29). Таким образцом попечения о материальном благоустройстве семьи, об удобствах и житейском покое супруги, о том, чтобы ей с ее детьми было сытно и тепло под опекою и под управлением деятельной и трудолюбивой руки мужчиной, – все эти нелегкие обязанности и многосложные труды преимущественно своей тяжестью возлагаются на плечи мужа, как первого ответственного лица за благосостояние его дома. А эти труды такого рода, что требуют не только преимущественной мускульной силы, но и преимущественной умственной энергии, преимущественной настойчивости в достижении задуманных целей, преимущественной умелости и мудрого такта в сношениях с людьми и в борьбе с разными внешними обстоятельствами. В то время, как жена силою ума и сердца своего обязана поддерживать жизненную теплоту, строй и красоту преимущественно внутри семьи, в то время, как она трудится около очага своего, муж обязан стоять на страже не только внутреннего, но и внешнего благосостояния своего дома. Он обязан направлять энергию всех своих сил к тому, чтобы не

суживался и не беднял круг жизненных и общественных начал, которыми дышит и живет его семья, а напротив, чтобы расширялся, богател и полнел. Он должен угадать, предусмотреть и отстранить все, могущее сжать и стеснить правильный рост и свободное развитие его семьи, согласно благородным человеческим потребностям и образовательно воспитательным нуждам. Ища защиты и поддержки в руке благого привидения, он обязан однако же не допустить, чтобы по его вялости, лени и наклонности опираться на чужие силы и средства, подкралась нужда к его семье и наложила свою грязную и убийственную руку на то, чем обыкновенно вскрашивается жизнь всякой порядочной благоустроенной семьи. Он должен успеть всякий раз правильно и благоразумно рассчитать свои наличные силы и средства и признаваемые в себе способности, чтобы уравновесить с ними действительные, а не напускные и излишние потребности своего дома, так чтобы не только в настоящем не колебалось его благосостояние, но чтобы делался запас и на будущее с предполагаемым нарастанием и умножением его домочадцев. Вот как много должен сделать и уметь делать муж в качестве главы своей жены и кормчего своего дома. Таким образом апостол, называя мужа главой жены, над чем обыкновенно недоумевают и чем огорчаются недальновидные, самомнительные и не по-христиански развитые женщины, отнюдь не думает как-нибудь унижить и огорчить женщину, а скорее внушает мужу, чтобы он стыдился удручать свою жену и отяжелять ее сравнительно слабейшие и более нежные силы теми обязанностями и трудами, которые подобают собственно ему, если он, как сильнейший, решился взять ее себе в помощницу и подругу. Дело не в титуле почетном, а в тех серьезных обязанностях, которые с ними связаны и которые, можно сказать, непосильны женщине. И если титул главы многим мужьям нейдет по превосходству над ними жен, то винить ли за это апостола, начертившего христианский идеал брачных отношений? Разве он, а не люди сами так часто устрояют и заключают разные неудачные, несоответственные, иногда прямо смешные, а иногда и совсем противоестественные браки?! Не смущайся,

мой юный друг, моими теперешними общими и, кажется, для всех присутствующих не безизлишними рассуждениями о браке, и моими наставлениями и вразумлениями, которые внушили мне лично для тебя – моего духовного сына, единственно мое расположение к тебе и одно бескорыстно благожелательное чувство. Если я распространился с некоторою подробностью о твоих новых супружеских обязанностях, то, во-первых, потому, что так поступает сам апостол, преимущественно назидая мужа, а не жену в том месте своих посланий, которое Церковь положила читать при бракосочетаниях. А, во-вторых, потому, что когда же, как не в момент брака и не под сению храма Божия, выслушать тебе все то брачное, к чему ты торжественно здесь обязался и что во всяком случае, – стал ли бы я поучать тебя или нет, – было бы для тебя одинаково обязательно, и кое что может быть и ускользнуло бы от твоего собственного рассуждения под иными развлекательными впечатлениями житейской суеты и житейских мелочей, и что может быть все-таки пришлось бы тебе выслушивать потом со стороны, и даже может быть от людей чужих, но уже в виде не совсем откровенных и прямых, не совсем благожелательных и потому горьких и уязвляющих намеков? В данное время, и так сказать на заре твоих радостных брачных дней, у тебя довольно имеется, как внешних вспомогательных, так и внутренних твоих собственных задатков для осуществления светлой христианской идеи мужа, а я только выразил желание, чтобы они не утрачивались и не истощались, а развивались бы и умножались.

По очереди мне следует и тебе, молодая супруга, предложить несколько поучительных и назидательных слов. Но то, что говорит апостол о мужьях, не мимо должно пройти и от внимания жен. В апостольских словах заключается обоюдное и совместное назидание обоим членам супружеского союза, ибо они суть одно, – одна плоть, так что, определяя значение и положение одного супруга, он тем самым определяет отношение к нему другого. По апостолу муж должен быть любящим, нравственным и деятельно заботливым мужем. Чем же всего натуральнее остается быть жене? Платя своему мужу тем же, чем дарит ее он, жена очевидно может считать свою

обязанность совершенно исполненной, если во всем ее поведении будет преобладать характер сознательно свободного сочувствия и деятельного вспоможения планам мужа, т. е. если она будет украшаться скромным подчинением ему и опасливою осторожностью, как бы своим личным желаниям, потребностям и привычкам не дать такой силы и направления, чтобы они стали поперек благим намерениям мужа, и тем не помутили бы доброго согласия и не помешали бы семейному счастью. Это именно апостол и хотел выразить, когда сказал: *как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем. Каждый из вас да любит свою жену, как самого себя, а жена да боится своего мужа (Еф.5:24,33)*. Это повиновение мужу и страх перед ним заповедуемые апостолом, обыкновенно смущают самомнительных и гордых женщин и преднамеренно толкуются ими в смысле безответности и раболепного страха перед властью мужа, чтобы провозгласить ее незаконною. Но ведь такой страх, если бы действительно его узаконил апостол, изгонял бы вон любовь, а между тем об ней-то апостол и говорит с особенною настойчивостию супругам, и в особенности мужу. Какой же страх и какая тяжесть повиноваться любящему? Если угодно, это действительно страх, но страх любви боящейся, чтобы это прекрасное чувство не было чем-нибудь оскорблено и вследствие сего не уменьшилось бы в своей силе. Если уже кому-нибудь из двух лиц супружеского союза должно принадлежать, по существу дела, первенство и главенство; то по отношению к нему как-то не пристала бы заповедь о повиновении и страхе, чтобы ни понималось под этим страшливым и опасливым чувством. Между тем по отношению к лицу не главенствующему, а лишь содействующему и помогающему, т. е. к жене, это выходит весьма натуральным; потому-то и апостол относится к ней с своим назиданием, как лицу повинующемуся. Но о мучительном каком-нибудь и тяжком страхе рабском и безответной покорности жены, доходящей до обезличения, и мысли нет у апостола. Какую же помощь и опору нашел бы себе муж в существе, которое было бы назначено только трепетать и умело бы только исполнять приказанное, и от себя ничего не могло бы ни выдумать, ни посоветовать, ни

повлиять на него, ни предохранить, ни поддержать, ни ободрить, ни успокоить, ни утешить? Такую унижительную роль нарочно выдумывают и напускают на себя незрелые, легкомысленные и сварливые женщины, чтобы, протестуя против нее, уклониться от прямых своих обязанностей супружеских или замаскировать свою неспособность и неумение их выполнить. Нет, власть в семье умной и здравомыслящей, доброй, любящей и верной супруги и ее влияние на мужа не только может, но и должно быть огромно. Указанием на эту власть служит ее брачный венец, которым она венчается на ряду с своим мужем. Тайна ее власти скрывается в ее любящем и нежном сердце, в ее нравственной чистоте и богобоязненности и наконец в той преимущественной и неразрывной близости, в какую ставит к ней сама природа ее домочадцев. Если не широк отводится ей круг общественной и гражданской деятельности, для которой природа не отпустила ей и сил достаточных; то в семье она венчанная царица, и лучшего и более почтенного положения она никогда и нигде не создаст для себя, кроме семьи, если Господь ее благословит супружеским счастьем. А в своем круге семейном она может найти для себя столько почтенного труда и, если угодно, подвигов, что ни о каких посторонних трудах вне семьи и ни о каких больших правах, чем женские и говорить не захочет, если есть в ней страх Божий, совесть и честь. Чего только стоят одни труды по воспитанию своих детей, от благоуспешной судьбы которого, можно сказать, зависит благосостояние целого общества. А это могущественное и непрерывное, хотя невидимое и тайное и неукладывающееся ни в какие наглядные и подробные правила, влияние на своего мужа, чтобы он не позабывал своих священных обязанностей, не рассеивался под влиянием разнообразных впечатлений, исходя по нужде за пределы семейного круга *на дело и на делание свое до вечера*, чтобы, возвращаясь в него, он мог находить здесь успокоение и почерпать новые силы для борьбы с тяготами жизни, чтобы он держался постоянно на высоте тройственного долга своего, как супруг, отец и гражданин, разве это невысокая и приятная роль, и как-нибудь унижает женщину? Заключу свое поучение к тебе,

молодая супруга, словами апостола Петра, которые как нельзя более идут к твоему теперешнему положению, *также и вы жены, говорит он, повинуйтесь своим мужьям, чтобы те из них, которые не покоряются слову, житием жен своих без слова приобретаемы были, когда увидят ваше чистое, богобоязненное житие. Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы, или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом. Так некогда и св. жены, уповавшие на Бога, украшали себя, повинувшись своим мужьям (1Пет. 3:1–5).* Постарайся воспитать, углубить и раскрыть в себе это драгоценнейшее чувство религиозное, и ты будешь согревающим и животворным светочем в своей семье, и брачное твое счастье будет совершенно упрочено.

Над обоими же вами да почиет благословение Божие низшедшее сегодня в таинственном священнодействии брака и совокупившее вас воедино на всю вашу жизнь. Аминь.

Речь при гробе И. П. Валентея (14 мая 1883 г.)

Зряще мя безгласна и бездыханна подлежаща, восплачите о мне друзи, сродницы и знаемии; вчерашний бо день беседовах с вами, и внезапно найде на мя страшный час смерти!...

Как много страшного и грустного всегда приходится видеть и чувствовать при гробе новопреставленных ближних наших! Грустно видеть, что живой и разумный человек, вчерашний день беседовавший с нами, обратился в бездыханный и бесславный труп, и ждет одной лишь темной и мрачной могилы, разорвав на веки всякие связи с живыми людьми и с радостями жизни. Грустно сознавать, что наш давнишний согражданин и добрый знакомый, много раз деливший с нами свои мысли, надежды и многообразные чувствования в непринужденной и добродушной беседе, навсегда вычеркнут из списка наличных граждан мира безжалостной рукою смерти, и остались об нем лишь одни воспоминания, которые с течением времени, разумеется, все будут слабеть и слабеть. Страшно сознавать, что и с нами рано или поздно, но неизбежно должно случиться тоже самое, что и нас вот так же положат в гроб, так же будут окружать соболезнованием и, конечно, молитвами и затем так же отнесут на кладбище, и оставят на вечное заключение и уединение в сырой и темной могиле. Еще грустнее сознавать ту насильственность и неестественность разрыва между живыми и умершими, в силу которой нет у нас ни единой возможности, чем-нибудь пособить нашим отшедшим братьям, что-нибудь спросить их, несмотря на то, что душевная с ними связь у нас не порывается, что сердце продолжает любить их, что воспоминание о потухшей жизни их с особенною силою и полнотою возникает в нашей мысли и в нашем чувстве около их гроба и вблизи их свежей могилы.

Но поистине всего грознее и страшнее неизвестность нашей общей человеческой загробной судьбы. Не опасение ничтожества, не боязнь того, что мы обращаемся в нуль, в прах

и пепел и ни во что больше, – как напевают иные странные и отчаянные мыслители, – нет, не это страшно: ибо сознание нашей неуничтожаемости и уверенность в продолжении нашего бытия в замогильном мире столь глубоко заложено в нашей природе, – что убить ее окончательно едва ли чем возможно, и вообще едва ли вполне искренна и непоколебима та отчаянная философия, в которой, как в тумане каком-нибудь, селятся укрыться люди не исполняющие, по неумению или нехотению, высокого человеческого долга жизни. Нет, удручающе страшен для нашей немощной и грешной совести неустранимый вопрос: какое отведут нам место на том свете? Какой цены окажется наша многомятежная земная жизнь на всевидящем и правосуднейшем суде Божиим? Во свете или в мраке окажемся мы там, удостоены ли мы будем хотя последней степени в Царстве блаженных и торжествующих духов, или того не будет?

Если бы мы остались с одними этими темными и тревожными вопросами, если бы одними собственными усилиями и соображениями мы захотели упорядочить свою земную жизнь и осветить мрак смертный при конце ее, то горе было бы нам. Кроме ужаса и мрака при гробе человеческом ничего бы мы не испытывали, кроме болезненного чувства неудовлетворенности и бесцельности своего бытия, ничего бы мы не выносили из своей земной жизни, а в продолжении ее кроме мятежа, скорбей и трудов, может быть вперемежку с некоторыми мимолетными удовольствиями, ничего бы не испытывали. Святая вера Христова приходит на помощь нашему немощному духу, вносит надежду и мир в нашу земную жизнь и светносными успокоительными лучами освещает для нас мрачную замогильную область. Само предвечное Слово Божие, Сам Единородный Сын Божий Господь Иисус Христос благоволил соделаться человеком, поднял на Себя все немощи естества нашего, прикрыл все наши неправды и слабости пред правосудием Отца Небесного, мучился и страдал за нас, Сам испил чашу смертную и Своим славным воскресением указал нам путь к небесной славе и открыл возможность, и при наших слабостях и немощах нравственных, приобщиться в будущем веке Его собственной славы и блаженства. Лишь была бы с

нашей стороны восприимлемость к Его благодатным дарам, лишь горело бы в нашем сердце чувство любви и благодарности к своему Спасителю, лишь имелась бы вера в Него, лишь выражалась бы она в каких-либо посильных деяниях наших, лишь полагались бы нашей немощной и слабой волей какие-нибудь задатки добра во время земного нашего подвига и странствования! *Истинно, истинно говорю вам:*, – сказал Он Сам милосердный Спаситель наш, – *верующий в Меня, имеет жизнь вечную (Ин. 6:47)*. Эти драгоценные слова бесконечно возлюбившего нас Сына Божия могут вполне успокоить нас, помирить с тяготами и неурядицами земной нашей жизни и с отрадою и успокоением позволяют нам глядеть в глаза самой смерти, как она ни противоестественна нашему бессмертному духу и как ни страшна нашей немощной совести.

Она же дает нам право с надеждою молиться и об упокоении новопреставленного раба Божия Иоанна. Кому из знавших его не известна его искренняя и глубокая вера в Господа Иисуса Христа, выражавшаяся в серьезном и благоговейном отношении ко всему, что касалось религии Христовой? Кому непонятно усердие его к благоустройству и благолепию сего храма Господня, его служебная точность, гражданская аккуратность и непоколебимое трудолюбие не только за страх ответственности, но и за совесть, его беспристрастное и честное отношение к людям, его обычное добродушие растворенное зрелостию рассуждения в домашнем и житейском быту, его нелицемерная и деликатная прямота на служебном поприще, его мудрая умелость долг свой править, его уважение и блюдение чужих прав и сочувственное участие к чужим и посторонним нуждам? «Муж верующий, серьезный, трудолюбивый, аккуратнейший и честный», – всякий, знавший покойного, несомненно помянет его этой заслуженной им похвалой! И за всем тем да восполнит Единый Святой и всесовершеннейший человек – Христос Иисус, обычные человеческие немощи и недостатки усопшего, да покроет Его Своим милосердием, да отпустит вольные и невольные прегрешения его, и да не лишит его общения и единения с

Собою в жизни Небесной, которого он искал и жаждал в продолжении своей жизни земной.

А мы, предстоящие гробу сему, знавшие и любившие почившего собрата нашего, и пока еще остающиеся в живых до положенного для нас Господом предела, к какому же последнему заключению и решению должны придти после всего виденного, сознанного и почувствованного вблизи бездыханных останков сих? Грустно, сказали мы, стоять возле гроба, страшна для нас близость смерти, но не в меньшей мере и поучительна. Видите, как одиноки мы и беспомощны оказываемся на смертном одре, как все, что волнует нас в настоящей жизни, что нам дорого и любезно в этом мире, остается позади нас при последней развязке нашей жизненной драмы! Так не лучше ли не закреплять слишком тесных и многообразных уз, связующих нас с грешным миром и его мимолетными утехами, не лучше ли исподволь ослаблять эту опасную связь и давать напротив как можно побольше простора своему бессмертному духу в его стремлениях к небу и вечности? Не лучше ли возлюбить нам всем сердцем и душою своего Спасителя и Господа, крепко взяться за руку Его и ходить, и действовать в мире сем лишь по Его указаниям и при свете Его Божественного закона. Может быть очень и очень недалеко минута, когда и мы почувствуем всю нужду в спасающей и милующей деснице своего Спасителя при переходе своем в вечность, подобно сему умершему собрату нашему? Обычный шум житейский и суeta мирская не дает нам благоговейно сосредоточиться в своем духе, и редко и редко обращаемся мы с молитвенными воздыханиями к своему Спасителю. Он непрерывно стоит у дверей сердца нашего и толчет, а мы — о, беспечность, неблагодарность и бесчувственность наша! не слышим Его призыва, не чувствуем Его присутствия и нередко даже становимся к Нему спиною. Что, если, после позднего пробуждения, после бессмысленно и нечестиво прожитой жизни мы станем звать Его, а Он нам скажет: *не вем вас, отыдите от Мене!* (Лк.13:27) Ах, братие, страшно и ужасно это предположение. Пробудимся и воспрянем от греха лучше теперь, пока есть еще время и усиленно начнем

вопить: Господи, даждь нам слезы покаяния и память смертную. Аминь.

Слово в день возвращения иконы Божией матери Боголюбской из города Владимира (16 июня 1883 г.)

Сегодня в последний раз зрим мы в нашем городе нынешним летом св. икону Царицы Небесной Боголюбскую. Так много святых чувств и благоговейных воспоминаний еще из детства соединяется у нас с этой родной святыней нашей, что у добрых христиан в нашей местной Владимирской среде всегда является некоторая грусть и скорбь душевная при виде торжественно удаляющейся иконы Богоматери, пред которой изливаем мы ежегодно несколько недель свои благоговейные чувства и воздаем ей поклонение в своих жилищах и храмах. Как будто Сама Небесная гостя наша, Сама Владычица Небесная удаляется от нас вместе с Своей чудотворной иконой. За ней же устремляется сердце наше с молитвенным воплем: не имамы иные помощи, не имамы иные надежды, разве Тебе, Владычице! Чувство достопочтенное, в ком оно есть, несмотря на то, что мы знаем и все уверены, что находимся под непрерывным покровом Матери Господа нашего, и что мы с одинаковою надеждою на милость Ее можем преклоняться и пред теми иконами Ее, которые остаются с нами и которыми украшаются наши храмы и жилища. Но дорого то, что пред чудотворною иконою Матери Божией, ставшею историческим памятником всесильного Ее покровительства над нашим городом, в добрых и религиозных гражданах наших является особенное благоговейное чувство радости при встрече ее и скорбного сожаления при проводах. Это есть признак, что вообще в сердце их имеется доброе религиозное чувство, и что в душе их не порвана невидимая и духовная связь между ими и Пресвятой Богородицею, а при этой связи есть для них и благая надежда спасения вечного. Скажем несколько слов о том, как бы сберечь нам эту дорогую связь, это общение духовное с Царицей Небесною, которое под растлевающим влиянием врагов нашего спасения может все слабеть и слабеть, и наконец до того ослабнуть, что останемся мы одиноки и можем

лишиться вовсе милости и покровительства Матери Божией. Да не будет сего! Напротив, да будет наше настоящее Церковное размышление хотя малым прощальным даром в честь и похвалу Пречистой Девы и отходящей от нас Ее достопоклоняемой иконы.

Побольше простора нужно давать духовной стороне нашей человеческой природы, крепче и серьезнее нужно помнить нам, что Господь Иисус Христос и Его благодатные дары, предложенные и предлагаемые для нас в святых семи Таинствах и во всех прочих учреждениях Церкви, суть наше лучшее и наивысшее сокровище, – вот первое средство сохранить и поддержать нравственный и духовный союз с Пречистою Божиею Материю. Наилучшим образом в этом религиозном настроении может служить для нас Сама Пречистая Дева. Вся жизнь Ее с самого нежного детства и юности до почтенной старости была, так сказать, непрерывным стремлением к Богу, постоянным отрешением от земли и восхождением к небу. Трехлетним Младенцем Она введена была в храм Иерусалимский для воспитания и сдесь до 15-летнего возраста упражнялась непрестанно в богомыслии, прилежала чтению слова Божия и предавалась молитвенному созерцанию и размышлениям о дивных путях промысла Божия в судьбах рода человеческого. Затем соделавшись Материю воплощенного из Нее Сына Божия, возросшего на Ее пречистых руках и воспитавшегося на Ее глазах, Она была Самою ближайшею слушательницею Его Божественных словес, которые слагала Она в сердце Своем, и непрестанною зрительницею Его дивных дел и чудес любви к людям, ради которых Он низшел на землю. После же крестных страданий, воскресения и вознесения на небо Своего Божественного Сына, Пречистая Богоматерь одну только самую глубокую думу всегда носила в душе Своей, как бы скорее переселиться от земли на небо и навеки соединиться с Своим возлюбленным Сыном и Спасителем рода человеческого – Господом Иисусом Христом. Предание говорит, что в последние годы Своей земной жизни Мать Божия непрестанно уединялась в Гефсиманию, где скорбел и тужил пред Мвоими страданиями Сын Божий, и

молилась там пламенно, чтобы Он не медлил взять Ее к Себе от земного странствования и переселил в Свои Небесные обители. Вот хоть бы несколько занять нам для себя у Матери Божией этой отрешенности от земли, этого устремления к Небесному отечеству нашему и этого молитвенного богомыслия и любви сердечной к своему Спасителю и Господу Иисусу Христу. С прискорбием мы должны покаяться, как в последнее время у людей, носящих христианское имя, стала слабеть ревность о вере и увеличиваться равнодушие ко всему, к чему приглашает людей и чему учит их Иисус Христос в Своем Евангелии. Высокие откровения, принесенные Им для людей с неба, наприим., что все мы погибали, что нам угрожало вечное осуждение и гибель, что теперь напротив все мы искуплены Его драгоценною Кровию, пролитою за нас на кресте, что мы сподобляемся благодатного перерождения в купели крещения, что есть теперь у нас все средства побеждать греховные и страстные наклонности своей падшей природы благодатию Св. Духа, что эта благодать обильными струями может изливаться на нас в Св. Церкви, что все мы лишь кратковременные гости на земле, что на том свете предстоит нам великая будущность, или бесконечно блаженная, или бесконечно горькая, судя по нашим деяниям на земле, что будет общее воскресение мертвых и в свое время откроется вечное Царство славы, – все эти великие откровения христианские часто как бы не касаются мыслей и сердец людей христианских, остаются для них мало и поверхностно известными, нисколько не занимают их души, а потому и в жизни их, и в деяниях как будто не приносят никакого плода. Постоянная суэта и смятение, постоянные толки и хлопоты все о нуждах и удобствах телесной жизни, как будто век нам жить на земле, и как будто кроме тела и нет у нас ничего, – это грубое и материальное направление стало самым заметным и характерным направлением большинства нынешних людей. Остережемся, слушатели, этого гибельного и постыдного для христиан направления. Может быть еще целы в нас некоторые искорки христианского благоговейства, оставшиеся от невинных детских лет. Побережем их и усилим заботливыми думами о своей загробной судьбе будем чаще

взирать на лик Царицы Небесной, изображаемый на Ее иконах, и чаще приводить на память Ее дивную и богоподобную жизнь, и сокровенные подвиги Ее смиренного и религиозного духа, и станем усиленно искать Ее помощи и содействия к таковому же устройению наших собственных мыслей и чувств. И Она с любовью возьмет нас под Свое покровительство и осенит Своим благодатным содействием, а мы будем чувствовать себя и действительно находиться в крепком нравственном союзе с Пречистою Материю Господа нашего, а при этом союзе и наше вечное спасение будет вполне обеспечено.

Но, с другой стороны, нам, как людям житейским и носящим плоть с ее малочисленными и притом законными потребностями, неизбежно приходится заботиться и о своем теле, и об удовлетворении потребностей земной нашей жизни. Беда и опасность наша не в том собственно, что у нас есть эти потребности, а в том, что мы склонны искусственно расширять эти потребности, гоняться за не всегда доступными для нас удовольствиями мирскими, и что большинство из нас добровольно ставит себе в прискорбную и болезненную необходимость жить выше тех средств, какие каждому из нас определяет Господь по нашему состоянию и общественному положению. По тщательному наблюдению за образом жизни людей нашего времени оказывается, что целая бездна непотребных дел совершается у нас именно потому, что люди силились жить не так, как им Бог велит по их состоянию, а как им собственно хочется, т. е. как можно шире и пространнее, как можно привольнее и прихотливее. Не потому ли в старину, когда жизнь была проще и менее искусственная, и когда люди жили ближе к природе и согласнее с ее законными и простыми потребностями, и самая жизнь была легче, и больше было во всем довольства, и меньше было преступных посягательств на чужое и общественное добро, и чаще люди вспоминали о Боге и о своей душе и были вообще религиознее нынешних людей? А нынче так разрослись потребности житейские, так утончились и осложнились наслаждения мирскими благами, и так усилилась жажда этих благ, что честных и законных средств для удовлетворения этой жажды у людей, разумеется, не

оказывается, отсюда возникает масса преступлений, масса бедствий и крушений человеческих жизней, целое море огорчений и нищеты и всяческого неустройства. А при таком направлении и строе нашей телесной и материальной жизни много ли у нас должно оставаться времени на попечение о своей душе, на размышления о небе и вечности, на удовлетворение самых дорогих и священных потребностей нашего духа? Конечно, очень мало, или совсем ничего. От того-то нынче так много людей и засыпают непробудным сном беспечности о судьбе своей богоподобной души, губят ее сокровища и обращаются в одну только плоть и кровь, как люди пред потопом, и совершенно теряют вид и образ христианский.

Надо же нам понять наконец, благочестивые слушатели, опасность, угрожающую нам с этой именно стороны, и постараться ослабить ее, сколько на то сил наших найдется. Опасность эта потому особенно велика и, можно сказать, неуловима, что потребности нашего тела и нужды нашей земной жизни имеют преимущественную некоторую чувствительность, громче всего о себе заявляют и потому способны казаться неотвратимыми и неизбежными в сравнении с потребностями нашего духа, которому не нужны ни пища, ни одежда, ни все прочее материальное. И потому, начиная с законных и обязательных хлопот о своем теле и его потребностях, мы удивительно как склонны бываем увлечься в этих хлопотах за пределы законного и должного, и совершенно позабыть о наивысших, но менее, так сказать, осязательных потребностях своего духа. Если не найдется в нас собственной крепости и зрелости размышления, чтобы отделить более важное и существенное от менее важного в наших потребностях, и чтобы поставить вверху потребности духа, а внизу и в подчинении наши телесные потребности, то будем по крайней мере руководствоваться готовыми и живыми примерами, как это можно и должно сделать. Высочайшим руководственным примером и в этом случае может быть для нас Пречистая Мать Господа нашего. Не смотря на то, что Она была царственная отрасль из дома Давидова, не смотря на то, что удостоилась быть Материю Самого Сына Божия, Творца и

верховного обладателя вселенной и всех ее сокровищ и богатств, жизнь Ее на земле протекла самым скромным образом, без всякой пышности, блеска и роскоши, которые подобали бы Ей по Ее неизмеримо высокому достоинству. По смерти Своих родителей, вовсе неизвестных по своему богатству, Она сделалась Обрученицею старца Иосифа, который был не более, как простой древодел, и конечно не мог окружить Ее какими-нибудь особенными удобствами житейскими. Самое величайшее событие в Ее жизни, рождение от Нее Спасителя мира, случилось при самой неудобной, и можно сказать, убогой обстановке, в Вифлеемской пещере, за городом и в скотских яслях. Неудобства и опасности бегства в Египет с Богомладенцем Иисусом Она претерпевает, как обыкновенная странница. Из Назарета, где поселилось святое семейство, Матерь Божия, тоже как обыкновенная путница, совершает во Иерусалим Свои религиозные путешествия пешком с Своим нареченным мужем и с подрастающим Божественным Сыном. Затем, когда Спаситель выступил на общественное служение роду человеческому, и Матерь Его разделяет с Ним труды переходения с места на место, как это видно из Евангельских повествований, смешивается с толпою верующих и простосердечных слушательниц Божественного Учителя, как обыкновенная смертная, смиренно и терпеливо дожидается иногда возможности беседовать с Ним наедине, пока Он кончит Свою беседу с народом, пользуется вместе с Ним приглашением на брак и другими опытами усердия преданных Ему семейств, и вообще следует в своей жизни по многотрудным стезям своего Божественного Сына, не имевшего на земле, где главу преклонить. Когда окончен был Спасителем подвиг служения роду человеческому, Пречистая Матерь Его оказалась без собственного крова и жилища, так что Господь со креста поручил Ее попечениям возлюбленного ученика Своего Иоанна Богослова, который и ввел Ее, по преданию, в собственный свой дом в Иерусалиме, откуда Она совершала, тоже по преданию, Свои далекие и многотрудные путешествия с проповедию Евангельскою. Вот как мало было удобств, и как

много трудов в земной жизни Царицы Небесной, и как дух Ее господствовал над нуждами и потребностями тела!

Попомним это, благочестивые слушатели, и с Ее невидимою и благодатною помощью поставим себе две цели в своей жизни: как можно больше заботиться о своем богоподобном духе и о наших обязанностях по отношению к Господу Богу и как можно умереннее и спокойнее быть в наших заботах о теле и его потребностях, дабы просторнее и удобнее было устремляться нашему духу к горьному и небесному отечеству нашему. Аминь.

Поучение воспитанникам Владимирской семинарии при начале нового учебного 1883–1884 года (25 августа 1883 г.)

Помолившись Господу Богу о ниспослании вам благодатной помощи в вашей нравственной жизни и в ваших учебных занятиях в новом начинающемся году, не хочу миновать своего начальнического долга напутствовать вас, любезные воспитанники, некоторыми сердечными моими советами и внушениями. Прошу выслушать их не как обычное и для формы совершаемое словесоворение, а как самое искреннее и горячее желание моего сердца, сочувственно заинтересованного вашими успехами и в нравственном и в учебном отношении. Не буду утомлять вашего внимания долгими рассуждениями о том, что вам следует хорошо учиться и еще лучше вести себя в нравственно-религиозном отношении, – это вы без меня ясно понимаете и очень хорошо знаете. Но хотелось бы выдвинуть для вашего внимания те основные качества и свойства душевные, при которых только и возможен и учебный и нравственный успех ваш, и которые, следовательно, иметь или приобрести вам неизбежно нужно.

Первое из этих качеств есть терпеливость и выносливость. Оно есть такое направление воли и характера, когда человек не хитрит и не лукавит, чтобы только уклониться и избежать препятствий, неотвратимо стоящих на пути к предположенной им цели, а мужественно идет им на встречу и умеет преодолевать и раздвигать их собственными и, так сказать, честными напряжениями своей воли. Что это драгоценное качество, столь нужное и во всяком деле, какое ни задумал бы человек, преимущественно нужно в вашем учебном деле, это не трудно разъяснить и доказать примерами. Есть тысячи дел и предметов, которые люди могут обделывать подставными силами и приобретать на чужой, так сказать, счет, т. е. без нагнетания своей личности и без напряжения своей воли. Иное можно купить на деньги, иное выпросить у друга и благожелателя, иного можно достигнуть хитростью,

ласкательством и даже обманом, иное можно получить сверх чаяния при неожиданном каком-нибудь стечении благоприятных, но независящих от нас обстоятельств, – и т. п. Но знания и сведения научные, – эта цель нашего пребывания в школе, – имеют два такие качества, при которых ничтожны и бессильны оказываются все вышеприведенные способы для их приобретения. Первое качество то, что их ни упросить, ни умолить, ни чем-нибудь подкупить нельзя, чтобы они сами зашли как-нибудь в голову к человеку, а он бы лежал на боку, да занимался какими-нибудь приятностями. Сколько бы нашлось людей, которые не пожалели бы тысяч, чтобы по первому желанию своему сделаться учеными и сведущими. Но этого нельзя, и не бывает. А второе качество то, что для приобретения знаний основательных и обильных требуются не просто только усилия собственные, но *большие* собственные усилия. Если бы не это второе обстоятельство, то сколько бы нашлось даровитых и способнейших людей, которые в то же время были и ученышими; но этого, как вам конечно известно, тоже очень часто не бывает. Первое качество знаний особенно должны иметь в виду те из вас, которые небогатыми наделены способностями от природы; а второе – те, которые не могли бы пожаловаться на скудость своих дарований, но страдали до сих пор ленью и беспечностью. И тем и другим, значит – всем вам оказывается необходимою та терпеливая выносливость, та настойчивость и неослабность в труде, о которой я сказал выше. До тех пор, пока мы не увидим и не найдем в вас этого качества, и сами вы не будете его ощущать в себе, до тех пор ни вам, ни нам нечего ожидать от вас. Только понапрасну будет убиваемо ваше учебное время, и будет только один грех и срам с вами. Срам – потому, что вы будете выходить от нас недоучками; а грех – потому, что при недостатке усердия и при лености вы не спасетесь от искушения восхищать себе учебные права разными уловками и хитростями, а в случае неудачи их будете малодушно вопить и жаловаться на учительскую, якобы, суровость и притеснения. А отсюда возникают тысячи неприятностей. Слова два лишних следует прибавить для тех из вас, которые чувствуют себя не способными и может быть

даже даровитыми людьми. У таковых есть привычка работать слегка и, так сказать, на бегу, в расчете на свои способности и на свой природный смысл, – а из этой привычки слагается и живет по преданию в школах чрезвычайно неверный и презрительный взгляд даже и на трудолюбивых и усидчивых воспитанников. Я знаю, что клеймятся они разными обидными прозвищами тупиц и зубрил, или же унижается характер и цель их трудолюбия, и завистливо сводится на то, якобы они хлопочут только о хороших баллах и о высшем месте пред товарищами, – что-де весьма унижительно для человека мыслящего и развитого. Все это чрезвычайно ошибочно, неверно и неосновательно. Я недаром указал вам на то второе качество знаний и прочного научного образования, что оно приобретается не просто с усилиями, но с большими усилиями для всех и каждого, не исключая и способных, и даровитых. Ведь область знаний не есть какое-нибудь неширокое поприще, точно обозначенное осязательными какими-нибудь и для всех видимыми границами и пределами, до которых дошел человек, и больше ему идти не куда, он вполне научный и знающий человек. Наука и знание, – ведь это такая безграничная ширь и даль, что чем человек способнее и даровитее, тем он быстрее должен бежать и усидчивее работать, чтобы сколько-нибудь посерьезнее удовлетворить в себе благородную человеческую жажду знания. Один из величайших ученых сравнивал область знаний с океаном и свои знания, и работы научные такими считал ничтожными, что называл их лишь собиранием раковин на берегу океана. Какой же способный и даровитый человек имеет право сказать, что ему не о чем много хлопотать и усидчиво надрывать себя, а только стоит присесть, – и предстоящее ему дело будет сделано? Даже, если взять какую-нибудь очень неширокую и вполне ограниченную и определенную область знаний, напр., ваш учебный курс; то, чтобы вполне усвоить и тщательно изучить его, – потребны непрерывные и притом самые напряженные усилия для самого даровитейшего и способнейшего юноши. Не думаю, чтобы нашелся из вас столь тупой и самомнительный самохвал, который бы сказал про себя, что он вполне хорошо изучил

языки, безупречно знает математику, в совершенстве обладает историческими сведениями и т. д. А если нет, то в чем же полагать заслугу и молодечество даровитого ученика, и на чем основано его издевательство над менее способными товарищами? Решительно ни на чем! Те по крайней мере делают свое дело по мере отпущенных сил, и, следовательно, безупречны; а он чем имеет право гордиться? Если, конечно, дело свести на то, чтобы кой-как сносно приготовить урок, и при снисходительности наставника получить от него похвалу; то, разумеется, способному ученику это всегда может удаваться. Но это по истине будет для него унижительно. Но пусть-ка он вздумает изучать уроки вполне основательно, не рассчитывая ни на какую снисходительность наставника, – и он тотчас же увидит, что корпеть, работать и зубрить ему также необходимо, как и всякому остальному. А ведь основательность и полнота знаний только и дает им цену. Значит, одно только близорукое и незрелое ребячество может похваляться тем, что оно-де не зубрит, а учится играючи – и все же успевает. Столь же неосновательно и даже прямо неблагородно унижать трудолюбие прилежных товарищей разными предположениями о корыстном искательстве с их стороны одних учебных преимуществ и о мелкой гоньбе только за удовлетворительными баллами. Что говорить, бескорыстное искание научных знаний вещь превосходная; но ничего унижительного нет и в том, если человек усердно занимается своим делом, не чуждаясь и практических каких-нибудь расчетов, и целей. Надежда получить должное за свое трудолюбие есть вполне законная и естественная надежда. Да едва ли и найдется какой-нибудь человек, который мог бы обойтись без всяких внешних побуждений в своей деятельности. Не нужно напускать на себя ничего лишнего и сверхдолжного. А эти похваляющие себя за бескорыстное и самостоятельное стремление к знанию ученики разве не рассчитывают, что их направление и отношение к науке будет оценено если не теперь, то после, если не у нас, то в других школах, куда они может быть себя направляют? Вообще подозрительны нападки на усидчивость и трудолюбие, проявляющееся в обыкновенной и узаконенной так сказать

школьными порядками форме. Едва ли не всегда в этих нападках скрывается порядочная доля скрытой зависти к товарищеским успехам, и без сомнения всегда большая доля сомнительности и мелкого педантизма. Нет, нет! Гораздо проще и натуральнее всем вам, господа, иметь в виду то свойство зрелых и прочных знаний, что приобретаются они лишь усиленным трудом, и, следовательно, всем вам без исключения надлежит быть в одинаковой степени усидчивыми и терпеливо настойчивыми в ваших учебных трудах. Вот тогда только и можно будет назвать вас истинно дельными и зрелыми учениками, а не верхоглядствующими школьниками и недоучками.

Второе качество, долженствующее быть фундаментом вашей жизни в школе, и без которого невозможны никакие ваши успехи, это послушание и повиновение вашим руководителям, наставникам и начальникам. По-видимому, послушливость есть качество, не имеющее положительного содержания, есть нечто отрицательное, а потому и не высокоценное. «Делай все не сам по себе, учись не по-своему, распоряжайся временем не по собственным соображениям, даже выбирай квартиру, друзей, компаньонов не по своему вкусу», во всем этом, по-видимому, нет никакой личной заслуги. Казалось бы, гораздо ценнее и выше следующие правила: «учись ходить без чужих помочей, умей сам себя устроить, определяй самостоятельно и свободно, что тебе нужно и не нужно, что полезно и вредно, вообще живи своим, а не чужим умом, как ребенок и недоросль»? А между тем послушание искони веков считалось величайшею добродетелью, и притом не монастырскою только и монашескою, а общечеловеческою, и я не без особенных оснований вменяю вам ее в неперемennую и священнейшую обязанность. Во-первых, не нужно спутывать понятия. Послушание не есть механическое, тупое и идиотское житье по чужой воле, а сознательное и свободное принаровление своей воли к чужой по доверию к ней или по уважению и любви, или просто по чувству долга и по складу самой жизненной обстановки, в которую мы поставлены провидением; а потому и для послушания требуется столь же умение и опытность,

сколько и ум. Недаром говорится, что несговорчивее и упрямее всех бывают глупцы. Выходит, что послушание не есть собственно отрицание своей воли и ума, а напротив есть практика этих способностей, есть ближайшее их приложение. Во-вторых, не нужно упускать из виду цель, какую всегда имеют, когда требуют послушания; а эта цель в том и состоит, чтобы со временем человек умел жить не чужим, а именно собственным умом и произволением. Лучше, говорят, жить своим, а не чужим умом. А что, если этот ум еще не зрел, если есть опасность, что он уклонится от истины, и если испортится от сего самая способность основательно различать добро и зло, полезное и вредное, благовременное и преждевременное и т. д.? Поступил по своей воле самый первый родоначальник своеволия – диавол, и что из сего вышло? Поступил по своей воле и наш прародитель в Едеме, – и что из сего вышло? Живут и теперь тысячи людей в своем необузданном привольи, – и что хорошего из этого выходит? В-третьих, не нужно забывать, что в человеческой природе уже само собой заложено много растлевающих и дурных начал, которые мешают людям идти прямой дорогой к истине и добру, которым не следует давать роста на свободном просторе, а следует их томить, ослаблять и исторгать, и притом, чем раньше, тем лучше, чтобы борьба с ними не оказалась опозданною и потому безуспешною. Опыты исторгания дурных начал в человеке и направления его на прямой путь истины и добра и суть опыты послушания, опыты подчинения своей личной и отдельной воли другой высшей и более авторитетной и законодательной воле. По всем этим основаниям послушание общеобязательно для всех решительно людей, и притом в такой степени, что чем менее человек учился слушаться и чем менее опытен в послушании, тем менее за ним можно признать прав на самостоятельное пользование своей свободой; потому что тем более для него настоятельно опасно злоупотребить своей отдельной и личной волей. Вот на каких общечеловеческих и непоколебимых основаниях я приглашаю вас к послушанию! Выше говорилось мною о трудности и многотрудности вашего учебного дела, для приобретения основательных и прочных знаний в школе; а где приходится

иметь дело с трудностями, там особенная нужда есть и в послушании; ибо что трудно, того большею частию и не хочется. А для послушливого человека потому-то и обеспечен успех в преодолении трудностей, что он умеет делать и то, что ему самому не хочется, а что ему повелевается от других. Если бы все были послушны, то были бы все и трудолюбивы, а вследствие этого и все более или менее успешны. Без первого не может быть ни второго, ни третьего. Так оно и случается с вами на самом деле. Не потому, например, вы слабы бываете в классических языках, что они трудны; а потому, что сами-то вы непослушны и самопроизвольно напеваете себе об их бесполезности и неприложимости. Точно так и математика, собственно, не по трудности и отвлеченности своей бывает для вас камнем преткновения, а потому большею частию, что по лени и непослушанию не хотите вы поднять или сдвинуть этого камня или перескочить чрез него трудолюбием. Точно также ваша неумелость, слабость и неопытность в сочинениях всего больше зависит не оттого, что это дело само по себе не легкое, а оттого, что вы не слушаетесь нас, чтобы приниматься за них как можно раньше до срока подачи, и чтобы больше ломать над ними голову. Так и во всем остальном; где нет послушания и терпеливого труда, там нет и успеха. Здесь опять следует мне сделать примечание о так называемых самостоятельных тружениках из вашей братии, развивающих себя не обычным путем школьного трудолюбия и изучения положенных семинарскими программами учебных предметов с их баллами и ответами наставнику и прочими, по их горделивому взгляду, мелочами; а путем неофициального изучения и секретного чтения книг с установившеюся за ними репутациею дельных, современных и развивающих книг. Ах, как не желательна и опасна такая самостоятельность в учениках, и как она дешево стоит в сравнении с самым простым послушанием и с самою обыкновенною аккуратностью иного ученика в его занятиях его прямым и ближайшим делом. Пусть ответят мне чистосердечно в своей совести эти самовольные развиватели своего юного ума по неположенным, а может быть даже запретным книгам, страдает у них, или нет, их ближайшее и прямое дело изучения

учебных предметов? Разумеется страдает и даже очень! Ведь, чтобы прочесть со вниманием и усвоить какую-нибудь солидную книгу, не имеющую связи с учебными предметами (о недозволительности чтения пустяжных книг у нас и речи нет), для этого надо затратить очень и очень немало свободного времени; а где его взять прилежному и исправному ученику? У него почти вовсе его нет. Вот и пойдет урезывание от урочного времени изучения обязательных наиважнейших предметов, и пойдет вообще беспорядок. И представьте, что ученики, отринувши священную обязанность послушания начальству и повиновения узаконенному долгу ученическому, все наложители бы на себя произвольный обет самостоятельного развивания себя вышеозначенным самодельным способом; – во что бы тогда обратилась школа? Ее пришлось бы просто закрыть! Но этим еще не исчерпывается все зло, которое происходит от непослушливого самообучения и саморазвивания учеников по недозволенным и секретным источникам в школе. Суть зла в том, что вместо саморазвития может выдти саморастление юных годов. До чего тонок, сладок и скрыт может быть яд в иной действительно ученой и серьезной книге, вы и представить себе не можете. Вас обольщает и манит к себе собственно оригинальность, свежесть и независимость мыслей в иной книге, и чем сильнее она идет в борьбу с известными установившимися нравственными, догматическими и социальными истинами, тем сильнее хочется и обязательнее кажется прочесть ее человеку, сознающему кое-что умное и в своей голове. Это очень понятно и до некоторой степени естественно. Но можете ли вы поручиться за себя, что прочтете эту книгу с независимой и зрелой критикой, сумеете выделить в ней добро от зла, истину от лжи? Напротив, не повлечет ли она вас за собою неудержимо, так что все в ней будет казаться чистой истиной и откровением свыше, и не засорит ли она ваше сердце и ум различными плевельными семенами, которые взойдут разумеется лучше всякого доброго семени и быстро принесут плод по роду своему. Вот почему лучше и безопаснее всякому учащемуся мальчику и юноше, закрывшись щитом послушания начальству и повиновения долгу, ограждать себя от

искусительных и ядовитых стрел запретного чтения, и заниматься усерднее прямым своим делом, хоть не так может быть интересным и заманчивым, но несравненно полезнейшим! Не полагаете ли вы, что, запрещая известного сорта книги, мы, по кажущейся вам отсталости и замоторелости в своих традиционных убеждениях, считаем все сплошь тьмою и непотребством в этих книгах, и с боязливою брезгливостью даже не велим никому и дотрогиваться до этих книг. Эта была бы смешная и наивная ошибка с вашей стороны. Неблаговременным, поймите вы это, только преждевременным и недосужным считаем мы для вас чтение таковых книг. Созрейте, выучитесь и вырастите сначала, тогда все можно и даже должно будет вам читать. И к тому времени, когда это случится с вами, появятся тысячи новых, интереснейших и мудрых книг, пред которыми негодною, пожалуй, ветошью будет казаться то, чем вы теперь обольщаетесь и ради чего губите свое невозвратимое ничем учебное время. Одним словом, будьте более послушны нам, и вы ничего не проиграете от этого в учебном и умственном отношении. Что же касается области нравственных ваших деяний, то сколь необходимо здесь послушание с вашей стороны, об этом, кажется, и рассуждать нет нужды, как о деле очевидном. Сдесь шагу нельзя сделать без послушания, ибо всякое нравственно доброе деяние по существу своему есть ни что иное, как опыт подчинения нашей косной и ленивой на все доброе воли закону и воле Божией. Этот закон и воля Божия в вашем ученическом и ежедневном быту начертана для вас до мелких подробностей в нарочито составленной для вас инструкции нравственных правил. Прочитайте со вниманием эту школьную свою инструкцию и сравните ее с общехристианскими предписаниями, – и вы увидите, что по духу и сущности своей это одно и то же. Поэтому то мы и настаиваем столь сильно на вашем послушании, что без него вы, собственно говоря, не можете быть нравственны. Иначе сказать: постольку вы и нравственны, как учащиеся воспитанники, поскольку нам послушливы, и наоборот – поскольку растет и развивается в вас самость, строптивость и непокорность, постольку умножаются в среде вашей и случаи

дурных деяний. Это, к сожалению, известно нам по горькому опыту. Сдесь у меня есть опять повод сказать несколько нарочитых слов о вашей самодельной морали и самомечтательных планах и надеждах жить гораздо лучше без инструкции, чем под ее нажимом и при наших взысканиях за ее нарушение. От вас же самих мне случалось слышать в откровенных беседах (к слову сказать – опыты этой откровенности вашей мне очень приятны, и только радовать меня могут), что многое нежеланное и непохвальное, что вы сами называете таковым, и что мы в вас усиливаемся искоренить, ослабело бы на половину и даже прекратилось бы само собою, если бы сняты были всякие запрещения и дана бы вам была свобода руководиться в нравственной жизни соображениями и побуждениями. Отчего же это так? спрошу я вас. Если и вы и мы считаем что-нибудь непохвальным и небезвредным, что же обидного и стеснительного для вас в наших запрещениях и взысканиях относительно этого непохвального и вредного? Каким образом, при совпадении наших общих желаний и взглядов, является такое распадение в ваших деяниях и поступках? Это что-то подозрительно, и какая-то фальшь слышится в ваших заявлениях. Приходится думать, что вы на зло начальству способны делать кое-что не надлежащее. А если это так, то разве можно считать искренним и серьезным заявляемое вами якобы свободное отвращение ко всему неодобрительному? Я намекаю собственно на такие деяния, неодобрительность и нежелательность которых нужно понимать, разумеется, не в безусловном отношении, а только в дисциплинарном и уставно-семинарском; сюда относится, напим., табакокурение, неблагоприятное шатанье неуказанным путем из корпуса или из квартир, небрежливое равнодушие или нарочитая небрежная шаловливость по отношению к казенным принадлежностям, противоуставное распоряжение учебным и неучебным временем, и много кой-чего подобного наберется. Так вот вы и говорите, как я слышал: «пусть снят будет запрет на табакокурение, и оно сократится на половину, а со временем и вовсе прекратится. Пусть свободнее будут входы и выходы из общежития, – и случаев секретного

убеганья по разным надобностям в неположенное время не будет. Пусть щедрее и невзыскательнее будет начальство к вещам и предметам, назначаемым для пользования учеников, – и они будут вежливее, добросовестнее, аккуратнее и бережливее к этим вещам и предметам и т. д.». Но не говоря уже о том, что такие соглашения и уговоры нам с вами не пристали, а нас бы за них имели право сильно осуждать, – что за ручательство такое особенное и что за основание имели бы мы надеяться, что непременно так и будет, как вы изображаете? А где же будет ваше послушание, которое, как мы видели, есть корень всякого добронравия? И можно ли рассчитывать, что человек, который не хочет слушаться и не умеет повиноваться чужой высшей воле, сам отлично хорошо управится с своей юношеской волей? Ни в каком случае! Только одному праведнику, т. е. известному и опытному бойцу добра, *закон не лежит* (1Тим. 1:9), и он обходиться может без всяких уставных указаний и приказаний. А вам еще надо подождать до этого. А если вам так любезна свобода и столь заманчивым, и привлекательным представляется жить в школе совершенно, как дома; то вы этого легко можете достигнуть, но опять-таки под условием послушания. Когда мы увидим, что вы считаете обязательным повиноваться нашим распоряжениям и делаете искренние опыты этого повиновения; то увидите и вы, как постепенно будет слабеть наша требовательность, а возрастать снисходительность и непринужденность в наших взаимных отношениях, и наконец вы почувствуете себя совсем на свободе. Дай-то Бог и вам и нам дожить до этого!

Я должен окончить свою беседу с вами указанием еще на одно наивысшее качество, от которого самым решительным образом зависит все то доброе, к которому я вас приглашаю и которое должно венчать и ваше терпение, и ваше послушание, – это богобоязненность или страх Божий. В нем-то и скрывается та могучая сила, которая вдохновляет человека на все добрые подвиги, в том числе и на учебные, и дарует ему способность отрешаться от своей греховной самости и подчинять ее долгу и закону; так что неуклонно терпеливым и трудолюбивым, и вполне послушным и благонравным и может быть только тот, в

ком есть искра страха Божия. С этой искрой человек все делает для Бога и как бы пред очами его, и потому не замешивает в свою нравственную деятельность никаких личных самолюбивых и страстных отношений к людям; и потому далее – дурны ли хороши ли эти люди, по его личному наблюдению и вкусу, но если они его начальники, – он считает незаконным и грешным выходить из подчинения им, а тем более восставать против их начальственных прав, когда они по долгу и совести своей усиливаются вести его к добру, хотя и не тем может быть путем, какой желателен для его личной воли и для его самолюбия. Вот вы признаетесь мне, что многое, и по вашему сознанию не желательное, делается между вами потому лишь, что оно запрещено, по одному значит молодечеству и школьному удалству. Но если бы был во всех вас страх Божий, то разве могло бы образоваться и долго держаться среди вас такое упорство? Ведь не столько перед нами грешите вы во всех случаях своего упорства и непослушания, сколько пред Богом; ибо не из наших личных прихотей истекают все наши распоряжения и приказания, а исходным началом своим имеют ту же волю Божию, которой угодно, как и нам, чтобы вы творили одно только доброе и благонравное. А что сказать о тех ваших проступках, которые гораздо уже поважнее простых дисциплинарных промахов, и которыми, я знаю, искренно и сильно гнушаются лучшие ваши товарищи? Зачем случаются эти проступки, и даже в немалом количестве? Отчего так слаб и труслив ваш товарищеский нравственный суд над дурными личностями из вашей среды? Отчего эти личности оказываются некоторой злой деспотической силой, от которой робко уклоняется и прячется невинная скромность и добронравие ваших избранников и первенцев в нравственном отношении? Причина одна – это недостаток страха Божия в вашей массе и толпе. Если нельзя избежать, чтобы в вашей многолюдной семье, как и во всякой, не было уродливых особей; то можно желать и требовать от вас, чтобы эти уродливости были исключениями, чтобы не оне, а благонравные и приличные воспитанники сообщали преобладающий характер вашему ученическому обществу, чтобы в нем не находило товарищеской

поддержки и сочувствия и не оставалось безнаказанным ничто дурное, противозаконное, срамословное, грубое и невежественное. Для этого вовсе не требуется, чтобы безукоризненные товарищи доносили и выдавали, так сказать, с поличным своих немощных и шатающих в нравственном и учебном отношении товарищей в руки начальства; это было бы конечно не любовно и не по-товарищески, и испортило бы ваши непринужденные и откровенные отношения между собою. Но требуется ваше деятельное, хотя домашнее и неофициальное, но сильное нравственное давление друг на друга, могущее с полным успехом заменить все наши карательные и исправительные меры. Возможно же это тогда, когда укоренится и разрастется в нас самих нравственно-богобоязненный элемент, так что вам самим будет претить все непотребное и неблагообразное, а испорченным вашим товарищам будет рискованно и стеснительно решаться на свои привычные деяния и ими оскорблять ваше нравственное, эстетическое и религиозное чувство. Среди целомудренных и невинных – неудобно нескромное и срамное слово. Среди занятливых и трудолюбивых – невесело и неловко ленивцу. Среди честных – особенно постыдно посягательство на чужую собственность. Среди скромных – невозможно буйство, и т. д. О если бы святое семя страха Божия уцеломудрило вас всех и образовало из вас крепко-нравственное юное общество! Какое бы прекрасное открылось бы тогда зрелище в нашем учебном заведении, и как быстро пошло бы в нем все к лучшему и лучшему! Помогите вам Господь Бог! Аминь.

Поучение при гробе о. протоиерея – А. И. Розова (20 февраля 1884 г.)

Теперь послушайте вы, говорящие: «сегодня или завтра отправимся в такой-то город, и проживем там один год, и будем торговать и получать прибыль»; вы... не знаете, что случится завтра: ибо что такое жизнь ваша? пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий! (Иак. 4:13–14)

Эти обличительные слова апостола Иакова, которые направлял он в свое время против суетливых миролюбцев, беспечных богачей и корыстолюбивых торгашей, все мы, предстоящие братия и сестры, до некоторой степени должны принять на свой счет – именно теперь, стоя возле сего гроба, вмещающего в себе останки собрата нашего, так неожиданно для нас и так внезапно для него самого похищенного смертью. Ибо ежедневная суетливая и мятежная жизнь наша, пополам с грехом переплетенная и движущаяся большею частью к телесным и мелким, а то и прямо к грешным целям, походит действительно на суетливый и шумный базар, а мы все, едва помнящие о своем высшем назначении и почти постоянно забывающие о небе, своем истинном отечестве, ради земли – этой временной нашей гостиницы, – все мы, говорю, походим более или менее на хлопотливых торгашей, гоняющихся за мелочами жизни и оставляющих в пренебрежении самое главное и существенное, что собственно и дает цену нашему существованию на земле и чем могли бы мы купить блаженную жизнь в вечности. Теперь послушайте вы, как бы так говорил апостол, вымогающиеся до времени в живых странники и гости земные, случайно столпившиеся в сии минуты возле мертвенных останков внезапно заснувшего могильным сном собрата вашего, вы – постоянно мятущиеся на жизненном поприще своем и вечно волнующиеся то тем, то другим, но всего реже своею будущею великою судьбою за гробом, послушайте этой безмолвной, но красноречивейшей проповеди, идущей из сего гроба и раздающейся из уст, так сказать самой смерти о том, что образ жития вашего на земли не таков, какому

бы следовало быть у разумных, непрерывно бдящих и трезвенных рабов Господних, готовых и в полночи внезапно грядущего Господа своего встретить со светильниками крепкой веры и с обильными делами любви и благочестия. Поймите хоть теперь и обнимите сердцем, как тихо и быстро может угаснуть жизнь ваша, подобно пару являющемуся на малое время, – а от ваших суетливых планов и расчетов земных что останется?

Да, братия и сестры, много грустных и суровых уроков дает нам смерть каждого знакомого и близкого нам человека!

Те истины горькие, которые мы в обыкновенное время стараемся отдалить от своего сознания, например – что смерть неизбежна для всех нас, что удовольствия телесные и блага мирские обращаются в ничто в конце нашей жизни, что бременем тяжким отягощают на душе нашей земные и грешные привычки наши, когда позваны будем мы на суд перед Господа, – все эти горькие и страшные истины при виде бездыханного трупа всякий раз невольно сжимают сердце наше, как бы ни было пристрастно оно к земле и как бы ни сильно рвалось оно прочь от ужасов смертных. Но урок, который мы слышим сегодня, и именно у сего гроба, содержит нечто особенно грустное и неприятное для нашего животолюбия и для нашей беспечности греховной. Что умереть нам должно всем рано или поздно, с этим мы, хоть и весьма неохотно, соглашаемся и возражений против этого не делаем; но что умрем мы завтра, а может быть нынче, даже сейчас или сию минуту, – это нам представляется совершенно невероятным, и самую мысль об этом мы прочь гоним, и пересчитывая в своих воспоминаниях знакомые нам случаи внезапных и неожиданных смертей, себя мы решительно исключаем и обходим в этом счете, и считаем как бы застрахованными от таких страшных внезапностей. На каком же основании? Не на том ли единственно, что случаи внезапных смертей, по милости Божией, сравнительно редки? Так. Но почему же все другие, только не мы должны опасаться этих сравнительно редких, но тем более страшных случайностей? Вот и почивший собрат наш поистине мог бы сказать теперь словами церковной песни: *«вчерашний день*

беседовах с вами, не собираясь умирать, – и внезапно найде на мя оный страшный час смертный»!

Что же такое за особенное уверение носим в себе мы, чтобы считать свою смерть не за плечами у себя, а за горами? Разве настолько мы богаты здоровьем и настолько вообще крепок наш телесный состав, чтобы во всякое время мог выдержать он и вынести разрушительное влияние стихий, приразившееся к нам от какой-нибудь нашей неосторожности, или просто от непредвиденной нами и независящей от нас несчастной и неблагоприятной случайности? Насколько ли мы мудры, благоразумны и проницательны, чтобы предусмотреть все таковые случайности, и на всякий раз оградить себя от них? На столько ли мы – далее – ведем правильную, безукоризненно-нравственную и вполне сообразную с законами богоподобной нашей природы жизнь, чтобы таящееся в нас незаконное семя, с которым мы зачинаемся, и грех, в котором рождаемся, не могли внезапно вспыхнуть от какого-нибудь нашего страстного увлечения и сокрушить наши бранные силы духа и тела? Наконец – настолько ли мы стяжали своими добродетелями милость и любовь Господа Бога, чтобы носить в сердце своем несокрушимую уверенность, что провидение Его на всякое время и на всякий час сохранит нас яко зеницу ока, что душа наша будет *завязана в узле жизни у Господа Бога*, по выражению Писания, а не *бросит Он ее как бы пращею* (1Цар. 25:29) в урок и пример небрежным, беспечным и ленивым грехолюбцам? Решить все эти вопросы должна бы сейчас же и сию минуту совесть каждого из нас, чтобы знать нам и ведать, имеем ли мы твердое и серьезное право, или нет, считать себя безопасными от смертных внезапностей. «О, Боже, Боже наш, кто из нас доволен к сим»! вот, мне кажется, самый естественный и самый правильный ответ, который только мы и можем дать на все вышеозначенные вопросы. Если мы еще живы и существуем на земле, несмотря на свои премногие грехи и беззакония; то единственно потому, что еще не лишаешь ты, Господи, нас своей благодати. Но лишь только отворишь милосердное лице свое от нас, – и мы исчезнем и в персть свою возвратимся. Вот каким покаянным воплем, мне

кажется, должно откликнуться и вздохнуть сердце наше на все вопросы нашей совести по поводу грустных дум, навеянных у гроба сего!

Но не все говорить о себе; не может обойтись без слова любви и утешения и о самом почившем наша братская о Христе любовь к нему, столь сильно и скорбно пораженная его внезапным удалением из среды живых и переселением в область бессмертных духов. Что сие, еже о нем, бысть таинство? Почему именно с ним приключилась та страшная неожиданность, о которой мы только что рассуждали, от которой с болезненным смущением отвращается сердце наше, и о которой сожалеет наша любовь к почившему, столь памятного для нас кроткими и добродушными чертами своего характера, искреннею верою в Христа Спасителя, смиренным благоговением перед святою церковию православною, доброжелательными и незлобивыми отношениями в своим ближним, и многими другими поистине прекрасными и достолюбезными качествами, украшавшими его как человека вообще, и как пастыря духовного в частности? Поистине, не можем мы понять таинственного смысла, совершившегося над собратом нашим события, и потому весь суд о нем предоставим единому милосердному сердцеведцу – Богу. Не можем однако же не припомнить здесь для своего успокоения одного евангельского события. Однажды пришли ко Спасителю некоторые люди и рассказали Ему о Галилеянах, кровь которых внезапно пролита была по жестокосердному распоряжению Пилата. *Иисус сказал им на это: не думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам!... Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих во Иерусалиме? Нет, говорю, вам! Как же именно учил Господь рассуждать о судьбе сих, так безвременно и внезапно отошедших в вечность людей? Весь суд об этом Господь предоставил себе, а для нас извлек из этих случаев и предложил одно только назидание, чтобы мы грешные были как можно осторожнее и были бы готовы во всякое время испить чашу смерти, дабы предстать*

неповинными на суд Господень. *Но если не покаетесь, учил Господь, все также погибнете (Лк. 13:1–5).* Это значить, что мы должны не столько предаваться рассуждениям об участи и судьбе других и осуждением их деяний, сколько должны быть озабочены своею собственною участью, которая может быть и хороша и худа, и блаженна, и плачевна, судя по нашим деяниям и заслугам на земле. А примеры и случаи внезапных позывов в вечность из сей кратковременной и тленной жизни должны располагать нас к непрерывному трезвлению и бодрствованию духовному. Так мы и поступим в настоящем скорбном случае. Предав в руце милосердного Господа судьбу новопреставленного раба Божия протоиерея Алексия, прольем о нем горячую молитву, да покрывает Господь Своим милосердием все вольные и невольные согрешения его. Мы имеем крепкое упование на милость Божию для почившего; ибо с кротким и добродушным, каков был почивший, неужели не будет поступлено кротко и на милосердном суде Господнем? Имевшего крепкую и живую веру в Господа Спасителя неужели отринет Он, Сам сказавший: *верующий в меня имеет жизнь вечную (Ин. 6:47)*? Пастыря доброго, смиренного и благоговейно простиравшего руки свои пред трапезою Господнею для таинственного священнодействия Тела и Крови Господней неужели отринет Господь, Сам сказавший о Себе: *Я хлеб живой, шедший с небес; ядущий, хлеб сей будет жить во век; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира (Ин. 6:51)*? Раба Божия, чуждого всякой лести и своекорыстного искательства, самоуничиженно смирявшего себя пред всеми и нелицемерно возносившего других пред собою, как это делал почивший, неужели не вознесет Господь во спасение и не откроет пред ним двери Своих небесных чертогов? Да не будет!... Сами же мы, братия и сестры, молясь с любовью о почившем собрате нашем, будем наблюдать непрестанно, како опасно ходим и мы сами, как лукавы скоротечные дни нашей жизни, и как неожиданно можем мы очутиться у края собственной своей могилы. И потому с усиленным чувством и коленопреклоненным усердием будем молиться с Святою Церковью, да дарует нам Христос Господь

христианскую кончину живота нашего, безболезненну, непостыдну, мирну, и да сподобит нас доброго ответа на страшном судищи Своем. Аминь.

Слово в день венчании на царство Благочестивейшего Государя Императора Александра Александровича (15 мая 1884 г.)

Христос Воскресе!

Примечательный и в высшей степени характерный случай из проповеднической деятельности великого учителя языков св. апостола Павла предлагает нашему вниманию нынешнее чтение из богодухновенной книги «Деяний Апостольских». Случалось ему быть в городе Афинах, знаменитом центре тогдашней греческой образованности, в городе переполненном учеными людьми всех научных отраслей, – знаменитыми философами, великими ораторами, известнейшими поэтами, и проч... Когда впервые раздалась здесь проповедь Павлова о Христе Спасителе и Его учении, она тотчас же сделалась предметом горячих словопрений между эпикурейскими и стоическими философами, и возбудила в Афинянах, по-видимому, живейший интерес к самому предмету проповеди; так что ученые афинские мужи пригласили новоприбывшего христианского учителя в самый ареопаг, т. е. в высшее ученое свое общество, и сказали ему: *можем ли мы знать, что это за новое учение, проповедуемое тобою? Ибо что-то странное ты влагаешь в уши наши. Поэтому хотим знать, что это такое* (Деян. 17:19, 20). Тогда полилась вдохновенная речь великого апостола. Похвалив Афинян за особенную некоторую набожность, в силу которой они в своем городе исполненном статуй, изображавших всевозможные божества, воздвигли жертвенник некоему и «неведомому Богу», св. Павел объявил, что об этом то до сих пор неведомом для язычников Боге, он и хочет проповедывать в Афинском ареопаге. Затем предложив основные и чистые понятия о божестве и вкратце изложив историю богоуправления и домостроительства спасения рода человеческого, он перешел в своей проповеди к совершителю нашего спасения Господу Иисусу Христу – Сыну Божию,

имеющему судить некогда всю вселенную, и в заключение своей проповеди остановился на величайшем событии в земной жизни Богочеловека, именно на Его славном воскресении из мертвых. Умолк великий благовестник христианства, и какие же оказались плоды его апостольства в ученой афинской среде? Услышав о воскресении мертвых, одни не стеснились грубо насмеяться над ним, а другие с уклончивой и пренебрежительной иронией сказали ему: *об этом послушаем тебя в другое время. Итак Павел вышел из среды их*, замечает книга Деяний Апостольских. Лишь некоторые мужи, пристав к нему, уверовали, и в числе этих уверовавших оказался даже один из членов ареопага Дионисий, и некая благородная женщина Дамарь (Деян.17:32,33,34). Чем объяснить столь слабое влияние на ученую афинскую среду вдохновенной апостольской проповеди, покорявшей Христу целые города и веси? Среди многих других причин таже священная книга Деяний Апостольских открывает нам одну следующую: *Афиняне же все и живущие у них иностранцы ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое* (Деян.17:21). Этими словами обозначается некоторое мелкое и поверхностное направление умов, жаждущее не умственного труда, а только умственных развлечений и приятных раздражений любопытства одною только новизною речей, оригинальностью и смелостью суждений, – направление не умеющее и не любящее углубляться в многообъемлющую сущность вещей и не привыкшее слушать истину, откуда бы она ни шла и чтобы ни говорила, хотя бы нечто горькое и совершенно не согласное с облюбленными мнениями, нажитыми вкусами и укоренившимися пристрастиями. Такое жалкое направление, совершенно несоответствующее характеру истинной, т. е. глубокой и многообъемлющей образованности, может образоваться от двух противоположных причин: либо от недостаточности, отрывочности и вообще скудости познаний у человека, не успевшего заpastись ими в благоприятную и юную пору своего предварительного обучения и воспитания; либо наоборот – от умственного так сказать пресыщения, когда

человек бывает подавлен массою разнородных знаний, льющихся отовсюду в его голову, но которых он надлежащим образом переварить и усвоить не может или по природному бессилию своего ума, или опять вследствие неблагоустроенности его предварительного воспитания, научившего его жить не всеми сторонами и силами душевными, а только одной какой-нибудь, напр. головной и умственной, когда при этом сердечная и практическая сторона остается у него в забытии и заброшенности.

От чего бы, впрочем, ни происходило такое умственное состояние и направление, как у Афинян в апостольские времена, это состояние в высшей степени неблагоприятно для насаждения и распространения истинных и здравых понятий преимущественно в религиозно-нравственной области. Детской простоты и веры и доброй восприимлемости ума для сверхопытных и небесных истин религии нельзя искать в людях с таким направлением; в них напротив всегда примечается склонность к неверию, насмешливое и презрительное отношение ко всему духовному, и при этом масса самомнительности и кичения своими познаниями при действительной незрелости и даже умственном убожестве. Если еще при этом и сердце бывает засорено у таких людей разными греховными пристрастиями и похотями, то они поистине представляют из себя самую каменистую и поэтому самую неблагоприятную почву для проповедников и сеятелей слова Божия. Это и доказали своим примером Афиняне с своею измельчавшею и поверхностною ученостию, то подвергавшие сомнению и отрицательной критике все умственные приобретения времен предшествующих, то оставя всякую философию – утопавшие в чувственных удовольствиях и в самом утонченном разврате, то предаваясь самому мрачному отчаянию – отвергавшие всякий смысл и цель самой жизни человеческой и проповедовавшие одно только бесстрастное и тупое терпение и даже самоубийство. Поэтому в слове Божиим мудрость человеческая, всегда почти страждущая указанными недостатками, изображается как нечто суетное, малоценное и даже враждебное религиозной истине. Так апостол Павел

говорит: *никто не обольщай самого себя. Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, то будь безумным, чтоб быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как написано: уловляет мудрых в лукавстве их. И еще: Господь знает умствования мудрецов, что они суетны* (1Кор. 3:18–20). А как случилось самое обновление мира, когда на помощь человечеству, погибавшему и в умственной и нравственной тьме, самолично явился на земле Сам Сын Божий? Вот как: *когда мир своею мудростию не познал Бога в премудрости Божией*, говорит тот же богодухновенный апостол Павел, *то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих* (1Кор. 1:21), а проповедь шла о Мессии и Богочеловеке распятом, т. е. о том, что для Иудеев было прямым соблазном, а для ученых еллинов явным безумием. Что ж однако из всего этого вышло? То, что слово крестное возобладало над всем миром и его преобразовало: *где же оказался мудрец? Где книжник? Где совопросник века сего? не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие* (1Кор. 1:20). Поистине так! И из мудрецов мирских оказалась лишь самая малая часть в числе спасаемых и верующих, так что св. апостол Павел имел полное право с грустью говорить своим ученикам: *посмотрите, братия, кто вы призванные: немного из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных. Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное. И незнатное мира и уничиженное и ничего незначущее избрал Бог, чтобы упразднить значущее* (1Кор. 1:26–28). Сам Спаситель наш Иисус Христос славословил Отца Своего Небесного за то, что тайны принесенной с неба премудрости Евангельской утаены были от премудрых и разумных, и открыты младенцам по сердцу и душе (Лк. 10:21).

Переходя теперь мыслию нашу от древних апостольских времен ко времени настоящему, и от народов иноплеменных к нашему собственному отечеству, нельзя с грустью не приметить, что и у нас есть великое число людей, то равнодушно, то насмешливо, а то и прямо враждебно относящихся к христианскому вероучению. Этим людям желалось бы научить

нас всех чему-то новому, недавно ими открытому и, по их мнению, несравненно более разумному, чем все то, пред чем мы привыкли преклоняться и благоговеть, как пред высочайшей истиной. Как-нибудь урезонить этих мнимо-ученых и образованных людей и дать им почувствовать, что чем новее основные пункты их мирозерцания, тем они дальше от истины, и чем современнее их философия, тем она фальшивее, – сделать это почти нет никакой возможности. Гордо прикрываясь своею недосыгаемой ученостью, и ссылаясь на выводы и открытия науки, они презрительно отвергают, как не заслуживающее вероятия, все несогласное с этими выводами, хотя они – эти выводы и открытия нередко бывают лишь предположительного и притом самого темного характера, и составляют еще предмет горячих споров между самыми учеными знаменитостями. Попробуйте заговорить с ними, например, о Господе Боге языком Библии и Евангелия, о том, что Господь есть личный, всемогущий и ни от кого независимый творец вселенной, промысляющий о ней во всех ее подробностях и частностях, радеющий как Отец о всех неразумных тварях и в особенности о людях, созданных по образу и по подобию Его, – и они с высокомерным неверием заметят вам: «что-то странное и неосновательное ты влагаешь в уши наши»! Поведите речь об ответственной свободе человека, о его бессмертной душе, о будущей вечной жизни, где предстоит самый строгий и справедливый расчет людям за все их земные деяния, – и наши ученые и умные люди современные с снисходительным пренебрежением может быть ответят, как апостолу Павлу афинские ученые: «об этом послушаем тебя в другой раз»! Грустнее всего то, что легкомысленная холодность к вере Христовой и отрицание ее догматов, деятельно распространяемые горделивыми и заблуждающимися представителями новейшей мнимой науки, не желают царить в одной научной области и скрываться только в ученых книгах, а дают себя чувствовать самыми прискорбными и вредными последствиями в нравственном настроении читающих и слушающих масс общественных. Можно сказать, что все современные общественные беззакония и преступления, и

политические, и гражданские, первоначальным источником и корнем своим имеют нынешнее противурелигиозное и противухристианское направление мысли общественной. И какое в самом деле может быть уважение к закону, повиновение установленным властям, радение о благе ближнего, какая вообще честность и нравственность там, где отсутствуют страх Божий и поколеблены самые основы нравственности грубой материальной философией, которая отрицает бессмертие души человеческой, а самого человека приравнивает и по его природе и по назначению к бессловесным животным, которая вместо личного Бога проповедует какие-то слепые и безграничные силы природы, и вообще все сверхчувственное и духовное покрывает густой тьмой, подвергая сомнению и отрицанию? Надо молиться Господу, чтобы не плодилась и не множилась у нас такая гнилая наука и малоценная философия.

Но, конечно, надо нам и меры какие-нибудь употреблять против столь губительного и ядовитого зла. Как же надо действовать и что предпринять? Не придавить ли вовсе науку, не сократить ли до самого меньшего круг образованных людей, и не наложить ли запрещение на всякие вообще самостоятельные умственные попытки? Такой именно несправедливый, нерасчетливый и неразумный характер люди неблагонамеренные и силятся навязывать властным распоряжениям наших блюстителей общественной веры и нравственности, когда они вынуждены бывают полагать некоторый предел зазнающейся мнимой учености и оградить хотя несколько православный русский народ от явного соблазна, мутным потоком льющегося из уст людей, переполненных этой нескромной, гнилой и фальшивой ученостью. Не здесь и не нам раззудить эту прю между своеволием и долгом, между страстями и законом, между людьми мнящимися быть жрецами науки и воспитателями народных масс и между людьми, поставленными самим Богом блюсти истинное народное благо. Но мы чувствуем на себе обязанность возвестить вам, православные христиане и любезные соотечественники, что зло отнюдь не в знании, и что здравая и зрелая наука может быть даже усердной пособницей

и покорной служительницей религии. Потому то один из древних и ученейших отцов Церкви философию и вообще здравую науку называл даже руководительницей ко Христу (св. Климент Александрийский). Зло в том, как мы сказали выше, когда человек или не зрел и насчет многого не имеет основательных знаний, а ему кажется, что он стоит наверху научного ведения; или, когда он действительно знает много, но не имеет руководительного светоча, когда он пресыщен и подавлен обилием своих знаний, но не в силах разобраться между ними, не знает на чем ему сосредоточиться, и потому с жадностью бросается на все новое, надеясь в этом новом найти свой светоч и свою умственную точку опоры. Так было в древности с афинскими учеными, так бывает и с нашими. Следовательно, наша первая забота должна состоять отнюдь не в том, чтобы придавлена была наука, а напротив, чтобы создана была и расширена у нас здравая и основательная наука, и чтобы как можно меньше выходило бы из наших школ полуобразованных и недоученых людей. Изобретать для этого меры и средства лежит конечно первая ответственная забота на правительстве; но и на нас лежит священная обязанность помогать ему нашим сочувствием, нашею покорностью его планам, а не мешать противоборством, кривотолками и раздраженной критикой его распоряжений, имеющих целью поставить наше научное образование на серьезную и здравую стезю, хотя быть может и с сокращением некоторых вольностей и льгот учебных, пользоваться и злоупотреблять которыми приобыкли у нас столь многие охотники из незрелых, ленивых и даже слабоумных людей. Надо горячо молиться нам, чтобы Господь умудрил и вразумил вождей и представителей нашей науки, и открыл им истинные и верные средства к усовершенствованию ее в нашем обществе, и в то же время дал бы им силу и бодрость неуклонно идти к предположенной цели, не смотря ни на какие враждебные противодействия, на крики и вопли людей неблагонамеренных и самолюбивых, или же только заблуждающихся насчет истинных мер к преуспеянию нашего отечественного просвещения.

Вторую нашу заботу должно быть то, чтобы в обществе нашем был достаточно обилен и достаточно ярко горел тот светоч божественный, во свете которого и может только узреть свет сама наука и мудрость человеческая, – иначе сказать: чтобы побольше было в наших храмах науки и во всех нас богобоязненности, религиозности и истекающей отсюда нравственной чистоты и добронравия. Обыкновенно думается, что упадок нравственности в обществе и развитие в нем пороков происходит от недостатка в обществе научного образования и просвещения. Правда, невежество сильно благоприятствует порочности; но еще более правда, что и на оборот – эта порочность, это отсутствие страха Божия и развращенность сердечная имеет весьма губительное влияние и на самую умственную область человека, заносит порчу и гниль в его убеждения, и таким образом возвратно действует на самую науку человеческую, и может давать ей даже превратное направление.

В самом деле, если на наших глазах так много примеров, что обуявшая человеком страсть внушает ему соответственные мысли и слова, и что сердечные склонности человека создают ему убеждения, то мы с полным правом и с большим вероятием может сделать такое предположение: «будь люди богобоязненнее, религиознее и чище по нравственности, тогда несомненно светлее был бы их ум, а следовательно и ярче горел бы у них светоч научный, шире было бы их просвещение, и может быть в неизмеримое число раз быстрее бы пошло все вообще умственное развитие человеческих обществ». Отсюда вытекает наша прямая обязанность: прочно устроить и упорядочить себя в нравственно-религиозном отношении. Этим мы можем оказать наилучшее содействие правительству в его заботах и мероприятиях к преобразованию и очищению научной области в нашем отечестве, и к поднятию в нем уровня здравого просвещения. Содействие наше будет, по-видимому, не прямое и отдаленное от научного дела, но тем не менее живое и действенно. Если мы приучим пленять, во-первых, свой разум в послушание разуму Божию и откровенным истинам веры и устроим свою жизнь по Евангелию, если потом успеем

зажечь искру страха Божия в детях наших, если возревнуем, чтобы горела и разгоралась эта святая искра во всех наших учащихся воспитанниках и юношах, то этим мы приготовим новые и лучшие семена для насаждения у нас здоровой и истинной науки, и приготовим для нее плодотворную почву. Возращенные на этой почве и воспитанные в страхе Божиим, под нашим руководством и на наших глазах, новые деятели науки может быть узрят истинный свет во свете Божиим, и озарят своими благотворными научными трудами многие темные доселе стороны человеческой жизни, и таким образом окажутся не противниками, а деятельными сотрудниками богооткровенной религии Христа Спасителя и учрежденной Им на земле Церкви, этой благодатной и таинственной воспитательницы человеческих обществ.

Наши труды и усилия, направленные к этой благородной и святой цели, будут конечно самым дорогим верноподданническим приношением от нас благочестивейшему Монарху нашему, и совершенно совпадут с его царственными заботами о благе дорогого отечества нашего. Среди этих забот конечно не может быть для него выше и ответственнее как та, чтобы народ его был в то же время поистине и народом Божиим, т. е. шел бы в своем развитии прямым и истинно-человеческим путем, – именно путем гражданской чести, доброй нравственности и религии, и чтобы образованные и научные классы общества были в этом отношении благодетельно руководственными и истинно просветительными классами для остального народа. Когда он, год тому назад, возлагал на себя царский венец, и пред престолом Божиим и вслух народа своего исповедывал свою непоколебимую решимость употребит все свои силы на благо вверенного ему обширного русского царства: то вместе с сим призывал к содействию себе и в благопоспешение своим царственным трудам и весь свой христолюбивый и православный народ русский. О, если бы в возрождении и всеобщем поднятии нашего народного духа, в нашей святой ревности по вере и благочестию христианскому, поскорее осуществились ожидания и надежды августейшего отца нашего возлюбленного отечества! Самое прочное и самое

широкое народное благо было бы тотчас же отыскано, и началось бы осуществляться на наших же глазах. «Господи, силою Твоею да возвеселится царь наш, и о спасении Твоем да возрадуется зело! Желания сердца его даждь ему, и хотения устен его – не лиши его!» Аминь.

Слово в день Успения Божией Матери (15 августа 1884 г.)

Воспоминая сегодня блаженное успение Пресвятой Богородицы, мы должны, по мысли и намерению Св. Церкви Православной, во-первых, прославить праздничными и хвалебными песнями отошедшую от нас видимо, но и в успении Своем нас неоставляющую Матерь Господа нашего, а, во-вторых, – ликовствующим духом своим подвигнуться к тому, чтобы укрепить и усилить наше единение с Нею через посильное подражание Ее богоподобным качествам. В первом деле руководила и руководствует нас сама Христова Церковь, оглашая слух наш разнообразными священными гимнами, которые составлены богомудрыми мужами и песнопевцами в похвалу и честь Матери Божией, вошедшей, после успения Своего на земле, в неизреченную и вечную славу Божественного Сына Своего на небе. Во втором деле поруководить вас, братия и сестры о Христе, лежит обязанность на нас, ваших пастырях духовных. Какое же качество чистейшей души Богоматерней избрать нам для сегодняшнего слова, чтобы научиться подражать Ей? Дивны и многочисленны эти качества. Нет добродетели, нет ни одного вида ее или оттенка, которой высочайшим образцом не была бы Пренепорочная Матерь Господа нашего.

Все, что мы знаем о Ней из священных книг или из предания Церковного, все достойно нашего всецелого подражания и глубочайшего благоговения. Хотим ли мы стяжать веру в Господа Бога и преданность Его Св. воле, хотим ли научиться терпению, возревнуем ли о христианском смирении, возжелаем ли украситься чистотой и целомудрием души и тела, решимся ли обучить себя иной какой либо добродетели, – во всех этих случаях мы должны взирать на светоносный лик Пречистой Девы Марии, и из Ее жизни заимствовать правила для своей жизни и для своего поведения. Но иногда устрашает нас высота образца и наша чрезмерная отдаленность от него по нашим немощам душевным, а с другой стороны наше мирское и

многомятежное положение в жизни, тысячами нитей нас привязывающее к земле с ее нуждами, огорчениями, трудами, а равно и с развлекающими удовольствиями, и вообще с ее суетой. Иногда думается по этому поводу, что мирские люди, при всех своих усилиях, могут достигать только до невысоких степеней нравственного совершенства, и что для них обязательна и возможна только подходящая им особого рода и, так сказать, низшего качества добродетель.

В этих рассуждениях много несправедливого, но есть нечто и справедливое. Что для мирских людей закрыт доступ к высшим степеням нравственного совершенства – это несправедливо. Из сказаний о житиях святых мы знаем много совершенно обратных примеров, так что святые пустыnnики и отшельники посылаемы были голосом Божиим учиться иным добродетелям у мирских рабов и рабынь Божиих. Но что есть все-таки некоторые высшие советы евангельские для избранных и довлеющих к сему подвижников Христовых, не обязательные для прочих последователей Его, – это справедливо что не все, даже и благочестивые люди, достигают одинаковых степеней добродетели, но разнятся в этом отношении также, как звезда от звезды разнствует во славе, и что поэтому и Господь со всею справедливостью воздаст на последнем суде Своем комуждо по делом его, – это тоже справедливо; даже и то, что между самыми добродетелями есть разница в качествах и свойствах, не смотря на общее связующее их внутреннее единство, что есть, так сказать, нарочитые добродетели житейские, и это можно допустить. Что ж? Станем учиться и в этом отношении у Матери Господней. В пророчественном псалме многочисленные нравственные совершенства Ее изображаются под видом царственной ризы, изукрашенной золотом и разнообразными драгоценными камнями. (Пс. 44:14–15). Если же не для всех нас доступны бриллианты высших христианских добродетелей, то поищем для себя других ценностей и красот в блистающей ризе нравственных совершенств богоневестной Девы Марии, и постараемся стяжать их по мере сил своих. Таков между прочим перл достолюбезной скромности – этой невидной и не блестящей можно сказать добродетели, но всем доступной и

поистине украшающей житейские отношения между людьми, отсутствие которой вносит в эти отношения так много горечи, нестроения и мятежа. Есть особенный повод говорить об этой добродетели именно в нынешнее время, когда у нас под именем гласности развился в общественной жизни злой недуг писательской болтливости и злоречия, а в частной и семейной жизни издавна существует недуг междоусобного сплетниченья, – эта несносная и легкомысленная страсть трубет о жизни и деяниях ближнего и собственные наблюдения над ними преувеличивает под влиянием личных чувств и возрений, а чужие рассказы о текущих событиях до искажения украшать своей собственной невоздержной фантазией. Итак, слово наше будет о скромности.

Эту добродетель надо отличать от смирения, к которому она весьма близка, но имеет свой самостоятельный и отличительный характер. Смиренный человек избегает говорить о себе самом и своих достоинствах, и не иначе, как с великим смущением выслушивает от других хвалебные о себе отзывы, строго относясь к своим собственным недостаткам и немощам, ясно сознавая и тщательно наблюдая их, чтобы от них освободиться самодеятельным усилием своей воли. Эти благородные усилия не только не мешают, а напротив помогают ему отдавать должное чужим достоинствам и смягчать чужие недостатки ради этих достоинств. Вот в чем состоит смирение! «Что я несовершенен и несостоятелен во многих отношениях, – это я очень хорошо знаю на сколько же ценны мои добрые качества и какого достоинства приписываемые мне заслуги, – это наиболее всего сомнительно для меня самого», – вот речи и рассуждения смиренного человека! И можно понять легко, какой бы рай Божий воцарился на земле, и какая любовь объединяла бы всех людей, если бы они были смиренны, и как безостановочно и быстро шло бы вперед их взаимное и всестороннее усовершенствование! А потому и Писание Царствие Небесное провозглашает неотъемлемым и прямым наследием *нищих духом*, т. е. смиренных людей.

Скромность есть более простая, так сказать, добродетель, хотя и она, к сожалению, есть далеко не обычное достояние

людей, и уже поэтому одному весьма ценна, а по внутреннему своему значению и по влиянию на взаимные отношения людей поистине драгоценна. Если смиренный человек не любит говорить о себе во избежание самохвальства, то скромный человек особенно опасается говорить о *других* во избежание злоречия и унижения ближнего. Он немногоречив вообще, главным образом из опасения как-нибудь стать в противоречие с истиной и быть проводником и распространителем какой-либо лжи; а этой ложью, как известно, оказывается великое множество непроверенных истин в торопливых и спешных рассказах людских о том, что бывает и случается в жизни. Даже о самой истине скромный человек не всегда считает себя в праве говорить, если, напр., он на сие не уполномочен, или когда это могло бы быть преждевременным и не безразлично отозваться на судьбе и на делах ближнего помимо его воли, сознания или согласия. Таким образом, если добродетель смирения и кротости проистекает из великого чувства христианской любви к ближнему и из сознания собственных несовершенств; то скромность может проистекать из простой деликатности и чувства приличия, а также из уважения к истине, хотя может быть прямым следствием и смиренных чувств в человеке. Скромный человек всегда более или менее серьезен и солиден, и не позволяет себе истрачивать богатство внутреннего своего содержания в празднословных речах и неустанном говорении о непрерывно изменяющемся множестве видимого и слышимого, после которого (говоренья) нескромным людям так часто приходится сожалеть и раскаиваться во многих своих словах, иногда невольно и почти бессознательно у них вырывающихся, но уже назад не возвращающихся. Такая деликатная осторожность в слове и рассудительная собранность духа, впрочем, отнюдь не чуждая обходительности и ласковости в беседах, внушает глубокое и искреннее уважение к людям, запечатленным скромностью. То, что выдается ими за истину, так и принимается слушающими в случаях спорных и сомнительных от них ждут решающего слова, которое всегда бывает растворено солию зрелости и искренности убеждения. На их честное слово всегда можно

положиться, им безопасно можно верить тайну души и открыть свое сердце, от полноты чувств ищущее высказаться в откровенной беседе, или найти облегчение в постороннем теплом участии. Они сумеют соблюсти секрет, случайно им доставшийся, и не злоупотребят неосторожно вырвавшимся словом своего собеседника или знакомого. В своих же собственных беседах они не будут ставить своего «я» средоточным пунктом разговора, и не будут подвергать испытанию чужой деликатности утомительными, хотя бы и правдивыми повествованиями о себе, особенно с затаенными целями самовосхваления. Согласитесь сами, как бы упростилась, и, если можно так выразиться, обезхитрилась бы наша жизнь, и каким бы тонким ароматом деликатности и искреннего взаимного снисхождения растворены были бы взаимные отношения между людьми, если были бы они скромны, а не празднословны и многословны, и если бы этими недостатками своими не увлекались так часто даже к злоречию о других и к надоедливому и горделивому самовосхвалению себя. Между тем недостаток скромности в людях и их неумеренность в слове в высшей степени отяжеляет для них же самих жизнь их, вносит искусственность и лицемерное двуличие во взаимные их отношения, и опутывает их обычаи многочисленными правилами опасливой осторожности друг перед другом, и пока человек горьким опытом не изучит этих правил, он предварительно должен испытать множество неприятностей, а иной по складу своего характера и по природному простолюбию нрава своего целую жизнь должен терпеть и много терять от людей вследствие собственной речистости или точнее – неосторожности в слове и от нескромного многословия посторонних людей. И выходит что же? Хотелось бы, напр., спросить кого-нибудь или посоветоваться насчет чего-нибудь? Нет, прежде запасись справками, как отнесутся к твоему делу, и потому библейский мудрец внушает: *не советуйся со всяким глупцом в этом отношении, ибо он не может умолчать о деле* (Сир. 8:20). Хотелось бы предаться любимому занятию какому-нибудь, или продолжить начатое нужное дело? Но нет, не всегда это можно;

ибо если есть при этом что-нибудь только до тебя касающееся, то лучше, – как советует тот же библейский мудрец, – *при чужом не делай тайного, ибо не знаешь, что он сделает, увидевши твое дело* (Сир. 8:21). Пришла к тебе минута откровенности, и сердце ищет дружеских излияний. Но нет, остерегает тот же мудрец, осмотри сначала окружающих тебя людей и *не открывай всякому человеку твоего сердца, чтоб он дурно не отблагодарил тебя* (Сир. 8:22). И так далее. Во что же от всего этого обращается жизнь наша, и не делается ли она от людской нескромности похожей на движение и деятельность со связанными руками и ногами? Итак надо, надо нам учиться достолюбезной скромности и деликатной воздержности речей и об себе, и о ближних, чтобы и себе не вредить и ближним не мешать просторно и свободно жить на свете.

Высочайший образец этого воздержания в слове или скромности мы можем видеть в лице Матери Божией. Когда святой обручник Ее Иосиф заметил, что Она сделалась непраздною и не знал, что подумать об этом событии, и даже стал помышлять Ее бракоокрадованною; то не всего ли естественнее было ожидать, что Она Сама для защиты Своей чести первая рассеет горькие недоумения святого старца? Однако же, получив благовестие и обстоятельное объяснение от Архангела, как должно было совершиться зачатие и рождение от Нее безневестной Сына Божия, но не получив в то же время полномочия объявлять об этой тайне другим, Пречистая Дева Мария считает Себя обязанною соблюдать скромность и молчать до последней крайности о Своей тайне, которая могла бы мгновенно и оправдать Ее и успокоить нареченного мужа Ее. И Она соблюдает эту тайну в сердце Своем и хранит молчание до тех пор, пока сам Ангел Господень объяснил Иосифу, что зародившееся в приснодевственной утробе невесты его от Духа есть Свята. Здесь столько же велико смирение, сколь дивна скромность и сосредоточенность духа Пречистой Девы Марии. Много было и других обстоятельств, и случаев в жизни Пресвятой Богородицы, когда Она видимое и слышимое Ею более слагала в сердце Своем, по замечанию Евангелистов, чем выражала в слове. И чем важнее было это видимое и

слышимое и чем больше предвещало славы Ей в будущем, тем менее Она позволяла Себе и об себе разглагольствовать по смирению духа Своего, кротости сердца и молчаливой скромности языка.

Как же бы и нам научиться сей привлекательной добродетели скромности, и какие к тому средства? Как есть разного вида и характера болтливость, и разные степени зловредности многоречия; так и средства против них могут быть употребляемы разные. Иногда человек бывает многоречив не злонамеренно, *погрешаем словом не от души*, по выражению священного мудреца, *ибо кто не погрешал языком своим* (Сир. 19:17)? а просто увлекается потоком собственных легких чувств и мелочных мыслей, не останавливающихся долго ни на чем, и потому не имеющих нужды созреть и полнеть в его голове; а потому и он сам готов говорить без умолку, до усталости языка обо всем, что только он видит и слышит. Таковы дети, таковы люди с живым темпераментом и слабым умственным развитием, или даже неглупые, но вследствие поверхностного и неосновательного образования ничем определенным не занятые и никакой серьезной цели в своей жизни не имеющие. Страсть празднословия, одолевающую этих не серьезных и легких людей, библейский мудрец необыкновенно метко сравнивает с болезнями рождающей, которая до тех пор не может успокоиться, пока утроба ее не освободится от плода; а также с пораненными животными, которые от боли неудержимо увлекаются бежать и бежать, как празднословащий болтун – говорить и говорить. Вот слова библейского мудреца: *выслушал ты какое-нибудь откровенное и секретное слово, – пусть умрет оно с тобою; не бойся, не расторгнет оно тебя. Но глупый от слова, рвущегося у него из уст, терпит такую же муку, как рождающая от младенца. Что стрела, вонзенная в бедро, то слово в сердце глупаго.* (Сир. 19:10–12). Самым лучшим средством против описанного недуга нескромности была бы, очевидно, сосредоточенность и собранность духа; а ее можно стяжать предавшись всей душой какому-либо благородному делу, и неослабно упражняя умственные и нравственные силы в каком-либо сродном для себя роде

деятельности. У всякого из нас есть свое дело и свои обязанности, определяемые тем положением, которое мы занимаем в обществе.

Таким образом, если бы мы все были более деятельны и трудолюбивы и с большею строгостию относились бы к своему долгу; то все конечно были бы и более серьезны, а вследствие этого и более скромны, т. е. с большею умеренностью, экономичностью и благоразумием пользовались бы своим даром слова, и наконец вследствие этой скромности, была бы более покойна и счастлива наша жизнь общественная и частная, по слову премудрого; *обуздывающий язык будет жить мирно и ненавидящий болтливость уменьшит зло* (Сир. 19:6), – как оно есть и на самом деле; ибо если ты будешь неудержим и неосторожен в слове по болтливости, то, как говорит тот же мудрец, – всякий конечно *выслушает тебя, но будет остерегаться тебя, и по времени возненавидит тебя* (Сир. 19:9).

Но есть нескромность наиболее зловредного качества, нескромность злоречивая, или нарочито сознательная, когда люди с особенною любовью и увлечением любят вести разговоры по возможности громче и при наибольшем кружке слушателей о чужих недостатках, промахах и вообще о таких делах, которые более или менее позорят и бесчестят тех, о которых ведется речь. Причины таковой нескромности в слове уже более серьезны и можно сказать прямо безнравственны. Здесь уже движет языком говоруна либо личное раздражение, либо завистливая самомнительность, ищущая отомстить оскорбителю, либо унижением неприятного человека успокоить свое мелкое самолюбие, раздражаемое успехами и заслугами соперника. Зависть, гордость и гнев, – вот из каких гнойных и зловонных источников истекает в этом случае нескромность, или точнее, – злостная речистость людей. Не желая в этом перед собою сознаться, нескромные говоруны и глашатаи о чужих недостатках и промахах, иногда только воображаемых и мнимых и созданных клеветой, оправдывают свой недружелюбный словесный задор якобы благородным негодованием против беззаконий обличаемых ими людей и

желанием привлечь на эти беззакония начальственное правосудие, или по крайней мере возбудить против них общественное презрение и негодование. И Боже мой! сколько приходится терпеть и страдать людям совершенно невинным и честным от этой напускной якобы правдивости, а в сущности от недоброжелательного злоречия, от неблагородной склонности все чужое подвергать критике и осмеянию и этой постыдной и мелкой страстишки замечать сучки в чужом глазу, не чувствуя бревна в своем собственном. Особенно тяжела и горька бывает злоречивая нескромность литературная, когда посредством печати подвергаются публичному посмеянию и порицанию лица, и даже целые учреждения – или совершенно неповинные, или далеко не так виновные, как разглашает о них сочиненная сплетня. Там, где именно и требовалось бы братское снисхождение и деликатная скромность, или по крайней мере точное согласие с истиной, там весьма часто и недостает в людях этих благородных качеств. Что говорить? Много творится в нашей общественной жизни всяческого и действительного зла, достойного примерного наказания и горячего публичного порицания. Но сколько бывает по этому случаю и огульной клеветы и непроверенных порицаний, которые, разумеется, никого не исправляют, а только раздражают и обижают честных и трудящихся людей? Вот этого то зла и не было бы, если бы члены нашей общественной семьи были доброжелательнее друг к другу, снисходительнее и справедливее, а следовательно, и скромнее.

В этом случае наилучшие средства приучить себя к скромности обнаруживаются сами собой, и могли бы быть вот какие. Тем, которым еще далеко до великой христианской добродетели смирения по отношению к себе и снисходительности к другим, следует стараться быть по крайней мере справедливыми, т. е. возникающую похоть позлословить о ближнем следует задерживать всякий раз проверкою подлинных деяний и слов ближнего и определением степени виновности его, о которой разглашает молва, а до этой проверки потерпеть и воздержаться в слове. Кажется, это самая справедливая и самая должная, а потому и нетрудная скромность была бы с

нашей стороны. Так же учит и библейский мудрец, говоря: *распроси друга твоего, может быть не сделал он того, и если сделал, то пусть вперед не делает. Распроси друга, может быть не говорил он того, и если сказал, то пусть не повторяет того, Распроси друга, ибо часто бывает клевета. Не всякому слову верь. Распроси ближнего твоего прежде, нежели грозить ему; и дай место закону вышняго* (Сир. 19:13–17). Если бы это правило строже выдерживалось нами, то, как много исчезло бы поводов говорить дурно о ближнем, как сильно ослабела бы в нашем обществе злоречивая клеветливость и воцарилась бы скромность, а за нею пришла бы тишина и миролюбивое спокойствие!

Но самое верное средство сделаться скромным состоит в том, чтобы стяжать христианское смирение и евангельскую любовь к ближнему. Эти великие чувства, даже и при действительных недостатках и ошибках ближнего, заставляют положить руку на уста и не позволяют вырваться ни единому слову осуждения ближнему, а тем более слову раздраженного самохвального порицания его поступков. Ибо может ли находить удовольствие в празднословных речах о смешных сторонах или проступках ближнего тот, кто сам в себе сознает много недостатков и ими огорчается, т. е. человек смиренный? Поднимется ли язык на злоречие и запальчивую бранчивость у того человека, который преисполнен жалости к человеческим слабостям и привык дорожить не своею только, а и чужою честью, т. е. человек христиански-любвеобильный?

Можно сказать даже так, что только смиренный и любящий человек и может быть поистине скромным. Таким образом, если мы еще не победили своей гордыни, и если самолюбие наше еще сильно мешает нам радеть о благе ближнего, то нам и нужно прежде всего заняться собою в этом отношении, чтобы хотя постепенно могла к нам придти достолюбезная добродетель скромности, которая так вскрашивает людские отношения в обществе.

Не на одно молчание осужден, конечно, и смиренный, – иногда обличает и он, и не уклоняется даже от сильных порицаний людских пороков и злодеяний, когда к тому

обязывает его долг и его собственное служебное положение; но самые эти обличения и порицания его растворены всегда бывают любовью и святою ревностью о благе ближнего, и потому не раздражают обличаемых, а лишь назидают и исцеляют.

О пречистая Мати Божия! воззри на немощь душ наших и Сама научи нас скромности и смирению – этим лучезарным качествам, которыми сияла Ты во все время земной Своей жизни!... Аминь.

Поучение воспитанникам семинарии при начале нового учебного 1884–85 г. (23 августа 1884 г.)

Начавши молитвою наш новый учебный год, и призвавши Господа в помощь на предстоящие нам труды, надо нам с вами и назад несколько оглянуться и о предстоящем подумать, чтобы стать твердою ногою на почве нашего учебного долга и делать верные и прямые шаги по стезе своего умственного и нравственного развития в школе. Так всегда при начале какой-либо периодически повторяющейся деятельности ищут уроков и разъясняющих указаний в прошедшем, чтобы эта снова начинающаяся деятельность при этих указаниях обновилась к лучшему и исправилась, если замечалась в ней какая-либо кривизна и отклонения от надлежащего и царственного пути правды и добра.

Если обратимся к прошедшему учебному вашему году, то для нас много было в нем отрадного. Мы видели усиленные умственные труды и безукоризненное добронравие многих из вас и утешались ими, много видели даже борцов и, если можно так выразиться, рыцарей добра, благородства и чести в самом чистом христианском смысле этих слов, заявлявших свое достолюбезное для нас и строго нравственное направление – даже в то время, когда ближайшая и соседственная среда сотоварищей давала увлекающие поводы свихнуться на их сторону. Дай Бог, чтобы плодилось и множилось среди вас число этих прекрасных юношей, этой соли вашего ученического общества, дающей ему жизнь, крепость и здоровье. Но тем прискорбнее вспомнить, что рядом с такими отрадными явлениями были и другие совершенно обратного свойства. И об них-то всего больше настоят неприятная надобность говорить для вашего вразумления и предостережения именно теперь, когда учебный год только что начинается. Ибо что говорить много о том, что уже само по себе хорошо? Но следует рассудить теперь с вами же о том, что у вас было худо, чтобы его больше не случилось.

Всего заметнее, и потому всего прискорбнее высказались для нас два главные уклонения в вашей среде, т. е. в худшей половине ее, от прямого и уставного пути вашего ученического развития, – именно: стремление учиться и развиваться секретным и непозволенным способом, посредством чтения книг не из нашего книгохранилища и без нашего одобрения; а во-вторых стремление по своему устроить образ своей ученической жизни по возможности без нашей педагогической опеки и надзора, а на свободе – ничем невозмущаемой и небеспокоймой, особенно со стороны лиц, нарочито для сего поставленных и обязанных глядеть за вами непрерывно. Можно бы указать еще на то досадное обстоятельство, что некоторые из вас считали себя в праве увольнять себя от всяких занятий наукой, не любили никакого чтения ни позволенного и рекомендуемого, ни запретного, а целый год по возможности прохлаждались и развлекались разными шалостями и похождениями. Но явление лени и рассеянности есть обычное явление в школах, над которым подсмеиваются, а следовательно и не одобряют сами же школьники, и следовательно это явление, так сказать, не заслуживает того, чтобы об нем распространяться для вас. Но трудно сказать, что чего хуже и нежелательнее в указанном мною выше направлении, которое рассудилось взять некоторым заблудшим из вашей братии. Говорить об нем нашел я нужным потому, что оно так наглядно дало об себе знать, и так не мало нашло себе сторонников, увлекшихся к совокупному и стадному действию для своих неразумных целей, даже с проявлением грубости и невежественной дерзновенности по отношению к начальственным лицам, что мы вынуждены были долгом и совестью прибегнуть к решительным и последним мерам изгнания из вашей среды той жалкой кучки или толпы, которую нашли наиболее вредною и соблазнительною для вашего общества, а к другим приложены были нами хотя и строгие, но все же временные меры наказания, так как провинившиеся успели показаться нам все-таки более увлекшимися примером других к незаконным и нетерпимым выходкам своеволия и назойливости, чем людьми с

самостоятельной и застарелой порчей нравственной. Как бы то ни было, из всего этого вышло одно только дурное и недоброе нам и вашим родителям огорчения, а вам самим наичувствительные неприятности, для некоторых даже непоправимые теперь. Этот урок из прошедшего, мне кажется, лучше всяких теоретических бесед и нравоучительных разъяснений должен предостеречь вас на будущее время и внушить, что не должны повторяться между вами опрометчивые попытки к непослушанию и своеволию, особенно попытки стадные и совокупные, чтобы еще в большей степени не повторились над вами суровые, хотя и вовсе нежелательные для нас меры возмездия и исправления.

Ведь уж как вы ни толкуйте, как ни хлопчите, а нам нельзя позволить того, что для вашего незрелого рассуждения желательно, – этой самоизмышленной и самоизобретенной библиотеки и этих попыток жить по личным вкусам и похотениям каждого из вас чуть ли не с посягательством наблюдения за делами самих начальников и приставников ваших. Следовательно настойчивость в этом отношении кого бы то ни было из вашей среды, дурно ли хорошо ли учащегося, после того, что случилось в прошедшем учебном году, прямо и без особенных разговоров поведет к удалению их из нашего заведения. Ибо прошла теперь пора послаблений, разных словесных объяснений и вообще баловства, а наступило время деятельных, строго последовательных и раз навсегда верных себе мероприятий. Кто не хочет принадлежать к составу нашей родной духовной школы, пусть идет с Богом туда, где ему кажется лучше; если же он хочет жить и учиться именно у нас, то пусть подчиняется всему, что здесь предписывается, и пусть не рассчитывает, что ему пройдут даром, как может быть до сих пор проходили, какие-нибудь выходки, несвойственные складу и характеру духовной школы и ее воспитанникам. Прошу извинить меня за этот жесткий тон, который слышится в моей теперешней речи и которому в храме Божиим может быть следовало бы гораздо быть мягче. Мне и самому все это неприятно, – но что же делать? Что еще я буду говорить вам в назидание, которое хотелось бы всегда сказать от души, чтобы

остановить вас от дурного и приучить к хорошему? Ведь это мой долг, – и я уж не знаю, как мне исполнять его. Разве не разъяснял я вам тысячекратно, что худо для вас и что хорошо, что вам пристало и что вовсе к вам нейдет и вам не дозволяется, – зачем же вы так мало слушаетесь моих вразумлений? Вот хоть бы о вашем рвении читать книги по секрету от нас и без нашего дозволения, и об этом старании вашем даже организовать свою библиотеку и устроить запретное чтение на правильных, так сказать, основаниях, – ну скажите пожалуйста, можно ли это вам позволить делать? Ведь досадно и прискорбно не то главным образом, что обращающиеся между вами книги прямо вредны что ли, или развратительны, – и вы напрасно думаете, будто мы так смотрим на всякую книгу, попадающую от вас к нам в руки, и может быть даже с негодующей иронией там у себя в своих кружках кричите о нашей отсталости и узкости взгляда на умственное развитие. Это все пустое! Не хорошо и незаконно то, что вы избираете произвольный и притом крайне шаткий и сложный путь для своего развития, а от уставных, серьезных и наиполезнейших трудов научных вы отклоняетесь, и потому вредите себе невероятно, и самым легкомысленным образом меняете на преждевременные, неудобоваримые и неудобоусвояемые, а часто и весьма вредные плоды светской науки, – меняете, говорю, на них самые нужные, самые полезные и благовременные для вас знания. Разве не бывает, что какой-нибудь рьяный читальщик из вашей среды оказывается необыкновенно слабым во всех науках, которые преподаются у нас в семинарии? А ведь этот читальщик, вероятно, мнит себя необыкновенно развитым и серьезное дело делающим, – ведь вот это-то и неосновательно! Разве не случалось, что мнившие себя и простодушно считавшиеся у своих товарищей вождями и передовыми двигателями должны были краснеть и сгорать от стыда, когда в классе пред их же товарищами выяснялась им полная несостоятельность и слабость поданных ими сочинений? Разве не бывали еще случаи, что в самое глухое и ночное время ваши читальщики задорно рассуждавшие о разных более или менее известных

произведениях светской литературы и науки и застигнутые врасплох на месте своих безвременных словоизлияний, затруднялись назвать по имени наши духовные журналы и откровенно признавались, что не брали их даже и в руки? Ведь вот это-то и горько! Впрочем, сколько уже раз вам говорилось это мною? Пришлось вот и еще повторить вам во всеуслышание: «выучись, выучись любезный сначала тому, что положено для тебя в школе, а потом уж и читай что угодно! А до тех пор с тебя строго будет взыскиваться за непослушание»!

Повторять приходится в сотый раз и относительно вашего упрямого и непослушливого искания разгульной свободы и независимости в образе вашей внеклассной и квартирной жизни. Это, вообще дурно говорящее о вас, искание, т. е. собственно способы искания, то и дело увлекают вас, при первых выдающихся случаях и поводах, к назойливости, грубоватому обхождению и к невежественным выходкам, даже в присутствии лиц, пред которыми вы обязаны держать себя почтительно, вежливо и послушно. Следует ли сему быть, – посудите сами! Вот вы все ноете и жалуется, что наше смотрение за вами – инспекция строга к вам, надоедлива с своим надзором, неустанна в своих изысканиях ваших проступков, сурова и не жаллива в карательных мерах и вообще отношения ее к вам иногда доходят якобы до неделикатности. Если-б даже и было это справедливо, то скорее говорило бы плохо о вас же самих, и ни о ком больше. Ибо с деликатными, скромными, послушными и вежливыми можно ли иначе обращаться, как сообразно с этими их кроткими качествами? А исправные и трудолюбивые ученики хоть какую бдительную и строгую инспекцию непременно смягчили бы, успокоили и ослабили; ибо чем было бы ей волноваться и огорчаться при вашей общей или по крайней мере преобладающей добропорядочности? Но видно дело то стоит не так. А если не так, то, за что же и кого награждать сладкими речами, кроткими улыбками, интимно-дружественным или отеческим обхождением? Легко только со стороны и человеку не знающему сказать, что так бы во всяком случае и следовало с вами обходиться, и что этими сердобольными и мягкими

средствами всего бы-де лучше было можно выдернуть из вашего общества все дурное, жесткое и грубое. Но это была бы ошибка, ошибка! Горьким опытом в этом я убедился и буду громко повторять это. Ведь среди вас, оказывается, чрезвычайно есть много людей склонных только злоупотреблять мягкостью и снисходительностью, а не назидаться и смягчаться ими, людей, по характеру и темпераменту и по всей своей природе, грубых, упрямых и, извините за выражение, неотесанных и невежливых. И кто к кому, посудите сами, удобнее может прилаживаться и приноровляться, – мы ли к вашей массе, в которой находится столько разнообразия в характерах, склонностях и привычках, – иди вы к своим начальственным единицам? Вот и теперь, чувствую сам, срывается у меня беспокойные слова; но можно ли говорить спокойно, вспоминая прошлое? Что есть немало среди вас людей с дурными наклонностями к упрямству, непослушанию, лени, сквернословии и даже нетрезвости и прочим нечистым и срамным вещам, вызывающим, очевидно, отнюдь не мягкие и не ласковые меры, – против этого, думается мне, и сами вы спорить много не будете, ибо прошлогодние факты и у нас и у вас еще в свежей памяти, и сами вы еще виднее друг другу, чем нам, со всеми своими нравственными подробностями; и вот кстати здесь будет сказать, что лучшие и добронравные из вас в частных беседах со мною с некоторою покаянною откровенностью заявляли иногда, конечно без указания на частности и личности, что многим и многим нашим духовным воспитанникам нельзя вообще похвалиться высоким уровнем своей нравственности. В чем здесь дело, я даже неясно понимаю и смутно представляю; одно только видно, что хорошего приходится желать гораздо больше, чем утешаться им на самом деле. А разве не в свежей еще у всех нас памяти случаи из прошлогодней летописи вашего поведения, доказывающие, как вы не прочь бываете и огулом брать иногда под свою защиту непозволительные и грубые выходки своих товарищей вместо того, чтобы сторониться от них? Впрочем, что много говорить об этом и будить прискорбные воспоминания, чтобы только тревожиться и огорчаться ими? Сказать остается

одно. Если вы постараетесь быть скромнее и благонравнее; то сейчас же придет к вам и та начальственная гуманность, которую вам хотелось бы все только пользоваться, но которой до сих пор не хочется заслужить. В противном случае вам непременно придется испытывать на себе все новые и новые, а может быть, – чего не дай Бог, и более суровые опыты начальственной строгости. Что это не слова только и не одна педагогическая угроза, кажется, могли бы вас и должны убедить в этом недавние и можно сказать еще не простывшие опыты прошлого года. Ибо как же иначе поступать нам, если вы наших вразумлений и предупреждений не станете слушаться? После наказаний идут у вас обыкновенно слезы, умаливающие вопли и поклоны; и чем наказание строже, тем этих слез и воплей больше. А не лучше ли бы вовсе не доводить себя до этого горького и иногда непоправимого положения? Прошу же вас и вразумляю при начале нового года в следующем: во-первых, учитесь усерднее, но учитесь тому, чему учат вас в школе, а не изобретайте для себя других источников обучения, – прямее сказать: учите усерднее и исправнее задаваемые вам уроки и не тратьте дорогого учебного времени на самоизмышленные пустяки, в роде секретной библиотеки, набитой всяким или ненужным, или несоразмерным с вашими головами хламом. Во-вторых, старайтесь быть скромнее, послушнее и вообще добронравнее в своем поведении. Страха Божия не забывайте и теплого христианского чувства приобретайте себе побольше, – и все пойдет у вас по-хорошему. Вместо всяких других рассуждений о разных нравоучительных материях, которые могли бы иметь отношение к вашему быту и вашему положению в нашей школе, я рассудил нынче предложить вам для назидания самые прямые и откровенные речи о том, что всего ближе может вас коснуться. Захотите вы меня послушаться и взять во внимание мою теперешнюю речь, – хорошо, а не захотите, – худо одно может выдти, большое и может быть не ожидаемое и не предполагаемое вами худо.

Это все уроки из прошедшего. В будущем, и притом не в далеком будущем, предстоит нам новый семинарский устав. Подробности этого устава мы узнаем тогда, когда станем жить

по его правилам; но сущность его вы должны узнать теперь же, ибо в ней заключается полновесное назидание для вас. Все в этом уставе сводится к тому, чтобы из воспитанников семинарии сделать людей наиболее подготовленных к будущему пастырскому их служению; а для этого расширяется преподавание богословских наук и начинается оно даже с общеобразовательных по нынешнему классов семинарии. О нравственном состоянии и настроении духовных воспитанников прилагается особое попечение, и даже выделяются для сего при каждой семинарии нарочитые авторитетные и опытные в духовно-нравственной жизни духовные отцы. Новый устав стремится к тому, чтобы исчез и отошел в область воспоминаний, хотя бы и горьких, тот нежелательный, самовольный и самомнительный, но бедный содержанием и не согласный с церковно-духовною идеей дух, которым стали отличаться за последнее время и действительно отличились многие духовные семинарии, а воспитанники духовные, вследствие отчуждения от своей родной и духовной идеи, стали глядеть вон и вдаль от своих заведений и от духовного служения. Будет дело поставлено так, что кто не наш по духу и направлению, тот должен быть и совсем не наш, т. е. не должен вовсе принадлежать к нашему заведению, а уходить из него туда, где ему кажется лучше. Имеющие из вас разумные уши слышать, пусть это выслушают и поймут. Урок и назидание здесь и для вас и для нас такие, что мы обязываемся с особенною тщательностию радеть и наблюдать не только за вашими учебными трудами, но и по преимуществу за вашим благоповедением, и на основании ваших поступков делать строгий разбор между достойными быть в числе наших питомцев и недостойными, и сих последних отлучать от нашего общества; а вы обязываетесь и призываетесь к тому, чтобы усилить свои занятия преимущественно богословскими науками, а в жизни своей приближаться как можно ближе к идее духовного воспитанника, т. е. быть скромными, терпеливыми в труде, благопокорливыми, вежливыми, целомудренными по душе и телу, – одним словом осуществлять по возможности в своем поведении только то, что истинно, что честно, что

справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, как внушает св. апостол Павел (Флп. 4:8).

К вам наконец обращаю мое слово, наши избранные и лучшие по трудолюбию и благонравию ученики! Вы надежда наша, вы честь и слава своей родной школы, вы сообщаете жизнь и здоровье целому заведению нашему. Но на вас же и лежит обязанность быть светочем и руководственным примером для своих легкомысленных и шатающихся товарищей; вы должны быть самыми ближайшими и самыми строгими по товариществу судьями их порочности и упрямого уклонения от ученического долга. Вы должны создать свою избранную толпою здоровое общественное мнение в нашей школе, которого стыдились бы и боялись празднолюбцы, невежливые грубияны, рассеянные и небогобоязненные и вообще неряшливые в своем поведении ваши товарищи. Великая была бы вам честь и великая заслуга и пред Богом, и пред вашею собственною совестью, если бы вы постарались держаться и успели удержаться на этой высоте нравственного и спасительного влияния на своих товарищей. Я не делал бы этого воззвания, если бы не знал, что к великому нашему утешению в многолюдной нашей семинарской семье есть много дельных, благонравных и крепких добрыми убеждениями юношей. Преобладает, конечно, как и везде, бесцветная и серая масса людей, как говорится, ни-то ни-се, – удобопреклонных туда и сюда и не развитых еще молодых людей и не установившихся школьников, умеющих только стадным образом двигаться за своими вожаками. Тем серьезнее и ответственнее положение тех из вас, которые могут и по своему умственному развитию, и по доброму нравственному настроению быть добрыми попечителями и спасительными советниками для остальных учеников, как старшие братья в общей семинарской семье. Вы и должны быть непременно тем, чем можете. Я знаю, что ролью сторонников, а тем более пособников начальства, ученики даже и первенствующие обыкновенно стесняются, опасаясь заслужить от товарищей обидные подозрения и нарекания; но поймите, что вы свое доброе дело будете делать вовсе не для

нас, а для своих же товарищей и для их пользы. И притом мы приглашаем вас не к какому-либо прямому сотрудничеству, которое вовсе необязательно для вас, или к какому-нибудь вмешательству в наши начальнические дела по надзору за вашими товарищами, а приглашаем вас к свободному, невидимому для нас, но живому и действительному влиянию нравственному на ваших товарищей. Это роль совершенно свободная и притом в высокой степени почтенная и благородная. Даже трудно и представить, чтобы умный и добропорядочный воспитанник, особенно с твердым духом и с характером более или менее крепким, мог безучастно и вяло смотреть на то, что около него делается в товарищеской среде, это было бы не по-братски, не по-товарищески и даже не по-христиански. О твердости духа и крепости характера упомянул я потому, что знаю также, как упрямы, недружелюбны и дерзко небрежны бывают к своим добронравным товарищам ученики, привыкшие ко всяческой распушенности и беспорядочности; можно ожидать от них даже каких-либо оскорблений и неприятностей. Но это может случиться при раздробленных единичных и нерешительных попытках действовать на дурную волю портящихся или уже значительно попорченных лиц; поэтому дурной и грубой толпе надо вам противопоставить из себя также дружно-сплоченную массу благонравных, серьезных и трудящихся воспитанников. Вот нам и желательно, чтобы эта добрая масса среди вас увеличивалась и заявляла бы себя силой, с которой приходилось бы считаться и которую нужно было бы уважать, живущим среди вас дурным элементом.

Помолимся все усердно Господу Богу, чтобы всесильною Своею благодатию Он устроил и среди нас и среди вас все к лучшему!... Аминь.

Слово в день восшествия на престол Благочестивейшего Государя Императора Александра Александровича (2 марта 1885 г.)

Приглашаем вас, благочестивые слушатели, обратить внимание на смысл евангельского чтения, полагаемого Церкви в святительские дни, каков между прочим и нынешний день, в который празднуется память святителя Божия Феодота. В этом чтении всегда повторяется для нас известная притча Христова о пастыре добром, полагающем душу свою за овец, и об овцах мирно пасущихся под бдительным надзором любящего пастыря, а равно и о татях и разбойниках, вторгающихся разными незаконными путями во двор овчий, и о волках, расхищающих и разгоняющих овец, и о наемниках, нерадеющих об овцах при появлении волков. В этих приточных чертах рисуется образ как отдельных обществ Церковных, управляемых святителями Божиими, так и всей Церкви Христовой, стражею и управляемою невидимым и верховным главою ее, Господом Иисусом Христом. Но образ стада, управляемого добрым пастырем, приложим и ко всяким человеческим обществам, устрояемым для достижения каких-нибудь частных добрых целей, и руководствуемым какими-нибудь отдельными идеями блага. Так все политические общества, все государственные собрания людей, рассыпанные отдельными группами по лицу земному, с их отдельными задачами и назначениями в общей истории человечества, самую чистую и прочную идею своего гражданского благоденствия назидательно могут заимствовать из того же евангельского образа о крепко сплоченном и послушном стаде под охраною доброй, самоотверженной и крепкой власти правительственной. Ради нынешнего молитвенного торжества о нашем верховном властителе и монархе, извлечем из евангельской притчи о пасомом стаде и пастыре несколько мыслей и соображений о том, *при каких условиях возможно*

наше истинное и прочное гражданское благоденствие и мирное житие.

Предлагая в своей притче о пастыре добром наглядный образ того крепкого нравственного единения между Собою и своею церквию, тех близких и взаимно доверчивых отношений, какие должны существовать между земными представителями Его невидимой власти и между руководимыми чадами Церкви, при которых только и может быть благоденственно и непоколебимо все общество Церковное, Господь говорит, что как пастырь добрый знает своих овец, так и они знают его, и слушаются голоса его. *Он зовет своих овец по имени и выводит их. И когда выведет своих овец, идет перед ними; а овцы за ним идут, потому что знают голос его. За чужим же не идут, но бегут от него, потому что не знают чужаго голоса. (Ин. 10:3–5).* Так и в обществах гражданских первым условием их политической силы и благоденствия должно быть крепкое, непринужденное и доверчивое единение между правительственною властью и между подчиненными и управляемыми членами общества. Там же, где авторитет правительственной власти расшатан и объединяющая сила его подорвана, где отдельные члены общества, увлекаемые лишь жаждой самоуправления и руководимые только личными своими вкусами и самодельными идеями об общественном благе, мечтают лишь о неограниченном просторе для своих страстей и беспрепятственном приволье для своих социальных измышлений и гражданских причуд, а вследствие всего этого с подозрительною критикою относятся ко всем правительственным распоряжениям, там нет, и быть не может основательных надежд на правильный и здоровый рост этих обществ и на политическое восхождение от силы в силу. Ибо как можно представить правильное и стройное движение там, где руководящая и правительственная власть хочет например двигать свое общество вперед, а оно уклоняется в сторону или направляется назад; или же наоборот: правительство хочет задержать и остановить бурное движение народных страстей, а они вопреки его воле все рвутся вперед и вперед? Некоторые современные государства, даже не без основания хвалящиеся

своим высоким просвещением, могут однако же служить для нас наглядным и печальным примером тех неустойчивых, какие бывают там, где вместо единения существует разъединение между народом и правительством его. Не с тех ли пор стала сокращаться сила и богатство и нашего отечества и омрачаться слава его, как стали умножаться в нем противники верховной власти и проявляться те неистовые крамолы супостатов, об исчезновении которых св. церковь до сих пор принуждена молиться, после мученической кончины покойного освободителя и отца народного Александра 2-го? А все великие деяния и подвиги, совершенные народом нашим и обессмертившие его в истории, не вдохновлены ли были его безграничною любовью к своим государям и благоговением пред их священной властью, как венчаных помазанников Божиих? Поистине так! И покуда будет жить в народе нашем эта вековая любовь к своим государям и это благоговение пред их священной властью, до тех пор надежда на наше всецелое оздоровление и вера в доброе наше будущее будет с нами, и будет основательна. Таким образом, если мы не на словах только, а на самом деле желаем прочного мира и благоденствия своему отечеству; то нашею первою заботою должно быть соблюдение нравственного единения между нами и верховною властью и верноподданническое охранение ее прав и ее достоинства. Эти чувства и это настроение естественно должно поддерживаться в каждом русском человеке уже тем простым соображением, что Государь наш, независимо от его царского помазания, есть родственник нам по крови и единоверный русский человек, есть первейший и независимый радатель всего русского: нашей православной веры, нашей русской национальности, нашего богатства, нашей славы, – всего нашего дорогого. Этим одним соображением должны казаться умиротворяться всякие посторонние и чуждые соображения, которые могли бы быть навеяны неблагонамеренными людьми или книгами, или даже нашими собственными непроверенными чувствами или огорченными наблюдениями над разными неизбежными нестроениями или опущениями в таком большом государстве, как наше. Кто же больше поскорбит об этих нестроениях и

опущениях, как не отец отечества, когда узнает об них? И кто же, как не он, всех больше имеет не только желания, но и средств порадеть об устранении разных русских зол и о насаждении в пределах нашей страны всякого добра и блага?! Таким образом в наших патриотических исканиях добра своему отечеству, а равно и в гражданских скорбях о его невзгодах и неустройствах – не критикой какой-либо, и особенно не горделивой, раздраженной и непослушливой критикой правительственных распоряжений можем мы уврачевать наше государственное зло и создать его благо а отзывчивым послушанием на глас отца отечества, призывающий нас к соответственным гражданским подвигам, подобно тому, как в евангельской притче, овцы отзываются на голос доброго пастыря, и он кличет своих овец по имени и выводит их.

Обращается ли, например, Государь к своему благородному дворянству порадеть о народных нуждах и своим просветительным и благожелательным примером пособить народу в его материальном и нравственном убожестве, – и дворянство должно это сделать, а не уклоняться от этого благородного назначения в самолюбивых исканиях только своих сословных прав и преимуществ и не охлаждаться в своей просветительной деятельности горькими воспоминаниями о сокращении и утрате некоторых своих дворянских льгот и удобств с освобождением народных масс на волю и на свое собственное попечение. Призывает ли Государь сословие, творящее суд и правду в его царстве, к этой именно судебной правде и бескорыстному обереганию человеческих и гражданских прав его подданных, – и оно должно с готовностью откликаться на этот зов, служа одному только долгу, совести и правде Божией и не раболепствуя пред извращенными и новоизмышленными учениями человеческими о правде, не покровительствуя страстям и преступной воле человека и не колебля общественной веры в правду и суд своими опрометчивыми, поспешными решениями и не беспристрастными приговорами. Внушает ли Государь своими правительственными распоряжениями мужам науки и печатного слова, что к слову их доверчиво прислушиваются сотни и

тысячи младших и менее, чем они, зрелых членов государственной семьи, и что следовательно надлежит им крайняя осторожность и рассудительность, дабы не соблазнены были и не повреждены те именно, которых думают развивать и воспитывать научным словом, – и это должно быть послушливо исполнено, и тем охотнее и чистосердечнее, чем больше может выдти зол и бед от их непослушания в этом случае. Спокойная и бесстрастная работа в тиши ученых кабинетов без напрасной траты времени на препирательства с цензурными постановлениями, – вот что нужно для движения науки вперед, а не торопливое ученое разглагольствие в незрелых и недоразвитых народных массах. Зовет ли Государь торговое, ремесленное и всякое другое производительное сословие на соответственные труды и попечения, – и они должны разумно вникать в этот зов и понимать то, что от них требуют, а не стремиться к бессердечной наживе денег, без всяких дум и забот о рабочих массах, без соревнования о возможном усовершенствовании своих материалов, дабы сравниться в сем с образованными иностранцами, дабы умножалось от сего и возрастало не личное их только, а общее народное богатство, и росла бы повсюду гражданская русская честь и слава. Обращается ли наконец государь к служителям религии, к людям духовного сана, облеченным пастьерскою властью, дабы порадели они о духовных и религиозных нуждах общества, дабы учительным словом своим, а наипаче примером жизни своей потрудились поддержать и распространить благочестие в народе, – и они должны приложить к этому все свои усилия, призывая в помощь вседеятельную благодать невидимой главы церкви – самого Христа Спасителя; а не должны погружаться сами в земное и тленное, под предлогом неотвратимости и обширности своих собственных житейских нужд и потребностей, и своею беспечною и нерадением не должны сшивать мягкие изголовья и подушки для человеческой лени и религиозной сонливости по пророческому и библейскому выражению. Вот если бы все-таким образом сословия сочувственно и ревностно стремились на зов венценосного главы нашего отечества и несли бы ему в дар свою безупречную и посильную службу; то

оправдалась бы над нашей обширнейшей, но все еще ищущей своего благоустройства страной, евангельская притча о мирном и счастливом стаде, пасущемся на тучных пажитях под охраною мудрого и доброго царя – пастыря!

Но обратимся снова нашим вниманием к этой евангельской притче, дабы извлечь из нее все заключающееся в ней для нас назидание. Овцам приточного стада, как мы видели, потому хорошо живется, что они находятся в крепком единении с своим пастырем. Но в таком же единении они изображаются и между собою. Это новая черта, или другая сторона приточного стада. Овцы не рассеяны разъединенными группами и не гуляют вдали одна от другой, но все в одном месте, и потому при появлении чужого пастуха, не смотря на хитрые и ласковые призывы его, все как одна бегут от него. Много воров и разбойников приходило к такому стаду в отсутствие истинного и любимого пастыря, но овцы не послушали их; чужой и непривычный голос этих хитрых лицедеев не увлек их; ибо фальшь его, может быть не безопасная для некоторых отдельных членов и отбившихся овец, тотчас же сказала и почуялась для целого и объединенного стада. Так, – вторым условием благоденствия и для гражданских обществ, условием их безопасности и силы политической, должно быть крепкое общение и единение между его составными частями. Должно быть что-нибудь связующее его различные сословия и служебные области; должно быть нечто скрепляющее даже всех отдельных членов его, не смотря на их разнохарактерность и может быть разноплеменность. Этим связующим и объединяющим началом, конечно, прежде всего должно быть *крепкое национальное чувство*. Так, например, мы русские люди до тех пор не дождемся внутри своего государства полного развития своих политических сил, до тех пор не поставим себя на подобающей нам высоте в ряду других просвещенных народов, не смотря на внешние и видимые связи с ними, до тех пор, наконец, не оградим мы себя от нашествия разных непрошенных учителей и развивателей наших, – этих волков в овечьей коже, этих татей и разбойников под видом радельных пастырей, пока не научимся дорожить, как

священным, всем, что есть коренного и хорошего русского, пока не придем к сознанию своего мощного национального духа и его потребностей и не отучимся преклоняться пред всем, что заклеяно иностранною печатью. Пора бы, кажется, нам исцелеть от этого давнишнего нашего недуга слепого благоговения пред всем иностранным в унижение своего родного; но справедливость требует сознаться, что мы все-таки больны этим недугом. Всякую безбожную иностранную книгу мы и до сих пор не только с удовольствием прочтем, но и переведем на свой родной язык и готовы распространить ее учащенными изданиями по всей своей родине. Всякую новомодную теорию, изобретенную за границей, хотя бы прямо противогосударственную, мы готовы усвоить и головой и сердцем, и для проведения ее в общественное сознание и по сие время рады бываем учреждать целые нарочитые литературные органы. Говорят, что и самые-то финансы наши много страдают, между прочим, от излишнего поклонения экономическим учениям, созданным чужеземною наукою. Так случается у нас и во многом другом. Впрочем, слава Богу есть, кажется, у нас и признаки возрождающегося национального духа; но все же люди, смело и открыто заявляющие себя в этом духе, не пользуются еще сочувствием большинства. Все еще тянуть на заграничный запад и там искать источника всяческого просвещения для нашей родины считается у нас первым признаком истинного ума и образованности; а радеть о своем русском и находить недостатки в иноземном все еще считается признаком отсталости и некоторой даже тупости. Отсюда возникла и еще крепко держится политическая рознь между членами нашего русского общества; дух партий и вражда между ними выражается довольно сильно в наших литературных органах, и конечно только зловредно и губительно может отзываться и в самой жизни. Не оттого ли все реформы прошедшего славного царствования, благодетельные по своему замыслу и по своим идеям, не принесли всех своих благих плодов, что проводились они в русскую жизнь без применения к ее коренным потребностям и совершались под влиянием враждебности разных политических кружков и людьми

разъединенными между собою по убеждениям и взглядам на то, что должно считать истинно полезным для русского общества и что нет.

Вторым связующим нашим началом, дабы мы русские люди не изображали из себя разъединенную и разнохарактерную толпу народную, в виде разбредшихся по разным распутиям овец, а походили бы на благоденствующее евангельское стадо, на благоустроенный народ с известным отличительным характером, или же на здоровый организм, в котором все отдельные члены живут общею жизнью, – таким скрепляющим началом должна быть наша вера православная. Известно, что ничто так сильно не движет сердцем человеческим и ничто так не волнует всей душой его, как религия; ибо предметом и содержанием ее служат самые дорогие и священные для человека истины, от которых зависит вся его судьба, в особенности будущая загробная судьба, и по такому или иному отношению к этим истинам устрояется весь склад и порядок всякой отдельной человеческой жизни. Бесхарактерность и изменчивость людская, это непрерывное их колебание между долгом и собственными выгодами, между требованием совести и личными удовольствиями, эта постоянная измена наша своим внутренним убеждениям, эта, можно сказать, ежечасная рознь между нашими от чего? Именно – от недостатка религиозности! Тот человек, в душе которого глубоко и прочно стоят религиозные основы, находит в самом себе неистощимый запас сил для всякого рода деятельности; дремать и спать он не любит, слово у него сходно с делом на нем примечается определенная физиономия, запечатленная силой и отличающая его от массы других колеблющихся и поверхностных людей, которые одно говорят, а другое делают, и больше всего любят именно говорить, дел же добрых ждут и требуют всегда от других, более их сильных людей, которые не прохлаждаться и рассуждать только умеют, но и работать и действовать. Это именно люди религиозные; ибо они живут для Бога, а не для людей, которых легко обмануть одною видимостью добрых дел они же руководствуются в своей деятельности не мелкими какими-нибудь и земными соображениями, а самыми чистыми,

святыми и небесными. Таким образом если бы все мы сделались порелигиознее, то и наша гражданская жизнь поднялась бы в своем значении и своей силе, стряхнула бы с себя вялую сонливость и косность, очистилась бы от многих недостойных и грязных дел, и украсилась бы единством самых благонамеренных, святых и чистых целей. Это сразу бы нас сделало могучим и сильным обществом и сплотило бы нас во единый согласный и здравствующий во всех отношениях организм народный. Но религиозное начало внесло бы единство не только в нашу деятельность нравственную, но объединило бы нас и единством настроения, или гражданским взаимным сочувствием, которое проистекало бы из единой веры и близости и общности нашей друг к другу. Господь Спаситель наш сказал, что где будет сокровище наше, там будет и сердце наше. Если же наивысшим и священнейшим сокровищем души человеческой по справедливости остается ее религиозная святость, ее сокровенные убеждения и заветные верования; то естественно, что ничто не может так крепко соединять людей, как единство их религиозных верований, и наоборот ничто так глубоко не разобщает людей, хотя бы объединенных политически, как разность их вероисповеданий. Не из этого ли вероисповедного единства, не из этой ли любви к вере православной черпали свою несокрушимую силу и мощь наши благочестивые предки, когда выходили на брань с иностранными врагами и внутренними недругами русской народности? И не она ли, не эта ли преданность вере православной вместе с любовью к царям православным создала политическое величие для нашего отечества? Следовало бы нам, по обстоятельствам нынешнего времени, наиболее чем когда-нибудь подражать в религиозной ревности нашим предкам; ибо опередивши их во многом на пути просвещения и гражданственности, мы при многих случаях и во многих делах оказываемся далеко позади их насчет политической предусмотрительности ибо все надеемся создать свою политическую силу лишь единством образования, единством гражданских прав для всех разноплеменных народностей, составляющих обширное наше царство, а также

общностию разных гуманных государственных мероприятий для всех политических наших собратий и сограждан по обитанию на русской земле. Но при этом мы забываем, что ничто не приведет нас к общению и не создаст нам политической силы, если мы будем равнодушны к своей вере, и может быть даже непрочь содействовать успехам и процветанию чужих вер в нашей родной стране по особому рода нашему национальному свободомыслию; забываем, что всеми благами гражданственности и самыми широкими политическими правами никогда не обратим мы к себе сердца и искреннего сочувствия людей, хоть и русских по обитанию вместе с нами в одной земле, но чужих нам по вере; что до тех пар, пока соотечественники наши не суть православные христиане, до тех пор в большинстве случаев они и не могут быть названы и вполне русскими. Первый искусительный случай откроет их истинные чувства и подлинное настроение, особенно там, где они живут в соприкосновенности с пограничными и разноречивыми нашими соседями. Даже так, что чем развитее и выше по гражданственности какая-нибудь община, живущая в пределах нашего отечества, но разноречивая с нами; тем она ненадежнее так сказать для нас в смысле политического с нами общения. После неоднократных исторических уроков пора бы нам в этом окончательно убедиться. Пора бы принять к сердцу ту истину, что накрепчайшее единение между народами может быть основано на единении религиозном, а равно и то, что наибольшую живучесть и силу всякой национальности сообщает ее вероисповедная сила. Это очень хорошо понимают там, где хотят например унижить и если можно истребить вовсе русскую и вообще славянскую народность; там чаще и фанатичнее всего воздвигаются на наших же просвещенных глазах гонения именно на православную русскую веру в том справедливом расчете, что с исчезновением ее пропадет и русская народность. Конечно, мы не учим этими словами подражать фанатизму некоторых недружелюбных нам общин или племен; но хотим внушить однако же, что сколько естественная, столько же и священная наша обязанность — ревновать о своем собственном вероисповедании, как о наивысшей и

драгоценнейшей святыне; заботиться о том, чтобы в пределах по крайней мере нашей собственной родины была полная возможность расти, укрепляться и расширяться нашей православной вере, и чтобы устранены были все неблагоприятные и мешающие сему обстоятельства, – и как же иначе сему быть? Люди холодные и равнодушные к вере вообще говорят обыкновенно по этому случаю, что примешивать к делам политическим и государственным дела религиозные есть дело не безопасное, не гуманное, и даже не религиозное. В устах таковых людей эти слова означают только то, что им действительно нечего примешивать, ибо у них вовсе нет никакой религии, никакой вероисповедной особенности; что своя, что чужая вера, – им все равно. Но как же государственному мужу и истинному сыну своего отечества, если он человек цельный и имеющий крепкие религиозные убеждения, проникающие всю его душу, как возможно ему двоиться и оставлять в стороне то, что для него всего дороже, при каких бы-то ни было мероприятиях и рассуждениях о делах своей родины? Это ненатурально! Иное дело, какими мерами проводить религиозные вопросы в жизнь государственную, и какие средства употреблять для защиты и ограждения прав своего родного вероисповедания, – насильственные или справедливые, жесткие или кроткие. Выбора и сомнения здесь конечно и быть не может. Но чтобы совсем забывать о религии, когда решаются вопросы государственные и общественные, – это неестественно и невозможно для людей сколько-нибудь религиозных, любящих свое отечество, и не смутно, а ясно понимающих, какое огромное влияние может иметь религия на дела общественные и гражданские. Сам Господь Спаситель, сказавший, что Царство Его не от мира сего (эти слова Господни любят особенно повторять политики, равнодушные к религии), велел однако же Своим апостолам, по Его собственному примеру, настойчиво, не избегая всяческих истязаний и не боясь даже самой смерти, проповедовать народам и племенам, возвещать царям и владыкам принесенную им с неба религию; проповедь же апостольскую называл уловлением человеков в Свое невидимое Царство, в

смысле положительного и прямого и притом настойчивого влияния на совести людей и их убеждения; а преобразование и обновление грешного и заблудившегося мира людского Своим учением и всею Своею искупительною деятельностью Господь назвал победою; *держайте*, говорит, *яко Аз победих мир* (Ин.16:33). А победа, как известно, предполагает брань и борьбу, т. е. вообще усиленную и напряженную деятельность, хотя бы и в самой мирной области религиозной. Вялым и сонливым отношением к самым возвышенным и просветительным идеям можно ли что-нибудь хорошее сделать для общества? Между тем люди сильные и могучие столько же верой, сколько и любовью к отечеству, суть истинные сыны его и могут быть самыми благодетельными его преобразователями.

Сводя в заключение весь смысл настоящего поучения нашего к нескольким кратким словам, мы просим вас запомнить и потрудиться исполнить в жизни своей следующее правило, если вы хотите истинного блага своему отечеству: «мы должны быть в крепком единении, во-первых, с верховною властью, а, во-вторых, с самими собою. Условием для первого единения должно быть наше искреннее повиновение и служба за совесть, а не за страх только; а для второго единения потребно прежде всего наше живое национальное чувство любви к России, а наипаче всего живое и деятельное религиозное чувство и ревность к православной вере русской».

О, если бы Господь поскорее успокоил нашу страну, умиротворил бы нас с самими собою и крепко объединил бы и с венценосным монархом нашим, дабы было в нашем православном русском царстве едино стадо и един пастырь! Аминь.

Слово при открытии памятника над могилою князя Пожарского (2-го июня 1885 г.)

В настоящие скорбно-торжественные минуты молитвенного поминовения одного из великих героев русских с особенною силою восстают прискорбные воспоминания о тех неурядицах и опасностях, которые приходилось переживать нашему отечеству в начале 17-го столетия. Сердце содрогается при чтении исторических сказаний об этом ужасном времени. Кровь русская лилась потоками. Честь русская была унижена, богатства русские разграблены, святыни поруганы, самая столица русская очутилась в руках хотя единоплеменных, но неправославных и высокомерно презиравших все русское поляков; род царей русских пресекся, престолом русским после самозванцев готов был завладеть католический польский король; вера православная была в сильнейшей опасности, и наша правоверная Великороссия конечно испытала бы те же истязания и те же кровавые гонения за православную веру, которые допустил Господь испытать за нее единокровную и единовенную нам Малороссию и Белоруссию под гнетом польских королей и римских пап. Но как ни тяжки были тогдашние грехи русского народа, Господь помиловал его и отвел удары своего праведного гнева рукою двух доблестных русских мужей, подвигнувших своим примером все русское общество на бескорыстные подвиги любви к вере и на мужественную защиту гражданской русской чести. Эти мужи были, как известно, нижегородский гражданин Козьма Минин и наш суздальский родич приснопамятный князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Сегодня близь места вечного упокоения сего родича нашего и при открытии могильного памятника, воздвигнутого ему благодарным русским потомством, с особенным усердием мы русские люди, и в особенности мы населяющие области Владимирскую и Суздальскую, должны помолиться об упокоении в вечных обителях небесных души усопшего раба Божия князя Дмитрия. Да покрывает его Господь,

после славы земной, вполне им заслуженной, превосходнейшею славой небесною за совершенные им подвиги любви к своим соотечественникам и за безбоязненную ревность о славе святейшей веры православной!

Но после молитвы самую лучшею данью любви и благодарности нашему православному русскому витязю и спасителю нашего отечества в смутную пору его должно быть с нашей стороны подражание его мужественной любви к отечеству и его святой ревности по вере. Как действовал он, как мыслил и чувствовал в годину бедствий нашей родной страны, так должны по возможности поступать и мы, и так же быть настроены и тем же вдохновляться духом, как и он. И писание божественное, заповедуя нам поминать наставников и образцовых предшественников наших, заповедует непременно подражать вере и делами их, которыми ознаменовано было окончание жителства их. Неудобно было бы предлагать теперь подробное описание славных дел приснопамятного князя Пожарского; возьмем в свое назидание одно это великое чувство его любви к отечеству и поучимся от него, как надобно по надлежащему любить нам свою родину. Спокойствие, здоровье и самую жизнь свою приносил в жертву благоверный князь Дмитрий во главе истинно русских людей, когда потребовалось все это для спасения погибавшего отечества нашего. Так же нелицемерна, так же крепка и деятельна должна быть и наша любовь к родине, когда она позовет нас на борьбу за свои священные права, за свою честь и достоинство и за общее наше сокровище – св. веру православную. Впрочем, наш патриотизм для своего проявления не должен дожидаться каких-нибудь непременно вызывающих и чрезвычайных обстоятельств, например подобных тем смутам и бедствиям нашего отечества в 17-ом столетии, во время которых прославился и стал историческим лицом князь Пожарский. Нет, во всякое время мы должны и можем быть горячими и любящими сынами своего отечества должны воспитывать это чувство наиболее всего в мирное и спокойное время усердным и нелицемерным исполнением своего долга, какой каждому из нас назначен родом его жизни или службы, дабы, когда

потребуют от нас обстоятельства каких-нибудь видных и чрезвычайных подвигов, мы оказались бы для них вполне способными и приготовленными. Ведь и князь Пожарский потому конечно оказался таким доблестным мужем в минуты опасности своего отечества, что велика была его обычная и постоянная доблесть душевная, что христианским воспитанием в благочестивой семье привито было еще прежде к его сердцу религиозное чувство и благоговение к церкви Божией, что гражданская честность и земское благородство с бескорыстием знакомо и обычно ему было еще до совершения им великого исторического подвига для своего погибавшего отечества.

Но дабы яснее неопределеннее сознать нам, чего именно требует от нас любовь к отечеству по примеру доблестного сына России и блаженного князя Пожарского, о душе которого собрались мы сегодня творить молитву на его могиле, не худо вспомнить нам поподробнее о том, что творилось в русской земле в так называемое безгосударное время, когда жил и действовал князь Пожарский, дабы яснее видеть и усерднее избегать того, от чего главным образом произошло тогдашнее страшное потрясение всего русского общества.

Крайнее развитие произвола, необузданные чувственные страсти, алчность и корыстолюбие отдельных личностей с забвением общего гражданского блага, попрание законов и разобщение с правительственной властью, – вот первое тогдашнее зло, из которого родились дальнейшие бедствия нашего отечества. Многочисленные шайки всякой безначальной вольницы разгуливали безнаказанно по земле нашей. В судах творилась явная неправда и издевательство сильных над слабыми, вызывавшие горькие жалобы на правительство. Семейное начало сильно расшатано было развратом и грубою чувственностью народной толпы так что любому искателю приключений легко было собрать вокруг себя множество подобных себе развращенных людей, под условием обещания им всяческих политических льгот и независимости от властей, и вести эту разнузданную толпу на борьбу с правительством. То было время самозванцев и различных разбойнических атаманов, с шайками которых приходилось то и дело бороться

самой Московской столице. Времена, конечно, теперь изменились. Той грубости и варварства нравов, равно как и того безначалия и беззакония, которое открыто занималось грабежом и насилием, нет уже. Но в утонченном и изощренном и так сказать приличном виде всего этого, как известно, весьма довольно и теперь. То и дело приходится слышать о разорении одних от алчности и нечестности других. То и дело повторяются случаи самой бесстыдной растраты казенных и земских капиталов. То и дело повторяются злонамеренные и сознательные банкротства, осуждающие на нищенство целые тысячи неповинных и доверчивых людей. А роскоши и неумеренности в образе жизни, доводящей столь многих до разных преступлений, а легкости нравов и развращенности обычаев с забвением всего святого и возвышенного, — кто скажет, что у нас нет всего этого, или очень мало? Напротив, не отсюда ли происходят, между прочим, эти повсюду слышимые жалобы на всех и на все, это всеобщее наше оскудение и недовольство современным положением вещей? Это чаемое исцеление как бы от гнетущего всех какого-то гражданского недуга? Не здесь ли причина и того, что так горько не оправдались надежды общества на благотворную и широкую деятельность наших земцев, которых то и дело упрекают и печатно и устно в разных родах беспечности и разных опущениях, а также и в привычке радеть больше о своих собственных, чем общественных интересах? Из всего этого могут выдти и теперь, а отчасти уже и вышли или выходят, разнообразные бедствия для нашего отечества, и даже великие государственные потрясения, подобные тем, которые испытала Россия во времена князя Пожарского. Таким образом наша любовь к отечеству требует от нас во-первых строгого сознания и соблюдения нашего долга гражданского, нашей честности и бескорыстия на службе обществу в тех родах и видах ее, в каких Господь поставил каждого из нас. Надо воспитать нам в себе неуклонное и повиновение правительственным распоряжениям не только за страх, но главным образом за совесть так, чтобы ближним нашим и целому обществу от служебной и гражданской деятельности нашей выходило

прямое благо, а не ущерб. Пусть возрастает и наше личное благо; но во всей нашей деятельности должна быть проведена и свято соблюдаема граница между *моим, твоим и общественным или казенным*.

Вторым злом ужасного времени, в которое жил и подвизался доблестный князь Пожарский, было отсутствие законных государей на престоле русского царства. В отечественной нашей истории так и называется это время безгосударным. По смерти царя Иоанна Васильевича Грозного некоторое время правил царством русским, под руководством боярина Бориса Годунова, сын Грозного – Феодор. Когда же и он скончался, а царевич Дмитрий – тоже сын Грозного убит был злодейскою рукою в Угличе; то погасла последняя отрасль древних царей русских, и на престол вступил, по народному избранию, боярин Борис Феодорович Годунов. Народная молва обвинила его в убийстве царевича Дмитрия, и эта молва окрепла даже в истории русской, хотя преступление Годунова, не доказано пред судом строгой исторической критики. Да будет ему судьей сам праведнейший Господь Бог! Но все же дом Годунова не утвердился на престоле русском. Сам он внезапно скончался, а сын его убит в народном мятеже. Затем восходит на престол царей русских самозванец Лжедмитрий, объявивший себя спасшимся царевичем Дмитрием Угличским. По убиении этого обманщика возводится на престол партией своих приверженцев князь Василий Иванович Шуйский, который и четырех лет не мог усидеть на престоле русском. Является второй самозванец, известный в нашей истории под именем Тушинского вора, а по свержении князя Шуйского настала так называемая *семибоярщина*, т. е. Москва за всю Россию присягнула на некоторое время верховной думе, состоящей из семи знатнейших бояр. Вот это время и было самое опасное и мятежное. Народ русский распался на враждебные партии. Одни хотели подчиниться второму самозванцу, другие хотели пригласить на престол русский неправославного польского короля, и только третья, можно сказать истинно русская партия, во главе которой стоял патриарх Гермоген, хотела непременно, чтобы избран был на престол русский кто-нибудь из лучших и

православных русских бояр. Господь помог превозмочь этой третьей партии, и на престол русский вступил родоначальник ныне царствующего дома Романовых – Михаил Феодорович. Но пока это случилось, пока не усмирены были русские мятежники и не прогнаны были из Москвы засевшие в ней и зверствовавшие там поляки сильною дружиною нашего родного князя Дмитрия Михайловича Пожарского, – Россия волновалась подобно бурному морю. Потоки русской крови лились беспрерывно, всякие грабежи и насилия совершались невозбранно не только по отдаленным городам, глухим селам и деревням, но и в самой столице. Россия казалась погибающею. Жизнь и благоденствие возвратились ей лишь с того времени, как прочно утвердилась в ней снова самодержавная и православная царская власть. Из всего сказанного извлекается для нас урок, и притом самый сильный исторический урок и наглядное указание, чего еще требует от нас любовь к отечеству, – это преданности и верноподданнической службы нашим православным государям. В нашем крепком единении с царем заключается и наша сила государственная и благоденствие общественное. Ничто так крепко не может объединить народ и так могущественно действовать на него, как верноподданническая любовь и благоговение к священной особе монарха, который одним своим царским и отеческим словом может подвигнуть своих верных сынов на самые великие жертвы и на самые напряженные подвиги в минуты какой-либо опасности для отечества. Но и в обычное мирное время ничто и никто не может внушать миллионам отдельных общественных единиц столько доверия и повиновения, сообщать столько крепости законоположениям и правительственным распоряжениям, как священная особа самодержавного государя, ни от кого независимого бескорыстного, любящего народ свой и имеющего все средства созидать его благо, не стесняясь никакими сторонними коварными и зловредными для народа влияниями. Это очень хорошо понимают враги нашего общественного порядка и наши политические зложелатели; и потому для успеха своих противугосударственных замыслов они прежде всего затевают подземную и скрытную борьбу против

наших государей, селятся ослабить и поколебать народное чувство благоговения к их особе и этим путем надеются посеять государственную смуту. Противопоставим всем этим замыслам современных крамольников нашу крепкую любовь и преданность нашему Государю и будем воспитывать эти чувства в наших детях, и покуда не исчезнут в конец в нашем отечестве все видимые и невидимые крамолы наших супостатов, будем молиться вместе с церковью о нашем благочестивейшем Государе, да ничтоже успеет враг на него, и сын беззакония не приложит озлобити его!...

Но самую бедственную, можно сказать чертою смутного времени, в которое суждено было жить доблестному князю Пожарскому, было крайнее расслабление религиозного чувства в русских людях. Забвение Бога, разврат и равнодушие к своим национальным святыням до того было сильно, что оно равнодушно были предаваемы осквернению и разграблению своими же русскими буйными и грубыми толпами. Присяга стала простым обрядом без значения. Одни и те же люди без зазрения совести целовали крест то царю Борису, то самозванцу, то князю Шуйскому, то опять какому-нибудь неизвестному проходимцу. Где казалось привольнее жить, где самые грубые и животные страсти предвидели более для себя пищи, туда народ, позабывший Бога, и устремлялся. Даже и тогда, когда в виду погибавшей Москвы, очутившейся в руках иноземцев, сказалось наконец униженное национальное чувство в русских людях и собралось народное ополчение для спасения столицы под предводительством Рязанского воеводы Прокопия Ляпунова, – и тогда гибель русского царства еще не устранилась; ибо это народное ополчение еще не было воодушевлено чистым и святым чувством веры и не было объединено беспримесною любовью к родине, созреваемой под осенением религии. Сам воевода этого ополчения погиб в борьбе с отдельными предводителями и казацкими атаманами, спорившими из-за первенства и корысти. Наконец тогда уже, когда одно только чистое религиозное чувство русского народа, униженное и оскорбленное до последней степени на всем пространстве русской земли то иноземцами, то своими же

развратниками, казалось и с силою заговорило в избранных и лучших русских людях, когда из грамот рассылаемых из Свято-Троицкой Лавры города и веи русские с ужасом поняли, что гибнет вместе с нарядною честью и православная вера, когда под влиянием этих грамот и под наитием святой ревности по вере составилось новое ополчение и устремилось под Москву с князем Пожарским, когда самая алчность казацких таборов устыдилась церковной утвари, высланной им вместо денег из оскудевшей Троицкой Лавры; тогда только под дружным напором русского народа, единодушно ставшего на защиту своей веры и своих святынь, враги его рассеялись и были прогнаны, внутреннее спокойствие в государстве нашем постепенно восстановилось, и все опасности одна за другой миновались.

Какого еще сильнее нам нужно вразумления из истории, что св. вера Христова, когда свет ее светит в умах людских и когда священный огонь ее объемлет сердца людей, бывает спасительницею их в самых неотвратимых по-видимому опасностях, и что ею зиждется не только спасение душ их, но и устронется наше государственное благоденствие, и что под ее осенением растет и политическая наша сила? Если бы в сей час в сем священном и древнейшем православном храме русском и возле могилы одного из православнейших и наилучших сынов России князя Дмитрия Пожарского вняли мы сему уроку истории и положили бы себе священным обетом возлюбить всей душой и сердцем нашу православную веру, то это было бы наилучшею с нашей стороны данью благоговения и благодарности к памяти сего великого мужа и истинного сына России. Между им и подобными ему истинно русскими людьми и между нами тогда только и может установиться прямая национальная связь, когда мы воодушевлены будем тем же духом веры и тою же ревностию о православии, какою горели они и с какою совершали свои подвиги для нашей отечественной страны. Если-же не будет на челе нашем сиять печать Христовой веры, а в сердце нашем не будет ощутима искра ревности о православии то не можем мы и называться истинно русскими людьми. Все наши речи о благе своего отечества и все наши

порывания к этому благу будут лишь празднословием и бесплодным мечтанием об этом благе.

Милосердый Господи Боже наш! Сотвори вечную память рабу Твоем приснопамятному князю Дмитрию и упокой душу его в селениях праведных, а нас молящихся о нем потомков его одушеви тою же завышенною и чистою любовью к нашей отчизне, в которой горит светильник возженной Тобою веры православной, какою пламенела душа сего доблестного князя; и возрасти в нас ту же гражданскую доблесть и земское бескорыстие и ту же нелицемерную преданность законной правительственной власти, какими прославился он пред лицом всей русской земли! Аминь.

Поучение воспитанникам семинарии пред началом нового учебного года (28 августа 1885 г.)

Непрестанно воспоминаю о вас в молитвах моих, чтобы Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы, дал вам Духа премудрости и откровения к познанию Его, и просветил очи сердца вашего, дабы вы познали, в чем состоит надежда призвания Его, и какое богатство славного наследия Его для святых (Еф. 1:16–18)

Юным детям и возрастающим юношам пред началом их учения весьма прилично повторить эти благожелательные слова апостола Павла, которыми он приветствовал Ефесских христиан. Потому-то, конечно, вы и слышите эти слова всякий раз при начале своего учебного года в апостольском чтении, положенном Церкви на молебном пении «при начатии учения отроков». Выбрав и узаконив такое чтение на все подобные случаи, Христова Церковь, наша всеобщая воспитательница и учительница, очевидно хочет выразить ту мысль, что самую высшую и последнюю целью всякого обучения должно быть познание Господа Бога, приближение к нему и устремление духа человеческого в ту неземную область, где ждет его истинно разумная и блаженная жизнь в общении с источником всякого ведения Господом Богом, Все иные цели суть низшие и служебные. А ту науку и то обучение, которое забывало бы эту высшую цель свою и даже отвращало бы учащихся от богопознания (есть всякие обучения!), церковь и не благословляет, и отнюдь не берет под свое покровительство. Таким образом мое самое горячее желание вам, духовные воспитанники, будущие избранные служители Христовой Церкви и пастыри духовные, дабы вы успевали в новом своем учебном годе главным образом в боговедении и в богоприближении, и дабы все ваши труды учебные, все ваши помыслы и вся ваша жизнь в нашей школе сводилась и направлялась провидением Божиим к этой именно высшей цели всякой науки, которую разумеет апостол, хотя бы эта цель не всегда ясно и не всегда

близко имелась у вас в виду по вашей еще юности и духовной незрелости.

Если вы вникнете в благожелательные слова апостольского приветствия, которыми св. церковь приветствует и вас пред началом ваших учебных трудов; то усмотрите, что успехи в достижении высших целей обучения возможны лишь при благодатном пособии и воздействии от Господа Бога на органы душевной восприимлемости к обучению, на ум и сердце человеческое. Так что, если Бог Господа нашего Иисуса Христа Отец славы не даст человеку Духа премудрости и откровения к познанию Его; то человек этот так и останется в неведении Бога, при самых счастливых умственных своих способностях и при богатстве научных сведений, которыми наполнена может быть его голова. Что много всегда было, чрезвычайно много и теперь есть таких слепотствующих умников и безбожных ученых голов, что выходят они часто из высших и считающихся лучшими и образцовыми учебными заведениями, – это вы конечно слышали и сами знаете. Точно также, если благодать Божия не просветит очей сердечных в человеке, которыми человек только и может видеть и постигать очень многое, что совсем даже недоступно горделивому и пытливому уму его; то человек так и останется сухим, бессердечным и тупым существом к постижению всего, что касается сокровенных и возвышенных тайн его духа и его высшего человеческого назначения. Эти окованные сердцем в мудрости люди, по изречению псалмопевца, так и остаются с своим материальным, низменным и животным направлением во всю свою жизнь, хотя бы около них раздавались самые громогласные поведания небес о славе Божией, и хотя бы о творениях рук Божиих возвещала непрерывно твердь небесная пред самыми их многоученными очами. Закованное, как в броню железную, в эгоизм и чувственность, сердце их совершенно теряет восприимлемость к глаголам Божиим. Безвкусие ко всему духовному и возвышенному у них полное; равнодушие и даже отвращение к требованиям религии у них страшное. Какой прок, спрошу я вас, для таких несчастных людей в их обучении и умственном развитии, хотя бы оно было самое широкое и самое

многообразное? Стали даже вообще говорить, что с развитием наук и умножением учености в людях слабеет их вера, умножается скептицизм и отрицание христианских догматов, а жизненная развращенность приобретает лишь бесстрашное спокойствие, ибо изобретает для себя разные научные оправдания. К сожалению, это справедливо, и именно для тех людей, которые учатся и развиваются вне благодатного осенения свыше и которым отказал Господь *в духе премудрости и откровения к познанию Его*. Как это ни грустно, а нужно признаться, что таких людей нынче расплодилось масса. Их соблазнительные речи повсюду раздаются, их заражающими примерами окружены мы со всех сторон, их книжные ученые труды печатаются в тысячах экземпляров и жадно подхватываются легковерною молодостью для прочтения. И все эти люди вышли большею частью из разных школ, и в тот самый период жизни, который вы теперь переживаете, сидели подобно вам на учебных скамейках. Вот что страшно и что внушает разные опасения за вас и что побуждает нас пред началом вашего учения молить Господа молитвенными словами апостола Павла об его ефесских учениках, *дабы Бог Господа нашего Иисуса Христа Отец славы дал вам духа премудрости, и откровения к познанию Его, и просветил бы очи сердца вашего!* Кроме указанных примеров ненормального научного и умственного развития есть у нас, откровенно говоря, перед вами и свои домашние поводы для опасений и неуверенно-тревожных забот о вашем обучении и воспитании. Разве не знаете вы сами, что в вашей массе попадают такие личности, что что им ни говори, как ни усовещивай их, как ни стыди и ни грози, – а они все свое? Все у них какое-то не хорошее на уме, все их тянет с позволения сказать, к каким-то мерзостям и пошлостям, и заботы о своей порядочности, по-видимому, нет у них никакой. Мы им внушаем: «учитесь как можно прилежнее», – а они шалости и ничегонеделанье с обманом наставников чуть ли не считают какою-то заслугою и молодечеством и похваляются им пред своими более скромными и усердными товарищами. Мы их учим: «будьте вежливы и деликатны», – а они как будто нарочно

невежничают и даже рисуются своею грубостью и не опустят случая устроить втихомолку и из-за угла какую-нибудь неприятность и огорчение своим воспитателям. Мы настаиваем: «будьте целомудренны в жизни, чисты в помыслах и скромны в словах», – а они дозволяют всякие сальности и любострастные выходки на квартирах и в школе, походя похабничают в слове и находят умным острить разными неприличными, то площадными, то оскорбительными надписями на стенах, на партах и где приведется. Мы хлопчем внушить страх и отвращение к хмельным удовольствиям, как к делу и вообще непотребному, а для духовных юношей совершенно непристалоу, – а они устраивают винные пирушки по секрету и в недоступное время для приставленного к ним надзора, и учащая эти секретные пирушки и непристойные хмельные дурачества, и в самом деле некоторые привыкают к вину и выходят из заведения с готовыми несчастными задатками недостойного священнослужительства по селам и деревням православного русского народа, вместо ожидаемого от них просветительного пастырства. Мы привлекаем их к точному и искреннему исполнению обязанностей религиозных и хотим освоить и сроднить их с церковными обрядами и уставами, – а они обо всем этом не радят, а некоторые наслышавшись и начитавшись всякой книжной тли кощунствуют втайне, самохвально надевая на себя жалкую тогу якобы крепкоголовых отрицателей и неверов, не замечая в ребяческой самомнительности, что тога эта совершенно им не по плечу, т. е. не по голове и не по уму и вообще не по сану. Что вы скажете про все это сами? Не правда ли, что про таких воспитанников нельзя сказать, что Господь даровал им Духа премудрости и откровения к познанию его? А напротив, надо сказать про них, что они стоят на ложной дороге, которая к добру и к Богу их не приведет! Много ли, мало ли таких личностей в вашем обществе, а если они есть, – то вот и скорбь нам большая, а вашему обществу стыд и срам великий. Таким образом, любезные воспитанники, вашею первою заботою в наступившем учебном году должно быть то, чтобы снискать от Господа Бога ту благодать и того Духа Божия, который отверзает умственные

очи человеку и, касаясь невидимо его сердца, содействует его правильному и всестороннему развитию и делает истинно благородным и истинно образованным человеком, и без которого все усилия и ваши и наши об вашем образовании могут пропасть задаром и не иметь никакого успеха. Как снискать сего? Усердною молитвою, тихим и кротким своим поведением. Просите неослабно Господа своими юными устами и старайтесь заслужить его милость своими делами, дабы он «милостивно призрел на вас и ниспослал в сердца, во ум и во уста ваши Духа премудрости, разума же и благочестия и страха своего, во еже скоро прияти и спешно навикнути божественного закона Его, даровати вам здравие и долголетны вас сотворити к созиданию и славе церкви своей!» Господь услышит вас, когда вы будете от души и сердца взывать к нему и своим поведением будете доказывать, что вы усиленно ищете не той премудрости, которую апостол называет земной, душевной и бесовской, и которая сопровождается завистию и сварливостью, а премудрости сходящей свыше, которая *во-первых, чиста, потом мирна, кротка, послушлива, исполнена милосердия и добрых плодов, безпристрастна и нелицемерна* (Иак. 3:17).

Что касается далее – ваших учебных обязанностей и трудов в наступающем новом лете вашем; то кроме общих и обычных внушений о прилежании и усидчивом терпении в книжных занятиях, я должен указать для нашего назидания на два обстоятельства, по преимуществу новые, с которыми вы встретитесь в нынешнем учебном году. Да будут для вас эти обстоятельства вразумлением свыше, и как бы указанием от самого провидения – того, на что вы должны устремить преимущественно свои учебные труды. В самом деле, кроме внутреннего и таинственного воздействия на сердце человеческое своею благодатию, Господь руководит человека еще и видимыми указаниями, слагающимися из обстоятельств его жизни. Разумный человек и верующий христианин не должен пропускать без внимания этих указаний напротив должен изучать их, уразумевать их смысл, и руководствоваться ими в своей жизни. Так следует поступить и вам. А вас вот что новое ожидает, – это новый семинарский устав. Самая крупная для

вас новость этого устава состоит в том, что науки богословского характера и содержания получают в нем преобладающее и господствующее значение. Как число учебных часов, так и количество преподавателей по этим предметам в нашей семинарии значительно увеличиваются. Некоторые богословские предметы вводятся в тех классах, где прежде были только предметы общего образования. Наконец вводятся некоторые совершенно новые богословские предметы. Все это направляется очевидно к тому, чтобы по выходе из семинарии вы чувствовали себя с довольным запасом тех именно знаний, которые от вас потребуются прежде всего, и без которых нельзя быть дельным и знающим пастырем церкви. И в самом деле, если успех каждого дела зависит много от нарочитой предварительной подготовки деятелей; то и ваше будущее пастырство много облегчится для вас и пойдет успешнее, если вы более к нему будете приготовлены в школе. Надобно правду сказать, что до последнего времени духовные воспитанники по характеру своего образования были лицами какого-то смешанного вида. За светскими школами по своим учебным программам они не могли угнаться, хотя многие из них стремились в эти школы по своим наклонностям или житейским соображениям. Но и в своих специальных предметах они далеко не все то знали, что могли бы гораздо основательнее изучить и узнать в средней духовной школе для своей ближайшей цели, т. е. для пастырства и священства. А между тем большинство духовных воспитанников с этою, так сказать, недоученостию все же поступало в духовное звание, и течением сословной жизни все же направляемо было на обычный путь священно-служения. Для образовательных целей духовного звания здесь была только одна потеря; ибо пробелы богословских знаний, столь нужных для просветительной и учительной деятельности каждого священника, весьма трудно уже могут быть пополняемы в жизни и во время самой службы священнослужительской. С обязанностями этой службы настоит, как известно, для каждого священника множество и других неотложных обязанностей, например семейных, хозяйственных и проч. И потому образовательные пробелы для большинства наших питомцев

так и оставались пробелами и на их последующей духовной службе. Да и для самих духовных школ прежний порядок вещей сопряжен был с потерей и немаловажным вредом. Ибо ученики наши держались в каком-то колебательном положении, и до известных классов многие из них, и даже лучшие не знали, что им делать и куда направлять себя, – для светской, или для богословской науки. Теперь должна быть положена одна определенная печать на ваше образование. Как по своему призванию, так и по образованию вы призываетесь быть только *духовными воспитанниками*. Возьмите же это за руководящую для себя идею и воодушевитесь этой благородной и святой идеей. Должно быть так угодно Господу Богу! Должно быть сам Господь зовет вас к этому течением современных обстоятельств и совершившимся преобразованием наших духовных школ! Многим хорошим следует, конечно, помянуть прежний семинарский устав; но много и нежеланногоросло и созрело в период его действия в нашей духовно-учебной области. Да будет сему нежеланному конец с нынешнего учебного года; и да дарует нам Господь утешение видеть в среде вашей под влиянием нового устава новое нарождающееся поколение истинно духовных воспитанников – скромных, благородных и трудящихся, и притом знатоков своего ближайшего дела! Вторая важная новизна учебная, ждущая вас в нынешнем году, состоит в том, что вы призываетесь к усиленной и правильно организованной педагогической деятельности. При семинарии открывается образцовая народная школа с отдельным учителем и законоучителем, с нарочито выработанными для нее программами и с своим отдельным расписанием ежедневных учебных часов. По утрам в свободное время, которое нарочито будет выделяться вам расписанием ваших собственных учебных часов, вы будете присутствовать в этой школе, присматриваться к ходу и приемам обучения и учиться, как учить детей первоначальным и основным предметам обучения, а по вечерам сами будете упражняться в обучении с ними и руководить их в приготовлении уроков. Цель всего этого та, чтобы по окончании курса своего обучения вы выходили из семинарии с довольным запасом не только богословских знаний

для просветительного влияния на народ и для борьбы с врагами и затемнителями православной народной веры, но и с довольным запасом практической опытности в деле школьного обучения крестьянских детей. Ибо пастырю церкви надлежит быть не совершителем только богослужения и разных церковных треб для своих прихожан, – для этого вам вовсе и не стоило бы так долго учиться в семинарии, а можно было бы ограничиться вам простой грамотностью или начетничеством, – а следует пастырю быть преимущественно учителем и просветителем народа; ибо совершителем таинств может быть самый простой и некнижный человек. По потребностям нынешнего времени учительство и педагогическая опытность от пастыря церкви требуется прежде всего и больше всего; ибо народное обучение признано всего естественнее и всего безопаснее вверить православной церкви и ее служителям, т. е. духовным отцам сельских людей, – а вы к этому-то служению и приготавливаетесь всем учебным строем вашей семинарской школы. Воодушевитесь же этой благородной и могущей принести обильнейшие благие плоды мыслию, что вам следует быть между прочим и воспитателями и учителями народными, и что для этого следует вам сознательно, добровольно и усердно запасаться и сведениями и опытностию, необходимыми для будущей вашей учительской деятельности среди народа. И прежде ценилась пригодность и способность учеников семинарии к школьной учебной деятельности в народных школах, даже многим из них отдавалось преимущество в этом отношении пред воспитанниками, готовившимися к учебной деятельности в нарочитых учительских семинариях. Но многие из вас все-таки теряли много прав и не могли преимуществовать в школьном деле над народными учителями при всем своем преимуществе над ними в образовательном и умственном отношении. Теперь в стенах семинарии дается вам возможность специальной подготовки к учебной деятельности в народных школах, – и вы не опускайте этой дорогой возможности. Православный русский народ не забудет вашей просветительной услуги для его детей; а Господь зачтет ее в великую заслугу и пред собой. Сколько было посягательств на

народное образование со стороны непризванных просветителей народа! Сколько делалось ими скрытых и лукавых подходов, чтобы сеять на народной почве плевельные семена малоценного и безрелигиозного обучения! Но народ чуял душой и сердцем своим простым и верующим, какого духа его непризванные просветители, – и большею частию отвертывался от них. Вы, духовные воспитанники, выступаете теперь как новые ратники и труженики в деле народного образования, на которых может вполне положиться правительство и которых должен полюбить и оценить народ; ибо вы будете сеять одни только чистые и здоровые семена просвещения народного в духе религии и православной русской национальности. Темный и простой, но крепкий верою и верный преданиям православной отечественной старины, народ сельский ждет вас, как желанных миссионеров своего религиозного просвещения. И вы можете исполнить это высокое служение и совершить этот великий подвиг, – где и как – вы думаете? А вот в народной школе посредством азбуки! Господь да будет вашим помощником! Аминь.

Примечания

¹ - В слав. переводе: ненавидящие гордости.

² - Преподавателю Владимирской губернской гимназии Иосифу Матвеевичу Седлаку. Присоединение его в православной церкви совершено в пансионской гор. Владимира церкви 26 марта 1877 года.

³ - Слова, сказанные 20 октября 1818 г. Приб. к Ж. М. Нар. Просв. 1846 г. ч. 2.

⁴ - Русск. Речь янв. 1880 г. стр. 199.

⁵ - Русск. Речь янв. 1880 г. стр. 227.

⁶ - Василию Леонидовичу Федоровскому и Надежде Ивановне, урожденной Альбицкой.

⁷ - Борису Ивановичу Алабьеву и Марье Владимировне Акинфьевой.